ISSN 2072-6414 (Print)
E-ISSN 2411-1406

Учредители:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Уральского отделения
Российской академии наук
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 22 (вып. 3)
2026

Founders:
Institute of Economics
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Ural Federal University

EKONOMIKA REGIONA (ECONOMY OF REGIONS)

ACADEMIC JOURNAL

Vol. 22 (Issue 3)
2026

Экономика региона Научный журнал
Том 22, вып. 3 (2026)

ISSN 2072-6414 (Print)
E-ISSN 2411-1406

Журнал издается с 2005 г., выходит ежеквартально. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ №ФС77-64999 от 04 марта 2016 г.

Журнал включен в список изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований по специальностям:
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
5.2.4. Финансы (экономические науки);
5.2.5. Мировая экономика(экономические науки).
Журнал включен в следующие базы данных: Белый список, Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), DOAJ, RePEC, CitEc, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI, eLIBRARY.RU, КиберЛенинка, ROAD, Proquest, Open Alex.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат авторам статей и редакции и распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию.
Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.
Требования к оформлению статей размещены на сайте: www.economyofregions.org.
Статьи принимаются на рассмотрение через электронную редакцию на сайте журнала.

Учредители:
ФГБУН «Институт экономики УрО РАН».
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д.29.
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Издатель:
ФГБУН «Институт экономики УрО РАН»
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29,
тел. +7(343) 371-45-36, сайт: www.uiec.ru.

Партнер:
ООО «УГМК-Холдинг»

Членство издателя в организациях:
Ассоциация научных редакторов и издателей, АНРИ (www.rassep.ru).
Committee on Publication Ethics, COPE (www.publicationethics.org).

Главный редактор:
Лаврикова Юлия Георгиевна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
Приглашенный редактор:
Кузнецов Алексей Владимирович, член-корр. РАН, д. э. н., ИНИОН РАН (Москва, Россия)
Заместители главного редактора:
Акбердина Виктория Викторовна, член-корр. РАН, д. э. н., Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
Тургель Ирина Дмитриевна, д. э. н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Редколлегия:
Агарков Гавриил Александрович, д. э. н., Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
Али Мохаммед Махбооб, PhD (макроэкономика), Дакская школа экономики (Дакка, Бангладеш)
Бетти Джанни, PhD (экономика), Университет Сиены (Сиена, Италия)
Бинда Яцек, доктор экономики, Высшая школа финансов и права Бельско-Бяла (Бельско-Бяла, Польша)
Бостан Ионель, доктор экономики, Университет Штефана чел Маре Сучавы, (Сучава, Румыния)
Винт Джон, доктор экономики, Университет Манчестер Метрополитан (Манчестер, Великобритания)
Головнин Михаил Юрьевич, член-корр. РАН, д. э. н. Институт экономики РАН (Москва, Россия)
Гринберг Руслан Семенович, д. э. н., Институт экономики РАН (Москва, Россия)
Дребенштедт Карстен, д. э. н., Горный институт Фрайбергской горной академии (Фрайберг, Германия)
Крюков Валерий Анатольевич, академик РАН, д. э. н., Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия)
Кумо Казухиро, доктор экономики, Университет Хитоцубаши (Токио, Япония)
Лаженцев Виталий Николаевич, член-корр. РАН, д. э. н., Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
Лексин Владимир Николаевич, д. э. н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Никитенко Пётр Георгиевич, иностранный член РАН, д. э. н., Институт экономики НАН Беларуси (Минск, Беларусь)
Пилясов Александр Николаевич, д. геогр. н., МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
Порфирьев Борис Николаевич, академик РАН, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Романова Ольга Александровна, д. э. н., Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)
Савин Иван, д. э. н., Автономный университет Барселоны (Барселона, Испания), Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
Санчес Антонио, PhD (экономика), Университет Валенсии (Валенсия, Испания)
Сика Эдгардо, PhD (управление технологиями и инновациями), Университет Фоджи (Фоджа, Италия)
Сохаг Кази, PhD (экономика), Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)
Торр Андре, доктор экономики, Университет Париж-Сакле, Европейская ассоциация региональной науки (Париж, Франция)
Федотова Марина Алексеевна, д. э. н., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)
Хиса Эглантина, доктор экономики, Университет Эпока (Тирана, Албания)
Чен Джордж, PhD, Университет Новой Англии (Армидейл, Австралия)
Эшфорд Рут Александра, доктор экономики, Ассоциация бизнес школ (Лондон, Великобритания)

Редакция:
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д.29, каб. 402.
e-mail: ekonomika_regiona@mail.ru. Тел.: +7 (343) 371-57-01.
Выпускающий редактор: Е. А. Балякина.
Редактор: Н.А. Леготина
Компьютерная верстка Е.В. Леготиной,
Дизайн обложки С. В. Кузовковой.
Перевод Е.С. Пургиной.

Дата выхода в свет 28.09.2026.
Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 27,8. Уч.-изд. л. 26. Тираж 500 экз. Заказ №22/09-1.
Подписано в печать с оригинал-макета 21.09.2026
Отпечатано с готового оригинал-макета 28.09.2026.
Типография: ООО «Издательский Дом «Ажур»,
620049, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д.9, офис 1.
Свободная цена.

© Институт экономики УрО РАН, 2026.

Ekonomika Regiona
(Economy of Regions)

Academic Journal
Vol. 22 (3) 2026

ISSN 2072-6414 (Print)
E-ISSN 2411-1406

The Journal was founded in 2005. It is issued quarterly.
The Journal is indexed in the databases:
Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), DOAJ, RePEC, CitEc, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI, eLIBRARY.RU, CyberLeninka, ROAD, Proquest, Open Alex.
The authors retain copyright, the articles are published under a Creative Commons Attribution-Non Commercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0). In case of reprinting, a pass-through copyright of "Economy of Region" is required.
All submitted manuscripts are subject to peer review.
The Editors will not correspondence with the authors whose articles were rejected.
Article formatting requirements are available at the website: www.economyofregions.org
Submission of articles is online at the journal website.

Founders:
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
29, Moskovskaya St., 620014, Ekaterinburg, Russian Federation.
Ural Federal University, 19, Myra st., Ekaterinburg, Russian Federation.

Editor:
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
29, Moskovskaya St., 620014, Ekaterinburg, Russian Federation.
Tel.:. +7(343) 371-45-36, website: www.uiec.ru.

Partner:
«UMMC-Holding», Ltd

Membership of the Editor:
Association of Science Editors and Publishers (www.rassep.ru)
Committee on Publication Ethics, COPE (www.publicationethics.org).

Editor-in-Chief:
Yulia G. Lavrikova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation).
Guest Editor:
Alexey V. Kuznetsov, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).
Deputy Editor-in-Chief:
Victoria V. Akberdina, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation).
Irina D. Turgel, Dr. Sci. (Econ.), Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation).

Editorial Board:
Gavriil A. Agarkov, Dr. Sci. (Econ.), Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)
Muhammad M. Ali, PhD in Macroeconomics, Dhaka School of Economics (Dhaka, Bangladesh)
Ruth A. Ashford, PhD, Association of Business Schools (London, UK)
Gianni Betti, PhD degree in Applied Statistics, University of Siena (Siena, Italy)
Jacek Binda, Dr hab. inż., Bielsko-Biała School of Finance and Law (Bielsko-Biała, Poland)
Ionel Bostan, PhD in Economics and Business Law, Ştefan cel Mare University of Suceava (Suceava, Romania)
George Chen, Ph.D., Dr. Sci. (Econ.), University of New England (Armidale, Australia)
Carsten Drebenstedt, Dr. Sci., TU Bergakademie Freiberg (Freiberg, Germany)
Marina A. Fedotova, Dr. Sci. (Econ.), Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)
Mikhail Yu. Golovnin, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the RAS (Moscow, Russian Federation)
Ruslan S. Grinberg, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of RAS (Moscow, Russian Federation)
Eglantina Hysa, Dr, Assoc. Prof., Epoka University (Tirana, Albania)
Kazuhiro Kumo, Dr. Sci. (Econ.), Hitotsubashi University (Tokyo, Japan)
Valery A. Kryukov, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of RAS (Novosibirsk, Russian Federation)
Vitaliy N. Lazhentsev, Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Geogr.), Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russian Federation)
Vladimir N. Leksin, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economic Forecasting of RAS (Moscow, Russian Federation)
Petr G. Nikitenko, Foreign Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics NAS of Belarus (Minsk, Belarus)
Alexander N. Pelyasov, Dr. Sci. (Geogr.), Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting of RAS, Member of RAS, Dr. Sci. (Econ), (Moscow, Russian Federation)
Antonio Sanchez-Andres, PhD in Economic Sciences, University of Valencia (Valencia, Spain)
Ivan Savin, PhD, Dr. habil., Institute of environmental sciences and technologies, Autonomous University of Barcelona, Ural Federal University (Barcelona, Spain)
Edgardo Sica, Ph.D. in Technology and Innovation Management, University of Foggia (Foggia, Italy)
Kazi Sohag, PhD in Economics, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)
Olga A. Romanova, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation)
André Torre, Dr. Sci. (Econ.), Université Paris-Saclay, European Association of Regional Science — ERSA (Paris, France)
John Vint, Dr. Sci., Manchester Metropolitan University (Manchester, UK)

Editorial Team:
29, Moskovskaya St., 620014, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: ekonomika_regiona@mail.ru.
Tel: +7 (343) 371-57-01.
Associate Editor: Evgeniya A. Balyakina
Proof-reading: Natalia A. Legotina
Desktop Publishing: Ekaterina V. Legotina
Translation: Ekaterina S. Purgina
Cover Design: Svetlana V. Kuzovkova

Copyright (c) Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора журнала «Экономика региона» 487

Колонка главного редактора

Кузнецов А. В. Российско-китайское взаимодействие как основа укрепления экономических связей в Большой Евразии 488

Стратегические контуры инвестиционного взаимодействия в Большой Евразии

Головнин М. Ю., Волынский А. И., Круглова М. С. Влияние геоэкономической фрагментации на инвестиционное взаимодействие России и Китая 490

Ли Юнхуэй. Интеграционные процессы в центральной Азии и трансформация роли России: институциональная эволюция, экономическая взаимосвязанность и региональная субъектность 503

Чернова В. Ю., Хейфец Б. А., Дадабаева З. А. Геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия — новое направление консолидации экономического пространства Большой Евразии 518

Шкваря Л. В., Андреева Е. Л., Красных С. С. Российско-китайское сотрудничество как инструмент обеспечения устойчивого экономического роста Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности 533

Пространственная организация и региональная дифференциация инвестиционного взаимодействия

Аватков В. А., Рожкова З. П. Инвестиционные стратегии Китая и Турции в Средней Азии: сравнительный анализ 552

Юй Цинь. Трансграничная онлайн-торговля как фактор привлечения инвестиций в приграничных регионах России и Китая 567

Тураева М. О., Яковлев А. А. Инвестиционная стратегия Китая: перспективы сотрудничества с Россией 579

Положихина М. А., Смирнов С. Н. Возможности расширения экспорта туристических услуг России в страны Большой Евразии: инвестиционный аспект 597

Инвестиционно-финансовые механизмы технологического развития и инновационной трансформации Большой Евразии

Бахтизин А. Р. Технологическая близость и макрорегионы: Россия и Китай в структуре евразийской экономики 612

Го Сяоцюн. Движущие силы, ограничения и пути оптимизации китайско-российского сотрудничества в сфере зелёной экономики 626

Кулькова И. А., Чжан Дэхуа. Региональная неоднородность влияния цифровой трансформации и инвестиций в зеленые инновации на производительность труда компаний в Китае 639

Линь Ин. Сотрудничество Китая и России в сфере ИТ-инвестиций и обеспечения информационной безопасности: текущее состояние и перспективы 648

Мыслякова Ю. Г., **Ратнер А. В.**, **Тарасов А. Г.** Методический подход к выявлению исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества как региональных точек развития инвестиционного взаимодействия 666

Инвестиционные проекты в отраслях и инфраструктуре Большой Евразии

Кузнецов А. В. Укрепление позиций китайского автопрома в странах ЕАЭС: важны ли прямые инвестиции? 681

Чжоу Цайцюань, **Петров М. Б.** Методологические аспекты оценки эффективности российско-китайского энергетического сотрудничества 696

Карагулян Е. А., **Соловьева Ю. В.**, **Карх Д. А.** Критические вызовы и возможности для развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества (на примере химической отрасли) 712

Ганьшина Е. Ю., **Крупнов Ю. А.** Формирование опорного транспортного каркаса России как основы развития российско-китайской кооперации в рамках Полярного шелкового пути 727

CONTENTS

Opening remarks from the Editor-in-Chief 487

Guest Editorial

Kuznetsov A. V. Russia–China Cooperation as a Foundation for Strengthening Economic Ties in Greater Eurasia 488

Strategic Frameworks for Investment Cooperation in Greater Eurasia

Golovnin M. Yu., Volynskiy A. I., Kruglova M. S. The Impact of Geoeconomic Fragmentation on Investment Cooperation Between Russia and China 490

Li Yonghui. Integration Processes in Central Asia and the Transformation of Russia's Role: Institutional Evolution, Economic Interconnectedness, and Regional Agency 503

Chernova V. Yu., Kheyfets B. A., Dadabaeva Z. A. China — Mongolia — Russia Geopolitical Triangle: Emerging Consolidation of the Greater Eurasian Economic Space 518

Shkvarya L. V., Andreeva E. L., Krasnykh S. S. Russian-Chinese Cooperation for Sustainable Economic Growth in Greater Eurasia amid Global Turbulence 533

Spatial Organization and Regional Differentiation of Investment Cooperation

Avatkov V. A., Rozhkova Z. P. Investment Strategies of China and Turkey in Central Asia: Comparative Analysis 552

Yu Qin. Cross-Border E-Commerce as a Driver of Investment in China–Russia Border Regions 567

Turaeva M. O., Yakovlev A. A. China's Investment Strategy: Prospects for Cooperation with Russia 579

Polozhikhina M. A., Smirnov S. N. The Possibilities of Expanding the Export of Russia's Tourism Services to the Countries of Greater Eurasia: An Investment Aspect 597

Investment and Financial Mechanisms for Technological Development and Innovative Transformation in Greater Eurasia

Bakhtizin A. R. Technological Proximity and Macro-Regions: Russia and China in the Structure of the Eurasian Economy 612

Guo Xiaoqiong. Driving Forces, Constraints, and Optimization Pathways in China-Russia Green Cooperation 626

Kulkova I. A., Zhang Dehua. Impact of Digital Transformation and Green Innovation Investments on Corporate Labour Productivity in China: A Regional Heterogeneity Analysis 639

Lin Ying. China–Russia IT Investment Cooperation and Information Security Governance: Current State and Future Prospects 648

Myslyakova Yu. G., Ratner A. V., Tarasov A. G. A Methodological Approach to Identifying Research Niches in Russian-Chinese Scientific Cooperation for Investment Development 666

Investment Projects in the Industries and Infrastructure of Greater Eurasia

Kuznetsov A. V. Strenthening the Position of Chinese Automotive Industry in EAEU Countries: Are Direct Investments Important? 681

Zhou Caiquan, Petrov M. B. Methodological Aspects of Assessing the Effectiveness of Russian–Chinese Energy Cooperation 696

Karagulyan E. A., Solovyova Yu. V., Karkh D. A. Critical Challenges and Opportunities for the Development of Russian-Chinese Investment Cooperation (Case Study of the Chemical Industry) 712

Ganshina E. Yu., Krupnov Yu. A. Establishing the Core Transport Network in Russia as a Foundation for Advancing Russia–China Cooperation along the Polar Silk Road 727

Вступительное слово главного редактора журнала «Экономика региона»

В июне 2024 г. в Екатеринбурге в присутствии Председателя Уральского Отделения РАН академика Виктора Николаевича Руденко и вице-президента Китайской академии общественных наук Чжэнь Чжаньмина было подписано соглашение о сотрудничестве между Институтом экономики УрО РАН (ИЭ УрО РАН) и Институтом России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (ИРВЕЦА КАОН).

В развитие этого соглашения в 2025 г. был подготовлен первый российско-китайский выпуск нашего журнала (№ 3, 2025), посвященный перспективам геоэкономического партнерства России и Китая. Презентация уникального выпуска прошла в г. Пекин в ИРВЕЦА КАОН и вызвала много положительных откликов как в России, так и в КНР.

Успех первого выпуска вдохновил нас на новый тематический номер журнала «Экономика региона», посвященный актуальной для России и Китая теме — инвестиционному и финансовому сотрудничеству в Большой Евразии, — который мы представляем уважаемым читателям. Для публикации статей были приглашены авторитетные российские и китайские ученые из Института экономики РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Центрального экономико-математического института РАН, Российского экономического университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Российского университета дружбы народов, Уральского и Тюменского государственных университетов, а также ИРВЕЦА КАОН, Университета КАОН и Гуандонского университета финансов и экономики. Выпускающим редактором этого номера стал член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН Алексей Владимирович Кузнецов. Большой вклад в подготовку данного номера внес член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Михаил Юрьевич Головнин.

Мы сердечно благодарим всех авторов, сотрудников наших институтов из России и Китая, принимавших активное участие в подготовке этого выпуска.

Главный редактор журнала «Экономика региона»,
доктор экономических наук,
Юлия Георгиевна ЛАВРИКОВА

https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-1

OPEN ACCESS CC BY 4.0

А. В. Кузнецов
Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Российско-китайское взаимодействие как основа укрепления экономических связей в Большой Евразии

Сегодня на наших глазах происходят весьма значительные изменения мироустройства. При этом наиболее существенные внешнеполитические потрясения в 2020-е годы связаны с пространством Евразии, что не может не сказываться и на характере экономических связей, прежде всего инвестиционном и финансовом взаимодействии. К сожалению, в современном мире в научных исследованиях по экономике доминирует ошибочное преувеличение роли евро-атлантических государств, что в какой-то мере является наследием многовековой колониальной эпохи. Более того, концентрация внимания на США и ЕС усилилась после окончания биполярного противостояния периода холодной войны, когда страны бывшего социалистического лагеря стали восприниматься как полупериферия или периферия коллективного Запада. Поскольку совсем не замечать очевидных тенденций, противоречащих политизированным западным концепциям, нельзя, дискуссии сместились в сторону обсуждения возвышения Китая и его конкуренции с Соединёнными Штатами. Специфика экономической ситуации в России в принципе в большинстве зарубежных работ по современной экономике замалчивается — ее описание сводится к кратким штрихам, по большей части иллюстрирующим геополитическое противостояние одной из ключевых держав мира, причем не относящихся к Глобальному Югу, с США и их союзниками.

Вместе с тем, надо понимать, что вне зависимости от того, в какой степени будут западные ученые замалчивать или искажать картину экономических процессов в Евразии, никуда не исчезнет само развитие этого географического макроареала, становящегося по целому ряду объективных и, что особенно важно, долгосрочных причин главным центром мирового хозяйства. При этом, разумеется, такое развитие носит противоречивый, отнюдь не исходно детерминированный характер, к тому же оно зависит не только от ситуации в Китае и России, равно как и от их двусторонних контактов. Большое значение имеет также характер экономического взаимодействия государств, представляющих смежные с Китаем и Россией ареалы Большой Евразии, особенно Центральную Азию. На анализ такого пласта исследовательских проблем сама жизнь заставляет обратить пристальное внимание именно китайских и российских ученых.

Ни в одном выпуске журнала, ни в одной даже самой объемной монографии невозможно раскрыть названные исследовательские вопросы всесторонне, поэтому в данном тематическом номере журнала «Экономика региона» сделан акцент на российско-китайском взаимодействии как основном движителе укрепления экономических связей в Большой Евразии. Ведь опосредованно влияние России и Китая почти всегда проявляется и в других перспективных для экономического развития ареалах Евразии, будь то пространство АСЕАН или экономическая зона международного транспортного коридора Север–Юг, неизбежно включающая Иран, который сейчас оказался в центре военного и сопряженного с ним политико-экономического противостояния с США и их союзниками. На мой взгляд, важная роль российско-китайского тандема в полной мере будет влиять и на усиливающуюся роль ШОС в растущем числе сфер жизни Большой Евразии, и на возможности расширенного БРИКС определять контуры формирующегося полицентрического мироустройства.

Вторым аспектом концентрации исследований, представленных в нашем выпуске журнала, стало повышенное внимание именно к инвестиционному и финансовому взаимодействию — если гово-

рить образно, кровеносной системе внешнеэкономических связей. Даже в статьях, которые посвящены конкретным отраслям, акцент смещается именно на эту составляющую трансграничных деловых контактов.

Всего в выпуске представлено 17 статей, написанных российскими и китайскими авторами, в том числе в ряде случаев это их совместные публикации. Среди российских авторов преобладают ученые нескольких известных академических организаций: Института экономики РАН, Института экономики Уральского отделения РАН, ИНИОН РАН, ЦЭМИ РАН, но есть и представители ряда ведущих московских и екатеринбургских вузов. Китайские коллеги представляют весьма авторитетные исследовательские центры, традиционно специализирующиеся на изучении России, государств Центральной Азии, всего пространства Большой Евразии. При этом статьи сгруппированы в четыре блока, в каждом из которых представлен голос как китайских, так и российских ученых, вплоть до мнения директоров упомянутых организаций. Открывается номер статьями, предлагающими взгляд на стратегические контуры инвестиционного взаимодействия в Большой Евразии. Второй раздел обращает взгляды читателей на несколько актуальных проблем, которые пока часто остаются на втором плане, начиная от бизнес-экспансии третьих стран (таких как Турция) в традиционном ареале сопряжения ЕАЭС и китайской инициативы «Пояса и пути» либо перестройки характера экономического взаимодействия под воздействием новых технологий, связываемых с так называемым искусственным интеллектом. Третий раздел предлагает региональный разрез, поскольку было бы странно первую и четвертую экономику мира (при расчете ВВП по ППС) рассматривать лишь как «точки». Четвертый раздел сконцентрирован на инвестиционных проектах в целом спектре отраслей и инфраструктуры Большой Евразии — автомобилестроении, энергетике, нефтехимии, транспорте, турбизнесе.

Предлагаемые авторами нашего выпуска исследования содержат немало новых выводов, которые, бесспорно, будут полезны как представителям органов государственной власти России, Китая и сопредельных с ними стран, ответственным за поддержку экономического взаимодействия на пространстве Большой Евразии, так и бизнесменам-практикам. Можно также надеяться, что представленный выпуск журнала будет содействовать приращению фундаментальных знаний о происходящей трансформации мироустройства.

Исполняющий обязанности директора
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН),
член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2
УДК 339.98, 339.72, 339.92, 339.924
JEL F21, F51

OPEN ACCESS CC BY 4.0

М. Ю. Головнин [а], *А. И. Волынский* [б], *М. С. Круглова* [в]

[а, б, в] Институт экономики Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Влияние геоэкономической фрагментации на инвестиционное взаимодействие России и Китая[1]

Аннотация. На протяжении последних более чем десяти лет на фоне активного развития политического сотрудничества и внешнеторгового взаимодействия России и Китая существенно отставало инвестиционное взаимодействие. Существует ряд работ, описывающих причины этого отставания, однако нам не встречались работы, делавшие акцент на влиянии распространения процессов фрагментации в мировой экономике на взаимные инвестиции России и Китая. В связи с этим авторы поставили перед собой цель определить масштабы и направления влияния фрагментации на инвестиционное взаимодействие двух стран. Для достижения этой цели были сформулированы задачи: выявление основных ограничений для развития инвестиционного взаимодействия России и Китая; анализ динамики взаимных инвестиционных потоков до и после развития процессов фрагментации; определение перспективных направлений инвестиционного сотрудничества двух стран. В силу ограничения статистических данных, в полной мере отражающих взаимные инвестиции России и Китая, в статье анализируются и сопоставляются данные о прямых и, частично, прочих инвестициях из различных источников (Центрального банка РФ, CEIC, AidData, базы данных Евразийского банка развития), а также примеры отдельных инвестиционных проектов. Проведенный анализ свидетельствует, что на первом этапе развития процесса фрагментации наблюдалось усиление инвестиционного взаимодействия двух стран, в том числе через Гонконг (особенно в 2019–2020 гг.). На втором этапе (начиная с 2022 г.) инвестиционное взаимодействие, прежде всего по линии прямых инвестиций, начало ослабевать. Тем не менее, в отдельных направлениях (транспортно-логистическое, автомобилестроение и др.) реализуются новые инвестиционные проекты. Предложены перспективные направления для развития инвестиционного взаимодействия России и Китая: выстраивание альтернативной международной финансовой архитектуры (при реализации жесткого сценария фрагментации мировой экономики); запуск новых инвестиционных проектов в сферах инфраструктуры, цифровых технологий, ВИЭ, космоса; совершенствование институциональных условий для инвестиций.

Ключевые слова: Россия, КНР, фрагментация мировой экономики, международное движение капитала, прямые иностранные инвестиции

Для цитирования: Головнин, М. Ю., Волынский, А. И., Круглова М. С. (2026). Влияние геоэкономической фрагментации на инвестиционное взаимодействие России и Китая. *Экономика региона, 22*(3), 490–502. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2

[1] © Головнин М. Ю., Волынский А. И., Круглова М. С. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Mikhail Yu. Golovnin [a)], *Andrey I. Volynskiy* [b)], *Maria S. Kruglova* [c)]
[a, b, c)] Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

The Impact of Geoeconomic Fragmentation on Investment Cooperation Between Russia and China

Abstract. Over the past decade, investment cooperation between Russia and China has developed more slowly than their political and trade relations. Although previous studies have examined the factors underlying this gap, little attention has been paid to the effects of increasing geoeconomic fragmentation on bilateral investment flows. This article addresses this gap by examining how geoeconomic fragmentation has shaped the scale and directions of investment cooperation between Russia and China. The study identifies the main constraints on bilateral investment, analyses changes in investment flows before and after the intensification of fragmentation processes, and explores potential directions for future cooperation. Given the limitations of official statistics on bilateral investment, the analysis draws on data on direct and, where available, other investments from multiple sources, including the Central Bank of the Russian Federation, CEIC, AidData, and the Eurasian Development Bank, complemented by evidence from selected investment projects. The findings suggest that the initial phase of increasing geoeconomic fragmentation was associated with stronger investment interaction between Russia and China, including through Hong Kong, particularly in 2019–2020. However, from 2022 onwards, bilateral investment cooperation, especially foreign direct investment, has slowed. At the same time, new projects have continued to emerge in selected sectors, including transport and logistics, automotive manufacturing, and other industries. The article identifies several promising directions for future cooperation: the development of alternative financial infrastructure under a scenario of deeper global fragmentation, investment in infrastructure, digital technologies, renewable energy, and space, and improvements in the institutional framework for bilateral investment.

Keywords: Russia, China, fragmentation of the global economy, international capital movement, foreign direct investment

For citation: Golovnin, M. Yu., Volynskiy, A. I. & Kruglova, M. S. (2026). The Impact of Geoeconomic Fragmentation on Investment Cooperation Between Russia and China. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 490–502. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-2

Введение

Россия и Китай, будучи соседними странами и крупными экономиками, в соответствии с гравитационной теорией (Bacchetta et al., 2012, Chapter 3), должны характеризоваться достаточно высоким уровнем развития взаимных экономических связей. Если показатели внешней торговли находятся на достаточно высоком уровне и демонстрируют положительную динамику, особенно в последнее десятилетие, то в области международного движения капитала уровень взаимодействия существенно отстает.

Так, по оценкам Института экономики Российской академии наук, в 2024 г. по сравнению с 2018 г. доля Китая в совокупном экспорте товаров России выросла с 13,0 % до 29,7 %, а в совокупном импорте — с 19,9 % до 40,8 %. Среднее значение коэффициента торгово-экономической связанности России с Китаем за 2022–2024 гг. выросло по сравнению с 2019–2021 гг. на 58,9 % (Головнин и др., 2025, с. 63–69). Вместе с тем, к началу 2022 г. доля накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) из Китая составляла всего около 0,7 % в общем объеме накопленных ПИИ России, а доля исходящих прямых инвестиций в Китай — около 0,1 % (Булатов и др., 2024, с. 69). Причины подобного расхождения анализировались во многих исследованиях российско-китайских экономических связей, но при этом за рамками рассмотрения обычно оставались изменения, происходящие в мировой экономике, в том числе распространение процессов геоэкономической фрагментации.

Современное состояние развития мировой экономики характеризуется многими исследователями как подверженное распространению процессов фрагментации. При этом фрагментация рассматривается в значительной степени как антитеза глобализации. В числе ключевых характеристик глобализации выделялись либерализация, интеграция и взаимозависимость (Колодко, 2009). Одной из ключевых характеристик фрагментации выступает появление новых барьеров для внешнеэкономических операций (введение новых или увеличение существующих таможенных пошлин, ограничений на трансграничное движение капитала, рабочей силы и т. д.) (Norring, 2024).

Поворотным моментом в развитии процессов фрагментации, на наш взгляд, стало начало торговой войны между США и Китаем в 2018 г., в ходе которой резко возросло число внешнеторговых барьеров и доля затронутой ими международной торговли (Bolt et al., 2023). Кроме того, появились новые барьеры и на пути трансграничного движения капитала. Так, в 2018 г. резко

увеличивается число ограничительных мер, связанных с прямыми иностранными инвестициями, и эта тенденция продолжилась в 2020–2021 гг. При этом большинство подобных мер было принято развитыми странами (Квашнина, 2024)[1].

На развитие процессов фрагментации мировой экономики повлияло и активное проведение новой промышленной политики в ведущих развитых странах с начала 2010-х гг. Ряд исследователей отмечает, что запуск подобной политики стал реакцией на активную внешнеэкономическую экспансию Китая (Хейфец, 2024).

Процессы фрагментации уже начали оказывать воздействие на мировую экономику, отражаясь, в частности, на динамике трансграничных потоков капитала. Так, среднегодовые значения валовых трансграничных потоков капитала[2] в ведущих международных финансовых центрах снизились в 2018–2024 гг. по сравнению с предшествующим периодом после мирового экономического и финансового кризиса (2011–2017 гг.) в США с 11,2 до 9,6 % ВВП, в зоне евро — с 19,7 до 11,1 % ВВП, в Великобритании — с 33,6 до 33,0 % ВВП[3]. Совокупные чистые потоки ПИИ по отношению к мировому ВВП также демонстрировали тенденцию к снижению с 2,12 % в 2011–2017 гг. до 1,44 % в 2018–2024 гг.[4] При этом происходило перераспределение потоков на региональном уровне, которое, по мнению авторов «Мирового доклада об инвестициях» за 2025 г., отражало тенденции растущей фрагментации (United Nations, 2025).

Для России влияние фрагментации было связано в первую очередь с введением в отношении нее экономических санкций. Можно выделить два этапа санкционного давления: первый — с 2014 г. и второй — введение беспрецедентных санкций после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. По состоянию на середину 2025 г. в отношении России действовало свыше 30 тысяч санкций, не связанных с внешней торговлей конкретными товарами, из них 92 % были введены после февраля 2022 г.[5]

Текущее развитие процессов фрагментации, с одной стороны, создает барьеры для внешнеэкономических связей, в том числе инвестиционного взаимодействия Китая и России, и может способствовать сокращению трансграничных потоков, включая взаимное движение инвестиций, но, с другой стороны, оно формирует предпосылки для экономического сближения двух стран, в том числе в области международного движения капитала, учитывая, что обе страны находятся в одном геополитическом блоке (International Monetary Fund, 2023).

Цель данного исследования состоит в том, чтобы определить, какое из направлений влияния фрагментации преобладает в случае инвестиционного взаимодействия России и Китая. Для реализации этой цели авторы поставили перед собой задачи:

— выявления основных ограничений для развития инвестиционного взаимодействия Китая и России;

— анализа динамики взаимных инвестиционных потоков до и после развития процессов фрагментации с учетом имеющихся ограничений;

— определения перспективных направлений инвестиционного сотрудничества двух стран в условиях фрагментации мировой экономики.

Теория

Существуют различные объяснения недостаточно активного инвестиционного взаимодействия России и Китая. Основные факторы, сдерживающие этот приток, можно сгруппировать в виде институциональных, экономических и геополитических барьеров (табл. 1).

Таким образом, мы видим, что на протяжении всего рассматриваемого периода взаимное инвестиционное сотрудничество сдерживалось различиями в интересах двух стран, обусловленными в том числе и различиями в структурах их экономик. Во время распространения процессов фрагментации мировой экономики и особенно введения второй волны санкций в отношении России китайские инвесторы стали опасаться введения вторичных санкций, что привело к срыву или приостановке крупных проектов (в области автомобилестроения, самолетострое-

[1] В частности, в США в 2018 г. был принят Закон о модернизации системы оценки рисков, связанных с иностранными инвестициями (The Foreign Investment Risk Review Modernization Act, FIRRMA), а в Европейском союзе в 2019 г. — Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 2019/452 от 19 марта 2019 г. об установлении правовых рамок для проверки прямых иностранных инвестиций. Оба документа были направлены в том числе на сдерживание экспансии прямых иностранных инвестиций Китая в ведущие развитые страны (Моисеева, Кулинич, 2024).

[2] Валовые трансграничные потоки капитала рассчитываются нами как сумма по модулю активов и пассивов статей «прямые инвестиции», «портфельные инвестиции» и «прочие инвестиции» финансового счета платежного баланса.

[3] Авторские расчеты на основе данных Международного валютного фонда. Международный валютный фонд. Платёжный баланс. (б. д.). URL: https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0) (дата обращения: 20.01.2026).

[4] Рассчитано на основе базы данных World Investment Report. United Nations Conference on Trade and Development. (n.d.). Foreign Direct Investment: Inward and Outward Flows and Stock, Annual. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.FdiFlowsStock (дата обращения: 20.01.2026).

[5] РИА Новости. (2025, июль 20). Количество санкций против России превысило 30 тысяч. URL: https://ria.ru/20250720/strany-2030232496.html?ysclid=mldr1pmulo649255594 (дата обращения: 28.09.2025).

Таблица 1

Барьеры для прямых иностранных инвестиций из КНР в РФ

Table 1

Barriers to Foreign Direct Investment from China to Russia

Факторы	Проявления	Работы
Институциональные	Несовершенства российской правовой системы и бюрократический произвол на местах	(Волынский, Круглова, 2024); (Ван, 2022a)
	Нестабильность и несовершенство законодательства (особенно в энергетике и рыбопромышленном комплексе)	(Ван, 2022a); ФЗ №166-ФЗ[1]; EastRussia, 2024[2]
	Жесткое госрегулирование исходящих инвестиций из Китая (обязательное согласование проектов)	(Ван, 2022b)
	Ограничения РФ для входящих ПИИ в стратегические отрасли (ВПК, атомная энергетика, рыболовство и аквакультура)	ФЗ №166-ФЗ; EastRussia, 2024; (Ван, 2022b)
	Для РФ в КНР — жесткий экспортный контроль (каталог запрещенных технологий, ограничения на ПО для авиадвигателей и ГТУ)	(Волынский, Круглова, 2024); Минкоммерции КНР, 2025[3]
Экономические	Несовпадения интересов стран: российские власти — локализация высокотехнологичных производств, китайские компании — расширение экспорта собственной готовой продукции и опасения усиления конкуренции в долгосрочной перспективе при передаче технологий	(Волынский, Круглова, 2024)
	Высокие операционные риски и транзакционные издержки для китайских инвесторов в РФ	(Ван, 2022a)
Геополитические	Санкционный режим и риск вторичных санкций. Китайские госкорпорации балансируют, чтобы не потерять доступ к западным рынкам	(Волынский, Круглова, 2024)
	Осторожность Китая из-за недостатка политического доверия и стратегии диверсификации глобальных инвестиций	(Ван, 2022a)

[1] КонсультантПлюс. (2004). Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» от 20.12.2004 № 166ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 12.09.2025).

[2] EastRussia. (2024, 12 июня). Эксперты: китайским инвестициям в марикультуру ДФО мешают административные барьеры. URL: https://www.eastrussia.ru/news/eksperty-kitayskim-investitsiyam-v-marikulturu-dfo-meshayut-administrativnye-barery/ (дата обращения: 17.07.2025).

[3] 中华人民共和国商务部 [Министерство коммерции КНР], & 中华人民共和国科学技术部 [Министерство науки и технологий КНР]. (2025). 商务部 科技部公告2025年第28号 关于调整发布《中国禁止出口限制出口技术目录》的公告 [Извещение № 28 Министерства коммерции и Министерства науки и технологий Китайской Народной Республики 2025 года «О корректировке и публикации Каталога технологий, запрещенных или ограниченных к экспорту из Китая»]. URL: https://fms.mofcom.gov.cn/zcfg/jsjckzcfg/art/2025/art_ba35a101c22c4f6e844f749cb0a98552.html (дата обращения: 11.01.2026).

Источник: составлено авторами.

ния, нефтегазовом секторе)[1], проблемам с осуществлением взаимных расчетов.

Данные и методы исследования

Оценки международного движения капитала в статье базируются на данных платежных балансов двух стран. Однако для количественной оценки взаимных инвестиций между Россией и Китаем источники данных ограничены. Для периода до 2021 г. существует публиковавшаяся Банком России[2] российская статистика прямых инвестиций в страновом разрезе как в отношении показателей потока, так и запаса. Однако она отличается неполнотой информации. Начиная с 2022 г. данные в страновом разрезе в отношении иностранных инвестиций российской стороной не раскрываются.

Официальная инвестиционная статистика КНР публикуется Министерством коммерции КНР (The Ministry of Commerce (MOFCOM), 中华人民共和国商务部)[3] и Государственным управлением валютного контроля КНР (The State Administration of Foreign Exchange (SAFE) of the People's Republic of China, 国家外汇管理局)[4]. Хотя оба ведомства пери-

[1] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». (2023, 17 июля). Фактчекинг: Россию исключили из программы широкофюзеляжного самолета CR929? URL: https://www.hse.ru/expertise/news/846967127.html (дата обращения: 17.07.2025); РБК. (2024, 21 июня). Китайский партнер по «Арктик СПГ-2» решил приостановить дела в России. URL: https://www.rbc.ru/business/21/06/2024/6674fe809a79471b664e613f (дата обращения: 17.07.2025).

[2] Центральный банк Российской Федерации [Банк России]. (2026). Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции. Ретроспективный блок. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 22.01.2026).

[3] Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n. d.). Statistics: Foreign Trade Cooperation. URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigntradecooperation/ (дата обращения: 07.07.2024); Ministry of Commerce of the People's Republic of China. (n. d.). FDI Statistics and Data List. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/EN/go-datatongji-list.html (дата обращения: 07.07.2024).

[4] State Administration of Foreign Exchange. (2026, June 26). The Time-Series Data of International Investment Position of China. URL: https://www.safe.gov.cn/en/2018/0928/1459.html

одически пересматривают данные для корректировки имеющихся расхождений, последние все же присутствуют[1]. При этом значительная часть исходящих ПИИ зарегистрирована в Гонконге, а часть — в таких территориях, как Каймановы острова или Британские Виргинские острова. Предполагается, что китайские компании используют сложные схемы для инвестирования за пределами КНР, что дополнительно осложняет анализ. Помимо статистики, регулярно публикуемой на сайтах двух ведомств, существуют также и подготавливаемые ими совместно при участии Национального бюро статистики КНР (National Bureau of Statistics of China, 国家统计局) ежегодные обзоры исходящих ПИИ.

Следует также отметить, что значительная часть международных потоков капитала, связанных с Россией, проводится через офшорные и полуофшорные юрисдикции, что затрудняет определение конечных источников и направлений потоков капитала исходя из официальных данных (Булатов и др., 2024, с. 69). В частности, для инвестиционного взаимодействия с Китаем могла использоваться юрисдикция Гонконга.

Евразийский банк развития создал базу данных взаимных инвестиций для оценки реального инвестиционного взаимодействия в евразийском регионе, опираясь на сведения об инвестиционных проектах из различных открытых источников. Изначально она охватывала только постсоветские страны, но затем в нее были включены в том числе китайские инвестиции в регион (Винокуров и др., 2025а). Данная база дает более широкий охват проектов, но тоже сталкивается с ограничениями доступа к информации.

В связи с имеющимися ограничениями данных построение значимых количественных моделей инвестиционного взаимодействия России и Китая не представляется возможным и перспективным. Мы будем опираться в данной работе на статистические данные из различных источников, анализируя и сопоставляя их, а также привлекать информацию по отдельным примерам инвестиционных проектов с участием капитала Китая и России на территории другой страны.

Влияние фрагментации на международное движение капитала в России и Китае

Проанализируем, как повлияли процессы фрагментации в целом на международное движение капитала в России и Китае. В обеих странах с 2010-х гг. имеет место тенденция к сокращению валовых трансграничных потоков капитала, которая усиливается во второй половине 2010-х гг. (рис.).

Кроме того, следует отметить, что по линии финансового счета платежного баланса (за исключением изменения резервных активов) в Китае после 2014 г. начала преобладать тенденция чистого оттока капитала из страны, а в 2020–2024 гг. чистый отток имел место каждый год. В России чистый отток капитала по этой линии имел место на протяжении всех лет начиная с 2008 г., за исключением лишь 2019 г. При этом наиболее масштабные значения (по отношению к ВВП) наблюдались во время внешних шоков (в 2014–2015 гг. и 2022 г.).

Что касается показателей запаса, то и в России, и в Китае в период фрагментации произошло значительное увеличение чистых внешних активов. В России оно было вызвано главным образом существенным сокращением внешних пассивов под воздействием беспрецедентных санкций, особенно с начала 2022 г. (за период с начала 2022 г. по 1 октября 2025 г. накопленные внешние пассивы снизились на 43,1 %). В результате чистая инвестиционная позиция, отражающая кредитование Россией остального мира, увеличилась более чем в два раза: с 486,6 млрд долл. на начало 2022 г. до рекордного значения в 1058,9 млрд долл. на начало октября 2025 г.[2] Чистая международная инвестиционная позиция Китая также существенно выросла: на 31,5 % с начала 2012 г. до конца 2017 г. и еще почти на 96 % с конца 2017 г. до конца третьего квартала 2025 г., превысив 4 трлн долл.[3]

В Китае существенные изменения в структуре международных потоков капитала произошли после 2022 г. Во-первых, резко сократился приток капитала (пассивы) по линии прямых и портфельных инвестиций, причем в 2022 г. имел место чистый отток ранее сделанных вложений по линии портфельных инвестиций, а по линии пассивов прочих инвестиций отток имел место на протя-

(дата обращения: 07.07.2024). Этим же ведомством составляется статистика по портфельным инвестициям КНР: China's External Portfolio Investment Assets. URL: https://www.safe.gov.cn/en/ChinasExternalPortfolioInvestm/index.html (дата обращения: 07.07.2024).

[1] О причинах расхождения см.: China Briefing. (2022, 8 апреля). Explainer: Why are MOFCOM's and the Foreign Exchange Bureau's China FDI Statistics Different? URL: https://www.china-briefing.com/news/explainer-why-are-mofcoms-and-the-foreign-exchange-bureaus-china-fdi-statistics-different/ (дата обращения: 14.07.2025).

[2] По данным международной инвестиционной позиции РФ. Центральный банк Российской Федерации [Банк России]. (2026, 21 августа). Статистика внешнего сектора. Международная инвестиционная позиция. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/iip/ (дата обращения: 15.01. 2026).

[3] Рассчитано на основе данных по международной инвестиционной позиции Китая. Международный валютный фонд [МВФ]. (2026). Международная инвестиционная позиция. URL: https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:IIP(13.0.0) (дата обращения: 15.01. 2026).

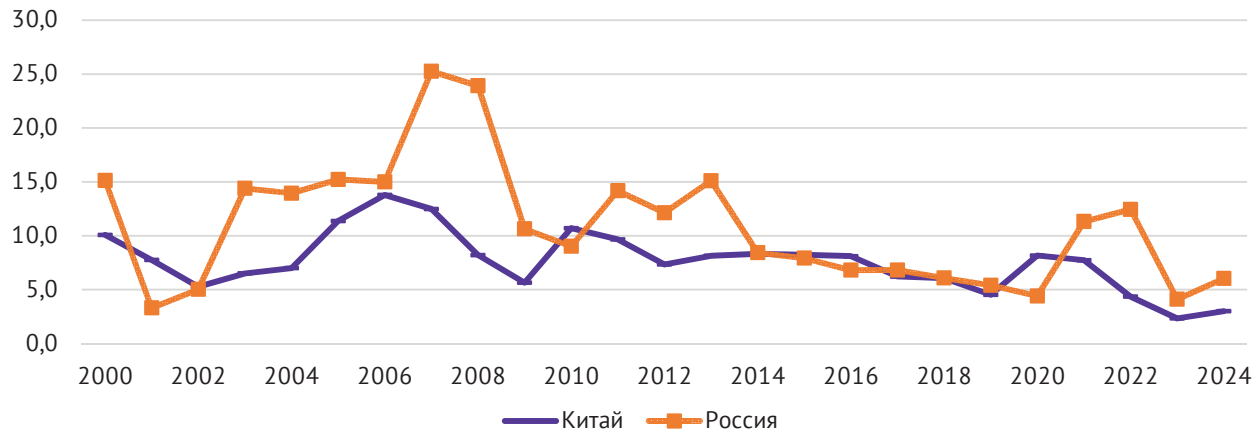

Рис. Совокупные валовые трансграничные потоки капитала в Китае и России в 2000–2024 гг. (в % от ВВП) (источник: рассчитано на основе данных платежных балансов России (URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (дата обращения: 19.01.2026)) и Китая (URL: https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0) (дата обращения: 19.01.2026))

Fig. Aggregate gross cross-border capital flows in China and Russia, 2000–2024 (% of GDP) (source: authors' calculations based on balance-of-payments data for Russia (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/ (accessed: 19 January 2026)) and China (https://data.imf.org/en/Data-Explorer?datasetUrn=IMF.STA:BOP(21.0.0) (accessed: 19 January 2026))

жении всего периода 2022–2024 гг. Во-вторых, несколько изменилась модель оттока капитала: если до 2022 г. в ней значительную роль играли прочие инвестиции[1], то в 2022–2024 гг. отток капитала в основном шел по линии прямых и портфельных инвестиций, причем в 2024 г. активы портфельных инвестиций превысили активы прямых. При этом происходили изменения в страновой структуре прямых инвестиций из Китая. Так, рост числа проектов исходящих прямых инвестиций из страны имел место в том числе в те страны, которые обладали преимуществом в части импорта своей продукции в США (Gopinath et al., 2025). То есть Китай пытался использовать прямые инвестиции для преодоления негативных последствий фрагментации и реализации возможности выхода на американский рынок.

В России значительное влияние на структуру международного движения капитала оказали санкционные ограничения, вводившиеся с 2014 г. Однако если до 2022 г. они затрагивали в основном портфельные и прочие инвестиции, то начиная с 2022 г. распространились и на потоки прямых инвестиций[2]. После 2022 г. потоки портфельных инвестиций как в страну, так и из страны оказались практически перекрыты. При этом начиная с 2022 г. существенно возросла роль прочих инвестиций в международном движении капитала: основной отток капитала из страны (особенно в 2022 г.) шел именно по этому каналу, в том числе через открытие счетов российскими резидентами в зарубежных банках. Одновременно в 2023–2024 гг. возобновился чистый приток средств в страну по линии пассивов прочих инвестиций, тогда как в 2014–2020 гг. и в 2022 г. капитал покидал страну по этому каналу.

По данным McKinsey&Company, Китай и Россия больше всего пострадали от сокращения трансграничных инвестиций в новые проекты: в 2022–2023 гг. по сравнению с показателями за 2015–2019 гг. они сократились в России на 98 %, а в Китае — на 67 %[3].

Таким образом, и Россия, и Китай, хотя и по разным каналам, испытали значительное негативное влияние фрагментации мировой экономики на международное движение капитала.

Оценка масштабов инвестиционного взаимодействия России и Китая и влияния на него процессов фрагментации

На основе статистических данных, приводимых Банком России до 2021 г., можно сделать общий вывод, что потоки прямых инвестиций между Россией и Китаем были ограничены, а приток прямых китайских инвестиций в Россию преобладал со значительным отрывом над оттоком российских инвестиций в Китай (табл. 2). Наибольший приток китайских инвестиций в Россию наблюдался в период 2010–2016 гг., после чего они резко сократились. Приток прямых инвестиций после 2014 г. шел главным образом через вложение средств в уставные капиталы организаций, тогда как до этого преобладали вложения через долговые

[1] Западные исследователи отмечали, что в общем объеме вывозимого из Китая капитала значительное место занимают инициированные государством кредиты, которые зачастую носят краткосрочный характер и выдаются под относительно высокие процентные ставки. См. (Horn et al., 2019).

[2] Строго говоря, речь идет не столько о прямом воздействии санкций, сколько о чистом оттоке ранее сделанных в страну прямых инвестиций в результате «добровольного» ухода иностранных компаний.

[3] Приводится по (Квашнина, 2024).

Таблица 2

Взаимные прямые инвестиции России с Китаем и Гонконгом по видам инструментов (потоки, млн долл.)

Table 2

Mutual Foreign Direct Investment between Russia and China and Hong Kong by Instrument Type (flows, USD million)

Инвестиции	Год											
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Китай												
Инвестиции в Россию												
Уставный капитал	105	60	182	203	1114	440	186	282	130	209	84	88
Реинвестирование доходов	44	1	30	69	125	145	33	24	30	3	9	–2
Долговые инструменты	187	65	237	325	32	60	126	–166	–173	–76	–40	–75
Итого	336	126	449	597	1271	645	345	140	–13	136	53	11
Инвестиции из России												
Уставный капитал	30	20	58	10	52	11	6	31	30	40	4	47
Реинвестирование доходов	0	0	0	0	0	0	–1	1	1	1	–3	0
Долговые инструменты	0	0	5	4	2	0	1	2	4	2	1	–1
Итого	30	20	63	14	54	11	6	34	35	43	2	46
Гонконг												
Инвестиции в Россию												
Уставный капитал	20	24	6	30	48	12	–5	145	33	2014	1809	7
Реинвестирование доходов	2	1	0	1	5	3	0	–1	–1	–1	0	1
Долговые инструменты	3	70	59	14	111	121	–25	430	103	674	489	841
Итого	25	95	65	45	164	136	–30	574	135	2687	2298	849
Инвестиции из России												
Уставный капитал	19	5	7	239	49	8	13	16	30	13	–5	5
Реинвестирование доходов	0	0	0	0	–1	0	–1	–4	0	1	–2	11
Долговые инструменты	66	21	2	5	1047	14	74	–984	–29	–17	146	180
Итого	85	26	9	244	1095	22	86	–972	1	–3	139	196

Примечание: приводятся значения сальдо операций по данным платежного баланса.
Источник: данные Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/di/ (дата обращения: 19.01.2026).

инструменты в существующие объекты прямого инвестирования. Масштабного реинвестирования доходов от прямых инвестиций Китая в Россию не наблюдалось за исключением периода 2014–2015 гг., когда отмечались и максимальные по объему вложения в уставные капиталы организаций.

Представляет интерес проверка гипотезы о возможном использовании юрисдикции Гонконга в качестве альтернативного канала осуществления китайских инвестиций в Россию[1]. Мы действительно наблюдаем увеличение прямых инвестиций в Россию из Гонконга через вложения в уставные капиталы организаций после 2016 г., особенно в 2019–2020 гг. При этом в 2021 г. приток прямых инвестиций из Гонконга продолжился, но через долговые инструменты. В отличие от непосредственно китайских, гонконгские инвестиции не сопровождались значимым реинвестированием доходов. Таким образом, действительно частично подтверждается гипотеза о замещении китайских прямых инвестиций в Россию гонконгскими в период, приходящийся на развитие процессов фрагментации в мировой экономике, но предшествующий введению масштабных экономических санкций против России.

Однако необходимо учитывать, что китайская модель участия в международном движении капитала предполагает, как уже отмечалось выше, использование не только ПИИ, но и кредитования (главным образом через государственные банки), которое отражается по статье «прочие инвестиции». Согласно исследованию AidData, Россия является крупнейшим в мире «скрытым» заемщиком у Китая (Malik et al., 2021). Анализ финансовых потоков за 2000–2017 гг. показывает, что Россия получила около 125 млрд долл. в рамках так называемых «прочих официальных потоков» (OOF) — рыночных кредитов, в основном направленных в государственный нефтегазовый сектор (Malik et al., 2021)[2]. Подобную модель Китай использу-

[1] При этом мы должны отдавать себе отчет, что через Гонконг могли осуществлять инвестиции и резиденты других юрисдикций.

[2] Вывод, сделанный на основе данных AidData, можно подтвердить и на основе базы данных The China's Overseas Development Finance (CODF), собранной The Boston University Global Development Policy (GDP) Center за период с 2008 по 2021 гг. на основе предоставляемых китайскими политическими банками кредитов на развитие и крупные инфраструктурные проекты. Согласно собранным данным, за указанный период российские компании привлекли кредиты от китайских политических банков на сумму 57 млрд долл.

ет в основном при взаимодействии со странами с формирующимися рынками, к числу которых относится и Россия. Она ориентирована прежде всего на кредитование сырьевых и инфраструктурных проектов, а не на приток прямых инвестиций в технологии и производство, что позволяет снижать риски для китайских инвесторов, одновременно сокращая преимущества для принимающей страны.

Количественные оценки инвестиционного взаимодействия России и Китая начиная с 2022 г. можно делать лишь на основе имеющихся фрагментарных данных. Так, согласно китайскому статистическому отчету Министерства коммерции КНР за 2022 г.[1], на конец 2022 г. общий объем накопленных иностранных инвестиций КНР в Россию составил 9,9 млрд долл., что составляло 0,3 % от общего объема исходящих ПИИ Китая с учетом инвестиций в Гонконг и Макао. Российские данные на близкую по времени дату (по итогам первого квартала 2023 г.) несколько отличаются: 3,8 млрд долл. накопленного чистого притока китайского капитала в Россию[2]. Согласно основанным на данных Министерства коммерции КНР расчетам CEIC Data, объем притока ПИИ Китая в Россию составил в 2023 г. 628,8 млн долл., а в 2024 г. — 4,274 млрд долл. Таким образом, если исходить из этих данных, в 2024 г. был достигнут максимальный объем притока ПИИ из Китая в Россию за период с 2003 по 2024 гг.[3] Однако обоснованность этих данных не в полной мере подтверждается другими источниками.

Если рассматривать отраслевую структуру китайских инвестиций в российскую экономику, то в исследовании В. И. Жирикова (Zhirikov, 2025) отмечаются значительные изменения для периода 2014–2024 гг. Они связаны с резким ростом доли добывающего сектора и агропромышленного комплекса при одновременном сокращении доли обрабатывающей промышленности с 30 % до 12,2 %. В результате, по его оценке, сформировалась трёхуровневая структура инвестиций с доминированием сырьевого сектора (более 40 %). Хотя объём инвестиций в высокотехнологичные отрасли вырос в 54 раза, их доля остаётся незначительной.

Подтверждением этого тезиса служит тот факт, что крупнейшими китайскими инвестиционными проектами в России являются участие CNPC (40 %) в проекте «Ямал СПГ» и Sinopec (20 %) в Амурском газохимическом комплексе[4].

Авторы отмечают, что в условиях жёстких санкционных ограничений китайские компании занимают в России ниши ушедших европейских и японских игроков, однако без глубокой технологической интеграции (Вардомский, 2023; Волынский, Круглова, 2024).

Одновременно на евразийском пространстве усиливается конкуренция за привлечение китайских инвестиций между Россией и странами Центральной Азии. Согласно данным Евразийского банка развития (ЕАБР) на середину 2025 г., объём накопленных ПИИ Китая в евразийском регионе достиг 66,1 млрд долл., причём на долю России пришлось 17,4 млрд долл. (около 26,3 % китайских инвестиций в регион). При этом объем накопленных прямых инвестиций из Китая в Россию практически не менялся с 2022 г., тогда как в период с 2018 г. по 2022 г. он увеличился на 85,6 %. Вместе с тем, накопленные китайские прямые инвестиции в Казахстан выросли с 2022 г. по первую половину 2025 г. на 15 %, а в Узбекистан — в 6,7 раза (Винокуров и др., 2025б).

Серьёзным тормозом для развития взаимной торговли и одновременно возможностями для развития инвестиционного сотрудничества являются логистические барьеры и необходимость дорогостоящей перенастройки цепочек поставок в условиях фрагментированного рынка. Тем самым возникает потребность инвестирования в транспортную, складскую и финансовую инфраструктуру. И действительно, в настоящее время наблюдается реализация отдельных китайских инвестиционных проектов в России, связанных в первую очередь с преодолением транспортно-логистических ограничений.

В Подмосковье действует торгово-логистический центр «Белый Раст», созданный в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь» в качестве совместного предприятия компаний «Порт Ляонин» и «РЖД» и начавший свою работу в 2021 г. Рост товарооборота двух стран с 2022 г. привел к увеличению грузопотока, проходяще-

Boston University Global Development Policy Center. (n. d.). The China's Overseas Development Finance (CODF) Database. URL: https://www.bu.edu/gdp/chinas-overseas-development-finance/ (дата обращения: 13.01.2026).

[1] Ministry of Commerce, PRC. (2022). Statistical Bulletin of China's Outward Foreign Direct Investment. URL: https://cif.mofcom.gov.cn/cif/html/upload/20231009140131502_2022. 年度中国对外直接投资统计公报.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

[2] Министерство экономического развития Российской Федерации [Минэкономразвития России]. (2023, 27 декабря). Протокол 18-го заседания секретариатов межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. URL: https://economy.gov.ru/material/file/83cca0032f9a9fd3d85f3fee991049e6/Protokol_18-go.pdf (дата обращения: 17.07.2025).

[3] CEIC. (n. d.). China Outward Investment. URL: https://www.ceicdata.com/en/china/outward-direct-investment-by-country/outward-investment-russia#:~:text=China%20Outward%20Investment:%20Russia%20data,Outward%20Direct%20Investment:%20by%20Country (дата обращения: 25.12.2025).

[4] Объемы инвестиций — 4,2 и 3,2 млрд долл. соответственно. См. (Винокуров и др., 2025б).

го через этот центр. Как следствие инвестиции компании в свое развитие с 2023 г. составили более 4 млрд р., в том числе в строительство новой контейнерной площадки и увеличение количества железнодорожных веток с 4 до 6[1].

В 2025 г. госкорпорация «Росатом»[2] и китайская компания New Shipping создали совместное предприятие в Китае, которое будет заниматься строительством контейнеровозов для перевозок по Северному морскому пути (СМП)[3]. В июле того же года стартовал новый этап реализации российско-китайского проекта контейнерной линии «Ледовый шелковый путь»[4].

Россия также активно стремится привлечь китайские инвестиции в отрасли с высокой степенью добавленной стоимости, особенно в те, из которых ушли западные инвесторы, и в первую очередь — в автомобилестроение. Помимо решения задачи локализации производства китайских автомобилей на территории России, которая пока реализуется со значительными трудностями, была запущена российско-китайская инициатива по строительству электромобиля «Атом». В проекте «Атом» участвуют РФПИ, международная корпорация XY Group и АО «Кама». Была достигнута договоренность о привлечении китайского инвестора, и идет речь о возможной локализации производства в Китае. Однако пока возникают вопросы о перспективах спроса на данную модель даже на российском рынке[5].

Сохраняют активность китайские компании, действующие в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. После 2022 г. были заявлены два инвестиционных проекта созданной в 2018 г. «Легендагро»[6]: строительство маслоэкстракционного завода по переработке рапса и создание производственно-логистического комплекса (ПЛК) в бухте Суходол[7]. Строительство завода по переработке рапса в Красноярском крае было заявлено еще в конце 2023 г. с планируемыми инвестициями в 8,5 млрд р.[8] Однако, судя по имеющимся источникам, строительство так и не началось, в том числе в связи с возникшими проблемами по выделению земельного участка под проект[9]. По строительству зернового порта в бухте Суходол Минвостокразвития рассчитывает в 2026 г. выйти на заключение соглашения о реализации первого модульного проекта международной территории опережающего развития (МТОР)[10].

Перспективы дальнейшего развития инвестиционного сотрудничества двух стран видятся в диверсификации его направлений (инфраструктура, цифровые технологии, ВИЭ, космос) и совершенствовании институциональных условий для инвестиций. Одним из шагов в последнем направлении стало подписание в мае 2025 г. обновленного российско-китайского Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций (предыдущее было заключено в 2006 г.). В новом соглашении обеспечивается запрет дискриминации инвесторов, компенсация ущерба, причиненного вследствие экспроприации инвестиций, а также предусмотрены механизмы разрешения споров; оговорена возможность передачи спора между инвестором и государством, на территории которого осуществлены инвестиции, в международные арбитражи[11].

В итоге китайские инвестиции в России концентрируются преимущественно в стратегически важных для КНР отраслях (в той части, в какой их допускают российские власти): энергетике (нефть, газ, уголь), добыче и переработке стратегических полезных ископаемых

---

[1] CGTN. (2025, 9 мая). Логистический центр «Белый Раст» в Подмосковье развивает китайско-российскую торговлю. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025-05-09/1920693204351623169/index.html (дата обращения: 23.12.2025).

[2] «Росатом» в 2018 г. был назначен единым инфраструктурным оператором Северного морского пути.

[3] Интерфакс. (2025, 18 июня). «Росатом» и китайская New New Shipping создали СП для строительства арктических контейнеровозов. URL: https://www.interfax.ru/business/1031750 (дата обращения: 23.01.2026).

[4] Росатом. (2025, август). СМП в фокусе интереса. URL: https://rosatomnewsletter.com/ru/2025/08/25/northern-sea-route-in-the-spotlight/?ysclid=mmgxs12qlb81366405 (дата обращения: 23.01.2026).

[5] ЭКСПЕРТ. (2025, 19 декабря). «Атом» зарядили деньгами. ВЭБ раскрыл стоимость создания отечественного электромобиля. URL: https://expert.ru/avto/atom-zaryadili-dengami/?ysclid=mmgxpnmxke764105426 (дата обращения: 12.01.2026).

[6] Российско-китайское СП, подконтрольное китайскому холдингу Joyvio Beidahuang, которое развивает на Дальнем Востоке вертикально интегрированный агрохолдинг.

[7] ГК Легендагро. (б.д.). Проект: Создание Производственно-логистического комплекса. URL: https://legendagro.ru/projects/?ysclid=mmgv501yj11953935 (дата обращения: 12.01.2026).

[8] Деловой квартал. (2023, 21 декабря). В Красноярском крае в 2026 построят завод по переработке рапса. URL: https://krasnoyarsk.dk.ru/news/237195765 (дата обращения: 12.01.2026).

[9] ЗАПАД24. (2025, 22 июля). Мимо Назарово пролетели 6 млрд рублей инвестиции на строительство распиаренного рапсового завода. URL: https://zapad24.ru/news/nazarovo/114728-mimo-nazarovo-proleteli-6-milliardnye-investicii-na-stroitelstvo-raspiarennogo.html (дата обращения: 12.01.2026).

[10] KONKURENT.RU. (2026, 6 марта). Китайская компания поглотит бухту Суходол по зернышку. URL: https://konkurent.ru/article/85186 (дата обращения: 07.03.2026).

[11] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2025, 8 мая). Россия и Китай подписали обновленное Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kitay_podpisali_obnovlennoe_soglashenie_o_pooshchrenii_i_vzaimnoy_zashchite_investiciy.html?ysclid=mmgw83wtw2310296214 (дата обращения: 12.01.2026).

(лес, редкоземельные металлы), а также в торговле и логистике. Это усиливает сложившуюся асимметричную модель сотрудничества: Россия укрепляет свою роль как надёжный поставщик сырья и рынок сбыта китайских товаров, в то время как приток инвестиций в несырьевой, высокотехнологичный сектор, способный диверсифицировать экономику, недостаточно развит.

Заключение

Инвестиционное взаимодействие России и Китая в современных условиях остается достаточно ограниченным. Если до 2014 г. и отчасти до 2022 г. это могло объясняться предпочтением, которое отдавалось в России привлечению западных инвестиций, прежде всего европейских, то после 2022 г. возможности для привлечения иностранных инвестиций, особенно из недружественных стран, резко сократились. Китай в свою очередь сталкивается с ограничениями для исходящих инвестиций, главным образом в развитых странах. Таким образом, распространение процессов фрагментации в мировой экономике, казалось бы, создает предпосылки для развития российско-китайского инвестиционного взаимодействия.

Анализ имеющихся статистических данных свидетельствует о том, что на первом этапе развития процесса фрагментации, по-видимому, действительно наблюдалось усиление инвестиционного взаимодействия двух стран, хотя оно носило скорее ограниченный и затухающий характер. После 2022 г. практически нет статистических подтверждений роста инвестиционного взаимодействия, хотя следует отметить, что оно не всегда может отражаться статистикой. Так, мы наблюдаем ослабление взаимодействия в области прямых инвестиций. Введенные в отношении России начиная с 2022 г. санкции практически перекрывают возможности взаимодействия в области портфельных инвестиций. Так, в августе 2025 г. активно обсуждались перспективы размещения некоторыми крупными российскими компаниями так называемых панда-облигаций[1] в Китае, которые в итоге не были реализованы[2]. В качестве причины назывались опасения относительно возможного отсутствия спроса со стороны китайских организаторов размещений и инвесторов в силу возможного применения санкций[3]. К сожалению, практически невозможно отследить динамику российско-китайского взаимодействия в области прочих инвестиций, которое, по ряду оценок, играет наиболее значимую роль.

Объективными ограничениями для взаимных инвестиций служат различия в структуре экономик России и Китая. Сектора, в которые заинтересован осуществлять вложения Китай (топливно-энергетический, сельское хозяйство), зачастую рассматриваются российской стороной как стратегически важные, что приводит к ограничению иностранных инвестиций в них. В секторе высоких технологий, в развитии которого заинтересованы обе страны, либо отсутствуют привлекательные для китайских инвесторов проекты в России, либо технологии носят закрытый характер, и, тем самым, инвестиции вновь ограничиваются из соображений безопасности. В тех секторах, где Россия заинтересована в привлечении китайских инвестиций (например, машиностроение), Китай стремится реализовывать экспортную, а не инвестиционную модель проникновения на российский рынок. Сквозь призму различий в интересах и определяемой ими политики регулирования иностранных инвестиций могут рассматриваться и отмечаемые инвесторами бюрократические барьеры.

Существующая на данный момент модель фрагментации, которая предполагает сохранение достаточно высокой степени открытости, в том числе финансовой, также ограничивает возможности инвестиционного взаимодействия в силу применения жестких санкций в отношении России и опасений китайской стороны попасть под вторичные санкции или иные ограничения.

Однако траектория процессов фрагментации в мировой экономике сейчас не предопределена. Существует несколько сценариев ее развития. В случае реализации сценария, связанного с жестким блоковым противостоянием, возведением новых барьеров и усилением ограничений для участников противоборствующих блоков, возможно движение в сторону формирования альтернативных моделей международных финансовых систем, включая финансовую инфраструктуру. В подобном сценарии снизится зависимость Китая от существующей финансо-

[1] Речь идет о номинированных в юанях облигациях, размещаемых на внутреннем китайском рынке.

[2] Единственный на настоящее время пример размещения панда-облигаций в Китае российской компанией — это размещение Русалом в 2017 г. на сумму 1,5 млрд юаней. См. Энергетика и промышленность России. (2025). Панда ждет энергетиков: Российским энергокомпаниям откроют китайский облигационный рынок. URL: https://www.eprussia.ru/epr/519/9904284.htm?ysclid=mmruyuk4g3350697202 (дата обращения: 04.01.2026).

[3] LENTA.RU. (2025, 1 октября). Попытки российских компаний занять денег в Китае не привели к успеху. URL: https://lenta.ru/news/2025/10/01/slozhno/?ysclid=mmruvsvm4a907486732 (дата обращения: 04.01.2026).

вой инфраструктуры, контролируемой западными странами, а соответственно, уменьшатся и издержки вторичных санкций. При подобном сценарии возможно усиление инвестиционного взаимодействия России и Китая, в том числе в части построения альтернативных международных финансовых механизмов.

Таким образом, геоэкономическая фрагментация, с одной стороны, создаёт для России определённые преимущества в виде потенциального доступа к китайским инвестиционным ресурсам, но, с другой стороны, сопровождается высокой степенью осторожности со стороны инвесторов, обусловленной глобальными рисками и внутренней трансформацией экономики Китая. Изменения в инвестиционном взаимодействии в динамике могут произойти в силу структурных изменений в экономиках двух стран (прежде всего, России), а также в силу изменений в сценарии фрагментации, реализующемся в настоящее время в мировой экономике.

Список источников

Булатов, А. С., Галищева, Н. В., Кузнецов, А. В., Калашников, Д. Б., Перцева, С. Ю., Ребрей, С. М. (2024). *Россия в международном движении капитала в 2021 — начале 2023 года: Аналитический доклад* (А. С. Булатова, Ред.). Москва: Издательство «МГИМО-Университет», 124.

Ван, Ц. (2022а). Инвестиционная деятельность китайских компаний в энергетическом секторе РФ: барьеры и перспективы. *Экономическая наука современной России,* (3(98)), 65–72. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-3(98)-65-72

Ван, Ц. (2022б). Анализ текущего состояния и эффективности инвестиций китайских предприятий в энергетический сектор России. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (1), 133–155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_133_155

Вардомский, Л. (2023). Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. *Журнал Новой экономической ассоциации, 58* (1), 142–148. https://doi.org/10.31737/22212264_2023_1_142

Винокуров, Е. (Ред.), Малахов, А., Забоев, А., Омаров, А., Хайбрахманов, Т. (2025). *Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклады 25/1.* Алматы: Евразийский банк развития, 45.

Винокуров, Е. (Ред.), Забоев, А., Кузнецов, А., Малахов, А., Омаров, А., Серик, Е. (2025). *Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 25/15.* Алматы: Евразийский банк развития, 46.

Волынский, А., Круглова, М. (2024). Китайские инвестиции в России в контексте внешнеэкономической стратегии КНР. *Общество и экономика,* (9), 57–72. https:// doi.org/10.31857/S0207367624090042

Головнин, М. Ю. (Ред.), Николаев, И. А., Ахапкин, Н. Ю. (2025). *Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития (Научный доклад).* Москва: ИЭ РАН, 120.

Квашнина, И. А. (2024). Новые тенденции в глобальных потоках прямых иностранных инвестиций. *Вестник Института экономики Российской академии наук,* (3), 61–75. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75

Колодко, Г. В. (2009). *Мир в движении.* Москва: Магистр, 576.

Моисеева, Д. Э., Кулинич, А. Д. (2024). Новая архитектура регулирования прямых иностранных инвестиций в Европейском союзе. *Вестник МГИМО-Университета, 17* (5), 80–99. https://doi.org/0.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99

Хейфец, Б. А. (2024). *Станет ли современная геополитическая фрагментация долговременной тенденцией новой регионализации глобального экономического пространства?* Москва: Институт экономики РАН, 110.

Bacchetta, M., Beverelli, C., Cadot, O., Fugazza, M., Grether, J.-M., Helble, M., Nicita, A., & Piermartini, R. (2012). *A practical guide to trade policy analysis.* Geneva: WTO, 232.

Bolt, W., van den End, J. W., de Grip, J., Mavromatis, K., Verhoeks, R., & de Vette, N. (2023) *Geo-Economic Fragmentation: Economic and Financial Stability Implications.* Netherlands: De Nederlandsche Bank, 22.

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A New Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 103986. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Horn, S., Reinhart, C. M., & Trebesch, C. (2019). China's overseas lending. *Journal of International Economics, 133,* 103539. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2021.103539

International Monetary Fund. (2023). Geoeconomic fragmentation and foreign direct investment. In *World Economic Outlook, April 2023: A Rocky Recovery* (Chapter 4, pp. 91–114).

Malik, A., Parks, B., Russell, B., Lin, J., Walsh, K., Solomon, K., Zhang, S., Elston, T., & Goodman, S. (2021). *Banking on the Belt and Road: Insights from a new global dataset of 13,427 Chinese development projects.* Williamsburg: William & Mary, 166.

Norring A. (2024). *Geoeconomic fragmentation, globalization, and multilateralism.* Finland: Bank of Finland, 38.

United Nations. (2025). *World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy.* Geneva: United Nations, 278.

Zhirikov, V. (2025). Analysis of the Sectoral Structure of Foreign Direct Investment Between the Russian Federation and the People's Republic of China. *BRICS Journal of Economics, 6* (3), 31–45. https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598

References

Bacchetta, M., Beverelli, C., Cadot, O., Fugazza, M., Grether, J.-M., Helble, M., Nicita, A., & Piermartini, R. (2012). A Practical Guide to Trade Policy Analysis. Geneva: WTO, 232.

Bolt, W., van den End, J. W., de Grip, J., Mavromatis, K., Verhoeks, R., & de Vette, N. (2023). *Geo-Economic Fragmentation: Economic and Financial Stability Implications.* Netherlands: De Nederlandsche Bank, 22.

Bulatov, A. S., Galishcheva, N. V., Kuznetsov, A. V., Kalashnikov, D. B., Pertseva, S. Yu., & Rebrey, S. M. (2024). *Rossiya v Mezhdunarodnom Dvizhenii Kapitala v 2021 — Nachale 2023 Goda: Analiticheskiy Doklad [Russia in the International Capital Movement in 2021 — Early 2023: Analytical Report]* (A. S. Bulatov, Ed.). Moscow: MGIMO University Press, 124. (In Russ.)

Golovnin, M. Yu. (Ed.), Nikolaev, I. A., & Akhapkin, N. Yu. (2025). *Rossiyskaya Ekonomika pod Sanktsionnym Davleniem: Promezhutochnye Itogi (2022–2025 gg.) i Perspektivy Razvitiya [Russian Economy Under Sanction Pressure: Intermediate Results (2022–2025) and Development Prospects] (Scientific report).* Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 120. (In Russ.)

Gopinath, G., Gourinchas, P.-O., Presbitero, A. F., & Topalova, P. (2025). Changing global linkages: A New Cold War? *Journal of International Economics, 153,* 103986. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2024.104042

Horn, S., Reinhart, C. M., & Trebesch, C. (2019). China's Overseas Lending. *Journal of International Economics, 133,* 103539. https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2021.103539

International Monetary Fund. (2023). Geoeconomic Fragmentation and Foreign Direct Investment. In *World Economic Outlook, April 2023: A Rocky Recovery* (Chapter 4, pp. 91–114).

Kheyfets, B. A. (2024). *Stanet li Sovremennaya Geopoliticheskaya Fragmentatsiya Dolgovremennoy Tendentsiey Novoy Regionalizatsii Globalnogo Ekonomicheskogo Prostranstva? [Will Modern Geopolitical Fragmentation Become a Long-Term Trend of the New Regionalization of the Global Economic Space?].* Moscow: Institute of Economics RAS, 110. (In Russ.)

Kolodko, G. W. (2009). *Mir v Dvizhenii [World in Motion].* Moscow: Magistr, 576. (In Russ.)

Kvashnina, I. A. (2024). New Tendencies in Global FDI Flows. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (3), 61–75. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_3_61_75

Malik, A., Parks, B., Russell, B., Lin, J., Walsh, K., Solomon, K., Zhang, S., Elston, T., & Goodman, S. (2021). *Banking on the Belt and Road: Insights from a New Global Dataset of 13,427 Chinese Development Projects.* Williamsburg: William & Mary, 166.

Moiseeva, D. E., & Kulinich, A. D. (2024). New Architecture of Foreign Direct Investment Regulation in the European Union. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 17* (5), 80–99. https://doi.org/0.24833/2071-8160-2024-5-98-80-99 (In Russ.)

Norring A. (2024) *Geoeconomic Fragmentation, Globalization, and Multilateralism.* Finland: Bank of Finland, 38.

United Nations. (2025). *World Investment Report 2025: International Investment in the Digital Economy.* Geneva: United Nations, 278.

Van, J. (2022a). Investment Activity of Chinese Companies in the Energy Sector of the Russian Federation: Barriers and Further Prospects. *Ekonomicheskaya Nauka Sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia],* (3(98)), 65–72. https://doi.org/ 10.33293/1609-1442-2022-3(98)-65-72 (In Russ.)

Van, J. (2022b). Analysis of the Current State and Efficiency of Investments by Chinese Enterprises in the Russian Energy Sector. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences],* (1), 133–155. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_133_155 (In Russ.)

Vardomsky, L. (2023). Russian-Chinese Economic Ties amid Growing International Tensions. *Journal of the New Economic Association, 58* (1), 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142

Vinokurov, E. (Ed.), Malakhov, A., Zaboev, A., Omarov, A., & Khaybrakhmanov, T. (2025). *Vzaimnye Investitsii na Evraziyskom Kontinente: Novye i Starye Partnery [Mutual Investments on the Eurasian Continent: New and Old Partners] (Report No. 25/1).* Almaty: Eurasian Development Bank, 45. (In Russ.)

Vinokurov, E. (Ed.), Zaboev, A., Kuznetsov, A., Malakhov, A., Omarov, A., & Serik, E. (2025). *Kitay i Evraziyskiy Region: Analiz Investitsionnykh Potokov na Osnove Monitoringa Vzaimnykh Investitsiy EABR [China and the Eurasian Region: Analysis of Investment Flows Based on the EDB Mutual Investment Monitoring] (Report No. 25/15).* Almaty: Eurasian Development Bank, 46. (In Russ.)

Volinsky, A., & Kruglova, M. (2024). Chinese Investments in Russia in the Context of China's Foreign Economic Strategy. *Obshchestvo i Ekonomika [Society and Economy],* (9), 57–72. https://10.31857/S0207367624090042

Zhirikov, V. (2025). Analysis of the Sectoral Structure of Foreign Direct Investment Between the Russian Federation and the People's Republic of China. *BRICS Journal of Economics, 6* (3), 31–45. https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598

Информация об авторах

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57196033994; https://orcid.org/0000-0001-6687-0744 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; mgecon@inecon.ru).

Волынский Андрей Игоревич — научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57207202443; https://orcid.org/0000-0002-6786-8870 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; volinskii_ai@inecon.ru).

Круглова Мария Семеновна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук; Scopus Author ID: 57207204902; https://orcid.org/0000-0001-8731-7702 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32; mashakruglova999@gmail.com).

About the authors

Mikhail Yu. Golovnin — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Econ.), Director, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57196033994; https://orcid.org/0000-0001-6687-0744 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; mgecon@inecon.ru).

Andrey I. Volynskiy — Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57207202443; https://orcid.org/0000-0002-6786-8870 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; volinskii_ai@inecon.ru).

Maria S. Kruglova — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Senior Research Fellow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57207204902; https://orcid.org/0000-0001-8731-7702 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; mashakruglova999@gmail.com).

Использование средств ИИ

Функционал модели DeepSeek был задействован в целях приведения списка литературы к единому стандарту оформления, а также для осуществления сверки цитирований в основном тексте с выходными данными источников в библиографическом перечне.

Use of AI tools declaration

The DeepSeek model was used to standardize the formatting of the reference list and to verify that the citations in the main text correspond accurately to the bibliographic information provided in the reference list.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026.
Прошла рецензирование: 08.05.2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 15 Feb 2026.
Reviewed: 08 May 2026.
Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3
УДК 339.9:332.1(575.4/.7+470)
JEL F15, F21, F42, O19, R11

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Ю. Ли

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Интеграционные процессы в центральной Азии и трансформация роли России: институциональная эволюция, экономическая взаимосвязанность и региональная субъектность[1]

Аннотация. Интеграционные процессы в Центральной Азии развиваются в условиях сочетания унаследованной от советского периода структурной взаимозависимости, диверсификации внешнеэкономических связей и усиления самостоятельности государств региона. Цель исследования состоит в выявлении основных этапов центральноазиатской интеграции и определении характера трансформации роли России в региональной экономической и институциональной системе. Теоретическую основу работы составляют концепции нового регионализма, исторического институционализма и региональной субъектности. Исследование охватывает период 1991–2025 гг. и включает Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Применяются процесс-трейсинг, сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ, анализ документов и описательная интерпретация статистических данных Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка и OECD. Выделены три этапа развития интеграционных процессов: государственное строительство и внешне обеспечиваемое сотрудничество в 1991–2004 гг.; институционализация российских интеграционных инициатив и множественная интеграция в 2005–2017 гг.; усиление внутрирегиональной координации и открытый регионализм после 2018 г. Установлено, что изменение роли России носит функционально дифференцированный характер: относительное снижение центральности наиболее заметно в торговле, инвестициях и нормативной привлекательности, тогда как трудовая миграция, денежные переводы, энергетика, безопасность, транспортные и русскоязычные коммуникационные сети сохраняют высокую устойчивость. Российско-украинский конфликт ускорил диверсификацию маршрутов и партнёрств, но не привёл к разрыву экономических и институциональных связей. Центральноазиатская интеграция развивается не по траектории вытеснения России, а в форме многоуровневого сочетания внутрирегиональных, евразийских и трансрегиональных механизмов. Теоретическая значимость исследования заключается в разграничении центральноазиатской и евразийской интеграции и в представлении российского влияния как совокупности экономических, институциональных, социальных, инфраструктурных и нормативных компонентов.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, Россия, ЕАЭС, региональная субъектность, экономическая взаимосвязанность, трудовая миграция, транспортные коридоры, открытый регионализм, множественная интеграция, Большая Евразия

Благодарность: *Автор выражает признательность анонимным рецензентам и редакции журнала за замечания, способствовавшие уточнению структуры и аргументации статьи. Статья подготовлена в рамках инновационного проекта Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук «Многосторонние и региональные механизмы сотрудничества и управления в Евразийском регионе с позиций регионализма и регионального управления» (номер инновационного проекта: 2024EOYB03).*

Для цитирования: Ли, Ю. (2026). Интеграционные процессы в центральной Азии и трансформация роли России: институциональная эволюция, экономическая взаимосвязанность и региональная субъектность. *Экономика региона, 22*(3), 503–517. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3

[1] © Ли Ю. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Yonghui Li

Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Integration Processes in Central Asia and the Transformation of Russia's Role: Institutional Evolution, Economic Interconnectedness, and Regional Agency

Abstract. Integration processes in Central Asia are developing under the combined influence of structural interdependence inherited from the Soviet period, diversification of external economic relations, and the growing autonomy of regional states. The aim of this study is to identify the main stages of Central Asian integration and to determine the nature of the transformation of Russia's role in the regional economic and institutional system. The theoretical framework of the study is based on the concepts of new regionalism, historical institutionalism, and regional agency. The research covers the period from 1991 to 2025 and examines Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. The study combines process tracing, comparative-historical and structural-functional analysis, document analysis, and descriptive analysis of statistical data from the Eurasian Economic Commission, the World Bank, and the OECD. Three stages of integration development are identified: state-building and externally supported cooperation (1991–2004); institutionalization of Russian integration initiatives and multiple forms of integration (2005–2017); and strengthening of intra-regional coordination and open regionalism after 2018. The findings demonstrate that the transformation of Russia's role is functionally differentiated: a relative decline in centrality is most evident in trade, investment, and regulatory attractiveness, while labour migration, remittances, energy cooperation, security relations, transport networks, and Russian-language communication networks remain highly resilient. The Russia–Ukraine conflict accelerated the diversification of routes and partnerships but did not result in a rupture of economic and institutional ties. Central Asian integration is developing not through the displacement of Russia, but through a multi-level combination of intra-regional, Eurasian, and transregional mechanisms. The theoretical contribution of the study lies in differentiating between Central Asian and broader Eurasian integration processes and conceptualizing Russian influence as a combination of economic, institutional, social, infrastructural, and normative dimensions.

Keywords: Central Asia, regional integration, Russia, Eurasian Economic Union, regional agency, economic interdependence, labour migration, transport corridors, open regionalism, multiple integration, Greater Eurasia

Acknowledgments: *The author expresses gratitude to the anonymous reviewers and the journal's editorial team for their comments, which helped improve the structure and argumentation of the article. The article was prepared within the framework of the Innovation Project of the Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences, "Multilateral and Regional Mechanisms of Cooperation and Governance in the Eurasian Region: From the Perspectives of Regionalism and Regional Governance" (Innovation Project No. 2024EOYB03).*

For citation: Li, Y. (2026). Integration Processes in Central Asia and the Transformation of Russia's Role: Institutional Evolution, Economic Interconnectedness, and Regional Agency. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 503–517. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3

Введение

После распада Советского Союза пять государств Центральной Азии одновременно столкнулись с задачами государственного строительства, рыночной трансформации, пограничного регулирования и формирования новой региональной системы. Унаследованные транспортные коммуникации, энергетические сети, производственные цепочки, рынок труда и механизмы безопасности сохраняли высокую степень трансграничной взаимозависимости. Поэтому укрепление национального суверенитета не могло быть достигнуто посредством простого разрыва прежних связей. Одновременно новые государства стремились не допустить восстановления такой институциональной модели, которая вновь поставила бы регион в структурную зависимость от одного внешнего центра силы.

Центральноазиатская интеграция с самого начала имела двойственную природу. С одной стороны, она служила функциональным инструментом снижения издержек внутриконтинентального положения, фрагментации рынков и трансграничных угроз. С другой стороны, развитие регионального сотрудничества расширяло возможности государств Центральной Азии проводить многовекторную политику и усиливать собственную переговорную позицию во взаимодействии с Россией, Китаем, западными странами, Турцией и другими внешними партнёрами (Cooley, 2012; Laruelle, 2017; Чжан, 2022).

Россия остаётся наиболее устойчивым внешним участником этих процессов. Источником её влияния выступает не только историческое восприятие региона как пространства особых интересов, но прежде всего институциональная и экономическая связанность, сформированная

в советский период. СНГ, ОДКБ и ЕАЭС образуют основные организационные опоры российского присутствия; военная инфраструктура, совместные учения, приграничное сотрудничество, энергетические сети, рынок труда и русскоязычная коммуникационная среда придают этому присутствию устойчивый функциональный характер (Jackson, 2003; Малашенко, 2012; Silvan, 2021).

Государства региона, однако, не являлись пассивными объектами российской интеграционной политики. Инициатива Евразийского союза, выдвинутая Н.А. Назарбаевым в 1994 г., создание Центральноазиатского экономического сообщества и регуляризация консультативных встреч глав государств Центральной Азии после 2018 г. показывают, что страны региона одновременно используют внешние институты и создают собственные механизмы координации.

События после 2022 г. сделали противоречия данной модели более заметными. Санкции, перестройка логистики, риски вторичных ограничений и усиление дискуссий о суверенитете снизили приемлемость России в качестве единственного центра регионального порядка. Вместе с тем российское влияние в безопасности, энергетике, торговле, миграции и языковой сфере не исчезло. Казахстан и Узбекистан ускорили развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута, механизма «Китай — Центральная Азия» и Организации тюркских государств, продолжая при этом поддерживать крупномасштабные экономические связи с Россией. Кыргызстан и Таджикистан сохраняют особенно высокую зависимость от российского рынка труда и связанных с ним денежных переводов. В результате в Центральной Азии сложилась ситуация, характеризующаяся не простой дерусификацией, а сосуществованием многоуровневых институтов, разделением функций по вопросам и перебалансировкой отношений (Kazantsev et al., 2021; Цзэн, 2024; Silvan, 2022).

Научная проблема состоит в том, что российское влияние часто измеряется как единая величина и описывается либо как рост, либо как упадок. Такой подход не учитывает разнонаправленную динамику торговли, инвестиций, безопасности, миграции, институционального предложения и нормативной легитимности. Кроме того, центральноазиатская интеграция нередко смешивается с евразийской интеграцией, хотя первая отражает внутреннюю координацию пяти государств, а вторая — деятельность большего количества институтов, в которой Россия играет ведущую роль. Её влияние в дальнейшем будет зависеть в первую очередь не от исторических связей, а от способности снизить дополнительные политические требования к сотрудничеству, повысить эффективность институтов и учитывать стратегическую автономию стран Центральной Азии.

Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: ведёт ли укрепление внутрирегиональной координации Центральной Азии к вытеснению России или к функциональной перестройке её роли? Россия переходит от роли институционального руководителя с иерархическим характером к роли ключевого координатора и поставщика общественных благ, сохраняющего преимущества в таких областях, как безопасность, трудовые ресурсы, энергетика и евразийские коридоры.

Цель исследования — выделить этапы центральноазиатской интеграции и объяснить, каким образом развитие региональной субъектности меняет экономические и институциональные функции России. Для достижения цели решаются три задачи: выявляются этапы эволюции регионального сотрудничества; анализируются механизмы российского участия; оценивается влияние изменений после 2022 г. на структуру региональных институтов и экономических связей. Авторская гипотеза заключается в том, что интеграция развивается не по линейной траектории от российского доминирующего положения к исключению России, а как сочетание усиления внутреннего сотрудничества, сосуществования внешних институтов и перераспределения российских функций.

Обзор литературы

Ранние западные исследования рассматривали Центральную Азию прежде всего как пространство постсоветского государственного строительства, слабости институтов и соперничества великих держав. M.B. Olcott (1996) подчёркивала противоречие между формированием национальной государственности и сохранением экономической взаимозависимости. R. Allison (2004) связывал ограничения регионального сотрудничества с приоритетом режимной безопасности, асимметрией потенциалов и вмешательством внешних акторов.

O. Roy (2000) показал, что региональная трансформация связана с конструированием новых национальных идентичностей и политических пространств. A. Cooley (2012) развил тезис о том, что государства Центральной Азии способны использовать конкуренцию внешних партнёров, осуществляя институциональный и ресурсный арбитраж. Коллективные исследования под редакцией M. Laruelle (2017) дополнительно продемонстрировали, что внутренние социальные, экономические и политические изменения формируют самостоятельную региональную динамику, не сводимую к колебаниям российского влияния.

Теория нового регионализма расширила понимание интеграции за пределы европейской наднациональной модели. Региональное сотрудничество может развиваться через регулярные политические консультации, отраслевые проекты, функциональные сети и институциональное наложение (Hettne & Söderbaum, 2000). Для Центральной Азии эта перспектива особенно значима: государства не готовы к масштабной передаче суверенитета, однако устойчиво координируют вопросы транспорта, водных ресурсов, границ, торговли и безопасности.

Исследования российской политики прошли путь от анализа восстановления сферы влияния к изучению дифференцированных механизмов участия. Jackson (2003) рассматривал политику России в СНГ как сочетание задач безопасности, идентичности и великодержавного статуса. Liu Fenghua (2007) выделил переход от относительного невнимания к региону в 1990-е гг. к активизации двусторонних и многосторонних механизмов в период президентства В.В. Путина.

Тренин (2008) подчёркивал, что российские интересы включают безопасность южных рубежей, экономические и миграционные связи и сохранение евразийского статуса, но не гарантируют принятия иерархического порядка государствами региона. Малашенко (2012) отмечал сочетание глубокого историко-культурного капитала с ограниченностью экономических ресурсов, необходимых для монопольного влияния.

Silvan (2021; 2022) предлагает наиболее продуктивную для настоящего исследования трактовку: российское влияние снижается постепенно и неравномерно. Экономическая центральность меняется быстрее, чем социально-языковые и безопасностные связи. Kazantsev et al. (2021) рассматривают российско-китайское взаимодействие как сочетание координации, функционального разделения и асимметрии, а не как простую игру с нулевой суммой.

Работы по евразийской интеграции выявили устойчивое противоречие между развитостью формальных институтов и ограниченной реализацией решений. Вардомский и др. (2005) указывали на сходство экспортных структур, различия в уровнях развития и слабость исполнения. Libman и Vinokurov (2012) предложили концепцию удерживающей интеграции, а Dragneva и Wolczuk (2017) показали, что развитая правовая структура ЕАЭС ограничивается геополитическими целями и чувствительностью членов к суверенитету. Ван Чжи (2018) анализирует Евразийский экономический союз с точки зрения как достижений, так и вызовов, отмечая сосуществование процесса формирования единого рынка и политических опасений; Ван Чжи (2023) дополнительно использует термин «многоуровневая интеграция» для описания реалий управления в регионе Евразии, характеризующихся наличием множества организаций и пересечения различных вопросов.

В китайской литературе развитие региональной координации связывается с ростом субъектности Центральной Азии. Гу Вэй (2020) описывает переход от единой организационной модели к множественным платформам. Чжан Нин (2022) рассматривает консультативные встречи глав государств как признак формирования внутреннего политического центра региона. Цзэн Сянхун (2024) подчёркивает расширение повестки, гибкость механизмов и влияние крупномасштабных международных изменений.

Литература после 2022 г. концентрируется на трёх темах: изменении торговли и логистики под влиянием санкций; усилении суверенной риторики и многовекторности; сохранении роли российского рынка труда, энергетики и безопасности. Материалы OECD (2023) показывают, что санкционный шок не просто сократил связи, а изменил их структуру, повысив значение реэкспорта, комплаенса и новых транспортных маршрутов[1].

Современные исследования в китайской академической среде всё больше сосредоточены на стратегической автономии и перестройке модели безопасности. Сюй Тао (2025) объясняет рост осознания стратегической автономии стран Центральной Азии зрелостью процесса национального формирования, диверсификацией внешних влияющих факторов и улучшением регионального сотрудничества; Сунь Чжуанчжи (2025) анализирует сложность безопасностных рисков в условиях конкуренции крупных держав; Хуан Дэнсюэ и Хань Кэ (2025) рассматривают эффективность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с точки зрения противоречий между возможностями доминирующей державы и развитием институциональной базы; Ян Цзинь (2026) использует теорию комплексной региональной безопасности для анализа структуры безопасности после конфликта между Россией и Украиной. Учитывая, что данные о публикациях за 2025–2026 гг. ещё не полностью доступны, в данной статье они используются исключительно в качестве ориентира для исследовательских тем и точек зрения, а не в качестве единственного источника ключевых данных.

[1] В отчёте Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Упрощение торговли в Центральной Азии», опубликованном в 2023 г., а также в связанных исследованиях эта ключевая идея чётко изложена. Данное наблюдение ясно демонстрирует структурные изменения в региональной экономике, вызванные геополитическими конфликтами, а не просто разрывом связей между странами.

Несмотря на значительный объём исследований, недостаточно изучено обратное воздействие внутрирегиональной интеграции на российскую стратегию. Также отсутствует единая модель, соединяющая структурную зависимость, институциональное предложение и региональную субъектность. Настоящая статья заполняет этот пробел посредством разделения российского влияния на пять функциональных измерений и сравнительного анализа трёх этапов. Таким образом, теоретическая новизна данной статьи заключаются в следующем: во-первых, интеграция определяется как «способность к координации внутри региона», а не просто расширение числа организационных участников; во-вторых, влияние России разбивается на пять измерений — институциональное обеспечение, безопасные общественные блага, экономические сети, социальные связи и нормативная легитимность; в-третьих, на основе сравнения этапов развития показано, что укрепление эндогенной интеграции в Центральной Азии не только ограничивает гегемонию России по иерархической структуре, но и создаёт новые возможности для её участия в предоставлении региональных общественных благ в качестве равноправного партнёра.

Теоретические основы и аналитическая модель

Новый регионализм используется как общая теоретическая перспектива. В отличие от подходов, измеряющих интеграцию через таможенный союз, общий рынок и наднациональные органы, он рассматривает регион как открытую систему, в которой взаимодействуют государства, международные организации, предприятия и транснациональные сети. Центральноазиатская интеграция определяется как низкоинституционализированный, но устойчиво углубляющийся процесс координации.

Исторический институционализм объясняет зависимость от предшествующего пути развития. Советские железнодорожные направления, трубопроводы, производственная специализация, русский язык и трудовая мобильность создали начальные условия, которые продолжили действовать после 1991 г. Критическими поворотными моментами стали распад СССР, антитеррористическая повестка после 2001 г., Таможенный союз 2010 г., изменение политики Узбекистана после 2016 г. и специальная военная операция после 2022 г. Новые механизмы, как правило, накладываются на прежние сети, а не полностью их заменяют.

Региональная субъектность определяется как способность государств Центральной Азии самостоятельно устанавливать приоритеты регионального сотрудничества и организовывать коллективные действия без монополизации повестки одним внешним актором. Наблюдаемыми признаками являются устойчивость механизмов, объединяющих только государства региона; самостоятельное урегулирование трансграничных вопросов; диверсификация партнёров; развитие альтернативных транспортных маршрутов; способность вести переговоры с внешними институтами на более выгодных условиях.

В исследовании проверяются следующие гипотезы.

H1. Чем выше степень институционализации внутреннего сотрудничества Центральной Азии, тем слабее способность России формировать региональный порядок на исключительной основе, но тем шире возможности её участия в качестве функционального партнёра.

H2. Российское влияние изменяется несинхронно: экономическая центральность и нормативная легитимность снижаются быстрее, чем устойчивость связей в безопасности, энергетике, трудовой миграции и языковой сфере.

H3. События после 2022 г. являются ускорителем функциональной трансформации, но не точкой выхода России из Центральной Азии. Они одновременно стимулируют диверсификацию и усиливают отдельные формы взаимозависимости.

Данные и методы

Исследование охватывает 1991–2025 гг. и пять государств Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Выбор полного регионального набора позволяет учитывать различия между членами и не членами ЕАЭС и ОДКБ, экспортёрами и импортёрами рабочей силы, а также государствами с различными моделями внешней политики.

Источники отбирались по трём критериям: приоритет договоров, правительственных документов и баз международных организаций; сопоставимость статистики; представленность русскоязычной, китайской и англоязычной литературы. Используются документы СНГ, ОДКБ, ШОС и ЕАЭС, материалы консультативных встреч, данные Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка и OECD, а также национальные статистические публикации.

Процесс-трейсинг применяется для выявления ключевых событий и механизмов перехода между этапами. Сравнительно-исторический анализ используется для сопоставления институциональной структуры, приоритетов и функций России. Анализ документов охватывает учредительные договоры, концепции внешней политики и решения региональных саммитов. Описательная статистика применяется для проверки направленности изменений торговли, денежных переводов и институциональных связей.

Таблица 1

Операционализация ключевых понятий

Table 1

Operationalization of Key Concepts

Концепт	Измерение	Наблюдаемые индикаторы
Региональная субъектность	Внутренняя координация	Регулярность встреч; совместные инициативы; урегулирование границ и трансграничных вопросов
	Диверсификация	Структура партнёров; альтернативные маршруты; участие в разных форматах
Роль России	Экономические сети	Торговля, инвестиции, энергетика, расчёты, производственные цепочки
	Безопасность	Военная инфраструктура, обучение, учения, кризисное реагирование
	Социальные связи	Миграция, переводы, русский язык, образование и медиа
	Институциональное предложение	СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, двусторонние режимы
	Нормативная легитимность	Приемлемость лидерства, согласованность позиций, восприятие суверенитета

Источник: составлено автором на основе теоретической модели исследования.

Интенсивность российской роли *R* представлена как совокупность пяти измерений: экономические сети *E*, общественные блага в сфере безопасности *S*, институциональное предложение *I*, социально-культурные связи *C* и нормативная легитимность *L*. Исследование не формирует псевдоточный интегральный индекс. Вместо этого применяется структурированное сфокусированное сравнение, в котором качественные оценки проверяются торговыми, миграционными и институциональными данными.

Исследование не использует причинно-эконометрическую оценку. Такое ограничение связано с неоднородностью национальной статистики, влиянием реэкспорта, неформальной миграции, ценовых и валютных изменений. Поэтому выводы относятся к идентификации механизмов и устойчивых тенденций, а не к оценке точных предельных эффектов.

Результаты исследования

Три этапа центральноазиатской интеграции

Государственное строительство и внешне обеспечиваемое сотрудничество, 1991–2004 гг.

Основным противоречием первого этапа было сочетание суверенного государственного строительства с сохранением советской взаимозависимости. Соглашение о создании СНГ обеспечило минимальную политическую и экономическую координацию, но не сформировало жёстких механизмов исполнения[1]. Договор о коллективной безопасности 1992 г. поддерживал общее оборонное пространство, а Россия играла заметную роль в мирном урегулировании в Таджикистане, защите границ и военно-технической помощи[2].

Одновременно Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан создали в 1994 г. Центральноазиатский экономический союз, к которому позднее присоединился Таджикистан[3]. Организация фокусировалась на общем рынке, транспорте и водных ресурсах, но столкнулась с конкуренцией, сходством экономических структур, слабым исполнением решений и угрозами из Афганистана. Включение этой структуры в Евразийское экономическое сообщество в 2004 г. обозначило переход от первой самостоятельной региональной попытки к более широкому формату с ведущей ролью России[4].

В этот период Россия выполняла функции гаранта безопасности и распорядителя постсоветского институционального наследия. Однако её экономические ресурсы были недостаточны для полной модернизации региона. Усиление присутствия США после 2001 г. и создание ШОС расширили число внешних институтов, что стало началом перехода от моноцентричной к множественной структуре[5].

Институционализация российских инициатив и множественная интеграция, 2005–2017 гг.

Второй этап характеризовался укреплением формальных евразийских институтов и одновременной диверсификацией внешних связей. Таможенный союз России, Беларуси

[1] Единый реестр правовых актов СНГ. (1991, 8 декабря). Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. URL: https://eccis.org/document/1 (дата обращения: 20.07.2026).

[2] Официальный портал ОДКБ. (1992, 15 мая). Договор о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 20.07.2026).

[3] Единый реестр правовых актов СНГ. (1994, 30 апреля). Договор о создании Единого экономического пространства. URL: https://eccis.org (дата обращения: 20.07.2026).

[4] Единый реестр правовых актов СНГ. (2004, 18 октября). Решение об интеграции организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» в Евразийское экономическое сообщество. URL: https://eccis.org (дата обращения: 20.07.2026).

[5] Официальный портал ШОС. (2001, 15 июня). Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества». URL: https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html (дата обращения: 20.07.2026).

Таблица 2

Этапы развития центральноазиатской интеграции

Table 2

Stages of Central Asian Integration

Этап	Период	Основные механизмы	Ключевые интересы стран региона	Роль России
I	1991–2004	СНГ; ДКБ; Центральноазиатское экономическое сообщество; ранняя ШОС	Суверенитет; безопасность; сохранение базовых связей	Гарант безопасности; распорядитель наследия
II	2005–2017	ЕврАзЭС; Таможенный союз; ЕАЭС; ОДКБ; ШОС	Доступ к рынкам; мобильность труда; институциональный баланс	Конструктор и лидер институтов
III	2018–2025	Консультативные встречи; Китай — Центральная Азия; Транскаспийский маршрут; существующие евразийские механизмы	Стратегическая автономия; субъектность; диверсификация маршрутов и партнёров	Функциональный координатор; выборочный поставщик общественных благ

Источник: составлено автором.

и Казахстана начал работу в 2010 г.[1]; в 2015 г. был создан ЕАЭС, к которому присоединился Кыргызстан. Союз обладал более развитой правовой базой, постоянной комиссией, единым тарифом и механизмами разрешения споров[2].

Членство государств Центральной Азии осталось дифференцированным. Казахстан и Кыргызстан вошли в ЕАЭС, тогда как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан сохранили дистанцию различной степени. Казахстан настаивал на экономической природе объединения, Узбекистан — на автономии политики, Туркменистан — на постоянном нейтралитете. Это показывает, что евразийская интеграция стала лишь одним уровнем региональной архитектуры.

В сфере безопасности ОДКБ сформировала институциональные условия для российского военного присутствия, быстрого реагирования и совместных учений. В 2002 г. Договор о коллективной безопасности был преобразован в Организацию по договору о коллективной безопасности — первую официальную региональную военно-политическую альянсную структуру в космической зоне бывшего Советского Союза, которая предоставила России институциональные механизмы для легального размещения войск в Центральной Азии и оперативного вмешательства при кризисах[3]. В 2003 г. Россия разместила свои войска на авиабазе Канте в Кыргызстане и совместно с 201-й дивизией Таджикистана создала двойной военный опорный пункт в Центральной Азии[4]. ШОС обеспечивала более широкую площадку, объединяя Россию, Китай и государства Центральной Азии. Россия перешла от прямого контроля к поддержанию влияния через институциональную встроенность.

Внутренняя координация и открытый регионализм, с 2018 г. по настоящее время

Начало регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии в 2018 г. стало основным институциональным признаком третьего этапа. Формат не включает внешние державы и не создаёт жёстких наднациональных органов, но способствует координации вопросов границ, транспорта, воды, торговли и безопасности[5].

Региональная интеграция приобретает открытый и проектный характер. Государства одновременно участвуют в ЕАЭС, ШОС, СНГ, ОДКБ, Организации тюркских государств, механизме «Китай — Центральная Азия», С5+1 и проектах Транскаспийского маршрута. Наложение институтов становится не только источником фрагментации, но и инструментом функционального разделения и диверсификации рисков.

Три этапа различаются прежде всего структурой агентности: первый был ориентирован на суверенное выживание и внешнее обеспечение безопасности; на втором этапе параллельно развивались официальная система, контролируемая Россией, и внешняя диверсификация; третий этап характеризуется улучшением способности стран Центральной Азии к самокоординации. Россия остаётся важным участником, но утрачивает монополию на определение содержания интеграции.

[1] Eurasian Economic Commission. (2007, October 6). Dogovor o Sozdanii Edinoy Tamozhennoy Territorii i Formirovanii Tamozhennogo Soyuza [Treaty on the Creation of a Single Customs Territory and the Formation of the Customs Union]. EEC Official Portal. URL: https://eaeunion.org (дата обращения: 20.07.2026).

[2] Правовой портал ЕАЭС. (2014, 29 мая). Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: https://docs.eaeunion.org (дата обращения: 20.07.2026).

[3] Официальный портал ОДКБ. (2002, 7 октября). Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/ (дата обращения: 20.07.2026).

[4] Официальный интернет-портал правовой информации РФ. (2003, 22 сентября). Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.07.2026).

[5] Официальный сайт Президента Республики Казахстан. (2018, 15 марта). Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии. URL: https://www.akorda.kz (дата обращения: 20.07.2026).

Функциональная трансформация роли России

Изменение российской роли может быть описано как переход от гарантирования к институциональному лидерству и далее к координации. Эти функции не заменяют друг друга полностью. В 1990-е гг. легитимность российского участия опиралась на потребность в безопасности и сохранение базовых связей. В 2000-е гг. Москва стремилась превратить фактическое влияние в преимущества правил и организаций. После 2018 г. российское участие всё в большей степени должно подтверждаться измеримыми выгодами конкретных проектов.

Безопасность остаётся наиболее устойчивым измерением. Россия располагает военной инфраструктурой в Кыргызстане и Таджикистане, сотрудничает с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в ОДКБ и предоставляет вооружение, обучение, разведывательную информацию и поддержку по афганскому направлению. Операция ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. продемонстрировала способность к быстрому вмешательству. Однако ухудшение отношений Армении с Организацией коллективной безопасности, а также ограниченная роль Армении в конфликте на границе с Гицатом показали несоответствие между правилами коллективной обороны, восприятием угроз со стороны государств-членов и ресурсами доминирующей страны.

Экономическая роль России меняется от центрального рынка к крупному сетевому узлу. Россия остаётся важным торговым партнёром, источником энергии, инвестиций и занятости, но Китай занимает всё более сильные позиции в торговле товарами, инфраструктуре и новых инвестициях. Преимущества России в основном сосредоточены в сферах транспортировки энергоресурсов, продовольствия, металлов, машиностроения, финансовых расчётов и существующих производственных цепочек, а не в масштабном экспорте капитала. После санкций торговые связи между Россией и Центральной Азией выросли: часть этого роста обусловлена реальным спросом и перестройкой цепочек поставок, часть — повторным экспортом и изменениями в методологии статистики; однако это нельзя напрямую рассматривать как восстановление структурного влияния России.

Социокультурные роли демонстрируют межпоколенческую дифференциацию. Русский язык по-прежнему остаётся важным языком в региональном трансграничном обмене, образовании, медиа и на рынке труда; российские высшие учебные заведения, телевидение и цифровые платформы обладают значительным влиянием. Однако после распада Советского Союза у молодёжи снизилась привязанность к общей исторической идентичности, а их отношения с Россией всё больше ориентируются на трудо-

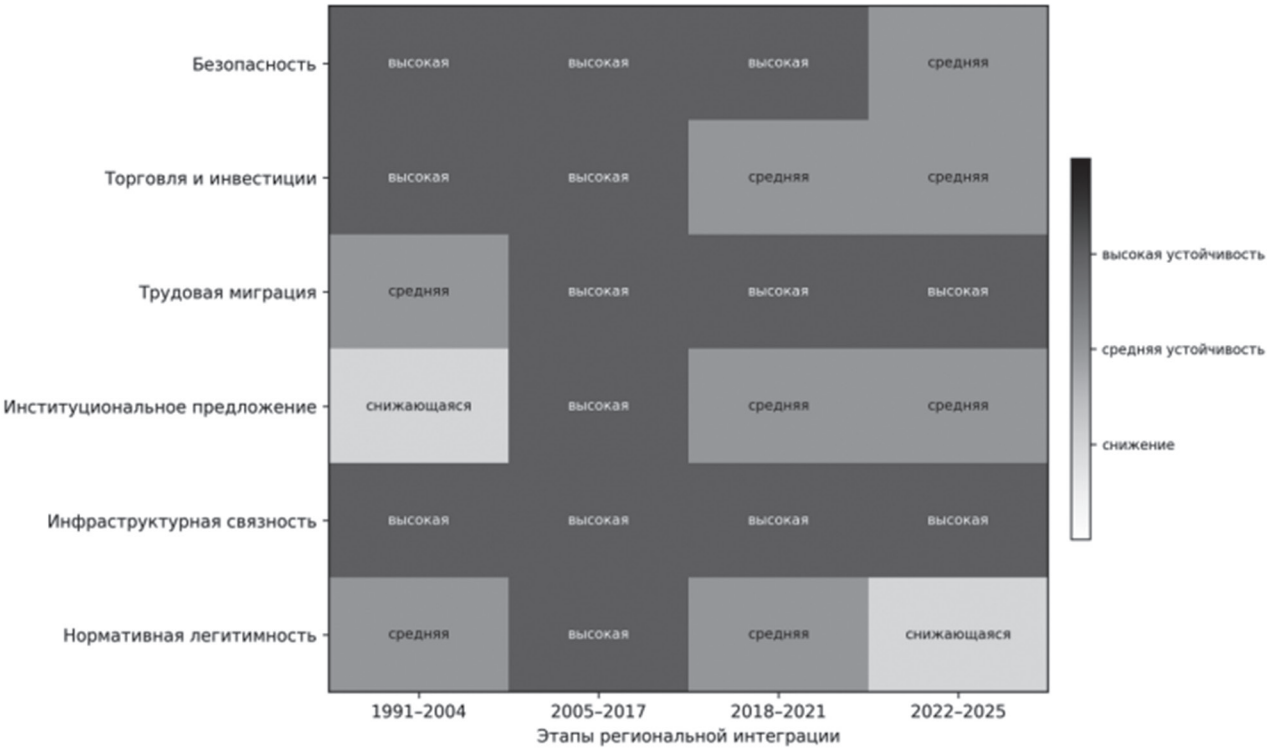

Рис. 1. Динамика российского влияния по функциональным измерениям (Примечание: шкала отражает результаты структурированного качественного сравнения и не является количественным индексом)(источник: составлено автором)
Fig. 1. Dynamics of Russian Influence across Functional Dimensions (Source: compiled by the author)

устройство, образование и профессиональные возможности. В результате культурное влияние России постепенно переходит от формирования идентичной сообщности к формированию инструментальных социальных сетей.

Роль институтов смещается от эксклюзивной интеграции к координации между различными институтами. В 2018 г. Китай и Евразийский экономический союз подписали соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве; в 2023 г. Евразийский экономический союз утвердил декларацию развития на период до 2030 и 2045 годов — оба документа свидетельствуют о необходимости согласования российских институциональных подходов с китайскими инициативами, национальными стратегиями развития и новыми транспортными коридорами. Дальнейшее влияние российских институтов зависит от того, будут ли допускаться дифференцированные формы участия, будут ли снижены нетарифные барьеры и будет ли повышена совместимость между организациями (рис. 1).

Торговля и внутренний рынок ЕАЭС

По данным Евразийской экономической комиссии, доля взаимной торговли в совокупной внешней торговле ЕАЭС увеличилась с 13,6 % в 2015 г. до 18,6 % в 2023 г., а объём взаимной торговли в 2024 г. приблизился к 100 млрд долл. США. Это свидетельствует о повышении значения внутреннего рынка в условиях санкций, пандемии и глобальной нестабильности цепочек поставок.

Данный показатель не должен интерпретироваться как характеристика всей Центральной Азии: только Казахстан и Кыргызстан являются членами ЕАЭС. Рост внутрисоюзной торговли отражает устойчивость одного слоя региональной интеграции, но не заменяет анализа отношений России со всеми пятью государствами.

Официальные сообщения указывают, что торговля России с пятью государствами Центральной Азии в 2023 г. превысила 44 млрд долл. США. Одновременно в структуре внешней торговли Казахстана доля Китая стала выше российской. Эти тенденции подтверждают гипотезу H2: абсолютный объём российских связей может расти при одновременном снижении относительной центральности.

Инвестиции, производственные цепочки и транспортные коридоры

Инвестиционная сфера наиболее отчётливо показывает структурное изменение российской роли. Российские компании сохраняют достигнутые позиции в нефти и газе, горнодобывающей промышленности, электроэнергетике, телекоммуникациях, финансах и розничной торговле. Китай расширяет инвестиции в инфраструктуру, энергетику и обрабатывающую промышленность, а западные и ближневосточные инвесторы входят в проекты критических минералов, зелёной энергетики и логистики.

Стратегия, ориентированная исключительно на контроль транспортных направлений и закрытость рынка, не соответствует потребностям государств Центральной Азии в индустриализации. Хейфец и Чернова (2024) предлагают перейти к совместным производственным проектам, технологиям и трансграничным цепочкам стоимости. Такой подход соответствует переходу России от статуса доминирующего рынка к роли участника совместного развития.

Диверсификация коридоров не означает утраты значения северных маршрутов. Российская железнодорожная и энергетическая инфраструктура сохраняет преимущества масштаба, пропускной способности и накопленных активов. Транскаспийский маршрут, железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан и южные направления повышают возможности переговоров государств региона. Вероятный результат состоит в сосуществовании и взаимодополнении

Таблица 3

Отдельные показатели экономической взаимосвязанности

Table 3

Selected Indicators of Economic Interconnectedness

Показатель	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2023/2024 гг.	Интерпретация
Доля внутренней торговли ЕАЭС во внешней торговле Союза	13,6 %	14,9 %	15,5 %	18,6 % (2023)	Рост веса внутреннего рынка
Взаимная торговля ЕАЭС	–	–	–	около 100 млрд долл. (2024)	Региональная перестройка торговли
Торговля России с пятью странами Центральной Азии	–	–	–	свыше 44 млрд долл. (2023)	Сохранение крупных абсолютных связей
Переводы в Кыргызстан, % ВВП	–	–	–	17,6 % (2024)	Макроэкономическая значимость миграционных связей

Примечание: показатели имеют различную методологию и используются только для сопоставления тенденций.
Источник: Eurasian Economic Commission; World Bank; официальные открытые данные.

коридоров, а не в полном замещении одного маршрута другим.

Безопасность, трудовая миграция и денежные переводы

Безопасностная взаимосвязанность определяется не только числом военных объектов, но и совместимостью вооружений, системами подготовки, обменом информацией и способностью к кризисному реагированию. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в ОДКБ, Узбекистан и Туркменистан следуют иной модели, а все пять государств участвуют в ШОС, поэтому региональная безопасность представляет собой сочетание коллективной обороны, антитеррористического сотрудничества, двусторонних связей и самостоятельной национальной политики.

Трудовая миграция является одним из наиболее устойчивых и одновременно уязвимых оснований российского влияния. Российский рынок обеспечивает занятость значительной части работников из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а переводы поддерживают потребление домохозяйств и платёжные балансы. В Кыргызстане личные переводы в 2024 г. составляли около 17,6 % ВВП.

Таблица 4

Функциональное распределение транспортных и интеграционных платформ

Table 4

Functional Distribution of Transport and Integration Platforms

Платформа/маршрут	Основная функция	Экономическое значение	Ограничения
Северные маршруты через Россию	Традиционный транзит; энергетика; крупные мощности	Низкие издержки существующей инфраструктуры; доступ к рынкам ЕАЭС	Санкционные и политические риски
Транскаспийский международный транспортный маршрут	Выход к Кавказу и Европе	Диверсификация экспорта и транзита	Перегрузки, стоимость, координация нескольких юрисдикций
Китай — Кыргызстан — Узбекистан	Связь Китая с Ферганской долиной и западными направлениями	Новые логистические и промышленные возможности	Капиталоёмкость и сложность реализации
Механизм Китай — Центральная Азия	Инвестиции, инфраструктура, торговля	Рост связности и финансирования	Асимметрия экономических потенциалов
ЕАЭС	Единые правила части рынка	Снижение отдельных торговых барьеров и мобильность труда	Неполный охват Центральной Азии; нетарифные барьеры

Источник: составлено автором на основе документов и открытых аналитических материалов.

Рис. 2. Функциональный профиль роли России в Центральной Азии (шкала 0–5 представляет авторское аналитическое кодирование, а не официальную статистику; оценки сформированы на основе подтвержденных торговых данных, институционального охвата и качественного анализа функций) (источник: составлено автором)

Fig. 2. Functional Profile of Russia's Role in Central Asia (Source: compiled by the author)

Эта взаимозависимость создаёт не только выгоды, но и риски. Колебания рубля, ужесточение миграционной политики, дискриминация и резонансные события быстро передаются экономикам стран происхождения мигрантов. Следовательно, миграционный канал должен рассматриваться как региональный рынок труда, требующий координации квалификаций, социальных гарантий, переводов и правовой защиты.

Институциональная перестройка после 2022 г.

События после 2022 г. изменили три параметра оценки России. Во-первых, государства Центральной Азии стали разделять потребность в российской безопасности и опасения относительно применения силы и принципа территориальной целостности. Позиция Казахстана по непризнанию квазигосударственных образований показала стремление отделять сотрудничество от вопросов суверенитета.

Во-вторых, санкции политизировали торговлю. Предприятия получили новые возможности от перенаправления поставок, но столкнулись с банковскими ограничениями, экспортным контролем и риском вторичных санкций. По данным OECD, экспорт Казахстана в Россию в первые пять месяцев 2023 г. вырос на 45,1 %, одновременно увеличился импорт из ЕС и Великобритании. Это отражает сочетание реэкспорта, новых цепочек поставок и роста затрат на комплаенс.

В-третьих, изменилось значение региональных форматов. Консультативные встречи стали центральным выражением внутренней субъектности; саммит Китай — Центральная Азия сформировал новый уровень сотрудничества; Транскаспийский маршрут и Организация тюркских государств получили дополнительную экономическую значимость. ЕАЭС и ОДКБ сохраняются, но больше не способны единолично структурировать региональный порядок.

Полученные результаты подтверждают H1 и H3. Региональная субъектность ограничивает исключительное лидерство России, но снижает необходимость выбора между взаимоисключающими партнёрами. Если Россия принимает открытый регионализм, она может сохранить важную роль в энергии, миграции, транспортной связности, безопасности и производственных цепочках. Если интеграция превращается в проверку политической лояльности, стимулы к развитию альтернативных механизмов усиливаются.

Обсуждение результатов

Соотношение с предыдущими исследованиями

Результаты показывают ограниченность как тезиса о полном упадке России, так и утверждения о сохранении её безусловного доминирования. Подтверждается вывод Silvan (2021) о дифференцированной и нелинейной динамике. Относительное ослабление наиболее выражено в торговле и нормативной привлекательности; устойчивость выше в миграции, безопасности, энергетике и языковых сетях.

В отличие от подходов, описывающих Центральную Азию преимущественно как арену российско-китайского соперничества, настоящее исследование рассматривает выбор государств региона как самостоятельную переменную. Положение внешних держав зависит не только от объёма вложенных ресурсов, но и от того, какие институты, правила и проекты выбирают сами государства Центральной Азии.

Теоретический вклад

Первый вклад состоит в разграничении центральноазиатской и евразийской интеграции. Первая отражает внутреннюю координацию пяти государств, общую региональную идентичность и коллективную способность к переговорам. Вторая относится к более широким институтам с ведущей ролью России и частичным участием стран региона. Эти процессы могут конкурировать, но также способны дополнять друг друга.

Второй вклад связан с переходом от статусной к функциональной трактовке власти. Статусная власть опирается на историю, сферу влияния и центральность институтов. Функциональная — на способность предоставлять безопасность, рынок, энергию, технологии, финансы и транспортные возможности. Российские ресурсы сохраняют значение, но их востребованность всё больше определяется измеримой полезностью.

Третий вклад заключается в интерпретации многовекторности как механизма управления рисками. Диверсификация партнёров, маршрутов, организаций и внешнеполитических позиций снижает вероятность системного сбоя, связанного с зависимостью от одного рынка, финансового канала или гаранта безопасности.

Практические и политико-экономические выводы

Институциональное сопряжение должно быть переведено в конкретные экономические механизмы: согласование стандартов ЕАЭС, инициативы «Пояс и путь» и механизма «Китай — Центральная Азия»; цифровая совместимость таможенных процедур на северных, Транскаспийском маршрутах и МТК «Север — Юг»; распределение задач между ОДКБ, ШОС и внутренними механизмами безопасности; взаимное признание квалификаций и координация социальной защиты мигрантов.

Таблица 5

Проверка исследовательских гипотез

Table 5

Testing the Research Hypotheses

Гипотеза	Основной результат	Статус
H1	Рост внутренней координации ограничивает исключительное лидерство России, но расширяет возможности функционального участия	Подтверждена
H2	Экономическая и нормативная динамика меняется быстрее, чем безопасность, миграция, энергетика и язык	Подтверждена
H3	2022 г. ускорил диверсификацию и перестройку, но не стал точкой разрыва связей	Подтверждена с оговорками о высокой неопределённости

Источник: результаты структурированного сравнения автора.

Для России наиболее устойчивой стратегией является переход от контроля потоков к участию в создании региональной добавленной стоимости. Это предполагает совместные промышленные проекты, технологическое сотрудничество, прозрачные правила расчётов, снижение нетарифных барьеров и улучшение управления трудовой миграцией.

Для государств Центральной Азии укрепление внутренней координации повышает качество переговоров с внешними партнёрами. Однако проектный характер интеграции требует повышения исполнительной дисциплины, развития секретариатских функций и механизмов оценки совместных решений без создания чрезмерно жёсткой наднациональной структуры.

Ограничения исследования

Исследование имеет три ограничения. Во-первых, торговые данные после 2022 г. искажены реэкспортом, изменением цен и валютных курсов. Во-вторых, пять государств существенно различаются по размерам, ресурсам и внешнеполитическим моделям. В-третьих, открытая статистика не позволяет полноценно измерить неформальную миграцию, элитные сети и обмен разведывательной информацией. В будущих исследованиях может быть построена панель «страна — функция», объединены таможенные микроданные, проведены опросы предприятий и общественного мнения.

Заключение

В исследовании выделены три этапа центральноазиатской интеграции: государственное строительство и внешнеобеспечиваемое сотрудничество в 1991–2004 гг.; институционализация российских инициатив и множественная интеграция в 2005–2017 гг.; внутренняя координация и открытый регионализм после 2018 г. Критерием периодизации является не количество организаций, а распределение права устанавливать региональную повестку и изменение способов сотрудничества.

Роль России трансформировалась от гаранта безопасности и распорядителя советского наследия к конструктору институтов, а затем к функциональному координатору и выборочному поставщику региональных общественных благ. Эта трансформация неравномерна: экономическая центральность и нормативная легитимность снижаются относительно быстрее, тогда как миграция, энергетика, безопасность и русский язык как средство международного общения сохраняют значительную устойчивость.

События после 2022 г. ускорили структурную перестройку. Государства региона укрепляют суверенную позицию, альтернативные маршруты и разнообразие партнёров, продолжая использовать российские рынки, энергию, институты и безопасность. Региональный порядок приобретает многоуровневый характер: консультативные встречи выполняют внутреннюю политическую координацию; ЕАЭС предоставляет часть рыночных правил; ШОС поддерживает широкое сотрудничество в сфере безопасности; механизм «Китай — Центральная Азия» и Организация тюркских государств расширяют инфраструктурную и экономическую повестку.

Для России перспективная стратегия включает признание стратегической автономии государств Центральной Азии; снижение нетарифных барьеров и повышение прозрачности ЕАЭС; расширение безопасности на приграничное управление, киберугрозы и чрезвычайные ситуации; улучшение миграционного управления; координацию конкретных проектов с китайскими и транскаспийскими инициативами.

Следовательно, будущее российского участия определяется переходом от конкуренции за статус ведущей державы к конкуренции за качество общественных благ. Рост региональной субъектности не исключает Россию, но сокращает пространство для любой внешней силы, стремящейся построить закрытый и исключительный порядок.

Список источников

Вардомский, Л. Б., Кузьмина, Е. М., Шурубович, А. В. (2005). Евразийское экономическое сообщество: особенности и проблемы развития. *Проблемы прогнозирования,* (6), 116–132.

Малашенко, А. В. (2012). *Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?* Москва: РОССПЭН, 118.

Тренин, Д. (2008). Уход из СНГ: конец концепции «ближнего зарубежья» во внешней политике России. *Международные отношения, 84* (3), 419–433.

Хейфец, Б. А., Чернова, В. Ю. (2024). Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики. *Россия и современный мир,* (1(122)), 7–24. https://doi.org/10.31249/rmw/2024.04.03.

Шанхайская организация сотрудничества. (2001). *Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества.* Шанхай, 4. URL: https://rus.sectsco.org (дата обращения: 20.07.2026).

Allison, R. (2004). Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. *International Affairs, 80* (3), 463–483. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x

Cooley, A. (2012). *Great games, local rules: The new great power contest in Central Asia.* Oxford: Oxford University Press, 272.

Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017). *The Eurasian Economic Union: Deals, rules and the exercise of power (research paper).* London: Chatham House, 15.

Hettne, B., & Söderbaum, F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy, 5* (3), 457–472. https://doi.org/10.1080/713687778

Jackson, N. J. (2003). *Russian foreign policy and the CIS: Theories, debates and actions.* London: Routledge, 240.

Kazantsev, A., Medvedeva, S., & Safranchuk, I. (2021). Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies, 12* (1), 57–71. https://doi.org/10.1177/1879366521998242

Laruelle, M. (Ed.). (2017). *New voices from Central Asia: Political, economic, and societal challenges and opportunities.* Washington, D.C.: The George Washington University, 168.

Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration.* London: Palgrave Macmillan, 286.

OECD. (2023). *Trade facilitation in Central Asia.* Paris: OECD Publishing, 80. https://doi.org/10.1787/80ed999c-en

Olcott, M. B. (1996). *Central Asia's new states: Independence, foreign policy, and regional security.* Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 202.

Roy, O. (2000). *The new Central Asia: The creation of nations.* New York: New York University Press, 222.

Silvan, K. (2021). Russian policy towards Central Asia 30 years after the collapse of the Soviet Union: Sphere of influence shrinking? *FIIA Briefing Paper,* (322), 8.

Silvan, K. (2022). Russia's connectivity strategies in Eurasia: Politics over Economy. *FIIA Briefing Paper,* (343), 7.

World Bank. (2024). *Migration and development brief 40.* Washington, D.C.: World Bank, 52.

王志 [Ван, Ч.] (2018). 欧亚经济联盟：进展与挑战 [Евразийский экономический союз: прогресс и вызовы]. 俄罗斯研究 *[Российские исследования]*, (6), 27–58.

王志 [Ван, Ч.] (2023). 国际组织与地区治理：欧亚“多重一体化”现象研究 [Международные организации и региональное управление: исследование феномена евразийской «мульти-интеграции»]. 国际论坛 *[Международный форум],* (3), 105–123.

顾炜 [Гу, В.] (2020). 中亚一体化的架构变化与发展前景 [Структурные изменения и перспективы развития интеграции в Центральной Азии]. 国际关系研究 *[Исследования международных отношений]*, (2), 9–30.

柳丰华 [Лю, Ф. Х.] (2007). 俄罗斯在中亚：政策的演变 [Россия в Центральной Азии: эволюция политики]. 国际政治研究 *[Исследования международной политики]*, (2), 60–69.

孙壮志 [Сунь, Чж. Чж.] (2025). 大国博弈下的中亚安全形势：现状与前景 [Ситуация в сфере безопасности в Центральной Азии в условиях игры великих держав: нынешнее состояние и перспективы]. 亚太安全与海洋研究 *[Азиатско-Тихоокеанские исследования безопасности и моря]*, (3), 48–59.

许涛 [Сюй, Т.] (2025). 中亚国家战略自主意识增强：动因、目标与困境 [Усиление сознания стратегической автономии стран Центральной Азии: движущие силы, цели и дилеммы]. 俄罗斯研究 *[Российские исследования]*, (4), 42–60.

黄登学, 韩柯 [Хуан, Д. С., Хань, К.] (2025). 大国主导、制度建设与集体安全条约组织低效化 [Доминирование великих держав, институциональное строительство и неэффективность Организации Договора о коллективной безопасности]. 俄罗斯学刊 *[Российский академический журнал]*, (5), 45–66.

张宁 [Чжан, Н.] (2022). 中亚五国元首峰会与区域一体化新动向 [Саммит пяти глав государств Центральной Азии и новые тенденции в региональной интеграции]. 世界知识 *[Мировые знания]*, (16), 32–33.

曾向红 [Цзэн, С.] (2024). 大变局下中亚地区合作的特点、动因及影响 [Характеристики, движущие силы и последствия регионального сотрудничества в Центральной Азии в условиях глобальной трансформации]. 当代世界 *[Современный мир]*, (7), 32–37.

杨进 [Ян, Цз.] (2026). 俄乌冲突以来中亚安全格局新动向—基于区域安全复合体理论的考察 [Новые тенденции в сфере безопасности в Центральной Азии после российско-украинского конфликта: исследование на основе

теории регмональных комплексов безопасности]. 俄罗斯东欧中亚研究 *[Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии]*, (1), 115–135.

References

Allison, R. (2004). Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs, 80*(3), 463–483. https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x

Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia.* Oxford: Oxford University Press, 272.

Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017). *The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power (Research Paper).* London: Chatham House, 15.

Gu, W. (2020). Zhongya yitihua de jiagou bianhua yu fazhan qianjing [Structural Changes and Development Prospects of Central Asian Integration]. *Guoji Guanxi Yanjiu [International Relations Studies],* (2), 9–30. (In Chinese).

Hettne, B., & Söderbaum, F. (2000). Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy, 5*(3), 457–472. https://doi.org/10.1080/713687778

Huang, D. X., & Han, K. (2025). Daguo zhudao, zhidou jianshe yu Jiti Anquan Tiaoyue Zuzhi dixiaohua [Great Power Dominance, Institutional Building, and the Inefficiency of the Collective Security Treaty Organization]. *Eluosi Xuekan [Academic Journal of Russian Studies],* (5), 45–66. (In Chinese).

Jackson, N. J. (2003). *Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates and Actions.* London: Routledge, 240.

Kazantsev, A., Medvedeva, S., & Safranchuk, I. (2021). Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies, 12*(1), 57–71. https://doi.org/10.1177/1879366521998242

Kheifets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2024). Novyj vzglyad na strategiyu ekonomicheskoj integratsii Rossii so stranami Tsentral'noj Azii v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh mirovoj ekonomiki [A New View of Russia's Economic Integration Strategy with Central Asian Countries in Modern Geopolitical Realities of the World Economy]. *Rossiya i sovremennyj mir [Russia and the Contemporary World],* (1(122)), 7–24. https://doi.org/10.31249/rmw/2024.04.03.

Laruelle, M. (Ed.). (2017). *New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities.* Washington, D.C.: The George Washington University, 168.

Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration.* London: Palgrave Macmillan, 286.

Liu, F. H. (2007). Eluosi zai Zhongya: Zhengce de yanbian [Russia in Central Asia: Policy Evolution]. *Guoji Zhengzhi Yanjiu [The Journal of International Studies],* (2), 60–69. (In Chinese).

Malashenko, A. V. (2012). *Tsentral'naya Aziya: Na Chto Rasschityvaet Rossiya? [Central Asia: What is Russia Counting on?].* Moscow: ROSSPEN, 118.

OECD. (2023). *Trade Facilitation in Central Asia.* Paris: OECD Publishing, 80. https://doi.org/10.1787/80ed999c-en

Olcott, M. B. (1996). *Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security.* Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 202.

Roy, O. (2000). *The New Central Asia: The Creation of Nations.* New York: New York University Press, 222.

Shanghai Cooperation Organization. (2001). *Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization.* Shanghai. 4 p. URL: https://rus.sectsco.org (Date of access: 20.07. 2026). (In Russ.)

Silvan, K. (2021). Russian Policy Towards Central Asia 30 years after the Collapse of the Soviet Union: Sphere of Influence Shrinking? *FIIA Briefing Paper,* (322), 8.

Silvan, K. (2022). Russia's Connectivity Strategies in Eurasia: Politics over Economy. *FIIA Briefing Paper,* (343), 7.

Sun, Z. Z. (2025). Daguo boyi xia de Zhongya anquan xingshi: Xianzhuang yu qianjing [The Security Situation in Central Asia under Great Power Games: Current Status and Prospects]. *Yatai Anquan yu Haiyang Yanjiu [Asia-Pacific Security and Maritime Studies],* (3), 48–59. (In Chinese).

Trenin, D. (2008). Leaving the CIS: The End of the "Near Abroad" in Russian Foreign Policy. *Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Affairs], 84*(3), 419–433. (In Russ.)

Vardomskii, L. B., Kuzmina, E. M., & Shurubovich, A. V. (2005). The Eurasian Economic Community: Its Features and Development Problems. *Problemy Prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development], 16*(6), 639–648. (In Russ.)

Wang, Z. (2018). Ouyajiang jingji lianmeng: jinzhan yu tiaozhan [The Eurasian Economic Union: Progress and Challenges]. *Eluosi yanjiu [Russian Studies],* (6), 27–58. (In Chinese)

Wang, Z. (2023). Guoji zuzhi yu diqu zhili: Ouya "duochong yitihua" xianxiang yanjiu [International Organizations and Regional Governance: A Study on the Phenomenon of Eurasian "Multi-Integration"]. *Guoji luntan [International Forum],* (3), 105–123. (In Chinese)

World Bank. (2024). *Migration and Development Brief 40.* Washington, D.C.: World Bank, 52.

Xu, T. (2025). Zhongya guojia zhanlue zizhu yishi zengqiang: Dongyin, mubiao yu kunjing [Enhancement of Strategic Autonomy Awareness in Central Asian Countries: Drivers, Objectives and Dilemmas]. *Eluosi Yanjiu [Russian Studies],* (4), 42–60. (In Chinese).

Yang, J. (2026). E-Wu chongtu yilai Zhongya anquan geju xin dongxiang—Jiyu quyu anquan fuhe lilun de kaocha [New Trends in the Security Pattern of Central Asia since the Russia-Ukraine Conflict: A Study Based on the Theory of Regional

Security Complexes]. *Eluosi Dongou Zhongya Yanjiu [Research on Russia, Eastern Europe and Central Asia],* (1), 115–135. (In Chinese).

Zeng, X. (2024). Da bianju xia Zhongya diqu hezuo de tedian, dongyin ji yingxiang [Characteristics, Drivers and Impacts of Central Asian Regional Cooperation under Global Transformation]. *Dangdai Shijie [Contemporary World],* (7), 32–37. (In Chinese).

Zhang, N. (2022). Zhongya wuguo yuanshou fenghui yu quyu yitihua xin dongxiang [The Summit of Five Central Asian Heads of State and New Trends in Regional Integration]. *Shijie Zhishi [World Knowledge],* (16), 32–33. (In Chinese)

Информация об авторе

Ли Юнхуэй — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом многостороннего регионального сотрудничества, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; https://orcid.org/0000-0002-3666-9131 (Китайская Народная Республика, 100007, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжанцзычжун, д. 3; e-mail: liyonghui6768@163.com).

About the author

Yonghui Li — Dr. Sci (Law), Chief Research Fellow, Head of the Department of Multilateral Regional Cooperation, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (CASS); https://orcid.org/0000-0002-3666-9131 (3, Zhangzizhong Rd., Dongcheng District, Beijing, People's Republic of China; e-mail: liyonghui6768@163.com).

Использование средств ИИ

При подготовке статьи инструменты искусственного интеллекта не использовались для генерации научного содержания, анализа данных или формирования выводов. Автор несет полную ответственность за содержание исследования, используемые данные и научные выводы.

Use of AI tools declaration

AI tools were not used for generating scientific content, analyzing data, or formulating research conclusions. The author assumes full responsibility for the content of the manuscript, data sources, and scientific findings.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026.
Прошла рецензирование: 29.06.2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 15 Feb 2026.
Reviewed: 29 Jun 2026.
Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-4
УДК 339.9
JEL F02, F21, F15

OPEN ACCESS CC BY 4.0

В. Ю. Чернова [а], *Б. А. Хейфец* [б], *З. А. Дадабаева* [в]
[а, б, в] Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация

Геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия — новое направление консолидации экономического пространства Большой Евразии[1]

Аннотация. В условиях геополитической фрагментации и перестройки евразийских торгово-транспортных связей возрастает значение гибких форм региональной консолидации, основанных на инфраструктурной связности, торговой взаимозависимости и сохранении национального суверенитета. Геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия представляет особый научный интерес как формирующаяся подсистема Большой Евразии, в которой пересекаются стратегические интересы России, Китая и Монголии и апробируются механизмы интеграции накопительного типа. В статье исследуется институциональное и инфраструктурное оформление геополитического треугольника Китай — Монголия — Россия как формирующейся подсистемы экономического пространства Большой Евразии. Цель исследования — анализ структурных параметров транзитно-торгового взаимодействия триады в 2014–2025 гг. и теоретическое обоснование концепции интеграции «накопительного типа». Методологической базой работы являются принципы гравитационного моделирования международной торговли, методы вычислимого общего равновесия (Computable General Equilibrium — CGE) и сценарный анализ, базирующийся на статистических массивах Всемирного банка и национальных ведомств. Выявлено, что формат взаимодействия эволюционирует от изолированных логистических проектов к многоуровневой архитектуре. Доказано, что взаимная торговля и инвестиции генерируют кумулятивный эффект, несмотря на сохраняющиеся дисбалансы и регуляторные шоки (включая последствия ограничения корпоративных инвестиций в Монголии). Сделан вывод о том, что Монголия, реализуя доктрину «третьего соседа», выполняет функцию координационной платформы, обеспечивающей стратегический баланс интересов инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза. Разработана иерархическая концептуальная схема накопительной интеграции, базисом которой выступает транспортная инфраструктура, а надстройкой — институциональная среда. Сценарное моделирование доказывает, что углубленное сопряжение транспортных коридоров способно обеспечить долгосрочный прирост ВВП стран-транзитеров свыше 5 %. Предложенный подход позволяет апробировать гибкие механизмы экономического сближения в условиях фрагментации мировой экономики без жесткого делегирования национального суверенитета на наднациональный уровень.

Ключевые слова: геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия, Большая Евразия, политика многовекторности, интеграционная модель накопительного типа, экономический коридор Китай — Монголия — Россия, транспортно-логистическая связность, евразийское экономическое пространство

Для цитирования: Чернова, В. Ю., Хейфец, Б. А., Дадабаева, З. А. (2026). Геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия — новое направление консолидации экономического пространства Большой Евразии. *Экономика региона, 22*(3), 518–532. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-4

[1] © Чернова В. Ю., Хейфец Б. А., Дадабаева З. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Veronika Yu. Chernova [a)], *Boris A. Kheyfets* [b)], *Zarina A. Dadabaeva* [c)]
[a, b, c)] Institute of Economics of RAS, Moscow, Russian Federation

China — Mongolia — Russia Geopolitical Triangle: Emerging Consolidation of the Greater Eurasian Economic Space

Abstract. This article examines the institutional and infrastructural structure of the China — Mongolia — Russia geopolitical triangle as an emerging subsystem of the Greater Eurasian economic space. The aim of the study is to analyse the structural parameters of the triad's transit and trade interactions in 2014–2025 and to theoretically substantiate the concept of «cumulative integration.» Methodologically, the study relies on the principles of gravity modelling of international trade, computable general equilibrium (CGE) methods, and scenario analysis based on statistical data from the World Bank and national agencies. The format of interaction is evolving from isolated logistics projects to a multi-level architecture. Mutual trade and investment generate a cumulative effect, despite persistent imbalances and regulatory shocks (including the consequences of restrictions on corporate investment in Mongolia). It is concluded that Mongolia, by implementing the «third neighbour» doctrine, serves as a coordination platform for strategically balancing the interests of the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union. We propose a hierarchical framework for cumulative integration, built on transport infrastructure as its foundation and the institutional environment as its superstructure. Scenario modelling shows that deeper integration of transport corridors can drive long-term GDP growth of over 5 % in transit countries. This approach makes it possible to test flexible mechanisms for economic convergence in a fragmented global economy, without requiring countries to cede national sovereignty to supranational bodies.

Keywords: China — Mongolia — Russia geopolitical triangle, Greater Eurasia, multi-vector foreign policy, cumulative integration model, China — Mongolia — Russia economic corridor, transport and logistics connectivity, Eurasian economic space

For citation: Chernova, V. Yu., Kheyfets, B. A., & Dadabaeva, Z. A. (2026). China-Mongolia-Russia Geopolitical Triangle: Emerging Consolidation of the Greater Eurasian Economic Space. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 518–532. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-4

Введение

В процессе формирования полицентричного мироустройства и конфронтации Глобального Севера и Юга Восточная Азия утвердилась в качестве одного из ключевых центров мировой экономики и международной политики (Железняков и др., 2024). В контексте трансформации пространственной архитектуры Большой Евразии формируется и развивается новый геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия (ГПТ КМР).

Термин «геополитический треугольник Китай — Монголия — Россия» в последние годы все чаще стал использоваться в научной литературе (Кушхов, 2022). В отличие от понятия «экономический коридор», описывающего исключительно физическую и регуляторную инфраструктуру транзита (железные дороги, погранпереходы), геополитический треугольник трактуется нами как комплексная региональная макросистема баланса национальных интересов. Инфраструктура в этой системе выступает лишь одним из элементов, подчиненным целям геостратегического лавирования и обеспечения ресурсной безопасности. Такое представление отражает многократно усилившуюся роль геополитики в современных международных отношениях и в формировании нового экономического миропорядка. Китай, Монголия и Россия являются геополитически близкими странами, имеют богатую историю взаимоотношений и экономического сотрудничества и проводят в отношении друг друга дружественную или нейтральную политику, что очень важно в условиях усиливающейся геополитической фрагментации мировой экономики.

ГПТ складывается на пересечении интересов Китая как инициатора глобальной инфраструктурной инициативы «Пояс и путь», России как ключевого евразийского актора и Монголии как транзитного и ресурсного звена между двумя крупными державами.

Для России логистический коридор через Монголию имеет важное стратегическое значение, обусловленное его транзитным потенциалом, способным содействовать диверсификации внешнеторговых связей России в условиях конфронтации с Западом.

ГПТ развивается на фоне глубоких сдвигов мировой геополитики: санкционное давление на Россию и разрыв с ЕС усиливают разворот Москвы на Восток; Китай укрепляет инициативу «Пояс и путь» и диверсифицирует маршруты экспорта и импорта; Монголия реализует стратегию многовекторности и одновременно активно интегрируется с двумя соседями, стремясь превратить транзитное положение в источник долгосрочного роста.

Научная и практическая актуальность темы исследования определяется рядом факторов. Во-первых, формируется новая конфигурация региональной интеграции, выходящая за рамки

классических блоков типа ЕС или АСЕАН и сочетающая элементы инфраструктурного, торгового, энергетического и институционального сближения. Во-вторых, ГПТ Китай — Монголия — Россия включается в более широкий контекст сопряжения инициатив «Пояс и путь», Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В-третьих, ГПТ демонстрирует высокую устойчивость к геополитическим шокам и огромный потенциал для консолидации экономического пространства Большой Евразии за счет превращения его в мощный геополитический многогранник.

Цель статьи заключается в выявлении закономерностей и оценке потенциала трансформации транспортного коридора КМР в институциональную систему накопительной интеграции.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать институциональные и торговые асимметрии внутри триады в период 2014–2025 гг.

2. Оценить инфраструктурно-энергетический потенциал транзитных потоков с учетом актуальных макроэкономических барьеров.

3. Формализовать концептуальную схему интеграции «накопительного типа» и разработать количественные параметры сценариев ее развития.

Гипотеза исследования: геополитический треугольник КМР преодолевает стадию проектирования изолированных транзитных маршрутов, формируя зону накопительной консолидации, которая поддается количественному измерению через опережающий рост взаимного товарооборота и мультипликативное воздействие инфраструктурной связности на макроэкономические показатели (ВВП) государств-участников.

Научная база исследования

В теоретическом плане статья опирается на несколько блоков источников и подходов.

Во-первых, используется корпус исследований, изучающих исторический опыт взаимодействия Китая, Монголии и России в рамках трехсторонней системы, закономерности и принципы ее функционирования. В частности, Кушхов отмечает, что отсутствие баланса сил в треугольнике, утрата взаимопонимания между Китаем и Россией или чрезмерное ослабление одной из держав непременно окажут негативное влияние на Монголию, поставят под угрозу ее суверенитет. Полицентричная система международных отношений обусловливает проведение Монголией многовекторной политики, но в то же время чрезмерное усиление позиций третьих стран в регионе не поможет Монголии нивелировать давление Китая и России, а, наоборот, превратит ее в место столкновения интересов региональных и внерегиональных игроков (Кушхов, 2022).

Анализ экономических и политических процессов в регионе показывает, что увеличение интереса Китая и России к Монголии стало явно усиливаться с 2014 г., который стал переломным моментом в формировании нового направления внешней политики России (Железняков и др., 2024), а также в силу взаимной заинтересованности Китая и России в Монголии как связующем звене для укрепления и развития российско-китайских отношений (Дондоков, 2024).

Исследования экономического коридора Китай — Монголия — Россия анализируют возможности и риски коридора для Монголии, включая инфраструктурные и энергетические (Кушхов, 2023).

В статье Цыплакова[1] проанализированы тенденции развития российско-китайской торговли в 2024–2025 гг. и изменение динамики основных показателей внешней торговли между двумя странами, обусловленные влиянием таких факторов, как замедление темпов роста мировой экономики, снижение мировых цен на ресурсы, недостаточная емкость российского рынка для наращивания китайского экспорта в Россию, усиление санкционного давления на российскую экономику со стороны стран Запада.

Многовекторность внешней политики Монголии, как отмечено в работе Мигранян и Динец (2023), вызвана опасениями относительно национальной безопасности Монголии, увеличивающейся зависимостью Монголии от Китая, а также ростом объемов экономического сотрудничества двух ее ближайших соседей — России и КНР.

Укрепление экономической и политической независимости Монголия, богатая природными ресурсами, видит в создании партнерских отношений со странами, не имеющими с ней прямых границ[2].

Во-вторых, привлекаются исследования по пространственной экономике и транспортной доступности, анализирующие влияние высокоскоростной железнодорожной инфраструктуры и модернизации главных коридоров на межрегиональные связи и потенциал роста. В работе (Chu et al., 2022) показано, что запуск скоростного железнодорожного сообщения

[1] Цыплаков, С. (2025). Основные тенденции развития российско-китайских торговых связей в 2024–2025 гг. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-tendentsii-razvitiya-rossiysko-kitayskikh-torgovykh-svyazey-v-2024-2025-gg/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Kalinin, R. R. (2026). The Prospects for Cooperation Between Mongolia and the Russian Federation in the Energy Sector. PIR Center, (10(19)). URL: https://pircenter.org/en/editions/№-10-19-2026-the-prospects-for-cooperation-between-mongolia-and-the-russian-federation-in-the-energy-sector/ (дата обращения: 04.04.2026).

по линии Китай — Монголия — Россия радикально сокращает «экономические расстояния» между городами, усиливает агломерационные эффекты и перераспределяет центры экономической активности.

В-третьих, учитываются политологические и геополитические работы по Большой Евразии, «периферийной дипломатии» Китая, политике многовекторности Монголии и эволюции российско-китайского стратегического партнерства (Калинин, Хатмуллин, 2024; Макаров и др., 2024).

Методология и методы исследования

Методология исследования носит междисциплинарный характер и сочетает качественные методы институциональной экономики с эконометрическим инструментарием пространственного моделирования. Эмпирической базой статистического анализа выступили массивы данных Всемирного банка (World Bank Open Data), Конференции ООН по торговле и развитию (UNCTADstat), базы данных Trade Map, а также официальные статистические сводки Банка Монголии и Национального статистического управления Монголии за период 2014–2025 гг.

Оценка нереализованных торговых потенциалов опирается на фундаментальные принципы гравитационного моделирования международной торговли. Базовая спецификация структурной гравитационной модели ($X_{ij} = Y_i Y_j / D_{ij}$) используется для концептуального обоснования эластичности торговых потоков (X_{ij}) по отношению к снижению тарифных и инфраструктурных барьеров, представленных знаменателем (D_{ij}), отражающим совокупные торговые издержки (Krulikowski & Riker, 2024). Для формирования вариантов сценарного развития и определения количественных метрик применяются результаты расчетов на базе вычислимых моделей общего равновесия (CGE). В частности, имплементированы выводы географического симуляционного моделирования Института развивающихся экономик (IDE-GSM), позволяющие оценивать долгосрочную эластичность ВВП Монголии по уровню международного транзита и степени устранения нетарифных ограничений (Isono, Kumagai, 2025). Данный синтез историко-институционального анализа и эконометрических симуляций обеспечивает необходимую верифицируемость выдвинутой гипотезы.

Результаты

Институционализация и экономическая составляющая развития ГПТ КМР

К началу 2010-х гг. отношения в триаде КМР сформировали устойчивые институциональные рамки, охватывающие как двусторонние договоренности, так и наднациональные механизмы.

Монгольские стратегические документы, включая «Программу развития транспортной сети Монголии до 2030 года» и «Политику нового возрождения Монголии», ориентируются на превращение страны в транзитный хаб между Китаем и Россией, а также в площадку для развития переработки сырья и логистических сервисов (Намжилова, 2024). В трехсторонних форматах Монголия продвигает свои инициативы развития логистических центров, расширения сотрудничества в образовании и научных исследованиях (Khankhuu, 2024)[1].

В начале декабря 2025 г. между Россией и Монголией подписана программа развития межрегионального сотрудничества на 2026–2030 гг., включающая более 100 мероприятий по 11 направлениям[2].

Расширяется сотрудничество России с Китаем, отношения с которым носят характер «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия». В 2018 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, закладывающее фундамент для развития долгосрочных торгово-экономических отношений. В условиях резкого обострения противостояния России с Западом и кардинальной переориентации российских внешнеэкономических связей на Восток Китай стал важнейшим российским торговым партнером, объем торговли с которым в 2024 г. достиг рекордных 244 млрд долл.[3]

Об объективных геополитических и экономических предпосылках формирования формата ГПТ КМР свидетельствуют данные таблицы 1.

Как видно из таблицы 1, три страны ГПТ обладают обширной территорией и большими экономическими (более 22 % от мирового ВВП) и технологическими возможностями, что говорит об огромном потенциале ГПТ как мощного полюса для консолидации пространства Большой Евразии. Конечно, у всех трех стран разные уровни развития, однако плюсом ГПТ является дав-

[1] Khankhuu, J. Regional Logistics Center to be Established at the Zamiin-Uud Land Port. Montsame. 2024-06-03. URL: https://montsame.mn/en/read/345197 (дата обращения: 17.07.2026)

[2] Россия и Монголия подписали программу межрегионального сотрудничества на ближайшие пять лет. Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_mongoliya_podpisali_programmu_mezhregionalnogo_sotrudnichestva_na_blizhayshie_pyat_let.html (дата обращения: 10.01.2026).

[3] Российский совет по международным делам. (2025, 9 апреля). Россия и Китай: двусторонние отношения в условиях формирования многополярности. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-dvustoronnie-otnosheniya-v-usloviyakh-formirovaniya-mnogopolyarnosti/ (дата обращения: 12.01.2026).

Таблица 1

Ключевые макроэкономические показатели стран ГПТ КМР в глобальном контексте, 2024 г.

Table 1

Key macroeconomic indicators of the China–Mongolia–Russia geopolitical triangle in the global context, 2024

Показатели	Китай	Россия	Монголия	Суммарно по ГПТ / % от мира
Территория, тыс. кв. км	9598	17125	1564	28287 / 21,8
Население, млн чел.	1419,4	144,0	3,5	1566,9 / 18,95
Протяженность границ со странами ГПТ, км	8839	7694	8115	24648
ВВП по ППС, млрд долл.	37072,1	6909,4	67,5	44049 / 22,06
Экспорт, млрд долл.	3576, 7	433,1	15,8	4025,6 / 12,46
Импорт, млрд долл.	3219,3	382,4	16,6	3618,3 / 11,57
Экспорт товаров и услуг к ВВП, %	20,0	21,9	68,7	29,1 (в среднем по странам мира)
Импорт товаров и услуг к ВВП, %	17,2	17,6	69,7	28,2 (в среднем по странам мира)

Источник: составлено авторами по данным World Bank. URL: https://data.worldbank.org (дата обращения: 12.01.2026).

ний богатый опыт взаимодействия в разных сферах человеческой деятельности. Это не удивительно, так как они являются историческими соседями, каждая страна имеет общую границу с двумя другими, а протяженность общих сухопутных границ является рекордной для мировой экономики. Это также является предпосылкой для дальнейшего развития взаимного сотрудничества. При этом экономика участников ГПТ является открытой для развития внешнеэкономических связей. Особое место в этом плане занимает Монголия, которая жизненно зависит от импорта и зарубежного финансирования.

В то же время Монголия является важным звеном согласования интересов Китая и России в транзите, энергетике, торговле, институциональных форматах, что придает ГПТ не только географическую, но и структурную устойчивость.

Монголия занимает уникальное положение между двумя крупными державами. С одной стороны, ей необходимо максимизировать выгоды от участия в коридоре и энергетических проектах, с другой — сохранять политический и внешнеэкономический баланс в духе политики многовекторности. Энергетическая зависимость от России и экономическое поглощение Китаем воспринимаются в Монголии как угроза государственному суверенитету (Вардомский, Пылин, 2024).

Новым трендом стала трансформация проводимой Монголией политики многовекторности в политику «маятниковой дипломатии» и сложного лавирования между интересами крупных держав. Это выражается, в частности, в задержках с ратификацией временного соглашения с ЕАЭС о зоне свободной торговли (ЗСТ), которое Великий государственный хурал Монголии отказался ратифицировать в апреле 2025 г. и после доработки ратифицировал его 12 декабря 2025 г.; отказ Монголии от вступления в ШОС и от статуса наблюдателя этой организации при усилении военного сотрудничества с США и Германией, с которыми Монголия осенью 2025 г. заключила соответствующие соглашения.

Экспертное сообщество называет и другие дискуссионные вопросы по поводу развития трехсторонних связей Монголии с Россией и Китаем. Они касаются:

1. Зависимости от горнодобывающего сектора, который составляет 81 % экспорта, что ограничивает устойчивость к внешним шокам, таким как падение цен на сырьё.

2. Коррупции, слабого управления и отсутствия прозрачности в государственных контрактах и лицензиях.

3. Экологических проблем, так как масштабные горнодобывающие работы и чрезмерный выпас скота привели к значительной эрозии почвы и опустыниванию, угрожая сельскому хозяйству и средствам к существованию сельских жителей[1].

4. Конкуренции России и Китая в Монголии, прежде всего в горнодобывающей промышленности и энергетике. На монгольской территории выявлено более 80 видов полезных ископаемых, при этом запасы меди, молибдена, угля, золота, урана и редкоземельных элементов признаны одними из крупнейших в мире[2].

5. Противодействия западных стран развитию интеграционных проектов России, Китая и Монголии (Мигранян, Динец, 2023).

Наличие таких серьезных проблем позволяет ожидать, что преобладающим трендом торгово-экономических и политических отношений Монголии с ее ближайшими соседями останется «маятниковая дипломатия», что потребует

[1] SpecialEurasia. (2024, November 24). Geopolitics and Strategy of China-Mongolia-Russia Economic Corridor (CMREC). Geopolitical Report, 48(8). URL: https://www.specialeurasia.com/2024/11/24/geopolitics-cmrec-asia/ (дата обращения: 10.01.2026).

[2] URA.RU (2025, 7 мая). Путин готовит почву для конкуренции с Китаем за ресурсы. URL: https://ura.news/news/1052930002 (дата обращения: 13.01.2026); Независимая газета. (2025, 30 ноября). КНР хочет выиграть борьбу за природные ресурсы Монголии. URL: https://www.ng.ru/world/2025-11-30/100_30112025_mongolia.html (дата обращения: 13.01.2026).

от России терпения и сосредоточения на конкретных инфраструктурных и внешнеторговых проектах, выгодных обеим сторонам, и в первую очередь приграничным регионам[1].

Торговля и инвестиции: асимметрии и накопление связей

В своей внешней политике Монголия, как и многие средние и мелкие страны, придерживается многовекторной стратегии[2], балансируя между крупными державами и основными торговыми партнерами (Батхишиг, Доржиева, 2025).

Именно обоснованные опасения экономической абсорбции со стороны КНР и энергозависимости от России стимулируют Улан-Батор реализовывать политику «маятниковой дипломатии». Стремление Монголии балансировать влияние обоих гигантов парадоксальным образом формирует устойчивую координационную платформу, не позволяя ни одной из сторон монополизировать контроль над макрорегионом.

Геополитические тенденции 2022–2026 гг. обусловливают и стратегическую заинтересованность России в развитии более тесного сотрудничества с Монголией в русле концепции «разворота на Восток», а также Китая в рамках инициативы «Пояс и путь». Согласно данным официальной статистики Монголии, за период с 2014 г. по 2024 г. импорт Монголии вырос в 2,2 раза, экспорт — в 2,7 раза.

Основными торговыми партнерами Монголии по импорту являются Китай с долей 40 %, Россия — с долей 24 %, Япония (10 %), США (5 %) и Южная Корея (4 %) (рис. 1а)

Что касается экспорта Монголии, то здесь основным торговым партнером с долей в 91 % является Китай. При этом за последние 10 лет объем торговли с Китаем вырос с 1 млрд долл. до почти 16 млрд долл., что составляет более 80 % всей торговли Монголии.

Торговля России и Монголии по состоянию на 2024–2025 гг. оценивается в 2–2,5 млрд долл. с преобладанием российского экспорта (нефтепродукты, электроэнергия, продовольствие) и относительно низкой долей (менее 1 % в 2024 г.) поставок монгольской продукции в Россию (рис. 1б).

Крупнейшим торговым партнером Монголии является Китай. За десять лет (2014–2024 гг.) китайский импорт увеличился более чем в 2,64 раза, а экспорт Монголии в Китай вырос более чем в 2,84 раза. Торговля России с Монголией за этот же период увеличилась гораздо более скромно: в 1,8 и в 1,64 раз соответственно (рис. 2).

В настоящее время доля экспорта в Россию в общем объеме Монголии составляет 0,64 % (по данным за 2024 г.), импорта — 24,3 %, что значительно меньше, чем было во времена экономического сотрудничества с Советским Союзом, когда доли экспорта и импорта Монголии в нашу страну достигали 73 % и 82 % соответственно.

Нарастание несбалансированности является основной проблемой российско-монгольской внешней торговли (Батхишиг, Доржиева, 2025). Превышение стоимости монгольского импорта из России над монгольским экспортом в Россию с 2015 г. по 2024 г. увеличилось с 15 раз до 28 раз (рис. 3).

Временное торговое соглашение (ВТС) между ЕАЭС и Монголией, ратифицированное Россией в декабре 2025 г., придаст импульс взаимной торговле. Льготным режимом будет охвачено 90 % российско-монгольской взаимной торговли. При этом 89 % российского экспорта будет поставляться в Монголию беспошлинно, в том числе продукты питания, удобрения, полимерная продукция, ряд черных металлов, моторные транспортные средства. В результате по товарам, включенным в соглашение, средние пошлины на рынке Монголии сократятся с 6 до 0,2 %. Это позволит российскому бизнесу экономить до 8 млрд р. в год[3].

Прямые иностранные инвестиции

Основой концепции национальной безопасности Монголии является недопущение возникновения чрезмерной зависимости от любого торгового партнера. С этой целью в Монголии с 2012 г. действовали ограничения на привлечения иностранных инвесторов, особенно государственной формы собственности, в стратегические отрасли экономики. Данное требование монгольского законодательства ограничило приток иностранных инвестиций из Китая (Макаров, Макарова, Михеева, 2024). Кроме того, Монголия отказалась от льготных кредитов КНР для реализации ряда проектов в рамках китайской инициативы «Пояс и путь».

Китайские ПИИ занимают скромную долю в суммарном объеме ПИИ с максимумом 14–16 % в 2014–2016 гг., которая к 2024 г. снизилась до 5,4 %, а доля российских ПИИ в отдельные годы не превышала 0,15 % и выросла к 2024 г. до 0,9 % (рис. 4).

---

[1] Российское общество политологов. (2026, 15 января). Россия и Монголия в 2025 году: маятник двусторонних отношений. URL: https://ruspolitics.site/content/17638/ (дата обращения: 08.01.2026).

[2] Ceias. (2024, May 14). Navigating the triangular dynamics: Mongol-Russian relations in the context of China. Central European Institute of Asian Studies. URL: https://ceias.eu/navigating-the-triangular-dynamic/ (дата обращения: 30.03.2026).

[3] Министерство экономического развития РФ. (2025, 16 декабря). Госдума ратифицировала торговое соглашение между ЕАЭС и Монголией. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/gosduma_ratificirovala_torgovoe_soglashenie_mezhdu_eaes_i_mongoliey.html (дата обращения: 05.01.2026).

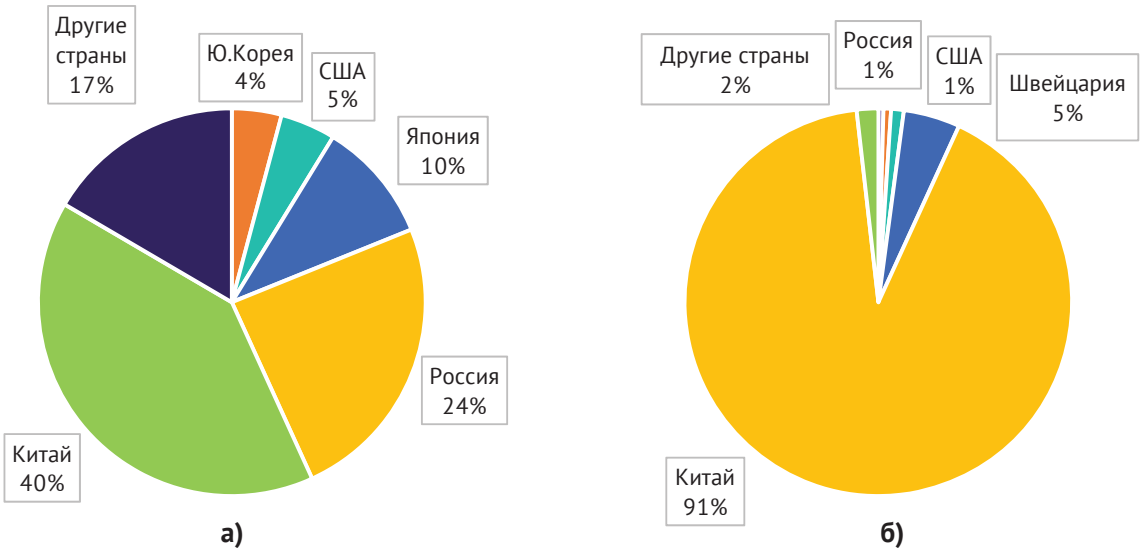

Рис. 1. Доля отдельных стран в импорте (а) и экспорте (б) Монголии по странам-партнерам в 2024 г., % (источник: National Statistics Office Of Mongolia (2026). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (дата обращения: 12.01.2026)).

Fig. 1. Share of Individual Countries in Mongolia's Imports (a) and Exports (b) by Partner Countries in 2024, % (Source: National Statistics Office of Mongolia (2026). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (Date of access: 12.01.2026))

Рис. 2. Динамика импорта и экспорта КНР и России в Монголию в период 2014–2024 гг., млн долл. (источник: National Statistics Office Of Mongolia. (2026). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (дата обращения: 12.01.2026))

Fig. 2. Dynamics of Imports and Exports of China and Russia to Mongolia in the Period 2014–2024, Million Dollars (Source: National Statistics Office of Mongolia. (2026). https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (Date of access: 12.01.2026))

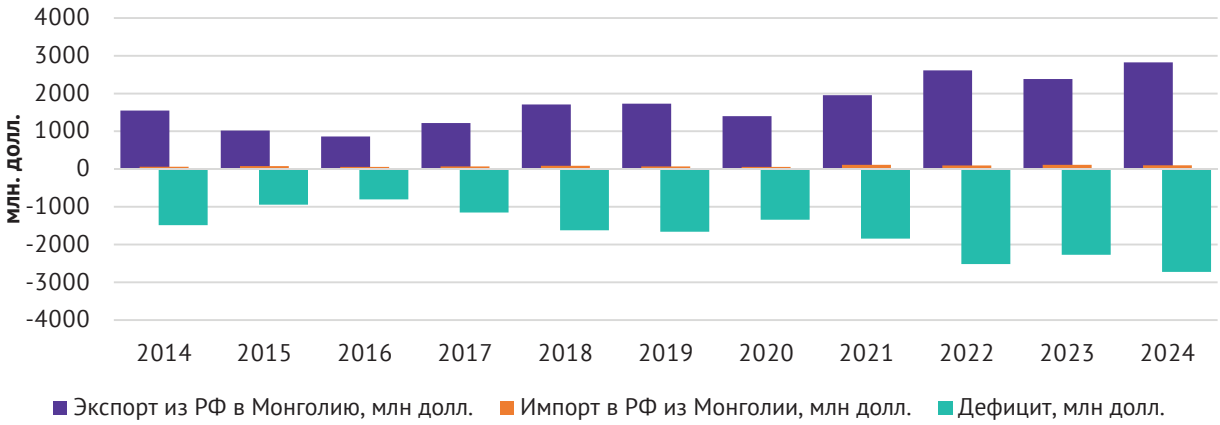

Рис. 3. Торговый баланс внешней торговли России и Монголии в период 2014–2024 гг. (источник: National Statistics Office Of Mongolia. (2026). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (дата обращения: 12.01.2026))

Fig. 3. Trade Balance of Foreign Trade Between Russia and Mongolia in the Period 2014–2024 (Source: National Statistics Office of Mongolia. (2026). URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Foreign%20Trade (Date of access: 12.01.2026))

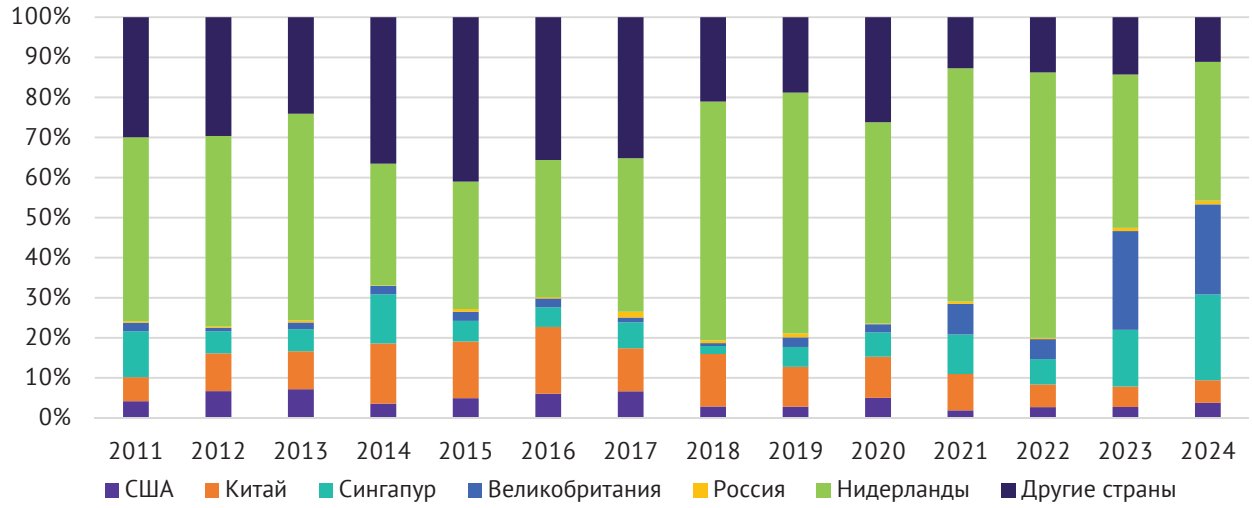

Рис. 4. Структура ПИИ по странам, % (источник: National Statistics Office Of Mongolia 2026. URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Investment (дата обращения: 12.01.2026))

Fig. 4. Structure of FDI by Country, % (Source: National Statistics Office of Mongolia 2026. URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table/Economy,%20environment/Investment (Date of access: 12.01.2026))

Снижение доли китайских ПИИ до 5,4 % к 2024 г. объясняется имплементацией в Монголии Закона о регулировании иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики (2012 г.), который жестко ограничил доступ зарубежных госкорпораций к добывающему сектору[1]. Монголия является одним из мировых лидеров по запасам многих полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы, общие запасы которых оцениваются в 3,1 млн т (Калинин, Хатмуллин, 2024). Добыча полезных ископаемых является основой экономики Монголии. На долю горнодобывающей промышленности приходится около 79 % всего промышленного производства страны, сектор обеспечивает 26 % ВВП страны, свыше 95 % экспортной выручки[2]. Неудивительно, что богатый ресурсами регион привлекает зарубежных инвесторов из разных стран. За освоение месторождений Монголии конкурируют страны ЕС, США, Япония, Южная Корея, Китай и Россия.

Рост интереса западных инвесторов к Монголии, проявившийся, в частности, на ВЭФ в январе 2026 г., вызван запасами меди, урана и редкоземельных элементов, необходимых странам Запада для их технологического перехода[3].

Иностранные инвестиции могут помочь Монголии реализовать многие проекты, которые не под силу самой Монголии без внешней помощи, и стать драйверами экономического роста. В то же время, дополнительный приток инвестиций в добывающий сектор ставит страну в еще более сильную зависимость от волатильности мировых сырьевых рынков и не способствует диверсификации экономики.

Переориентация Монголии после распада СССР на многовекторную политику, сопровождавшаяся ослаблением экономического, политического и культурного сотрудничества с Россией, привела к тому, что современная политическая элита Монголии больше ориентирована на развитие сотрудничества с США, Японией и Южной Кореей.

Фактически единственным действующим на территории Монголии крупным межгосударственным предприятием является АО УБЖД («Улан-Баторская железная дорога»), на долю которой приходится около 80 % всего внутреннего грузооборота и до 100 % экспортно-импортного грузооборота.

Одним из перспективных российских проектов в Монголии является строительство ГК «Росатом» АЭС малой мощности (Калинин, Хатмуллин, 2024).

Транспортная инфраструктура и логистика

Усиление глобальной напряженности в 2022–2026 гг. и связанная с ней переориентация цепочек поставок и грузопотоков обусловили рост интереса России к восточному направлению, включая сухопутный коридор через Монголию в Китай (Samaruha et al., 2024).

Транспортный коридор Китай— Монголия — Россия призван соединить и модернизировать инфраструктуру стран-участниц. Идея его создания обсуждалась более десяти лет (Ulagpan, 2021; Zhang, 2020).

[1] U.S. Department of State. (2025). 2025 Investment climate statements: Mongolia. URL: https://www.state.gov/reports/2025-investment-climate-statements/mongolia (дата обращения: 13.04.2026).

[2] Номер один. (2026, 2 февраля). Горнодобывающий сектор Монголии приносит почти 96 % доходов от экспорта. URL: https://gazeta-n1.ru/news/society/157679/ (дата обращения: 05.02.2026).

[3] Babr24.com. (2026, 26 января). Сырьевая ловушка: западные инвестиции могут усилить старые проблемы Монголии. URL: https://m.babr24.com/?IDE=287498 (дата обращения: 05.02.2026).

Транспортно-логистический коридор имеет важное значение для всех трех стран. Для России он позволяет переориентировать экспорт на рынки азиатско-тихоокеанских стран, развивать и укреплять с ними экономическое сотрудничество. Для Китая транспортный коридор обеспечивает более быстрый и безопасный путь на рынки Европы. Для Монголии создание транспортного коридора должно стать драйвером ее экономического развития (Дондоков, Намжилова, 2022).

Монголия, согласно «Политике нового возрождения», планирует к 2030 г. достичь трехкратного роста экономики на основе укрепления экономической независимости и устранения инфраструктурных проблем в сфере энергетики и транспорта (Намжилова, 2024).

Благодаря своему географическому положению Монголия обладает широкими возможностями реализации различных трансграничных коридоров, обещающих ей получение крупной «транзитной ренты». При этом Монголия в некоторых случаях предлагает свои варианты маршрутов и условия их реализации (Лузянин, Кушхов, 2024), что не всегда устраивает две другие стороны — Россию и Китай.

Наиболее перспективным транспортным проектом является транспортно-логистический коридор Китай — Монголия — Россия, связывающий столицы, а также важные экономические центры Китая и России по наиболее короткому маршруту, что окажет заметное влияние не только на торгово-экономическое сотрудничество трех стран-участниц данной инициативы, но и на региональное развитие в целом. Одним из ключевых вопросов рассматривается совершенствование механизмов трансграничного сотрудничества (Wan et al., 2021). Речь идет не о ремонте, а о расширении пропускной способности всей сети с 30 млн т грузов до 50 млн т в год[1].

Транспортно-логистический коридор имеет важное стратегическое значение для всех участников: способствует развитию северных территорий Китая и стимулирует рост на его приграничных территориях; поддерживает развитие Сибири и Дальнего Востока, обеспечивает доступ России к рынкам азиатских стран в условиях глобальных вызовов; способствует привлечению инвестиций в модернизацию транспортной инфраструктуры Монголии (Фадеева, 2025; Yu & Feng, 2023).

Транспортная связность выступает «каркасом» ГПТ КМР. Центральный железнодорожный коридор уже сейчас обслуживает значительную часть грузопотоков Китай — Европа через территорию Монголии, но его пропускная способность долгое время ограничивает рост транзита (Hua et al., 2026).

В 2020-е гг. правительства России, Монголии и Китая инициировали комплексную модернизацию Трансмонгольской железной дороги, включая строительство вторых путей, расширение пограничных переходов, развитие терминалов и повышение скорости движения. Параллельно в Монголии реализуются крупные проекты по строительству новых железнодорожных линий от месторождений к границе с Китаем, что резко увеличивает экспортные возможности и снижает нагрузку на единственный ранее погранпереход Замын-Ууд — Эрлянь[2].

Исследования пространственной доступности показывают, что реализация быстрых железнодорожных проектов в коридоре Китай — Монголия — Россия сокращает время «сквозного» пути до двух суток, радикально изменяя конфигурацию экономических связей между городами Северо-Восточной Азии и российской части Евразии (Chu et al., 2022).

Моделирование пространственного равновесия доказывает, что модернизация азиатской автомагистрали и сопутствующее снижение нетарифных издержек генерируют абсолютный экономический эффект для Монголии в размере 2,5 млрд долл., обеспечивая прирост национального ВВП на 5,18 %, при параллельном увеличении объема железнодорожного транзита в 11,3 раза (Isono, Kumagai, 2025).

Энергетическое измерение: газопровод «Сила Сибири–2» через Монголию

Ключевым инфраструктурным мегапроектом, потенциально способным связать экономики России, Монголии и Китая в единую энерго-рентную архитектуру, выступает газопровод «Сила Сибири–2» проектной мощностью 50 млрд куб. м газа в год. Однако десятилетний переговорный процесс, не увенчавшийся подписанием обязывающего контракта к концу 2025 г., выявил глубокие геостратегические и ценовые асимметрии интересов сторон.

Для Российской Федерации проект носит экзистенциальный характер, являясь безальтернативным инструментом переориентации колоссальных запасов газа полуострова Ямал (ранее предназначавшихся для европейского рынка) на азиатский континент. Ввиду отсутствия физической возможности перенаправить этот объем иным потребителям, переговорная

[1] Байкал24. (2025, 16 ноября). Россия и Монголия обновляют транспортные коридоры с прицелом на Китай. URL: https://baikal24.ru/text/16-11-2025/018/ (дата обращения: 11.01.2026).

[2] Намжилова, В. (2022). Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: инфраструктурный фокус. РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskiy-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/ (дата обращения: 20.01.2026).

позиция Москвы оказалась крайне уязвимой. Для Китайской Народной Республики, напротив, проект представляет собой лишь один из множества опциональных источников диверсификации импорта. Текущее газопотребление КНР (около 400 млрд куб. м в год) сбалансировано за счет внутренней добычи (60 %) и диверсифицированного импорта (трубопроводный газ из Центральной Азии, поставки по «Силе Сибири–1» и глобальный импорт СПГ)[1]. Для Монголии проект является источником транзитных доходов, оцениваемых потенциально до нескольких процентов ВВП, и доступа к трубопроводному газу для внутреннего потребления[2].

Анализ ценовых позиций иллюстрирует доминирующее влияние Пекина. Точка безубыточности для российского трубопроводного газа на монголо-китайской границе оценивается независимыми экспертами примерно в 125 долл. за 1 тыс. куб. м[3]. При этом средняя стоимость альтернативных поставок СПГ для Китая в отдельные периоды превышала 370 долл. Тем не менее, китайская сторона в переговорах отказывается ориентироваться на спотовые мировые цены. В качестве «ценового якоря» Пекин настаивает на поставках газа по ценам российского внутреннего рынка, которые составляют около 50 долл. за 1 тыс. куб. м. Дополнительным институциональным барьером выступает нежелание КНР связывать себя жесткими долгосрочными условиями «бери или плати» на 30 лет на фоне масштабной национальной программы энергетического перехода и расширения мощностей возобновляемой генерации[4].

Позиция Монголии в данном проекте также характеризуется дуализмом. Транзитный статус гарантирует государству существенные рентные доходы, способные обеспечить прибавку до нескольких процентов к национальному ВВП[5]. Одновременно с этим масштабная газификация страны сопряжена со структурными рисками. Энергетическая система Улан-Батора исторически базируется на использовании локального угля, обладающего низкой стоимостью добычи. Вынужденный переход на импортный газ неизбежно приведет к кратному удорожанию генерации тепло- и электроэнергии для конечных потребителей, а также создаст кризис занятости в монгольской угледобывающей промышленности[6].

Таким образом, энергетический блок концепции демонстрирует высочайшую степень геополитической вязкости. Достижение консенсуса потребует от РФ существенных ценовых уступок и готовности взять на себя мажоритарные риски капитального строительства, что делает проект геополитическим, а не сугубо коммерческим предприятием.

Интеграционная концептуальная схема «накопительного типа»

Исследование ГПТ КМР позволяет формализовать универсальную концептуальную схему региональной консолидации — концепцию интеграции «накопительного типа». В отличие от классических таможенных союзов, требующих немедленного открытия рынков, накопительная интеграция обладает высокой адаптивностью и не предполагает жесткого делегирования национального суверенитета наднациональным органам (Хейфец, Чернова, 2025).

Блоки концепции накопительной интеграции выстроены в строгую иерархическую структуру (модифицированный рисунок 5 представляет собой восходящую пирамиду уровней).

1. Фундаментальным базисом системы выступает развитие физической Инфраструктуры (железнодорожные коридоры, энергетические магистрали). Этот уровень критически важен для снижения физических транспортных издержек, решающих проблему континентальной изоляции.

2. Вторым уровнем выступают генерируемые на базе инфраструктуры товарные и финансовые потоки — Торговля и ПИИ, а также Энергетика. Применение гравитационной модели ($X_{ij} = Y_i Y_j / D_{ij}$) доказывает, что рост физической пропускной способности снижает дистанционное сопротивление (D_{ij}), пропорционально увеличивая торговые потоки (X_{ij}) (Krulikowski, Riker, 2024). Выделение энергетики в обособленный надинфраструктурный элемент иерархии обусловлено тем, что трубопроводы, в отличие от автомобильных дорог, создают не гибкую,

[1] Why Can't Russia and China Agree on the Power of Siberia 2. URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/09/russia-china-gas-deals (дата обращения: 13.04.2026).

[2] The Power of Siberia 2 Project and Central Asia's Gas Bargaining Power. URL: https://timesca.com/the-power-of-siberia-2-project-and-central-asias-gas-bargaining-power/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.01.2026).

[3] Why Can't Russia and China Agree on the Power of Siberia 2. URL: https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/09/russia-china-gas-deals (дата обращения: 13.04.2026).

[4] Там же.

[5] Corbeau, A.-S., Downs, E., & Mitrova, M. (2025). Power of Siberia 2: Russia's Pivot, China's Leverage, and Global Gas Implications. CGEP. September 3. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/power-of-siberia-2-russias-pivot-chinas-leverage-and-global-gas-implications/ Why Can't Russia and China Agree on the Power of Siberia 2. https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2025/09/russia-china-gas-deals (дата обращения: 13.04.2026).

[6] Проект строительства через Монголию газопровода «Сила Сибири–2». URL: https://www.mongolnow.com/proekt-stroitelstva-cherez-mongoliyu-gazoprovoda-sila-sibiri-2/ (дата обращения: 15.01.2026).

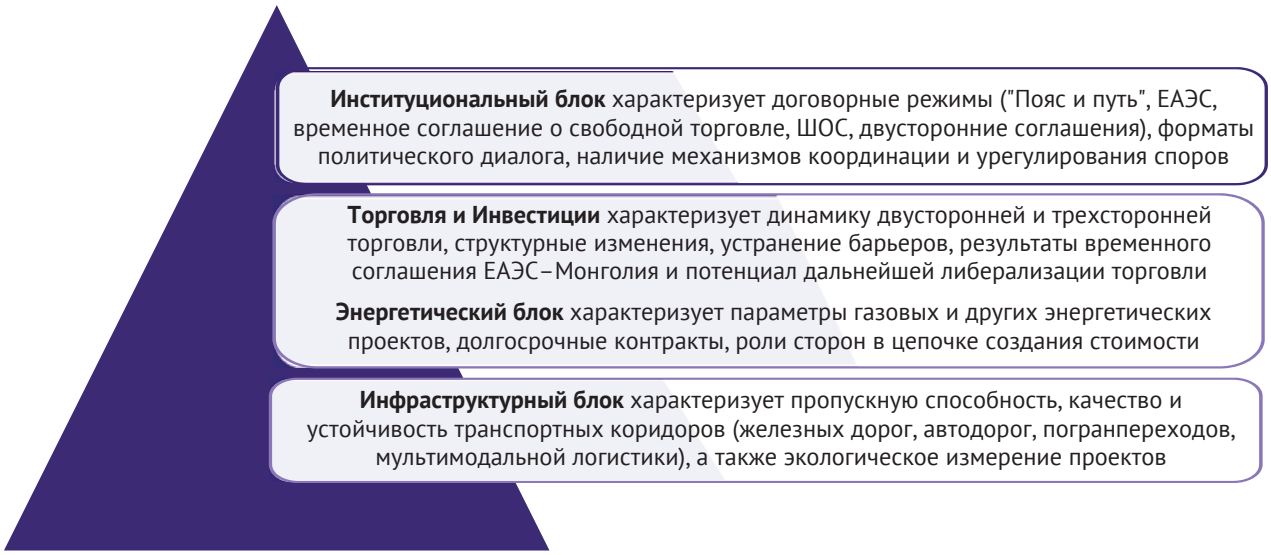

Рис. 5. Интеграционная система накопительного типа (источник: составлено авторами)
Fig. 5. Cumulative Integration System (Source: compiled by the authors)

а долгосрочную институционально-рентную взаимозависимость государств на десятилетия[1].

3. Вершиной архитектуры является Институциональный блок (соглашения о ЗСТ, механизмы ЕАЭС). Нормативная база не предшествует экономике, а фиксирует и регламентирует уже достигнутую де-факто физическую и торговую связность триады (Хейфец, Чернова, 2025).

Использование расчетов симуляционных моделей пространственного равновесия (IDE-GSM) и агрегированных данных логистических операторов позволяет сформировать три количественно измеримых сценария развития ГПТ КМР до 2030 г.

Базовый (инерционный) сценарий характеризуется консервацией текущих ограничений инфраструктурной пропускной способности. Объем грузоперевозок по центральному железнодорожному коридору стабилизируется в коридоре 32–35 млн т в год (для сравнения: фактический показатель 2023 г. составил 32,4 млн т)[2]. Внешняя торговля демонстрирует рост в пределах среднемировой инфляции (3–5 % в год). Транзитная рента Монголии не оказывает структурного влияния на ВВП, проект «Сила Сибири–2» остается на стадии бесконечных согласований ценовой формулы.

Сценарий углубленного институционального сопряжения предполагает успешное привлечение синдицированного финансирования для строительства второй колеи магистрали Улан-Баторской железной дороги, что обеспечит достижение целевых показателей в 50 млн т транзитных грузов к 2030 г. и 90 млн т к 2050 г.[3] Параллельно происходит практическая имплементация Временного соглашения ЕАЭС — Монголия, обнуляющего пошлины на 90 % товарной номенклатуры. Оценка торгового потенциала на базе гравитационных уравнений демонстрирует, что устранение нетарифных барьеров между Россией и Монголией способно привести к двукратному росту товарооборота. Текущий товарооборот реализует лишь 25 % структурного потенциала из-за асимметрии тарифов. Моделирование IDE-GSM показывает, что синергия масштабных инвестиций в центральный коридор (АН3) и ликвидация нетарифных барьеров сгенерирует абсолютный долгосрочный экономический эффект для Монголии в объеме свыше 2,5 млрд долл., что равносильно кумулятивному приросту национального ВВП на 5,18 % (Isono & Kumagai, 2025). Российские экспортеры сократят транзакционные издержки примерно на 8 млрд р. ежегодно.

Фрагментированный (кризисный) сценарий активируется в случае эскалации геополитической напряженности и жесткого санкционного давления на логистические потоки. Доля прямых иностранных инвестиций (со стороны как КНР, так и России) падает ниже уровня 1 % ВВП Монголии. Трубопроводные проекты окончательно замораживаются до 2030+ года. Происходит перераспределение транзитных потоков КНР — ЕС в пользу Транскаспийского международного транспортного маршрута (Среднего коридора) в обход российской и монгольской юрисдикций, что ведет к маргинализации ге-

[1] Corbeau, A.-S., Downs, E., & Mitrova, M. (2025). Power of Siberia 2: Russia's Pivot, China's Leverage, and Global Gas Implications. CGEP. September 3, 2025. URL: https://www.energypolicy.columbia.edu/power-of-siberia-2-russias-pivot-chinas-leverage-and-global-gas-implications/ (дата обращения: 13.04.2026).

[2] The railways of Russia, Mongolia and China have confirmed plans to increase freight traffic. РЖД. 13.09.2024. URL: https://eng.rzd.ru/en/9631/page/78314?id=218752 (дата обращения: 13.04.2026).

[3] Там же.

ополитического треугольника КМР в рамках Большой Евразии.

ГПТ КМР вписывается в более широкую архитектуру региональных институтов и стратегий:

— для Китая ГПТ входит в инициативу «Пояс и путь», где транспортный коридор Китай — Монголия — Россия значится как один из шести коридоров, поддерживающих связность с Европой и Евразией;

— для России ГПТ согласуется с концепцией Большого евразийского партнерства, предполагающей сопряжение ЕАЭС и китайской инициативы «Пояс и путь», ориентацией на межрегиональное и приграничное сотрудничество;

— для Монголии ГПТ дополняет инициативу «Степной путь»[1] и курс на многовекторность, где участие в инициативе «Пояс и путь» и соглашениях с ЕАЭС увязывается с политикой многовекторности и попыткой диверсификации внешних партнеров.

Институционально ГПТ КМР развивается на пересечении:

— китайской инициативы «Пояс и путь», обеспечивающей мощную китайскую финансово-инфраструктурную поддержку;

— ЕАЭС, обеспечивающего нормативное и таможенное пространство, в котором ключевую роль играет Россия;

— ШОС, представляющей собой площадку для политического диалога;

— двусторонних соглашений в сфере энергетики, транспорта, инвестиций.

Важно и то, что развитие ГПТ по модели «накопительной интеграции», при которой стратегии сближения стран отличны от классической интеграции, соответствует новым тенденциям формирования интеграционных союзов (Хейфец, Чернова, 2025). Эта концептуальная схема позволяет расширить круг межгосударственных альянсов, привлечь в интеграционные блоки большее число заинтересованных стран, не требуя от них выполнения строгих правил свободной торговли или отказа от национального суверенитета в других сферах. Таким образом, накопительная интеграция может стать реальной стратегией консолидации экономического пространства Большой Евразии.

Выводы

Формирующийся ГПТ КМР является одной из ключевых подсистем Большой Евразии. Анализ институциональных, торговых, инфраструктурных и энергетических параметров взаимодействия стран в 2014–2025 гг. показывает, что ГПТ КМР постепенно приобретает черты интеграционного образования «накопительного типа».

Представленная в исследовании концептуальная схема накопительной интеграции, являющейся универсальным инструментом адаптации региональных экономик в условиях глобальной фрагментации и кризиса ВТО, доказала свою эвристическую ценность. Количественная интерпретация через инструментарий гравитационного моделирования и CGE-моделей подтверждает выдвинутую гипотезу: ГПТ КМР де-факто преодолевает этап локальных инфраструктурных проектов, трансформируясь в консолидированную макрорегиональную зону. При этом Монголия, реализующая политику многовекторности на фоне обоснованных опасений тотальной экономической абсорбции со стороны Китая и энергетического давления со стороны России, успешно выступает в качестве стабилизирующей координационной платформы.

Для перевода ГПТ КМР на траекторию «углубленного сопряжения» авторами предлагаются следующие первоочередные практические шаги.

1. Синхронизация фитосанитарных и таможенных протоколов между регуляторами ЕАЭС и Монголии для фактического обнуления нетарифных барьеров;

2. Институционализация межгосударственного инвестиционного консорциума для синдицированного финансирования второй колеи Улан-Баторской железной дороги;

3. Выработка жестких компромиссных гарантий по объемам транзитной прокачки и формуле ценообразования в рамках энергетических мегапроектов, минимизирующих макроэкономические риски упущенной выгоды для монгольской стороны.

Предложенная стратегия продуктивна в условиях глобальной неопределенности, предлагая суверенным акторам надежный механизм адаптивной экономической конвергенции.

Направлениями дальнейших количественных исследований станут построение детальных вычислимых моделей общего равновесия (CGE) для точечной оценки эластичности регионального ВВП по изменяющимся транзитным тарифам, а также межотраслевое моделирование воздействия газопровода на рынок труда Монголии. Качественный анализ потребует кропотливого аудита скрытых административных барьеров на пограничных пунктах пропуска.

[1] Монгольский проект «Степной путь», выдвинутый в 2014 г., состоит из пяти частей, предусматривающих строительство высокоскоростных автодорог протяжённостью 997 км, соединяющих Китай и Россию, 1100-километровой электрифицированной железной дороги, расширение сети железных дорог в Монголии, а также строительство газо- и нефтепроводов. Общий объём инвестиций оценивается примерно в 50 млрд долл.

Список источников

Батхишиг, Б., Доржиева, В. В. (2025). Торгово-экономические отношения Монголии и России в условиях меняющейся мировой экономики. *Мировая экономика и международные отношения, 69*(1), 76–86. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-76-86

Вардомский, Л. Б., Пылин, А. Г. (2024). Временное торговое соглашение ЕАЭС и Монголии и рост связанности. В *Российско-монгольские экономические отношения: текущие проблемы и новые возможности* (с. 121–135). Москва: Институт экономики РАН.

Дондоков, З. Б. (2024). Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: проблемы и перспективы регионального и приграничного сотрудничества. *Фундаментальные исследования,* (10), 16–20. https://doi.org/10.17513/fr.43682

Дондоков, З. Б., Намжилова, В. О. (2022). Экономический коридор Китай — Монголия — Россия: выстраивание инфраструктурной связанности в условиях глобальных вызовов. *ЭКО,* (12(582)), 52–71. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71

Железняков, А. С., Никифоров, С. В., Чулуун, С. (2024). Политико-правовые основания взаимодействия России и Монголии как государств-цивилизаций. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 24*(4), 1133–1147. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147

Калинин, Р. Р., Хатмуллин, А. Р. (2024). *Монголия как новый центр борьбы за ресурсы: Перспективы российско-монгольского сотрудничества в области атомной энергетики, освоения и добычи полезных ископаемых.* Москва: Научный центр международных исследований «ПИР» (ПИР-Центр), 43.

Кушхов, Б. Х. (2022). Исторические вариации треугольника Россия —Монголия — Китай. Принципы и закономерности. *Вестник БНЦ СО РАН, 1*(45), 89–94. https://doi.org/10.31554/2222-9175-2022-45-89-94

Кушхов, Б. Х. (2023). Энергетическая безопасность Монголии в контексте треугольника Россия — Монголия — Китай: «энергетическая» в обмен на «безопасность»? *Вестник БНЦ СО РАН,* (1(49)), 85–89. https://doi.org/10.31554/2222-9175-2023-49-85-89

Лузянин, С. Г., Кушхов, Б. Х. (2024). Субрегиональная система «Россия — Монголия — Китай»: транспортные и культурно-цивилизационные измерения. *Монголоведение, 16*(3), 447–460. https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-3-447-460

Макаров, А. В., Макарова, Е. В., Михеева, А. С. (2024). Монгольский вектор внешнеэкономической политики России (к 100-летию образования МНР). *Мировая экономика и международные отношения, 68*(8), 105–116. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-8-105-116

Мигранян, А. А. А., Динец, Д. А. (2023). Векторы российско-монгольского сотрудничества. *Геоэкономика энергетики, 24*(4), 55–76. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_55

Намжилова, В. О. (2024). «Политика нового возрождения» Монголии: инфраструктурные приоритеты. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность,* (1), 165–176. https://doi.org/10.31857/S086919080029252-4

Самаруха, В., Самаруха, А., Доржиева, В. (2024). Новые реалии экономического сотрудничества России и Монголии. *Общество и экономика,* (7–8), 137–147. https://doi.org/ 10.31857/S0207367624070101

Фадеева, А. Ю. (2025). Перспективы реализации экономического коридора «Китай — Монголия — Россия» в контексте интеграционных процессов Евразии. *Евразийские исследования,* (2), 60–74. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.58.14.006

Хейфец, Б. А., Чернова, В. Ю. (2025). Международная накопительная интеграция и оценка ее экономических эффектов. *Вопросы теоретической экономики,* (3(28)), 7–24. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_3_7_24

Chu, N., Wu, X., & Zhang, P. (2022). Cross-border accessibility and spatial effects of China-Mongolia-Russia economic corridor under the background of high-speed rail environment. *Int J Environ Res Public Health.* 19(16):10266. https://doi.org/10.3390/ijerph191610266

Hua, L., Gao, C., Wang, J., Shang, Y., & Mishig, D. (2026). Coupling coordination between the trade sustainability of China-Mongolia ports and cross-border transportation accessibility. In *DECS '25: Proceedings of the 2025 2nd International Conference on Digital Economy and Computer Science* (pp. 866–877). Association for Computing Machinery. https://doi.org/10.1145/3785706.3785842

Isono, I., & Kumagai, S. (2025). *Geographical simulation analysis of economic corridor development in Mongolia. IDE Discussion Papers* (No. 963). Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization.

Krulikowski, S., & Riker, D. (2024). *Growth and trade diversion due to China's Belt and Road Initiative. Working Paper* (No. 2024-04-B). U.S. International Trade Commission. https://www.usitc.gov/publications/332/working_papers/krulikowski_and_riker_2024_bri.pdf (Date of access: 02.04.2026).

Ulagpan, Y. (2021). Belt and road initiative: Opportunities and challenges for Mongolia. *Asia-Pacific Journal, 19*(3), e3. https://doi.org/10.1017/S1557466021030795

Wan, J., Vovenda, A. V., Luybina, D. E., & Mushenko, E. V. (2021). Development of the China-Russia-Mongolia corridor: Cross-border dimension. *Sociopolitical Sciences, 11*(5), 27–33. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-27-33

Yu, Y., & Feng, S. (2023). International trade cooperation between Russia and China under the Belt and Road Initiative in the new global order. *Governance and Politics, 2*(2), 55–82. https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-2-55-82

Zhang, X. (2020). Unimpeded trade and the construction of the China-Mongolia-Russia economic corridor: Problems and prospects. *R-Economy, 6* (4), 242–250. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.4.021

References

Batkhishig, B., & Dorzhieva, V. V. (2025). Trade and Economic Relations Between Mongolia and Russia in a Changing Global Economy. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 69* (1), 76–86. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-76-86 (In Russ.)

Chu, N., Wu, X., & Zhang, P. (2022). Cross-Border Accessibility and Spatial Effects of China-Mongolia-Russia Economic Corridor under the Background of High-Speed Rail Environment. *Int J Environ Res Public Health.* 19(16):10266. https://doi.org/10.3390/ijerph191610266

Dondokov, Z. B. (2024). China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Problems and Prospects of Regional and Cross-Border Cooperation. *Fundamental'nye Issledovaniya [Fundamental Research],* (10), 16–20. https://doi.org/10.17513/fr.43682 (In Russ.)

Dondokov, Z. B., & Namzhilova, V. O. (2022). China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Building Infrastructural Connectivity in the Face of Global Challenges. *EKO [ECO],* (12(582)), 52–71. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-12-52-71 (In Russ.)

Fadeeva, A. Yu. (2025). Prospects for the Implementation of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor (CMREC) in the Context of Eurasian Integration Processes. *Evraziiskie Issledovaniya [Eurasian Research],* (2), 60–74. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.58.14.006 (In Russ.)

Hua, L., Gao, C., Wang, J., Shang, Y., & Mishig, D. (2026). Coupling Coordination Between the Trade Sustainability of China-Mongolia Ports and Cross-Border Transportation Accessibility. In *DECS'25: Proceedings of the 2025 2nd International Conference on Digital Economy and Computer Science* (pp. 866–877). Association for Computing Machinery. https://doi.org/10.1145/3785706.3785842

Isono, I., & Kumagai, S. (2025). *Geographical Simulation Analysis of Economic Corridor Development in Mongolia. IDE Discussion Papers* (No. 963). Institute of Developing Economies, Japan External Trade Organization.

Kalinin, R. R., & Khatmullin, A. R. (2024). *Mongoliya kak Novyy Tsentr Borby za Resursy: Perspektivy Rossiysko-Mongolskogo Sotrudnichestva v Oblasti Atomnoy Energetiki, Osvoeniya i Dobychi Poleznykh Iskopaemykh [Mongolia as a New Center of the Struggle for Resources: Prospects for Russian-Mongolian Cooperation in the Field of Nuclear Energy, Exploration and Mining].* Moscow: Center for Political Studies in Russia, 43. (In Russ.)

Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2025). International Cumulative Integration and Assessment of its Economic Effects. *Voprosy Teoreticheskoi Ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (3(28)), 7–24. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_3_7_24 (In Russ.)

Krulikowski, S., & Riker, D. (2024). *Growth and Trade Diversion due to China's Belt and Road Initiative. Working Paper* (No. 2024-04-B). U.S. International Trade Commission. https://www.usitc.gov/publications/332/working_papers/krulikowski_and_riker_2024_bri.pdf (Date of access: 02.04.2026).

Kushkhov, B. H. (2022). The Historical Implifications of Russia — Mongolia — China's Triangle. Principles and Regularities. *Vestnik BNTS SO RAN [Bulletin of the BSC SB RAS], 1* (45), 89–94. https://doi.org/10.31554/2222-9175-2022-45-89-94 (In Russ.)

Kushkhov, B. H. (2023). The Energy Security of Mongolia in the Context of the Russia — Mongolia — China Triangle: "Energy" in Exchange for "Security"? *Vestnik BNC SO RAN [Bulletin of the BSC SB RAS],* (1(49)), 85–89. https://doi.org/10.31554/2222-9175-2023-49-85-89 (In Russ.)

Luzyanin, S. G., & Kushkhov, B. Kh. (2024). Subregional System "Russia — Mongolia — China": Transport and Cultural-Civilizational Dimensions. *Mongolovedenie [Mongolian Studies], 16* (3), 447–460. (In Russ.) https://doi.org/10.22162/2500-1523-2024-3-447-460

Makarov, A. V., Makarova, E. V., & Mikheeva, A. S. (2024). Mongolian Vector of Russia's Foreign Economic Policy (To the 100th Anniversary of the Mongolian People's Republic Formation). *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 68* (8), 105–116. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-8-105-116 (In Russ.)

Migranyan, A. A., Dinets, D. A. (2023). Vectors of Russian-Mongolian Cooperation. *Geoekonomika Energetiki [Geoeconomics of Energetics], 24* (4), 55–76. https://doi.org/10.48137/26870703_2023_24_4_55 (In Russ.)

Namzhilova, V. O. (2024). Mongolia's "New Revival Policy": Infrastructure Priorities. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost' [Vostok (Oriens)],* (1), 165–176. https://doi.org/10.31857/S086919080029252-4 (In Russ.)

Samaruha, V., Samaruha, A., Dorzhieva, V. (2024). New Realities of Economic Cooperation Between Russia and Mongolia. *Obshchestvo i Ekonomika [Society and Economics],* (7–8), 137–147. https://doi.org/10.31857/S0207367624070101 (In Russ.)

Ulagpan, Y. (2021). Belt and Road Initiative: Opportunities and Challenges for Mongolia. *Asia-Pacific Journal, 19* (3), e3. https://doi.org/10.1017/S1557466021030795

Vardomsky, L. B., & Pylin, A. G. (2024). Vremennoye Torgovoye Soglasheniye EAYES i Mongolii i Rost Svyazannosti [The EAEU-Mongolia Interim Trade Agreement and the Growth of Connectivity]. In *Rossiysko-Mongol'skiye Ekonomicheskiye*

Otnosheniya: Tekushchiye Problemy i Novyye Vozmozhnosti [Russian-Mongolian Economic Relations: Current Problems and New Opportunities] (pp. 121–135). Moscow: Institute of Economics of RAS. (In Russ.)

Wan, J., Vovenda, A. V., Luybina, D. E., & Mushenko, E. V. (2021). Development of the China-Russia-Mongolia Corridor: Cross-Border Dimension. *Sociopolitical Sciences, 11* (5), 27–33. https://doi.org/10.33693/2223-0092-2021-11-5-27-33

Yu, Y., & Feng, S. (2023). International Trade Cooperation Between Russia and China Under the Belt and Road Initiative in the New Global Order. *Governance and Politics, 2* (2), 55–82. https://doi.org/10.24833/2782-7062-2023-2-2-55-82

Zhang, X. (2020). Unimpeded Trade and the Construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor: Problems and Prospects. *R-Economy, 6* (4), 242–250. https://doi.org/10.15826/recon.2020.6.4.021

Zhelezniakov, A. S., Nikiforov, S. V., & Chuluun, S. (2024). Political-Legal Foundations of Interaction Between Russia and Mongolia as States-Civilizations. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Sociologiya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 24* (4), 1133–1147. https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-4-1133-1147 (In Russ.)

Информация об авторах

Чернова Вероника Юрьевна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Сектор двусторонних отношений России и стран-соседей, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 57191925715; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: Veronika_urievna@mail.ru).

Хейфец Борис Аронович — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 57199177482; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: bah412@rambler.ru).

Дадабаева Зарина Абдурахмановна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр постсоветских исследований, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 57473419700; https://orcid.org/0000-0002-2454-3259 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: zarina.17.06@list.ru).

About the authors

Veronika Yu. Chernova — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Sector of Bilateral Relations Between Russia and Neighbouring Countries, Centre for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of RAS; Scopus Author ID: 57191925715; https://orcid.org/0000-0001-5951-9091 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: Veronika_urievna@mail.ru).

Boris A. Kheyfets — Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Centre for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of RAS; Scopus Author ID: 57199177482; https://orcid.org/0000-0002-6009-434X (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: bah412@rambler.ru).

Zarina A. Dadabaeva — Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher, Centre for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of RAS; Scopus Author ID: 57473419700; https://orcid.org/0000-0002-2454-3259 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: zarina.17.06@list.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 29.01.2026. Received: 29 Jan 2026.
Прошла рецензирование: 13.04.2026. Reviewed: 13 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5
УДК 339.5
JEL F02

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Л. В. Шкваря [а], *Е. Л. Андреева* [б], *С. С. Красных* [в]

[а] Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация

[б, в] Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Российско-китайское сотрудничество как инструмент обеспечения устойчивого экономического роста Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности[1]

Аннотация. В условиях усиления глобальной турбулентности актуализируется необходимость исследования роли взаимодействия России и Китая в обеспечении стабильности и устойчивости экономического роста в Большой Евразии. Цель статьи — обосновать роль российско-китайского сотрудничества в качестве важнейшего инструмента обеспечения устойчивости Большой Евразии в условиях происходящих глобальных трансформаций. Выдвинута гипотеза о том, что российско-китайское взаимодействие приобретает системообразующую роль в обеспечении устойчивости межстрановых, евразийских и глобальных процессов. Исследование основано на данных ЮНКТАД за 1992–2024 гг., включающих показатели валового внутреннего продукта, экспорта, импорта и товарооборота мира, России, Китая и стран Большой Евразии. Для оценки изменений использованы методы анализа динамики и структуры макроэкономических и внешнеторговых показателей, сравнительный анализ, периодизация этапов развития российско-китайского сотрудничества после 2014 г., а также ARIMA моделирование для прогнозирования динамики валового внутреннего продукта до 2030 г. Установлено, что развитие российско-китайского сотрудничества прошло три этапа: адаптация к санкционному давлению (2014–2018 гг.), расширение взаимодействия в условиях пандемии (2019–2021 гг.) и углубление кооперации в условиях санкционных ограничений (с 2022 г.). Выявлены ключевые направления стабилизирующего воздействия: развитие торговых связей, формирование альтернативной финансовой инфраструктуры, расширение транспортно-логистического взаимодействия и технологической кооперации. Согласно результатам сценарного прогнозирования, вклад российско-китайского сотрудничества и евразийской интеграции в мировую экономику к 2030 г. варьируется по трём сценариям. Оптимистичный сценарий предполагает усиление интеграционных процессов и формирование более полицентричной структуры мировой экономики; инерционный сценарий характеризуется сохранением текущих тенденций роста при ограниченном использовании интеграционного потенциала; пессимистичный сценарий связан с усилением фрагментации мировой экономики и снижением темпов экономического развития. Результаты исследования могут быть использованы при развитии двустороннего взаимодействия России и Китая и их многостороннего сотрудничества со странами Большой Евразии.

Ключевые слова: Россия, Китай, Большая Евразия, международное сотрудничество, экономический рост, глобальная турбулентность, трансформация, экономическая безопасность

Для цитирования: Шкваря, Л. В., Андреева, Е. Л., Красных, С. С. (2026). Российско-китайское сотрудничество как инструмент обеспечения устойчивого экономического роста Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности. *Экономика региона, 22*(3), 533–551. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5

[1] © Шкваря Л. В., Андреева Е. Л., Красных С. С. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Lyudmila V. Shkvarya [a], *Elena L. Andreeva* [b], *Sergey S. Krasnykh* [c]

[a] Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

[b, c] Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Russian-Chinese Cooperation for Sustainable Economic Growth in Greater Eurasia amid Global Turbulence

Abstract. Amid increasing global turbulence, Russian–Chinese cooperation is becoming increasingly vital for stability and sustainable growth in Greater Eurasia. This article substantiates its role as a key tool for ensuring the region's resilience. The central hypothesis is that this cooperation is becoming a key stabilizing force in sustaining cross-country, Eurasian, and global processes. The study draws on UNCTAD's statistical database to analyse macroeconomic and foreign trade indicators in comparable value terms. Using economic, statistical, logical, and comparative analysis, it examines the dynamics and structure of key foreign trade metrics for the world, Russia, and China. It also identifies stages in the development of Russian–Chinese trade and economic relations since 2014 and outlines how this cooperation exerts a stabilising effect and supports resource security in Greater Eurasia. Forecast scenarios for economic growth (world, Greater Eurasia, Russia, and China) were developed using ARMA and ARIMA models applied to annual GDP time series. The forecasts rely on UNCTAD data from 1992 to 2024, which enhances the stability of model parameter estimates and accounts for different market phases before and after 2014. Scenario projections show that the contribution of Russian–Chinese cooperation and Eurasian integration to the global economy by 2030 varies across three scenarios. The optimistic scenario envisages a shift towards a more polycentric order based on a coalition of Greater Eurasian economies. The findings can inform both bilateral cooperation between Russia and China and their multilateral engagement with Greater Eurasian countries.

Keywords: Russia, China, Greater Eurasia, international cooperation, economic growth, global turbulence, transformation, economic security

For citation: Shkvarya, L. V., Andreeva, E. L., & Krasnykh, S. S. (2026). Russian-Chinese Cooperation for Sustainable Economic Growth in Greater Eurasia amid Global Turbulence. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 533–551. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-5

Введение

Мировая экономика переживает период комплексной трансформации и формирования основ нового миропорядка. Этот процесс идет под влиянием отдельных центров силы, со стороны США во многом за счет политического, экономического, торгового давления, экспансии, военной силы и конфликтов, т. е. намеренного усиления нестабильности мировой экономики и ее регионов, в том числе Евразии. России и Китаю как важнейшим мировым акторам невыгодна препятствующая социально-экономическому развитию разбалансированность и нестабильность. Поэтому в условиях усиления глобальной турбулентности актуализируется необходимость исследования роли взаимодействия России и Китая, оказывающего влияния на устойчивость, в том числе в Большой Евразии, с учетом разной степени вовлеченности и «тандемности» РФ и КНР. Цель исследования — обоснование роли российско-китайского сотрудничества в качестве важнейшего инструмента обеспечения устойчивости на евразийском пространстве в условиях происходящих глобальных трансформаций. Гипотеза заключается в том, что сотрудничество Китая и России приобретает системообразующую роль в обеспечении стабильности межстрановых, евразийских и глобальных процессов.

Обзор литературы

Мировое научное сообщество активизировало исследования проблем растущей глобальной нестабильности и её влияния на динамику социально-экономических показателей по миру, отдельным странам и их группам (Çela & Hysa, 2021; Derkenbaeva et al., 2025). Современная ситуация в глобальной экономике и политическом ландшафте характеризуется рядом авторов как разноплановый кризис (Karmakar et al., 2024; Morales et al., 2025; Stavytskyy & Dligach, 2025), представляющий собой фундаментальное и всестороннее разбалансирование системы международных отношений, выражающееся в росте санкционных ограничений, разрыве цепочек поставок и транспортно-логистических путей, глубоком кризисе международных экономических институтов и др. Выход из данного кризиса невозможен в рамках либеральной мейнстримной науки, поэтому национальные исследователи пытаются искать пути его преодоления, исходя из целей устойчивого развития (Allen et al., 2016; Moyer & Hedden, 2022;), новых экологических подходов (Stavytskyy & Dligach, 2025) и регионализации (Zhang et al., 2022). Особое внимание уделяется поиску механизмов, обеспечивающих долгосрочный экономический рост (Dellink et al., 2017) в условиях разрыва глобальных цепочек поставок (Gopalakrishnan et al., 2022).

Отечественные ученые также констатируют «неспособность международных экономических организаций осуществлять управление в рамках существующей глобальной модели» (Тарасов, Ишуков, 2023; Lomanov, 2025). В этих условиях усиливается роль отдельных стран в мировых процессах, в том числе в результате сотрудничества РФ и КНР. Китайские коллеги говорят о новых акцентах партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке (Сюй, Чжао, 2025).

Эксперты уделяют большое внимание как социально-экономическим процессам в КНР (Миролюбова и др., 2024; Бедрина, Гао, 2022) и РФ, так и развитию их взаимодействия (Сидоров, 2025). Отмечается активизация укрепления позиций КНР во внешнеторговой сфере и глобальной политике (Денисов, 2025). Сам факт того, что «Китай является крупнейшей по численности населения страной, неизбежно оказывает влияние на процессы, протекающие в мировой экономике» (Кузнецов и др., 2021). Китай играет все более важную роль на мировом рынке продовольствия (Wei et al., 2025; Чухарев, 2024).

Роль России исследуется преимущественно в рамках Большого евразийского партнерства (Li, 2018; Андреева и др., 2025), а также ее позиции на мировых рынках нефти, зерна и т. д. Ряд ученых пришли к выводу, что РФ следует «переосмыслить себя как партнера Большой Евразии, активного участника будущего полицентричного мирового порядка, формирующегося не в Европе, а в Азии»[1] (Бабаев, 2024; Герасимов, Коданева, 2023).

В отношении развития российско-китайского сотрудничества констатируется, что оно учитывает изменение расстановки сил на мировой арене (Meng et al., 2023; Шкваря и др., 2025) и направлено на активное взаимодействие с государствами Центральной Азии, Монголией и др. (Макеева, 2020), особенно на фоне антироссийских санкционных ограничений (Луконин, Вахрушин, 2023) и перехода к новому мировому экономическому порядку (Спартак, 2022). Расширяется сфера взаимодействия, включая инфраструктурные проекты (Quium, 2019) и технологии (Jixiang & Jing, 2022). Отмечается, что РФ и КНР заинтересованы в создании новых механизмов экономического регулирования, не зависящих от Вашингтона[2].

Однако аспекты российско-китайского сотрудничества как инструмента глобальной стабилизации в настоящее время в научной литературе не рассматриваются. В этой связи актуализируется цель данного исследования и связанные с ней задачи:

— анализ динамики и структуры макроэкономических и внешнеторговых показателей экономики мира, Большой Евразии, России и КНР в 2014–2024 гг.;

— обоснование этапов развития российско-китайского сотрудничества с 2014 г.;

— выявление причин и направлений, по которым сотрудничество оказывает стабилизирующее воздействие, в том числе в Большой Евразии;

— разработка сценарных прогнозов с учетом различной динамики экономического роста мировой экономики, России, Китая и Большой Евразии.

Научная новизна результатов исследования заключается в обосновании стабилизирующей роли российско-китайского сотрудничества и направлений взаимодействия России и Китая, обеспечивающих устойчивость экономического роста в Большой Евразии.

Данные и методы

Исследование основано на статистике ЮНКТАД, обеспечивающей сопоставимый анализ макроэкономических и внешнеторговых показателей. Использованы данные в текущих ценах (долл. США) по ВВП, экспорту и импорту товаров мира, РФ и КНР, а также по двусторонней российско-китайской торговле и структуре товарных групп. Анализ охватывает период 2014–2024 гг., отражающий качественное усиление сотрудничества на фоне санкционных ограничений, торговых конфликтов, пандемии и структурных сдвигов мировой экономики.

Методологическая основа включает анализ динамики и структуры ВВП, внешней торговли и двусторонних торговых потоков, оценку изменений товарной специализации и периодизацию этапов развития российско-китайского сотрудничества с учётом внешних шоков и институциональных изменений.

Для разработки прогнозных сценариев использовались модели ARMA (autoregressive moving average) и ARIMA (autoregressive integrated moving average), применённые к годовым временным рядам стоимостных объёмов экспорта, импорта и товарооборота. Моделирование проводилось отдельно для четырёх временных рядов: (1) мировой ВВП (в текущих ценах, млн долл. США), (2) ВВП Китая, (3) ВВП России, (4) совокупный ВВП стран Большой Евразии по ежегодным данным UNCTADstat за 1992–2024 гг. Зависимая переменная в каждой модели — стоимостной объём ВВП соответствующего объекта.

[1] Фонд «Росконгресс». (б. д.). Формирование многополярной экономики: роль и место России и Евразии. URL: https://forumspb.com/news/news/formirovanie-mnogopoljarnoj-ekonomiki-rol-i-mesto-rossii-i-evrazii/?ysclid=mkvfau92pj756240542&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Российский совет по международным делам (РСМД). (б. д.). Россия и Китай: двусторонние отношения в условиях формирования многополярности. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-kitay-dvustoronnie-otnosheniya-v-usloviyakh-formirovaniya-mnogopolyarnosti/?sphrase_id=196404669 (дата обращения: 15.01.2026).

Модели ARMA/ARIMA являются одномерными и не включают экзогенных регрессоров: прогнозные траектории строятся исключительно на основе внутренней авторегрессионной структуры ряда. Выбор между ARMA и ARIMA осуществлялся на основе свойств временного ряда: при стационарности применялась модель ARMA (p, q), где p — порядок авторегрессии, q — порядок скользящего среднего; при наличии тренда (и/или иной нестационарности) — ARIMA (p, d, q), где d — число дифференцирований, необходимых для достижения стационарности.

Проверка стационарности временных рядов выполнялась с применением расширенного теста Дики–Фуллера (ADF-test) на наличие единичного корня. Далее осуществлялся подбор оптимальных порядков p и q на основе критериев информационных потерь (AIC, BIC, HQC) с выбором спецификации, обеспечивающей наилучшее соотношение качества аппроксимации. На основе полученных оценок формировались сценарные траектории (инерционные, оптимистичные и пессимистичные) на период до 2030 г. Оптимистичный сценарий соответствует верхней границе 95%-ного доверительного интервала прогноза, базовый (инерционный) — точечному прогнозу, пессимистичный — нижней границе.

К ключевым ограничениям данного подхода относятся возможные структурные разрывы (санкционные изменения режимов торговли и платежей, кризисы и геополитические события), а также то, что модели ARMA/ARIMA опираются преимущественно на историческую динамику и не включают экзогенные факторы (торговые барьеры, логистические ограничения, институциональные изменения, технологические сдвиги), способные нелинейно менять траекторию показателей.

Результаты исследования

Роль России и Китая в мировой экономике и торговле

Китай и Россия как две крупные системообразующие державы мира во многом определяют развитие Большой Евразии и имеют значительное и растущее влияние на мировые показатели. В мае 2014 г. председатель Си Цзиньпин официально предложил концепцию «новой нормы» (新常态), т. е. переход от двузначных или высоких темпов роста (10 %) к более умеренным, но устойчивым и качественным (в диапазоне 5–7 %) (рис. 1).

Китай, оставаясь второй по величине экономикой мира (в текущих ценах) и первой экономикой мира в расчете ВВП по ППС, вносит весомый вклад в МВП и мировую торговлю (табл. 1). РФ, занимающая 4-е место в мире по объему ВВП по ППС, являясь крупной космической, энергетической державой, имея конкурентные преимущества на мировом рынке продовольствия и вооружений, играет важную роль при решении глобальных энергетических проблем и обеспечении энергетической стабильности. После 2022 г. стало очевидным, что развитие Большой Евразии требует более согласованных позиций во взаимодействиях РФ и КНР. Беспрецедентная санкционная политика Запада отразилась на некотором снижении экспорта как РФ, так и КНР, особенно в 2023 г. В 2024 г. при росте экспорта КНР остальные внешнеторговые показатели обеих стран не достигли уровня 2022 г. (табл. 1, рис. 2). Однако, столкнувшись с нелегитимными санкционными ограничениями коллективного Запада, РФ активно осуществляет переориентацию внешнеторговых потоков «на Восток» и формирует собственную финансовую инфраструктуру, что является важным условием дальнейшей активизации российско-китайского сотрудничества.

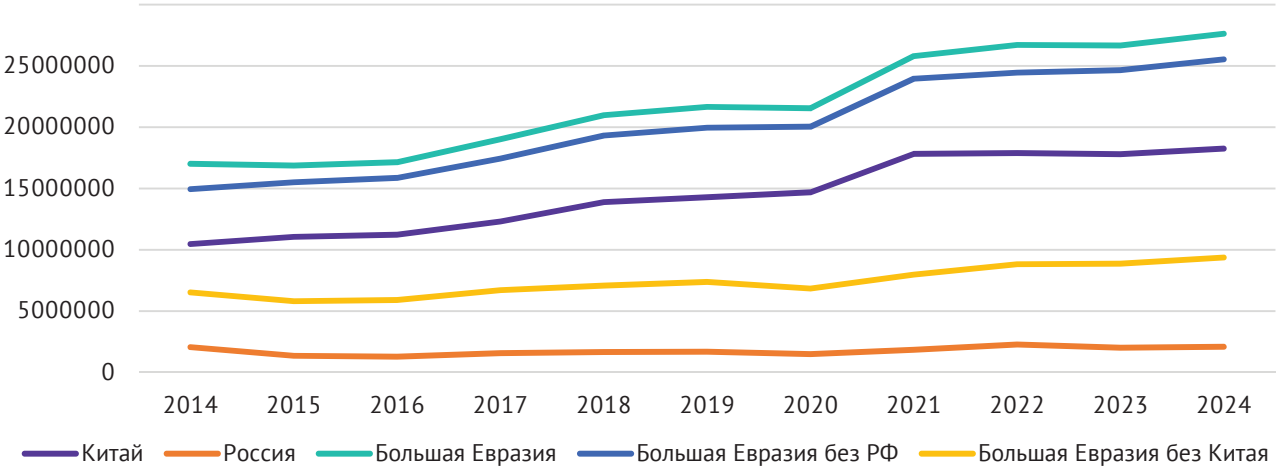

Рис. 1. Динамика ВВП РФ, КНР, стран Большой Евразии в 2014–2024 гг., млн долл. (источник: составлено авторами по данным таблицы 1)

Fig. 1. GDP dynamics in Russia, China, and Greater Eurasia, 2014–2024 (in million USD) (source: compiled by the authors based on Table 1).

Таблица 1

Динамика показателей по миру, Большой Евразии, КНР и РФ в 2014–2024 гг., млн долл. и %

Table 1

Indicator trends for the world, Greater Eurasia, China, and Russia, 2014–2024 (in million USD and %)

Показатели	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
МВП	80023498	75630164	76886077	81819435	86826222	88007381	85789779	97917487	101629391	105943460	111326366
ВП БЕ	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984	17005984
ВВП РФ, доля в МВП	2059242 2,57	1363482 1,80	1276786 1,66	1574199 1,92	1657329 1,91	1693115 1,92	1493076 1,74	1843391 1,88	2268388 2,23	2008419 1,90	2091653 1,88
ВВП КНР, доля в МВП	10475623 13,09	11061573 14,63	11233315 14,61	12310490 15,05	13894907 16,00	14279968 16,23	14687744 17,12	17820459 18,20	17881783 17,60	17794782 16,80	18255278 16,40
ВВП КНР и РФ в МВП,%	15,66	16,43	16,27	16,97	17,91	18,15	18,86	20,08	19,83	18,69	18,28
Доля КНР и РФ в ВП БЕ,%	73,7	73,6	73,0	73,0	74,1	73,8	75,1	76,2	75,4	74,3	73,7
МЭ	1901274	17737661	16049520	17737661	19547191	19008103	17646831	22290016	24903220	23885681	24456413
Экспорт РФ	497833	343907,7	301780,4	379206,6	451494,83	426720,3	337103,97	492313,8	589861,8	422896,3	415610,6
Импорт РФ	286648	182782	207440,5	259966,7	240225,76	247161,3	231664,19	293497,1	269577,4	295271,5	287150,4
Экспорт КНР	2342293	2273468	2097632	2263346	2486695	2499457	2589952	3316022	3544435	3379255	3576653
МИ	19070912	16726094	16203187	17966843	19808600	19322896	17873704	22572707	25659664	24278355	24782764
Импорт КНР	1959233	1679566	1587925	1843792	2135748	2078386	2065964	2679412	2706507	2556565	2584912
РФ в МЭ, %	2,62	1,94	1,88	2,14	2,31	2,24	1,91	2,21	2,37	1,77	1,70
РФ в МИ, %	1,50	1,09	1,28	1,45	1,21	1,28	1,30	1,30	1,05	1,22	1,16
КНР в МЭ, %	12,32	12,82	13,07	12,76	12,72	13,15	14,68	14,88	14,23	14,15	14,62
КНР в МИ, %	10,27	10,04	9,80	10,26	10,78	10,76	11,56	11,87	10,55	10,53	10,43

Примечания: МВП — мировой валовой продукт, ВП БЕ — валовой продукт Большой Евразии, МЭ — мировой экспорт, МИ — мировой импорт.
Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ЮНКТАД. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal; https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMerchTotal (дата обращения: 15.01.2026)

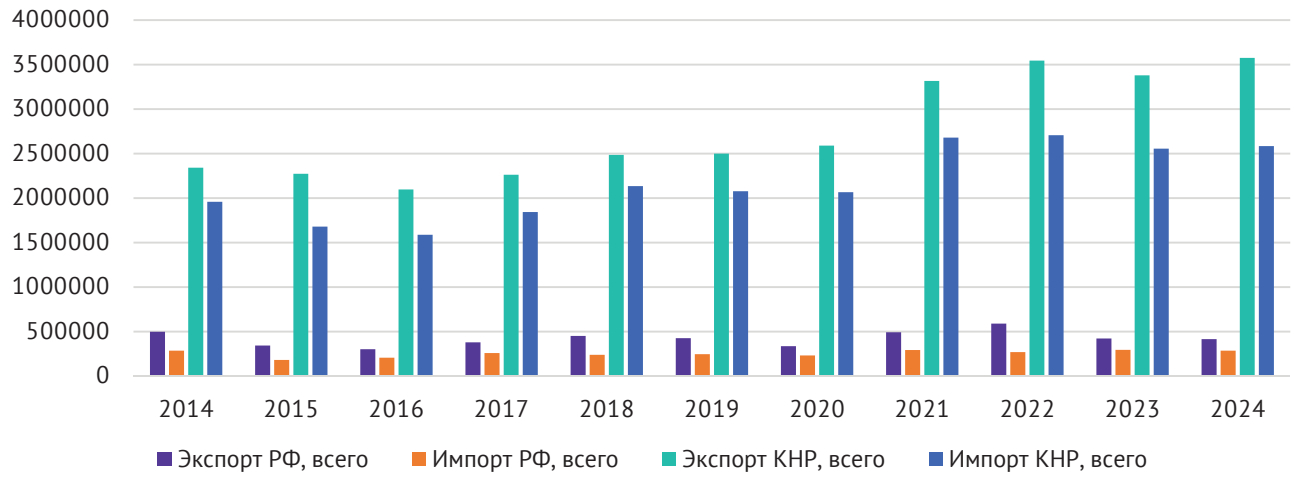

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта РФ и КНР в 2014–2024 гг., млн долл.
(источник: составлено авторами по данным таблицы 1)
Fig. 2. Export and import dynamics for Russia and China, 2014–2024 (million USD)
(Source: compiled by the authors based on Table 1)

В целом десятилетие с 2014 по 2024 г. демонстрировало устойчивый рост двусторонней торговли, превысившей в 2024 г. 243,2 млрд долл. (табл. 2, рис. 3), причем в период 2020–2022 гг. экспортные и импортные потоки шли практически «бок о бок», а взрывной рост китайского экспорта с 2022 г. обусловлен объективным наложением следующих важнейших аспектов: геоэкономического (общее замедление темпов роста мировой экономики и конъюнктура мирового рынка по основным товарным позициям, в том числе энергоносители и металлы (табл. 2), колебания валютных курсов), геополитического (усиление санкционного давления Запада, в том числе угроза вторичных санкций для КНР и возникшие ввиду этого сложности в осуществлении платежей и расчетов между странами и др.), а также насыщения российского рынка китайской продукцией после прекращения поставок из Европы.

И хотя в 2025 г. по сравнению с 2024 г. взаимный товарооборот РФ и КНР снизился в целом на 6,9 % при почти в три раза большем сокращении китайского экспорта в РФ (на 10,4 %) по сравнению со снижением российского импорта в КНР лишь на 3,9 %[1], в I квартале 2026 г. торговля между Россией и Китаем характеризуется ростом на 14,8 % к аналогичному периоду 2025 г.[2]

Безусловно, остается риск существующего перекоса в структуре торговли (табл. 2), при котором доля ТЭК в КНР в российском экспорте увеличилась за данное десятилетие с 8 до 40 %, металлов — с 5 до почти 30 %, сельхозсырья — с 36 % до более половины, а доля китайских машин и оборудования в российском импорте выросла с 16 до 66 %. Изменение данной структуры по-прежнему остается важнейшей задачей в развитии двустороннего сотрудничества. Однако в связке с внешнеторговыми контрактами развивается инвестиционное и финансовое сотрудничество, как в добывающей, так и в обрабатывающей сферах. Так, Россия и Китай совместно осваивают месторождение угля в Забайкальском крае[3]; Китай вкладывал инвестиции в «Ямал СПГ». К мелкоузловой сборке в конце 2025 г. приступал завод электромобилей с китайским участием в Липецкой области[4]. У России с Китаем действует (с 2021 г.) межправительственное Соглашение о сотрудничестве по созданию гражданского вертолёта, где Китай — главный инвестор, а Россия предоставляет технологии (риск-разделённое партнёрство) (ст. 4)[5]. Россия участвует в строительстве двух АЭС в Китае. В 2025 г. подписан меморандум о строительстве газопровода «Сила Сибири-2» из России в Китай.

[1] General Administration of Customs People's Republic of China. (2026, January 8). Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2025. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/ef1a478f-8a43-4b51-9690-fb975762a2c2.html (дата обращения: 15.01.2026).

[2] РИА Новости. (2026, 14 апреля). Товарооборот Китая и России в январе-марте вырос почти на 15 процентов. URL: https://ria.ru/20260414/kitay-2086913571.html (дата обращения: 16.04.2026).

[3] РИА Новости. (2025, 25 ноября). Новак рассказал о совместных с КНР разработках месторождений угля. URL: https://ria.ru/20251125/novak-2057303543.html (дата обращения: 01.02.2026).

[4] Известия. (2025, 1 декабря). В Липецке началось мелкоузловое производство автомобилей Evolute. URL: https://iz.ru/2000060/2025-12-01/v-lipetcke-nachalos-melkouzlovoe-proizvodstvo-avtomobilei-evolute (дата обращения: 01.02.2026).

[5] МИД РФ. (б. д.). Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве по программе создания гражданского перспективного тяжелого вертолета. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43587/ (дата обращения: 01.02.2026).

Таблица 2

Российско-китайская торговля в 2014–2024 гг., млн долл. в текущих ценах по текущему курсу

Table 2

Russia–China trade, 2014–2024 (million USD in current prices at current exchange rates) (Source: compiled by the authors based on UNCTAD data)

Показатель	Год										
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт РФ в КНР	37414,63	28334,96	29953,38	41671,35	56019,9	57321,3	49146,25	68679,25	100815,4	105124,5	106102,2
Импорт РФ из КНР	51921,2	34978,5	43687,6	53445,4	51404,6	53624,78	54006,55	72487,49	92758,18	135116,7	137113,5
Товарооборот	89335,83	63313,46	73640,98	95116,75	107424,5	110946,1	103152,8	141166,7	193573,6	240241,2	243215,6
Сальдо	–14506,6	–6643,54	–13734,2	–11774,1	4615,3	3696,52	–4860,3	–3808,24	8057,21	–29992,1	–31011,3
Доля экспорта РФ в КНР,%	7,52	8,24	9,93	10,99	12,41	13,43	14,58	13,95	17,09	24,86	25,53
Сельскохозсырье	36,24	41,03	45,93	46,3	47,15	46,44	46,64	40,36	42,08	53,78	52,02
Топливо	8,02	8,45	13,01	14,61	17,33	18,07	20,53	21,51	22,17	38,5	40,94
Руды и металлы	5,38	4,84	4,9	7,32	10,65	11,88	18,79	17,62	16,37	24,57	29,34
Доля импорта РФ из КНР, %	18,11	19,14	21,06	20,56	21,4	21,7	23,31	24,7	34,41	45,76	47,75
В т. ч.:											
Машины и транспортное оборудование	16,61	19,44	23,41	22,55	23,54	24,29	27,77	30,37	46,36	62,83	66,39
Электроника (за исключением частей и компонентов)	40,61	42,77	44,58	46,72	49,82	50,47	54,35	55,82	67,31	75,22	76,86
Текстильные волокна, пряжа, ткани и одежда	52,19	53,39	52,2	50,38	49,7	48,25	48,35	41,01	50,43	54,26	57,05

Источник: составлено авторами по данным ЮНКТАД. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix (дата обращения: 18.01.2025).

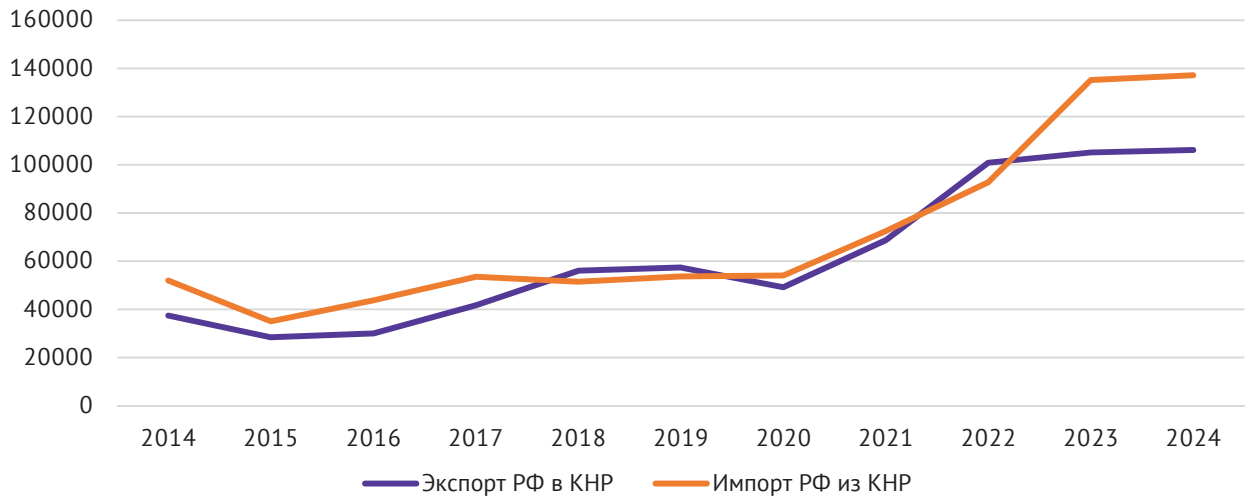

Рис. 3. Экспорт РФ в КНР и импорт РФ из КНР в 2014–2024 гг., млн долл.
(источник: составлено авторами по данным таблицы 2)
Fig. 3. Exports from Russia to China and imports to Russia from China, 2014–2024 (million USD)
(Source: compiled by the authors based on Table 2)

В 2025 г. достигнута межправительственная договорённость об образовании на Дальнем Востоке РФ экспериментально-демонстрационной зоны сельскохозяйственного сотрудничества РФ и КНР[1], в 2026 г. научными организациями и бизнесом РФ и КНР согласованы два совместные проекта по научно-технологическому обеспечению АПК (племенное птицеводство)[2]. Помимо совместных инвестпроектов, есть проекты локализации китайских производств в России: к примеру, в 2024 г. Московской областью заключено соглашение с китайской компанией об организации выпуска промышленных роботов в регионе с последующей локализацией[3].

Все это повышает значимость установки на активизацию сотрудничества РФ и КНР по причине их заинтересованности, даже при естественном наличии своих национальных интересов, в стабилизации ситуации как в мировой экономике, так и в Большой Евразии.

Для КНР и РФ предсказуемость внешней торговли, инвестиций и финансовой системы является важнейшим условием для обеспечения устойчивого роста и развития по следующим причинам.

1. Обеспечение геополитической стабильности:
— как постоянные члены Совета Безопасности ООН Китай и Россия заинтересованы в предсказуемости международных отношений;
— глобальная дестабилизация усиливает риски региональных конфликтов, что угрожает их экономическим интересам.
2. Обеспечение финансовой безопасности и суверенитета:
— обе страны стремятся снизить зависимость от долларовой системы и создать альтернативные механизмы расчетов (использование национальных валют, развитие СПФС и CIPS);
— прозрачность мировой финансовой системы в ее реформированном виде помогает противодействовать односторонним ограничениям и обеспечивать доступ к международному капиталу.
3. Участие в глобальных цепочках создания стоимости:
— Китай является крупнейшим в мире экспортёром и вторым по величине импортером. Стабильность мировой торговой системы напрямую влияет на его экономическую безопасность;
— Россия — крупный экспортёр энергоресурсов, сырья и вооружений. Предсказуемость рынков и логистических маршрутов критически важна для её экономики.
4. Реализация национальных стратегий и инициатив развития:
— Китай реализует долгосрочные стратегии («Цифровой шелковый путь», «Пояс и путь»), требующие стабильной внешней среды;
— Россия реализует проект Евразийского экономического пути и инициативу Большого евразийского партнерства, что требует предсказуемых правил в новой экономической реальности.

«Торговая война» США против Китая (с 2018 г.) и тотальная тарифная войны Трампа против все-

[1] Правительство РФ. (2025, 4 ноября). Совместное коммюнике по итогам 30-й регулярной встречи глав правительств России и Китая. URL: http://government.ru/news/56833/ (дата обращения: 01.02.2026).

[2] Министерство сельского хозяйства РФ. (2026, 29 января). Россия и Китай договорились о совместных проектах в области племенного птицеводства // Министерство сельского хозяйства РФ. URL: https://mcx.gov.ru/press-service/news/rossiya-i-kitay-dogovorilis-o-sovmestnykh-proektakh-v-oblasti-plemennogo-ptitsevodstva/ (дата обращения: 29.01.2026).

[3] ТАСС. (2024, 5 июня). В Подмосковье запустят производство китайских промышленных роботов в конце года. URL: https://tass.ru/ekonomika/21004391 (дата обращения: 29.01.2026).

го мира дестабилизируют мировую экономику и делают более востребованными совместные усилия РФ и КНР по поддержанию и обеспечению евразийской и глобальной стабильности и устойчивости, что, в свою очередь, выступает стимулирующим фактором для развития российско-китайского взаимодействия.

На основе проведенного анализа нами выделены этапы в развитии сотрудничества РФ и КНР с 2014 г., катализатором которого выступила усилившаяся глобальная турбулентность (табл. 3).

Таблица 3

Этапы развития российско-китайского сотрудничества с 2014 г.

Table 3

Stages of development of Russian-Chinese cooperation since 2014

Этап	Контекст	Ключевые события и тенденции
2014–2018 гг.: взаимодействие в контексте «поворота на Восток» для РФ и «открытости на север» для КНР	Введение западных санкций против России после 2014 г.; объявление Китаем инициативы «Пояс и путь», РФ — Большое Евразийское партнерство	- поворот на Восток: Россия объявила о «повороте к Азии», а Китай стал основным партнером для компенсации давления с Запада; - энергетический прорыв: подписание исторического 30-летнего контракта на поставку российского газа в Китай по трассе «Сила Сибири» (2014); - финансовая безопасность: активное наращивание расчетов в национальных валютах (юань/рубль) для снижения зависимости от доллара. Интеграция китайских платежных систем (UnionPay) в Россию; - институциональное развитие: углубление сопряжения ЕАЭС, БЕП и «Пояса и пути». В 2012 г. Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ) и Китайской инвестиционной корпорацией (China Investment Corporation, CIC) создан Российско-китайский инвестиционный фонд
2019–2021 гг.: адаптация к условиям пандемии	Пандемия COVID-19, торговая война США и Китая	- пандемическое взаимодействие: поставки Китаем медицинских товаров и комплектующих в условиях сбоя глобальных цепочек; - рост товарооборота: преодоление планки в $100 млрд и стремление к $200 млрд
2022–2025 гг.: аккуратное сотрудничество в условиях санкций	Начало СВО и введение беспрецедентных западных санкций против России в 2022 г., дальнейшая изоляция России	- взрывной рост товарооборота: достижение исторического рекорда (~$240 млрд в 2023 г.) — с 2021 по 2024 гг. в российском экспорте в Китай выросла доля продовольствия (с 4,86 до 5,15 %), в китайском экспорте в РФ — машин, оборудования и транспортных средств (с 50,3 до 60,2 %), в том числе пассажирского автотранспорта (с 2,5 до 13,2 %)[1]; - резкий рост поставок нефти. Так, в физическом выражении российский экспорт нефти в КНР вырос в 2022 г., в 2023 г. он прирос на 24 %, в 2024 г. — на 1,3 %, в 2025 г. — снизился на 7,1 %, но Россия сохранила место крупнейшего поставщика, в январе–феврале 2026 г. вырос на 41 % к аналогичному периоду 2025 г.[2]; - замещение ушедших западных брендов: массовый вход китайских компаний (автомобильных, потребительских, ИТ) на освободившийся российский рынок; - новые вызовы: появление «вторичных санкций» для китайских компаний, необходимость выстраивания сложных схем оплаты и логистики; - инфраструктурная связность: развитие сухопутных коридоров и значимость Северного морского пути для Китая — российско-китайские контейнерные перевозки по Севморпути в 2023–2024 гг. выросли в два раза, в 2025 г. прогнозировался рост ещё на 2/3[3]; - цифровизация: развитие Цифрового шелкового пути: в 2023 г. китайский бизнес заключил договорённость о сооружении 7,6 тыс. станций мобильной и Интернет-связи в Таджикистане. В 2024 г. заключено соглашение о единой цифровой платформе контейнерных перевозок на маршруте РФ — КНР — Казахстан[4]
с 2026 г. «Встречное движение» в отношении развития инвестиционного сотрудничества	С 1.01.2026 вступило в силу новое соглашение о защите и поощрении инвестиций между РФ и КНР	- углубление технологической кооперации: развитие сотрудничества в области высоких технологий, включая микроэлектронику и телекоммуникационное оборудование, в обход санкций. На август 2025 г. продолжалось сотрудничество РФ и КНР по разработке широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолёта и гражданского тяжёлого вертолёта[5]. С российским участием построены уже 4 энергоблока на Тяньваньской АЭС[6]. РФ и КНР сотрудничают в изучении космоса и спутниковой навигации[7]; в ноябре 2025 г. Россия и Китай договорились учредить Экспертный совет по сотрудничеству в области искусственного интеллекта в рамках рабочей группы по сотрудничеству в этой сфере; - логистический прорыв: максимальная загрузка транссибирских маршрутов, развитие коридоров через Центральную Азию и Каспий, освоение Северного морского пути. В 2025 г. по Севморпути осуществлена первая грузоперевозка из КНР в Европу[8]);

Окончание табл. 3 на след. стр.

Окончание табл. 3

Этап	Контекст	Ключевые события и тенденции
с 2026 г. «Встречное движение» в отношении развития инвестиционного сотрудничества	С 1.01.2026 вступило в силу новое соглашение о защите и поощрении инвестиций между РФ и КНР	- переориентация финансов: отказ от доллара и евро — к ноябрю 2025 г. 99,1 % расчётов между Россией и Китаем осуществлялось в юанях и рублях[9]; - интеграция китайских финансовых институтов и российского СПФС: к 2026 г. РКИФ вложены инвестиции на 1,3 млрд долл. в более чем 40 проектов[10]

[1] Рассчитано по: Merchandise Trade Matrix, Annual (Analytical). United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). (2025, October 15). Merchandise Trade Matrix, Annual (Analytical). URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix (дата обращения: 17.04.2026).

[2] РБК. (2026, 20 марта). Reuters узнал о рекордных поставках российской нефти в Китай. URL: https://www.rbc.ru/economics/20/03/2026/69bd12579a79472d2c23eca0 (дата обращения: 17.04.2026).

[3] РИА НОВОСТИ. (2025, 14 октября). Россия и Китай установят новый рекорд контейнерных перевозок. URL: https://ria.ru/20251014/rossija-2048105143.html (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Меньшикова, Е. С. (2025). Цифровая трансформация как часть внешнеполитической стратегии КНР. Мировая политика, (2), 36–61. https://doi.org/10.25136/2409-8671.2025.2.73877

[5] Прайм. (2025, 19 августа). Россия и Китай работают над дальнемагистральным самолетом, заявил Алиханов. URL: https://1prime.ru/20250819/alikhanov-860928434.html (дата обращения: 17.04.2026).

[6] ТАСС. (2025, 5 августа). Россия и Китай обсудили сотрудничество в ядерной отрасли. URL: https://tass.ru/ekonomika/24712225 (дата обращения: 17.04.2026).

[7] РИА Новости. (2025, 31 октября). Правительство рассказало о сотрудничестве России и Китая в сфере космоса. URL: https://ria.ru/20251031/rossija-2052026897.html (дата обращения: 17.04.2026).

[8] РБК. (2025, 14 октября). По Севморпути прошел первый транзитный рейс из Китая в Европу. URL: https://www.rbc.ru/business/14/10/2025/68ee052d9a794740876ef6be (дата обращения: 17.04.2026).

[9] РИА Новости. (2025, 4 ноября). Россия и Китай почти полностью перешли на расчеты в национальных валютах. URL: https://ria.ru/20251104/rossija-2052748193.html (дата обращения: 17.04.2026).

[10] ТАСС. (2025, 25 ноября). Новак: российско-китайский инвестфонд проинвестировал проекты на $1,3 млрд. URL: https://tass.ru/ekonomika/25717555 (дата обращения: 17.04.2026).

Источник: составлено авторами.

Общие итоги и тренды российско-китайского сотрудничества с 2014 г.:

— страны заявили об углублении всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху, в совместном заявлении РФ и КНР отмечается, что «российско-китайские отношения обладают уникальной стратегической самодостаточностью и мощной внутренней движущей силой»[1];

— в рамках двустороннего и многостороннего сотрудничества формируется альтернативная двусторонняя финансово-расчетная инфраструктура;

— все актуальнее становятся вопросы углубления интеграции в сфере производства, транспорта и логистики;

— внешнее давление как на Россию, так и на Китай выступает катализатором взаимодействия и переформатирования архитектуры сотрудничества.

Таким образом, всеобъемлющее партнерство РФ и КНР превратилось в важнейший инструмент совместного поддержания ресурсной безопасности и стабильности, что обеспечивает:

— устойчивый рост торгово-экономического сотрудничества, стабилизирующего внутренние социально-экономические процессы стран;

— формирование многополярного мира, укрепление роли международных организаций, в которых ограничено влияние США и ЕС;

— поддержание стабильности, предсказуемости и устойчивого роста на пространстве Большой Евразии;

— участие в международных структурах, таких как ШОС и БРИКС, и совместных инициативах, таких как «Пояс-путь», БЕП;

— создание общей инфраструктуры в различных сферах, что дает возможность стабилизировать как межстрановые, так и международные процессы;

— реализацию долгосрочных стратегий и приоритетов развития, что обеспечивает устойчивость в условиях геополитической турбулентности.

Совместные усилия РФ и КНР в этих направлениях отражают стремление не просто адаптироваться к изменяющейся системе, но и способствовать более устойчивому экономическому росту на пространстве Большой Евразии.

[1] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия в новую эпоху. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6309?ysclid=mo07nm0n1q401057184 (дата обращения: 17.04.2026).

Сценарные прогнозы экономического роста мировой экономики, России, Китая и Большой Евразии

Для количественной оценки эффекта российско-китайского сотрудничества были смоделированы траектории экономического роста ключевых акторов при различных сценариях геополитической обстановки. Динамика ВВП выступает индикатором, позволяющим сопоставить потенциальный вклад сотрудничества РФ и КНР в устойчивость экономического роста Большой Евразии и мира в целом. Для разработки сценарных прогнозов динамики ВВП мировой экономики, России, Китая и стран Большой Евразии был использован метод ARMA/ARIMA моделирования. Основные результаты моделирования представлены в таблице 4.

Итоговый подбор проводился перебором комбинаций в допустимом диапазоне и оценкой качества моделей по нескольким критериям. Во-первых, использовались информационные критерии Акаике (AIC) и Шварца–Бейеса (BIC) — количественные метрики, балансирующие точность подгонки и сложность модели. Лучшими считаются модели с минимальными значениями AIC/BIC, т. к. они лучше объясняют данные при меньшем числе параметров, избегая переобучения. Во-вторых, учитывался коэффициент детерминации R^2, характеризующий долю дисперсии ряда, объясненную моделью. Хотя для ARIMA R^2 носит вспомогательный характер, его уровень позволяет оценить, насколько хорошо модель описывает исторические данные. В результате отбора были выбраны спецификации, указанные в таблице, обладающие наименьшими AIC/BIC и высокими коэффициентами детерминации.

Результаты сценарного прогнозирования демонстрируют, что траектории экономического роста России, Китая и стран Большой Евразии к 2030 г. существенно различаются в зависимости от сценарных условий. Значительный разброс между оптимистичным и пессимистичным сценариями свидетельствует о высокой чувствительности региональных и глобальных показателей к геополитической обстановке. При этом следует подчеркнуть, что используемые одномерные модели ARIMA не позволяют количественно выделить вклад отдельных факторов: разброс сценариев отражает общую статистическую неопределённость прогноза, а содержательная привязка сценариев к конкретным условиям (уровень кооперации, санкционный режим, геополитическая стабильность) носит интерпретационный характер.

Таблица 4

Результаты сценарного прогнозирования

Table 4

Scenario forecasting results

Объект	ADF-тест	Стационарность	R^2	Порядок (p, d, q)
Мир	0.9952	Отсутствует	0.95	8, 1, 9
Китай	0.0526	Отсутствует	0.99	7, 1, 6
Россия	0.8314	Отсутствует	0.91	9, 1, 9
Большая Евразия	0.9984	Отсутствует	0.99	9, 1, 9

Источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования.

Рассмотрим отдельно каждый из трех сценариев развития и их последствия с точки зрения потенциала роста и роли взаимодействия РФ–КНР.

Оптимистичный сценарий представлен на рисунке 4.

Этот сценарий предполагает ускоренный рост мировой экономики в условиях относительной геополитической стабильности. В 2025–2030 гг. глобальный ВВП увеличивается почти на треть, что существенно превышает исторические темпы. Страны Большой Евразии становятся основным драйвером роста, усиливая свои позиции в мировом хозяйстве за счёт синергии торговли, инвестиций и инфраструктурной кооперации. Ключевую роль играет российско-китайское сотрудничество: расширение двусторонней торговли и реализация совместных проектов в энергетике, транспорте и технологиях формируют мультипликативный эффект для региона. Согласно оптимистичному сценарию, ВВП России к 2030 г. может существенно возрасти по сравнению с уровнем 2024 г. Реализация подобной траектории предполагает благоприятное сочетание ряда условий, в том числе ослабление санкционного давления, углубление торгово-экономической кооперации с Китаем и партнёрами по Большой Евразии.

В глобальном измерении данный сценарий соответствует переходу к более полицентричному миропорядку, основанному на коалиции развивающихся стран. Углубление интеграции в рамках БРИКС, ЕАЭС, ШОС и АСЕАН сопровождается формированием альтернативных институтов развития и расширением финансирования инфраструктурных проектов. Параллельно усиливается дедолларизация и формируется региональная валютно-финансовая система, менее уязвимая к внешнему давлению. В целом сценарий отражает высокий потенциал многостороннего сотрудничества, ведущего к сокращению диспропорций при условии согласования интересов ключевых евразийских акторов.

Базовый (инерционный) сценарий представлен на рисунке 5.

Базовый сценарий предполагает умеренный рост мировой экономики (около 2 % в год), сопоставимый с прогнозами МВФ. Его источни-

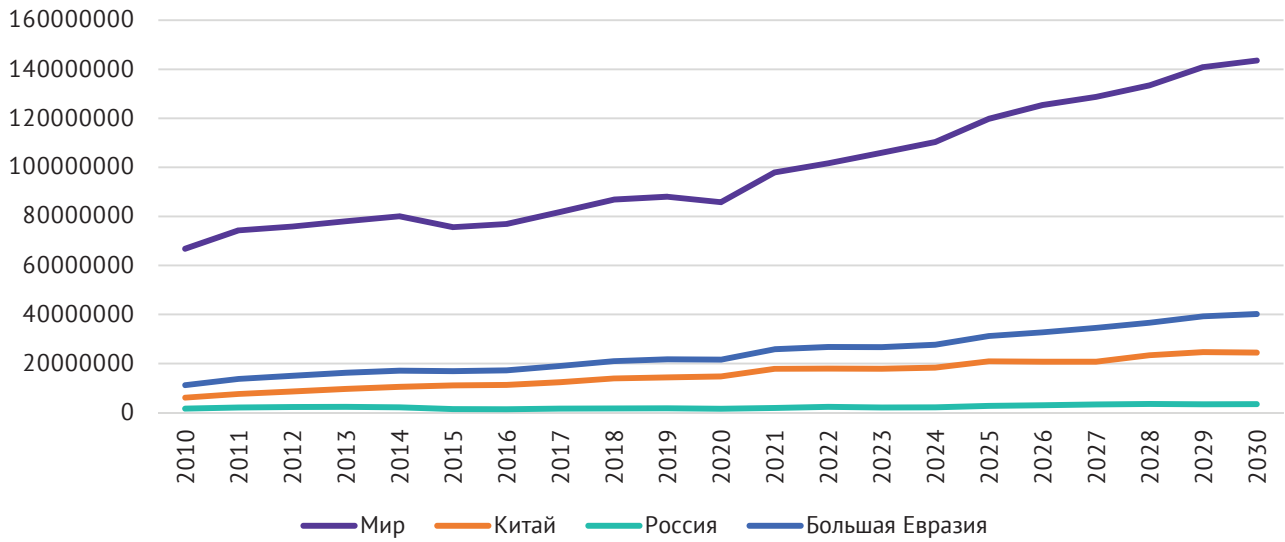

Рис. 4. Оптимистичный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 4. Optimistic GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

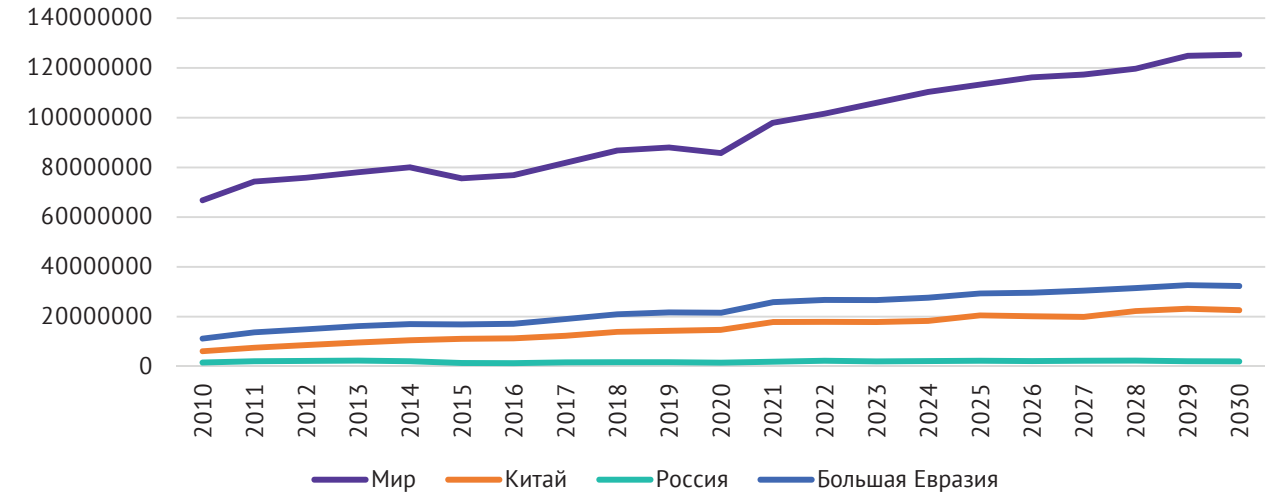

Рис. 5. Инерционный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 5. Inertial GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

ком остаются Китай и другие азиатские страны, тогда как геополитическая напряжённость ограничивает реализацию потенциала России и части Евразии. К 2030 г. ВВП Китая увеличивается примерно на четверть, однако темпы роста замедляются по мере структурного созревания экономики. ВВП РФ в условиях сохранения санкционных ограничений удерживается на уровне около 2 трлн долл., а его доля в мировом выпуске несколько снижается.

Для Большой Евразии данный сценарий означает частичную реализацию интеграционного потенциала без прорывных эффектов. Региональный ВВП растёт за счёт Юго-Восточной и Южной Азии, доля Евразии в мировой экономике постепенно увеличивается, отражая инерционный сдвиг центра роста с Запада на Восток. В глобальном масштабе формируется биполярная структура, где позиции США и ЕС остаются сильными, но ослабевают, тогда как позиции Китая и его партнёров усиливаются в рамках существующего порядка. Новый миропорядок к 2030 г. лишь начинает складываться, сосуществуя с прежними институтами и финансовыми механизмами.

Пессимистичный сценарий представлен на рисунке 6.

Этот сценарий построен на допущении глубокой фрагментации мировой экономики и возможной затяжной рецессии в 2025–2030 гг. Данное допущение основано на нижней границе доверительного интервала модели ARIMA и согласуется с предупреждениями ряда международных организаций о рисках существенного

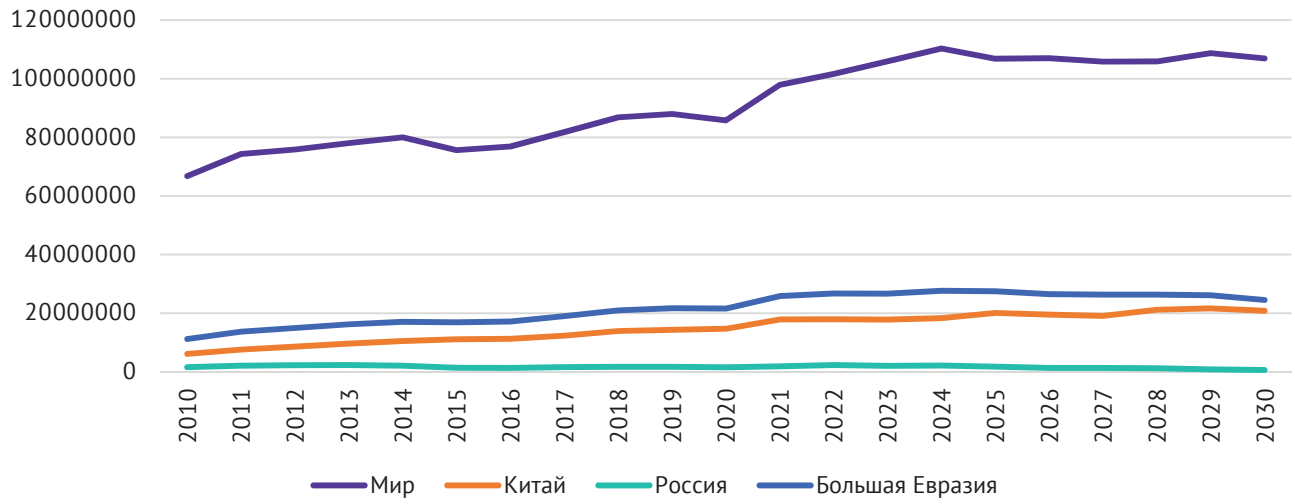

Рис. 6. Пессимистичный сценарий динамики ВВП России, Китая, стран Большой Евразии и мира на период до 2030 г. (источник: разработано авторами на основе ARIMA моделирования)

Fig. 6. Pessimistic GDP growth scenario for Russia, China, Greater Eurasia, and the world to 2030 (source: authors' projections based on ARIMA modelling)

замедления глобального роста[1,2]. Рост мирового ВВП практически прекращается вследствие разрыва торговых связей, регионализации экономики, снижения спроса и роста неопределённости. Возможная эскалация конфликта в Европе и усиление санкционного давления приводят к расколу мировой системы на противостоящие блоки.

Наиболее сильный удар приходится на Россию: модель допускает резкое сокращение ВВП вследствие утраты экспортных рынков, финансовой и технологической изоляции и оттока человеческого капитала. Китай также сталкивается с негативными эффектами глобального спада и геополитической напряжённости, что приводит к замедлению его роста до 1–2 % в год и существенному отставанию от базового сценария. В этих условиях российско-китайское взаимодействие сохраняется, но в абсолютных объёмах может сокращаться.

Для Большой Евразии данный сценарий означает срыв интеграционных процессов и снижение совокупного ВВП региона. Миропорядок трансформируется через конфронтацию и обособление, формируя жёсткие сферы влияния и расколотую мировую систему. В целом пессимистичный сценарий не предполагает выигрыша ни для одной из сторон и характеризуется усилением системных рисков и стагнацией мирового развития.

Обсуждение

Направления взаимодействия России и Китая, обеспечивающие стабильность и устойчивость экономического роста в Большой Евразии

РФ и КНР совместными усилиями оказывают комплексное воздействие на пространство Большой Евразии и мировое хозяйство в ходе формирования многополярной экономической архитектуры посредством дополнения системы новыми механизмами, отвечающими вызовам времени. Подписание 20 мая 2026 г. в ходе визита президента России Владимира Владимировича Путина в Китай Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа, в которой говорится, что «государства и их объединения свободны в выборе зарубежных партнеров и моделей международного взаимодействия»[3], является ярким тому подтверждением.

Основными направлениями данного воздействие являются:

1. Создание альтернативных финансовых институтов и механизмов.

РФ и КНР осуществляют сотрудничество в построении независимой платежной инфраструктуры для ограничения западного финансового давления. Страны стремятся ко все более активному использованию рубля и юаня во взаимной торговле и расширяют эту практику, например, в рамках БРИКС. Снижение зависимости от доллара минимизирует риски и повышает стабильность финан-

[1] International Monetary Fund. (2025, October). World Economic Outlook. URL: https://www.imf.org/en/publications/weo/issues/2025/10/14/world-economic-outlook-october-2025 (дата обращения: 03.07.2026).

[2] World Bank Group. (2026, January). Global Economic Prospects. URL: https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/a9e24256-baf8-45bb-9075-75e437e1d6f7/content (дата обращения: 03.07.2026).

[3] Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6486 (дата обращения: 03.07.2026).

совых потоков. Так, интеграция платежных систем (МИР — UnionPay/CIPS) представляет собой создание независимой от западных карточных систем и SWIFT инфраструктуры для бесперебойных международных расчетов, что облегчает платежи в национальной валюте между странами.

Усиление роли БРИКС+, расширение объединения и развитие его финансовых инструментов (Новый банк развития БРИКС, Пулы валютных резервов) создает альтернативу традиционным институтам (МВФ, Всемирный банк) для финансирования инфраструктуры и развития стран Глобального Юга. По данным на 2024 г. доля расчетов в национальных валютах (в том числе в рублях и юанях) в торговле между странами БРИКС достигла 65 %[1].

2. Формирование новых логистических коридоров и цепочек стоимости.

Сопряжение ЕАЭС, БЕП, инициативы «Пояс и путь», ШОС и других интеграционных проектов обеспечивает развитие трансконтинентальных маршрутов (Север–Юг, Северный морской путь), диверсифицирует глобальные цепочки поставок, делая их более устойчивыми. Наряду с развитием транспортной и логистической инфраструктуры, РФ и КНР совместными усилиями осуществляют развитие «зеленой» и цифровой логистики, включающей совместные инвестиции в умные порты, железные дороги и системы управления грузопотоками, например, проект «Порт будущего» в Шанхае и Циндао. Компании, проходящие через такие порты, получают автоматическую сертификацию углеродного следа логистической цепочки[2]. Эти примеры показывают, что сотрудничество движется в направлении создания единой цифровой экосистемы логистики Евразии.

3. Укрепление многосторонних структур в рамках российско-китайского сотрудничества происходит путем продвижения принципов «многополярности» в таких международных организациях, как ООН, ШОС, БРИКС, G20. КНР и РФ совместными усилиями отстаивают подходы, основанные на уважении суверенитета, что создает более предсказуемую среду для участников. Активно работают Евразийский банк развития (ЕАБР), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС. Требуется дальнейшая координация их усилий по финансированию масштабных инфраструктурных, высокотехнологичных и «зелёных» проектов, например, создание платформы для совместного кредитования проектов и продолжение работы по гармонизации технических, цифровых и экологических стандартов в рамках евразийского пространства, что способствует развитию торговли и инвестиций.

4. Кооперация в критически важных и высокотехнологичных отраслях.

Это направление включает широкий спектр взаимодействия: энергетическая безопасность, обеспечение технологического суверенитета, развитие цифровой экономики — и предполагает строительство устойчивых энергомостов, гарантирующих стабильность поставок. Совместные проекты в области авиастроения, микроэлектроники, искусственного интеллекта, биотехнологий и квантовых вычислений развивают кооперацию в сфере кибербезопасности, больших данных, национальных систем цифровой валюты (CBDC). Для России важно наращивание усилий по обеспечению технологического суверенитета и сокращение зависимости от третьих стран.

5. Обеспечение экономической безопасности, в том числе продовольственной.

РФ обладает конкурентными преимуществами в сфере производства продовольствия. КНР также предпринимает усилия по обеспечению продовольственной безопасности собственного населения. Поэтому страны активизируют двустороннее сотрудничество и вовлекают в него партнеров путем создания устойчивых цепочек поставок сельхозпродукции, удобрений, что позволяет влиять на цены на глобальном продовольственном рынке. В 2025 г. РФ и КНР приступили к созданию совместных пилотных и демонстрационных зон сельскохозяйственного сотрудничества[3].

6. Формирование евразийского рынка «зеленого» финансирования также является важнейшим направлением обеспечения «устойчивого роста». Китай является важнейшим эмитентом «зеленых» облигаций, занимая второе место после США[4]. Россия выступила с инициативой создания банка климатических данных в ЕАЭС для их использования евразийскими компаниями, реализующими «зеленые» экологические проекты. В Стратегии Евразийского банка развития на 2022–2026 годы[5] имеется раздел «Развитие

[1] Экспертный совет БРИКС Россия. (2025, 19 сентября). Совершенствование механизмов трансграничных расчетов между странами — членами БРИКС. URL: https://bricscouncil.ru/ru/analytics/sovershenstvovanie-mekhanizmov-transgranichnykh-raschetov-mezhdu-stranami-chlenami-briks (дата обращения: 03.07.2026).

[2] MadeChinaNews. (2026, 26 января). Как Тяньцзинь стал первым в мире портом с нулевыми выбросами: революция в зелёной логистике и цифровой инфраструктуре. URL: https://madechinanews.ru/2026/01/26/как-тяньцзинь-стал-первым-в-мире-порто/ (дата обращения: 03.07.2026).

[3] Интерфакс. (2025, 2 сентября). РФ и Китай приступили к созданию совместных зон сотрудничества в АПК. URL: https://www.interfax.ru/business/1045309 (дата обращения: 03.07.2026).

[4] Climate Bonds Initiative. (n.d.). Official website. URL: https://www.climatebonds.net/ (дата обращения: 23.09.2021).

[5] Евразийский банк развития (ЕАБР). (2021). Стратегия Евразийского банка развития 2022–2026. URL: https://eabr.org/upload/EDB_Strategy_for_2022–2026-RU.cleaned.pdf (дата обращения: 03.07.2026).

„зеленого" финансирования» с обоснованием перспективных направлений и проектов ЕАБР в данной сфере. В РФ на законодательном уровне обсуждалось создание в рамках Азиатской парламентской ассамблеи информационно-методологического центра Азиатской климатической финансовой инициативы, основной целью которой стала бы разработка альтернативной западному варианту общей согласованной таксономии для евразийских стран-участниц «зеленых» проектов и «зеленого» финансирования. Инициатива была поддержана ОАЭ, Саудовской Аравией, Кувейтом, Бахрейном и Оманом. При этом в качестве основы можно использовать российский опыт таксономии «зеленых» проектов и методические указания по идентификации «зеленых» финансовых инструментов, изложенные в Постановлении Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации» с изменениями и дополнениями от 11 марта, 30 декабря 2023 г. и 14 октября 2025 г.[1] Также возможна разработка евразийских дорожных карт и согласование национальных и корпоративных стратегий «зеленого» развития как РФ и КНР, так и других стран Большой Евразии на длительную перспективу до 2030 и 2050 гг. по реализации соответствующих мероприятий на евразийском пространстве, включая создание совместных фондов для финансирования «зеленых» проектов.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что развитие сотрудничества РФ и КНР является важным инструментом обеспечения устойчивости Большой Евразии в условиях глобальной турбулентности, обеспечивающим:

— альтернативу развивающимся странам в выборе торговых партнеров, источников финансирования и технологий;

— диверсификацию цепочек поставок, независимых финансовых каналов и центров экономического роста;

— предсказуемость реализации совместных проектов, базирующихся на долгосрочных межгосударственных соглашениях;

— ориентацию на развитие масштабной инфраструктуры и промышленной кооперации как драйверов экономического роста стран Большой Евразии.

Реализация данных направлений нацелена на снижение системных рисков, монополизма и создает основу для более устойчивого экономического роста в Большой Евразии и мировой экономике в целом. На ее основе возникает несколько центров принятия решений, стандартообразования и финансирования. Влияние российско-китайского сотрудничества состоит в формировании альтернативных западным логистических, производственно-технологических и финансовых контуров и возможности выбора для стран Большой Евразии.

В то же время следует отметить риски, имеющие место в российско-китайских торгово-экономических отношениях (рост зависимости России от экспорта в КНР стратегического сырья и импорта китайских технологий), и возросшие глобальные логистические и финансовые вызовы, связанные с происходящими геополитическими процессами, в том числе проблему вторичных санкций, выступающую одним из главных практических препятствий для трансграничных финансовых потоков между банками двух стран, что только усиливает потребность в совместной возможности их контроля и регулирования.

Для предотвращения трансграничных финансовых рисков странам следует активнее взаимодействовать по вопросам гармонизации общих правил на евразийском пространстве, развивать совместные инструменты диверсификации платежных каналов и мониторинга трансграничных потоков капитала, а также детальнее прорабатывать договорные условия. Инновационное совершенствование механизмов расчетов связано как непосредственно с осуществлением расчетов в национальных валютах и интеграцией платежных систем стран (российской Системы передачи финансовых сообщений (СПФС) и китайской CIPS (Cross-Border Interbank Payment System)), так и с развитием цифровых финансовых активов и взаимозачетных схем (например, системы «Китайский маршрут» (China Track)).

Таким образом, российско-китайское сотрудничество является важным инструментом перехода от глобализации по западным лекалам к многополярной, сетевой экономике, способной ставить и решать задачи обеспечения стабильности и устойчивости экономического роста как применительно к двусторонним отношениям между РФ и КНР, так и к пространству Большой Евразии и мировой экономики в целом.

[1] Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/402839344/ (дата обращения 03.07.2026).

Список источников

Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Ильясов, П. В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. *Экономика региона, 21* (3), 630–642. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4

Бабаев, К. В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток. *Экономика Центральной Азии, 8* (2), 91–110. https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012

Бедрина, Е. Б., Гао, Н. (2022). Эмпирический анализ развития торговли между Китаем и Россией. *Россия и Азия,* (6(20)), 30–37.

Герасимов, В. И., Коданева, С. И. (2023). Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества. *Век глобализации,* (2(46)), 90–101. https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08

Денисов, И. Е. (2025). Правовое обеспечение внешней политики КНР: укрепление международного статуса и защита национальных интересов. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (1), 17–29. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29

Кузнецов, В. И., Ларионова, Е. И., Чинаева, Т. И. (2021). Анализ экономики Китая в XXI веке. *Статистика и экономика, 18* (2), 57–70. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70

Луконин, С. А., Вахрушин, И. В. (2023). Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций. *Россия и АТР,* (1(119)), 160–180. https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180

Макеева, С. Б. (2020). Современный этап истории межрегионального российско-китайского сотрудничества в условиях регионализации. *Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: история. Международные отношения, 20* (3), 382–387. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387

Миролюбова, А. А., Сэ, С., Балакин, М. А. (2024). Экономика Китая: оценка и стратегия развития. *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение,* (1(77)), 11–17. https://doi.org/10.6060/snt.20247701.0002

Сидоров, А. А. (2025). Проблемы и пути доступа России на товарные рынки стран дальнего зарубежья. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (3), 26–37. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-26-37

Спартак, А. Н. (2022). Переход к новому мировому экономическому порядку: этапы, ключевые черты, вызовы и решения для России. *Российский внешнеэкономический вестник,* (7), 7–29. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29

Сюй, П., Чжао, Х. (2025). Геоэкономические приоритеты и новые акценты партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке. *Экономика региона, 21* (3), 599–609. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2

Тарасов, А. Г., Ишуков, А. А. (2023). Многополярность как основная характеристика постглобального мира: поиск экономических ориентиров новой модели. *Международная торговля и торговая политика, 9* (1(33)), 74–89. https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89

Хэ, М., Шкваря, Л. В., Ван, С. (2020). Китай: социально-экономическое развитие и внешняя торговля. *Азия и Африка сегодня,* (11), 11–16. https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7

Чухарев, А. В. (2024). Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта (по регионам мира). *Россия и Азия,* (1(27)), 31–44.

Шкваря, Л. В., Хэ, М., Красных, С. С. (2025). Перспективы китайско-африканских торговых отношений в контексте трансформации глобальной системы торговли. *Экономика региона, 21* (3), 672–685. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7

Allen, C., Graciela, M., & Wiedmann, T. (2016). National pathways to the sustainable development goals (SDGs): A comparative review of scenario modelling tools. *Environmental Science & Policy, 66,* 199–207. https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008

Çela, A., & Hysa, E. (2021). Impact of political instability on economic growth in CEE countries. *Ekonomika Regiona [Economy of Region], 17* (2), 582–592. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-16

Dellink, R., Chateau, J., Lanzi, E., & Magné, B. (2017). Long-term economic growth projections in the shared socioeconomic pathways. *Global Environmental Change, 42,* 200–214. https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.06.004

Derkenbaeva, S., Galushkina, E., Soodonbekova, A., Beksultanov, A., & Kozubekova, S. (2025). Impact of global economic instability on social policies: Adaptation and resilience strategies. *Social Sciences & Humanities Open, 12.* https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101946

Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and its impact on global value chains. *Foreign Trade Review, 57* (4), 390–407. https://doi.org/10.1177/00157325211045463

Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, technological and innovation cooperation between China and Russia in the New Era: Reshaping the model and choosing an approach from the perspective of Chinese experts. *Studies on Russian Economic Development, 33,* 656–662. https://doi.org/10.1134/S1075700722060053

Karmakar, A. K., Jana, S. K., & Bagchi, P. (2024). Financial crises and instability viewed from economic and international political economy perspectives. In *International Trade, Economic Crisis and the Sustainable Development* (pp. 75–85). Leeds: Emerald Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/978-1-83753-586-620241005

Li, Y. (2018). The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies, 9* (2), 94–99. https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004

Lomanov, A. V. (2025). Chinese civilizational alternative to the Western development model. *Russia in Global Affairs, 23* (3), 70–89. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-3-70-89

Morales, L., AndreossoO'Callaghan, B., Rajmil, D., & Sarwar, S. (2025). The global economic and political landscape through the lenses of multiple and multifaceted crises. In *Geoeconomics of the Sustainable Development Goals* (pp. 67–82). London: Routledge.

Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A review of China's overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences, 33,* 1505–1526. https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8

Moyer, J. D., & Hedden, S. (2022). Are we on the right path to achieve the sustainable development goals? *World Development, 127,* 104749. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104749

Quium, A. (2019). Transport corridors for wider socioeconomic development. *Sustainability, 11* (19), 5248. https://doi.org/10.3390/su11195248

Stavytskyy, A., & Dligach, A. (2025). The global economic model in crisis: An analysis of the obstacles to the sustainable development goals. *Sustainability, 17* (19), 8537. https://doi.org/10.3390/su17198537

Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2025). Study on measurement and influencing factors of trade embodied carbon based on China-Russia agricultural products trade. *Polish Journal of Environmental Studies, 33* (5), 5381–5390. https://doi.org/10.15244/pjoes/183075

Zhang, Y., Tian, K., Li, X., Jiang, X., & Yang, C. (2022). From globalization to regionalization? Assessing its potential environmental and economic effects. *Applied Energy, 310,* 118642. https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2022.118642

References

Allen, C., Graciela, M., & Wiedmann, T. (2016). National Pathways to the Sustainable Development Goals (SDGs): A Comparative Review of Scenario Modelling Tools. *Environmental Science & Policy, 66,* 199–207. https://doi.org/10.1016/j.envsci.2016.09.008

Andreeva, E. L., Ratner, A. V., & Ilyasov, P. V. (2025). The Role of Russia and China in Shaping the Integration Contours of the Greater Eurasian Partnership. *Ekonomika regiona [Economy of Regions], 21* (3), 630–642. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4 (In Russ.)

Babaev, K. V. (2024). The Idea of Greater Eurasia and the Russian Economy's Turn to the East. *Ekonomika Tsentral'noi Azii [Journal of Central Asia Economy], 8* (2), 91–110. https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012 (In Russ.)

Bedrina, E. B., & Gao, N. (2022). Empirical Analysis of Trade Development Between China and Russia. *Rossiya i Aziya [Russia and Asia],* (6(20)), 30–37. (In Russ.)

Çela, A., & Hysa, E. (2021). Impact of Political Instability on Economic Growth in CEE Countries. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 17* (2), 582–592. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-16

Chukharev, A. V. (2024). Capacity and Geographical Directions of Russian Grain Export Flows (Regions Overview). *Rossiya i Aziya [Russia and Asia],* (1(27)), 31–44. (In Russ.)

Dellink, R., Chateau, J., Lanzi, E., & Magné, B. (2017). Long-Term Economic Growth Projections in the Shared Socioeconomic Pathways. *Global Environmental Change, 42,* 200–214. https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2015.06.004

Denisov, I. E. (2025). Legal Support of China's Foreign Policy: Strengthening Global Status and Protecting National Interests. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 69* (1), 17–29. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-1-17-29 (In Russ.)

Derkenbaeva, S., Galushkina, E., Soodonbekova, A., Beksultanov, A., & Kozubekova, S. (2025). Impact of Global Economic Instability on Social Policies: Adaptation and Resilience Strategies. *Social Sciences & Humanities Open, 12.* https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2025.101946

Gerasimov, V. I., & Kodaneva, S. I. (2023). Greater Eurasia: National and Civilizational Aspects of Development and Cooperation. *Vek Globalizatsii [Age of Globalization],* (2(46)), 90–101. https://doi.org/10.30884/vglob/2023.02.08 (In Russ.)

Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and Its Impact on Global Value Chains. *Foreign Trade Review, 57* (4), 390–407. https://doi.org/10.1177/00157325211045463

He, M., Shkvarya, L., & Wang, S. (2020). China: Socio-Economic Development and Foreign Trade. *Aziya i Afrika Segodnya [Asia and Africa Today],* (11), 11–16. https://doi.org/10.31857/S032150750012178-7 (In Russ.)

Jixiang, G., & Jing, J. (2022). Scientific, Technological and Innovation Cooperation Between China and Russia in the New Era: Reshaping the Model and Choosing an Approach from the Perspective of Chinese Experts. *Studies on Russian Economic Development, 33,* 656–662. https://doi.org/10.1134/S1075700722060053

Karmakar, A. K., Jana, S. K., & Bagchi, P. (2024). Financial Crises and Instability Viewed from Economic and International Political Economy Perspectives. In *International Trade, Economic Crisis and the Sustainable Development* (pp. 75–85). Leeds: Emerald Publishing Limited. https://doi.org/10.1108/978-1-83753-586-620241005

Kuznetsov, V. I., Larionova, E. I., Chinaeva, T. I. (2021). Analysis of China's Economy in the 21st century. *Statistika i Ekonomika [Statistics and Economics], 18* (2), 57–70. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2021-2-57-70 (In Russ.)

Li, Y. (2018). The Greater Eurasian Partnership and the Belt and Road Initiative: Can the Two be linked? *Journal of Eurasian Studies, 9* (2), 94–99. https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.004

Lomanov, A. V. (2025). Chinese Civilizational Alternative to the Western Development Model. *Russia in Global Affairs, 23*(3), 70–89. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2025-23-3-70-89

Lukonin, S., & Vakhrushin, I. (2023). Russian–Chinese Trade and Economic Cooperation Amid Anti-Russian Sanctions. *Rossiya i ATR [Russia and the Pacific],* (1(119)), 160–180. https://doi.org/10.24412/1026-8804-2023-1-160-180 (In Russ.)

Makeeva, S. B. (2020). The Modern Stage of the History of Inter-Regional Russian-Chinese Cooperation in the Conditions of Regionalization. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 20*(3), 382–387. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-382-387 (In Russ.)

Meng, G., Wang, R., & Wang, S. (2023). A Review of China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zones Along the Belt and Road: Progress and Prospects. *Journal of Geographical Sciences, 33,* 1505–1526. https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8

Mirolyubova, A. A., Xie, X., & Balakin, M. A. (2024). China's Economy: Assessment and Development Strategy. *Sovremennye Naukoemkie Tekhnologii. Regional'noe Prilozhenie [Modern High Technologies. Regional Application],* (1(77)), 11–17. https://doi.org/10.6060/snt.20247701.0002 (In Russ.)

Morales, L., AndreossoO'Callaghan, B., Rajmil, D., & Sarwar, S. (2025). The Global Economic and Political Landscape Through the Lenses of Multiple and Multifaceted Crises. In *Geoeconomics of the Sustainable Development Goals* (pp. 67–82). London: Routledge.

Moyer, J. D., & Hedden, S. (2022). Are We on the Right Path to Achieve the Sustainable Development Goals? *World Development, 127,* 104749. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104749

Quium, A. (2019). Transport Corridors for Wider SocioEconomic Development. *Sustainability, 11*(19), 5248. https://doi.org/10.3390/su11195248

Shkvarya, L. V., He, M., & Krasnykh, S. S. (2025). Sino-African Trade Relations: A Factor Analysis in the Context of the Transformation of the Global Trading System. *Ekonomika regiona [Economy of Regions], 21*(3), 672–685. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-7 (In Russ.)

Sidorov, A. A. (2025). Problems and Ways of Russia's Access to Non-Cis Countries Product Markets. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 69*(3), 26–37. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-26-37 (In Russ.)

Spartak, A. N. (2022). Transition to the New World Economic Order: Essential Stages, Basic Features, Challenges and Policies for Russia. *Rossiiskii Vneshneekonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (7), 7–29. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2022-7-7-29 (In Russ.)

Stavytskyy, A., & Dligach, A. (2025). The Global Economic Model in Crisis: An Analysis of the Obstacles to the Sustainable Development Goals. *Sustainability, 17*(19), 8537. https://doi.org/10.3390/su17198537

Tarasov, A. G., & Ishukov, A. A. (2023). Multipolarity as the Main Characteristic of the Post-Global World: Searching for New Model Economic Outlines. *Mezhdunarodnaya Torgovlya i Torgovaya Politika [International Trade and Trade Policy], 9*(1(33)), 74–89. https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-1-74-89 (In Russ.)

Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2025). Study on Measurement and Influencing Factors of Trade Embodied Carbon Based on China-Russia Agricultural Products Trade. *Polish Journal of Environmental Studies, 33*(5), 5381–5390. https://doi.org/10.15244/pjoes/183075

Xu, P., & Zhao, H. (2025). Geo-Economic Priorities and New Emphasis in the Partnership Between China and Russia in Changing World Order. *Ekonomika regiona [Economy of Regions], 21*(3), 599–609. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2 (In Russ.)

Zhang, Y., Tian, K., Li, X., Jiang, X., & Yang, C. (2022). From Globalization to Regionalization? Assessing its Potential Environmental and Economic Effects. *Applied Energy, 310,* 118642. https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2022.118642

Информация об авторах

Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова; Scopus Author ID: 57190292841; https://orcid.org/0000-0001-6653-939X (Российская Федерация, 109992, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36; e-mail: destard@rambler.ru).

Андреева Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 56211711000; https://orcid.org/0000-0003-4975-0905 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Красных Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник центра региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57206903S51; https://orcid.org/0000–0002-2692–5656 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

About the authors

Lyudmila V. Shkvarya — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics; Scopus Author ID: 57190292841; https://orcid.org/0000-0001-6653-939X (36, Stremyanny lane, Moscow, 109992, Russian Federation; e-mail: destard@rambler.ru).

Elena L. Andreeva — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Centre of Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 56211711000; https://orcid.org/0000-0003-4975-0905 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: andreeva.el@uiec.ru).

Sergey S. Krasnykh — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57206903S51; https://orcid.org/0000-0002-2692-5656 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: krasnykh.ss@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 02.02.2026. Received: 02 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 06.04.2026. Reviewed: 06 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6
УДК 339.727.22
JEL F21

OPEN ACCESS CC BY 4.0

В. А. Аватков [а], *З. П. Рожкова* [б]

[а, б] Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Инвестиционные стратегии Китая и Турции в Средней Азии: сравнительный анализ[1]

Аннотация. Средняя Азия в последние годы становится крупным реципиентом иностранных инвестиций в связи с выгодным географическим и геополитическим положением, позицией центра на пути торговых путей и наличием богатых природных ресурсов. Особенно активными инвесторами сегодня являются Россия, Китай и Турция. Статья посвящена анализу инвестиционной политики Пекина и Анкары в Средней Азии и выявлению принципиальных качественных различий между инвестиционными моделями двух стран. Китай проводит преимущественно государственноцентричную инфраструктурно-сырьевую модель, целью которой является долгосрочная интеграция стран региона в китайские цепочки поставок и проекты. Турция использует более гибкую модель, которая в первую очередь представляет собой «мягкую силу» — гуманитарные институты, культурные и идеологические связи. Методика включает в себя изучение ежегодных отчетов соответствующих органов и статистических агентств на государственных языках Китая, Турции, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана за 20 лет — с 2004 по 2024 г. Такой анализ позволяет выделить факторы роста и снижения инвестиций Китая и Турции в регионе. В конце статьи используется сравнительный подход для изучения сходств и различий в инвестиционной политике Пекина и Анкары, делается вывод о возможности столкновения стратегических интересов двух государств в Средней Азии, поскольку помимо экономической заинтересованности Китай и Турция имеют идейно-ценностные мотивы и платформы продвижения своих интересов (инициатива «Один пояс — один путь» / Организация тюркских государств). Исследование влияния Китая и Турции на экономики стран Средней Азии позволяет выявить сходства и отличия двух инвестиционных стратегий: совпадение заключается в сферах инвестирования, а отличие в том, что китайская модель — более государственно-инфраструктурная, а турецкая — диверсифицированная, институциональная, гуманитарная. Результаты анализа могут быть использованы для проектирования внешнеполитической и внешнеэкономической политики Российской Федерации в отношении Средней Азии, выявления приоритетных направлений, дискурсивных тенденций и перспективных проектов.

Ключевые слова: инвестиции, Китай, Турция, Средняя Азия, внешнеэкономическая политика, фонды

Для цитирования: Аватков, В. А., Рожкова, З. П. (2026). Инвестиции Китая и Турции в Средней Азии: сравнительный анализ. *Экономика региона, 22*(3), 552–566. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6

[1] © Аватков В. А., Рожкова З. П. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Vladimir A. Avatkov [a], *Zlata P. Rozhkova* [b]
[a, b] Institute of Scientific Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russian Federation

Investment Strategies of China and Turkey in Central Asia: Comparative Analysis

Abstract. Central Asia has become a major destination for foreign investment, owing to its strategic location, role in regional trade, and abundant natural resources. Russia, China, and Turkey are among its most active investors. Against this backdrop, this article analyzes the investment policies of China and Turkey and identifies key qualitative differences between their investment models. Particular attention is paid to the specific mechanisms and conditions for attracting investment in the region. The methodology combines a review of annual reports and statistical data from relevant government authorities and statistical agencies in the national languages of China, Turkey, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, and Turkmenistan. These data are used to identify the factors driving fluctuations in Chinese and Turkish investment in the region. A comparative approach is then used to examine similarities and differences in the investment policies of Beijing and Ankara. The findings indicate that the two countries may increasingly compete strategically in Central Asia, as their engagement is driven not only by economic interests but also by ideological and value-based agendas and platforms, including the Belt and Road Initiative and the Organization of Turkic States. The analysis reveals both similarities and differences between Chinese and Turkish investment strategies. While the two models overlap in terms of the sectors targeted for investment, they differ in their underlying approaches: the Chinese model is more strongly oriented toward state-led infrastructure projects, whereas the Turkish model is more diversified and combines institutional, commercial, and humanitarian engagement. The findings can inform Russia's foreign policy and international economic engagement in Central Asia by identifying priority areas, emerging policy trends, and promising projects.

Keywords: investments, China, Turkey, Central Asia, foreign economic policy, funds

For citation: Avatkov, V. A., & Rozhkova, Z. P. (2026). China and Turkey's Investments in Central Asia: Comparative Analysis. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 552–566. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-6

Введение

После распада Советского Союза и обретения независимости республики Средней Азии стали объектами политических и экономических интересов внерегиональных акторов. Первой свою активность проявила Турецкая Республика, признав суверенитет новообразованных государств, а затем начав активно инвестировать и вовлекать их в турецкие проекты. Китай «зашел» в регион значительно позже — стимулом для сотрудничества стал запуск инициативы «Один пояс — один путь». Со временем проекты обоих государств стали касаться смежных сфер: энергетики, обрабатывающей промышленности, ресурсов, что говорит о наличии «конфликтного поля интересов» и о возможности столкновения держав в регионе.

Несмотря на значительный объем исследований, затрагивающий инвестиционные политики Китая и Турции в Средней Азии, большинство из них рассматривают их раздельно. Как правило, взаимодействие изучается по сферам: через торговые, энергетические или гуманитарные инициативы.

Целью статьи является выявление сходств и различий инвестиционных стратегий Китая и Турции в государствах Средней Азии. Для реализации исследуются объемы и динамика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), отраслевое и географическое распределение инвестиций, а также механизмы долгосрочного влияния в регионе. Гипотезой исследования является следующий тезис: если происходит пересечение интересов в сферах инвестирования (промышленность, энергетика, и т. д.), модели инвестиционных стратегий Китая и Турции различаются по механизмам реализации.

Методика исследования

Китайское инвестиционное, экономическое присутствие в Средней Азии исследуется в научных статьях российских ученых С. А. Луконина, Я. В. Лексютиной, Е. П. Ионовой, Д. Б. Малышевой, узбекского ученого В. В. Парамонова. Упомянутые авторы рассматривают влияние КНР сквозь призму энергетики, инфраструктуры в рамках инициативы «Один пояс — один путь». Турецкую модель влияния в регионе изучают В. А. Аватков, С. А. Притчин, Ю. М. Почта. Основное внимание ученые уделяют идейно-ценностному фактору турецкой внешней политики. Тем не менее, сравнительный анализ моделей влияния внешних акторов в Средней Азии остается недостаточно разработанным.

Исследование проводилось на стыке и сочетании подходов международной политэкономии, неореализма и концепции «мягкой силы». В контексте международной политэкономии инвестиционная политика рассматривается не только как экономический инструмент, но и как механизм расширения политического влияния в ре-

гионе. Неореалистический подход использовался при анализе подходов Пекина и Анкары к наращиванию своего присутствия в регионе и потенциальной конкуренции за инвестиционные проекты и ресурсы. Концепция «мягкой силы» применялась для изучения идейно-ценностных компонентов политики Китая и Турции в Средней Азии. В частности, рассматривались TÜRKSOY, Организация тюркских государств, Институты Конфуция и др. как платформы для формирования долгосрочного политического влияния.

В рамках данного исследования проводилось изучение большого числа статистических данных на китайском, турецком, узбекском, казахском, кыргызском языке (ежегодные статистические бюллетени Министерства коммерции КНР, Национального бюро статистики, официальных данных Министерства торговли Турции, государств Средней Азии, данных ЕАБР и др.). При этом важно отметить, что ограничением исследования является различная степень доступности статистики по Турции и государствам-реципиентам: Китай публикует детализированные данные по каждой стране, тогда как Турция зачастую приводит статистику сразу по всему региону, в связи с чем необходимо соотносить оценки с публикациями статистических агентств республик Средней Азии. Традиционный и формализованный контент-анализ документов позволил выявить факторы роста и снижения инвестиций в Среднюю Азию, приоритетные страны и сферы. Метод сравнительного анализа позволил обнаружить точки пересечения стратегических интересов Китая и Турции в регионе и прийти к выводу о наличии в регионе идейно-ценностного подхода Пекина и Анкары.

Результаты

Китайская модель инвестиций в Средней Азии

Сопредельные регионы — приоритет внешнеэкономической деятельности КНР. В Средней Азии Пекин выделяет партнеров первого и второго эшелона: к первому относятся государства с общей границей (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), ко второму — Узбекистан и Туркменистан (Луконин, 2015).

Активное присутствие Китая в регионе началось после запуска глобальной инициативы «Один пояс — один путь» в 2013 г. Основными секторами, в которые вкладывает средства Пекин, являются транспорт и логистика, энергетика (в последние годы идет наращивание проектов в области ВИЭ), обрабатывающая промышленность (Ли, 2022).

Ниже представлены результаты анализа ежегодных отчетов по объемам ПИИ Китая в Среднюю Азию (табл. 1), публикуемых Министерством коммерции, Национальным бюро статистики и Государственным управлением валютного контроля, в разрезе всех пяти республик региона.

На основе этих данных можно сделать следующие выводы.

1. Рост прямых инвестиций по странам за 20 лет: Казахстан (+24854 %), Узбекистан (+52041 %), Таджикистан (+8289 %), Кыргызстан (+7012 %), Туркменистан (+1189750 %).

2. Заметны резкие скачки роста и падения, что связано с политической ситуацией, ценами на сырье и крупными инфраструктурными проектами.

Анализ по странам:

1. Казахстан. Наибольшие ПИИ в регионе. Пик (2012–2014 гг.) связан с инвестициями в нефтегазовый сектор (месторождение Кашаган, проекты с КНК), запуском инициативы «Один пояс — один путь» (Сазонов и др., 2024). Снижение в 2015 г. связано с девальвацией тенге и падением цен на нефть, в 2020 г. — с влиянием пандемии COVID-19. Новый рост в 2023 г. — восстановление после ковидных ограничений, новые проекты в энергетике и логистике.

2. Узбекистан. До 2015 г. — низкий рост в связи с политикой изоляции и выборочным привлечением инвестиций первого президента Узбекистана И.А. Каримова. Рост 2018–2022 гг. обусловлен политикой «открытости» и диверсификацией связей второго президента Узбекистана Ш.М. Мирзиёева (инвестиции в энергетику, химическую промышленность, транспорт) (Курылев и др., 2022). Снижение 2023–2024 гг. связано с завершением крупных сделок, внутренними экономическими реформами.

3. Таджикистан. Постепенный рост до 2016 г. Рост 2018–2023 гг. связан с инвестициями в гидроэнергетику и горнодобывающую отрасль.

4. Кыргызстан. Стабильный рост до 2015 г., затем колебания. Пик — 2014–2015 гг., инвестиции в энергетику и золотодобычу. После 2020 г. — снижение под влиянием пандемии и внутриполитической нестабильности.

5. Туркменистан. Наблюдается прямая зависимость от цен на газ. Низкий показатель инвестиций до 2008 г., затем резкий рост за счет строительства газопровода в Китай и проектов в химической отрасли.

Таким образом, можно выделить факторы роста и снижения инвестиций Китая в регионе.

Факторы роста: реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (Лексютина, 2020), политическое сближение с КНР, потребность КНР в энергоресурсах региона.

Факторы снижения: падение цен на нефть, газ, металлы, экономические кризисы (2008, 2015, 2020), рост внешних долгов стран-получателей, политическая нестабильность в странах-реципиентах (Притчин, 2025).

Таблица 1

Объем прямых иностранных инвестиций Китая в Среднюю Азию на конец каждого года (2004–2024 гг.), млн долл.

Table 1

Volume of Chinese Foreign Direct Investment in Central Asia at the End of Each Year (2004–2024), USD million

Год	Казахстан	Узбекистан	Таджикистан	Кыргызстан	Туркменистан
2004	24,78	4,23	21,54	19,26	0,20
2005	245,24	11,98	22,79	45,06	0,20
2006	276,24	14,97	30,28	124,76	0,16
2007	609,93	30,82	98,99	139,75	1,42
2008	1402,30	77,64	227,17	146,81	88,13
2009	1516,21	85,22	162,79	283,72	207,97
2010	1590,54	83,00	191,63	394,32	658,48
2011	2858,45	156,47	216,74	525,05	276,48
2012	6251,39	146,18	476,12	662,19	287,77
2013	6956,69	197,82	599,41	885,82	253,23
2014	7541,07	392,09	728,96	984,19	447,60
2015	509,546	882,04	909,09	1070,59	133,04
2016	5432,27	1057,71	1167,03	1237,82	249,08
2017	7561,45	946,07	1616,09	1299,38	3427,20
2018	7341,08	3689,88	1944,83	1393,08	3119,30
2019	7254,13	3246,21	1946,08	1550,03	2265,60
2020	5869,37	3264,64	1568,01	1767,33	3364,70
2021	7487,43	2807,72	1627,22	1531,42	2941,70
2022	6978,69	4508,13	1892,89	1537,01	2252,40
2023	7909,74	2474,96	2288,87	1484,59	4242,80
2024	6183,67	2205,58	1806,91	1369,81	2379,70

Источник: составлено авторами на основе ежегодных отчетов, публикуемых Министерством коммерции КНР.

[1] 商务部、国家统计局和国家外汇管理局联合发布《2024年度中国对外直接投资统计公报》, 《2023年度中国对外直接投资统计公报》, 《2022年度中国对外直接投资统计公报》, 《2021年度中国对外直接投资统计公报》[Министерство коммерции, Национальное бюро статистики и Государственное управление валютного контроля совместно опубликовали «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2024 год», «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2023 год», «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2022 год» и «Статистический бюллетень по прямым иностранным инвестициям Китая за 2021 год».]. 中华人民共和国商务部网 [Сайт министерства коммерции КНР]. URL: https://fec.mofcom.gov.cn/article/tjsj/tjgb/ (дата обращения: 04.01.2026).

Объем накопленных прямых инвестиций Китая в страны региона (на первую половину 2025 г.) составил 35,9 млрд долл., при этом около 90 % вложений приходятся на Казахстан, Узбекистан и Туркменистан (рис. 1).

Активно расширяется и присутствие китайского бизнеса в регионе, функционирующее в разных секторах экономики (рис. 2). При этом, несмотря на общую границу и ряд энергетических и логистических проектов, китайских компаний в Кыргызстане и Таджикистане в 7,9 раз меньше, чем в Казахстане и Узбекистане.

Крупнейшие китайские компании и корпорации, функционирующие в Средней Азии:

1. Энергетика: China Poly Group, China Electric, China Southern Power Grid International, China Power International Holding Ltd. CNPC (China National Petroleum Corporation) является ключевым инвестором в регионе. В Туркменистане компания разрабатывает месторождение «Багтыярлык», в Узбекистане прямые вложения CNPC превысили 5 млрд долл. (соглашения по строительству газохранилищ и модернизации инфраструктуры), также крупные проекты в Казахстане (акции месторождения в Кашагане, ветроэлектростанция и заводы в Актобе).

2. Транспорт: China Road and Bridge Corporation (CRBC), China Railway Tunnel Group Co., Ltd., Sino-Pipeline International Company Limited, и др. (Луконин, 2015). Акцент идет на автомобильную промышленность (производство и продажи): Chery, JAC, Changan, Haval наращивают присутствие в регионе и строят здесь сборочные заводы.

3. Сырье и ресурсы: China Minmetals Corporation, Jinchuan Group, Zijin Mining.

Важной особенностью сотрудничества между Китаем и государствами Средней Азии является стратегическое согласование ключевых планов и инициатив в сфере экономического и инвестиционного развития. Таким образом, инициатива «Один пояс — один путь» сопрягается с новой экономической политикой Казахстана, Национальной программой развития Кыргызстана до 2026 г., Национальной стратегией развития Таджикистана на период до 2030 г., стратегией «Возрождение Шёлкового пути» Туркменистана и Стратегией развития

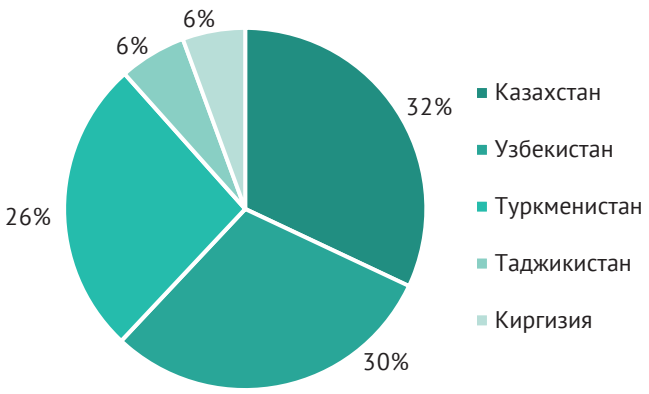

Рис. 1. Объем накопленных прямых инвестиций Китая в республиках Средней Азии (источник: составлено авторами на основе отчета «Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР»[1])

Fig. 1. Accumulated Chinese direct investment in the Central Asian republics (Source: compiled by the authors based on the report "China and the Eurasian Region: Analysis of Investment Flows Based on the EDB Mutual Investment Monitoring"

[1] Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/ (дата обращения: 02.01.2026).

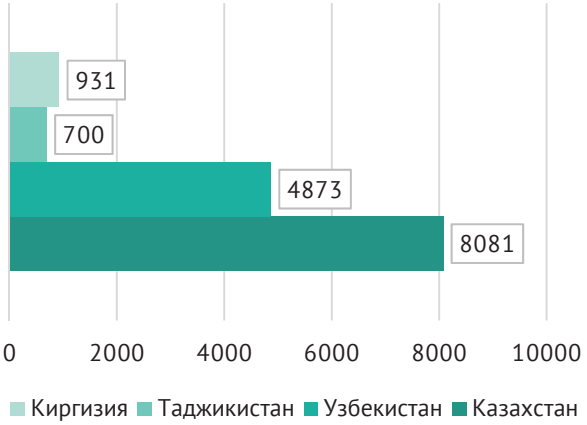

Рис. 2. Количество зарегистрированных и действующих юридических лиц, филиалов и филиалов китайских юридических лиц по странам (источник: составлено авторами на основе данных статистических агентств государств Средней Азии[1,2])

Fig. 2. Number of registered and operating legal entities, branches and affiliates of Chinese legal entities by country (source: compiled by the authors based on data from statistical agencies of the Central Asian states)

[1] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

[2] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistonda-chet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingtaga-etdi-3 (дата обращения: 07.01.2026).

нового Узбекистана на 2022–2026 гг. Китай крайне заинтересован в расширении сотрудничества со Средней Азией (Парамонов, 2024). Так, Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе саммита «Центральная Азия — Китай» объявил о выделении гранта в 205 млн долл. для государств региона.

Инвестиции Китая в Казахстан

По состоянию на 2025 г. накопленные прямые инвестиции Китая в Казахстане достигли 11,4 млрд долл., а число активных проектов — 71. Таким образом, Казахстан остается крупнейшим реципиентом китайских прямых инвестиций. Секторы, в которые инвестирует Китай в Казахстане: сырьевой сектор составляет 46 % (5,2 млрд долл.), обрабатывающая промышленность — 18 % (2,1 млрд долл.), энергетический сектор — 7 % (815 млн долл.) (Tumatay et al., 2024). В сентябре 2025 г. Банк развития Казахстана (БРК) и Эксимбанк Китая подписали соглашение о кредитной линии на 1 млрд долл. для китайских инвестпроектов на территории Казахстана. Стороны имеют различные платформы инвестиционного взаимодействия на разных уровнях (табл. 2).

В свободной экономической зоне (СЭЗ) «Хоргос — Восточные ворота» в 2026 г. должно завершиться строительство завода по производству ветрогенераторов и систем накопления энергии. Это совместный проект «Казахстанских коммунальных систем» и китайской компании Envision Energy, оцениваемый в 40 млн долл. Ожидается, что 60 % производимой продукции будет направлено на казахстанский рынок, а 40 % — на экспорт в государства Средней Азии и Кавказа.

Другие крупные проекты последних лет:

1. Китайская компания Fufeng Group инвестирует в строительство завода (около 800 млн долл.), который сможет перерабатывать до 1 млн тонн кукурузы в год. Проект создаст более 1500 рабочих мест;

2. Xinjiang Lihua Group Co., Ltd. создаст целый хлопковый кластер в Туркестанской области стоимостью 420 млн долл. Проект охватывает весь цикл — от выращивания хлопка до его глубокой переработки и производства готовой текстильной продукции. Планируется создание более 4000 рабочих мест;

Таблица 2

Платформы инвестиционного взаимодействия Китая и Казахстана

Table 2

Platforms for Investment Cooperation Between China and Kazakhstan

Платформа	Название	Функции
Финансовые институты и фонды	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ)	Международная финансовая организация. Китай — основной акционер и совладелец, Казахстан — один из крупнейших заемщиков. Финансирование инфраструктурных проектов
	Фонд «Шелковый путь»	Инвестиции в проекты в рамках инициативы «Один пояс — один путь»
	Китайские государственные банки (ICBC, Bank of China, China Construction Bank)	Имеют представительства в странах региона, предоставляют кредиты
	Казахстанско-Китайский фонд сотрудничества	Совместный фонд БРК (Банк Развития Казахстана, сейчас часть холдинга «Байтерек») и китайской CITIC Group
	Казахстанско-Китайский Деловой Совет	Диалоговая площадка для представителей бизнес-кругов, инструмент развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества
Специальные инвестиционные платформы и специальные экономические зоны	Совместный индустриальный парк «Хоргос — Восточные ворота»	Особая экономическая зона на границе для привлечения инвестиций и упрощения торговых проектов
	СЭЗ «Национальный индустриальный нефтехимический технопарк» в Атырау	Основной резидент — совместное предприятие с китайской Sinopec по производству полипропилена
	СЭЗ «Парк инновационных технологий» в Алматы	Специализация: IT и технологии. Привлекает инвестиции китайских технологических компаний
	Индустриальная зона «Костанай»	Профиль: агропромышленный комплекс и машиностроение. Привлечение китайских инвестиций в области сельского хозяйства

Источник: составлено авторами.

3. TBEA Company Limited построит солнечную электростанцию мощностью 1000 МВт и завод по производству трансформаторов. Также планируется строительство угольной ТЭЦ мощностью 1320 МВт для теплоснабжения города Алатау. Общий объем инвестиций составит 3,7 млрд долл.

По состоянию на 1 января 2026 г. в Казахстане зарегистрировано 8081 юридическое лицо, филиал и филиал китайских юридических лиц (из них 6356 — действующие), с совместной формой собственности — 1171 (действующих — 940)[1]. Информативным для изучения этой сферы является Отчет о развитии китайских предприятий в Казахстане за 2023–2024 гг., подготовленный на китайском языке Межрегиональным объединением китайских торговых палат за рубежом и Генеральной торговой палатой Китая в Казахстане. В частности, в нем указывается, что компания CNPC за 26 лет инвестировала в Казахстан более 45 млрд долл.[2]

Инвестиции Китая в Узбекистан

После 2022 г. Узбекистан стал вторым крупнейшим реципиентом накопленных инвестиций из Китая в регионе (Рогожин, 2023). Ежегодный рост ПИИ КНР в эту страну колеблется в пределах 40–50 %. Заинтересованность в стране связана не только с географическим положением или улучшением инвестиционного климата, но и с наличием, как называют это китайские эксперты, «4 видов золота»: хлопка, нефти, золота, природного газа — то есть нужных Пекину ресурсов[3] (Ионова, 2024). В первом полугодии 2025 г. инвестиции достигли 10,7 млрд долл. Секторы, в которые инвестирует Китай в Узбекистане: энергетический сектор — 51 % (5,5 млрд долл.), обрабатывающая промышленность — 31 % (3,3 млрд долл.), сырьевая промышленность — около 3 %.

Китай в 2024 г. впервые за всю историю опередил Россию по количеству предприятий с иностранным капиталом в Узбекистане (Рожкова, 2024). По состоянию на 15 декабря 2025 г. в стране действовало 17 900 компаний с участием иностранных инвестиций, из них

[1] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

[2] 哈萨克斯坦中国总商会 [Палата китайских предприятий в Казахстане], & 境外中资企业商（协）会联席会议 [Объединенный комитет зарубежных китайских торгово-промышленных палат]. (2024). 中资企业在哈萨克斯坦发展报告 (2023–2024) [Отчет о развитии китайских предприятий в Казахстане (2023–2024)]. 中国投资指南网. URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/ (дата обращения: 17.01.2026).

[3] 民生证券研究院 [Научно-исследовательский институт Minsheng Securities]. (2023). 建筑“一带一路”专题报告：中亚五国—经济、基建、新能源与投资机遇分析 [Аналитический отчёт по строительной отрасли в рамках «Одного пояса, одного пути»: Пять стран Центральной Азии — анализ экономики, инфраструктуры, новой энергетики и инвестиционных возможностей], 34.

4873 — с китайскими[1]. В Узбекистане действует Ассоциация китайских предпринимателей Узбекистана, которая объединяет более 700 компаний с китайским капиталом, содействуя развитию двусторонней торговли и инвестиций в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (Gonca & Kodaman, 2016). Кроме того, функционирует Узбекско-Китайская торговая ассоциация совместно с China Campus Network, которая специализируется на цифровой экономике, электронной коммерции и технологическом сотрудничестве (Xurramov & Gulyamova, 2025).

Новые проекты инвестиционного сотрудничества:

1. Китай предложил создать инвестиционный фонд с капиталом в 500 млн долл. для зелёных проектов в республике;

2. Инвестиции Пекина в строительство цементных заводов компании Anhui Conch Cement в Ташкентской области (стоимостью 200 млн долл.), компании Huaxin Cement в Джизакской области (150 млн долл.) и компании Hengyuan Cement в Самаркандской области (420 млн долл.);

3. Крупнейшим проектом стал комплекс по производству олефина в Бухаре за 3,3 млрд долл., который реализуют Sinopec и Saneg. Его реализация начнется в 2026 г.

Инвестиции Китая в Таджикистан

Накопленные прямые инвестиции Китая в Таджикистан в 2025 г. составили 2,2 млрд долл.[2] Китай стал страной, которая вкладывает наибольшие финансы в экономику Таджикистана. Инвестиции осуществляются в основном в сырьевые проекты и обрабатывающую промышленность: сырьевой сектор составляет 45 % (978 млн долл.), обрабатывающая промышленность — 42 % (911 млн долл.), энергетика — около 6 %.

В Таджикистане работает более 600 китайских компаний, большинство из них специализируется на добыче золота («Талко Голд» в Согдийской области при участии Tibet Huayu Mining), серебра, меди, производстве стройматериалов и цемента. Три китайских компании (Huaxin Cement, «Джунгтсай Мохир цемент» и «Хуаксин Гаюр цемент»), работающие в цементной отрасли, производят 85 % от всего цемента в республике, благодаря чему Душанбе стал крупнейшим экспортером цемента в регионе.

Китай активно инвестирует и в инфраструктурные проекты: строительство автомагистралей, тоннелей, линий электропередач (Ионова, 2019). При участии китайского капитала и бизнеса были построены дороги Душанбе — Чанак, Душанбе — Куляб, Душанбе — Турсунзаде, северо-южная линия электропередач высокого напряжения; тоннели «Шахристан», «Дусти», «Хатлон» и «Озоди»[3].

Инвестиции Китая в Кыргызстан

Объем накопленных ПИИ из Китая в Кыргызстан составляет 2,1 млрд долл. (в первом полугодии 2025 г.)[4] (рис. 3). Секторы, в которые вкладывает Китай в Кыргызстане: сырьевой сектор составляет 34 % (722 млн долл.), на обрабатывающую промышленность приходится 37 % (780 млн долл.).

Резкий рост в 2021 г. связан с восстановлением проектов после пандемии и новыми торговыми сделками. В 2023–2024 гг. прямые инвестиции стабилизировались на уровне примерно 283 млн долл.

Крупнейшими проектами являются:

1. Строительство солнечной электростанции (СЭС) на Иссык-Куле, общей мощностью 400 МВт. Финансирует и реализует китайский консорциум, включающий China Power International Development (CPID) и China Railway 20th Bureau Group (CR20G);

2. Строительство железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Стоимость строительства оценивается в 4,7 млрд долл. Половину этой суммы профинансируют страны-участницы в соответствии с долями в проекте. Доли Узбекистана и Кыргызстана составят по 24,5 %, оставшиеся 51 % будут принадлежать Китаю. Еще 2,35 млрд долл. выделит Пекин в виде некоммерческого кредита.

Кыргызстан намерен расширять торговое и инвестиционное сотрудничество с Пекином. В частности, руководство страны предложило Китаю создать кыргызско-китайский инвестиционный фонд с общим капиталом в 1 млрд долл. Кроме того, Кыргызстан активно создает специальные экономические зоны и промышленные

[1] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistonda-chet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingtaga-etdi-3 (дата обращения: 07.01.2026).

[2] Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/ (дата обращения: 02.01.2026).

[3] Агентство «Анадолу». (2024, 11 ноября). Китай стал крупнейшим инвестором в экономику Таджикистана. URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/китай-стал-крупнейшим-инвестором-в-экономику-таджикистана/3390839 (дата обращения: 30.12.2025).

[4] Евразийский банк развития. (2025, 25 декабря). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. URL: https://eabr.org/analytics/special-reports/china-and-the-eurasian-region-analysis-of-investment-flows/ (дата обращения: 02.01.2026).

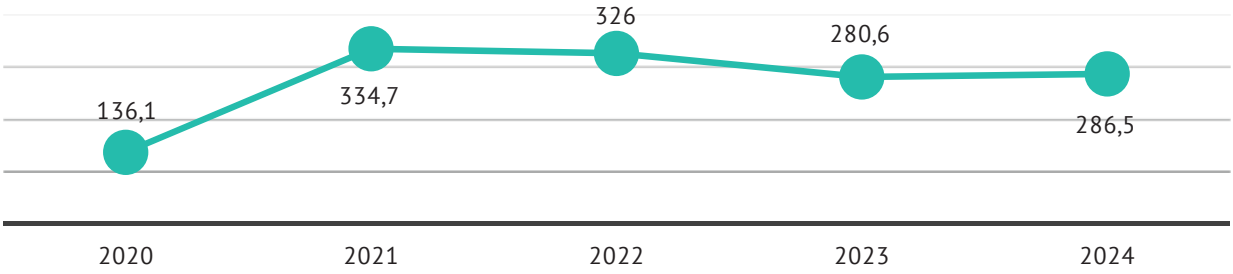

Рис. 3. Прямые инвестиции Китая в Кыргызстан (2020–2024 гг.), млн долл. (источник: составлено авторами на основе данных Национального статистического комитета Кыргызстана[1])

Fig. 3. China's direct investment in Kyrgyzstan (2020–2024), USD million (source: compiled by the authors based on data from the National Statistical Committee of Kyrgyzstan)

[1] Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. (б. д.). Поступление прямых иностранных инвестиций из стран вне СНГ. URL: https://stat.gov.kg/ru/opendata/category/5957/ (дата обращения: 10.01.2026).

парки для привлечения инвестиций, среди них СЭЗ «Бишкек» (более 50 % резидентов — китайские компании в области легкой промышленности); СЭЗ «Нарын», которая создана в том числе для расширения китайских инвестиций, с учетом близости к границе и инфраструктуре проект считается перспективным.

Инвестиции Китая в Туркменистан

Объем накопленных ПИИ Китая в Туркменистан в 2025 г. достиг 9,5 млрд долл. Инвестиционные потоки активизировались после 2016 г., когда начали расширяться энергетические проекты. Оценки даются приблизительные, поскольку нет открытых отчетов о количестве китайских компаний и их проектах, точных суммах инвестиций. Энергетический сектор занимает около 85 %, транспорт и логистика — 8 %, телекоммуникации и связь — 2 %, строительство — 1 %. В 2022 г. подписано соглашение CNPC с Turkmengaz по обеспечению и обслуживанию скважин. CNPC финансирует проект из собственных средств, а структура возврата реализуется через сырьевые ресурсы. На III заседании туркмено-китайской рабочей группы по инвестиционному сотрудничеству было заявлено, что уже к 2024 г. китайские компании инвестировали в проекты Туркменистана 4,18 млрд долл.[1]

Отмечается заинтересованность обоих государств в расширении сотрудничества. Так, в марте 2025 г. в Пекине прошел деловой форум «Международный год мира и доверия: Конференция по продвижению инвестиций в Туркменистане», организованный Посольством Туркменистана в КНР совместно с Китайской ассоциацией по развитию предприятий за рубежом. Цель мероприятия — раскрытие инвестиционного потенциала Туркменистана для 40 китайских компаний — членов Ассоциации.

Турецкая модель инвестиций в Средней Азии

Объем накопленных прямых инвестиций Турции в страны региона (на первую половину 2024 г.) составил 2,9 млрд долл.[2] При этом чистый совокупный приток иностранного капитала в регион продолжил начавшееся в 2023 г. снижение. Фактически негативная динамика показателя имелась только у Казахстана (–2,55 млрд долл. против +3,71 млрд долл. в 2023 г.). У Киргизии чистый приток ПИИ увеличился в 4,4 раза (705 млн долл.), у Таджикистана — в 2,1 раза (291 млн долл.), у Узбекистана — в 1,3 раза (2,8 млрд долл.), а у Туркменистана — в 1,2 раза (1,6 млрд долл.)[3]. Несмотря на то, что объем турецких инвестиций значительно уступает российским и китайским, китайские компании представлены в широком спектре отраслей (рис. 4).

Крупнейшие турецкие компании и корпорации, функционирующие в Средней Азии (Притчин, 2024):

— строительство: YDA Group, Alarko Holding;
— агропром: Tiryaki Agro (переработка зерна);
— энергетика: Esan (Eczacibasi Holding);
— химическая промышленность: Koyuncu Group;
— производство: Borsan, Isiklar Holding;
— инфраструктура / транспорт: Gurmak Demiryolu;
— финансовый сектор: турецкие банки (Ziraat Bankası, VakıfBank), и др.

[1] Бизнес Туркменистан. (2024, 15 октября). Китайские предприятия инвестировали $4,18 млрд в проекты Туркменистана. URL: https://business.com.tm/ru/post/12537/kitaiskie-predpriyatiya-investirovali-418-mlrd-v-proekty-turkmenistana (дата обращения: 30.12.2025).

[2] Евразийский банк развития. (2025, 15 октября). Мониторинг ЕАБР: Накопленные прямые инвестиции Китая, Турции и стран Залива в Евразийский регион достигли 87 млрд долларов. URL: https://eabr.org/press/releases/monitoring-eabr-nakoplennye-pryamye-investitsii-kitaya-turtsii-i-stran-zaliva-v-evraziyskiy-region-d/ (дата обращения: 20.12.2025).

[3] Рейтинговое агентство «Эксперт». (2025, 28 июля). Прямые иностранные инвестиции в Центральную Азию в 2024 году: караваны капитала меняют маршруты. URL: https://raexpert.ru/researches/direct_invest_asia_2024/ (дата обращения: 25.12.2025).

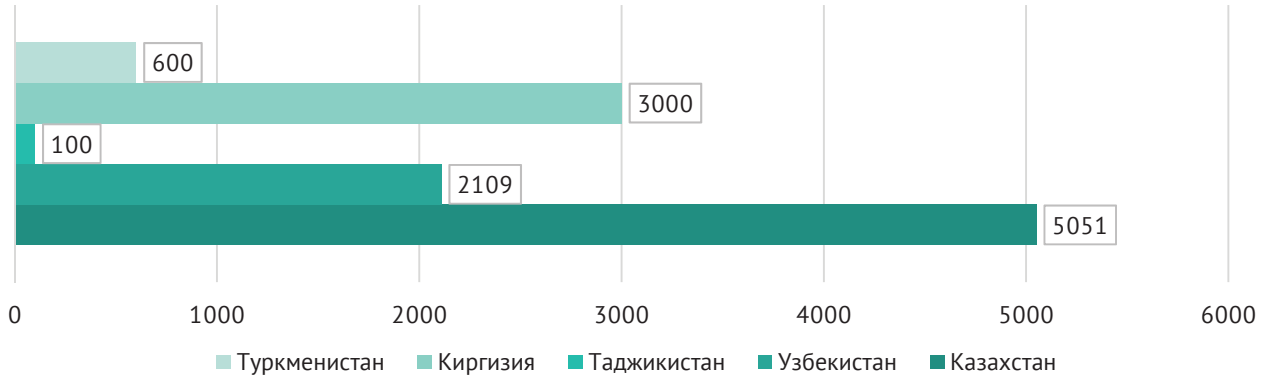

Рис. 4. Количество юридических лиц с участием турецкого капитала в государствах Средней Азии (по оценкам на 2023–2025 гг.) (источник: составлено авторами на основе данных статистических агентств государств Средней Азии[1,2])
Fig. 4. Number of legal entities with Turkish capital participation in the Central Asian states (estimated for 2023–2025) (source: compiled by the authors based on data from statistical agencies of the Central Asian states)

[1] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

[2] Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2025, 15 декабря). Количество предприятий с участием иностранного капитала в Узбекистане достигло 17,9 тыс. URL: https://stat.uz/ru/press-tsentr/novosti-goskomstata/65715-zbekistonda-chet-el-kapitali-ishtirokidagi-korkhonalar-soni-17-9-mingtaga-etdi-3 (дата обращения: 07.01.2026).

Отличительной чертой турецких инвестиций в регион является скорее не экономическая выгода, а идеологическая. Турция была первой страной, не только признавшей новые независимые республики, но и предоставившей им серьезную финансовую поддержку для формирования государственности. Анкара стремилась привлечь страны региона в свою сферу влияния — президент Т. Озал говорил о превращении Турции в державу «от Адриатического моря до Великой Китайской стены». Однако резкое повышение влияния Анкары не всегда встречало поддержку у местных элит (например, на этой почве к концу 1990-х гг. наметилось охлаждение отношений Турции и Узбекистана) (Рожкова, Мишин, 2025).

Тем не менее, Анкара сформировала ряд органов для выстраивания взаимодействия со Средней Азией. В 1992 г. было основано турецкое Агентство по сотрудничеству и координации (TİKA; Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı), которое продвигало взаимодействие в области образования, информационных технологий, бизнеса, строительства, логистики. Другой платформой взаимодействия выступает Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY), основанная в 1993 г. Деятельность организации прежде всего направлена на сохранение культурных традиций, укрепление дружественных отношений между тюркскими народами и их сотрудничество. Однако TÜRKSOY занимается не только проведением выставок, концертов и фестивалей. Она организует научную деятельность, проведение круглых столов и исследований.

Качественно новый уровень во взаимодействии с регионом оформился в результате основания Тюркского совета (с 2021 г. — Организация тюркских государств (ОТГ)). Цель организации — создание турецкого мира, а не тюркского (Почта, Гузаеров, 2024). Для этого создана масса подведомственных ОТГ организаций: Совет глав государств, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц и Совет старейшин (аксакалов), ряд ассоциированных институтов, таких как ТЮРКПА, Тюркская академия, и др. Турецкий бизнес заинтересован в инвестициях в регион, поскольку это приносит им самим государственную поддержку и преференции.

Таким образом, идеология пантюркизма институционализирована и влияет на экономическое взаимодействие. Инвестиции и гуманитарные проекты Турции использовались как инструмент формирования «тюркского пространства». Есть целый ряд кейсов, где идеология превалирует над экономической целесообразностью. Особенно это прослеживалось в 1990-е гг., когда после распада СССР Турция активно открывала учебные заведения в экономически слабых районах, без соизмеримой финансовой выгоды и в условиях высоких затрат (это и стипендии, и сеть турецких лицеев в Казахстане и Киргизии). Цель Турции — формирование туркоцентричного пространства и «взращивание» протурецкой лояльной элиты в регионе, а не только и не столько получение экономической выгоды.

Инвестиции Турции в Казахстан

Казахстан — крупнейший реципиент турецких прямых иностранных инвестиций (табл. 3).

Турция не публикует данные инвестиций по каждой стране региона. Она ранжиру-

Таблица 3

Прямые иностранные инвестиции Турции в Казахстане и количество инвестиционных проектов

Table 3

Turkey's Foreign Direct Investment in Kazakhstan and the Number of Investment Projects

Год	Место среди всех стран-реципиентов	ПИИ, млрд долл.	Количество инвестиционных проектов
2018	25	0,222	46
2019	21	0,221	45
2020	19	0,317	56
2021	16	0,373	61
2022	10	0,831	52
2023	10	1,000	61
2024	10	1,110	62
2025	10	1,290	64

Источник: Türkiye'de Yerleşik Gerçek ve Tüzel Kişilerin Yurtdışındaki Yatırımları[1].

[1] Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. (2026, 19 Haziran). Türkiye'de yerleşik gerçek ve tüzel kişilerin yurtdışındaki yatırımları [Инвестиции за рубежом физических и юридических лиц, проживающих в Турции]. URL: https://ticaret.gov.tr/hizmet-ticareti/yurtdisi-yatirimlar/uluslararasi-yatirim-istatistikleri/turkiyede-yerlesik-gercek-ve-tuzel-kisilerin-yurtdisindaki-yatirimlari (дата обращения: 08.01.2026).

ет инвестиции только по регионам, при этом Средняя Азия входит в категорию «Другие страны Азии: Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и все остальные страны Азии» (то есть все, кроме стран Ближнего Востока). В ежегодных отчетах (с 2018 г.) отмечается только Казахстан, поскольку он входит в топ-30 реципиентов.

По состоянию на 1 января 2026 г. в Казахстане зарегистрировано 5051 юридическое лицо, филиал и филиал турецких юридических лиц (из них 3272 — действующие), с совместной формой собственности — 736 (действующих — 473)[1]. Крупнейшие инвесторы Турции: Yildirim Group, Aksa Energy, Borsan, Sembol Construction, YDA Group, Agrobest Group, Iskefe Holding, и др. Преимущественно турецкие компании инвестируют в производство химических веществ, электроэнергии, металлических изделий, мебели, пищевых продуктов, образование.

Основные инвестиционные проекты. Согласно «Общенациональному пулу инвестиционных проектов», в 2023 г. с участием турецких инвесторов реализованы следующие проекты[2]:

— строительство фабрики по переработке бобовых полного цикла (от сырья до упаковки) в Костанайской области;

— производство систем крепления рельсов в Алматинской области.

В настоящее время обсуждается реализация новых проектов: строительство комплекса по глубокой переработке зерна с участием турецкой Tiryaki Agro (производственная мощность составит 250 тыс. тонн переработанной пшеницы и 80 тыс. тонн гороха в год), строительство агрохимического комплекса по производству удобрений и пестицидов с участием турецкой компании YDA Group (мощность составит 150 тыс. т продукции в год)[3].

Инвестиции Турции в Узбекистан

Между Турцией и Узбекистаном отмечается увеличение ПИИ. Турция вошла в тройку крупнейших инвесторов в экономику Узбекистана, заняв третье место после Китая и России. В 2023 г. прямые инвестиции Турции в Узбекистан составили 2,53 млрд долл.[4]

По словам турецких экспертов, «Узбекистан является очень привлекательной страной для турецких предпринимателей. Страна только начала процесс приватизации, а в прошлом году с ростом ВВП на 6,6 % вошла в число наиболее быстро развивающихся экономик мира»[5] (Аватков, Рожкова, 2023). По данным Национального комитета статистики Узбекистана, по состоянию на 1 декабря 2025 г.

[1] Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. (2026, 15 января). Основные показатели количества субъектов в Республике Казахстан (на 1 января 2026 г.). URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-org/publications/280453/?sphrase_id=1593597 (дата обращения: 06.01.2026).

[2] Министерство национальной экономики Республики Казахстан. (2023, 3 ноября). Валовый приток прямых иностранных инвестиций из Турции. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/647138?lang=ru (дата обращения: 09.01.2026).

[3] Forbes Kazakhstan. (2025, 25 июля). Турецкие инвесторы вложат 330 млрд тенге в АПК Казахстана. URL: https://forbes.kz/articles/turetskie-investory-vlozhat-330-mlrd-tenge-v-apk-kazahstana-235508 (дата обращения: 14.01.2026).

[4] Рейтинговое агентство «Эксперт». (2025, 28 июля). Прямые иностранные инвестиции в Центральную Азию в 2024 году: караваны капитала меняют маршруты. URL: https://raexpert.ru/researches/direct_invest_asia_2024/ (дата обращения: 25.12.2025).

[5] Агентство «Анадолу». (2025, 17 января). Глава Делового совета DEİK: 2024 год стал успешным для торгово-экономических отношений Турции и Узбекистана. URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/глава-делового-совета-deik-2024-год-стал-успешным-для-торгово-экономических-отношений-турции-и-узбекистана/3453670 (дата обращения: 15.01.2026).

в Узбекистане действуют 2109 предприятий с участием турецкого капитала, из них 487 — совместные и 1622 — иностранные. Большинство работают в сфере торговли, строительства или производства строительных материалов, сельского хозяйства и производства продуктов питания.

Крупнейшие проекты инвестиционного сотрудничества:

1. Турецкая компания Aksa Enerji выиграла международный тендер на управление и модернизацию распределительных электросетей Самаркандской области. Это первый в стране масштабный проект ГЧП с частным оператором по распределению, который будет управлять им до 30 лет. Планируемая сумма инвестиций — 1 млрд долл.[1];

2. Серия проектов по модели «строительство — эксплуатация — передача» на сумму 16 млрд долл. (строительство зданий, дорог, больниц, школ и электростанций);

3. В Зангиатинском районе начала работу узбекистанско-турецкая объединенная промышленная зона «Остим» (Ostim Global) площадью 100 га (кроме производственных объектов, там создадут торговый центр, поликлинику, школу, исследовательский центр и профессиональный колледж). Общая стоимость составляет 150 млн долл.

Инвестиции Турции в Таджикистан

За последние 20 лет Турция инвестировала около 300 млн долл. в Таджикистан. Кроме того, одно только Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TIKA) реализовало более 100 проектов (на сумму около 30 млн долл.) (Demirkaya & Çelik, 2021). В настоящее время в Таджикистане насчитывается около 100 турецких предприятий[2].

TİKA с 1995 года реализовало около 500 проектов в Таджикистане. Среди последних создание в Душанбе «Центра планирования карьеры», открытие лаборатории цифрового моделирования CezeriLAB, созданной TIKA в Таджикском техническом университете, третьего Учебного центра информационных технологий в Душанбе[3].

Инвестиции Турции в Кыргызстан

Посол Турции в Бишкеке Мекин Мустафа Кемаль Окем сообщил, что накопленные турецкие инвестиции в Кыргызстане превысили 1,4 млрд долл. (рис. 5).

Резкое падение 2023–2024 гг. связано с внутриполитической ситуацией в Кыргызстане в это время: межэтнические беспорядки в Бишкеке, давление на гражданское общество, снижение добычи нефти и газа.

В Кыргызстане действуют около 360 турецких компаний в горнодобывающей промышленности, туризме, энергетике, строительстве и транспорте.

Основные проекты:

1. Инвестиционный холдинг Orta Asya Yatırım Holding и Правительство Кыргызской Республики заключили соглашение о строительстве шести ГЭС в двух речных бассейнах (общая установленная мощность — 2217 МВт). Объем инвестиций — 6,3 млрд долл.

2. С 2021 г. в Киргизии функционирует турецкий фонд «Маариф». Благодаря этому в настоящее время в Киргизии действует 21 школа, 16 общежитий и один университет[4].

Инвестиции Турции в Туркменистан

Согласно отчету Министерства торговли Турецкой Республики за 2022 г., объем турецких инвестиций в Туркменистан составлял 1,4 млрд долл.[5] В настоящее время, по словам президента Турции Р.Т. Эрдогана, турецкими компаниями реализуются 19 проектов объёмом 10 млрд долл.[6] В частности, турецкие компании участвуют в строительстве «умного» города Аркадаг и проекта «Ашхабад-сити».

К факторам, препятствующим прямым иностранным инвестициям в Туркменистан, турецкие эксперты относят отсутствие гарантий для инвестиций, внезапные налоговые проверки предприятий и их закрытие в ходе проверок, визовые процедуры при въезде в страну, препятствующие выезду владельцев бизнеса. Турецкие

[1] Kun.uz. (2025, 19 ноября). Самаркандская область передаст электрические сети в управление турецкой компании на 30 лет. URL: https://kun.uz/ru/news/2025/11/19/samarkandskaya-oblast-peredast-elektricheskiye-seti-v-upravleniye-turetskoy-kompanii-na-30-let (дата обращения: 28.12.2025).

[2] Sputnik Таджикистан. (2017, 20 февраля). Таджикско-турецкая дружба пока не тянет на миллиард долларов. URL: https://tj.sputniknews.ru/20170220/tovaroobmen-vneshnyaya-torgovlya-turtsiya-tadjikistan-1021731420.html (дата обращения: 24.12.2025).

[3] Агентство «Анадолу». (2023, 11 мая). TIKA создал в Таджикистане «Центр планирования карьеры». URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/tika-создал-в-таджикистане-центр-планирования-карьеры-/2894470 (дата обращения: 02.01.2026).

[4] Новостное агентство Киргизии Vesti.kg. (2025, 4 октября). Кыргызско-турецкие отношения продолжают расширяться. URL: https://vesti.kg/politika/item/144138-kyrgyzsko-turetskie-otnosheniya-prodolzhayut-ukreplyatsya.html (дата обращения: 21.12.2025).

[5] Türkiye Cumhuriyeti Ticaret Bakanlığı. (2026, 19 Haziran). Türkiye'de yerleşik gerçek ve tüzel kişilerin yurtdışındaki yatırımları [Инвестиции за рубежом физических и юридических лиц, проживающих в Турции]. URL: https://ticaret.gov.tr/hizmet-ticareti/yurtdisi-yatirimlar/uluslararasi-yatirim-istatistikleri/turkiyede-yerlesik-gercek-ve-tuzel-kisilerin-yurtdisindaki-yatirimlari (дата обращения: 08.01.2026).

[6] Турецкие компании реализуют в Туркменистане 19 проектов на $10 млрд. (2025, 15 декабря). «Нефть и газ Туркменистана — 2025». URL: https://ogt-turkmenistan.com/ru/ogt-single-news/466 (дата обращения: 15.01.2026).

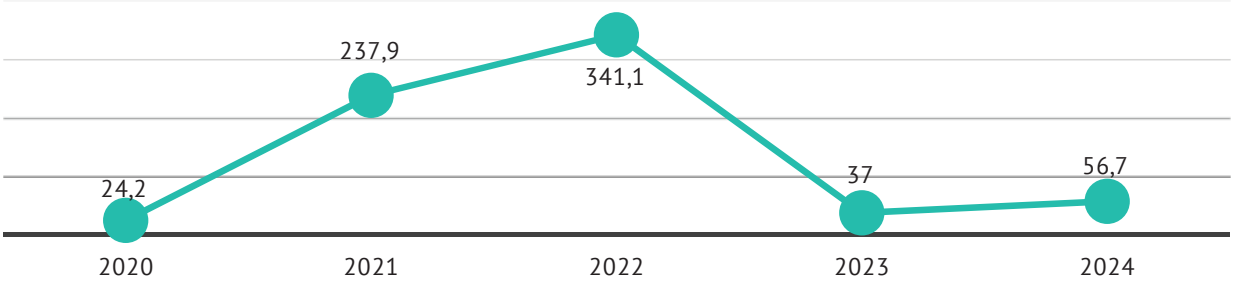

Рис. 5. Прямые инвестиции Турции в Кыргызстан (2020–2024 гг.), млн долл. (источник: составлено авторами на основе данных Национального Статистического Комитета Кыргызской Республики[1])

Fig. 5. Direct investment from Turkey to Kyrgyzstan (2020–2024), USD million (source: compiled by the authors based on data from the National Statistical Committee of Kyrgyzstan)

[1] Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. (б. д.). Поступление прямых иностранных инвестиций из стран вне СНГ. URL: https://stat.gov.kg/ru/statistics/investicii/ (дата обращения: 10.01.2026).

инвестиции в Туркменистане сосредоточены в пищевой, строительной, банковской и энергетической отраслях.

Выводы

Изучение инвестиционной политики Китая и Турции в каждую страну Средней Азии позволяет нам прийти к нескольким выводам. Во-первых, объем инвестиций Китая в регион значительно выше, чем Турции — 35,9 млрд долл. против 2,9 млрд долл. (≈12,38 раз). При этом сферы, в которые вкладываются Пекин и Анкара, одинаковые (преимущественно логистика, обрабатывающая промышленность, энергетика). Турция пока доминирует только в образовании, науке, культурных проектах.

Во-вторых, и Китай, и Турция имеют в регионе не только экономический интерес, но и идейно-ценностный. Сам Китай не признает свою политику «экспансионистской», поскольку этот термин не коррелируется с политикой партии. В классической марксистско-ленинской теории «экспансия» не употреблялась в значении какой-либо позитивной цели. Тем не менее, прямое влияние Пекина в Средней Азии в последние 10 лет значительно увеличилось. С одной стороны, это продиктовано 利 (выгодой) Китая в плане рынка сбыта своей продукции, расширения торговли, импорта ресурсов. С другой стороны, Китай представлен в регионе государственными компаниями, подчиняющимися Государственному комитету по контролю и управлению государственным имуществом Китая, либо компаниями со смешанной формой собственности, которые в любом случае подчиняются государственной политике и регулированию.

Кроме того, Китай не списывает государственные долги, возросший долг может быть реструктурирован и «выплачен» в виде предоставления доступа к сырьевым ресурсам страны (как это было, например, с золоторудным месторождением «Верхний Кумарг» в Согдийской области). Еще одной стороной является замещение традиционных национальных (и некогда крайне популярных) брендов на китайские. Например, в последние пять лет наблюдается стремительный рост доли китайских марок автомобилей и снижении доли «традиционных» марок региона (Chevrolet, Matiz) — продажи сегодня составляют около 70 % против 30 %. Учитывая консервативность и приверженность устоявшемуся укладу жизни местного населения, такие тенденции влияют на общество изнутри.

У Турции же свои идейно-ценностные интересы, которые она активно продвигает в регионе с распада СССР. Это идея пантюркизма (объединение всех тюрок под началом турок). Из всего региона сквозь эту призму трудно влиять только на Таджикистан, который не является тюркским государством, но это не мешает функционированию здесь турецких институтов «мягкой силы» в лице TİKA и TÜRKSOY.

В-третьих, у обеих стран есть платформы продвижения в регионе своих интересов. У Китая это инициатива «Один пояс — один путь» и весь комплекс инфраструктурных проектов в экономике и политике, сеть институтов Конфуция — в гуманитарной сфере. У Турции это площадка Организации тюркских государств (в рамках которой созданы органы и по политическому, экономическому и гуманитарному сотрудничеству). В рамках этих инициатив оба государства активно инвестируют в страны-участницы в регионе.

Кроме того, необходимо отметить, что Турция заинтересована в инициативе «Один пояс — один путь» и в строительстве инфраструктуры, поскольку это позволяет ей самой стать «центром» на пути Срединного коридора. Другое дело, что она видит угрозу в «долговой» политике Пекина (Basılgan, 2026). Что касается Китая, то он неоднозначно относится к идеологии пантюркизма (с учетом уйгурского фактора) и увеличению идеологического влияния Турции в Средней Азии.

В-четвертых, Казахстан — главный реципиент инвестиций с обеих сторон, однако вложения в Узбекистан значительно и стремительно увеличиваются, что в перспективе может изменить расстановку сил. При этом сами республики публикуют достаточно ограниченные статистические данные (иногда совсем не публикуют), поскольку цифры могут оказаться значительно выше (например, Таджикистан). Республики стремятся диверсифицировать свои связи и увеличить поток инвестиций, поэтому в открытом доступе информации сравнительно мало.

Список источников

Аватков, В. А., Рожкова, З. П. (2023). Узбекистан — страна инноваций? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика, 31* (3), 504–516. https://10.22363/2313-2329-2023-31-3-504-516

Ионова, Е. П. (2019). Таджикистан в орбите интересов Китая и России. *Россия и новые государства Евразии,* (3(44)), 107–120. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-107-120

Ионова, Е. П. (2024). Векторы экономического сотрудничества Узбекистана и Китая. *Россия и новые государства Евразии,* (1(62)), 160–173. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-160-173

Курылев, К. П., Малышев, Д. В., Станис, Д. В. (2022). Страновое измерение процессов евразийской интеграции в СНГ. *Мировая экономика и международные отношения, 66* (1), 119–128. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128

Лексютина, Я. В. (2020). Контуры экономического присутствия Китая в Центральной Азии. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 25* (25), 305–320. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10018

Луконин, С. А. (2015). Инвестиции Китая в Центральной Азии (ТЭК, ресурсы, транспорт). *Россия и мусульманский мир,* (11(281)), 83–95.

Парамонов, В. В. (2024). *Китай и Центральная Азия: курсом на стратегическое партнерство и экономическую кооперацию (история, современность и будущее отношений Центральной Азии с Китаем в сферах политики, безопасности и экономики).* Ташкент: Shafoat nur fayz, 152.

Почта, Ю. М., Гузаеров, Р. И. (2024). Латинизация языка под руководством Турции как инструмент формирования новой идентичности для тюркских постсоветских государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 26* (1), 143–154. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154

Притчин, С. А. (2024). Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители. *Ойкумена. Регионоведческие исследования,* (2(69)), 52–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62

Притчин, С. А. (2025). Центральноазиатская интеграция: ограничители и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения, 69* (3), 63–73. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73

Рогожин, А. А. (2023). Экспансия Китая в Узбекистан: экономический аспект. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН,* (2), 43–56. https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-43-56

Рожкова, З. П. (2024). Интересы РФ и КНР в Средней Азии. *Постсоветские исследования, 7* (6), 617–626.

Рожкова, З. П., Мишин, Л. Д. (2025). Отношения Узбекистана и Турции: от тупика к «братству». *Постсоветские исследования, 8* (6), 706–716.

Сазонов, С. Л., Ван, Ц., Ли, Ф. (2024). *Сотрудничество КНР и стран-участниц проекта «Пояс и путь» в области развития транспортной инфраструктуры и энергетики.* Москва: ИКСА РАН, 448.

Tumatay, G., Gu, J., & Zhantore, U. (2024). The impact of China's direct investment on energy industry development in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review,* (2(155)), 77–89. https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-2-77-89

李建民 [Ли, Ц.] (2022). 中国与中亚经济合作30年—政策演进、重点领域进展及未来发展路径 [30 лет экономического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией: эволюция политики, прогресс в ключевых областях и будущий путь развития.]. 俄罗斯研究. 第5卷第74-94 页 *[Исследования России]*, (5), 74–94.

Басылган, М. (2026). Çin'in yeni ipek yolu vizyonu ve Türkiye'ye yansımaları [Новое видение Шелкового пути Китаем и его отражение на Турции]. *Ekonomi Bilimleri Dergisi [Журнал экономических наук], 18* (1), 43–68. https://doi.org/10.55827/ebd.1702459

Гонджа, И. Б., Кодаман, Т. (2016). Jeoekonomik Hayaller: Çin'in Yeni İpek Yolu Girişimi'nin Orta Asya'da Algısı [Геоэкономические мечты: Восприятие новой китайской инициативы «Шелковый путь» в Центральной Азии]. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi [Журнал исследований в области гуманитарных и общественных наук], 5* (5), 1251–1261. https://doi.org/10.15869/itobiad.17865

Демиркая, И., Челик, Ф. (2021). Uluslararası ilişkilerde kamu ve sivil toplum kuruluşlarının stratejik işbirliği: TİKA faaliyetleri analizi [Стратегическое сотрудничество государственных и неправительственных организаций в международных отношениях: анализ деятельности TİKA]. *Oğuzhan Sosyal Bilimler Dergisi [Журнал социальных наук Огузхана], 3* (2), 125–149.

Хуррамов, Х. М., Гулямова, Г. С. (2025). O'zbekiston va Xitoy o'rtasidagi savdo aloqalari (2018–2024) [Торговые отношения между Узбекистаном и Китаем (2018–2024)]. *Raqamli iqtisodiyot [Цифровая экономика], 11,* 1994–2007.

References

Avatkov, V. A. & Rozhkova, Z. P. (2023). Uzbekistan: A Country of Innovations? *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics], 31* (3), 504–516. https://10.22363/2313-2329-2023-31-3-504-516 (In Russ.)

Basilgan, M. (2026). Çin'in yeni ipek yolu vizyonu ve Türkiye'ye yansımaları [China's New Silk Road Vision and its Reflections on Turkey]. *Ekonomi Bilimleri Dergisi [Journal of Economic Sciences], 18* (1), 43–68. https://doi.org/10.55827/ebd.1702459 (In Turkish)

Demirkaya, Y., & Celik, F. (2021). Uluslararası ilişkilerde kamu ve sivil toplum kuruluşlarının stratejik işbirliği: TİKA faaliyetleri analizi [Strategic Cooperation of Public and Civil Society Organizations in International Relations: TIKA Activities Analysis]. *Oğuzhan Sosyal Bilimler Dergisi [Oguzhan Journal of Social Sciences], 3* (2), 125–149. (In Turkish).

Gonca, I. B., & Kodaman, T. (2016). Jeoekonomik hayaller: Çin'in yeni ipek yolu girişimi'nin Orta Asya'da algısı [Geoeconomic Dreams: Perception of China's New Silk Road Initiative in Central Asia]. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi [Journal of Human and Society Sciences Research], 5* (5), 1251–1261. (In Turkish).

Ionova, E. P. (2019). Tajikistan in the Orbit of Interests of China and Russia. *Rossiya i Novye Gosudarstva Yevrazii [Russia and the New States of Eurasia],* (3(44)), 107–120. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-107-120 (In Russ.)

Ionova, E. P. (2024). Vectors of Economic Cooperation between Uzbekistan and China. *Rossiya i Novye Gosudarstva Yevrazii [Russia and the New States of Eurasia],* (1(62)), 160–173. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-1-160-173 (In Russ.)

Kurylev, K., Malyshev, D., & Stanis, D. V. (2022). The Country Dimension of Eurasian Integration in the CIS Space. *World Economy and International Relations, 66* (1), 119–128. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-119-128 (In Russ.)

Leksyutina, Ya. V. (2020). The Outlines of China's Economic Presence in Central Asia. *Kitay v Mirovoy i Regional'Noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 25* (25), 305–320. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10018 (In Russ.)

Li, J. (2022). Zhongguo yu zhong ya jingji hezuo 30 nian——zhengce yanjin, zhongdian lingyu jinzhan ji weilai fazhan lujing [30 Years of Economic Cooperation between China and Central Asia: Policy Evolution, Progress in Key Areas and Future Development Path]. *Eluosi yanjiu [Russian Studies],* (5), 74–94.

Lukonin, S. A. (2015). China's Investments in Central Asia (Fuel and Energy Complex, Resources, Transport). *Rossiya i Musul'manskiy Mir [Russia and the Moslem World],* (11(281)), 83–95. (In Russ.)

Paramonov, V. V. (2024). *Kitay i Tsentral'naya Aziya: Kursom na Strategicheskoye Partnerstvo i Ekonomicheskuyu Kooperatsiyu (Istoriya, Sovremennost' i Budushcheye Otnosheniy Tsentral'noy Azii s Kitayem v Sferakh Politiki, Bezopasnosti i Ekonomiki) [China and Central Asia: towards Strategic Partnership and Economic Cooperation (History, Present and Future of Central Asia's Relations with China in the Fields of Politics, Security and Economy)].* Tashkent: Shafoat nur fayz, 152. (In Russ.)

Pochta, Yu. M., & Guzaerov, R. I. (2024). Latinization of the Language Under the Leadership of Turkey as a Tool for the Formation of a New Identity for the Turkic Post-Soviet States. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science], 26* (1), 143–154. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-143-154 (In Russ.)

Pritchin, S. A. (2024). Turkish Strategy Towards Central Asia at the Present Stage: Strengths and Constraints. *Oykumena. Regionovedcheskie Issledovaniya [Ojkumena. Regional Researches],* (2(69)), 52–62. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-2/52-62 (In Russ.)

Pritchin, S. A. (2025). The Integration in Central Asia: Restrictions and Perspectives. *Mirovaya Ekonomika I Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 69* (3), 63–73. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2025-69-3-63-73 (In Russ.)

Rogozhin, A. A. (2023). China's Expansion into Uzbekistan: The Economic Aspect. *Analiz i Prognoz. Zhurnal Imemo RAN [Analysis and Forecast. Journal of IMEMO RAS],* (2), 43–56. https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-43-56 (In Russ.)

Rozhkova, Z. P. & Mishin, L. D. (2025). Uzbekistan-Turkey Relations: From Deadlock to "Brotherhood." *Postsovetskie Issledovaniya [Post-Soviet Studies], 8* (6), 706–716. (In Russ.)

Rozhkova, Z. P. (2024). Russia and China's Interests in Central Asia. *Postsovetskie Issledovaniya [Post-Soviet Studies], 7* (6), 617–626. (In Russ.)

Sazonov, S. L., Wang, Q., & Li, F. (2024). *Sotrudnichestvo KNR i Stran-Uchastnits Proekta «Poyas i Put'» v Oblasti Razvitiya Transportnoy Infrastruktury i Energetiki [Cooperation Between China and the Participating Countries of the Belt and Road Project in the Field of Transport Infrastructure and Energy Development].* Moscow: ICCSA RAS, 448. (In Russ.)

Tumatay, G., Gu, J., & Zhantore, U. (2024). The Impact of China's Direct Investment on Energy Industry Development in Kazakhstan. *Central Asian Economic Review,* (2(155)), 77–89. https://doi.org/10.52821/2789-4401-2024-2-77-89

Xurramov, X. M., & Gulyamova, G. S. (2025). O'zbekiston va Xitoy o'rtasidagi savdo aloqalari (2018–2024) [Trade Relations Between Uzbekistan and China (2018–2024)]. *Raqamli iqtisodiyot [Digital Economy], 11,* 1994–2007. (in Uzbek)

Информация об авторах

Аватков Владимир Алексеевич — доктор политических наук, доцент, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; Scopus Author ID: 55968832200; https://orcid.org/0000-0002-6345-3782 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: v.avatkov@gmail.com).

Рожкова Злата Петровна — младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН; https://orcid.org/0009-0008-3664-6010 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: z.p.rozhkova@gmail.com).

About the authors

Vladimir A. Avatkov — Dr. Sci. (Politics), Associate Professor, Head of the Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; Scopus Author ID: 55968832200; https://orcid.org/0000-0002-6345-3782 (51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: v.avatkov@gmail.com).

Zlata P. Rozhkova — Junior Researcher, Department of the Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS; https://orcid.org/0009-0008-3664-6010 (51/21, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: z.p.rozhkova@gmail.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

All authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 25.01.2026. Received: 25 Jan 2026.
Прошла рецензирование: 12.05.2026. Reviewed: 12 May 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

RESEARCH ARTICLE
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-7
UDC 339
JEL F23

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Qin Yu
Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Cross-Border E-Commerce as a Driver of Investment in China–Russia Border Regions[1]

Abstract: Digital intelligence is transforming China–Russia economic cooperation, resulting in the growing significance of cross-border e-commerce as a driver of investment in border regions. This study aims to examine how cross-border e-commerce influences investment and identify pathways for strengthening regional investment attractiveness. Using a multiple-case study of Hunchun, Heihe, Suifenhe, and Manzhouli, the study draws on policy documents, official statistics, local government and industrial park materials, company and platform information, industry reports, and media sources. The findings show that cross-border e-commerce stimulates investment not only by expanding trade, but also by reshaping investor expectations and factor allocation. Three mechanisms are identified: digital consumption stimulates marketing and service investment; fulfilment requirements drive investment in logistics, warehousing, customs clearance, and payment infrastructure; and platform ecosystems foster supporting industries and services. Based on these findings, the study proposes four pathways for investment promotion: expectation management, institutional co-evolution, ecosystem agglomeration, and spatial differentiation. The study highlights the emerging investment effects of digital trade and provides insights into the transformation of economic cooperation in China–Russia border regions.

Keywords: cross-border e-commerce, digital trade, Sino-Russia border regions, investment attractiveness, Sino-Russia economic cooperation, regional economy

Acknowledgments: *This research is an intermediate outcome of the innovation project "Multilateral and Regional Cooperation Mechanisms and Governance in Eurasia: From the Perspective of Regionalism and Regional Governance" at the Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (Project No. 2024EOYB03).*

For citation: Yu, Q. (2026). Cross-Border E-Commerce as a Driver of Investment in China–Russia Border Regions. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 567–578. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-7

[1] © Yu Q. Text. 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

Ц. Юй

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Трансграничная онлайн-торговля как фактор привлечения инвестиций в приграничных регионах России и Китая

Аннотация. Развитие цифровых технологий существенно влияет на экономическое сотрудничество между Россией и Китаем, повышая значимость трансграничной электронной торговли как фактора привлечения инвестиций в приграничные регионы. Цель данного исследования — изучить влияние трансграничной электронной торговли на инвестиции и определить пути повышения инвестиционной привлекательности регионов. На основе метода множественных кейсов исследуются портовые города Хуньчунь, Хэйхэ, Суйфэньхэ и Маньчжурия. Исследование включает анализ программных документов, официальной статистики, материалов местных органов власти и промышленных парков, сведений о компаниях и платформах, отраслевых отчётов и данных СМИ. Показано, что трансграничная электронная торговля способствует привлечению инвестиций не только за счёт расширения объёмов торговли, но и за счет изменений в ожиданиях инвесторов и характере распределения факторов производства. Выделяются три механизма, благодаря которым это происходит: цифровые формы потребления стимулируют инвестиции в маркетинг и сервисные услуги; рост ожиданий заказчиков побуждает поставщиков вкладывать средства в логистику, складское хозяйство, таможенное оформление и платёжные системы, а развитие платформенных экосистем, в свою очередь, стимулирует развитие сопутствующих отраслей и сервисных систем. На основе этих выводов предложены четыре способа привлечения инвестиций: управление ожиданиями, институциональная коэволюция, кластеризация экосистем и пространственная дифференциация. Таким образом, исследование освещает механизмы влияния цифровой торговли на инвестиционные процессы и расширяет наше понимание трансформаций в китайско-российском экономическом сотрудничестве в приграничных регионах.

Ключевые слова: трансграничная электронная коммерция, цифровая торговля, китайско-российские приграничные регионы, инвестиционная привлекательность, китайско-российское экономическое сотрудничество, региональная экономика

Благодарность: *Настоящее исследование является промежуточным результатом инновационного проекта «Механизмы и практика управления многосторонним и региональным сотрудничеством в Евразии: взгляд с позиции регионализма и регионального управления», который реализуется в Институте исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (номер проекта: 2024EOYB03).*

Для цитирования: Юй, Ц. (2026). Трансграничная онлайн-торговля как фактор привлечения инвестиций в приграничных регионах России и Китая. *Экономика региона, 22*(3), 567–578. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-7

Introduction

The global economy is undergoing a profound digital transformation, fueled by rapid advances in technologies such as artificial intelligence (AI), big data, and cloud computing (Bai et al., 2021). Not only have these technologies profoundly reshaped the underlying logic of production, consumption, and exchange but they have also triggered structural changes in trade and investment patterns on a global scale. Against this backdrop, China and Russia are transforming their bilateral economic and trade cooperation — a transformation driven by their shared strategic interests in digital governance, technological sovereignty, and the modernization of digital infrastructure (Song, 2023).

In terms of the overall scale of bilateral trade, China-Russia economic and trade relations, after years of growth, experienced a phased decline in 2025. According to statistics from the General Administration of Customs of China, the total value of bilateral trade between China and Russia in 2025 was USD 228.105 billion, a year-on-year decrease of approximately 6.9 %, marking the first downward turn in nearly five years. This change reflects, to a certain extent, the impact of energy price fluctuations, demand structure adjustments, and external environmental uncertainties on traditional goods trade. However, in sharp contrast, cross-border e-commerce has demonstrated strong growth momentum. Market research by the Russian business daily Kommersant indicates that in 2025, the number of cross-border e-commerce orders in Russia surged by 33 % year-on-year, with the transaction scale growing by 20–30 %. Notably, goods from China accounted for over 90 % of the total order volume, occupying an absolute dominant position. China has become the most popular source of cross-border consumption for Russian consumers in 2025[1].

The coexistence of an overall slowdown in trade and counter-trend growth in cross-border e-commerce presents an important and underexplored research puzzle. Research on China-Russia cross-border e-commerce have mainly focused on areas such as trade structure optimization, logistics system

[1] Kommersant. (2026, February 3). Cross-Border Trade Market Grew by 20–30 % in 2025. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8398878 (Date of access: 25.08.2026).

development, and the supporting role of the policy environment (Li, 2024). Relatively little attention, however, has been paid to how the development of cross-border e-commerce shapes investment expectations and promotes the concentration of capital and other economic factors in border regions.

With the growing integration of digital technologies, cross-border e-commerce has also evolved beyond the simple exchange of goods. It is increasingly becoming an important force in shaping the business environment and development prospects of border regions. Through mechanisms such as digital platforms, new forms of content production, innovations in payment systems, and the restructuring of logistics networks, cross-border e-commerce can create new opportunities for investment and regional development. While existing research often emphasizes macro-level institutional arrangements, such as bilateral investment treaties, or focuses on differences between firms, the continued flow of capital into the broader e-commerce ecosystem suggests a different investment dynamic. In particular, investment is increasingly being driven by market demand and technological development rather than solely by traditional government-led investment promotion.

To address this gap, this paper examines the new characteristics of investment associated with cross-border e-commerce in the digital economy and explores the mechanisms through which it enhances the investment attractiveness of border regions. Specifically, this paper seeks to answer the following core questions:

Question 1: Why has cross-border e-commerce continued to expand despite the overall decline in bilateral trade, and how has this expansion contributed to capital formation in China-Russia border regions?

Question 2: What are the mechanisms and pathways through which cross-border e-commerce drives investment in China-Russia border regions?

Question 3: How can China-Russia border regions leverage the growth of digital trade to strengthen their long-term investment attractiveness?

Literature Review

This chapter reviews academic literature on cross-border investment, regional investment conditions and China–Russia economic cooperation in order to clarify the theoretical background of this paper. It examines cross-border e-commerce not only as a trade channel but also as a potential force shaping market expectations, service demand, and investment conditions in border regions. The chapter therefore situates China–Russia border investment within broader research on institutional conditions, regional investment attractiveness, and digital trade-related service networks.

Regional Determinants of Cross-Border Investment

Research on cross-border investment has explained capital movement from several perspectives, including institutional conditions, market access, regional investment attractiveness, resource endowments, infrastructure capacity, firm strategies and international production advantages. Institutional arrangements remain an important part of this discussion, especially in transition economies and border regions where uncertainty, policy coordination and transaction costs strongly affect investors' decisions (North, 1990; Peng, 2003; Peng et al., 2008). Studies on bilateral investment treaties suggest that formal agreements may influence foreign direct investment (FDI) by reducing uncertainty and improving the credibility of the investment environment (Neumayer & Spess, 2005).

Other strands of the literature emphasize market and location-related factors. Research on international production and regional investment highlights market size, resource complementarity, industrial structure, and location advantages as important determinants of FDI flows. More recent research on China–Russia investment indicates that bilateral investment remains unevenly distributed across regions and sectors, with capital allocation shaped by both macro-level bilateral cooperation and local economic conditions (Doytch & Tochkov, 2025).

In the China–Russia context, studies have largely emphasized state coordination, major projects, and strategic cooperation. Research on bilateral economic and trade relations highlights the role of policy coordination, energy cooperation, infrastructure connectivity, and regional cooperation platforms in shaping the framework for investment and trade (Guo, 2020). Studies of China–Russia scientific and technological cooperation similarly emphasize innovation, industrial upgrading, and technology transfer as increasingly important components of bilateral economic relations (Gao, 2021). While this literature provides important insights into the institutional and strategic foundations of bilateral cooperation, it pays less attention to how digital trade enables smaller market actors, platform firms, and service providers to enter and develop in border regions.

Regional economic research provides another important perspective. In border and transition regions, investment attraction depends not only on national-level agreements but also on local conditions such as transport accessibility, infrastructure, administrative support, investment risks, and the availability of industrial space. Studies of the Russian Far East show that investment attraction is closely linked to territorial investment potential, the risks faced by local firms, and the quality of the business environment (Yakimova & Khmura, 2022). Research on regional investment growth further

suggests that investment in one sector can generate demand in related sectors (Myakshin et al., 2024). This is particularly relevant to cross-border e-commerce, as online transactions often create demand for warehousing, transportation, customs clearance, payment services, digital marketing, platform operations, and after-sales services.

Research on the attractiveness of Russian regions to Chinese investors similarly highlights the importance of transport infrastructure, industrial diversification, export potential, market size, cluster policies, and economic corridors (Yakimova et al., 2025). These factors are especially relevant to cross-border e-commerce, where the availability of reliable logistics, business services, and suitable industrial space can determine whether online trade develops into longer-term local investment. Such conditions may be particularly important for small and medium-sized enterprises, which are often more sensitive to logistics costs, market information, and local service availability than large-scale projects.

Taken together, these studies help explain the institutional and regional conditions of investment cooperation in Sino-Russian border regions. They show that investment is shaped by macro-level coordination, regional conditions and firm-level calculations at the same time. Yet much of this literature was developed with reference to traditional trade, energy cooperation, infrastructure construction or industrial parks. It pays less attention to newer forms of investment connected with cross-border e-commerce, such as overseas warehouses, livestreaming bases, digital marketing agencies, platform operation services and payment-related infrastructure. This paper therefore builds on investment and regional economic studies and examines how digital trade activities change market expectations, strengthen sectoral linkages and create new investment demand in Sino-Russian border regions.

A New Paradigm: Digital Technology and the "Trade-Induced Investment" Mechanism

Recent research suggests that digitalization is reshaping global production networks and the organization of cross-border economic activity (Baldwin, 2016). This literature has gradually moved beyond viewing digitalization as a means of improving transaction channels and increasingly examines how it changes the allocation of economic factors. Two perspectives are particularly relevant to the development of a new framework for understanding investment.

First, digitalization can reduce transaction costs. Traditional cross-border investment is often constrained by information, coordination, and contract enforcement costs (Coase, 1937). Digital platforms can lower these barriers by improving access to market information, facilitating transactions, and providing new forms of credit and reputation assessment (Wu, 2024). Algorithmic recommendation and digital credit systems can therefore reduce some of the costs associated with entering foreign markets, making cross-border activity more accessible to small and medium-sized enterprises (Fu, 2017; Arbour et al., 2025; Gawer, 2022).

Second, digitalization is expanding the meaning of trade infrastructure. Traditional border trade depends heavily on physical connectivity, including transport networks, warehouses, and customs facilities. Increasingly, however, logistics tracking systems, cross-border payment networks, and digital information channels have become essential components of cross-border trade. These forms of "soft connectivity" can reduce the constraints imposed by geographical distance while creating demand for new logistics, financial, digital, and business services (Tan, 2020; Wang & Yang, 2024). As these services develop, they can in turn attract investment and encourage the concentration of related activities in border regions.

Overall, the reviewed literature provides important insights into the operational, market, and policy dimensions of cross-border e-commerce. However, most studies continue to treat e-commerce primarily as a channel for facilitating trade rather than as a potential driver of investment. This study argues that cross-border e-commerce can also function as a mechanism of factor allocation and investment generation. By reducing transaction costs, creating demand for new infrastructure and services, and developing new forms of digital credit and market coordination, cross-border e-commerce can generate investment through the expansion of trade itself. This process can be referred to as "Trade-Induced Investment": a market- and technology-driven mechanism through which the growth of digital trade creates new investment demand and reshapes the investment environment of border regions.

Analytical Framework: Cross-Border E-Commerce and Investment Responses in Border Regions

The central question of this paper is why cross-border e-commerce can generate new investment demand in China–Russia border regions beyond traditional large-scale projects and intergovernmental cooperation. Rather than treating e-commerce simply as a trade channel, this study examines how online demand, platform operations, logistics, and related services shape firms' perceptions of market opportunities, operating costs, and investment risks, and how these changes affect investment and industrial organization in border cities (see Table 1).

The platform economy provides an important starting point for explaining how cross-border e-commerce generates investment in border re-

Table 1

Analytical Dimensions of Border Investment Promotion in Sino-Russian Border Regions

Dimension	Traditional Government-led Investment Paradigm	Cross-Border E-Commerce-Related Investment Logic
Driving Force	Policies, Agreements, Government Planning	Market Demand, Commercial Profit, Technological Iteration
Core Logic	Top-Down	Bottom-Up
Investment Subject	Large MNCs, State-owned Enterprises	SMEs, Platform Enterprises, Venture Capital Funds
Investment Field	Energy, Heavy Industry, Large Infrastructure	Logistics & Warehousing, Digital Services, R&D, Marketing Networks
Investment Characteristics	Large scale, Long cycle, Asset-heavy	Flexible scale, Short cycle, Heavy & Light combined
Government Role	Direct Investor, Rule Maker	Ecosystem Cultivator-Service Provider

Source: Compiled by the author.

gions. By organizing market relations through data, digital rules, and service interfaces, platforms create new forms of local demand. Growing demand among Russian consumers for Chinese goods, for example, requires supporting systems for logistics, payment, customs clearance, and after-sales services. As transaction volumes increase, firms have greater incentives to locate near transport infrastructure and related service providers. Cross-border e-commerce therefore generates investment demand beyond the transaction itself, extending to warehousing, customs clearance, logistics, platform operations, marketing, payment, and customer services.

This dynamic is closely related to the concept of agglomeration economies in regional economics. Agglomeration research emphasizes that the spatial concentration of firms and related services can reduce costs and improve efficiency through shared infrastructure, better resource matching, and knowledge spillovers (Duranton & Puga, 2004). Research on regional investment similarly suggests that investment growth rarely occurs in isolation; instead, new investment can generate further opportunities through sectoral linkages and demand for related services (Myakshin et al., 2024). In China-Russia border regions, increasing order volumes and related service demand can therefore encourage the concentration of warehousing, customs clearance, platform operations, digital marketing, Russian-language customer service, payment settlement, and after-sales support in cities with established port functions and service capacity.

Thus, the analysis focuses on three mechanisms. First, digital platforms and data reshape consumption and create demand for services such as product presentation, content production, localization, and after-sales support. Second, the need for efficient fulfilment encourages investment in logistics, warehousing, customs clearance, payment, and settlement services. Third, platform ecosystems connect merchants, logistics providers, service firms, and consumers, creating conditions for the agglomeration of platform operations, supply-chain management, data services, and other localized support activities.

The paper therefore seeks to show that, in the era of digital intelligence, Sino-Russian border regions are increasingly becoming regional nodes that receive cross-border orders, organize fulfilment services and attract related investment, rather than functioning only as traditional port and transit spaces. Governmental actors provide institutional and infrastructural conditions through port construction, customs facilitation, comprehensive bonded zones and free trade zones. Platform firms and other market actors, in turn, activate specific investment demand through order flows, data flows and service flows. Within this analytical framework, the following sections examine how cross-border e-commerce affects the forms and spatial distribution of investment in Sino-Russian border regions (see Figure 1).

Methods and Data

To address three questions — why cross-border e-commerce has continued to grow amid broader trade fluctuations, how it affects investment in border regions, and why its effects differ across border cities — this study adopts an exploratory multiple-case study design (Yin, 2014). A multiple-case approach enables comparison across different regional and platform contexts, helping identify both common mechanisms and locally differentiated outcomes.

The analysis focuses on investment-related infrastructure and services associated with cross-border e-commerce, including border ports, bonded and free-trade zones, e-commerce parks, logistics and warehousing, platform operations, digital marketing, payment and settlement, and after-sales services. Cases were selected according to four criteria: (1) a direct connection to China-Russia cross-border e-commerce; (2) observable investment or investment-related activity; (3) relevance to the three mechanisms examined in this study — consumption reorganization, fulfilment and rule adjustment, and platform ecosystem development; and (4) the availability of publicly accessible and verifiable evidence. Based on these criteria, Hunchun, Heihe, Suifenhe, and Manzhouli were selected as the main regional cases because they represent different functions within China-Russia cross-border e-com-

merce, including logistics and bonded-zone services, free-trade-zone and industrial-park development, livestreaming and Russian-language marketing, and transit infrastructure. Platform firms, logistics companies, and cross-border service providers are examined as supplementary cases.

The study draws on three main types of evidence: official statistics and policy documents; industry and research reports; and company, local-government, and authoritative media materials. These sources are triangulated to trace the relationship between online transactions, consumer demand, infrastructure development, and investment-related services. The empirical materials cover 2024–2026, with 2025 as the main observation year, and include China-Russia trade statistics from the General Administration of Customs of China, policy and local-government materials on free-trade zones, bonded zones, e-commerce parks and port development, and industry and company materials from sources such as Data Insight, EBRUN, McKinsey, Kommersant, and relevant e-commerce platforms. Media reports are cross-checked against official and corporate sources where possible. Trade volumes, transaction figures, and order growth provide empirical context rather than the basis for statistical inference.

The analysis combines thematic coding with cross-case comparison. First, investment-related activities and carriers are identified, including logistics facilities, bonded warehousing, e-commerce parks, livestreaming bases, platform operations, payment and settlement, customs clearance, and after-sales services. These materials are then organized around three mechanisms: consumption reorganization, fulfilment and rule adjustment, and platform ecosystem development. Cross-case comparison is used to examine differences in investment carriers, regional functions, and the operation of these mechanisms.

The analytical framework follows a three-stage logic: empirical phenomenon, mechanism, and spatial outcome. The empirical starting point is the coexistence of fluctuations in conventional China-Russia trade and continued growth in cross-border e-commerce. The analysis then examines how digital platforms reorganize consumption, upgrade fulfilment and governance arrangements, and coordinate firms and services through platform ecosystems. Finally, it traces how these mechanisms translate into investment in infrastructure, logistics, marketing, payment, and platform-related services, and why their effects differ across border cities.

This approach is designed to explain how and why cross-border e-commerce generates investment rather than to estimate causal effect sizes. The evidence therefore supports a mechanism-based qualitative analysis rather than econometric or time-series inference.

Sino-Russian Border Regions and their Characteristics in the Digital Trade Context

The Sino-Russian border regions examined in this study are understood not simply as geographical boundaries or traditional port areas, but as economic spaces increasingly shaped by cross-border e-commerce, platform-based transactions, logistics networks, and related services. From an investment perspective, their relevance lies in how digital trade is changing market demand, infrastructure requirements, and the organization of supporting services.

First, cross-border e-commerce makes consumer demand more visible and measurable. Traditional border trade often relied on merchants' experience, offline customer flows, and personal networks. By contrast, online searches, platform transactions, livestreaming, user reviews, and order data provide more direct information about Russian consumers'

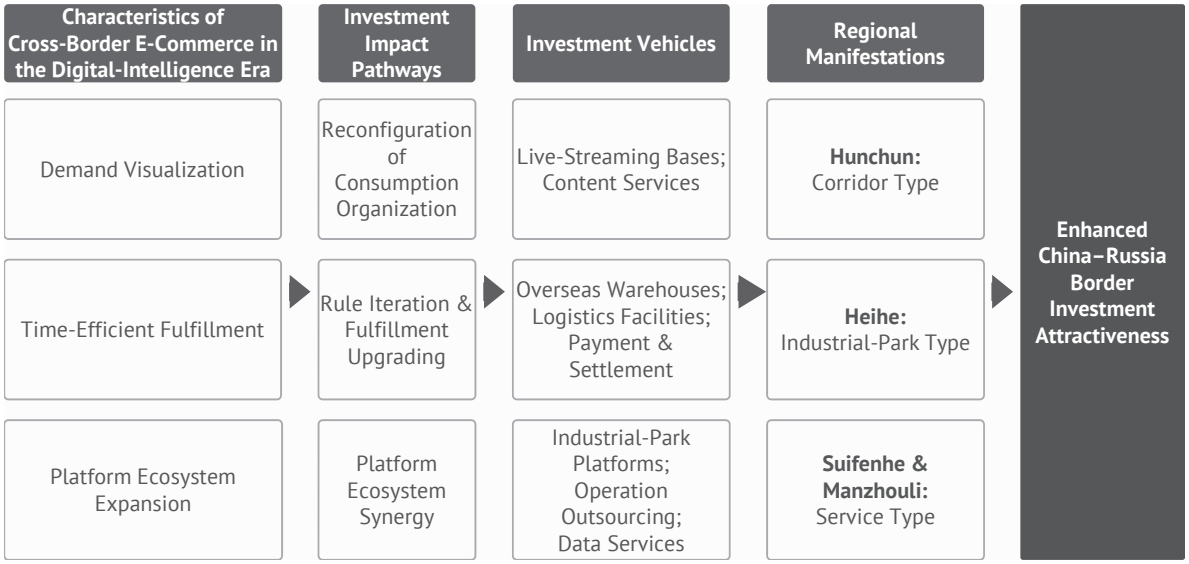

Fig. 1. The Three-Dimensional Mechanism of Cross-Border E-Commerce Driving Investment in Sino-Russian Border Regions. Source: Compiled by the author.

demand for Chinese goods. This visibility can generate investment in product promotion, Russian-language customer services, content production, digital marketing, and after-sales support.

Second, the higher fulfilment requirements of online trade increase the importance of infrastructure and service capacity. Delivery times, customs clearance, warehousing, distribution, parcel tracking, and secure payment require more than geographical proximity to a border crossing. They also depend on bonded and free-trade facilities, e-commerce supervision systems, logistics networks, and supporting services. Border regions therefore increasingly function not only as points of goods transfer but also as nodes for order processing, warehousing, distribution, customs services, and after-sales support.

Third, platform ecosystems connect these activities and create more integrated service networks. Platform firms, logistics providers, MCN agencies, e-commerce service companies, payment institutions, and industrial parks increasingly operate within interconnected systems. As a result, investment extends beyond traditional infrastructure and trading facilities to areas such as livestreaming, platform operations, data services, supply-chain management, cross-border payments, and after-sales services.

Finally, these regions do not constitute a homogeneous investment space. Different border cities provide different combinations of logistics, institutional, industrial, and service advantages, shaping the types of investment they can attract. Cross-border e-commerce therefore interacts with local conditions rather than producing uniform outcomes, helping explain the differentiated investment patterns observed across the China-Russia border.

Results

This chapter addresses two questions: how cross-border e-commerce affects investment entry into border regions and why its effects vary across border cities. The study finds that cross-border e-commerce does not simply promote investment by expanding trade but shapes the direction, form, and threshold of investment entry by restructuring consumption, trading rules, and platform ecosystems through digital technologies. Accordingly, the paper examines three mechanisms through which cross-border e-commerce induces investment: technological empowerment, governance innovation, and platform ecology (see Table 2).

Technological Empowerment

One of the important drivers of cross-border e-commerce for investment in the China-Russia border is its use of digital technology to continuously create new consumption scenarios and models, thereby greatly stimulating market demand. Among them, new consumption models represented by live streaming e-commerce and content e-commerce are becoming important growth points for China-Russia cross-border trade. This concentrated explosion of demand on the consumer side does not merely stay at the trade flow level but rapidly transmits upstream along the industrial chain, driving the physical investment of the front-end marketing system and forming a «Space-Content-Technology» trinity of investment agglomeration effects.

Live streaming e-commerce constructs an immersive shopping experience, stimulating explosive consumption growth. Through real-time interaction, scenario-based presentation, and instant feedback, it shortens the consumer decision-making process and concentrates demand over a short period. This close integration of content, interaction, and transactions increases conversion and user engagement, particularly in cross-border markets (Zhang et al., 2023; Yee et al., 2025). The concentration of consumption demand, in turn, generates investment needs across multiple aspects of the live-streaming ecosystem, including physical infrastructure, content production, and technological support. These investment responses can be observed at three interconnected levels:

1. Physical Space Level: To accommodate the growing volume of live-streaming activity, investment is increasingly directed toward specialized infrastructure. In Suifenhe, for example, the local government has repurposed vacant commercial properties to develop dedicated facilities such as the Empire of Ross Cross-Border E-commerce Live Streaming Base. These facilities provide standardized live-streaming studios, product-selection centres, and operational support for Chinese- and Russian-

Table 2

Mechanisms Linking Cross-Border E-Commerce and Investment

Mechanism	Core Innovation	Investment Fields	Typical Cases
Technological Empowerment	Live commerce, AI recommendation, Content e-commerce	Front-end marketing, Live bases, MCNs, AI technology	Local live streaming in Russia, Suifenhe Live Base
Governance Innovation	Instant delivery, Platform-managed model, Mobile payment	Overseas warehouses, Smart logistics, Industrial parks, Fintech	JD-Ozon cooperation, Temu platform-managed model, Hunchun Cainiao Hub
Platform Ecology	Data-driven supply chain, Algorithmic matching	Agency operation, Data analysis, Supply chain finance, Training	Temu sales forecast, Heihe E-commerce Park

Source: Compiled by the author.

speaking hosts, transforming previously dispersed activities into more integrated industrial clusters[1].

2. Content Production Level: The improvement of hardware facilities has further promoted the injection of «soft capital» represented by Multi-Channel Network (MCN) agencies. A large number of professional cultural media agencies have begun to gather at the China-Russia border, making continuous investments around the localized needs of the Russian market, including cultivating anchors proficient in Russian and producing short video content that conforms to Russian cultural aesthetics. This investment in human capital and intellectual property is essentially a manifestation of the transformation of cross-border trade from «commodity export» to «cultural service export»[2] .

3. Technical Support Level: To overcome language barriers in real-time interactions, investment in targeted AI technologies has become an important area of growth. Companies such as iFlytek have increased R&D investment in Chinese-Russian real-time translation algorithms and devices, which are increasingly used in cross-border live streaming. Such technology-driven investment not only improves communication efficiency but also strengthens the border region's position as a hub for digital trade technology[3].

Algorithmic recommendation mechanisms have changed the trading logic. The algorithmic recommendation mechanism of cross-border e-commerce platforms has changed the traditional «People Finding Goods» trading logic, enabling SMEs to participate in cross-border transactions without brand accumulation and market experience. Through the analysis and matching of user behaviour data, the platform achieves a precise connection between goods and potential consumers, reducing market entry costs. Existing research indicates that algorithm-driven precise distribution not only improves transaction success rates but also creates investment demand for related service industries such as data analysis, content operations, and user research.

In addition, cross-border live streaming and content e-commerce have promoted the two-way flow of goods between China and Russia[4]. On the one hand, Chinese goods enter the Russian market through live streaming; on the other hand, Russian specialty products also enter the vision of Chinese consumers through platform channels. This two-way flow of content and goods not only expands the trade structure but also promotes investment activities surrounding brand building, localized marketing, and cultural interpretation, providing conditions for long-term brand investment and deeper market engagement.

Governance Innovation

If the change in consumption organization solves the problem of «what to sell and who to sell to,» then the innovation of governance models directly relates to «how to deliver» and «how to settle,» thereby spawning continuous investment demand in basic fields such as logistics and payments.

At the logistics level, the pursuit of higher fulfilment efficiency has created demand for infrastructure and service investment. In cross-border e-commerce, delivery time, warehousing capacity, customs clearance and last-mile distribution increasingly shape consumers' purchasing experience. As Chinese platform-based logistics models have raised expectations for fast fulfilment, similar pressures are gradually entering the China–Russia cross-border e-commerce context. This has encouraged firms and local governments to invest in overseas warehouses, smart warehousing facilities and cross-border e-commerce industrial parks. There is also evidence that overseas warehouse layout has become an important factor in improving the competitiveness of cross-border e-commerce (Fan et al., 2025). Industry reports on the Russian e-commerce market further suggest that local fulfilment and warehouse capacity are becoming more important for platform competition[5]. Meanwhile, border cities are using cross-border e-commerce industrial parks to integrate logistics, warehousing, customs declaration and processing services (Shi, 2025). For example, the Heihe Pilot Free Trade Zone arranged 20 key projects including cross-border e-commerce in 2025, with an annual investment of 890 million yuan, making industrial parks and bonded logistics centres important carriers of logistics-related investment[6].

At the platform-operation level, platform-led models have lowered the barriers for SMEs to en-

[1] Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies. (2025, November). Suifenhe Double 11 Shopping Carnival: A New Hotspot for China-Russia Cross-Border Consumption. URL: https://www.suifenhe.gov.cn/sfh/c100958/202511/c03_1025434.shtml (Date of access: 25.03.2026).

[2] Baijiahao. (2025, December 5). Promoting the Integration of Domestic and Foreign Trade to Build a New Pattern of Cross-Border Development. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1850616408924034743&wfr=spider&for=pc (Date of access: 25.03.2026).

[3] Economic Observer. (2026, January 20). iFLYTEK: Core Technological Breakthroughs of iFLYTEK SparkDesk X1.5 Lead the Large-Scale Industrial Empowerment of AI. URL: https://www.eeo.com.cn/2026/0120/780938.shtml (Date of access: 25.03.2026).

[4] Baijiahao. (2025, December 5). Promoting the Integration of Domestic and Foreign Trade to Build a New Pattern of Cross-Border Development. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1850616408924034743&wfr=spider&for=pc (Date of access: 25.03.2026).

[5] EBRUN. (2025, October 24). E-commerce scale surges by 37 %, Russian market cannot be underestimated. URL: https://www.ebrun.com/20251024/613826.shtml (Date of access: 25.03.2026).

[6] China (Heilongjiang) Pilot Free Trade Zone Heihe Area Administrative Committee. (2025, September 26). Build a Highland for Opening up to the North and Contribute More «Heihe Experience» [打造向北开放高地 贡献更多 "黑河经验"]. URL: https://ftz.heihe.gov.cn/ftz/c100356/202509/c11_339715.shtml(Date of access: 01.03.2026).

ter foreign markets. The platform-managed model, exemplified by Temu, integrates key functions such as operations, traffic allocation, logistics, and after-sales services, allowing merchants to focus primarily on production and supply[1]. By reducing the operational burden on smaller firms, this model enables businesses with limited cross-border capabilities to enter the Russian market and generates demand for supporting services, including agency operations, training, and financial, tax, and legal consulting. Platform operation therefore not only facilitates trade expansion but also creates new investment opportunities around the growing population of cross-border sellers.

At the payment level, convenient cross-border payment systems improve the financial infrastructure of digital trade. Mobile payment tools and digital clearing mechanisms reduce transaction costs, exchange-rate risks and settlement uncertainty, thereby improving capital turnover efficiency (Ozili, 2018). The coordination of logistics and payment systems has become an important condition for the overall efficiency of China–Russia cross-border e-commerce, while it also attracts investment into fintech and payment-related services.

Platform Ecology

The core of competition in cross-border e-commerce lies in the collaborative development of the China-Russia platform ecosystem. E-commerce platforms in both countries, including leading Russian platforms and Chinese cross-border platforms, have moved beyond simple transaction-matching functions to develop into broader platform-based ecosystems (Kenney & Zysman, 2016; Acs et al., 2021). Through data sharing, standards alignment, and collaborative governance, these platforms support the formation of integrated industrial ecosystems that combine Chinese and Russian resources in border regions, thereby attracting investment across multiple stages of the value chain.

Digital supply chain coordination improves operational efficiency. By drawing on bilateral transaction data and user behaviour profiles, China-Russia e-commerce platforms can forecast demand for Chinese light industrial and electronic products in Russia, as well as for Russian agricultural and processed energy products in China. This information helps firms in both countries improve production planning, inventory management, and cross-border logistics. By reducing inventory backlogs and supply-demand mismatches, digital supply chain management also creates demand for supporting services such as supply chain finance, cross-border data consulting, and bilateral market analysis. For example, cooperation between JD.com and Russia's Ozon uses sales data and logistics planning to help Chinese manufacturers manage inventory more effectively and connect Russian products with Chinese consumers, thereby encouraging investment in warehousing, distribution, and cross-border settlement services in border regions[2].

Algorithmic governance and cross-border credit systems reduce transaction costs. Platforms use algorithmic models to match Chinese and Russian products with consumers and dynamically assess merchants, while multidimensional credit mechanisms, including bilingual user reviews and cross-border fulfilment guarantees, help reduce information asymmetry and trust barriers. This form of algorithmic governance complements traditional regulatory mechanisms by lowering information and trust costs in cross-border transactions (Arbour et al., 2025). As transaction risks decline, more Chinese and Russian SMEs are encouraged to participate in cross-border e-commerce, generating investment demand for agency operations, platform services, and cross-border compliance consulting.

Finally, platform ecosystem spillovers promote diversified investment in border regions. Cross-border e-commerce platforms can channel capital toward specific links in the industrial chain according to the factor endowments of different border cities, contributing to differentiated industrial agglomeration. For example, Hunchun, drawing on its geographical position as a cross-border transport corridor, has become increasingly integrated into e-commerce logistics networks, attracting investment in transit warehousing and trunk transportation. Heihe, supported by institutional innovation within the Free Trade Zone, has facilitated the development of platform regional centres, industrial parks, and processing and manufacturing bases. Suifenhe and Manzhouli have attracted service-oriented investment, including MCN agencies, bilingual live-streaming teams, and e-commerce operation providers, supported by their active border trade markets. These cases demonstrate that the platform ecosystem is not simply replicated across border cities; rather, it interacts with local resources and institutional conditions to reshape the spatial distribution of investment along the China-Russia border.

Discussion

The findings suggest that digitalization is reshaping the investment logic of China-Russia border regions. Traditional investment based on government agreements, institutional arrangements, and large-scale projects remains important, but it is increasing-

[1] Tech Buzz China Insider. (2023, June 23). Temu: From $0 to $3 Billion in 10 Months. URL: https://techbuzzchina.substack.com/p/temu-from-0-to-3-billion-in-10-months (Date of access: 25.03.2026).

[2] Tech Buzz China Insider. (2023, June 23). Temu: From $0 to $3 Billion in 10 Months. URL: https://techbuzzchina.substack.com/p/temu-from-0-to-3-billion-in-10-months (Date of access: 25.03.2026).

ly complemented by market-driven mechanisms generated through cross-border e-commerce. Through continuous and high-frequency transactions, digital platforms provide real-time market signals, shape investor expectations, and influence the allocation of capital across logistics, warehousing, marketing, and other services. This helps explain how traditional trade can experience short-term fluctuations while digital trade continues to expand, and suggests a shift toward a dual-driven model of investment: government-supported digital foundations combined with platform-led market activity.

A key implication is that digital infrastructure has become an increasingly important factor of production. Beyond conventional infrastructure such as roads, railways, and ports, algorithms, digital payment systems, data analytics, cloud computing, and communication networks reduce information asymmetry and transaction costs while enabling more efficient supply-chain coordination. The high frequency of e-commerce transactions also generates continuous market information, which allows firms to learn about consumer demand, logistics performance, and business practices through ongoing interaction. This "learning by doing" can reduce uncertainty and build trust, making e-commerce activity itself a source of investment confidence. In this sense, stable digital transaction flows can provide a market-based foundation for subsequent investment in physical infrastructure and business services.

The findings also highlight the co-evolution of digital trade and cross-border institutions. Rather than relying exclusively on top-down agreements, the development of digital trade encourages gradual adaptation of rules and practices in areas such as customs clearance, data compliance, payment settlement, and after-sales services. Platform rules, local policy experiments, and market practices can therefore contribute to the development of workable cross-border standards. This suggests that future China-Russia investment cooperation should combine formal institutional arrangements with greater flexibility for local and platform-level experimentation, particularly in areas where digital technologies are changing existing business practices.

Finally, the platform ecosystem contributes to more differentiated forms of investment across border cities. Cross-border e-commerce extends investment beyond traditional transport and logistics into warehousing, settlement, digital marketing, MCN services, processing, and after-sales support, creating more integrated industrial ecosystems. However, these effects vary according to local resources and institutional conditions. Hunchun's transport and geographical advantages favour logistics-oriented investment, while Heihe's institutional advantages support platform services and processing activities. Suifenhe and other established trading centres are better positioned to attract market-oriented services such as live-streaming and e-commerce operations. Rather than pursuing uniform development, China-Russia border cities could therefore benefit from a more differentiated division of labour based on their respective comparative advantages. Such an approach would strengthen complementarities among border cities and improve the overall efficiency and investment capacity of the China-Russia border economic region.

Conclusion

Against the broader background of deepening China-Russia economic and trade relations and the growing role of digital technologies, this paper uses a multi-case study approach to examine how cross-border e-commerce affects investment in China-Russia border regions. The findings can be summarized in three main points:

First, cross-border e-commerce has become an important channel for attracting investment to China-Russia border regions. Despite a decline in overall China-Russia trade in 2025, cross-border e-commerce has maintained strong growth through high-frequency transactions, platform-based organization, and digital technologies. Its role extends beyond expanding trade volumes: by generating sustained demand for warehousing, logistics, marketing, and related services, it creates new investment opportunities and supports capital formation. This suggests that, in the digital economy, investment can be driven not only by macro-level policies and government-led projects but also by market-based demand generated through ongoing digital trade activities.

Second, platform-based mechanisms reduce transaction costs and create new investment opportunities. Algorithmic governance and cross-border credit systems help platforms match products and consumers, assess merchants, and reduce information asymmetry and trust barriers through tools such as bilingual reviews and fulfilment guarantees. By lowering information and transaction costs, these mechanisms facilitate greater participation by Chinese and Russian SMEs and generate investment demand for platform services, agency operations, and cross-border compliance. At the same time, the broader platform ecosystem connects firms, consumers, logistics providers, and service suppliers, allowing investment to flow into different segments of the industrial chain.

Third, the effects of cross-border e-commerce on investment are spatially differentiated. Platform ecosystems interact with the distinct resources, institutional conditions, and market characteristics of individual border cities, producing different forms of investment agglomeration. Hunchun, for example, has attracted investment in transit warehousing and trunk transportation through its role as a cross-border logistics corridor. Heihe has facilitated platform regional centres, industrial parks, and

processing bases through Free Trade Zone policies. Suifenhe and Manzhouli, meanwhile, have attracted service-oriented investment in MCN agencies, bilingual live-streaming teams, and e-commerce operation services. These cases demonstrate that cross-border e-commerce does not generate a uniform pattern of investment across border regions. Rather, its interaction with local conditions reshapes the spatial distribution and sectoral composition of investment along the China-Russia border.

Despite the systematic analysis it offers, this study has several limitations. The main limitation concerns data availability: due to the lack of enterprise-level and platform operational data, the study relies primarily on public sources, case materials, and statistical information, which limits its ability to quantitatively assess the strength and marginal effects of the identified mechanisms. In addition, the analysis focuses more on the role of Chinese cross-border e-commerce platforms and enterprises, while the influence of Russian platforms and digital trade policies on investment in the Chinese border regions receives less attention.

These limitations also suggest directions for further research. As cross-border data become more accessible, future studies could combine case-based analysis with enterprise- or regional-level quantitative methods to provide stronger empirical evidence. A more balanced examination of Chinese and Russian platforms, policies, and institutional changes would also help clarify the two-way interaction between digital trade and investment. Finally, continued observation of evolving platform models, technologies, and regulations would provide a better understanding of how the relationship between cross-border e-commerce and investment changes over time.

References

Acs, Z. J., Song, A. K., Szerb, L., Audretsch, D. B., & Komlosi, E. (2021). The Evolution of the Global Digital Platform Economy: 1971–2021. *Small Business Economics, 57,* 1629–1659. https://doi.org/10.1007/s11187-021-00561-x

Arbour, P., Bharadwaj, A., Figures, T., Gilbert, M., Lang, N., Mavropoulos, G., McAdoo, M., & Rodríguez-Chiffelle, C. (2025). *Great Powers, Geopolitics, and the Future of Trade,* Boston: Boston Consulting Group, 15. https://www.bcg.com/publications/2025/great-powers-geopolitics-global-trade (Date of access: 25.03.2026).

Bai, Y., Song, S., Jiao, J., & Yang, R. (2019). The Impacts of Government R&D Subsidies on Green Innovation: Evidence from Chinese Energy-Intensive Firms. *Journal of Cleaner Production, 233,* 819–829. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.06.107

Baldwin, R. E. (2016). *The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization.* Cambridge: Harvard University Press, 344.

Coase, R. H. (1937). The Nature of the Firm. *Economica, 4* (16), 386–405. https://doi.org/10.2307/2626876

Doytch, N., & Tochkov, K. (2025). Uneven Partners: The Regional Dynamics of FDI Flows between China and Russia. *Asia and the Global Economy, 5* (2), 100124. https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2025.100124

Duranton, G., & Puga, D. (2004). Micro-Foundations of Urban Agglomeration Economies. In J. V. Henderson & J. F. Thisse (Eds.), *Handbook of Regional and Urban Economics: Cities and Geography* (Vol. 4, pp. 2063–2117). Elsevier. https://doi.org/10.1016/S1574-0080(04)80005-1

Fu, X. (2017). *Jiyu Sumaitong de Zhong-E kuajing dianshang anli fenxi yu zhanlue xuanze [Case Analysis and Strategic Choice of Sino-Russian Cross-Border E-Commerce Based on AliExpress].* Ningbo: Ningbo Daxue [Ningbo: Ningbo University], 74. (In Chinese)

Gao, J. X. (2021). Zhong E keji chuangxin hezuo: moshi chongsu yu lujing xuanze [China–Russia Scientific and Technological Innovation Cooperation: Model Reshaping and Path Selection]. *Eluosi Dongou Zhongya Yanjiu [Russian, East European and Central Asian Studies],* (3), 97–115. (In Chinese)

Gawer, A. (2022). Digital Platforms and Ecosystems: Remarks on the Dominant Organizational Forms of the Digital Age. *Innovation: Organization & Management, 24* (1), 110–124. https://doi.org/10.1080/14479338.2021.1965888

Gereffi, G. (2018). *Global Value Chains and Development: Redefining the Contours of 21st Century Capitalism.* Cambridge: Cambridge University Press, 494.

Guo, X. Q. (2020). Zhong e jingmao hezuo: Xin jinzhan yu xin qushi [China-Russia Economic and Trade Cooperation: New Progress and New Trends]. *Eluosi Xuekan [Russian Studies],* (4), 44–66. (In Chinese)

Kenney, M., & Zysman, J. (2016). The Rise of the Platform Economy. *Issues in Science and Technology, 32* (3), 61–69.

Li, J. (2024). Kuajing dianshang yanjiu fenxi ji dui Zhong E kuajing dianshang de qishi [Analysis of Cross-Border E-Commerce and its Implications for China–Russia Cross-Border E-Commerce]. *Beifang Jingmao [Northern Economy and Trade],* (5), 29–33. (In Chinese)

Liu, X. (2024). Russia-China Digital Trade: State, Potential, Trends. *Rossiiskii Vneshneehkonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (9), 112–129. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-9-112-129 (In Russ.)

Myakshin, V. N., Petrov, V. N. & Pesiakova, T. N. (2024). Identification of Regional Sectoral Priorities Based on Key Investment Growth Points. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 20* (3), 867–883. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-3-17 (In Russ.)

Neumayer, E., & Spess, L. (2005). Do Bilateral Investment Treaties Increase Foreign Direct Investment to Developing Countries? *World Development, 33* (10), 1567–1585. https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2005.07.001

North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance.* New York: Cambridge University Press, 159. https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678

Ozili, P. K. (2018). Impact of Digital Finance on Financial Inclusion and Stability. *Borsa Istanbul Review, 18* (4), 329–340. https://doi.org/10.1016/j.bir.2017.12.003

Peng, M. W. (2003). Institutional Transitions and Strategic Choices. *The Academy of Management Review, 28* (2), 275–296. https://doi.org/10.2307/30040713

Peng, M. W., Wang, D. Y. L., & Jiang, Y. (2008). An Institution-Based View of International Business Strategy: A Focus on Emerging Economies. *Journal of International Business Studies, 39,* 920–936. https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400377

Shi, J. W. (2025). *Zhong E kuajing dianshang qiye fazhan yanjiu [Research on the Development of China–Russia Cross-Border E-Commerce Enterprises].* Changchun: Jilin Waiguoyu Daxue [Changchun: Jilin International Studies University], 68. (In Chinese)

Song, L. L. (2023). Zhong E shuzi jingji fazhan yu shuzi zimaoqu jianshe lujing fenxi [Development of China–Russia Digital Economy and the Construction Path of Digital Free Trade Zones]. *Dongbeiya jingji yanjiu [Northeast Asia Economic Research],* (3), 75–90. (In Chinese)

Tan, L. (2020). «Yi Dai Yi Lu» beijing xia Zhong E kuajing dianshang fazhan mianlin de tiaozhan yu duice [Challenges and Strategies for the Development of China-Russia Cross-Border E-Commerce under the «Belt and Road» Initiative]. *Shangye Jingji Yanjiu [Journal of Commercial Economics],* (22), 149–152. (In Chinese)

Wang, J., & Yang, X. (2024). Shuzi sichou zhilu changyi xia Eluosi kuajing dianshang pingtai fazhan yanjiu [Research on the Development of Russian Cross-Border E-Commerce Platforms under the Digital Silk Road Initiative]. *Shangye Pinglun [Business Review],* (14), 24–27. (In Chinese)

Wu, X. L. (2024). Jiyu shuzi jingji de kuajing dianshang fazhan lujing tanjiu [Research on the Development Path of Cross-Border E-Commerce Based on the Digital Economy]. *Quanguo liutong jingji [China Circulation Economy],* (24), 78–81. (In Chinese)

Yakimova, V. A. & Khmura, S. V. (2022). Determinants of Investment Attraction to Economic Growth Points of the Russian Far East. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 18* (3), 943–959. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-3-22

Yakimova, V. A., Ermakova, Z. A. & Wei, F. (2025). Factors of Russian Regions' Investment Attractiveness for Chinese Investors. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 21* (3), 817–834. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-17

Yee, L., Chui, M., Roberts, R., & Smit, S. (2025). *McKinsey Technology Trends Outlook 2025.* New York: McKinsey & Company, 108. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-top-trends-in-tech (Date of access: 25.03.2026).

Zhang, X., Ji, C. E., Zhang, H., Wei, Y., & Jin, J. (2023). On the Role of the Digital Industry in Reshaping Urban Economic Structure: The case of Hangzhou, China. *Journal of Economic Analysis,* (2(4)), 42. https://doi.org/10.58567/jea02040007

About the author

Qin Yu — PhD, Associate Research Fellow, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences; https://orcid.org/0009-0005-1239-9885 (3, Zhang Zizhong Road, Dongcheng District, Beijing, 100007, People's Republic of China; e-mail: yuqin@cass.org.cn).

Информация об авторе

Юй Цинь — доктор философии, ассоциированный научный сотрудник, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; https://orcid.org/0009-0005-1239-9885 (Китайская Народная Республика, 100007, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжан Цзычжун, д. 3; e-mail: yuqin@cass.org.cn).

Использование средств ИИ

При подготовке статьи инструмент искусственного интеллекта «Tongyi Qianwen» использовался автором исключительно для перевода текста с китайского языка на английский язык.

Use of AI tools declaration

The author used the AI tool Tongyi Qianwen solely for Chinese–English language translation.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 13.02.2026. Received: 13 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 18.05.2026. Reviewed: 18 May 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8
УДК 339.727.22, 339.727.24
JEL F1, F2, F3, F5, F6

OPEN ACCESS CC BY 4.0

М. О. Тураева [а, б], *А. А. Яковлев* [б]
[а, б] Институт экономики РАН, г. Москва, Российская Федерация
[б] МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Инвестиционная стратегия Китая: перспективы сотрудничества с Россией[1]

Аннотация. Анализ российско-китайского инвестиционного сотрудничества в настоящее время довольно затруднителен ввиду отсутствия полноты статистических данных, связанного с разным подходом к учету инвестиций в Китае, России и международных организациях, а также с закрытием российской внешнеэкономической статистики с 2022 г. В статье агрегируются и сопоставляются данные из открытых источников за период 2022–2025 гг.: статистика UNCTAD по движению ПИИ, мониторинги Евразийского банка развития, данные Национального бюро статистики КНР, таможенная статистика Китая по товарным потокам, а также информация о реализуемых инвестиционных проектах из отраслевых отчетов. Результаты показывают, что стратегия Китая по экспорту капитала, превратившая его в ключевого глобального инвестора, во многом становится ответом на современные геополитические вызовы и помогает решать внутренние проблемы китайской экономики. Между тем, уровень инвестиционного взаимодействия между Россией и Китаем отстает от близости политических и торговых связей двух стран. К началу 2025 г. объем накопленных китайских ПИИ в мире достиг 3,14 трлн долл., тогда как доля накопленных Китаем инвестиций в России после 2016 г. не достигала и 1 % общего объема запасов китайских инвестиций в странах мира (наибольшее значение этого показателя — 0,7 % — пришлось на 2022 г.). Основной масштаб этих инвестиций сосредоточен в ресурсодобывающей и перерабатывающей инфраструктуре, включая строительство совместных предприятий, в том числе в области автомобилестроения. Все более выгодными становятся совместные проекты по производству высокотехнологичной продукции для атомной энергетики. Рекомендации по решению проблем наращивания двустороннего сотрудничества касаются углубления межправительственного диалога для снижения рисков вторичных санкций, создания совместных инвестиционных фондов, развития приграничных территорий опережающего развития и упрощения визовых и административных процедур для бизнеса.

Ключевые слова: инвестиционная стратегия Китая, российско-китайское сотрудничество, инициатива «Пояс и путь», прямые иностранные инвестиции, антироссийские санкции, технологическое взаимодействие

Для цитирования: Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2026). Инвестиционная стратегия Китая: перспективы сотрудничества с Россией. *Экономика региона, 22*(3), 579–596. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8

[1] © Тураева М. О., Яковлев А. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Madina O. Turaeva [a)], *Artem A. Yakovlev* [b)]

[a, b)] Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

[b)] Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

China's Investment Strategy: Prospects for Cooperation with Russia

Abstract. Analysis of Russian-Chinese investment cooperation is constrained by incomplete statistical data, differences in investment accounting methodologies, and the closure of Russian foreign economic statistics in 2022. To address these limitations, this article consolidates and compares data from publicly available sources for 2022–2025, including UNCTAD statistics on FDI flows, Eurasian Development Bank monitoring data, data from the National Bureau of Statistics of the People's Republic of China, Chinese customs statistics on trade flows, and information on ongoing investment projects from industry reports. The findings demonstrate that China's capital export strategy, which has transformed the country into a major global investor, is driven in part by contemporary geopolitical challenges and contributes to addressing structural challenges within the Chinese economy. At the same time, the scale of investment cooperation between Russia and China remains below the level suggested by the strength of their political and trade relations. By the beginning of 2025, China's global outward FDI stock had reached $3.14 trillion. However, since 2016, Chinese investment stock in Russia has accounted for less than 1 % of China's total global investment stock, with the highest share of 0.7 % recorded in 2022. Most Chinese investments in Russia are concentrated in resource extraction and processing, infrastructure, and the establishment of joint ventures, particularly in the automotive sector. Joint projects aimed at producing high-tech products for the nuclear energy sector are also becoming increasingly promising. Recommendations for expanding bilateral investment cooperation include strengthening intergovernmental dialogue to mitigate the risks of secondary sanctions, establishing joint investment funds, developing priority development areas in border regions, and simplifying visa and administrative procedures for businesses.

Keywords: China's investment strategy, Russian-Chinese cooperation, Belt and Road Initiative, foreign direct investment, anti-Russian sanctions, technology cooperation

For citation: Turaeva, M. O., & Yakovlev, A. A. (2026). China's Investment Strategy: Prospects for Cooperation with Russia. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 579–596. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-8

Введение

По мере укрепления экономических позиций Китайской Народной Республики усилилась ее международная инвестиционная позиция: из страны-реципиента Китай превратился в одного из основных доноров прямых инвестиций (Глинкина, 2016). Современное состояние китайского «Выхода во вне» было институционально оформлено в 2013 г. с провозглашением инициативы «Пояс и путь» (ИПП) (Sarker et al., 2018). Для сотрудничества с Россией и постсоветским пространством был предложен проект по состыковке сухопутной части ИПП – Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а также более емкая концепция, включающая состыковку проектов — Большая Евразия (Zhao, 2018; Андреева и др., 2025). Резкое повышение экономического сотрудничества Китая с постсоветскими странами (Humayun, 2024), в том числе и с Россией, вызывало немало опасений, связанных как с формированием экономической зависимости от КНР, так и со снижением роли России в регионе[1]. Однако геополитические события последних лет: торговые войны Китая и США (Chen, 2024), антироссийские санкции «коллективного Запада», эскалация конфликтов в разных регионах Евразии, перестройка энерготранспортных коридоров Европы и Азии, — по мнению авторов статьи, показали, что сближение России и ее партнеров по ЕАЭС с КНР является оптимальным и чуть ли ни единственно верным вариантом ответа на те вызовы, которые стоят перед странами в условиях формирования нового миропорядка. В процессе смены глобальной системы управления задачи усиления национальных экономик и укрепления технологического суверенитета остро стоят перед большинством стран Евразии. В перспективе этим странам могут быть интересны совместные инвестиционные проекты и на территории третьих стран (например, в странах ЕАЭС), что могло бы способствовать снижению рисков, связанных со вторичными санкциями.

Авторы статьи попытались проанализировать текущее состояние и перспективные направления российско-китайского инвестиционного сотруд-

[1] Ведомости. (2015, 26 октября). Как Китай отвоевывает у России Центральную Азию. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/10/26/614254-kitai-aziyu-rossii (дата обращения: 17.04.2026); Ведомости. (2016, 14 января). Китай предпочитает Казахстан. Экономисты Я. Лисоволик и Е Винокуров о китайских инвестициях в СНГ. URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/01/15/624086-kitai-predpochitaet-kazahstan (дата обращения: 17.04.2026) и др.

ничества в рамках динамически изменяющегося внешнеэкономического курса КНР, пришедшегося на эру инициативы «Пояс и путь».

Обзор литературы

Современная внешняя экономическая стратегия Китая основана на доктринальных документах, среднесрочных стратегиях и планах пятилеток (в 2026 г. стартовал XV пятилетний план до 2030 гг.). С начала объявления реформ китайской модернизации (1978 г.) мир изменялся, менялось и внешнее позиционирование Китая. В литературе разных периодов широко освещается генезис концепций на пути к созданию модели социалистической рыночной экономики высокого уровня, которая является максимой и сутью реформ (см., например, Кулинцев, 2021; Скосырев, 2025 и др.[1]).

После разворота российской внешней политики на Восток и объявления о состыковке проектов ЭПШП и ЕАЭС вышло большое количество работ об имплементации этой договоренности и экономическом сотрудничестве Китая с Россией и странами ЕАЭС. Однако основной акцент в них сделан на концептуальной оценке политического конструкта объявленного сопряжения, на российско-китайских отношениях и анализе экономических связей (см., например, Лузянин, 2017; Лузянин, Афонасьева, 2017; Макаров, Соколова, 2016; Скриба, 2016; Ларин, 2016; Ефременко, 2018; Malle, 2017; Wei et al., 2024).

Инвестиционное сотрудничество Китая с Россией и странами ЕАЭС освещено в значительно меньшей степени, чем торговое, что можно объяснить сравнительно небольшими объемами этого вида сотрудничества, а также сложностями доступа к адекватным, релевантным данным и статистике. Ситуация усугубилась после прекращения в 2022 г. открытого опубликования данных российскими официальными органами. Среди наиболее значимых работ последних лет, посвященных инвестиционному сотрудничеству, можно отметить серию периодических мониторингов и аналитических докладов Евразийского банка развития (ЕАБР). Эти мониторинги отличает высокая оперативность. К примеру, уже в докладах 2025 г. были представлены данные о китайских инвестициях в страны ЕАЭС за 2024 и первую половину 2025 г.[2] Содержательно и методологически эти мониторинги «выросли» из работ А.В. Кузнецова, на протяжении почти 20 лет занимающегося структурой и масштабами прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в России и российскими инвестициями за рубежом (см., например, Кузнецов, 2007а и 2007б). Также очевиден его вклад в создание первых подобных исследований Центра интеграционных исследований ЕАБР 2012 г. (Кузнецов, 2012) и ИМЭМО РАН.

Интересными представляются работы китайских коллег, посвященные инвестиционному сотрудничеству в новых условиях, где подчеркивается, что несмотря на высокий уровень развития отношений между Китаем и Россией, инвестиционное сотрудничество с момента введения санкций замедлилось, крупные китайские предприятия не проявляют активность, опасаясь вторичных санкций, новые инвестиции в Россию идут, как правило, от среднего бизнеса в отрасли с низким уровнем санкционного риска. В то же время отмечается, что после ухода западных компаний с российского рынка для китайского бизнеса открылось окно возможностей, чтобы занять освободившиеся ниши, и при осторожном подходе инвестиции в Россию будут весьма перспективными (Zhang, 2022; Dai & Yang, 2023; Wang, 2024; Xu et al., 2025).

Данные и методы

Поскольку с 2022 г. официальные данные о прямых инвестициях в Россию открыто не публикуются, в статье используется статистическая информация из международных и китайских статистических баз данных, а также информация о конкретных реализуемых Китаем проектах. Важно отметить, что информация до 2022 г. из российских и китайских источников и международных баз часто существенно не совпадает ввиду разных систем учета, трудностей в определении источников инвестиций и др. (Тураева, Яковлев, 2025), что при проведении анализа может искажать реальную картину объемов инвестиционного сотрудничества. С целью устранения пробелов в статье используется агрегированный анализ доступных данных, включая данные UNCTAD о движении ПИИ в конкретных странах, оценки ЕАБР и Национального координационного центра международного дело-

[1] 中国改革论坛网 [China Reform Forum]. (2020, 30 декабря). 彭森回顾改革开放40年 (1978–2018) 的经验和总结 [Пэн Сен анализирует опыт и подводит итоги 40-летнего периода реформ и открытости (1978–2018)]. URL: http://www.chinareform.org.cn/2020/1230/34611.shtml (дата обращения: 17.04.2026); 于晓 [Юй, С.], & 矫磊 [Цзяо, Л.]. (2011). “走出去”战略概述 [Обзор стратегии «Выхода на глобальный уровень»]. 研究与探讨 [Исследования и дискуссии], (2). URL: http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/159/1743.shtml (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Евразийский банк развития. (2026). Евразийский регион и страны-партнеры из Азии: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР (Доклад № 26/2). URL: https://eabr.org/upload/iblock/f3b/k606ualjfmgyosmizko3wa7idehrl1j9/EDB_2026_MMI_Asia_Summary_Rus.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

вого сотрудничества (НКЦ[1]), а также информация об инвестиционных проектах из открытых источников.

Результаты исследования

Истоки инвестиционной стратегии КНР. Как известно, глобальная инициатива «Пояс и путь»[2] (кит. 带一路), реализуемая КНР уже 14-й год, стала органичным продолжением начавшейся в 1978 г. под руководством Дэн Сяопина реформы открытости (кит. 改革开放)[3]. Выбранная в конце 1970-х гг. руководством КНР цель создания социалистической рыночной экономики высокого уровня предполагала поиски уникального, подходящего только Китаю формата внешнеэкономической открытости, и с 1979 г. вывоз инвестиций за рубежи Китая стал одним из инструментов национальной политики (Zhang, Corrie, 2018). Вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) после 15 лет непростых переговоров (до 1995 г. с ГАТТ) (Чжу, Вэй, 2022) в 2001 г. стало историческим событием с точки зрения дальнейшей судьбы реформы открытости. За четверть века с момента вхождения в ВТО Китайская Народная Республика прошла путь от страны, которая, ускоряя реформы[4], отстаивает свой уникальный статус и черты плановости национальной модели развития (Zhao, 2011), до главного лоббиста упрощения инвестиционного процесса и реформатора ВТО[5].

Важнейшей вехой на пути к современной китайской внешней торговой и инвестиционной политике стало также принятие внешнеэкономической стратегии «Выход во вне» (кит. 走出去战略), официально представленной в ходе 5-го пленума Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) 15-го созыва в 2000 г. (Zheng & Chun, 2010). Реализация данной стратегии привела к тому, что уже к концу XI пятилетки (2006–2010 гг.) внутренние инвесторы Китая осуществили прямые инвестиции в 3125 иностранных предприятий в 129 странах мира, а совокупные нефинансовые ПИИ Китая достигли 258,8 млрд долл.[6]

Основная часть этих ПИИ была направлена в обрабатывающую, легкую промышленность, машиностроение, электронику. Несмотря на то, что большая часть китайских ПИИ была сосредоточена в Юго-Восточной Азии (Gong, 2019), быстрыми темпами росло инвестиционное присутствие КНР в других регионах: Африке, Латинской Америке, Центральной Азии (Shakhriyor, 2024). Параллельно с этим крупные китайские корпорации активно приобретали за рубежом торговые сети, лицензии, патенты на технологии, научно-исследовательские центры и индустриальные парки, открывали свои отделения (Gottwald-Belinic & Sonora, 2024)[7].

Следуя своему курсу и стараясь реагировать на динамику внешней конъюнктуры (Gopalakrishnan et al., 2022) и внутренние изменения, руководство КНР модифицировало правила, корректировало экономико-политический инструментарий. Вследствие этого уже во время реализации ИПП были, в частности, приняты:

— Стратегия «Сделано в Китае — 2025» (кит. 中国制造 2025), затрагивающая XIII и XIV пятилетки; основными задачами стали высокотехнологичное производство и модернизация промышленности[8];

— Стратегия «Двойной циркуляции» (кит. 双循环), представленная на заседании Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г. и ставшая своего рода реакцией на пандемию, антикитайские торговые войны и стремительно меняющуюся геополитическую среду. В стратегии предусматривался баланс внешнего и внутреннего контура с постепенным повышением роли последнего в среднесрочной перспективе (Кулинцев, 2021). Это означало опору на внутренний рынок, научные инновации и технологии, повышение уровня благосостояния на фоне роста открытости экономики и содействия потокам ПИИ[9].

---

[1] В состав соучредителей НКЦ входят корпорация АЕОН, холдинг РЖД, Институт Китая и современной Азии РАН, группа FESCO, холдинг Газпром-медиа.

[2] Это название вошло в обиход позже, а в 2013 г. был анонсирован «Экономический пояс шелкового пути» и «Морской шелковый путь».

[3] 中国改革论坛网 [China Reform Forum]. (2020, 30 декабря). 彭森回顾改革开放40年 (1978–2018) 的经验和总结 [Пэн Сен анализирует опыт и подводит итоги 40-летнего периода реформ и открытости (1978–2018)]. URL: http://www.chinareform.org.cn/2020/1230/34611.shtml (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Речь, в частности, об уступках Китая в ходе переговоров с ГАТТ по либерализации торговли, валютной системы, отказе от ряда нетарифных ограничений, открытии доступа на внутренний рынок и т. д.

[5] ТАСС. (2026, 26 января). Китай в 2026 году намерен активизировать усилия для реформирования ВТО. URL: https://tass.ru/ekonomika/26250847 (дата обращения: 17.04.2026).

[6] 于晓 [Юй, С.], & 矫磊 [Цзяо, Л.]. (2011). “走出去” 战略概述 [Обзор стратегии «Выхода на глобальный уровень»]. 研究与探讨 [Исследования и дискуссии], (2). URL: http://qwgzyj.gqb.gov.cn/yjytt/159/1743.shtml (дата обращения: 17.04.2026).

[7] Например, компании Huayuan, Wanxiang, Yuanda Air Conditioning и др.

[8] 国务院 [Государственный совет КНР]. (2015, 8 мая). 关于印发《中国制造2025》的通知 [Уведомление о выпуске стратегии «Сделано в Китае 2025»]. URL: https://www.ndrc.gov.cn/xxgk/zcfb/qt/201505/t20150520_967388.html (дата обращения: 17.04.2026).

[9] 新华网 [Синьхуа]. (2020, 26 августа). 习近平为我国“新发展阶段” 定向 [Ориентиры Си Цзиньпина на «Новый этап развития» страны]. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2020-08/26/c_1126413307.html (дата обращения: 17.04.2026).

К концу 2024 г. объем накопленных за рубежами Китая инвестиций, согласно официальным данным КНР, достиг 3,14 трлн долл.[1] Справедливо отметить, что 61,2 % этой суммы (1,92 трлн долл.) накоплены в специальном административном районе Китая — Гонконге. При опубликовании официальной статистики Китай не включает Гонконг, считая его внешней юрисдикцией (Тураева, Яковлев, 2025). Также следует отметить, что в преддверии XIV пятилетки (2021–2025 гг.), накануне которой принималась стратегия «Двойной циркуляции», руководством КНР открыто артикулировался объем трудностей для китайской экономики, связанный с «бурными изменениями, в которые вступил мир». Эту стратегию называли также «Поворотом во внутрь» (кит. 重心向内轉) на контрасте с названием «Выход во вне»[2].

Задачи XV пятилетки (2026–2030 гг.), которая должна быть утверждена Всекитайским собранием народных представителей весной 2026 г.[3], сохраняют преемственность с задачами XIV пятилетнего плана. В их числе развитие положений предыдущих стратегий с упором на снижение зависимости от импорта критически важных материалов, развитие экономики с учетом внешних факторов (Meng et al., 2023), рост уровня жизни населения, ставка на инновационное развитие, углубление торговых отношений со стратегическими партнерами, переход к зеленой экономике и улучшение экологии[4]. Безопасность через самодостаточность — центральная идея XV пятилетки[5]. Розничную торговлю и ритейл при этом предполагается рассматривать как главный драйвер внутреннего спроса и развития региональных рынков[6]. Что касается перспектив для ИПП, предложено поощрять открытость и инновационную торговлю, развивать каналы двустороннего инвестиционного сотрудничества и повышать качество построения ИПП[7].

В целом среди изменений внешнего контура, пришедшихся на эру продвижения ИПП, самыми значимыми для инициативы, на наш взгляд, стали:

— ратификация в 2016 г. Китаем Парижского соглашения с обязательствами (обновленные ОНУВ 2021 г.[8]) выйти на пик выбросов к 2030 г. и углеродной нейтральности к 2060 г. Это существенно отразилось на приоритетах в инвестициях и в выборе проектов ИПП в странах-участницах (особенно в так называемых проектах с нуля / Greenfield project), несмотря на то что Китай — крупнейший эмитент парниковых газов и потребитель углеводородов[9];

— торговые противостояния КНР и США, начавшиеся при первой администрации Д. Трампа;

— пандемия COVID-19 и постковидное восстановление, которые, помимо прямого влияния на глобальное производство, существенно отразились на способах транспортировки и направлениях мировых товарных потоков, а следовательно — на инвестициях в вариативность логистики (преимущественно сухопутной) в рамках ИПП;

— начало СВО России на Украине, последовавшие за этим антироссийские санкции, давшие импульс реэкспорту и новой итерации перестройки евразийской товарно-сырьевой логистики;

— возникающие и эскалирующие региональные конфликты (в том числе военизированные) в странах — участницах ИПП;

— второе избрание президентом США Д. Трампа и новые реалии политики протекционизма и тарифных войн. Сюда же можно отнести риск невозможности использования объектов ИПП, которые США считают зоной своих стратегических интересов (как это происходит с инфраструктурой стран Карибского бассейна — Панамским каналом[10], месторождениями в Венесуэле). В новой стратегии безопасности

[1] National Bureau of Statistics of China. (n.d.). Easy Query. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 17.04.2026).

[2] The New York Times. (2020, September 8). Xi's Post-Virus Economic Strategy for China Looks Inward. URL: https://cn.nytimes.com/business/20200908/china-xi-economy/zh-hant/dual (дата обращения: 17.04.2026).

[3] На момент работы над статьей текст документа был представлен на 4-м пленуме ЦК КПК 20-го созыва.

[4] CGTN. (2025, 24 октября). План победы. В Китае готовятся к началу реализации 15-й пятилетки. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025-10-24/1981601697670275074/index.html (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Инфо ШОС. (2025, 14 ноября). Китай: пятилетка на марше. Пленум КПК утвердил амбициозный план пятнадцатой пятилетки развития страны. URL: http://infoshos.ru/ru/?idn=43996 (дата обращения: 17.04.2026).

[6] PRC. Today. (2025, 12 декабря). 15-я пятилетка: фокус на региональные рынки и цифровую интеграцию. URL: https://prc.today/15-ya-pyatiletka-plan-razvitiya-roznichnoj-torgovli-kitaya-na-2026-2030-gody (дата обращения: 17.04.2026).

[7] 人民日报 [People's Daily]. (2025, 24 октября). 中共二十届四中全会在京举行 [В Пекине состоялся IV пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва]. URL: https://paper.people.com.cn/rmrb/pc/content/202510/24/content_30111092.html (дата обращения: 17.04.2026).

[8] Ministry of Ecology and Environment of the People's Republic of China. (2021). China's Achievements, New Goals and New Measures for Nationally Determined Contributions. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/NDC/2022-06/China%E2%80%99s%20Achievements,%20New%20Goals%20and%20New%20Measures%20for%20Nationally%20Determined%20Contributions.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[9] Василенко, Е. П., Сидоровский, М. О., Шишигин, С. В. (2024). Китай на пути к углеродной нейтральности (Аналитическая записка). Москва: Банк России, 22.

[10] Portnews. (2026, 4 февраля). Китай требует от властей Панамы изменить позицию по концессии портов и обратился в арбитражный суд. URL: https://portnews.ru/news/387573 (дата обращения: 17.04.2026).

2026 г. США признают Китай вторым (после США) мировым лидером во всех отраслях, могущество которого растет. В связи с этим политика сдерживания КНР, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе, остается одним из главных приоритетов обеспечения безопасности США, а экономические инструменты как метод борьбы будут использоваться все активнее[1];

— ренессанс интереса ЕС к странам Азии и Африки, их инфраструктуре и минеральным ресурсам;

— волны мирового экономического и энергетического кризисов и т. д.

Иначе говоря, с момента своего официального старта инициатива «Пояса и пути», которую также определяют «зонтичной», т. е. включающей китайские инвестиции и кредиты за рубежом (Скосырев, 2025, с. 109), продвигалась на фоне адаптации Китая как ко внутренним структурным социально-экономическим изменениям, так и к проявлениям глобальной турбулентности на внешнем контуре, вовне (Liu & Yao, 2021). При этом «встраивание» Китая в глобальную архитектуру, оставаясь «Ding an sich»[2], равно как и внутренние изменения, весьма красноречиво отражаются и в модернизации среднесрочных планов развития КНР, и в призывах Китая к пересмотру сложившихся принципов глобального управления[3]. При этом необходимость реформы глобального управления руководство КНР тесно увязывает с повышением глобальной открытости и противодействием любым проявлениям протекционизма[4].

В связи с этим, говоря о китайской политике продвижения вовне капитала, производственных мощностей, рабочей силы под «зонтиком» ИПП (Rahman, 2022), нужно иметь в виду, что концепт этого проекта не статичен. Он меняется под влиянием множества экзогенных и эндогенных факторов, однако ключевые интересы инициативы всегда будут продолжением многолетней реформы модернизации экономической модели КНР.

Инвестиции КНР. Рассмотрим динамику потоков и накоплений инвестиций, происходящих из Китая и направленных в его экономику. При оценке потоков и запасов инвестиций методологическим препятствием является проблема наличия информации (Тураева, Яковлев, 2024), а также сопоставимость данных из разных источников.

В 2024 г. обзорный доклад UNCTAD[5], выделяя глобальные тенденции мировых инвестиционных моделей, обозначил снижение роли Китая в качестве реципиента ПИИ одной из десяти главных мировых тенденций предыдущих лет. В обзорном докладе 2025 г. падение инвестиционных потоков признается UNCTAD уже общемировой тенденцией (и в Китае тоже), в то время как рост притока ПИИ в 2024 г. был зафиксирован в Африке, странах «со структурно слабой и уязвимой экономикой» и в тех странах, где произошли крупные слияния/поглощения. В этом докладе также отмечено, что значительно изменился состав 100 крупнейших ТНК: теперь в него вошло больше азиатских технологических и цифровых корпораций. Более 20 % доходов 100 крупнейших транснациональных (или, как сейчас их называют, многонациональных) компаний в 2024 г. получено технологическими корпорациями[6].

Характерно, что в мониторинге глобальных инвестиционных трендов UNCTAD по итогам 2025 г., опубликованном в начале 2026 г., говорится о заметной смене трендов: страны ЕС нарастили приток ПИИ на 56 %, трансграничная активность слияния/поглощения снизилась на 22 %. Проекты с нуля, которые на протяжении нескольких лет быстро росли и концентрировались вокруг обрабатывающей промышленности, энергетики и глобальных цепочек стоимости, в среднем по регионам начали терять объем финансирования, направляя ПИИ теперь в ИИ, полупроводники, дата-центры.

Относительно притока ПИИ в КНР в мониторинге UNCTAD отмечено, что зафиксировано падение притока иностранных инвестиций третий год подряд. Показатель сократился на 8 % и составил, по оценкам, 107,5 млрд долл. Хотя мониторинг — это не годовой обзор, а лишь исследование текущей ситуации, тем не менее не вполне понятно, почему в 2024 г. падение притока ПИИ в Китай было названо глобальной тенденцией, а в 2026 г. уже говорится, что глобальная тенденция через три года после обзора сохраняется только третий год подряд.

---

[1] U.S. Department of Defense. (2026, January 23). 2026 National Defense Strategy. URL: https://media.defense.gov/2026/Jan/23/2003864773/-1/-1/0/2026-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[2] «Вещь-в-себе», или «ноумен» по И. Канту.

[3] РИА Новости. (2025, 1 сентября). Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления. URL: https://ria.ru/20250901/kitay-2038853574.html (дата обращения: 17.04.2026).

[4] РСМД. (2026, 3 февраля). Внешняя открытость высокого уровня»: новый инструмент глобального Китая. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/-vneshnyaya-otkrytost-vysokogo-urovnya-novyy-instrument-globalnogo-kitaya (дата обращения: 17.04.2026).

[5] UNCTAD. (2024). Global Economic Fracturing and Shifting Investment Patterns. A Diagnostic of 10 FDI Trends and Their Development Implications. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/diae2024d1_en.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Организация Объединенных Наций. (2025). Доклад о мировых инвестициях за 2025 год. Международные инвестиции в цифровую экономику. Обзор. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2025_overview_ru.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Снижение ПИИ в КНР действительно нужно рассматривать в контексте глобальной динамики ПИИ, не вырывая его из контекста динамики притока ПИИ в другие страны/регионы (Тураева, Яковлев, 2025). Кроме этого, необходимо также иметь в виду, что при учете входящих в Китай ПИИ Гонконг, Макао и Тайвань считаются внешними юрисдикциями[1], тогда как при учете китайских прямых инвестиций за рубежом точных формулировок на этот счет не дано[2].

На рисунке 1 по левой оси представлена динамика прямых инвестиций Китая и Гонконга, Макао, Тайваня («территорий»), по правой оси — динамика совокупных мировых прямых инвестиций. Видно, что динамика исходящих прямых инвестиций из Китая и его «территорий» в целом соответствует мировым трендам, кроме пандемийного 2020 г., когда мировые инвестиции существенно сократились, а в Китае и его «территориях» наблюдался рост входящих и исходящих инвестиций. С 2023 г. наблюдается рост притока инвестиций в «территории» на фоне сокращения инвестиций в континентальный Китай.

На рисунке 2 приведено соотношение экспорта и импорта ПИИ Китаем и (отдельно) его территориями за 2015–2024 (2025[3]) гг. Из диаграммы видно, что за рассматриваемый период аккумулированные входящие потоки ПИИ всегда превышали исходящие (в сумме) по «территориям». Что касается материкового Китая, то такая картина наблюдалась с 2019 по 2022 г. Во все остальные годы рассматриваемого периода Китай оставался нетто-экспортером ПИИ, что, собственно, соответствует его стратегии «Выхода во вне» и парадигме реформ открытости. Можно также отметить, что период, в который совокупный импорт инвестиций превышал их вывоз, также пришелся на время имплементации модели «двойной циркуляции».

На рисунке 3 по правой оси показана динамика накопленных континентальным Китаем инвестиций, по левой оси — динамика его инвестиций в нефинансовые активы, включая инвестиции в нефинансовые активы проектов инициативы «Пояс и путь».

Характерно, что стратегия приобретения нефинансовых активов (сооружений, оборудования, объектов интеллектуальной собственности, технологий, долей в уставном капитале, месторождений) и иные формы «парковки» китайского капитала в странах-партнерах практиковались КНР на протяжении многих лет, задолго до анонса ИПП. Из диаграммы видно соотношение вложений в нефинансовые активы по проектам ИПП. Политика нефинансовых инвестиций в зарубежные активы — это долгосрочный курс Китая и одна из реализаций «Выхода во вне».

«Пояс и путь» при всей своей масштабности больше использует и такие каналы взаимодействия со странами-участницами, как заключение зарубежных контрактов (в первую очередь касающихся инфраструктурного обеспечения) и приобретение нефинансовых активов (рис. 4).

По анализу китайских источников становится понятно, что привлечение иностранного капитала и иностранных инвесторов — приоритет внешнеэкономической политики КНР в настоящее время. Внедряются дополнительные инструменты для поощрения иностранных инвесторов. Это, например, касается открытия счетов, управления активами ТНК на территории КНР, различных послаблений для граждан Китая, которые активны в инвестициях[4]. Примечательно, что китайские статистические органы ввели изменения по учету ПИИ в 2025 г.[5] Поскольку наращивание привлекаемых ПИИ — важнейший приоритет текущей внешнеэкономической политики КНР[6], в ближайшей перспективе ожидаем рост показателя, если и не вполне по экономическим мотивам, то при помощи коррекции методологии учета и представления статистики ПИИ в КНР.

Сотрудничество Китая и России: ключевые направления. Как уже отмечено, мы стараемся учитывать и сравнивать различные доступные источники информации. Для оценки российско-китайского инвестиционного сотрудничества необходимо иметь в виду как проблемы несовпадения систем учета и разрыв во времени публикаций, так и трудности определения происхождения капитала, вызванные самой приро-

[1] Outward Foreign Direct Investment.

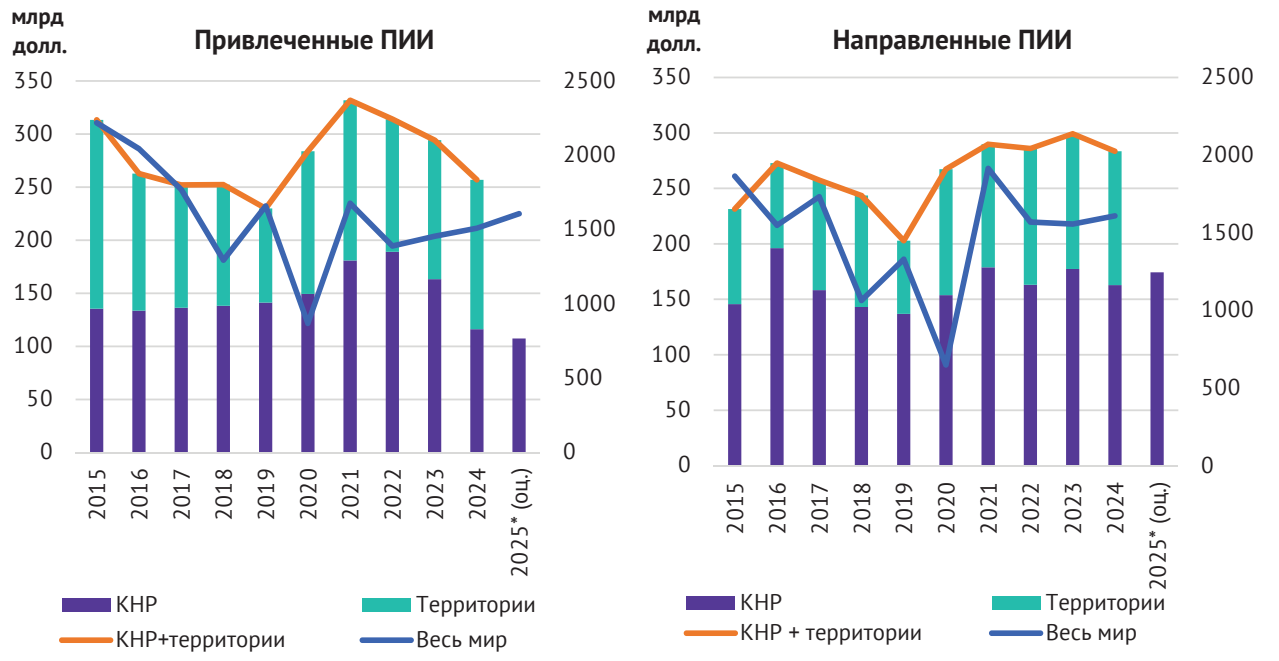
[2] National Bureau of Statistics of China. (2024). Explanatory Notes on Main Statistical Indicators. In China Statistical Yearbook 2024 (p. 367). Beijing, China. URL: https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/html/zbe11.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

[3] 2025 г. – текущая оценка Министерства коммерции (торговли) КНР и UNCTAD.

[4] 国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного совета КНР]. (2025, 23 июля). 国务院新闻办就2025年上半年外汇收支数据情况举行发布会 [Информационное бюро Государственного Совета провело пресс-конференцию, посвященную данным о валютных доходах и расходах за первое полугодие 2025 г.]. URL: https://www.gov.cn/lianbo/fabu/202507/content_7033414.html (дата обращения: 17.04.2026).

[5] 商务部, 国家统计局, & 国家外汇局 [Министерство торговли КНР, Государственное статистическое управление КНР, Государственное управление валютного контроля КНР]. (2024, 25 декабря). 《对外直接投资统计制度》修订说明 [Описание пересмотра «Статистической системы прямых иностранных инвестиций»]. URL: http://images.mofcom.gov.cn/fec/202501/20250106151048590.docx (дата обращения: 17.04.2026).

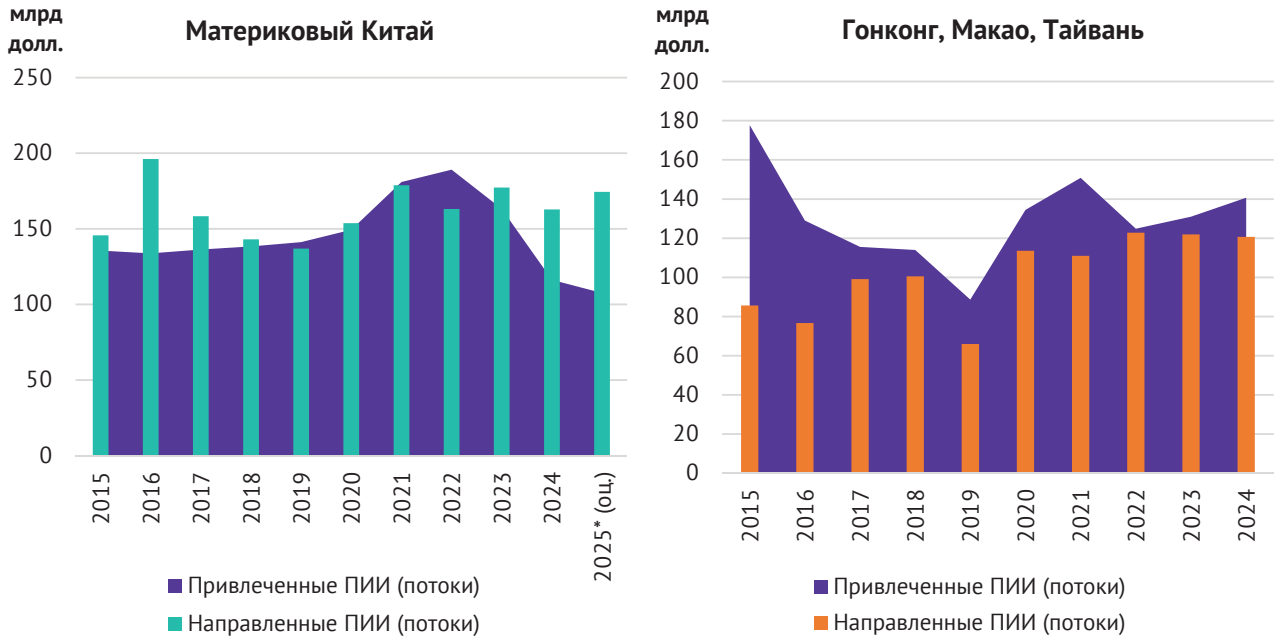
[6] Портал «Пояс и путь». (2025, 24 февраля). В Китае опубликован план действий по стабилизации иностранных инвестиций на 2025 год. URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/0GBAHA97.html (дата обращения: 17.04.2026).

* Примечание: 2025 г. – текущая оценка UNCTAD.

Рис. 1. Входящие и исходящие в/из Китая и Гонконга, Макао, Тайваня («территории») ПИИ, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD. URL: https://unctad.org/ (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 1. Inward and outward FDI to/from China and Hong Kong, Macao, and Taiwan (the "territories"), 2015–2025[1], USD billion (source: authors' calculations based on UNCTAD data. URL: https://unctad.org/ (accessed 17.04.2026))

* Примечание: 2025 г. – текущая оценка UNCTAD.

Рис. 2. Экспорт и импорт ПИИ Китаем и «территориями», 2015–2024 (2025) гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным UNCTAD и Министерства коммерции (торговли) КНР. URL: https://unctad.org/; 对外贸易 经济 合作 部. 2025年我国全行业对外直接投资简明统计; URL: https://www.mofcom.gov.cn/zfxxgk/gkml/art/2026/art_08401178be834f7aaab35649e22e70f6.html (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 2. China and the "territories": FDI inflows and outflows, 2015–2024 (2025), USD billion (source: authors' calculations based on UNCTAD and the Ministry of Commerce of the PRC. https://unctad.org/; Ministry of Commerce of the PRC. 2025 Brief Statistics on Outward Direct Investment by All Industries. URL: https://www.mofcom.gov.cn/zfxxgk/gkml/art/2026/art_08401178be834f7aaab35649e22e70f6.html (accessed 17.04.2026))

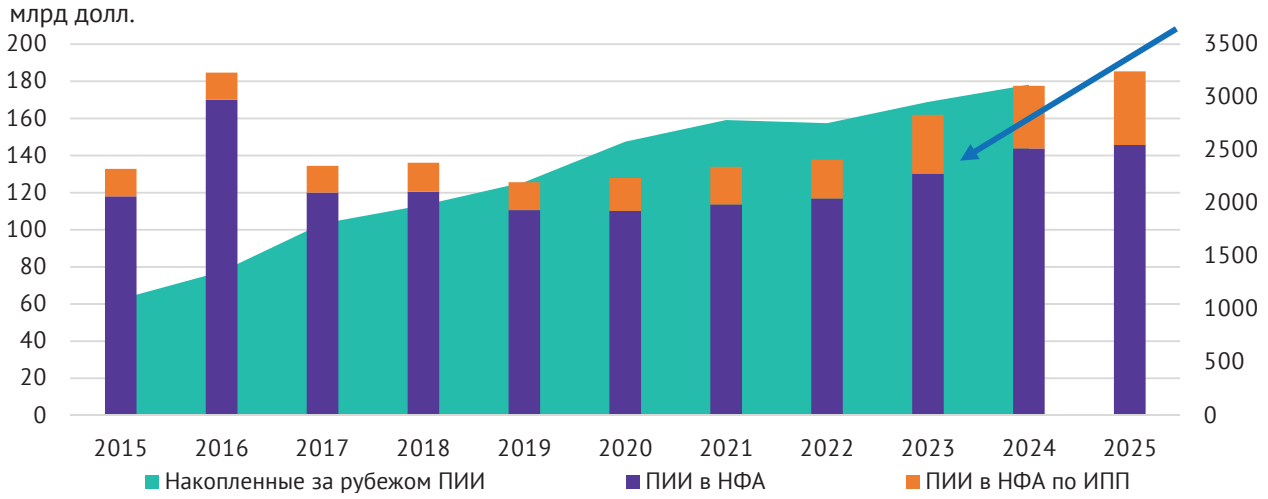

Рис. 3. Наколенные за рубежом китайские ПИИ, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным Министерства коммерции (торговли) КНР 商务部合作司. URL: https://data.mofcom.gov.cn/tzhz/fordirinvest.shtml; 年我国对共建“一带一路”国家投资合作情况. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 3. Accumulated Chinese FDI abroad, 2015–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the Ministry of Commerce of the PRC. URL: https://data.mofcom.gov.cn/tzhz/fordirinvest.shtml; Annual Investment and Cooperation with Belt and Road Countries. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html (accessed 17.04.2026))

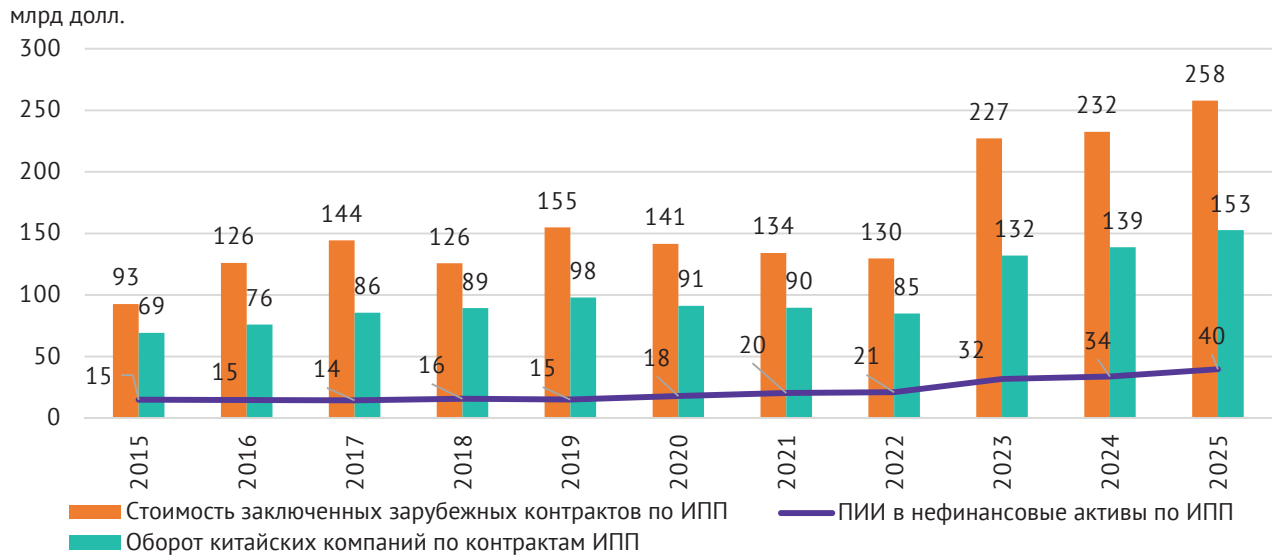

Рис. 4. Динамика показателей ИПП, 2015–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным Министерства коммерции (торговли) КНР 年我国对共建“一带一路”国家投资合作情况. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html (дата обращения: 17.04.2026))

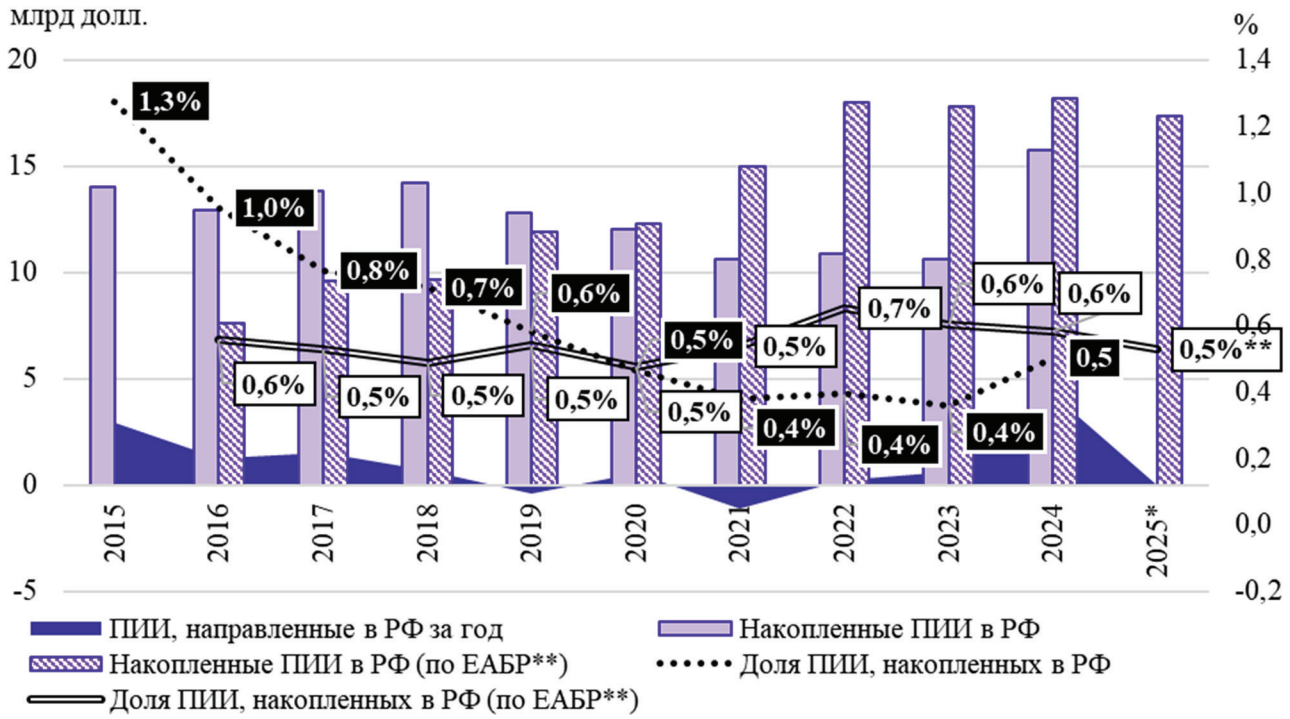
Fig. 4. Trends in FDI indicators, 2015–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the Ministry of Commerce of the PRC, Annual Investment and Cooperation with Belt and Road Countries. URL: https://hzs.mofcom.gov.cn/tjsj/index.html (accessed 17.04.2026))

дой инвестиций, уход части операций в серую зону из-за санкций, слишком широкую агрегацию по ряду регионов в китайских источниках, что затрудняет определение динамики интересующих нас государств[1] и т. д.

Мониторинги ЕАБР задумывались как эмпирическая база данных, дополнение к официальной инвестиционной статистике, в связи с отсутствием реальных данных о накопленных ПИИ, оценок инвестирования через третьи страны, реинвестирования и т. п. Методология сбора информации «снизу вверх» сохраняется и сегодня. И поскольку, в отличие от докладов по инвестициям UNCTAD, мониторинги ЕАБР основаны на отчетности компаний и другой первичной информации[2], мы ссылаемся на весь перечень

[1] К примеру, в национальных источниках КНР детализация по ПИИ публикуется не по всем странам, а по узкому списку стран, куда не входят страны ЕАЭС, кроме России.

[2] Евразийский банк развития. (2025). Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклад 25/1. Алматы-2025. URL: https://vinokurov.info/wp-content/uploads/2025/02/EDB_2025_MMI2_Report_RU.pdf (дата обращения: 17.04.2026).

Примечание: * 2025 г. — оценка авторов; ** — данные ЕАБР по I полугодие 2025 г.

Рис. 5. Китайские ПИИ в России, 2015–2024 (2025*) гг., млрд долл., % (источник: рассчитано авторами по данным Китайского национальное бюро статистики URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: China. Foreign direct investment (FDI) overview, selected years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_cn_en.pdf; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: Russian Federation. Foreign direct investment (FDI) overview, selected years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf; EDB Monitoring of Mutual Investments 2022. 20.12.2024. URL: https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutual-investments-2022/ (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 5. Chinese FDI in Russia, 2015–2024 (2025*), USD billion and % (source: authors' calculations based on data from the National Bureau of Statistics of China. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: China. Foreign Direct Investment (FDI) Overview, Selected Years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_cn_en.pdf; World Investment Report 2025. Country Fact Sheet: Russian Federation. Foreign Direct Investment (FDI) Overview, Selected Years. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf; EDB Monitoring of Mutual Investments 2022. 20 December 2024. URL: https://eabr.org/en/analytics/special-reports/edb-monitoring-of-mutual-investments-2022/ (accessed 17.04.2026))

источников, обозначая таким образом масштаб проблемы сопоставимости. Для иллюстрации сказанного на рисунке 5 приведены данные о накопленных китайских ПИИ по версии Национального бюро статистики КНР и ЕАБР.

Информация по 2022 г. отсутствует в китайских источниках, поэтому этот год восстановлен по страновым профайлам к отчету UNCTAD. По правой оси на рисунке 5 в виде кривых показана доля накопленных прямых инвестиций КНР в РФ в объеме накопленных ПИИ Китая в мире. Видно, что данные о накопленных ПИИ Китая в РФ в разных источниках, за исключением 2020 г., существенно отличаются. В общем объеме накопленных китайских ПИИ на Россию приходится менее 1 %, наибольшее значение этого показателя — 0,7 % — пришлось на 2022 г.

Самыми значимыми инвестиционными вложениями КНР в России на 2025 г. являются проекты в области добычи и переработки минеральных ресурсов: «Ямал СПГ», «Сибур», «Арктик СПГ-2», а также проекты в области автомобилестроения Great Wall Motor, «Автотор» и бытовой техники «Хайер Рус», строительства железной дороги и метрополитена при участии China Railway Construction Corporation Limited (CRCC)[1].

В региональном разрезе приграничное взаимодействие России и Китая охватывает Синьцзян-Уйгурский автономный район (新疆维吾尔自治区) — Республика Алтай; Автономный район Внутренняя Монголия (内蒙古自治区) — Забайкальский край; Хэйлунцзян (黑龙江) — Забайкальский край, Амурская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Приморский край;

[1] РАСПП. (б. д.). Топ крупнейших китайских инвестиций в Россию. URL: https://raspp.ru/business_news/top-11-kitayskikh-investitsiy-v-rossiyu/?ysclid=mefmt0atul869839907 (дата обращения: 17.04.2026).

Ляонин (辽宁) — Приморский край; Цзили́нь (吉林) — Приморский край. В указанных регионах действуют преференциальные режимы — территории опережающего развития (ТОР). Кроме того, особый режим для инвесторов предусмотрен в зоне свободного порта Владивосток (СПВ). Приоритетными проектами для этих зон определены логистические центры для развития российско-китайского приграничного сотрудничества, международные морские грузоперевозки, приграничная торговля, высокотехнологичный экспорт, туризм, развитие услуг (Епифанова, Акулинин, 2021).

На начало 2026 г. в Дальневосточном федеральном округе реализуется 93 российско-китайских инвестиционных проекта с объемом инвестиций около 1 трлн р.[1] По данным Управления Федеральной налоговой службы (УФНС)[2] Приморского края, на начало 2026 г. общий объем инвестиций резидентов СПВ и ТОР составил 561 и 458 млрд р., соответственно (при этом общая сумма инвестиций пока не достигла трети от заявленных объемов)[3]. Можно предположить, что большая часть этих инвестиций — это китайские ПИИ. Об отраслевой структуре этих инвестиций можно судить по структуре резидентов ТОР и СПВ Приморского края, которая на конец 2025 г. выглядела так: 30 % — строительство и девелопмент, 30 % — химическая и нефтегазовая промышленность (в основном это проекты амурского газохимического кластера[4]), 11 % — логистика и транспорт. Оставшиеся 29 % пришлись на туризм и рекреацию, рыболовство и аквакультуру, сельское хозяйство и производство товаров и услуг[5].

Следует также отметить, что в начале 2026 г. вступил в силу Федеральный закон о создании международных территорий опережающего развития (МТОР) на Дальнем Востоке. Новый преференциальный режим призван привлечь иностранных инвесторов в приграничные российские регионы. В частности, специальный режим будет использован для 5 новых МТОР — в Амурской области, Приморском, Забайкальском и Хабаровском краях, Еврейской автономной области. Как видно, все МТОР предполагается запустить в российско-китайском приграничье, и рассчитаны эти меры на более широкое привлечение китайских инвесторов. Так, для резидентов МТОР (дополнительно к преференциям традиционных ТОР) предусмотрен увеличенный период льготной нулевой ставки налога на прибыль на 10 лет, сниженный тариф страховых взносов на 10 лет; режим конфиденциальности сведений о резидентах; стабилизация налоговых условий и правового регулирования на 15 лет; возможность открытия дополнительного филиала для иностранных банков[6].

Важной характеристикой торгово-инвестиционного взаимодействия России и Китая является динамика торговли. В условиях антироссийских санкций основной рост китайского экспорта в Россию произошел за счет промышленной продукции, в первую очередь — высокотехнологичных товаров. На рисунке 6 представлена динамика поставок продукции китайской промышленности[7] и отдельно — поставок автомобильной продукции[8] в Россию с 2019 по 2025 г.

Как видно, с 2019 г. общая сумма китайского промышленного экспорта в Россию выросла в 2,5 раза (с 30,6 до 77,9 млрд долл.), при этом в 2025 г. показатель снизился по сравнению с 2024 г. на 14,5 млрд долл. Снижение 2025 г. произошло в основном за счет сокращения поставок в Россию транспортных средств (легкового и грузового назначения), которое, в свою очередь, произошло как из-за насыщения рынка, так и за счет локализации автомобильной промышленности на территории России.

Что касается российских поставок в Китай, то основная их часть — это углеводороды. В 2023–2024 гг. на долю российских углеводородов пришлось 73,3 % от всего российского экспорта в Китай, в 2025 г. — 63 %. К 2025 г. Россия поставляет почти четверть импортируемого КНР газа. Несмотря на то, что с 2023 г. Россия сохраняет первое место среди поставщиков нефти в КНР (Тураева, Яковлев, 2024), объем поставок нефти на китайский рынок в 2025 г. сократился впервые с 2021 г. (100,7 млн т на сумму 49,8 млрд долл.).

[1] ТАСС. (2026, 26 марта). На Дальнем Востоке с участием инвесторов из Китая реализуется 93 проекта. URL: https://tass.ru/ekonomika/26902533 (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Статистическая информация о российско-китайском приграничном торгово-инвестиционном сотрудничестве, прежде доступная на порталах Сибирского и Дальневосточного таможенных управлений Федеральной таможенной службы России (ФТС), ограничивается данными 2021 г.

[3] РБК. (2026, 4 февраля). Резиденты СПВ и ТОР вложили в свои проекты 26,5 % заявленных инвестиций. URL: https://prim.rbc.ru/prim/04/02/2026/69829d1e9a79472e335e07f5 (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Дальневосточное обозрение. (2026, 5 апреля). Инвестиции за 2025 год в Амурскую область превысили триллион рублей. URL: https://dvobozrenie.ru/news/investicii-v-amurskuju-oblast-2025/ (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. (2026, 26 февраля). КРДВ представила главные результаты деятельности и меры господдержки резидентов ТОР и СПВ на Совете по развитию промышленности Владивостока. URL: https://minvr.gov.ru/press-center/news/krdv_predstavila_glavnye_rezultaty_deyatelnosti_i_mery_gospodderzhki_rezidentov_tor_i_spv_na_sovete_/ (дата обращения: 17.04.2026).

[6] Министерство транспорта Российской Федерации. (2025, 21 июля). На Дальнем Востоке появятся международные территории опережающего развития. URL: https://mintrans.gov.ru/press-center/branch-news/7348 (дата обращения: 17.04.2026).

[7] 28–40, 72–85, 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

[8] 87 ТН ВЭД ЕАЭС.

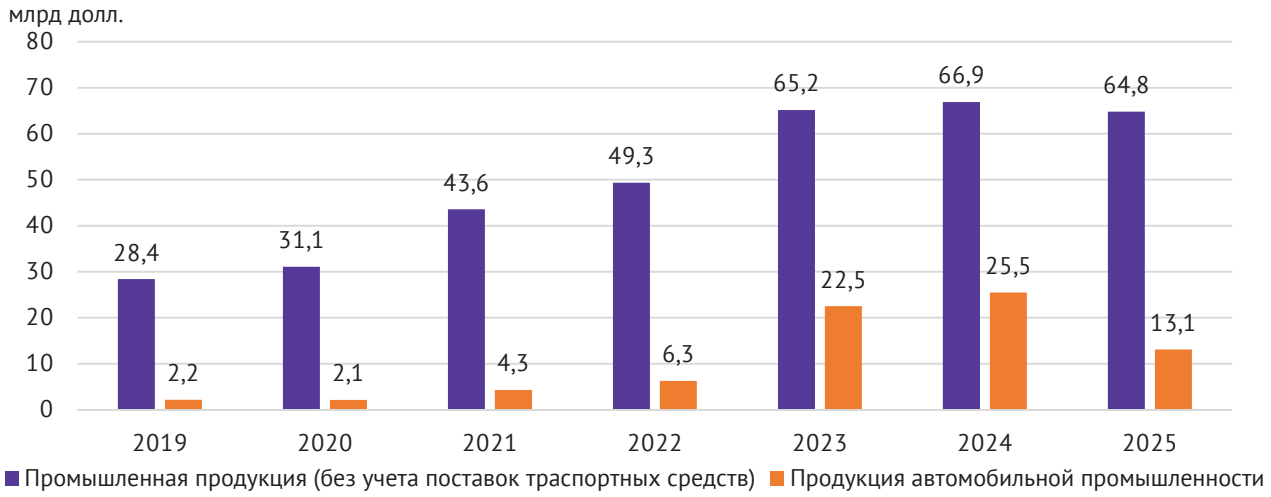

Рис. 6. Поставки продукции китайской промышленности в Россию, 2019–2025 гг., млрд долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 6. Supplies of Chinese industrial products to Russia, 2019–2025, USD billion (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed 17.04.2026))

Российские инвестиционные проекты в Китае сосредоточены в отраслях, связанных производством, логистикой и розничной торговлей. С 2022 г. российские компании, находящиеся под санкциями, не афишируют инвестиции за рубеж, в том числе и в Китай, что затрудняет анализ. Среди крупных проектов можно выделить Henan Yulian Energy Group Co. Ltd. (завод по производству электролитического алюминия), Kari (производство обуви), Sportmaster (Shanghai) Trading Co. Ltd. (сеть магазинов спортивных товаров), Shanxi Rusal Cathode Co. Ltd. (катодные заводы), Kitfort, Vitek и Garlyn (производство бытовой техники) (Ревенко, 2023).

Также важным направлением сотрудничества между Россией и Китаем, о котором не так часто упоминают в контексте торгово-инвестиционного взаимодействия, является сфера атома. Важнейшими российско-китайскими проектами являются АЭС «Тяньвань», «Сюйдапу». В 2023 г. подписаны долгосрочные межгосударственные планы по комплексному сотрудничеству в области ядерной энергетики (Тураева, Яковлев, 2024). В 2025 г. «Росатом» изготовил оборудование энергоблоков для китайских АЭС и отгрузил рекордное количество обогащенного урана в Китай[1]. В китайской статистике фиксируются поставки продукции российской атомной промышленности (рис. 7).

По сравнению с 2022 г. в 2025 г. поставки ядерного оборудования в Китай выросли на 311,3 %, обогащенного урана — на 142,1 %, причем из этой статистики просматривается динамика цен на ядерное топливо, потому что в тоннажном выражении эта поставка выросла на 63,6 % (с 685,3 до 1120,9 тонн). В расхождениях динамики стоимостного и тоннажного объемов необходимо также учитывать особенности проведения валютных операций и представления статистики в долларах.

Кроме наращивания импорта Китаем обогащенного урана, в 2025 г. наблюдался рост интереса Китая к другим радиоактивным материалам из России, в частности к радию-223 и актинию-225[2] (рис. 8).

Даже с учетом низкой базы и отсутствия информации в таможенной статистике КНР о поставках этих материалов до 2022 г., впечатляет, что по сравнению с 2022 г. импорт из России радия в 2025 г. вырос на 3237,5 % (до 267 тыс. долл.), а актиния — на 1782,4 % (до 3,2 млн долл.). Поставщик товаров — госкорпорация «Росатом».

Возможности для развития инвестиционного сотрудничества России и Китая в атомной сфере довольно широки. Россия — мировой лидер по технологиям замкнутого ядерного топливного цикла[3] (англ. closed nuclear fuel cycle), хотя и другие страны (США, Япония, Франция) долгие годы занимаются развитием этого направления (Мясоедов и др., 2021; Першуков, Тихомиров, 2023; Wydler & Baetsle, 2001). К тому же Россия — один из миро-

[1] Атомная энергия 2.0. (2026, 2 февраля). В 2025 году Россия установила рекорд по поставкам обогащенного урана в Китай: объем отгрузок вырос на 40 %. URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2026/02/02/163065 (дата обращения: 17.04.2026).

[2] 2844 42 ТН ВЭД ЕАЭС.

[3] Международное агентство по атомной энергии. (2019, 4 сентября). Эффективность ядерного топливного цикла Франции: чему мы можем научиться. Бюллетень МАГАТЭ. URL: https://www.iaea.org/ru/newscenter/news/effektivnost-yadernogo-toplivnogocikla-francii-chemu-my-mozhem-nauchitsya (дата обращения: 17.04.2026).

Рис. 7. Поставки продукции российской атомной промышленности в Китай, 2019–2025 гг., млн долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 7. Supplies of Russian nuclear industry products to China, 2019–2025, USD million (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed 17.04.2026))

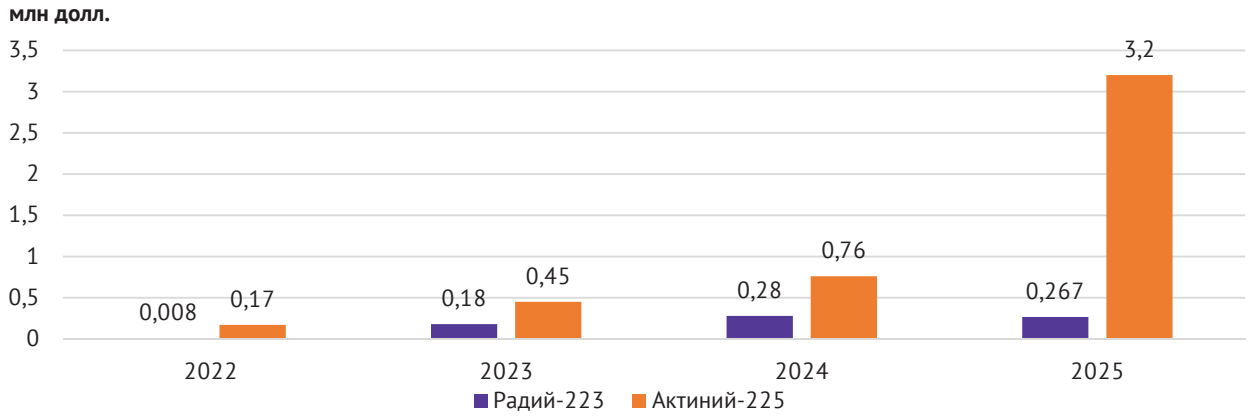

Рис. 8. Поставки российских радиоактивных материалов в Китай, 2022–2025 гг., млн долл. (источник: рассчитано авторами по данным General Administration of Customs People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (дата обращения: 17.04.2026))

Fig. 8. Supplies of Russian radioactive materials to China, 2022–2025, USD million (source: authors' calculations based on data from the General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: http://stats.customs.gov.cn/indexEn (accessed 17.04.2026)).

вых лидеров по урановым запасам и добыче урана и извлечению из породы (Гребенкин, Прохоров, 2025; Бойцов, 2025), а госкорпорация «Росатом» — обладатель уникальных технологий этой отрасли. Как было отмечено, на сегодняшний день Россия — это единственная страна, где реализована технология реакторов на быстрых нейтронах — натриевые теплоносители БН-600 и БН-800 на Белоярской АЭС. В настоящее время ведутся работы по сооружению энергоблока БН-1200М на Белоярской АЭС, а в г. Северске Томской области строится АЭС с реактором БРЕСТ-ОД-300[1].

Единственная за пределами России АЭС — это китайская АЭС «Сяпу» (Xiapu) с быстрым реактором большой мощности. Демонстрационный реактор CEFR[2] и энергоблоки CFR-600 сооружались при помощи «Росатома», а поставкой топлива занимается топливная компания из дивизиона госкорпорации. Уже в 2025 г. китайская национальная ядерная корпорация (CNNC) представила проект нового реактора CFR-1000 на быстрых нейтронах (до 1,2 ГВт), что стало крупным технологическим достижением для КНР[3], фактически

[1] РОСАТОМ. (2025, 2 октября). На Белоярской АЭС успешно прошла испытания система звуковидения для реактора БН-800. URL: https://www.rosenergoatom.ru/stations_projects/sayt-beloyarskoy-aes/press-tsentr/novosti/49154/ (дата обращения: 17.04.2026).

[2] Тепловая мощность — 65 МВт с возможностью произвести 20 МВт электроэнергии.

[3] Interesting Engineering. (2025, July 26). Efficient Nuclear Tech: China Unveils Fourth-Gen Gigawatt-Level Fast Neutron Reactor Design. URL: https://interestingengineering.com/energy/china-nuclear-reactor-fast-neutron-design (дата обращения: 17.04.2026).

полученным при помощи России. Реактор предполагается запустить в 2034 г.

Важно обратить внимание, что в конце 2025 г. в КНР был принят новый Закон о внешней торговле[1]. В законе, в частности, артикулируется, что Китай может принимать любые решения по экспорту и импорту товаров и технологий в условиях войны или иных других чрезвычайных ситуаций в международных отношениях. Сфера ядерной энергетики — одна из немногих, где у России сохраняется неоспоримое технологическое преимущество. Для Китая развитие атомной энергетики и технологий замкнутого цикла — вопрос обеспечения не только энергетического суверенитета, но и национальной безопасности в целом. Поэтому сотрудничество в области мирного атома является одним из направлений, которое может корректировать общий пока сложившийся тренд — российские энергоресурсы в обмен на высокотехнологичную продукцию из Китая.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что инвестиционная стратегия КНР последовательно развивается, сохраняя приверженность идеям китайской модернизации. Ее основной задачей является реагирование на возникающие вызовы и решение внутренних и внешних проблем, стоящих перед китайской экономикой, через экспорт капитала. Развитие взаимного сотрудничества России и Китая является весьма важным как для сохранения политико-экономической стабильности внутри каждой из стран, так и в регионе в целом. Текущие объемы инвестиционного сотрудничества Китая и России отстают от уровня политических и торговых связей. К проблемам развития инвестиционных связей между странами можно отнести геополитическую неопределенность, риск вторичных санкций для китайских компаний, проблемы, связанные с развитием логистических маршрутов и удаленностью финансовых центров двух стран, различия в законодательстве и регуляторной среде, сложность административных барьеров и высокий уровень коррупции. Отдельной проблемой выглядят культурные и языковые ограничения. Решение этих проблем требует углубления межправительственного диалога, создания совместных инвестиционных фондов, упрощения визовых режимов для бизнеса и развития образовательных программ по межкультурной коммуникации. Вместе с тем китайские инвестиции уже сейчас играют существенную роль в экономике России в отраслях, связанных с ресурсодобывающей промышленностью. Дальнейшее расширение российско-китайских инвестиционных связей может стать противопоставлением глобальным вызовам в условиях меняющегося миропорядка. Обоюдовыгодными становятся совместные проекты в области производства высокотехнологичной продукции, атомной энергетики. Концепт инициативы «Пояс и путь» при этом останется динамичным, и в перспективе изменения в инвестиционной политике на внешнем контуре Китая будут отражать модификацию политического курса КНР под влиянием экзогенных и эндогенных детерминантов.

[1] 全国人民代表大会常务委员会 [Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей]. (2025, 27 декабря). 中华人民共和国对外贸易法 [Закон о внешней торговле КНР]. 中华人民共和国商务部. URL: https://hzf.mofcom.gov.cn/article/zyfw/flfw/swflfggz/flfwfl/202509/172.html (дата обращения: 17.04.2026).

Список источников

Андреева, Е. Л., Ратнер, А. В., Ильясов, П. В. (2025). Роль России и Китая в развитии интеграционного контура Большого Евразийского партнерства. *Экономика региона, 21* (3), 630–642. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4

Бойцов, А. В. (2025). Состояние и перспективы развития мировой сырьевой базы и производства урана. *Разведка и охрана недр,* (5), 4–11. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_04

Глинкина, С. П. (2016). Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийской интеграции. *Научные труды Вольного экономического общества России, 202* (5), 107–123.

Гребенкин, Н. А., Прохоров, Д. А. (2025). Минерально-сырьевая база урана России, задачи и направления геологоразведочных работ по ее развитию. *Разведка и охрана недр,* (5), 16–22. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_16

Епифанова, Н. С., Акулинин, В. Н. (2021). Приграничная торговля регионов России и провинций Китая. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 20* (10), 103–116. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116

Ефременко, Д. В. (2018). Сопряжение китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» и интеграционного проекта «Евразийский экономический союз» в контексте трансформаций современного мирового порядка. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 23* (23), 29–41. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003

Кузнецов, А. В. (2007а). Структура российских прямых капиталовложений. *Мировая экономика и международные отношения,* (4), 69–76.

Кузнецов, А. В. (2007б). *Интернационализация российской экономики: Инвестиционный аспект.* Москва: КомКнига, 288.

Кузнецов, А. В. (2012). Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. *Евразийская экономическая интеграция,* (4(17)), 007–031.

Кулинцев, Ю. В. (2021). Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 26*(26), 242–255. https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-242-255

Ларин, А. Г. (2016). К анализу сущности проекта ЭПШП и его сопряжения с ЕАЭС. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 21*(21), 138–149.

Лузянин, С. Г. (2017). «Один пояс, один путь»: российская проекция и проблемы сопряжения. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 22*(22), 27–36. https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002

Лузянин, С. Г., Афонасьева, А. В. (2017). Один пояс, один путь — политические и экономические измерения. *Вестник Томского государственного университета. Экономика,* (40), 5–14. https://doi.org/10.17223/19988648/40/1

Макаров, И. А., Соколова, А. К. (2016). Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 11*(2), 40–57.

Мясоедов, Б. Ф., Калмыков, С. Н., Шадрин, А. Ю. (2021). Химические технологии замыкания ядерного топливного цикла. *Вестник Российской академии наук, 91*(5), 459–469. https://doi.org/10.31857/S0869587321050170

Першуков, В. А., Тихомиров, Г. В. (2023). Замкнутый ядерный топливный цикл. *Энергетический вестник,* (28), 88–95.

Ревенко, Н. С. (2023). Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник,* (6), 30–43. https://doi.org/ 10.24412/2072-8042-2023-6-30-43

Скосырев, В. (2025). Трансформация инициативы «Пояс и путь» в контексте новых установок внутреннего развития КНР. *Экономическая политика, 20*(2), 106–123. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-2-106-123

Скриба, А. С. (2016). Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, 11*(3), 67–81. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67

Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2024). Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. *Россия и современный мир,* (3(124)), 6–29. https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01

Тураева, М. О., Яковлев, А. А. (2025). Торгово-инвестиционное сотрудничество Китая и ЕАЭС: итоги десятилетия. *Электронный научно-образовательный журнал «История», 16*(10(156)), 31. https://doi.org/10.18254/S207987840036873-9

Чжу, Ц., Вэй, Ю. (2022). Китай и ВТО: трудное вступление и становление в качестве лидера. *Вестник международных организаций, 17*(3), 7–22. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-01

Chen, H. (2024). The impact of the US-China trade war on the global macroeconomy. *SHS Web of Conferences, 188,* 02013. http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013

Gong, X. (2019). The Belt & Road initiative and China's influence in Southeast Asia. *The Pacific Review, 32*(4), 635–665. https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950

Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and its impact on global value chains. *Foreign Trade Review, 57*(4), 390–407. https://doi.org/10.1177/00157325211045463

Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. J. (2024). Chinese investment scope behind the "14+1" initiative: The effects of Chinese FDI and BRI investment on CEE exports. *Asian Perspective, 48*(2), 177–199. https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613

Humayun, R. T. (2024). *Russian-Chinese political economic interests in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Challenges and future prospects.* Chişinău: Eliva Press, 174.

Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road construction mode from institutional and cultural perspectives. *Journal of Geographical Sciences, 31,* 623–640. https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8

Malle, S. (2017). Russia and China in the 21st century. Moving towards cooperative behaviour. *Journal of Eurasian Studies, 8*(2), 136–150. https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003

Meng, G., Wang, R. & Wang, S. (2023). A review of China's overseas economic and trade cooperation zones along the Belt and Road: Progress and prospects. *Journal of Geographical Sciences, 33,* 1505–1526. https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8

Rahman, Z. U. (2022). A comprehensive overview of China's belt and road initiative and its implication for the region and beyond. *Journal of Public Affairs, 22,* e2298. https://doi.org/10.1002/pa.2298

Sarker, M. N. I., Hossin, M. A., Yin, X. H., & Sarkar, M. K. (2018). One Belt One Road initiative of China: Implication for future of global development. *Modern Economy, 9*(4), 623–638. https://doi.org/10.4236/me.2018.94040

Shakhriyor, G. (2024). Factors affecting Chinese Enterprises' investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum, 5*(3), 592–598. https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395

Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2024). Study on measurement and influencing factors of trade embodied carbon-based on China-Russia agricultural products trade. *Polish Journal of Environmental Studies, 33*(5), 5381–5390. http://dx.doi.org/10.15244/pjoes/183075

Wydler, P., & Baetsle, L. H. (2001). Closing the nuclear fuel cycle: Issues and perspectives. *Organisation for Economic Co-Operation and Development Nuclear Energy Agency,* 31–49.

Zhang, X., & Corrie, B. P. (2018). The history of Chinese direct foreign investment. In *Investing in China and Chinese Investment Abroad* (pp. 211–227). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-7983-2_11

Zhao, H. (2018). Greater Eurasian partnership: China's perspective. *China International Studies,* (68), 68–84.

Zhao, S. (2011). Review of anti-dumping and countervailing measures against the United States. In L. Chenggang (Ed.), *Game of WTO rules: Ten years of China's legal practice in WTO dispute settlement* (pp. 133–134). Beijing: The Commercial Press.

Zheng, X., & Chun, H. (2010). Evaluation of foreign direct investment policy in China in the perspective of institutional stability and change. Special Zone Economy, (8), 240–241.

王雨婷 [Ван, Ю.] (2024). 中国对俄直接投资问题分析 [Анализ прямых инвестиций Китая в Россию]. 北方金融, *[Северные финансы]*, (2), 14–17.

戴利研, 杨行行 [Дай, Л., Ян, Х.] (2023). 西方对俄制裁持续升级背景下中俄经贸合作策略分析 [Анализ стратегии китайско-российского экономического и торгового сотрудничества в контексте продолжающейся эскалации западных санкций против России]. 欧亚经济, *[Евразийская экономика]*, (6), 23–46.

徐鸿, 徐子辉, 张玉 [Сюй, Х., Сюй, Ц., Чжан, Ю.] (2025). 北大荒集团对俄投资前景分析及对策建议 [Анализ инвестиционных перспектив Beidahuang Group в России и предложения по контрмерам]. 中国农垦, *[Сельскохозяйственная рекультивация Китая]*, (1), 121–124.

张春萍 [Чжан, Ч.] (2022). 俄乌冲突下俄罗斯投资环境研究 [Исследование инвестиционного климата в России в условиях российско-украинского конфликта]. 商业经济, *[Экономика бизнеса]*, (8), 179–181.

References

Andreeva, E. L., Ratner, A. V., & Ilyasov, P. V. (2025). The Role of Russia and China in the Development of the Integration Outline of the Greater Eurasian Partnership. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 21*(3), 630–642. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-4 (In Russ.)

Boytsov, A. V. (2025). Status and Prospects of Global Uranium Resources and Production Development. *Razvedka i Okhrana Nedr [Exploration and Protection of Subsoil],* (5), 4–11. https://doi.org/ 10.53085/0034-026X_2025_5_04 (In Russ.)

Chen, H. (2024). The Impact of the US-China Trade War on the Global Macroeconomy. *SHS Web of Conferences,* 188, 02013. http://doi.org/10.1051/shsconf/202418802013 (Date of access: 17.04.2026).

Dai, L., & Yang, X. (2023). Xifang dui e zhancai chixu shengji beijing xia zhong e jingmao hezuo celve fenxi [Analysis of China-Russia Economic and Trade Cooperation Strategies in the Context of the Continuous Escalation of Western Sanctions Against Russia]. *Ouyajingji [Eurasian Economy],* (6), 23–46. (In Chinese)

Efremenko, D. V. (2018). Conjunction of China's Silk Road Economic Belt Initiative and the Eurasian Economic Union Integration Project in the Context of Contemporary World Order Transformations. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 23*(23), 29–41. https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10003 (In Russ.)

Epifanova, N. S., & Akulinin, V. N. (2021). Border Trade between Regions of Russia and Provinces of China. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 20*(10), 103–116. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-10-103-116 (In Russ.)

Glinkina, S. P. (2016). China's Post-Soviet Space Development Strategy and the Destiny of Eurasian Integration. *Nauchnye Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva Rossii [Scientific Papers of the Free Economic Society of Russia], 202*(5), 107–123. (In Russ.)

Gong, X. (2019). The Belt & Road Initiative and China's Influence in Southeast Asia. *The Pacific Review, 32*(4), 635–665. https://doi.org/10.1080/09512748.2018.1513950

Gopalakrishnan, B. N., Chakravarthy, S. L., Tewary, T., & Jain, V. (2022). Isolating China: Deglobalisation and Its Impact on Global Value Chains. *Foreign Trade Review, 57*(4), 390–407. https://doi.org/10.1177/00157325211045463

Gottwald-Belinic, M., & Sonora, R. J. (2024). Chinese Investment Scope Behind the "14+1" Initiative: The Effects of Chinese FDI and BRI Investment on CEE Exports. *Asian Perspective, 48*(2), 177–199. https://doi.org/10.1353/apr.2024.a928613

Grebenkin, N. A., & Prokhorov, D. A. (2025). Mineral Resources of Uranium in Russia, Tasks and Directions of Geological Exploration for Their Development. *Razvedka i Okhrana Nedr [Exploration and Protection of Subsoil],* (5), 16–22. https://doi.org/10.53085/0034-026X_2025_5_16 (In Russ.)

Humayun, R. T. (2024). *Russian-Chinese Political Economic Interests in the Shanghai Cooperation Organization (SCO): Challenges and Future Prospects.* Chișinău: Eliva Press, 174.

Kulintsev, Yu. V. (2021). "Dual Circulation" Strategy and Its Impact on Russian-Chinese Relations. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 26*(26), 242–255. https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-242-255 (In Russ.)

Kuznetsov, A. V. (2007a). Composition of Russian Direct Investments. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnyye Otnosheniya [World Economy and International Relations],* (4), 69–76. (In Russ.)

Kuznetsov, A. V. (2007b). *Internatsionalizatsiya Rossiiskoi Ekonomiki: Investitsionnyi Aspekt. [Internationalization of the Russian Economy: Investment Aspect].* Moscow: KomKniga, 288. (In Russ.)

Kuznetsov, A. V. (2012). Monitoring Mutual Investments in the CIS Countries. *Yevraziyskaya Ekonomicheskaya Integratsiya [Eurasian Economic Integration],* (4(17)), 007–031. (In Russ.)

Larin, A. G. (2016). Analyzing the Essence of the SREB Project and Its Conjugation with the EAEU. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 21* (21), 138–149. (In Russ.)

Liu, W., & Yao, Q. (2021). Theorizing Belt and Road Construction Mode from Institutional and Cultural Perspectives. *Journal of Geographical Sciences, 31,* 623–640. https://doi.org/10.1007/s11442-021-1862-8

Lusianin, S. G. (2017). "One Belt, One Road": Russian Projection and Problems of Conjunction. *Kitay v Mirovoy i Regional'noy Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 22* (22), 27–36. https://doi.org/10.24411/9785-0324-2017-00002 (In Russ.)

Lusianin, S. G., & Afonaseva, A. V. (2017). Belt and Road Initiative - Political and Economic Dimensions. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika [Bulletin of Tomsk State University. Economics],* (40), 5–14. https://doi.org/10.17223/19988648/40/1 (In Russ.)

Makarov, I. A., & Sokolova, A. K. (2016). The Conjugation of Eurasian Integration and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy: Obrazovaniye, Nauka, Novaya Ekonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 11* (2), 40–57. (In Russ.)

Malle, S. (2017). Russia and China in the 21st Century. Moving Towards Cooperative Behaviour. *Journal of Eurasian Studies, 8* (2), 136–150. https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.02.003

Meng, G., Wang, R. & Wang, S. A. (2023). Review of China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zones Along the Belt and Road: Progress and Prospects. *Journal of Geographical Sciences, 33,* 1505–1526. https://doi.org/10.1007/s11442-023-2140-8

Myasoedov, B. F., Kalmykov, S. N., & Shadrin, A. Yu. (2021). Chemical Technologies for Closing the Nuclear Fuel Cycle. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 91* (5), 459–469. https://doi.org/10.31857/S0869587321050170 (In Russ.)

Pershukov, V. A., & Tikhomirov, G. V. (2023). Closed Nuclear Fuel Cycle. *Energeticheskiy Vestnik [Energy Bulletin],* (28), 88–95. (In Russ.)

Rahman, Z. U. (2022). A Comprehensive Overview of China's Belt and Road Initiative and its Implication for the Region and Beyond. *Journal of Public Affairs, 22,* e2298. https://doi.org/10.1002/pa.2298

Revenko, N. S. (2023). Russia-China Investment Cooperation: Current State and Prospects. *Rossiiskii Vneshneehkonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (6), 30–43. https://doi.org/ 10.24412/2072-8042-2023-6-30-43 (In Russ.)

Sarker, M. N. I., Hossin, M. A., Yin, X. H., & Sarkar, M. K. (2018). One Belt One Road Initiative of China: Implication for Future of Global Development. *Modern Economy, 9* (4), 623–638. https://doi.org/10.4236/me.2018.94040

Shakhriyor, G. (2024). Factors Affecting Chinese Enterprises' Investment in Central Asian Markets. *Modern Economics & Management Forum, 5* (3), 592–598. https://doi.org/10.32629/memf.v5i3.2395

Skosyrev, V. A. (2025). Transformation of the Belt and Road Initiative Under the New Guidelines for China's Internal Development. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy], 20* (2), 106–123. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2025-2-106-123 (In Russ.)

Skriba, A. S. (2016). Connecting the EAEU and the Silk Road Economic Belt: Interests of Participants and Challenges of Implementation. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy: Obrazovaniye, Nauka, Novaya Ekonomika [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy], 11* (3), 67–81. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2016-03-67 (In Russ.)

Turaeva, M. O., & Yakovlev, A. A. (2024). Russia and China Cooperation in a New Environment: Some Economic Results from 2023. *Rossiya i Sovremennyi Mir [Russia and the Contemporary World],* (3(124)), 6–29. https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01 (In Russ.)

Turaeva, M., & Yakovlev, A. A. (2025). Trade and Investment Cooperation between China and the EAEU: Results of the Decade. *Elektronnyi Nauchno-Obrazovatel'nyi Zhurnal "Istoriya" [Istoriya], 16* (10(156)), 31. https://doi.org/10.18254/S207987840036873-9 (In Russ.)

Wang, Y. (2024). Zhongguo dui e zhijie touzi wenti fenxi [Analysis of China's Direct Investment in Russia]. *Beifang Jinrong [Northern Finance],* (2), 14–17. (In Chinese)

Wei, W., Li, Q., Yu, Z., Wang, Y., & Wang, H. (2024). Study on Measurement and Influencing Factors of Trade Embodied Carbon-Based on China-Russia Agricultural Products Trade. *Polish Journal of Environmental Studies, 33* (5), 5381–5390. http://dx.doi.org/10.15244/pjoes/183075

Wydler, P., & Baetsle, L. H. (2001). Closing the Nuclear Fuel Cycle: Issues and Perspectives. *Organisation for Economic Co-Operation and Development Nuclear Energy Agency,* 31–49.

Xu, H., Xu, Z., & Zhang, Y. (2025). Beidahuang jituan dui e touzi qianjing fenxi ji duice jianyi [Analysis of Beidahuang Group's Investment Prospects in Russia and Suggestions for Countermeasures]. *Zhongguo Nongken [China Agricultural Reclamation],* (1), 121–124. (In Chinese)

Zhang, C. (2022). E wu chongtu xia eluosi touzi huanjing yanjiu [Research on Russia's Investment Environment Under the Russia-Ukraine Conflict]. *Shangye Jingji [Business Economy],* (8), 179–181. (In Chinese)

Zhang, X., & Corrie, B. P. (2018). The History of Chinese Direct Foreign Investment. In *Investing in China and Chinese Investment Abroad* (pp. 211–227). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-10-7983-2_11

Zhao, H. (2018). Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. *China International Studies,* (68), 68–84.

Zhao, S. (2011). Review of Anti-Dumping and Countervailing Measures Against the United States. In L. Chenggang (Ed.), *Game of WTO Rules: Ten Years of China's Legal Practice in WTO Dispute Settlement* (pp. 133–134). Beijing: The Commercial Press.

Zheng, X., & Chun, H. (2010). Evaluation of Foreign Direct Investment Policy in China in the Perspective of Institutional Stability and Change. *Special Zone Economy,* (8), 240–241.

Zhu, J., & Wei, Yu. (2022). China and the WTO: From Difficult Access to Partial Leadership. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsii: Obrazovanie, Nauka, Novaya Ekonomika [International Organisations Research Journal], 17* (3), 7–22. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-03-01 (In Russ.)

Информация об авторах

Тураева Мадина Октамовна — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; Scopus Author ID: 57310627000; https://orcid.org/0000-0002-7666-6509 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: m.o.turaeva@gmail.com).

Яковлев Артём Александрович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН; заместитель директора Московской школы экономики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Scopus Author ID: 57310627000; https://orcid.org/0009-0004-5579-4458 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru).

About the authors

Madina O. Turaeva — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 57310627000; https://orcid.org/0000-0002-7666-6509 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: m.o.turaeva@gmail.com).

Artem A. Yakovlev — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University; Scopus Author ID: 57310627000; https://orcid.org/0009-0004-5579-4458 (32, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; 1, Leninskie Gory St., Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: ikovlevartem@yandex.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 08.02.2026. Received: 08 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 06.04.2026. Reviewed: 06 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-9
УДК 338+338.486
JEL E22, O53, Z3

OPEN ACCESS CC BY 4.0

М. А. Положихина [а], *С. Н. Смирнов* [б]

[а, б] Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Возможности расширения экспорта туристических услуг России в страны Большой Евразии: инвестиционный аспект[1]

Аннотация. В условиях конфронтация со странами «коллективного Запада» и «поворота России на Восток» вопросы развития связей в рамках Большой Евразии выходят на первый план. В современном мире результативность и надежность международного сотрудничества определяется достижением не только позитивных экономических эффектов, но и гуманитарных целей. Такому подходу соответствует предлагаемая авторами стратегия поддержки экономики добрососедства. Одним из направлений хозяйственной деятельности, которое можно считать частью экономики добрососедства, является туризм и индустрия гостеприимства. Цель настоящей работы заключалась в определении возможностей и направлений повышения привлекательности туризма в Россию для стран Большой Евразии, в том числе с точки зрения инвестиционных вложений в развитие отрасли. Основной задачей исследования было изучение въездного туристического потока в РФ и препятствий для его увеличения. Для этого использовались экономико-статистические методы (в том числе группировки и ранжирование), а также анализ научной литературы, экономической и социально-политической информации открытого доступа за 2019, 2022–2025 гг. (прежде всего, данных ЕМИСС). Согласно официальным статистическим данным, с января по сентябрь 2025 г. число туристических посещений России составило около 1/3 от соответствующего периода 2019 г. Для увеличения въездного туристического потока в Россию необходима адаптация предложений к особенностям спроса туристов из азиатских стран. Перспективным представляется расширение привлечения частного иностранного бизнеса в относительно мелкие по масштабам, но многочисленные проекты регионального уровня. При этом принимающая российская сторона должна руководствоваться принципами взаимовыгодности и сбалансированности интересов участников, предотвращения разрастания «серого» бизнеса, что требует тщательной подготовки соответствующих планов. Полученные результаты представляют интерес в контексте совершенствования политики России в сфере въездного туризма, а также разработки предложений по ее инвестиционному сотрудничеству со странами Большой Евразии.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, Китай, туризм, туристические потоки, инвестиционные проекты

Для цитирования: Положихина, М. А., Смирнов, С. Н. (2026). Возможности расширения экспорта туристических услуг России в страны Большой Евразии: инвестиционный аспект. *Экономика региона, 22*(3), 597–611. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-9

[1] © Положихина М. А., Смирнов С. Н. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Maria A. Polozhikhina [a)], *Sergey N. Smirnov* [b)]

[a, b)] Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russian Federation

The Possibilities of Expanding the Export of Russia's Tourism Services to the Countries of Greater Eurasia: An Investment Aspect

Abstract. Amid Russia's persisting confrontation with the countries of the "collective West", its strategic orientation increasingly shifts toward the East, which determines the imperative to foster closer relations within Greater Eurasia. Moreover, in the modern world, the effectiveness and reliability of international cooperation depend not only on positive economic effects, but also on humanitarian ones. In line with this approach, the paper proposes a strategy to promote economic cooperation in Greater Eurasia, focusing primarily on the sphere of tourism and hospitality. This research investigates ways to increase Russia's appeal to tourists from Greater Eurasia, with particular attention given to investment in the tourism industry. The analysis targets the inbound tourist flow to Russia and the systemic barriers to its recovery by drawing on economic and statistical methods, including grouping and ranking, combined with a review of open-access academic literature and socio-economic data (primarily from EMISS) for 2019 and 2022–2025. According to official statistics, in January-September 2025, tourist trips to Russia amounted to approximately one-third of the level recorded in the same period of 2019, which points to a significant decline and the need for targeted measures. To reverse this trend, tourism offerings should be tailored to the preferences of visitors from Asian countries. A promising approach involves scaling up private foreign business initiatives through a portfolio of small, regionally anchored projects. In pursuing these efforts, the Russian side must uphold mutually beneficial and balanced interests among all participants and prevent the spread of "grey" business practices, which necessitates meticulous planning and oversight. The findings provide actionable insights for refining Russia's inbound tourism policy and can serve as a foundation for developing concrete proposals on investment cooperation with Greater Eurasian countries.

Keywords: Greater Eurasia, Russia, China, tourism, tourist flows, investment projects

For citation: Polozhikhina, M. A., & Smirnov, S. N. (2026). The Possibilities of Expanding the Export of Russia's Tourism Services to the Countries of Greater Eurasia: An Investment Aspect. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 597–611. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-9

Введение

В условиях обострения конфронтации России со странами «коллективного Запада» и ее «поворота на Восток» концепция «Большой Евразии»[1] приобрела особую актуальность. «Проект (или, как его иногда называют, „Большое евразийское партнерство") подразумевает создание сети зон свободной торговли, межблоковых торгово-экономических партнерств и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем евразийском материке»[2]. По словам С. Караганова, это «концепция континентальной системы межгосударственных отношений в Евразии, основанных на доверии и всеобщем стремлении к безопасности»[3]. По мнению других исследователей, главным здесь является «особое качество взаимоотношений стран региона, в первую очередь, между РФ и КНР» (Хорбаладзе, 2022, с. 119). Отмечается, что для России это уникальный шанс «построения взаимовыгодного единого экономического пространства с дружественными странами [прежде всего, с соседними] — Китаем, государствами Центральной Азии, Ираном, Индией и другими» (Бабаев, 2024).

Китай уже стал основным торговым партнером России. Развиваются ее торгово-экономические связи с Индией, Казахстаном, Турцией и прочими азиатскими странами. Особое значение для РФ в настоящее время имеет сотрудничество с ними в инвестиционной сфере.

Как подчеркивают специалисты, «на фоне ухода с российского рынка европейских компаний

[1] «В научный оборот термин „Большая Евразия" был введен в сентябре 2013 г. исследователем Центра европейских политических исследований (CEPS, Брюссель) М. Эмерсоном в докладе «Towards a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?». Его концепция «Большой Евразии» включает в себя все страны Европы и Азии в пределах евразийского суперконтинента и затрагивает вопросы совместных усилий в сфере стратегической безопасности, политических идеологий, долгосрочных социально-экономических проблем и культурных ценностей между ними. … Согласно классификации ООН, в Большую Евразию входят 48 стран Европы, 50 — Азии и 7 — Северной Африки, охватывающие восемь из двенадцати локальных цивилизаций и девять цивилизационных объединений» (О Большой Евразии. (б. д.). Большая Евразия. URL: https://gea.site/about/ (дата обращения: 20.01.2026)). В отечественной концепции, сформулированной в 2015 г., под «Большой Евразией» понимаются страны Евразийского экономического союза (Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения) и государства Азии. Данной трактовки придерживаются и авторы настоящей работы.

[2] О Большой Евразии. (б. д.). Большая Евразия. URL: https://gea.site/about/ (дата обращения: 20.01.2026).

[3] О Большой Евразии. (б. д.). Большая Евразия. URL: https://gea.site/about/ (дата обращения: 20.01.2026).

и ограничения доступа Москвы к международным рынкам капитала Китай стал одним из немногих стратегических партнеров Российской Федерации, способных компенсировать ей часть утраченных возможностей» (Се, 2025), хотя на конец 2022 г. «объем накопленных китайских прямых инвестиций в Россию составил всего 9,9 млрд долл. США», а «Россия занимала 20-е место среди основных стран и регионов — объектов внешнего инвестирования Китая, с долей 0,3 %» (Се, 2025). В 2023 г. объем накопленных китайских прямых инвестиций в Россию увеличился до 10,67 млрд долл. США, т. е. всего на 7,8 % — «инвестиционная активность китайских компаний отличается высокой избирательностью и осторожностью, что обусловлено как внешнеполитическими рисками, так и институциональными барьерами внутри России» (Се, 2025). Более того, «эффективность торгово-инвестиционного сотрудничества двух сторон ограничена [помимо небольшого объема накопленных китайских прямых инвестиций] относительно низкой рентабельностью и окупаемостью секторов экономики, в которые привлечены китайские капиталовложения» (Юрова, Цзяхуэй, 2019).

Сотрудничество стран Большой Евразии в целом и России с Китаем в частности, в том числе в инвестиционной сфере, с одной стороны, весьма перспективно и обладает большим потенциалом, с другой стороны, характеризуется высокими и разнообразными рисками (Бризицкая, 2023). Кроме того, число реализованных проектов пока невелико, и они сконцентрированы в небольшом количестве отраслей (сфера туризма в этот список не входит). В связи с этим связи России со странами региона нужно не только наращивать, но и диверсифицировать, соблюдая принцип взаимовыгодности и сбалансированности интересов участвующих сторон.

Цель настоящей работы заключалась в определении направлений повышения привлекательности туристических поездок в Россию для стран Большой Евразии и возможностей привлечения инвестиций с их стороны в развитие отечественной туристической отрасли. Исследование основывается на использовании экономико-статистических методов, а также анализе научной литературы по обсуждаемым вопросам, экономической и социально-политической информации открытого доступа[1]. Полученные результаты представляют научно-практический интерес в контексте адаптации политики России в сфере въездного туризма к конкретным странам (для увеличения экспорта туристских услуг) и разработки предложений по ее инвестиционному сотрудничеству с Китаем и другими странами Большой Евразии.

Теоретическая база исследования

События последних лет (особенно пример Украины) наглядно демонстрируют, что надежное и прочное сотрудничество между разными странами нельзя строить только на экономической основе. В настоящее время это в значительной степени зависит еще и от сближения существующих систем ценностей. Более того, в современных условиях результативность сотрудничества определяется достижением не только позитивных экономических эффектов, но и гуманитарных целей.

Такому подходу соответствует стратегия поддержки экономики добрососедства. «Под экономикой добрососедства подразумевается совокупность видов хозяйственной деятельности, которые не только имеют положительный экономический результат, но и позитивно влияют на состояние и динамику социально-гуманитарной сферы, а также культурное пространство соседних стран» (Положихина, 2018). Применительно к Большой Евразии можно утверждать, что расширение экономики добрососедства содействует формированию здесь «единого гуманитарного пространства и безопасных условий жизнедеятельности» (Положихина, 2018).

Одним из направлений хозяйственной деятельности, которое можно считать частью экономики добрососедства, является туризм и индустрия гостеприимства. Общеизвестно, что эта отрасль характеризуется достаточно быстрой окупаемостью капитальных вложений и значительным мультипликативным экономическим эффектом для принимающей стороны за счет создания новых рабочих мест и притока денежных средств, включая инвестиции, в различные регионы (Scherf, 2018; Иванова и др., 2022). Одновременно развитие туризма способствует укреплению доверия между разными странами (в результате знакомства с культурой, историей и традициями друг друга) и служит стимулом расширения их сотрудничества.

С 2021 г. в России реализуется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства» (обновлен в 2024 г.). В качестве одной из его целей предполагается к 2030 г. увеличить экспорт туристских услуг до 10,75 млрд долл. США[2]. Пока же, «несмотря на огромную и во многом уникальную территорию, наша страна не входит

[1] Следует подчеркнуть, что пока инвестиционные проекты стран Большой Евразии в российской отрасли туризма и гостеприимства единичны и не могут изучаться статистическими методами. Кроме того, информация о них крайне скудна и не предоставлена в официальных статистических базах данных.

[2] Правительство Российской Федерации. (б. д.). Национальный проект «Туризм и гостеприимство». URL: http://government.ru/rugovclassifier/920/about/ (дата обращения: 14.01.2026).

в топ-10 стран мира по развитию въездного туризма» (Халтурина, Терешкина, 2025), в связи с чем стоит задача его стимулирования.

Можно предположить, что существует прямая и обратная зависимость между экспортом туристических услуг и масштабами инвестиционного сотрудничествами: крупные совместные инвестиционные проекты и расширение деловых контактов способствуют развитию туристических потоков между странами, а увеличение въездного туризма позитивно влияет на величину иностранных инвестиций в страну. Повышение привлекательности и популярности туристических поездок в Россию для иностранных граждан предполагает привлечение дополнительных внебюджетных средств, среди которых могут быть и инвестиции из стран Большой Евразии[1]. Для инвесторов проекты в сфере отечественного туризма «являются достаточно выгодными, т. к. отрасль стала рентабельной и за период 2019–2023 гг. увеличила свою прибыль более чем в два раза» (Халтурина, Терешкина, 2025). Однако для определения перспективных направлений инвестирования требуется детальное изучение спроса со стороны въезжающих в Россию иностранцев и специфики туристических потоков. Гипотеза настоящей работы заключалась в том, что недостаточно дифференцированное и адекватное спросу предложение со стороны России выступает существенным барьером для расширения как экспорта туристических услуг, так и для иностранных инвестиций в отрасль, в связи с чем основной задачей исследования стал анализ въездного туристического потока в РФ и препятствий для его увеличения.

Данные и методы

Изучение величины и структуры туристских потоков между Российской Федерацией и зарубежными государствами проводилось на примере относящихся к дружественным по отношению к России стран Евразии. Именно на них в последние годы переориентируются потоки выездных российских туристов. В то же время туристы из этих стран рассматриваются как ресурс для компенсации снижения потока въездных туристов в Россию из недружественных стран и, соответственно, сокращения объема российского экспорта туристских услуг (Розанова, 2022; Кобяк и др., 2023). В качестве таковых были выбраны девять стран: Вьетнам, Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Монголия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан.

Анализ строился на основе открытых официальных статистических данных о туристских посещениях, которые содержатся в Единой межведомственной информационно-статистической системе (ЕМИСС) и публикуются двумя ведомствами — Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) и Федеральной службой безопасности Российской Федерации (собирается ее структурным подразделением — Пограничной службой; далее — ПС ФСБ России). Необходимость использования двух источников определяется тем, что представляемая этими ведомствами информация формируется по разным методологиям.

Так, Росстат, публикуя сведения о туристских поездках между странами, относит к таким поездкам все въезды и выезды российских и иностранных граждан, за исключением тех, которые предполагают трудоустройство в стране посещения[2]. Туристскими поездками также не считаются транзитный проезд, переезд на постоянное место жительства, поездки обслуживающего персонала транспортных средств и сотрудников дипломатических ведомств, причем в статистике Росстата отсутствует детальное распределение туристских поездок (посещений) по их целям.

Распределение по целям туристских посещений содержится в статистике ПС ФСБ России[3]. Это позволяет разделить туристские посещения на собственно туристские, деловые, частные и в учебных целях. Вместе с тем Пограничная служба ФСБ России дает и общую статистику межстрановых посещений, за исключением поездок сотрудников дипломатических ведомств.

При формировании ряда статистических данных для их последующего анализа было принято

[1] В частности, после начала СВО с российского рынка гостиничных услуг ушло девять известных международных операторов. На освободившееся место пришли два новых бренда — Soluxe Hotel (КНР) и Rotana Hotel (ОАЭ), но основную долю на гостиничном рынке страны заняли отечественные компании: в 2025 г. она составила 63 %. Интерфакс. (2026, 14 января). В топ-5 сетевых операторов отелей в России осталась одна иностранная компания. URL: https://www.interfax.ru/business/1067594 (дата обращения: 11.04.2026)). «Иностранные инвесторы заинтересованы во вложениях в российский туризм, но инвестиции возобновятся в полной мере с восстановлением въездного турпотока в страну… нам нужно расширяться и нужно то, что они нам приносили — корпоративную культуру, высокие стандарты, …конкуренцию». ТАСС. (2023, 27 сентября). В МЭР заявили о заинтересованности иностранных инвесторов во вложениях в российский туризм. URL: https://tass.ru/ekonomika/18853177 (дата обращения: 11.04.2026)).

[2] ЕМИСС. (б. д.). Число въездных туристских поездок иностранных граждан в Российскую Федерацию. (2019, 2022–2025). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/59466 (дата обращения 12.01.2026); ЕМИСС. (б. д.). Число выездных туристских поездок граждан Российской Федерации за рубеж (2019, 2022–2025). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/59467 (дата обращения: 02.01.2026).

[3] ЕМИСС. (б. д.). Въезд иностранных граждан в РФ. (2019, 2025). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 06.01.2026); ЕМИСС. (б. д.). Выезд граждан России (2019, 2025). URL: https://www.fedstat.ru/indicator/38480 (дата обращения: 12.01.2026).

аргументированное решение использовать показатели за предковидный 2019 г., а также за 2022–2025 гг. (2021 г. был исключен как год постепенного постковидного восстановления туристских потоков). К моменту написания статьи в открытом доступе имелись сведения о числе таких посещений за январь–сентябрь 2025 г. Поэтому для обеспечения сопоставимости были использованы данные за тот же период в предшествующие годы.

Полученные результаты

Выбранный для анализа временной период оказался значимым в контексте изменения как величины въездных туристических посещений Российской Федерации, так и их структуры (табл. 1).

Динамика туристического потока. Как следует из данных таблицы 1, общее число туристических посещений России в постковидный период так и не восстановилось: в январе–сентябре 2025 г. оно составило всего около 1/3 их количества в том же периоде 2019 г. Следствием новых международных реалий, складывающихся начиная с 2022 г., стало резкое сокращение туристических посещений страны гражданами так называемых недружественных государств, включая поездки в деловых целях (из-за прекращения деятельности многих иностранных компаний и т. д.).

В этих условиях основную роль в формировании въездного туристического потока в Российскую Федерацию стали играть страны, которые ранее входили в качестве союзных республик в состав бывшего СССР (прежде всего, Казахстан, затем Узбекистан, Таджикистан, Киргизия), а также Китай, Монголия, Индия и Вьетнам. Если в январе–августе 2019 г. доля граждан этих стран в числе въездных туристических посещений России составляла всего 29,3 %, то в январе–августе 2025 г. она увеличилась более чем в два раза — до 63 %.

Вместе с тем, в январе–августе 2025 г. по сравнению с тем же периодом 2024 г. заметно сократилось число туристических посещений России гражданами Таджикистана (на 31,2 %), Узбекистана (на 22,9 %), Киргизии (на 17,6 %) и в меньшей степени — гражданами Казахстана (на 5,1 %). Можно предположить, что такая динамика связана с переходом Российской Федерации к более жесткой миграционной политике и уменьшением количества поездок, которые на самом деле были связаны с поиском работы и не должны были относиться к туристическим. Существующий учет не позволяет однозначно разделить потоки въезжающих по целям. Например, с одной стороны, утверждается, что граждане Узбекистана проявляют высокий интерес к столице Российской Федерации: «узбекистанцы чаще других жителей [стран Центральной Азии] путешествуют в Москву»[1]. С другой стороны, действующее миграционное законодательство разрешает находиться в России в статусе туриста или гостя гражданам стран с безвизовым режимом (именно к ним относится Узбекистан), а последние могут здесь (нелегально) заниматься трудовой деятельностью[2].

Данные о туристических выездах российских граждан в перечисленные страны в рассматриваемый период представлены в таблице 2. Изменение их межстрановой структуры может быть оценено как более умеренное по сравнению с трансформацией межстрановой структуры туристических посещений России гражданами зарубежных стран, но с тем же вектором. Доля выездов российских туристов в рассматриваемые девять стран в общем количестве выездов, составлявшая в январе–сентябре 2019 г. 14,9 %, в том же периоде 2025 г. повысилась до 22,6 %, т. е. в 1,5 раза.

В целом в 2019, 2023 и 2024 гг. число туристических посещений Российской Федерации гражданами рассматриваемых стран, как это видно из данных таблиц 1 и 2, превышало число туристических посещений этих стран гражданами России (2022 г. стал исключением вследствие того, что не восстановился постковидный поток в Россию туристов из Китая). Однако в 2025 г. мог начаться перелом в соотношении туристических потоков в силу уже отмеченного усиления миграционного контроля.

Характеристика туристических поездок по целям. Рассматриваемые страны заметно различаются по «въездной специализации» в отношении Российской Федерации (табл. 3).

Так, наиболее высока доля поездок в туристических целях в структуре въездных туристов из Китая, Туркмении, Индии и Вьетнама. Но если с туристами из Китая ситуация очевидна, то намерения въезжающих туристов из других стран не столь однозначны. Ассоциация туроператоров России (АТОР) предполагает, что во многих случаях из целого ряда стран (помимо Туркменистана, отмечают Индию и Казахстан) в Россию приезжают не «классические туристы», основной целью которых является знакомство с историческими и культурными достопримечательностями. Например, граждане Туркменистана часто оформляют для въезда в Российскую Федерацию туристические или учебные визы, предполагая в дальнейшем устроиться здесь на работу,

[1] Sputnik Узбекистан. (2023, 17 ноября). Узбекистанцы чаще других жителей ЦА путешествуют в Москву. URL: https://uz.sputniknews.ru/20231117/uzbekistan-jiteli-puteshestviye-moskva-turizm-41067687.html (дата обращения 17.12.2025).

[2] Дзен. (2025, 9 августа). Мигранты придумали хитрый лаз в Россию: Ташкент нашёл беспроигрышный вариант. И невозможно ничего сделать. URL: https://dzen.ru/a/aJbJhipB1VzmMMM (дата обращения 02.01.2026).

Таблица 1

Число въездных туристических посещений Российской Федерации, ед.

Table 1

Number of inbound tourist trips to the Russian Federation, units

Страны	Январь-сентябрь					Январь-декабрь			
	2019	2022	2023	2024	2025	2019	2022	2023	2024
Всего туристических посещений, в т. ч.:	19 064 394	6 807 983	6 129 537	7 048 308	6 315 332	24 418 749	8 242 510	8 210 405	9 054 084
Казахстан	2 716 498	1 256 199	1 711 201	2 198 739	1 844 006	2 716 498	3 563 572	2 375 405	1 749 486
Китай	1 594 474	18 115	303 621	477 052	1 014 028	1 594 474	1 882 820	1 212 353	934 684
Киргизия	311 712	138 005	211 331	288 182	200 541	311 712	442 814	266 771	165 292
Монголия	295 384	110 803	210 214	287 300	265 314	295 384	375 701	347 689	234 675
Таджикистан	289 311	348 390	630 811	847 550	443 803	289 311	330 812	557 357	305 263
Узбекистан	262 878	249 121	635 643	834 156	672 240	262 878	324 228	863 258	518 522
Индия	72 774	21 257	23 778	32 363	31 459	72 774	90 872	41 071	41 412
Вьетнам	44 637	7 496	15 817	19 963	19 942	44 637	58 590	25 969	27 576
Всего по 8 странам[1)]	5 587 668	2 149 386	3 742 416	4 491 333	3 976 910	7 069 409	2 943 762	4 985 305	5 689 873
% к общему числу туристских посещений	29,3	31,6	61,1	63,7	63,0	29,0	35,7	60,7	62,80

[1)] Сведения о числе въездных туристических посещениях Российской Федерации гражданами Туркменистана в данных Росстата отсутствуют.
Источник: составлено и рассчитано авторами по данным Росстата.

Таблица 2

Число выездных туристических поездок граждан Российской Федерации за рубеж, ед.

Table 2

Number of outbound tourist trips by citizens of the Russian Federation, units

Страны	Январь-сентябрь					Январь-декабрь			
	2019	2022	2023	2024	2025	2019	2022	2023	2024
Всего туристических посещений, в т. ч.:	35 199 603	17 148 585	19 724 472	21 129 610	22 688 476	45 330 433	22 486 541	25 334 999	27 355 386
Казахстан	2 471 315	1 838 119	2 171 381	2 048 910	2 216 334	3 163 428	2 443 715	2 691 777	2 590 257
Китай	1 712 361	4 188	447 699	1 128 618	1 481 364	2 333 708	17 446	733 674	1 586 475
Вьетнам	404 609	4 631	1 988	32 113	219 244	572 082	4 657	3 646	47 945
Киргизия	194 260	305 081	328 537	283 608	268 921	239 067	399 735	396 300	341 482
Монголия	151 335	241 095	317 137	404 209	461 040	195 740	357 619	403 023	515 002
Таджикистан	109 907	16 579	59 677	49 923	52 494	188 614	49 620	92 446	82 994
Узбекистан	104 371	188 540	209 007	245 335	265 439	131 982	246 575	254 760	299 656
Индия	97 636	92 019	153 598	150 333	162 152	129 644	138 301	191 010	189 128
Всего по 8 странам[1)]	5 245 794	2 690 252	3 689 024	4 343 049	5 126 988	6 954 265	3 657 668	4 766 636	5 652 939
% к общему числу туристических посещений	14,9	15,7	18,7	20,6	22,6	15,3	16,3	18,8	20,7

[1)] Сведения о числе выездных туристских посещений Туркменистана гражданами Российской Федерации в данных Росстата отсутствуют.
Источник: составлено и рассчитано авторами по данным Росстата.

Таблица 3

Распределение въездных туристических посещений Российской Федерации по целям в январе–сентябре 2025 г., %

Table 3

Distribution of inbound tourist visits to the Russian Federation by purpose, January–September 2025, %

Страны	Всего	В том числе по целям посещения:			
		туризм	деловая поездка	учеба	частная поездка
Все страны, из них:	100	16,7	6,5	7,0	69,8
9 стран, в том числе:	100	16,4	7,3	8,9	67,4
Китай	100	64,3	23,3	9,2	3,3
Туркменистан	100	51,9	7,2	19,7	21,2
Индия	100	32,5	14,0	46,2	7,3
Вьетнам	100	25,3	30,0	7,8	37,0
Узбекистан	100	1,9	3,8	9,9	84,3
Киргизия	100	1,5	5,8	17,6	75,1
Казахстан	100	0,8	1,4	4,9	92,9
Монголия	100	0,4	1,5	2,4	95,7
Таджикистан	100	0,2	2,6	15,6	81,6

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ПС ФСБ России.

или «граждане приезжают с личными целями, но указывают в качестве цели поездки туризм»[1].

В свою очередь, доля поездок с деловыми целями наиболее высока среди въезжающих в Россию граждан из Вьетнама, Китая и Индии. В условиях развивающегося сотрудничества с этими странами это вполне закономерно. Хотя следует отметить, что для «деловых» туристов модель пребывания в стране посещения отличается от «классического» туризма. Культурная программа и знакомство с местными достопримечательностями для них служит возможным дополнением к основным мероприятиям, в связи с чем наиболее привлекательным и перспективным является предложение краткосрочных туристических поездок.

Так называемый «учебный туризм» наиболее характерен для въезжающих в Россию граждан Индии и в меньшей степени — Туркменистана, Киргизии и Таджикистана. В большинстве случаев приехавшие в страну на обучение осваивают учебные программы. Однако имеют место множественные прецеденты, когда, не завершив обучение, бывшие студенты выходят на российский рынок труда, пополняя ряды трудовых мигрантов. Кроме того, в процессе обучения у них возникают проблемы, связанные с учебной дисциплиной, межкультурной коммуникацией и т. п. (Рожнова, 2021).

Наконец, частные цели доминируют в общем числе поездок въезжающих в Россию туристов из Монголии, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, что косвенно подтверждает сделанные ранее комментарии относительно фактических намерений посещения России гражданами этих стран.

Распределение выездных туристических поездок граждан Российской Федерации по их целям также сильно варьирует между рассматриваемыми странами (табл. 4).

Наибольший интерес в качестве туристических дестинаций для выезжающих граждан России представляют Индия, Вьетнам и Китай. В структуре туристических поездок в эти страны россиян доля «классических» туристов в январе–сентябре 2025 г. находилась в районе 2/3–3/4.

Основными деловыми партнерами РФ, судя по приведенной статистике, являлись Туркменистан, Индия и Китай. Однако доля деловых поездок в общем числе выездных туристических поездок незначительна, составив в предельном (максимальном) случае (Туркменистан) менее 10 %. Еще ниже доля поездок российских граждан на учебу в рассматриваемые страны, в качестве условного лидера которых ожидаемо оказался Китай. Напротив, для шести из девяти стран поездки в частных целях были основными для российских туристов, причем для выездов в Монголию, Казахстан и Таджикистан их доля превысила 90 %. К сожалению, структуризация частных поездок по конкретным целям отсутствует, что не дает возможности провести их детальный анализ.

В целом же роль рассматриваемых стран в туристических выездах российских граждан варьирует от крайне незначительной в поездках на учебу (0,4 %) и в деловых целях (2,8 %) до приближающейся к трети доле поездок классического туризма (29,1 %), при доминировании поездок в личных целях (67,7 %) (табл. 4). При этом, как и в случае с туристскими поездками в целом, доля россиян, которые выезжали во все рассма-

[1] Хроника Туркменистана. (2025, 8 августа). Туркменистан вошел в тройку стран-лидеров по числу граждан, приехавших в Россию по турвизам. URL: https://www.hronikatm.com/2025/08/turkmenistan-voshel-v-trojku-stran-liderov-po-chislu-grazhdan-priehavshih-rossiyu-po-turvizam/ (дата обращения: 06.01.2026).

Таблица 4

Распределение выездных туристических посещений граждан Российской Федерации по целям в январе–сентябре 2025 г., %

Table 4

Distribution of outbound tourist trips by citizens of the Russian Federation by purpose, January–September 2025, %

Страны	Всего	В том числе по целям посещения:			
		туризм	деловая поездка	учеба	частная поездка
Все страны, из них:	100	44,2	1,4	0,2	54,2
9 стран, в том числе:	100	29,1	2,8	0,4	67,7
Китай	100	64,3	5,2	1,2	29,3
Туркменистан	100	25,5	9,2	0,2	65,2
Индия	100	74,3	6,9	0,3	18,6
Вьетнам	100	69,8	1,0	0,0	29,2
Узбекистан	100	34,8	3,6	0,2	61,3
Киргизия	100	17,8	3,4	0,2	78,5
Казахстан	100	5,1	1,3	0,1	93,6
Монголия	100	1,3	1,0	0,1	97,7
Таджикистан	100	6,4	1,8	0,1	91,8

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ПС ФСБ России.

триваемые страны, в январе–сентябре 2025 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. ожидаемо увеличилась по всем целям поездок. Так, по поездкам на учебу это увеличение составило 3,85 раза, по классическому туризму — 1,82 раза, по деловым поездкам — 1,61 раза и по частным поездкам — 1,47 раза.

Страновая концентрация туристского потока по целям. Полученные результаты свидетельствуют, что концентрация въездных туристских посещений Российской Федерации по целям достаточно высока (рис. 1).

В структуре туристских посещений России очевидна доминирующая роль Китая как основной страны-импортера российских туристских услуг. В целом доля посетителей из этой страны в общем числе въехавших в Российскую Федерацию с целью туризма в январе–сентябре 2025 г. превысила половину, составив 55,3 %.

Страновая структура въездных поездок в Россию граждан девяти рассматриваемых стран в деловых целях также характеризуется доминированием, хотя и в меньшей степени, туристов из Китая. В общем же числе въездных посещений России с деловой целью доля граждан этой страны в январе–сентябре 2025 г. составила, как и в случае с поездками в целях туризма, больше половины (51,1 %).

Страновая структура поездок на учебу в Россию граждан рассматриваемых стран характеризуется отсутствием ярко выраженного лидера, хотя на четыре страны, доля граждан которых в таких въездных поездках в Россию наиболее высока (Казахстан, Китай, Таджикистан

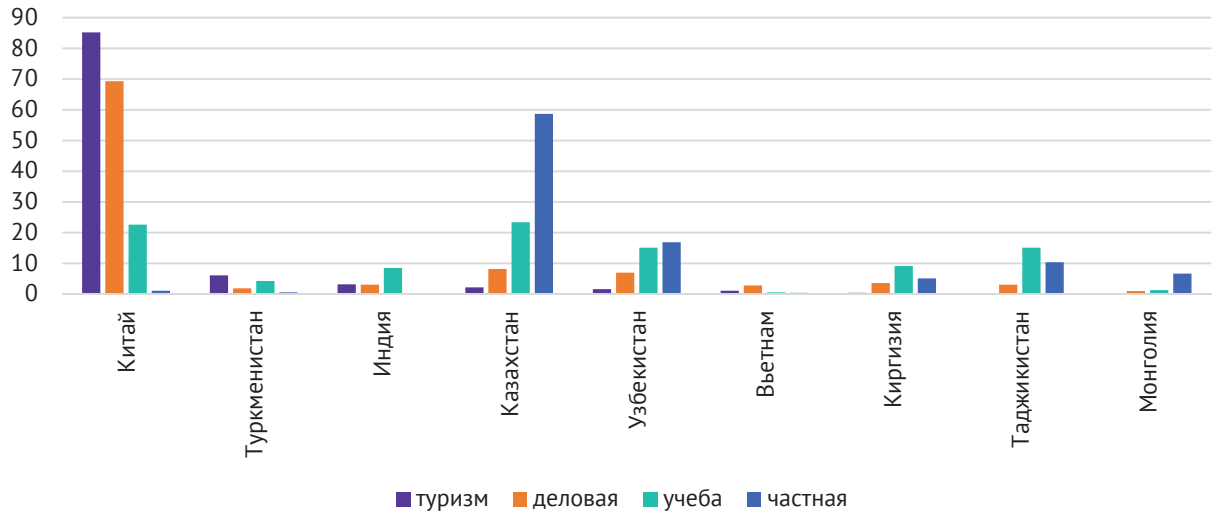

Рис. 1. Страновая структура въездных туристических посещений России по целям поездок в январе–сентябре 2025 г., % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным ПС ФСБ России)

Fig. 1. Country structure of inbound tourist trips to Russia by purpose, January–September 2025, % (source: compiled and calculated by the authors based on data from the Federal Security Service of Russia (FSB) Border Service)

и Узбекистан), в рассматриваемом периоде пришлось в совокупности более 3/4 поездок. Эти четыре страны обеспечили немногим менее 2/3 общего числа посещений России в учебных целях.

Наконец, рассматривая страновую структуру посещений Российской Федерации гражданами рассматриваемых стран с частными целями, можно отметить, что основная их доля (почти 86 %) пришлась на въезды из трех стран, которые входили в состав прежнего СССР (Казахстан, Узбекистан и Таджикистан при безусловном лидерстве первой из них).

Статистические данные свидетельствуют, что концентрация выездных поездок граждан России по целям в рассматриваемые страны также высока, но отличается по структуре от встречного потока въезжающих иностранных граждан (рис. 2).

Очевидно лидерство Китая по трем из четырех целей выездных поездок. В существенно меньшей степени привлекают российских «классических» туристов Узбекистан и Вьетнам, хотя освоение их туристических рынков россиянами представляется достаточно перспективным. Аналогичная ситуация и в случае деловых поездок: при приоритете Китая ему значительно уступают поездки россиян в Казахстан и Узбекистан. Китай также является единственной страной из рассматриваемых, которая представляет интерес для стремящихся получить образование граждан России. Основной страной посещения россиянами с частными целями является Казахстан, которому значительно уступают Китай, Узбекистан, Таджикистан и Киргизия (что практически симметрично встречному потоку).

Балансы въездных и выездных туристских поездок. Соотношение въездных туристических посещений России и выездных туристических поездок россиян по рассматриваемым странам представлено в таблице 5.

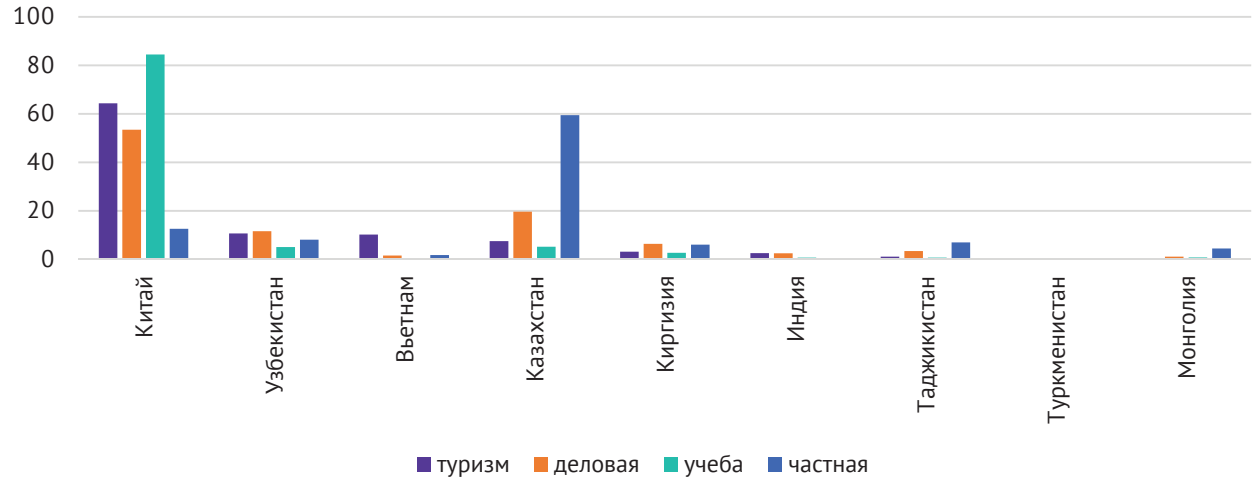

Рис. 2. Страновая структура выездных туристских поездок граждан России по целям поездок в январе-сентябре 2025 г., % (источник: составлено и рассчитано авторами по данным ПС ФСБ России).

Fig. 2. Country structure of outbound tourist trips by Russian citizens by purpose, January–September 2025, % (source: compiled and calculated by the authors based on data from the Federal Security Service of Russia (FSB) Border Service)

Таблица 5

Выездные поездки граждан Российской Федерации в январе–сентябре 2025 г. (въездные посещения Российской Федерации = 1)

Table 5

Outbound trips by citizens of the Russian Federation, January–September 2025 (inbound visits to the Russian Federation = 1)

Страна	Цель поездки			
	туризм	деловая	учеба	частная
Вьетнам	21,0	0,3	0,0	6,0
Таджикистан	19,7	0,5	0,0	0,8
Киргизия	16,3	0,8	0,0	1,5
Узбекистан	14,7	0,8	0,0	0,6
Казахстан	7,6	1,1	0,0	1,3
Монголия	2,6	0,5	0,0	0,8
Индия	1,8	0,4	0,0	2,0
Китай	1,7	0,4	0,2	14,8
Туркменистан	0,0	0,1	0,0	0,2

Источник: составлено и рассчитано авторами по данным ПС ФСБ России.

Выездные потоки «классических» российских туристов были больше въездных посещений Российской Федерации туристами в восьми из девяти случаев (за исключением Туркменистана), причем для четырех стран (Вьетнам, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) дисбаланс превысил порядок. Как сравнительно сбалансированные выездные потоки россиян и въездные потоки в Россию могут быть оценены для Индии и Китая, хотя и в этих случаях разрыв превысил полтора раза. Напротив, по соотношению потоков деловых туристов Россия уступает всем рассматриваемым странам, лишь немного (на 10 %) превосходя Казахстан. То же верно и в отношении поездок на учебу, причем это направление туристических поездок в рассматриваемые страны пользовалось практически нулевой популярностью у российских туристов. По частным поездкам ситуация неоднозначная: если для пяти стран выездные потоки российских туристов превысили въездные посещения России (причем в случае с Китаем более чем на порядок), то для четырех стран соотношение обратное. Судя по приведенным данным, в предельном случае Туркменистана частных интересов российских туристов в этой стране оказалось в пять раз меньше, чем таких интересов туркменских туристов в Российской Федерации.

Перспективы. Аналитическая служба АТОР полагала, что общее число прибытий иностранцев в Россию с целью туризма по итогам 2025 г. составит около 1,6–1,65 млн, что означает рост в пределах 2–5 % к показателям 2024 г. Половина всех прибытий ожидается из Китая[1]. «Статистика въездного туризма в 2025 г. показывает значительную перестройку карты ключевых рынков, несмотря на сохранение Китая в качестве основного. По сравнению с 2024 г. резко выросла доля Саудовской Аравии, идет рост турпотока из стран Юго-Восточной Азии и Индии, в десятку ворвался Оман, тогда как Иран выбыл из пятерки лидеров»[2].

По словам министра экономического развития РФ М.Г. Решетникова, для достижения целей реализуемого национального проекта «за ближайшие четыре года требуется на 6 млн увеличить поток въездных поездок к текущим [общим] 5 млн — прежде всего за счет туристов из Китая, Индии, стран Персидского залива и Восточной Азии»[3]. Для этого необходимы, помимо снятия ограничений на федеральном уровне (прежде всего, институциональных[4]), активные действия по развитию туризма в регионах страны и адаптация предложений к особенностям спроса со стороны туристов из азиатских стран.

Обсуждение

Согласно официальной информации, «центральным элементом [государственной] стратегии [в сфере туризма в России] является масштабное увеличение номерного фонда. … Общий объем инвестиций [бизнеса] в этот сегмент достиг 1,7 трлн р. … Одновременно ведется работа по легализации рынка. Сейчас в едином реестре насчитывается 25,5 тыс. классифицированных средств размещения. Следующим шагом станет легализация гостевых домов, что добавит еще 75 тыс. номеров»[5]. Однако дефицит гостиниц и номерного фонда в стране сохраняется. Согласно прогнозу экспертов АТОР, «антирейтинг субъектов РФ по обеспеченности гостиничным номерами к 2030 г., где туристический спрос в разы превышает предложение, возглавит Адыгея (229 человек/номер)»[6]. В числе «отстающих» находятся также Ростовская (157 человек/номер), Омская (154 человек/номер), Амурская (148 человек/номер) и Новосибирская (141 человек/номер) области. Строительство новых гостиниц и прочих объектов для размещения туристов в данных регионах весьма актуально.

Не менее важным направлением является снятие ограничений и расширение авиасообщений, реконструкция аэропортов и развитие транспортной инфраструктуры в целом, повышающее доступность российских реги-

[1] Массовый поток туристов из Китая в Россию начался в 2015 г. благодаря ослаблению (снижению курса) рубля и расширению чартерного авиасообщения. Его также поддерживал безвизовый режим для групповых туристических поездок, действовавший в 2000–2020 гг. и восстановленный в 2023 г. (Петушкова, 2023).

[2] Ассоциация туроператоров. (2025, 23 декабря). Въездной туризм в 2025 году: главное событие года и прогнозы. URL: https://www.atorus.ru/article/vezdnoy-turizm-v-2025-godu-glavnoe-sobytie-goda-i-prognozy-65795 (дата обращения: 16.01.2026).

[3] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2025, 20 ноября). На XXI съезде Российского союза обозначили новые векторы развития туризма. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/na_xxi_sezde_rossiyskogo_soyuza_oboznachili_novye_vektory_razvitiya_turizma.html (дата обращения: 16.01.2026).

[4] В частности, Китай и Россия в 2025 г. объявили о временном введении 30-дневого безвизового режима для обладателей общегражданских заграничных паспортов, осуществляющих въезд с туристическими, частными или деловыми целями, а также для участия в гуманитарных мероприятиях. Прорабатывается вопрос о введении взаимного 30-дневого безвизового режима для туристических групп России и Индии.

[5] Министерство экономического развития Российской Федерации. (2025, 7 октября). Максим Решетников: объем инвестиций бизнеса в туризм — почти 2 трлн рублей. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_obem_investiciy_biznesa_v_turizm_pochti_2_trln_rubley.html (дата обращения: 16.01.2026).

[6] Ассоциация туроператоров. (2025, 21 августа). Где в России будет особенно сильно не хватать гостиниц. URL: https://www.atorus.ru/article/gde-v-rossii-budet-osobenno-silno-ne-khvatat-gostinic-v-2030-godu-63678 (дата обращения: 21.01.2026).

онов для иностранных туристов. Так, между г. Благовещенск и г. Хэйхэ (Китай) строится через р. Амур уникальная канатная дорога (протяженностью 976,28 м) в рамках межправительственного соглашения, заключенного в сентябре 2015 г. «В июле 2019 г. был дан символический старт этому проекту с бюджетом 13,2 млрд р.»[1], а его завершение планируется в 2026 г. Причем это «не первый международный инфраструктурный проект, который связал Благовещенск и Хэйхэ. Ранее был успешно запущен автодорожный мост, соединяющий две страны»[2]. Вместе с тем, на территории России (особенно в восточных регионах) еще много нужно сделать в части модернизации железнодорожной сети, увеличения протяженности и повышения качества автомобильных дорог с твердым покрытием.

Привлекательность поездок иностранных туристов в Россию определяется не только количеством и доступностью мест размещения, но и их качеством, соответствием специфическим особенностям спроса гостей из азиатских стран (что не просто обеспечить в силу доминирования европейской ментальности у российских граждан). Например, «в силу разницы традиций, обычаев, норм поведения в обществе, привычек у китайских туристов существует ряд особых требований к предприятиям сервиса и туризма, которые они готовы посещать» (Асланова, 2020). В связи с этим в 2014 г. в России был разработан и начал внедряться специальный стандарт туруслуг China Friendly[3], адаптированный под данную целевую аудиторию. В 2024 г. Роскачество предложило перевести его в статус ГОСТа. Кроме того, в 2024 г. появились подобные сертификаты соответствия (стандарты) India Friendly и Muslim Friendly. Однако для того, чтобы использовать эти стандарты, отечественным предприятиям сферы гостеприимства нужны дополнительные инвестиции.

Эксперты называют и другие недостатки поездок в Россию для иностранных туристов[4]: а) проблемы со связью и доступом к Интернету: нет недорогих туристических SIM-карт, а обычную туристу купить почти невозможно, дорогой роуминг и трудности с авторизацией; б) проблемы оплаты: в настоящее время приходится пользоваться наличными и редко работающим UnionPay, интеграции с системой Alipay нет (хотя в обратную сторону она работает); в) недоступность общественного транспорта и множество затруднений при вызове такси (можно, например, скачать приложение «Яндекса» с китайским интерфейсом, но возникают сложности с геолокацией и оплатой — и комфорт привычного сервиса теряется); г) языковой барьер.

Некоторые из них устранимы, хотя для этого требуется время и деньги. Так, «сейчас ряд крупных российских банков и платежных систем занимается созданием специально для туристов из-за рубежа продукта, который позволит проводить все базовые трансакции в России — от покупки билетов на транспорт, в музеи до оплаты во время шопинга. Речь идет о переходе на новые технологии для платежей: QR-коды, различные приложения»[5].

Следует признать, что обучить поголовно разным иностранным языкам (особенно китайскому или другим восточным) весь обслуживающий туристов персонал в стране — задача нереальная. Выходом служит массовое использование мобильных переводчиков. Пока эта технология не получила широкого распространения в России, но именно за ней будущее. Вопрос со связью является более сложным и остается пока открытым.

Необходимо также учитывать предпочтения разных возрастных категорий туристов. Например, среди китайцев старшего и среднего возраста популярен так называемый «красный туризм» (Заклязьминская, 2022). «Классический „красный маршрут” в России включает в себя посещение трех столиц страны и города, где родился В. И. Ленин: это Москва, Петербург, Казань и Ульяновск» (Эпова, Козырская, 2021). Прочие российские регионы, обладающие соответствующим потенциалом, не придают значения развитию этого направления, тогда как «красный туризм» из Китая в ряд других стран мира (Германия, Франция, Вьетнам) становится все популярнее (Цзян, Юй, 2024). В то же время среди более молодого и образованного контингента въезжающих туристов, представляющих средний класс, «формируется устойчивая тенденция к индивидуализации туристических предпочтений. … Повышается интерес к куль-

[1] Известия. (2025, 10 сентября). Над Амуром протянули первый трос будущей канатной дороги Благовещенск–Хэйхэ. URL: https://iz.ru/1952090/2025-09-10/nad-amurom-protianuli-pervyi-tros-budushchei-kanatnoi-dorogi-blagoveshchensk-kheikhe (дата обращения: 24.01.2026).

[2] Российская газета. (2025, 10 сентября). Через Амур — за две минуты. Какой будет первая в мире международная канатная дорога между Благовещенском и Хэйхэ. URL: https://rg.ru/2025/09/10/reg-dfo/cherez-amur-za-dve-minuty.html (дата обращения: 24.01.2026).

[3] Роскачество. (2024, 16 июля). Что входит в новый стандарт туруслуг China Friendly? URL: https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/chto-vkhodit-v-novyy-standart-turuslug-china-friendly-/ (дата обращения: 16.01.2026).

[4] Profi.travel. (2026, 13 января). Как Россия выглядит глазами китайских туристов. URL: https://profi.travel/articles/63982/details (дата обращения: 19.01.2026).

[5] Коммерсант. (2025, 16 декабря). Российские банки готовят специальный продукт для интуристов. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8292678 (дата обращения: 24.01.2025).

турно-познавательным программам, гастрономическим турам и другим форматам, предполагающим более глубокое взаимодействие с культурной и социальной средой страны пребывания» (Бияк, Мо, 2025). В связи с этим отечественным туроператорам необходимо переходить от относительно дешевых предложений к предоставлению более качественных и дорогих туристических продуктов (например, включающих обеспечение временно действующей «гостевой» SIM-картой или прокатом специально подготовленного автомобиля и т. д.).

Следует отметить, что потоки иностранных туристов достаточно сильно локализованы по территории России. Традиционно они предпочитают посещать Москву и Санкт-Петербург, а также «малые аутентичные города с богатой историей в Центральной России — Суздаль, Владимир, Кострома и другие города „Золотого кольца”»[1]. У туристов из Китая популярны поездки в приграничные дальневосточные области (Приморье, Амурская область) и на Байкал. Новым привлекательным направлением стал Русский Север и Мурманская область в частности (особый интерес вызывает возможность увидеть северное сияние).

Перегруженность наиболее популярных туристических направлений вызывает отрицательные социально-экономические эффекты, что определяет необходимость разнообразить маршруты въездного туризма в России, тем более что возможности для этого существуют (Фролова и др., 2017; Амосова, Еремеева, 2018; Ишутин, 2023; Казакова, 2023). В частности, большие надежды связывают с реализацией трехстороннего (Китай, Монголия, Россия) международного туристического проекта «Великий чайный путь», заявленного в 2016 г. «В проект войдут 19 субъектов РФ, включая регионы с богатой историей чайной торговли и уникальным природно-культурным потенциалом»[2] (прежде всего, Республика Бурятия, Иркутская область и Красноярский край). «Предполагается, что проект будет иметь стратегическое значение для интеграции транспортных коридоров российского Евразийского экономического союза, монгольской программы «Степной путь» и китайской инициативы «Пояс и путь» (Алексахина, 2025).

Во многом недоиспользован и туристический потенциал Урала (Седова, 2000). Например, возможно создание новых туристических продуктов на основе сказов П. Бажова и традиций камнерезного искусства, а также ресурсов музея золота в г. Березовский (окрестности Екатеринбурга). Кроме того, нужна «поддержка малых предприятий и ремесленников [индивидуальных предпринимателей и самозанятых] в развитии сувенирной продукции, что позволит создавать уникальные товары, отражающие культурное наследие регионов» (Абудемалеке, Чхотуа, 2024).

Заключение

Результаты, полученные в ходе проведения настоящего исследования, согласуются с выводами других специалистов: основной въездной туристический поток в Россию формируют граждане Китая. Поездки граждан из прочих рассмотренных стран имеют преимущественно иные цели. В целом подтвердилась выдвинутая гипотеза о том, что барьеры для расширения экспорта услуг служат препятствием и для развития сотрудничества в инвестиционной сфере.

Преодоление существующих проблем видится в согласовании экономических и гуманитарных направлений взаимодействия в рамках предложенной стратегии развития экономики добрососедства. Применительно к сфере туризма и гостеприимства это предполагает больший учёт особенностей представителей стран Большой Евразии (национальных, религиозных, ментальных) в сервисном обслуживании и при выдвижении совместных проектов. Перспективным также представляется расширение привлечения частного иностранного бизнеса в более мелкие по масштабам, но более многочисленные проекты регионального уровня (строительство и реконструкция гостиниц, модернизация аэропортов, расширение и повышение качества автодорожной сети и сети железных дорог, подготовка кадров для отрасли туризма и гостеприимства и т. д.). Такие проекты выгодны инвесторам благодаря достаточно быстрой отдаче от вложений, а потребности российских регионов в их реализации значительны.

Однако при проявляемой осторожности и требовательности иностранных (особенно китайских) инвесторов принимающая российская сторона также должна проявлять осмотрительность, руководствуясь принципом соблюдения баланса интересов. Выдвижение новых проектов и проработка намеченных планов, а также исключение неформальных деловых рисков требуют продолжения изучения взаимного влияния сотрудничества в сфере туризма и в области инвестиций.

[1] Российская газета. (2025, 1 декабря). Москва, Петербург, Приморье, Амурская область: куда едут китайские туристы в России и что их привлекает в нашей стране. URL: https://rg.ru/2025/12/01/blagodaria-bezvizu-turpotok-iz-kitaia-v-rossiiu-mozhet-vyrasti-v-15-2-raza.html (дата обращения: 21.01.2026).

[2] Ecosever. (2025, 11 ноября). Чай, караваны и миллионы туристов: как три страны строят новый маршрут Евразии. URL: https://www.ecosever.ru/article/63074.html (дата обращения: 21.01.2026).

Список источников

Абудемалеке, А., Чхотуа, И. З. (2024) Стратегические возможности российско-китайского сотрудничества в сфере туризма в условиях реализации крупных трансграничных проектов. *Управленческое консультирование,* (5(185)), 168–183. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-168-183

Алексахина, С. Н. (2025). О развитии международного туризма в рамках проекта «Великий чайный путь». *Восточная Азия: факты и аналитика, 7* (2), 90–101. https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-90-101

Амосова, А. А., Еремеева, А. Д. (2018). Российско-китайское сотрудничество: музейная деятельность и туризм. *Вопросы музеологии, 9* (1), 64–72. https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.106

Асланова, Д. М. (2020). Программа «China Friendly» как важный инструмент развития предприятий туризма. *Экономика и социум,* (9(76)), 122–128.

Бабаев, К. В. (2024). Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток. *Экономика Центральной Азии, 8* (2), 91–110. https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012

Бияк, Л. Л., Мо, Ю. (2025). Китайско-российское сотрудничество и развитие в сфере туризма. *Прогрессивная экономика,* (5), 226–236. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_5_226

Бризицкая, А. В. (2023). Инвестиционное сотрудничество России и Китая: проблемы и направления развития. *Российский внешнеэкономический вестник,* (1), 108–119. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-108-119

Заклязьминская, Е. О. (2022). «Красный» туризм в Китае: идеологическая пропаганда и культурное строительство в условиях пандемии. *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее,* 279–286. https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.66.68.017

Иванова, Ю. О., Григорьева, В. В., Поздняков, К. К. (2022). Влияние туризма на национальную экономику и методы его оценки: обзор литературы. *Финансы и управление,* (1), 58–73. https://doi.org/10.25136/2409-7802.2022.1.37282

Ишутин, А. В. (2023). Туристический потенциал российских регионов (обзор). *Экономические и социальные проблемы России,* (4(56)), 129–136. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.09

Казакова, А. Ю. (2023). Кулинарный брендинг регионов России и туризм. *Экономические и социальные проблемы России,* (4(56)), 81–99. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.06

Кобяк, М. В., Ильина, Е. Л., Латкин, А. Н., Бакеев, Д. А. (2023). Развитие индустрии туризма в России в условиях современного геоэкономического ландшафта. *Экономические и социальные проблемы России,* (4(56)), 13–28. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.01

Петушкова, В. В. (2023). Китайский туризм в России: история и перспективы развития. *Экономические и социальные проблемы России,* (4(56)), 137–152. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.10

Положихина, М. А. (2018). Экономика добрососедства как направление развития Евразийского экономического союза. *Научные труды Вольного экономического общества, 213* (4), 287–303.

Рожнова, Е. П. (2021). Проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан из стран Средней Азии к российской образовательной среде в довузовский период. *Современное педагогическое образование,* (9), 186–190.

Розанова, Т. П. (2022). Антикризисные меры по снижению последствий влияния санкций на сферу туризма России. *Управленческие науки, 12* (2), 45–54. https://doi.org/10.26794/2304-022X2022-12-2-45-54

Седова, Т. К. (2000). Туристические возможности Уральского региона. *Вестник Челябинского государственного университета, 8* (1), 109–111.

Фролова, Е. В., Кабанова, Е. Е., Костина, М. В. (2017). Специфика культурно-познавательного туризма в городах Российской Федерации. *Материалы Афанасьевских чтений,* (2(19)), 42–54.

Халтурина, О. А., Терешкина, Н. Е. (2025). Туризм в России: итоги реализации Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». *Вестник Алтайской академии экономики и права,* (2–1), 130–135. https://doi.org/10.17513/vaael.3993

Се, Х. (2025). Китайские инвестиции в российскую экономику в условиях санкций. *Общество: политика, экономика, право,* (5(142)), 147–161. https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.18

Хорбаладзе, Э. Л. (2022). Концепция «Большая Евразия» как модель сетевого трансрегионализма. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки,* (4), 117–123. https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-4-117-123

Цзян, Ч., Юй, Т. (2024). Китайско-российское сотрудничество в области «красного туризма»: состояние сотрудничества, факторы влияния и предложения по развитию. *Международный научно-исследовательский журнал,* (7(145)), 147. https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.181

Эпова, Н. Р., Козырская, И. Е. (2021). Российско-китайские проекты как основа развития сотрудничества в сфере туризма. *Известия Байкальского государственного университета, 31* (3), 363–373. https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(3).363-373

Юрова, Н. В., Цзяхуэй, Я. (2019). Теоретические основы торгово-инвестиционного сотрудничества стран (на примере КНР и ЕАЭС). *Журнал Белорусского государственного университета. Экономика,* (2), 25–36.

Scherf, K. (Ed.). (2018). *Creative tourism in smaller communities: place, culture, and local representation.* Calgary: University of Calgary Press, 318.

References

Abudemaleke, A., & Chkhotua, I. Z. (2024). Strategic Opportunities for Russian-Chinese Cooperation in Tourism in the Context of the Implementation of Large Cross-Border Projects. *Upravlencheskoe Konsul'tirovanie [Administrative Consulting],* (5(185)), 168–183. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2024-5-168-183 (In Russ.)

Aleksakhina, S. N. (2025). On the Development of International Tourism Within the Framework of the Great Tea Road Project. *Vostochnaya Aziya: Fakty i Analitika [East Asia: Facts and Analytics], 7* (2), 90–101. https://doi.org/10.24412/2686-7702-2025-2-90-101 (In Russ.)

Amosova, A. A., & Eremeeva, A. D. (2018). Russian-Chinese Cooperation: Museum Work and Tourism. *Voprosy Muzeologii [The Issues of Museology], 9* (1), 64–72. https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.106 (In Russ.)

Aslanova, D. M. (2020). "China Friendly" Program as an Important Tool for the Development of Tourism Enterprises. *Ekonomika i Sotsium [Economics and Society],* (9(76)), 122–128. (In Russ.)

Babaev, K. V. (2024). The Idea of Greater Eurasia and the Russian Economy's Turn to the East. *Ekonomika Tsentral'noi Azii [Journal of Central Asia Economy], 8* (2), 91–110. https://doi.org/10.18334/asia.8.2.121012 (In Russ.)

Biyak, L. L., & Mo, Y. Yi. (2025). Sino-Russian Cooperation and Development in the Field of Tourism. *Progressivnaya Ekonomika [Progressive Economy],* (5), 226–236. https://doi.org/10.54861/27131211_2025_5_226 (In Russ.)

Brizitskaya, A. V. (2023). The Investment Cooperation Between Russia and China: Problems and Directions of Development. *Rossiiskii Vneshneekonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (1), 108–119. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-108-119 (In Russ.)

Epova, N. R., & Kozyrskaya, I. Ye. (2021). Russian-Chinese Projects as the Basis for the Development of Cooperation in Tourism. *Izvestiya Baikal'skogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of Baikal State University], 31* (3), 363–373. https://doi.org/10.17150/2500- 2759.2021.31(3).363-373 (In Russ.)

Frolova, E. V., Kabanova, E. E., & Kostina, M. V. (2017). The Specifics of Cultural and Educational Tourism in the Cities of the Russian Federation. *Materialy Afanas'evskikh Chtenii [Materials of the Afanasiev Readings],* (2(19)), 42–54. (In Russ.)

Ishutin, A. V. (2023). Touristic Potential of the Regions of Russia (Review). *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia],* (4(56)), 129–136. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.09 (In Russ.)

Ivanova, Yu. O., Grigorieva, V. V., & Pozdnyakov, K. K. (2022). The Impact of Tourism on the National Economy and Methods of Its Assessment: A Literature Review. *Finansy i Upravlenie [Finance and Management],* (1), 58–73. https://doi.org/10.25136/2409-7802.2022.1.37282 (In Russ.)

Jiang, Z., & Yu, T. (2024). Sino-Russian Cooperation in the Field of "Red Tourism": The State of Cooperation, Factors of Influence and Suggestions for Development. *Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatel'skii Zhurnal [International Scientific Research Journal],* (7(145)), 147. https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.145.181 (In Russ.)

Kazakova, A. Yu. (2023). Food Branding of Russian Regions and Tourism. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia],* (4(56)), 81–99. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.06 (In Russ.)

Khalturina, O. A., & Tereshkina, N. E. (2025). Tourism in Russia: The Results of the Implementation of the National Project "Tourism and the Hospitality Industry". *Vestnik Altaiskoi Akademii Ekonomiki i Prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law],* (2–1), 130–135. https://doi.org/10.17513/vaael.3993 (In Russ.)

Khorbaladze, E. (2022). The Concept of Greater Eurasia as a Model of Network Trans-Regionalism. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Istoriya i Politicheskie Nauki [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences],* (4), 117–123. https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-4-117-123 (In Russ.)

Kobyak, M. V., Ilina, E. L., Latkin, A. N., & Bakeev, D. A. (2023). Development of the Tourism Industry in Russia in the Conditions of the Modern Geo-Economic Landscape. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia],* (4(56)), 13–28. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.01 (In Russ.)

Petushkova, V. V. (2023). Chinese Tourism in Russia: History and Development Prospects. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia],* (4(56)), 137–152. https://doi.org/10.31249/espr/2023/04.10 (In Russ.)

Polozhikhina, M. A. (2018). The Economy of the Good-Neighborliness as the Direction of Development of the Eurasian Economic Union. *Nauchnye Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 213* (4), 287–303. (In Russ.)

Rozanova, T. P. (2022). Anti-Crisis Measures to Reduce the Consequences of the Impact of Sanctions on the Tourism Industry of Russia. *Upravlencheskie Nauki [Management Sciences], 12* (2), 45–54. https://doi.org/10.26794/2304-022X2022-12-2-45-54 (In Russ.)

Rozhnova, E. P. (2021). Problems of Socio-Cultural Adaptation of Foreign Citizens from Central Asian Countries to the Russian Educational Environment in the Pre-University Period of Study. *Sovremennoe Pedagogicheskoe Obrazovanie [Modern Pedagogical Education],* (9), 186–190. (In Russ.)

Scherf, K. (Ed.). (2018). *Creative Tourism in Smaller Communities: Place, Culture, and Local Representation.* Calgary: University of Calgary Press, 318.

Sedova, T. K. (2000). Tourist Opportunities of the Ural Region. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 8* (1), 109–111. (In Russ.)

Xie, H. (2025). Chinese Investments in Russia Under Anti-Russian Sanctions. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo [Society: Politics, Economics, Law],* (5(142)), 147–161. https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.18 (In Russ.)

Yurova, N. V, & Jiahui, Ya. (2019). Theoretical Foundations of Trade-Investment Cooperation Among Countries: The Case of China — EAEU Cooperation. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomika [Journal of the Belarusian State University. Economics],* (2), 25–36. (In Russ.)

Zakliazminskaia, E. O. "Red" Tourism in China: Ideological Propaganda and Cultural Construction in a Pandemic. *Vostochnaya Aziya: Proshloe, Nastoyashchee, Budushchee [East Asia: Past, Present, and Future],* 279–286. https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.66.68.017 (In Russ.)

Информация об авторах

Положихина Мария Анатольевна — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); https://orcid.org/0000-0003-3955-2040 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: polozhihina2@mail.ru)

Смирнов Сергей Николаевич — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); https://orcid.org/0000-0002-9206-6167 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; e-mail: sernsmirnov@mail.ru).

About the authors

Maria A. Polozhikhina — Cand. Sci. (Geog.), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); https://orcid.org/0000-0003-3955-2040 (51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: polozhihina2@mail.ru).

Sergey N. Smirnov — Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); https://orcid.org/0000-0002-9206-6167 (51/21, Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: sernsmirnov@mail.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 30.01.2026. Received: 30 Jan 2026.
Прошла рецензирование: 09.04.2026. Reviewed: 09 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-10
УДК 339.92:330.4
JEL C67, F15, F51, F52

OPEN ACCESS CC BY 4.0

А. Р. Бахтизин

Центральный экономико-математический институт РАН, г. Москва, Российская Федерация

Технологическая близость и макрорегионы: Россия и Китай в структуре евразийской экономики[1]

Аннотация. Усиление торговых ограничений и геоэкономической фрагментации меняет структуру мировой экономики и повышает значение макрорегиональных объединений. Устойчивость таких объединений зависит от объемов торговли, совместимости производственных систем, ресурсной обеспеченности и наличия самостоятельной финансовой инфраструктуры. Цель исследования состоит в выявлении структурных предпосылок формирования евразийского макрорегиона и определении роли России и Китая. Технологическая близость 80 стран оценивалась по унифицированным таблицам «затраты–выпуск» ОЭСР, охватывающим 55 отраслей, на основе сопоставления нормированных профилей промежуточных затрат. Динамика показателя анализировалась за 1995–2022 гг. Полученные оценки сопоставлялись с индексом национальной силы 193 государств, рассчитанным методами многомерного статистического анализа. В 1995–2020 гг. медианный коэффициент технологической близости оставался практически стабильным и находился в диапазоне 0,619–0,641. В 2022 г. он увеличился до 0,715. Этот рост, вероятно, отражает кризисную структурную адаптацию мировой экономики и пока не свидетельствует об устойчивом глобальном сближении. Выявлены европейское индустриальное ядро, азиатский производственный контур Китайской Народной Республики с наиболее тесными связями с Республикой Корея и Социалистической Республикой Вьетнам и структурная автономия США. Россия сохраняет наибольшую технологическую совместимость с индустриальной Европой и занимает промежуточное положение между формирующимися полюсами. По индексу национальной силы первое место занимает Китай, второе — США, третье — Россия. Российско-китайское взаимодействие в Большой Евразии целесообразно развивать через производственную кооперацию, ресурсную взаимодополняемость, инвестиционные связи и независимые расчетные механизмы. Результаты могут использоваться при оценке устойчивости макрорегиональных объединений и выборе направлений российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: технологическая близость, макрорегионы, геоэкономическая фрагментация, таблицы «затраты–выпуск», национальная сила, экономическая интеграция, Россия, Китай, Большая Евразия

Благодарности: *Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 26-18-00784 «Гибридные войны в современном мире: прогнозирование на основе агент-ориентированного подхода».*

Для цитирования: Бахтизин, А. Р. (2026). Технологическая близость и макрорегионы: Россия и Китай в структуре евразийской экономики. *Экономика региона, 22*(3), 612–625. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-10

[1] © Бахтизин А. Р. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Albert R. Bakhtizin
Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Moscow, Russian Federation,

Technological Proximity and Macro-Regions: Russia and China in the Structure of the Eurasian Economy

Abstract. Amid tightening trade restrictions and increasing geoeconomic fragmentation, the global economic structure is transforming, while the role of macro-regional blocs is growing in prominence. The resilience of these blocs hinges on trade volumes, the compatibility of production systems, resource availability, and the existence of an independent financial infrastructure. This study aims to shed light on the structural foundations necessary to form a Eurasian macro-region and to clarify how Russia and China fit into this framework. Technological proximity among 80 countries was evaluated using the OECD's unified input–output tables, which cover 55 industries. In the assessment, normalized intermediate input profiles were compared. The indicator's dynamics were traced over 1995–2022. The resulting estimates were cross-referenced with a national power index for 193 states, derived through multivariate statistical analysis. From 1995 to 2020, the median technological proximity coefficient remained largely stable, fluctuating within the 0.619–0.641 range. In 2022, it rose to 0.715. This increase likely reflects the structural adjustments that the global economy has been undergoing in response to crises, rather than a durable trend toward global convergence. The analysis revealed a European industrial core, an Asian production network centred on China (with particularly strong linkages to the Republic of Korea and the Socialist Republic of Vietnam), and the structurally autonomous position of the United States. Russia has the highest level of technological compatibility with industrial Europe and occupies an intermediate position between the emerging economic poles. According to the national power index, China ranks first, the United States second, and Russia third. To advance Russian–Chinese cooperation in Greater Eurasia most effectively, it is essential to strengthen industrial collaboration, capitalize on resource complementarities, deepen investment ties, and establish independent settlement mechanisms. These findings can be used to assess the resilience of macro-regional blocs and to identify priority areas for Russian–Chinese partnership.

Keywords: technological proximity, macro-regions, geoeconomic fragmentation, input-output tables, national power, economic integration, Russia, China, Greater Eurasia

Acknowledgments: *The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 26-18-00784 "Hybrid Wars in the Modern World: Forecasting Based on an Agent-Based Approach".*

For citation: Bakhtizin, A. R. (2026). Technological Proximity and Macro-Regions: Russia and China in the Structure of the Eurasian Economy. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 612–625. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-10

Введение

Ранее фрагментация мировой экономики и переход к технологической автаркии трактовались преимущественно как негативный процесс (Velasquez, 2024). Однако в последнее время в публикациях тех же международных организаций стали появляться альтернативные оценки. Так, в июле 2025 г. МВФ опубликовал результаты исследования, в котором оцениваются последствия формирования макрорегионов, разворота мировой торговли в сторону фрагментации и введения США санкционных пошлин против своих торговых партнеров (Rotunno & Ruta, 2025). Основной вывод заключается в том, что наиболее эффективная стратегия — не столько защита, сколько переформатирование внешнеэкономических связей в пользу формирования торговых макрорегионов. Позднее, в декабре 2025 г. МВФ усилил свой же вывод в другом исследовании — «Playing with Blocs: Quantifying Decoupling», где подчеркивалось, что возврата к глобализации не будет, а мировая торговля реконфигурируется между двумя формирующимися блоками вокруг США и Китая (Bonadio et al., 2025).

При этом если ранее МВФ прогнозировал однозначный ущерб от фрагментации, то теперь усиление регионализации оценивается приростом мирового ВВП на 0,3 %. Другой вывод заключается в том, что ущерб США как минимум сопоставим с ущербом КНР, и зеркальные пошлины лишь усиливают этот эффект. В мировой торговой войне выигрывают не инициаторы, а те, кто своевременно и эффективно выстраивает новые связи и ситуативно формирует макрорегионы. Таким образом, общий результат может быть положительным за счет бенефициаров, получивших своевременную выгоду. Это согласуется с другими эмпирическими оценками влияния протекционистских тарифов, показывающими перераспределительный, а не однозначно разрушительный эффект торговых ограничений (Amiti et al., 2019; Fajgelbaum et al., 2020).

Опыт оценки последствий предыдущих торговых войн, осуществленной совместно с коллегами из КНР (г. Гуанчжоу), показал, что в торговых конфликтах отсутствуют безусловные победители (Макаров и др., 2020). Вместе с тем США оказываются более уязвимыми по сравнению с Китаем

вследствие более глубокой деиндустриализации экономики. Что касается стран Европейского союза, то в силу высокой степени открытости их экономических систем они подвержены значительным рискам в случае повышения торговых пошлин либо частичного сокращения внешнеторговых потоков.

Учитывая перераспределение глобальной силы и происходящий переход первенства в показателе национальной силы от США к КНР, можно предположить, что мир переходит к новой конфигурации. В настоящий момент формируются три макрорегиона: 1) американский, стремящийся к полной ресурсной самодостаточности (в том числе по редкоземельным элементам), с населением порядка 1 млрд чел.; 2) евразийский, в котором ключевую роль будут играть Китай и Россия, а население вместе с ближайшими союзниками может составить оценочно 1,6 млрд чел.; 3) западноевропейский (в первую очередь ЕС), сталкивающийся с серьезными ресурсными проблемами и возрастающей зависимостью от внешних поставок. Кроме того, следует упомянуть Ближний Восток, находящийся в фазе переформатирования, и Индию, еще не определившуюся.

В статье рассматриваются структурные изменения мировой экономики в условиях геоэкономической фрагментации. Анализируется технологическая близость стран на основе межотраслевых балансов, которая показала, что экономическая эффективность возможных межстрановых союзов в реальности не всегда пересекается с политическими интересами. Также рассматривается динамика формирования макрорегионов и перераспределение национальной силы. Отдельное внимание уделяется роли ресурсов, энергетических ограничений и формированию альтернативных финансовых контуров для кристаллизующихся макрорегионов в новых условиях.

Исследовательский вопрос статьи состоит в том, каким образом технологическая совместимость производственных систем, национальная сила, ресурсная обеспеченность и финансовая инфраструктура определяют возможности российско-китайского взаимодействия в структуре Большой Евразии.

Цель статьи заключается в выявлении структурных предпосылок формирования евразийского макрорегиона с учетом ролей России и Китая. Для достижения этой цели решаются следующие задачи:

— оценить технологическую близость стран на основе таблиц «затраты–выпуск»;

—сопоставить полученные результаты с распределением национальной силы;

—определить значение ресурсной обеспеченности для устойчивости макрорегионов;

—показать роль независимых финансовых контуров в развитии российско-китайского взаимодействия в Большой Евразии.

Методы исследования

Метод оценки технологической близости стран

В рамках исследования была проведена оценка технологической схожести производственных систем 80 государств мира на основе отраслевых структур промежуточного потребления.

В качестве базы данных использовались унифицированные для всех стран таблицы «затраты–выпуск», публикуемые ОЭСР, охватывающие 55 отраслей экономики (OECD, 2025). Унификация таблиц по отраслевой классификации и размерности позволила провести корректную межстрановую сопоставимость технологических структур. Таким образом, для каждой страны использовалась матрица промежуточного потребления:

$$Z^{(c)} = \left\{ z_{ij}^{(c)} \right\}, \quad (1)$$

где $z_{ij}^{(c)}$ — объем продукции отрасли i, используемый отраслью j в качестве промежуточного потребления в стране c.

При анализе структуры производства была выполнена нормировка столбцов этой матрицы, то есть для каждой отрасли j и страны с был вычислен вектор нормированных затрат:

$$a_j^{(c)} = \left(\frac{z_{1j}^{(c)}}{\sum_i z_{ij}^{(c)}}, \frac{z_{2j}^{(c)}}{\sum_i z_{ij}^{(c)}}, \ldots, \frac{z_{nj}^{(c)}}{\sum_i z_{ij}^{(c)}} \right), \quad (2)$$

где знаменатель соответствует совокупному промежуточному потреблению отрасли j.

Таким образом, каждый столбец представляет собой безразмерный профиль структуры промежуточных затрат отрасли в данной стране.

Для оценки технологической близости отраслей одной и той же классификации в разных странах проводилось попарное сравнение соответствующих нормированных векторов затрат. То есть для каждой пары стран (c_1, c_2) и каждой отрасли j вычислялся коэффициент корреляции:

$$\rho_j^{(c_1,c_2)} = corr\left(a_j^{(c_1)}, a_j^{(c_2)} \right). \quad (3)$$

Данный показатель является мерой сходства структуры промежуточных затрат соответствующей отрасли в двух странах. Высокие значения коэффициента указывают на технологическую близость производства, независимо от общего объема выпуска.

Для получения суммарной оценки технологической близости экономик двух стран выполняется агрегация отраслевых показателей сход-

ства, а соответствующий интегральный индекс определяется как:

$$S^{(c_1,c_2)} = \sum_{j=1}^{J} \rho_j^{(c_1,c_2)}, \quad (4)$$

где J — число отраслей в таблице «затраты–выпуск».

В таком виде индекс отражает совокупную степень сходства отраслевых производственных структур двух стран при равных весах отраслей (простое суммирование без весов).

Таким образом, сопоставление стран осуществляется не по объему ВВП, товарообороту или близости политических позиций, а по структуре производственных процессов. Иными словами, каждая экономическая система рассматривается как своеобразный «рецепт» выпуска продукции, отражающий соотношение используемых ресурсов — металла, энергии, продукции лесной, обрабатывающей и других отраслей. При сходстве таких производственных «рецептов» страны могут рассматриваться как технологически близкие. А если так, то им проще организовывать совместные предприятия, масштабировать производства, а экономическая интеграция может происходить практически бесшовно и с меньшими издержками, чем в случае различных производственных структур. В отношениях между странами очень много зависит от политики, но технологическая схожесть важна при выстраивании долгосрочных, неконъюнктурных, экономически эффективных союзов. При этом технологическая близость является необходимым, но не достаточным условием формирования устойчивых экономических объединений.

Следует отметить, что идея сравнения производственных структур стран на основе межотраслевых балансов не является новой. Уже в классической работе 1958 г. «International comparisons of the structure of production» показано, что таблицы «затраты–выпуск» позволяют выявлять межстрановые различия в структуре производства, не зависящие от масштабов выпуска (Chenery & Watanabe, 1958). Расчеты были проведены для четырех стран — США, Японии, Норвегии и Италии. В дальнейшем развитие международных баз данных и унификация отраслевых классификаций существенно расширили возможности такого сравнительного анализа.

Значительное число исследований использует международные таблицы «затраты–выпуск» для анализа процессов глобализации и фрагментации производства. В частности, в работе «The Measurement of Globalisation using International Input-Output Tables» межотраслевые балансы применяются для оценки участия стран в глобальных цепочках добавленной стоимости (De Backer & Yamano, 2007). Однако в рамках этого направления межотраслевой анализ используется преимущественно для изучения межстрановых потоков и степени интеграции, тогда как задача количественного измерения технологической близости экономик не является центральной.

Параллельно развивались исследования, посвященные анализу сходства технологических профилей стран. Так, в работе «A Context Similarity-Based Analysis of Countries' Technological Performance» предлагаются методы измерения технологической близости на основе мер схожести в пространстве технологических характеристик (Napoletano et al., 2018). Эти и подобные работы близки по общей идее сопоставления профилей, однако зачастую не используют структуру промежуточных затрат межотраслевых таблиц.

В ряде исследований производственные системы стран рассматриваются как сети, построенные на основе мировых межотраслевых данных. В таких работах технологическая близость трактуется как сходство структуры глобальных цепочек стоимости или торговых связей (Nordlund, 2023; Zhu et al., 2018).

Наиболее близкой по используемым данным и методологическому подходу является работа «Geographical proximity and technological similarity», в которой технологическое сходство стран оценивается на основе коэффициентов input–output таблиц базы OECD ICIO и анализируется во взаимосвязи с географической близостью (Haddad et al., 2024).

Тем не менее, предлагаемая в настоящей работе методика дополняет существующую литературу, смещая акцент с анализа сближения производственных структур на оценку структурной совместимости экономик, что позволяет рассматривать технологическую близость как отдельный аналитический индикатор. В отличие от перечисленных работ, сравнение выполняется на уровне отраслевых профилей, а не агрегированных векторов показателей.

Использование более сложных видов анализа — PCA, расстояний или косинусной близости — предполагает предварительную агрегацию производственной структуры в единый вектор или переход к латентным компонентам, что затрудняет интерпретацию результатов с точки зрения реальных технологических процессов.

Метод оценки национальной силы стран

ЦЭМИ РАН, Институт демографической политики им. Д. И. Менделеева и Федеральная служба охраны РФ последние несколько лет на постоянной основе оценивали индекс национальной силы 193 государств мира по ресурсным, экономическим, технологическим, демографическим,

военным, инфраструктурным и прочим показателям. Индекс характеризует потенциальные возможности стран, а не непосредственно реализуемое политическое влияние.

Идея ранжирования стран по национальной силе не нова, одна из первых методик появилась еще в 1741 г., но большинство расчетов использует экспертное взвешивание отдельных показателей. В свою очередь, наша методология измерения этого индекса, основанная на многомерном статистическом анализе, была признана важнейшим результатом Российской академии наук 28 мая 2025 г.

Совсем кратко, методика оценки национальной силы основана на многомерном статистическом анализе. Пусть $i = 1, \ldots, N$ — страны мира, t — годы наблюдения, $g = 1,\ldots, G$ — группы показателей, $k = 1, \ldots, K_g$ — показатели внутри группы.

Для каждой группы формируется матрица исходных данных:

$$\mathbf{X}^{(g)}(t) = [x_{ik}^{(g)}(t)]_{N\times K_g}, \quad (5)$$

после чего все показатели стандартизируются методом z-нормализации:

$$z_{ik}^{(g)}(t) = \frac{x_{ik}^{(g)}(t) - \mu_k^{(g)}(t)}{\sigma_k^{(g)}(t)}, \quad (6)$$

где $\mu_k^{(g)}(t) = \frac{1}{N}\sum_{i=1}^{N} x_{ik}^{(g)}(t)$ и $\sigma_k^{(g)}(t) = \sqrt{\frac{1}{N-1}\sum_{i=1}^{N}\left(x_{ik}^{(g)}(t) - \mu_k^{(g)}(t)\right)^2}$.

На основе стандартизованных данных $\mathbf{Z}^{(g)}(t) = [z_{ik}^{(g)}(t)]_{N\times K_g}$ строится корреляционная матрица:

$$\mathbf{R}^{(g)}(t) = \frac{1}{N-1}(\mathbf{Z}^{(g)}(t))^{\top}\mathbf{Z}^{(g)}(t), \quad (7)$$

для которой решается спектральная задача:

$$\mathbf{R}^{(g)}(t)\mathbf{a}_1^{(g)} = \lambda_1^{(g)}\mathbf{a}_1^{(g)}. \quad (8)$$

Если первая главная компонента объясняет не менее 70 % дисперсии, элементы соответствующего собственного вектора используются в качестве весовых коэффициентов показателей внутри группы:

$$\frac{\lambda_1^{(g)}}{\sum_{j=1}^{K_g}\lambda_j^{(g)}} \geq 0.7, \quad (9)$$

где $j = 1, \ldots, K_g$ — номер главной компоненты.

Для расчета группового индекса значение каждого показателя для отдельной страны предварительно выражается как его доля в совокупном значении данного показателя по всем рассматриваемым государствам:

$$p_{ik}^{(g)}(t) = \frac{x_{ik}^{(g)}(t)}{\sum_{r=1}^{N} x_{rk}^{(g)}(t)}. \quad (10)$$

Обозначим матрицу полученных долей через $P^{(g)}(t)$. Соответствующий групповой индекс определяется в матричном виде как

$$\mathbf{I}^{(g)}(t) = \mathbf{P}^{(g)}(t)\mathbf{a}_1^{(g)}, \quad (11)$$

где $\mathbf{a}_1^{(g)} \in \mathbb{R}^{K_g\times 1}$ — собственный вектор первой главной компоненты.

В развернутом виде для отдельной страны i данное выражение имеет вид:

$$I_i^{(g)}(t) = \sum_{k=1}^{K_g} a_{k1}^{(g)} p_{ik}^{(g)}(t). \quad (12)$$

Для обеспечения сопоставимости результатов выполняется нормирование:

$$\tilde{\mathbf{I}}^{(g)}(t) = \frac{\mathbf{I}^{(g)}(t)}{1^{\top}\mathbf{I}^{(g)}(t)}\cdot 100, \quad (13)$$

где $1 \in \mathbb{R}^{N\times 1}$ — вектор единиц размерности N. Знак собственного вектора $\mathbf{a}_1^{(g)}$ выбирается таким образом, чтобы выполнялось условие $1^{\top}\mathbf{I}^{(g)}(t) > 0$. То есть формально $\mathbf{a}_1^{(g)} \leftarrow sign\left(1^{\top}\mathbf{P}^{(g)}(t)\mathbf{a}_1^{(g)}\right)\mathbf{a}_1^{(g)}$. Для каждой страны формируется вектор нормированных групповых показателей:

$$\tilde{\mathbf{I}}_i(t) = \left(\tilde{I}_i^{(1)}(t),\ldots,\tilde{I}_i^{(G)}(t)\right) \in \mathbb{R}^G, \quad (14)$$

после чего осуществляется их агрегирование. Итоговый показатель национальной силы определяется как

$$NS_i(t) = \sum_{g=1}^{G} b_g \tilde{I}_i^{(g)}(t), \quad (15)$$

где b_g — элементы собственного вектора первой главной компоненты корреляционной матрицы групповых индексов. Финальное нормирование имеет вид:

$$NS_i^{*}(t) = \frac{NS_i(t)}{\sum_{i=1}^{N} NS_i(t)}\cdot 100, \quad (16)$$

что позволяет интерпретировать полученный показатель как относительный вклад страны в совокупной национальной силе мирового сообщества в момент времени t.

Результаты исследования

Технологическая близость и формирование макрорегионов

По нашим расчетам получилось, что в мире наблюдается устойчивое «индустриальное ядро», которое сконцентрировано в Европе, а наиболее устойчивые технологически близкие пары стран — это Германия — Франция, Германия — Чехия, Германия — Австрия, Франция — Бельгия.

КНР образует «азиатскую индустриальную дугу», в которую входят Республика Корея

и Социалистическая Республика Вьетнам. С этими странами у КНР наблюдается наиболее высокая технологическая близость. Наибольшее значение индекса S, с заметным отрывом от других пар с участием Китая, получено для пары Китай — Республика Корея. Корея сильна в промежуточных технологиях, оборудовании, материалах, инженерных решениях, а Китай силен в масштабировании, сборке и в глубине цепочек. Таким образом, связка КНР–РК технологически структурно совместима, эффективна при ее усилении, снижает уязвимость к внешнему давлению, увеличивает суммарную национальную силу восточноазиатского макрорегиона.

США в этом смысле представляют собой «структурную автономию», но тем не менее, наибольшее структурное сходство у этой страны с Канадой.

Таким образом, экономики США и Китая функционируют не в формате кластеров, а в качестве самостоятельных полюсов мировой экономической системы.

Россия, в свою очередь, в большей степени завязана на «индустриальную Европу», и наибольшее технологическое сходство у нее наблюдается с Германией, Францией, Чехией, Польшей и Белоруссией.

Следует еще подчеркнуть, что выявляемые связи отражают сходство структуры промежуточных затрат и используемых производственных технологий, а не характер торговых или политических отношений между странами, и не предполагают автоматически фактическую интеграцию.

Последние данные по межотраслевым балансам были опубликованы в конце 2025 г. (за 2022 г.), но при этом соответствующая статистика также по 80 странам доступна начиная с 1995 г. с лагом в один год. В этой связи интересно посмотреть на динамику индексов технологической близости, которая позволит оценить наличие тренда по конвергенции, либо, наоборот, дивергенции.

Для этого были рассчитаны медианные значения отраслевых коэффициентов технологической близости $\rho_j^{(c_1,c_2)}$ по всем парам стран и всем отраслям. Вычисления производились для реперных годов, а конкретно для 1995 г. (стартовое отслеживаемое состояние), 2001 г. (вступление Китая в ВТО, начало форсированного роста глобальных цепочек), 2008 г. (максимум глобализации, пик международных цепочек и связанности торговли, период до мирового кризиса), 2014 г. (начало деглобализации и регионализации, рост санкций), 2020 г. (пандемический шок, сбой логистики), 2022 г. (структурный разлом, санкционные войны, энергетический кризис — фактически смена режима мировой экономики).

В результате были получены следующие медианные значения технологической близости: для 1995 г. 0,639; 2001 г. 0,640; 2008 г. 0,641; 2014 г. 0,619; 2020 г. 0,641 и для 2022 г. 0,715. Важно то, что для периода 1995–2020 гг. медиана практически стабильна, а колебания ±0,01–0,02 означают шум и никакой долгосрочной дивергенции или конвергенции не наблюдается.

А вот в 2022 г. произошел серьезный выброс — рост медианы сразу на +0,07 означает большой структурный скачок. Причем принципиально то, что это не может означать реальное технологическое сближение мира за два года. Учитывая высокую инерционность межотраслевых пропорций, да еще и по всем странам, такая резкая перестройка технологической основы экономики маловероятна. По всей видимости, произошло следующее. Во-первых, сжатие международных цепочек поставок, в результате чего страны стали более активно локализовывать производства, а технологии стали более универсальными. Во-вторых, произошел эффект «уплощения» матриц межотраслевых балансов (рост доли универсальных промежуточных продуктов), когда доля энергоносителей, химии и некоторых других промежуточных производственных продуктов растет во всех странах одновременно и за счет этого векторы затрат становятся похожими.

Но правильнее будет сказать, что в 2022 г. мир не стал более технологически интегрированным, а скорее произошла временная структурная адаптация экономических систем в условиях глобальных потрясений. Что еще более важно, технологическая медиана выросла, но распределение при этом стало более полярным, т. е. одновременно усилились крайние значения.

Однако говорить про сложившийся и устойчивый тренд рано, поскольку пока это выглядит как эффект кризисного выравнивания.

Можно также представить произошедшие процессы в виде диаграмм. На рисунке 1а видно, что в 1995 г. связующая страны сеть разреженная, большинство государств изолированы, нет выраженных технологических ядер, а Азия фрагментирована. Это мир до формирования макрорегионов. На рисунке 1б можно заметить, что в 2022 г. картина принципиально иная — сформированы кластеры, видны отчетливые ядра и региональная группировка (хорошо читаются индустриальное ядро Европы, связка США–Канада и азиатский контур), т. е. наблюдается более выраженная кластеризация. За период 1995–2022 гг. мировая экономика перешла от слабо связанной структуры к системе отчетливо выраженных макрорегиональных производственных ядер. И эти рисунки информативнее чисел, поскольку показывают геометрию производственного мира, где видна плотность, разрывы, ядра и периферия.

Рассмотрим отдельно макрорегионы.

ЕС — единственный настоящий кластер, внутри которого технологическая близость стабильно высокая, колебания минимальны и даже кризисы не ломают структуру. Поэтому страны ЕС следует называть не торговым союзом, а единой производственной системой.

США — не кластер, а полюс, который полностью близко ни с кем не сходится.

Китай — второй полюс, который до 2008 г. активно сближался с мировыми структурами, а после 2014 г. поменял траекторию и начал формировать собственный технологический контур.

В свою очередь Россия — пограничная экономика. Расчеты на межотраслевых балансах показали, что до 2008 г. происходило устойчивое сближение с ЕС, после 2014 началось расхождение, а после 2020 г. — резкое выпадение из единого технологического поля. При этом Россия не полностью входит в китайский кластер и оказывается между технологическими полюсами, но с высокой совместимостью с европейской структурой.

Ключевой вывод — полученные результаты указывают на движение мира не просто к фрагментации, а к технологической регионализации, поэтому США будут перестраивать мир под свой стандарт, КНР — под свой, ЕС рискует быть разорванным, а Россия на данный момент — ключевая пограничная территория.

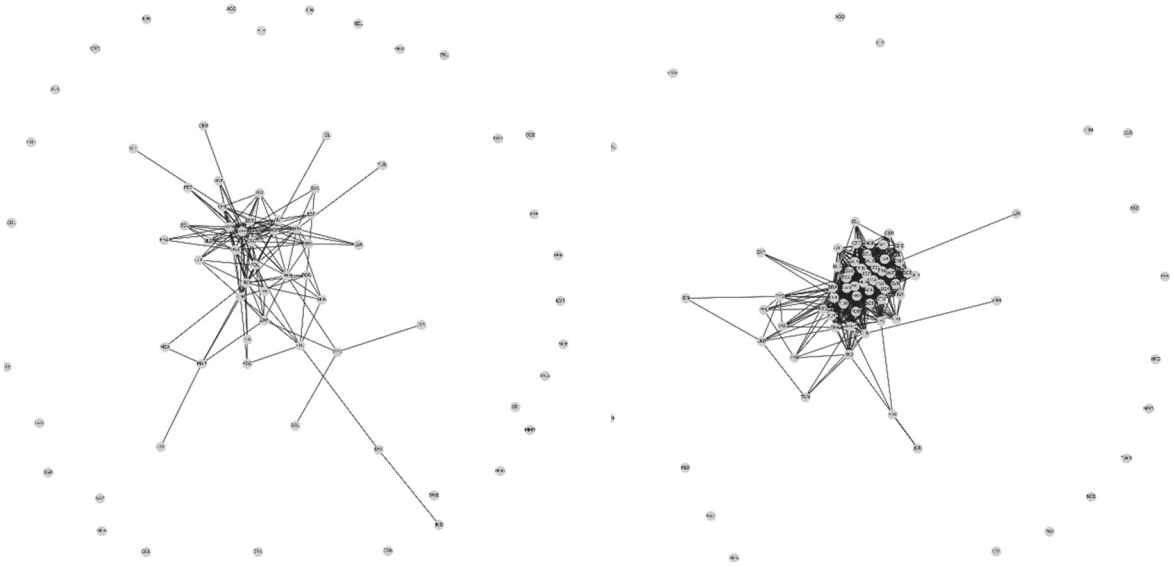
Еще один важный вывод — политические решения, в частности разрыв торговых и деловых связей России и ЕС, часто идут в разрез с экономической логикой в пользу политических решений. В связи с этим актуальной является работа по количественному измерению индекса национальной силы, отражающего потенциал ключевых стран мира — центров новых макрорегионов. В следующем подразделе представлены результаты оценки национальной силы стран.

Распределение национальной силы стран

Среди 193 стран мира первое место по рассчитанному индексу занимает Китай, с максимальным значением индекса национальной силы, США находится на втором месте, а Россия — на третьем. Интерпретация результатов корректна только в рамках используемой системы показателей. Собственно, полученные результаты соответствуют другому нашему исследованию, проведенному с коллегами из национального суперкомпьютерного центра КНР — стресс-тесту крупнейших экономик мира и их устойчивости в случае ввода масштабных торговых ограничений. Результаты показали, что наиболее устойчивые экономические системы у этой же тройки — КНР, США и Россия (Бахтизин и др., 2024).

Важно отметить динамику этого индекса. В XIX в. максимальной мощью обладала Британская империя, контролировавшая большую часть мира, в XX в. США и СССР представляли два полюса глобальной силы, но сейчас мир, с одной стороны, становится фрагментированным, а с другой — с начала 2010-х гг. стал доминировать Китай.

Последние результаты, рассчитанные для 2026 г., показали, что глобальный баланс сил окончательно сместился от США в сторону КНР, но помимо этого есть еще несколько региональных ядер — потенциальных центров мировой геополитики: Россия и Индия.

а б

Рис. 1. Формирование макрорегиональных кластеров мировой экономики на основе технологической близости стран (а — 1995 год, б — 2022 год) (источник: составлено автором)

Fig. 1. Emergence of macro-regional clusters in the global economy driven by countries' technological proximity: (a) 1995; (b) 2022 (Source: developed by the author)

По результатам расчетов можно сделать следующие основные выводы.

1) Китай продолжает укреплять свои позиции в мирохозяйственной системе за счет роста промышленного потенциала, масштабных инвестиций в инфраструктуру, форсированного технологического развития.

2) США постепенно слабеют и снижают свою долю в мирохозяйственной системе, что может быть связано со структурными дисбалансами, возрастающим долговым давлением, торможением экономического роста.

3) Россия демонстрирует небольшое увеличение своего потенциала, что связано с переориентацией экономической системы, ростом внутреннего производства и эффективной кооперацией в рамках БРИКС и ЕАЭС.

4) Германия, будучи локомотивом европейской экономики, снижает позицию в индексе во многом из-за ограничения доступа к энергоресурсам, потери ценовых преимуществ, конкуренции со стороны Китая, перманентного сжатия отраслей промышленности.

Факторы, в наибольшей степени влияющие на национальную силу стран, определяются экономическими показателями и индикаторами, характеризующими вооруженные силы государств, причем влияние этих факторов год от года возрастает и все больше проявляется в экономическом противостоянии. В следующем разделе мы рассмотрим отдельные вопросы гибридных войн современности, включающих в себя торговые войны. Они показывают, насколько последние «спотыкаются» о национальную силу и поэтому не имеют желаемого результата.

Обсуждение результатов

Эффективность гибридного противостояния

В 2025 г. Трамп инициировал очередной виток ограничений, анонсировав новый этап торговой войны, в явном виде стартовавшей в 2018 г. Ее началом можно считать 22 января 2018 г., когда в свой первый срок Трамп ввел 30%-ные импортные пошлины на ввозимые из Китая в США солнечные батареи[1]. Хотя для аргументации подобного рода действий обычно озвучиваются благие цели: защита отечественных производителей, стимулирование собственных производств, — торговые войны могут инициироваться как с целью захвата зарубежных рынков, так и с целью ослабления государств, против которых принимаются соответствующие меры.

США на тот момент, с одной стороны, были крупнейшим торговым партнером КНР, но, с другой стороны, был упущен момент по его сдерживанию, поскольку доля ВВП Китая по ППС в глобальной макроэкономической системе за период с 1990 по 2018 г. выросла с 3,8 % до 17,3 % (World Bank Group, 2025), а у США за тот же период этот показатель, наоборот, снизился с 20,1 % до 15,6 % (World Bank Group, 2025).

Таким образом, цель торговой войны 2018 г. и последующих ее раундов — попытка восстановить «справедливость» и вернуть лидерство США. Статистические данные не подтверждают достижение поставленной цели: к текущему моменту доля ВВП КНР по ППС составляет уже 19,3 %, а для США этот показатель дополнительно снизился до 14,8 % (World Bank Group, 2025).

Но помимо торговой войны как таковой, имеют большое значение точечные меры воздействия на чувствительные места экономических систем, которые могут иметь серьезные негативные последствия. Рассмотрим их на примере редкоземельных элементов, которые часто характеризуют как «нефть XXI века».

По данным Международного энергетического агентства, рынки редкоземельных элементов характеризуются высокой степенью концентрации (IEA, 2024), что формирует значительные структурные риски. Указанные элементы являются критически важными для производства жидкокристаллических экранов, медицинского оборудования (включая аппараты МРТ), беспилотных систем, солнечных панелей, аккумуляторов и иной высокотехнологичной продукции XXI в. с высокой добавленной стоимостью.

По данным Геологической службы США, среди рассматриваемых стран крупнейшими запасами редкоземельных элементов располагают Китай (44 млн т), Бразилия (21 млн т), Индия (6,9 млн т), Россия (3,8 млн т) и Вьетнам (3,5 млн т). Совокупный объем запасов этих пяти стран составляет 79,2 млн т, что свидетельствует о высокой концентрации сырьевой базы редкоземельных элементов в странах БРИКС и государствах-партнерах (Cordier, 2025).

В условиях эскалации торгово-экономического противостояния ограничение поставок критически важных ресурсов способно трансформироваться в действенный инструмент экономического давления (Sotiriou, 2024). Проведенные совместно со специалистами Национального суперкомпьютерного центра КНР (Гуанчжоу) расчеты показывают, что сокращение экспорта редкоземельных элементов в США потенциально может привести к снижению темпов роста американского ВВП на 2–3 %, что отражает высокий мультипликативный эффект данных отраслей (Бахтизин и др., 2024).

[1] Time. (2018, January 23). President Trump Slaps Tariffs on Solar Panels in Major Blow to Renewable Energy. URL: https://time.com/5113472/donald-trump-solar-panel-tariff (дата обращения: 05.02.2026).

Таким образом, расширение БРИКС и более выгодная позиция стран этого блока в части ресурсного обеспечения (особенно редкоземельными элементами) формирует потенциальное преимущество в продолжающемся мировом гибридном противостоянии.

В условиях межгосударственного гибридного противостояния, помимо ограничительных мер финансового характера, большое значение приобретает давление на ключевые отрасли, что приводит к снижению экономической активности оппонента. При этом не менее важно обеспечить их защиту. Под такими отраслями понимаются сектора, обладающие максимальным мультипликативным эффектом для всей экономической системы. Для их выявления мы использовали матрицы межотраслевых балансов, позволившие определить соответствующие акселераторы роста, одновременно являющиеся отраслями, нуждающимися в дополнительной защите со стороны государства. К примеру, для КНР это «производство текстильных изделий, кожи и обуви», а также «производство компьютеров, электронных и оптических изделий»; для США — «производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов» и «производство пищевых продуктов, напитков и табака», а для России — «производство электрического оборудования» и «производство машин и оборудования» (Бахтизин и др., 2024). С целью экономии места ограничимся только этими ключевыми секторами, хотя перечень не ограничивается только ими. Вводимые против КНР и России секторальные санкции в значительной степени затрагивают указанные отрасли, однако не обеспечивают ожидаемого результата.

Тем не менее, важнейшей составляющей устойчивого развития новых макрорегионов является ресурсная база, отдельные элементы которой рассматриваются в следующем разделе.

Ресурсное обеспечение макроблоков — энергия и вода

Функционирование высокотехнологичных отраслей зависит от доступности ресурсов. Важнейшим ресурсом XXI в. с высокой вероятностью станет энергия, необходимая для развития ИИ, новых видов транспорта и цифровой инфраструктуры. Такая инфраструктура может ускорить трансграничные расчеты в национальных валютах и способствовать развитию цифровых финансовых инструментов нового типа. В качестве одного из возможных ориентиров их стоимости рассматривается чистая энергия, хотя речь не идет о непосредственной замене денег энергией. Что касается наращивания энергетической базы, то Китай за последние сорок лет совершил прорыв — с 1985 г. прирост составил +9661,9 ТВт/ч (от 410,7 ТВт/ч до 10072,6 ТВт/ч), или +2353 %. Это почти половина мирового прироста. И для сопоставления, в США за то же время прирост составил 1730,1 ТВт/ч, или 65 % (Energy Institute, 2025).

В другом исследовании Международного валютного фонда «Macro-Criticality of Water Resources» (Suphachalasai et al., 2025) от 5 декабря 2025 г. вода рассматривается как стратегический фактор развития мировой экономики и важнейший ресурс XXI в. В МВФ делается акцент не только на сельском хозяйстве или экологии, а на макроэкономических последствиях. Вода становится таким же элементом макроэкономической аналитики, как энергия, инфляция, государственные финансы, внешняя торговля и т. д.

Согласно отчету, на сегодняшний момент вода является критически важным ресурсом для большинства производственных процессов и необходимым элементом для жизненного баланса людей. По оценкам МВФ, экономическая ценность пресной воды и водных экосистем превышает 58 трлн долл., что составляет примерно 60 % мирового ВВП.

Отдельного внимания заслуживает влияние изменения климата на водные ресурсы. Так, по данным МВФ, при текущей динамике выбросов глобальная температура к 2100 г. может повыситься примерно на 3,6 градуса, а температура поверхностных пресных вод увеличится еще на 1,3–4,1 градуса. Для охлаждения промышленных систем и электростанций данный фактор становится критическим, т. к. в летние месяцы доступно около 70 % установленной мощности мировых тепловых электростанций, но к концу века эта величина может снизиться на 6–11 %. При этом уже сейчас повышение температуры воды и падение уровня рек приводят к временному ограничению работы тепловых и атомных станций.

В отдельную категорию выходят высокотехнологичные отрасли, где вода используется для охлаждения дата-центров. В мире все чаще происходят случаи, когда строительство крупного вычислительного центра блокируется из-за дефицита воды. Для экономик, которые активно развивают ИИ, это становится серьезным ограничителем роста, поскольку без стабильного водоснабжения затруднительно обеспечить устойчивую работу вычислительных кластеров.

Оценки МВФ относятся к разным уровням анализа и временным горизонтам. На глобальном уровне долгосрочное моделирование показывает, что совокупные потери мирового выпуска составят 0,2–0,5 % ВВП относительно сценария, в котором нет дефицита воды. Это интерпретируется как снижение потенциального уровня производства, а не ежегодный эффект.

А вот на макрорегиональном уровне последствия оказываются значительно серьезнее.

Так, в регионах, где водный дефицит становится хроническим, к примеру, на Ближнем Востоке, в Южной Азии или в Сахеле, долгосрочные структурные потери могут достигать 10–15 % ВВП. Это фактически означает устойчивое сокращение производственного потенциала на длительный период.

На уровне отдельных стран МВФ приводит уже оценки другого типа — ежегодные потери, возникающие в те годы, когда вода становится менее доступной. В засушливых странах ежегодные потери составляют 2,8–3,1 % ВВП, а в развивающихся странах засухи сокращают темпы роста примерно на 1,4 п. п.

На этом фоне интерес представляет статистика Всемирного банка (World Bank, 2025), которая показывает, что Россия (4312 млрд м^3) и Китай (2812,9 млрд м^3) являются одними из самых обеспеченных пресной водой стран мира и входят в число стран с наибольшими запасами по абсолютному объему возобновляемых водных ресурсов.

Таким образом, вода превращается в полноценный макроэкономический фактор. В мире в целом, в эпоху макрорегионов влияние все чаще будет определяться способностью обеспечивать энергией и водой сложные технологические системы. И это не прогноз на далекое будущее, а текущие данные. Изменение ресурсной и производственной структуры экономики неизбежно отражается и на трансформации финансовых механизмов, которые рассматриваются в следующем разделе.

Новый финансовый контур

Несмотря на заявления Белого дома о победах на торговом фронте, при политике Трампа по увеличению торговых тарифов, сокращению налогов и ослаблению независимости ФРС позиции доллара снижаются. Попытка сократить торговый дефицит сужает канал экспансии доллара во внешний мир, а вводимые пошлины могут снижать доверие инвесторов. Доллар является ключевым инструментом экономического влияния США, облегчающим привлечение технологий и человеческого капитала во всех странах, и снижение значимости этой валюты уменьшает американскую геополитическую силу. Если рассматривать этот процесс в долгосрочной динамике, можно заметить, что доля доллара в структуре мировых валютных резервов с начала века снизилась с 71 % до 56 %. Более того, Международный валютный фонд ранее опубликовал исследование Geopolitical Proximity and the Use of Global Currencies (Koosakul et al., 2024), проведенное совместно со SWIFT, в котором представлены результаты регрессионного анализа данных по 125 странам за почти 10-летний период об использовании пяти валют (доллара США, евро, японской иены, британского фунта и китайского юаня). Расчеты показали, что в период роста глобальной напряженности большинство стран стремятся диверсифицировать валютные резервы.

С другой стороны, сильно укрепившийся, особенно в последние годы, новый мировой макрорегион во главе с КНР и Россией натыкается на ограничение в виде финансового ядра глобальной системы. В ее основе доллар, который дает возможность жить в долг за счет остального мира. Фактически это долговые обязательства, обеспеченные доверием к эмитенту, которые расходятся по всему миру (в резервы, в качестве расчетных единиц), а инфляция же возвращается не только в США, но частично переносится на страны — держатели резервов.

Глобальный долг оценивается приблизительно в 346 трлн долл. (Institute of International Finance, 2025), что составляет около 300 % мирового ВВП, но ключевое значение имеет долг США, поскольку он лежит в основе резервов центральных банков, долговых обязательств и т. д. Отметим, что государственный долг США превысил 37 трлн долл. — это около 127 % ВВП, а расходы на его обслуживание уже превышают 1 трлн долл. в год. США долгое время финансируют дефицит за счет заимствований, но ФРС сталкивается с ограничениями обеспечения стабильности действующей системы, поскольку она зажата внутри монетарной дилеммы — необходимости одновременно сдерживать инфляцию и поддерживать экономику. В этой связи уже давно возникло и усиливается противоречие между глобальной ролью доллара и устойчивостью его эмитента.

В июле 2025 г. в США был принят GENIUS Act, а Палата представителей одобрила CLARITY Act и Anti-CBDC Act. Эти инициативы, формирующие нормативную основу рынка цифровых активов, могут рассматриваться как попытка адаптации финансовой системы и преодоления надвигающегося долгового кризиса, способного серьезно ослабить экономику США в среднесрочной перспективе и оказать влияние на глобальную макросистему. Если влияние долларовой системы, вместо постепенного снижения, начнет резко ослабевать, то такой альтернативный контур теоретически способен сохранить часть капиталов. Сделки между участниками будут происходить напрямую, с использованием смарт-контрактов, а сама система будет обладать высокой масштабируемостью. Помимо прочего, криптоактивы обладают неограниченным потенциалом капитализации и могут использоваться для стерилизации избыточной денежной массы, т. е. выполнять функцию финансового «пылесоса», вытягивая ликвидность из традиционного сектора. Однако большинство криптовалют чувствительны к ин-

формационным вбросам и поэтому отличаются высокой волатильностью.

В чем видится ошибочность принимаемых Конгрессом США шагов и почему эти инициативы не спасут доминирование доллара? Как уже говорилось выше, доллар перестает соответствовать своей роли, но при этом децентрализованные криптовалюты пока не обладают сопоставимым уровнем доверия со стороны большинства участников глобального рынка. Напротив, при смещении финансового центра мира в сторону Азии и параллельном построении цифровых платформ с жестким регулированием доллар будет все сильнее терять свою исключительность, а доля расчетов в юанях, рублях, дирхамах и рупиях может увеличиться.

Таким образом, вслед за торговой фрагментацией, вероятно, последует и фрагментация финансовая. Глобальный мир не перестанет быть глобальным, поскольку сохранится его информационная связность и будет увеличиваться транспортная взаимосвязанность, но возможен переход к более полицентричной структуре и альтернативные точки роста могут сделать мировую хозяйственную систему более устойчивой. Валютная диверсификация и торговая фрагментация создают конкуренцию, расширяют выбор возможностей и формируют более устойчивую и сбалансированную мировую экономику. Будет точнее сказать, что с высокой вероятностью лидировать будет тот, кто первым предложит надежную цифровую финансовую платформу, способную объединить участников экономической системы, как глобальной, так и региональной.

Заключение

Полученные индикаторы позволяют выделить следующие тенденции. Коль скоро наибольший вес в международной повестке приобретает экономическая и финансовая сила, важно направить усилия на укрепление независимого финансового контура. Если на уровне геополитики наблюдаются процессы адаптации финансовой системы США, то на уровне глобальной финансовой архитектуры аналогичные поиски уже начались внутри Международного валютного фонда (МВФ). И здесь дополнительным аргументом будет новый материал «Navigating the Inflation Surge» (Imam & Poghosyan, 2025), опубликованный МВФ 24 октября 2025 г., который стал, без преувеличения, новой вехой в эволюции монетарной доктрины. В нем МВФ фактически признал, что режим инфляционного таргетирования, который навязывался всем 193 странам и десятилетиями считался универсальным, действенным и эффективным инструментом стабилизации цен, в период глобального инфляционного шока 2022 г. себя не оправдал. Причем эти выводы основаны на анализе 70 стран мира, из которых 33 государства придерживаются инфляционного таргета и 37 не используют этот механизм. В выборку входили как развитые, так и развивающиеся экономики. Основной вывод заключается в том, что эффективность инфляционного таргетирования оказалась ограниченной. Как показал новейший опыт, традиционные модели оказались недостаточными. Выросшие цены на энергию, разрывы цепочек поставок, военные конфликты показали, что упрощенные механические модели теряют управляемость и не спасают от экономической турбулентности.

В этой связи независимость денежной политики и взаимодействие стран зарождающегося макрорегиона в рамках альтернативных финансовых и торговых контуров будут способствовать устойчивому развитию как в краткосрочном, так и в долгосрочном периодах. Финансовая многополярность может рассматриваться как продолжение геополитической.

Полученные результаты указывают на существование двух уровней организации мировой экономики. С одной стороны, межотраслевые структуры задают пространство технологически совместимых экономик, в рамках которого интеграция минимизирует издержки. С другой стороны, реальные формы кооперации определяются факторами национальной силы, ресурсного обеспечения и финансовых механизмов. Наблюдаемая фрагментация представляет собой не разрушение связей как таковых, а отклонение фактической конфигурации мировой экономики от ее структурно обусловленного равновесия.

Страны, способные сочетать производственные мощности, технологическую связность и собственную валютную инфраструктуру, формируют основу более устойчивой конфигурации мировой экономики.

Полученные результаты также показывают, что российско-китайское взаимодействие в Большой Евразии не должно рассматриваться только как расширение торговли. Его устойчивость определяется сочетанием производственной совместимости, ресурсной взаимодополняемости и способности формировать самостоятельные финансовые механизмы.

Для России участие в евразийском макрорегионе связано с переориентацией производственных, инвестиционных и финансовых связей. Для Китая Большая Евразия выступает пространством расширения инфраструктурной, технологической и расчетной связанности. В этом смысле инвестиционно-финансовое взаимодействие России и Китая становится одним из механизмов формирования нового макрорегионального контура.

Список источников

Бахтизин, А. Р., Ву, Ц., Хабриев, Б. Р., Сидоренко, М. Ю., Ву, З. (2024). Гибридные войны современности и национальная безопасность России. *Вестник Российской академии наук, 94* (12), 1100–1114. https://doi.org/10.31857/S0869587324120043

Макаров, В. Л., Ву, Ц., Ву, З., Хабриев, Б. Р., Бахтизин, А. Р. (2020). Мировые торговые войны: сценарные расчеты последствий. *Вестник Российской академии наук, 90* (2), 169–179. https://doi.org/10.31857/S0869587320020097

Amiti, M., Redding, S. J., & Weinstein, D. E. (2019). The impact of the 2018 tariffs on prices and welfare. *Journal of Economic Perspectives, 33* (4), 187–210. https://doi.org/10.1257/jep.33.4.187

Bonadio, B., Huo, Z., Kang, E., Levchenko, A. A., Pandalai-Nayar, N., Toma, H., & Topalova, P. (2025). *Playing with blocs: Quantifying decoupling. IMF working paper* (No. 2025/263). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229034029.001

Chenery, H. B., & Watanabe, T. (1958). International comparisons of the structure of production. *Econometrica, 26* (4), 487–521. https://doi.org/10.2307/1907514

Cordier, D. J. (2025). Rare Earths. In U.S. geological survey, *Mineral commodity summaries 2025* (pp. 144–145). U.S. Department of the Interior, U.S. Geological Survey. URL: https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2025/mcs2025-rare-earths.pdf (дата обращения: 05.02.2026).

De Backer, K., & Yamano, N. (2007). *The measurement of globalisation using international input-output tables. OECD science, technology and industry working papers* (No. 2007/08). OECD publishing. https://doi.org/10.1787/242020221356

Energy Institute. (2025). *Statistical review of world energy* (74th edition). URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (дата обращения: 05.02.2026).

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwal, A. K. (2020). The return to protectionism. *Quarterly Journal of Economics, 135* (1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Haddad, E. A., Araújo, I. F., & Perobelli, F. S. (2024). Geographical proximity and technological similarity. *Structural change and economic dynamics, 70,* 302–318. https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.02.007

IEA. (2024). *Global critical minerals outlook 2024: Executive summary.* URL: https://www.iea.org/reports/global-critical-minerals-outlook-2024/executive-summary (дата обращения: 05.02.2026).

Imam, P. A., & Poghosyan, T. (2025). *Navigating the 2022 inflation surge: A comparative analysis of IT and non-IT central banks. IMF working paper* (No. 2025/212). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229027922.001

Institute of International Finance. (2025). *Global debt monitor.* URL: https://www.iif.com/Products/Global-Debt-Monitor (дата обращения: 05.02.2026).

Koosakul, J., Zhang, L., & Zia, M. (2024). *Geopolitical proximity and the use of global currencies. IMF working paper* (No. 2024/189). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798400287763.001

Napoletano, A., Tacchella, A., & Pietronero, L. (2018). A context similarity-based analysis of countries' technological performance. *Entropy, 20* (11), 833. https://doi.org/10.3390/e20110833

Nordlund, C. (2023). Transformations, trajectories, and similarities of national production structures: A comparative fingerprinting approach. *PLoS ONE, 18* (12), e0295568. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0295568

OECD. (2025). *Input-output tables.* URL: https://www.oecd.org/en/data/datasets/input-output-tables.html (дата обращения: 05.02.2026).

Rotunno, L., & Ruta, M. (2025). *Trade partners' responses to US tariffs. IMF working paper* (No. 2025/147). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229017008.001

Sotiriou, S. A. (2024). Talking about security in the era of high-tech and green-tech: China's empathy with Russia and the rare Earths trade with the West. *Eurasian Geography and Economics, 67* (1), 1–22. https://doi.org/10.1080/15387216.2024.2368160

Suphachalasai, S., Dong, X., Juarros, P., Mochizuki, J., Richmond, C. J., & von Thadden-Kostopoulos, S. (2025). *Macro-criticality of water resources. IMF working paper* (No. 2025/251). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229033534.001

Velasquez, A. (2024). *The leisure gains from international trade. IMF working paper* (No. 2024/016). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798400265082.001

World Bank Group. (2025). *GDP, PPP (current international $).* URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (дата обращения: 05.02.2026).

World Bank Group. (2025). *Renewable internal freshwater resources, total (billion cubic meters).* URL: https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.K3 (дата обращения: 05.02.2026).

Zhu, Z., Morrison, G., Puliga, M., Chessa, A., & Riccaboni, M. (2018). The similarity of global value chains: A network-based measure. *Network Science, 6* (4), 607–632. https://doi.org/10.1017/nws.2018.8

References

Amiti, M., Redding, S. J., & Weinstein, D. E. (2019). The Impact of the 2018 Tariffs on Prices and Welfare. *Journal of Economic Perspectives, 33* (4), 187–210. https://doi.org/10.1257/jep.33.4.187

Bakhtizin, A. R., Wu, J., Khabriev, B. R., Sidorenko, M. Yu., & Wu, Z. (2024). Hybrid Wars and National Security of Russia. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences], 94*(12), 1100–1114. https://doi.org/10.31857/S0869587324120043 (In Russ.)

Bonadio, B., Huo, Z., Kang, E., Levchenko, A. A., Pandalai-Nayar, N., Toma, H., & Topalova, P. (2025). *Playing with Blocs: Quantifying Decoupling. IMF Working Paper* (No. 2025/263). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229034029.001

Chenery, H. B., & Watanabe, T. (1958). International Comparisons of the Structure of Production. *Econometrica, 26*(4), 487–521. https://doi.org/10.2307/1907514

Cordier, D. J. (2025). Rare Earths. In U.S. Geological Survey, *Mineral Commodity Summaries 2025* (pp. 144–145). U.S. Department of the Interior, U.S. Geological Survey. URL: https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2025/mcs2025-rare-earths.pdf (Date of access: 05.02.2026).

De Backer, K., & Yamano, N. (2007). *The Measurement of Globalisation Using International Input-Output Tables. OECD Science, Technology and Industry Working Papers* (No. 2007/08). OECD Publishing. https://doi.org/10.1787/242020221356

Energy Institute. (2025). *Statistical Review of World Energy* (74th edition). URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (Date of access: 05.02.2026).

Fajgelbaum, P. D., Goldberg, P. K., Kennedy, P. J., & Khandelwal, A. K. (2020). The Return to Protectionism. *Quarterly Journal of Economics, 135*(1), 1–55. https://doi.org/10.1093/qje/qjz036

Haddad, E. A., Araújo, I. F., & Perobelli, F. S. (2024). Geographical Proximity and Technological Similarity. *Structural Change and Economic Dynamics, 70,* 302–318. https://doi.org/10.1016/j.strueco.2024.02.007

IEA. (2024). *Global Critical Minerals Outlook 2024: Executive Summary.* URL: https://www.iea.org/reports/global-critical-minerals-outlook-2024/executive-summary (Date of access: 05.02.2026).

Imam, P. A., & Poghosyan, T. (2025). *Navigating the 2022 Inflation Surge: A Comparative Analysis of IT and Non-IT Central Banks. IMF Working Paper* (No. 2025/212). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229027922.001

Institute of International Finance. (2025). *Global Debt Monitor.* URL: https://www.iif.com/Products/Global-Debt-Monitor (Date of access: 05.02.2026).

Koosakul, J., Zhang, L., & Zia, M. (2024). *Geopolitical Proximity and the Use of Global Currencies. IMF Working Paper* (No. 2024/189). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798400287763.001

Makarov, V. L., Wu, J., Wu, Z., Khabriev, B. R., & Bakhtizin, A. R. (2020). World Trade Wars: Scenario Calculations of Consequences. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences], 90*(2), 169–179. https://doi.org/10.31857/S0869587320020097 (In Russ.)

Napoletano, A., Tacchella, A., & Pietronero, L. (2018). A Context Similarity-Based Analysis of Countries' Technological Performance. *Entropy, 20*(11), 833. https://doi.org/10.3390/e20110833

Nordlund, C. (2023). Transformations, trajectories, and similarities of national production structures: A comparative fingerprinting approach. *PLoS ONE, 18*(12), e0295568. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0295568

OECD. (2025). *Input-Output Tables.* URL: https://www.oecd.org/en/data/datasets/input-output-tables.html

Rotunno, L., & Ruta, M. (2025). *Trade Partners' Responses to US Tariffs. IMF Working Paper* (No. 2025/147). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229017008.001

Sotiriou, S. A. (2024). Talking about Security in the Era of High-Tech and Green-Tech: China's Empathy with Russia and the Rare Earths Trade with the West. *Eurasian Geography and Economics, 67*(1), 1–22. https://doi.org/10.1080/15387216.2024.2368160

Suphachalasai, S., Dong, X., Juarros, P., Mochizuki, J., Richmond, C. J., & von Thadden-Kostopoulos, S. (2025). *Macro-Criticality of Water Resources. IMF Working Paper* (No. 2025/251). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798229033534.001

Velasquez, A. (2024). *The Leisure Gains from International Trade. IMF Working Paper* (No. 2024/016). International Monetary Fund. https://doi.org/10.5089/9798400265082.001

World Bank Group. (2025). *GDP, PPP (Current International $).* URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD (Date of access: 05.02.2026).

World Bank Group. (2025). *Renewable Internal Freshwater Resources, Total (Billion Cubic Meters).* URL: https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.K3 (Date of access: 05.02.2026).

Zhu, Z., Morrison, G., Puliga, M., Chessa, A., & Riccaboni, M. (2018). The Similarity of Global Value Chains: A Network-Based Measure. *Network Science, 6*(4), 607–632. https://doi.org/10.1017/nws.2018.8

Информация об авторе

Бахтизин Альберт Рауфович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук; Scopus Author ID: 55909941500; https://orcid.org/0000-0002-9649-0168 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com).

About the author

Albert R. Bakhtizin — Corresponding Member of RAS, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Director, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences; Scopus Author ID: 55909941500; https://orcid.org/0000-0002-9649-0168 (47, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: albert.bakhtizin@gmail.com).

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 11.02.2026. Received: 11 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 15.05.2026. Reviewed: 15 May 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

RESEARCH ARTICLE
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-11
UDC 339.9
JEL F51

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Xiaoqiong Guo
University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Driving Forces, Constraints, and Optimization Pathways in China-Russia Green Cooperation [1]

Abstract. Amid the accelerating global low-carbon transition and a shifting geopolitical landscape, China and Russia face growing incentives to deepen green cooperation. However, empirical research on the drivers and constraints shaping bilateral cooperation remains limited. This study applies the Driving Forces-Resistance framework to examine the dynamics of China-Russia green cooperation through textual analysis, comparative assessment, and case studies of the Tianwan and Xudabao nuclear power plants and the China-Russia Eastern Route Gas Pipeline. Drawing on bilateral policy documents from 2006 to 2025 and data from the WIPO Global Innovation Index 2025, the study identifies four key driving forces: strategic consensus, economic complementarity, shared interests in global climate governance, and multi-level cooperation mechanisms. It also identifies three major constraints: structural, institutional, and technical and financial. Structural constraints are reflected in Russia's continued dependence on oil and gas revenues, while institutional constraints arise from differences in technical standards and certification systems. Technical and financial constraints are associated with disparities in innovation capacity and limited access to green financing. Based on these findings, the study proposes a phased set of policy measures, including mutual recognition of green technology standards, a green cooperation sub-fund, a Far East green project matching platform, and joint green technology laboratories. The findings contribute to a deeper understanding of the factors shaping China-Russia green cooperation and provide targeted theoretical and policy insights for its further development under the Green Belt and Road framework.

Keywords: China-Russia green cooperation; Driving Forces-Resistance Theory; Green Belt and Road Initiative; sustainable development; energy transition; green finance

For citation: Guo, X. (2026). Driving Forces, Constraints, and Optimization Pathways in China-Russia Green Cooperation. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 626–638. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-11

[1] © Guo X. Text. 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

С. Го

Университет Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Движущие силы, ограничения и пути оптимизации китайско-российского сотрудничества в сфере зелёной экономики

Аннотация. По мере ускорения глобального перехода к низкоуглеродной экономике и меняющейся геополитической обстановки у Китая и России появляется всё больше стимулов к углублению сотрудничества в зелёной сфере. Вместе с тем эмпирических исследований, посвящённых факторам, способствующим и препятствующим такому сотрудничеству, пока немного. В настоящей работе для анализа динамики китайско-российского зелёного сотрудничества применяется теоретическая модель «Движущие силы — Сопротивление»; используются методы текстового анализа, сравнительной оценки, а также рассматриваются кейсы Тяньваньской АЭС и АЭС «Сюйдапу» и газопровода «Сила Сибири» (китайско-российский газопровод по восточному маршруту). На основе анализа двусторонних политических документов за 2006–2025 гг. и данных Глобального инновационного индекса Всемирной организации интеллектуальной собственности за 2025 г. выделены четыре ключевые движущие силы: стратегический консенсус, экономическая взаимодополняемость, общие интересы в области глобального климатического управления и многоуровневые механизмы сотрудничества. Также определены три основных вида ограничений — структурные, институциональные и технико-финансовые. Структурные ограничения связаны с сохраняющейся зависимостью российской экономики от доходов от экспорта нефтепродуктов; институциональные обусловлены различиями в технических стандартах и системах сертификации; технико-финансовые — разрывом в инновационном потенциале и недостаточным доступом к зелёному финансированию. С учётом полученных результатов предложен поэтапный комплекс мер, включающий взаимное признание стандартов зелёных технологий, создание субфонда зелёного сотрудничества, платформы для сопряжения зелёных проектов на Дальнем Востоке и совместных лабораторий зелёных технологий. Результаты исследования углубляют понимание факторов, определяющих китайско-российское зелёное сотрудничество, а также задают практические и теоретические ориентиры для его дальнейшего развития в рамках экологического компонента инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: китайско-российское зелёное сотрудничество; теория «Движущие силы — Сопротивление»; зелёная составляющая инициативы «Один пояс, один путь»; устойчивое развитие; энергетический переход; зелёное финансирование

Для цитирования: Го, С. (2026). Движущие силы, ограничения и пути оптимизации китайско-российского сотрудничества в сфере «зелёной» экономики. *Экономика региона, 22*(3), 626–638. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-11

Introduction

Against the backdrop of the global low-carbon transition and profound shifts in the geopolitical landscape, China and Russia, as important neighbours and comprehensive strategic partners, are deepening their cooperation in the field of green development. This cooperation not only contributes to the sustainable development of both countries but also carries far-reaching implications for global climate governance. The global energy transition is accelerating, with renewable energy accounting for more than 25 % of primary energy consumption. In response to this trend, China has established its "dual carbon" goals of peaking carbon emissions before 2030 and achieving carbon neutrality before 2060, while Russia has adopted its Strategy for Low-Carbon Socio-Economic Development through 2050. These policy commitments demonstrate a significant degree of strategic alignment between the two countries in pursuing green and low-carbon development (Xu & Yi, 2022).

China-Russia green cooperation, which has developed over many years, has established a multi-domain, multi-level, and multi-mechanism framework. In terms of areas of cooperation, it encompasses environmental protection, green energy, green finance, green agriculture, and other fields. In terms of levels, cooperation takes place bilaterally, regionally through mechanisms such as the Shanghai Cooperation Organization and BRICS, and globally through platforms such as the United Nations climate negotiations. Regarding cooperation mechanisms, institutional arrangements such as the Environmental Protection Cooperation Subcommittee under the China-Russia Prime Ministers' Regular Meeting Committee have been established. In addition, the policy alignment between China's Green Belt and Road Initiative and Russia's Eurasian Economic Union strategy has created further opportunities for bilateral green cooperation.

However, China-Russia green cooperation continues to face several challenges, which constrain its depth and breadth. Russia's economy remains highly dependent on the energy sector, with oil and gas revenues accounting for 45 % of its fiscal budget in 2023, which constrains the pace of its green transition. Differences in technical standards and certification systems between China and Russia also

increase the costs of cooperation. Furthermore, due to Western sanctions, financing costs for green projects are 2 to 3 percentage points higher than those in Europe (Xu et al., 2025).

This paper employs the driving force and constraint theory framework to systematically analyse the internal drivers and external constraints of China-Russia green cooperation. It aims to identify the underlying logic of the cooperation mechanism and propose potential pathways for optimization. Driving force and constraint theory provides an effective framework for analysing international cooperation by emphasizing the dual dimensions of forces that promote cooperation and factors that constrain its development. Within this framework, the driving force system of China-Russia green cooperation encompasses four dimensions: strategic consensus, economic complementarity, global governance, and mechanism building. The constraint system consists of three levels: structural, institutional, and technical and financial constraints. This analysis may thus contribute theoretical and policy insights into the development of China-Russia green cooperation.

Data and Methods

This study is grounded in a comprehensive review of scholarly literature and policy documents, employing a mixed-methods approach that integrates qualitative analysis with descriptive statistical analysis.

Research on China-Russia green cooperation has expanded in recent years, yet empirical studies systematically examining the underlying drivers and constraints remain limited. Existing literature can be broadly categorized into three strands. The first focuses on the strategic and policy dimensions of bilateral environmental and energy cooperation. Scholars such as Xu & Yi (2022) highlight the alignment between China's dual carbon goals and Russia's low-carbon strategy, emphasizing the role of high-level diplomatic mechanisms in facilitating green partnerships. The second strand examines specific sectors, including nuclear energy, natural gas, and agriculture, often through case studies of landmark projects (Li, 2024; Lu & Song, 2022; Zhang et al., 2025). The third strand addresses institutional and financial barriers, noting that differences in technical standards and limited access to green financing constrain the scale and efficiency of cooperation (Xu, Huang & Yi, 2025; Wu & Ge, 2024).

Despite these contributions, few studies systematically apply a theoretical framework to analyse the dynamic interplay between driving forces and resistance in China-Russia green cooperation. This study addresses this gap by employing the Driving Forces-Resistance model, drawing on the tradition of Lewin (1947) and its subsequent applications in organizational and social-change research (Burnes, 2004; Coghlan & Brydon-Miller, 2014).

Data Sources

The data primarily derive from publicly available policy regulations, authoritative statistical databases, and landmark project case studies, spanning the period from 2006 to 2025.

Core materials include official documents related to China's "Dual Carbon" goals, Russia's Strategy for Low-Carbon Socio-Economic Development until 2050, and Joint Statements issued by the Chinese and Russian heads of state between 2006 and 2025 (with particular emphasis on the 2024 Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era and the latest statement from 2025). Additionally, this study incorporates the SCO Concept for Environmental Protection Cooperation and relevant cooperation documents from BRICS.

Data were sourced from the World Intellectual Property Organization's (WIPO) Global Innovation Index (GII) 2025 report to obtain rankings for China and Russia regarding innovation infrastructure and knowledge output. Furthermore, public data from the Russian Ministry of Finance (e.g., the proportion of oil and gas revenue in the federal budget for 2023) and energy trade statistics (e.g., China-Russia natural gas trade volume in 2024) were utilized.

Information regarding flagship projects in nuclear energy, natural gas, and green finance was collected. This includes operational data from the Tianwan and Xudabao Nuclear Power Plants, commissioning status of the China-Russia Eastern Route Natural Gas Pipeline, and industry standards such as the Green Finance Guidelines issued by VEB.RF (Vnesheconombank).

Research Methods

The "Drive-Resistance Analysis Model" originated from Kurt Lewin's (1947) force-field analysis of group dynamics and has since been widely adopted in the social sciences and economics to study the drivers and barriers of institutional and organizational change (Burnes, 2004; Coghlan & Brydon-Miller, 2014). The core assumption of this model is that any collaborative process is the result of the interaction between driving forces and resistance. When driving forces outweigh resistance, collaboration moves forward; when resistance prevails, collaboration is hindered or stalls. Therefore, this framework provides a systematic theoretical and methodological foundation to analyse the development of Sino-Russian green cooperation.

Adopting this theoretical perspective, this study constructs a Driving Forces-Resistance System Analysis Model encompassing four major driving forces, namely strategic consensus, economic complementarity, global governance, and institutional building, and three primary forms of resistance, namely structural, institutional, and technical con-

straints. The model guides the empirical analysis through several complementary methods.

Firstly, a textual analysis was applied to study bilateral joint statements, strategic plans and industry standards. This way we assessed, from a qualitative perspective, the strength of bilateral strategic consensus and changes in policy orientation.

Second, a horizontal comparison of the innovation capabilities and institutional environments of China and Russia was conducted. Particular attention was given to WIPO innovation indices to identify asymmetries in technology transfer capacities. In addition, differences between the Russian GOST standards system and Chinese and international standards, particularly in terms of interfaces and certification procedures, were examined to identify specific manifestations of technical barriers to trade, such as increased certification costs.

Third, case studies and descriptive statistics were employed to examine the practical dimensions of bilateral cooperation. Representative projects, including the Tianwan Nuclear Power Plant, the China-Russia Eastern Route Natural Gas Pipeline, and green agriculture initiatives, were selected for analysis. Through case analysis and available data, the study evaluates project outcomes and identifies existing barriers. Case selection prioritizes both representativeness and diversity, covering key sectors such as energy, environment, and agriculture. Descriptive statistics are also applied to selected indicators, including power generation and emission reduction volumes.

Data for these indicators are drawn from project operator reports (e. g., CNNC annual reports), pipeline operator throughput records, the IAEA Power Reactor Information System (PRIS), and publicly available energy-trade statistics.

In total, five representative cases are examined over the period 2006–2025: the Tianwan and Xudabao nuclear power plants, the China-Russia Eastern Route Natural Gas Pipeline, the Yamal LNG project, and green agriculture initiatives.

It should be noted that access to certain micro-level enterprise data in Russia is limited, particularly due to the effects of international sanctions. Consequently, this study focuses primarily on the macro-policy and meso-industry levels. Micro-econometric analysis may be pursued in future research as relevant data become available.

Results

The Driving Forces-Resistance framework conceptualizes China-Russia green cooperation as the outcome of an ongoing interaction between factors that promote cooperation and those that constrain its development. As summarized in Table 1 below, the driving system comprises four dimensions: strategic consensus, economic complementarity, global governance, and institutional development. The resistance system consists of three dimensions: structural, institutional, and technical and financial resistance. Together, these dimensions provide a systematic basis for examining both the foundations of bilateral cooperation and the factors that may limit its development.

The first driving force is strategic consensus, which derives from the two countries' shared emphasis on green and low-carbon development. This consensus is reflected in the broad alignment between China's "dual carbon" goals and Russia's climate and carbon neutrality objectives. The second is economic complementarity, which arises from differences in resource endowments, technological capabilities, and market demands. For example, China's strengths in renewable energy technologies can complement Russia's abundant natural resources. The third driving force is global governance, reflected in the two countries' shared interests and positions in international climate governance, including their emphasis on the principle of "common but differentiated responsibilities." The fourth is institutional development, supported by established mechanisms for bilateral and multilateral cooperation. These include institutional arrangements such as the Environmental Protection Cooperation Subcommittee under the China-Russia Prime Ministers' Regular Meeting Committee.

Despite these driving forces, several forms of resistance constrain the development of China-Russia green cooperation. Structural resistance primarily arises from differences in the economic structures of the two countries. Russia's continued dependence on energy exports, for example, may constrain the pace of its green transition, with oil and gas revenues accounting for 45 % of its fiscal budget in 2023. Institutional resistance stems from differences in technical standards, certification systems, and policy regulations, which can increase the costs and complexity of bilateral cooperation. Technical and financial resistance is associated with limitations in technology transfer and access to financing. Russia's relatively less developed green finance market, for instance, offers a more limited range of financial products, while financing costs for green projects have been estimated to be 2 to 3 percentage points higher than in Europe.

The relationship between these driving forces and forms of resistance is not static but dynamic and potentially mutually transformative. The balance between them influences both the direction and pace of China-Russia green cooperation. When driving forces are stronger than resistance, cooperation is more likely to deepen and expand; when resistance becomes more significant, cooperation may slow or stagnate. At the same time, resistance does not necessarily have a purely negative effect. In some circumstances, constraints may encourage

Table 1

Driving Forces and Barriers to China-Russia Green Cooperation

System	Dimension	Key manifestation	Impact Level
Power system	Strategic consensus	Green development is a shared national priority in both countries.	High
	Economic complementarity	Complementary resource endowments, technological capabilities, and market demands.	Medium to high
	Global governance	Shared interests and positions in international climate governance.	Moderate
	Mechanism building	Gradual development of multi-level and multi-sector cooperation mechanisms.	Moderate
Resistance System	Structural resistance	Russia's energy-dependent economic structure constrains the pace of green transition.	High
	Institutional resistance	Differences in standards, regulations, and market access requirements increase cooperation costs.	Medium to high
	Technical and financial resistance	Limited technology transfer capacity and restricted access to green financing constrain project development.	Moderate

Source: Compiled by the author based on policy documents, WIPO GII 2025, and project data.

the two countries to develop new technologies, institutional arrangements, or financing mechanisms, thereby transforming existing resistance into new sources of cooperation. This dynamic interaction helps explain the fluctuations and phased development of China-Russia green cooperation and provides a framework for assessing its future trajectory.

Driving Forces of China-Russia Green Cooperation

China-Russia green cooperation is driven by four interconnected factors: strategic consensus, economic complementarity, shared interests in global climate governance, and the development of institutional mechanisms. Together, these factors create both the motivation and the institutional capacity for expanding bilateral cooperation.

Strategic Consensus

China and Russia share significant strategic consensus in the field of green development, serving as the core driving force for cooperation. In 2020, China formally proposed its "dual carbon goals": achieving carbon peak by 2030 and carbon neutrality by 2060. Russia also approved its Strategy for Low-Carbon Socio-Economic Development until 2050 in 2021, setting a target of achieving carbon neutrality by 2060 (Chu, 2020).[1] Russia subsequently approved its Strategy for Low-Carbon Socio-Economic Development through 2050 in 2021, which also establishes a long-term pathway toward carbon neutrality (Chu, 2020). Russia has further promoted low-carbon and carbon-free technologies, enhanced the carbon sequestration capacity of forests and ecosystems, and developed supporting policies for green finance and fiscal measures (Zhang & Qu, 2016; Xu et al., 2025; Xu & Zou, 2024). Although the two countries differ in their economic structures and policy approaches, their shared emphasis on green development creates a common strategic basis for cooperation.

This consensus is also reflected in bilateral and multilateral policy coordination. At the bilateral level, China and Russia have strengthened environmental cooperation through high-level dialogue mechanisms. The 2024 Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era called for enhanced environmental cooperation, while the 2025 Joint Statement further emphasized efforts to address plastic waste pollution. At the multilateral level, coordination within the United Nations, BRICS, and the Shanghai Cooperation Organization provides additional platforms for aligning positions and promoting cooperation on environmental and climate-related issues. These developments indicate that strategic consensus extends beyond broad policy objectives to concrete areas of policy coordination.

Economic Complementarity

Economic complementarity provides a second major driving force for bilateral green cooperation. This complementarity is evident in technological capabilities, resource endowments, and market demand. China has developed substantial capabilities in technological innovation, manufacturing, and the commercialization of renewable energy technologies, while Russia retains considerable strengths in fundamental research and clean energy sectors such as nuclear power and hydrogen. The WIPO Global Innovation Index 2025 illustrates the difference in their innovation capabilities, with China ranked 10th and Russia 60th overall. The gap is particularly pronounced in innovation infrastructure and knowledge and technology outputs, where China ranked 6th and 1st, respectively, compared with

[1] Government of the Russian Federation. (2021, October 29). Strategiya Sotsial'no-Ekonomicheskogo Razvitiya Rossiyskoy Federatsii s Nizkim Urovnem Vybrosov Parnikovykh Gazov do 2050 Goda [Strategy for the Socio-Economic Development of the Russian Federation with Low Greenhouse Gas Emissions up to 2050] (Decree No. 3052-r). URL: http://government.ru/docs/43708/ (Date of access: 12.11.2025). (In Russ.)

Russia's 76th and 62nd positions.[1] These differences suggest potential for technological complementarity, particularly where Chinese commercialization and manufacturing capabilities can be combined with Russian scientific and technical expertise.

Resource endowments further strengthen this complementarity. Russia possesses substantial renewable energy potential, including solar, wind, biomass, and other resources, but their development is constrained in some regions by limited electricity demand and inadequate infrastructure. China, by contrast, has developed a relatively complete renewable energy industrial chain and extensive experience in large-scale project development. Its capabilities in photovoltaic and wind power manufacturing, together with experience in integrating renewable energy development with ecological restoration and rural development, provide potential areas for cooperation with Russia. This combination of Russian resource potential and Chinese technological and project implementation capabilities creates opportunities for mutually beneficial cooperation.

Market complementarity reinforces these technological and resource linkages. Russia faces demand for technological upgrading and green infrastructure development, while Chinese enterprises possess expanding capabilities in green technologies and experience in international project cooperation. The convergence of these supply and demand conditions provides an economic basis for expanding bilateral cooperation in renewable energy, energy efficiency, green infrastructure, and related sectors.

Global Governance

Shared interests in global climate governance constitute a third driving force. As major economies and significant greenhouse gas emitters, China and Russia face international pressure to reduce emissions while maintaining economic development. Both countries therefore emphasize the principle of "common but differentiated responsibilities" and the need to reconcile climate action with the right to development (Jiang, 2012). This shared position creates opportunities for coordination in international climate negotiations and strengthens their common interests in shaping global climate governance.

The development of international trade and climate-related measures has further reinforced these shared interests. The European Union's Carbon Border Adjustment Mechanism, for example, creates additional carbon-related costs for exporters from both countries and highlights the growing interaction between climate policy and international trade. Given the importance of energy and other carbon-intensive products in China-Russia trade, these developments create incentives for both countries to coordinate their responses to emerging green trade measures. Their broader support for multilateralism and opposition to unilateral coercive measures also provides a basis for cooperation in promoting a more inclusive international climate governance system.

Cooperation in biodiversity and environmental governance provides another example of this alignment. At the fifteenth Conference of the Parties to the Convention on Biological Diversity in 2021, China and Russia expressed support for strengthening biodiversity conservation and addressing climate change through coordinated approaches. Such shared positions at the multilateral level can reinforce bilateral cooperation by providing a broader diplomatic and policy context for environmental collaboration.

Mechanism building

The development of institutional mechanisms provides the organizational foundation for China-Russia green cooperation. Cooperation has gradually expanded from bilateral mechanisms to regional and multilateral frameworks, creating channels for policy coordination, project implementation, and information exchange.

At the bilateral level, the Environmental Protection Cooperation Subcommittee under the China-Russia Prime Ministers' Regular Meeting Committee, established in 2006, provides a regular mechanism for environmental cooperation and facilitates the implementation of bilateral projects. At the regional level, environmental cooperation under the Shanghai Cooperation Organization has also developed progressively. The establishment of the China-SCO Environmental Protection Cooperation Centre in 2014 and the adoption of the Concept of Environmental Protection Cooperation among SCO Member States in 2018 provided an institutional basis for regional environmental collaboration. More recently, China and Russia participated in environmental initiatives under the SCO framework, including activities associated with the "Ecological Year" and the 2025 SCO Tianjin Summit's emphasis on green industry cooperation.

At the broader multilateral level, China and Russia also use platforms such as BRICS and the Belt and Road Initiative to expand cooperation in areas related to digitalization, technology, and sustainable development. Bilateral initiatives in digital infrastructure and emerging technologies, including the 2020 China-Russia Digital Economy Demonstration Project and the 2022 Agreement on Cooperation in the Fields of Informatization and Digitalization, provide additional channels that may support the digital and technological dimensions of green development.

Taken together, these mechanisms reduce coordination costs, facilitate policy dialogue, and pro-

[1] World Intellectual Property Organization. (2025). Global Innovation Index 2025: GII 2025 Results. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global- innovation-index-2025 /en/gii-2025-results.html (Date of access:24.05.2026).

Table 2

Key Mechanisms and Achievements of China-Russia Green Cooperation

Type	Representative mechanism	Year of establishment	Key Achievements
Bilateral mechanism	Subcommittee on Environmental Protection Cooperation under the China-Russia Prime Ministers' Regular Meeting Committee	2006	Facilitated cooperation in areas such as transboundary water management and biodiversity conservation.
Regional mechanism	China-Shanghai Cooperation Organization Environmental Protection Cooperation Center	2014	Implemented initiatives such as the Green Silk Road Ambassador Program, training more than 200 officials and experts.
	Concept for Environmental Protection Cooperation Among Member States of the Shanghai Cooperation Organization	2018	Provided an institutional framework for regional environmental cooperation.
	Declaration of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization on Cooperation in Green Industries	2025	Established an action framework for green industry cooperation among SCO member states.
Multilateral Mechanism	BRICS Green Cooperation Framework	2020	Promoted cooperation in areas such as green finance and renewable energy.
Emerging Mechanism	China-Russia Digital Economy Demonstration Project	2020	Promoted the application of 5G, AI, and other digital technologies in green development.

Source: Compiled by the author based on relevant materials.

vide institutional channels for translating strategic consensus and economic complementarity into concrete cooperation. The progressive development of bilateral, regional, and multilateral mechanisms therefore not only supports existing cooperation but also strengthens the capacity of China and Russia to respond collectively to emerging opportunities and challenges in green development.

Systemic Barriers to China-Russia Green Cooperation

While China and Russia possess significant potential for green cooperation, its development is constrained by structural, institutional, and technical and financial resistances. These constraints operate at different levels but are closely interconnected, affecting both the incentives for cooperation and the efficiency of project implementation.

Structural resistance

Following the dissolution of the Soviet Union, the oil and gas sector became the cornerstone of Russia's economy, with its dominant position steadily cementing. This resource-dependent economic structure has diminished Russia's intrinsic motivation to vigorously develop green energy. Although Russia has set a goal of achieving carbon neutrality by 2060, it remains inclined in the short term to maintain fossil fuel exports while limiting investment in renewable energy development. Following the escalation of the Russia-Ukraine conflict, Western sanctions have prompted Russia to reorient energy exports toward Asia, particularly China. In this context, maintaining hydrocarbon revenues has become a priority in Sino-Russian energy engagement, which has limited the relative space allocated to green technology and industrial cooperation.

Regional disparities in Russia constitute an additional structural constraint. Western regions generally benefit from better infrastructure and stronger institutional capacity, while many eastern regions possess substantial natural and renewable energy resources but face infrastructure deficiencies and higher investment risks (Xiao & Ge, 2022). The Russian Far East illustrates this challenge. Despite its considerable renewable energy potential, inadequate infrastructure and an uncertain investment environment can limit the implementation and scalability of green projects (Xiao & Ge, 2022). These regional disparities therefore affect the geographical distribution and feasibility of bilateral cooperation.

Institutional resistances

Institutional differences between China and Russia increase the costs and complexity of green cooperation. In the renewable energy sector, Russian support policies may require a certain degree of local equipment production, which can conflict with the equipment export and market entry models commonly adopted by Chinese enterprises. Such requirements may increase investment costs and reduce the flexibility of cross-border cooperation.

Differences in technical standards and certification systems represent another institutional barrier. Russia predominantly applies its national GOST standards in equipment manufacturing and engineering, whereas Chinese enterprises often operate according to Chinese, European, or international standards. These differences may require additional testing, certification, and technical adaptation for Chinese equipment entering the Russian market. In the wind power sector, for example, differences in cable interfaces and supporting materials may re-

quire additional adaptation, contributing to reported increases in certification costs of 15 % to 30 %.

Administrative complexity and policy uncertainty further increase institutional risks. Complex approval procedures and frequent adjustments to environmental and related policies may increase uncertainty for long-term investors. These challenges are particularly relevant to green finance, where Russia's regulatory framework remains relatively underdeveloped and is supported largely by environmental policies and selected provisions adopted by commercial financial institutions (Wu & Ge, 2024). Limited regulatory development may therefore constrain the expansion and diversification of green financial instruments.

Technical and financial resistance

Technologically, while Russia possesses strong basic research capabilities, its capacity for technology transfer remains inadequate. According to the Global Innovation Index, Russia ranks 76th in innovation infrastructure—significantly below China's 6th place. This gap impedes technological innovation and its widespread adoption.

At the management level, corporate governance standards in Russia vary widely, and project management experience is limited. This results in low project execution efficiency and weak cost control capabilities. Delays and cost overruns have occurred in some cooperative projects. (Xu, H., & Yi. 2022)

Financial constraints further reinforce these technical and institutional barriers. Green projects typically require substantial upfront investment and involve relatively long implementation and repayment periods. The impact of Western sanctions has further restricted Russia's access to international financing channels, increasing the difficulty and cost of financing green projects. At the same time, Russia's green finance market remains relatively small and concentrated in a limited range of instruments, particularly green bonds. Although China and Russia have begun exploring cooperation in areas such as ESG bond certification (Dai et al., 2024) and green infrastructure investment and financing (Xie et al., 2025), the scale of these initiatives remains limited relative to existing financing needs (Xu et al., 2025).

Discussion

Prospects of Cooperation between China and Russia under the Green Belt and Road Initiative

The Green Belt and Road Initiative provides an important framework for advancing sustainable development and strengthening China's participation in global environmental governance. Since the issuance of the Guiding Opinions on Promoting the Construction of a Green Belt and Road in 2017, green development has become an increasingly important component of the Belt and Road Initiative.[1] At the Second Belt and Road Forum for International Cooperation in 2019, China further emphasized green infrastructure, green investment, and green finance as key elements of high-quality Belt and Road cooperation (Xi, 2019). Against this background, China and Russia have expanded cooperation in environmental protection, energy transition, clean energy, green industrial technologies, green finance, and agriculture.

Based on the shared interests of China and Russia, and under the framework of the green Belt and Road Initiative, China and Russia are cooperating in areas such as environmental protection, green energy transition, clean energy cooperation, green industrialization technology, green finance, and green agriculture. Let us consider each of these areas in more detail.

First and foremost, it should be noted that environmental cooperation between China and Russia has a relatively long history, beginning with cooperation on transboundary rivers and lakes in the 1980s. A series of bilateral agreements subsequently established a foundation for cooperation in transboundary water management, biodiversity conservation, and environmental protection[2].

The 2005 Songhua River pollution incident highlighted the importance of strengthening bilateral environmental coordination. In 2006, China and Russia established the Environmental Protection Subcommittee under the China-Russia Prime Ministers' Regular Meeting Committee, providing a regular institutional mechanism for environmental cooperation. Since then, the two countries have gradually expanded cooperation in areas such as transboundary water protection, biodiversity conservation, environmental disaster response, climate change, and solid waste management.

Since the launch of the Green Belt and Road Initiative, environmental cooperation has become an increasingly important component of bilateral cooperation. Recent joint statements have further reinforced this commitment. For example, the 2024 China-Russia Joint Statement on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era called for strengthened cooperation in areas including transboundary water protection, environmental disaster response, biodiversity conservation, climate change, and solid waste manage-

[1] Guiding Opinions on Promoting the Construction of a Green Belt and Road Initiative. (2017, May 9). China Environment News, 3.

[2] The main agreements include the 1986 Agreement on Water Resources Management of Border Waters between China and Russia, the 1994 Agreement on Environmental Protection Cooperation between China and Russia, and the 1996 Agreement between China and Russia on the Establishment of a Fishing Prohibition Zone in Lake Khanka.

ment[1]. The 2025 Joint Statement further emphasized efforts to address plastic waste pollution[2].

These developments demonstrate the gradual expansion of the environmental cooperation between China and Russia from transboundary environmental management toward broader areas of ecological and climate governance. The long-established institutional mechanisms provide a foundation for further cooperation under the Green Belt and Road framework.

Growing global concern over environmental degradation and climate change is accelerating the transition toward a lower-carbon energy system. For oil and gas companies, this transition is creating pressure to improve production efficiency, reduce emissions, and diversify into cleaner energy. Many companies are therefore expanding investment in renewable energy and carbon capture, utilization, and storage (CCUS) technologies while seeking to reduce the carbon intensity of their existing operations.

Over time, the crude oil market is expected to contract, while natural gas and renewable energy are likely to become increasingly important sources of energy-sector growth (Lv, 2021). Against this backdrop, China and Russia have deepened cooperation in natural gas and renewable energy (Guo & Ma, 2025), with projects such as the Yamal LNG project and the China–Russia East Route natural gas pipeline serving as prominent examples (Lu & Song, 2022). China's "dual carbon" goals are also expected to accelerate the development of emissions-reduction and energy-efficiency technologies, facilitate the cleaner transformation of traditional energy sources, and promote the growth of new energy industries (Hou et al., 2023). Green energy cooperation could therefore become an increasingly important component of China–Russia cooperation and the joint development of the green "Belt and Road" (Glazyrina & Zabelina, 2016).

Russia has extensive experience in nuclear energy, and China and Russia have cooperated in this field for many years (Li, 2024). The cases of the Tianwan and Xudabao nuclear power plants are quite illustrative in this respect. Tianwan's first six units have been brought into operation in three phases since 2007, with Units 5 and 6 entering commercial operation in 2021. By the end of 2025, Units 1–6 had generated more than 500 billion kilowatt-hours of electricity, reportedly reducing carbon dioxide emissions by approximately 400 million tons (Guo & Cai, 2022). Construction and commissioning of Units 7 and 8 are also progressing, with Unit 7 expected to enter commercial operation in 2026[3].

Cooperation at the Xudabao Nuclear Power Plant has likewise advanced steadily. CNNC and Rosatom signed a framework contract in 2018 and a general contract for Units 3 and 4 in 2019. Construction of Units 1 and 2 began in 2023, while work on Units 3 and 4 has progressed to the equipment-installation stage. The four units are scheduled to enter operation between 2027 and 2029[4]. Together, the Tianwan and Xudabao projects represent not only major energy infrastructure investments but also important elements of broader Sino-Russian strategic cooperation.

China and Russia have also explored cooperation in hydropower. In May 2016, China Three Gorges Corporation and Russian Hydropower Company established a joint venture to develop the Nizhny Breya Hydropower Project in Russia. The project is intended to strengthen flood control in the basin and generate electricity that could potentially be transmitted to China. More broadly, Russia's abundant water and energy resources, combined with China's expertise in renewable-energy technologies such as wind and solar power, suggest further potential for cooperation in clean energy.

Russia is now undergoing re-industrialization while facing the problem of aging industrial infrastructure that contributes to high energy consumption and low efficiency. China's extensive experience in infrastructure electrification and industrial modernization could therefore support efforts to upgrade Russian equipment and improve energy efficiency. The two countries could also leverage their complementary strengths in green and low-carbon technologies through joint research and development, technology transfer, and other forms of technological cooperation.

[1] The full text of the Joint Statement between the People's Republic of China and the Russian Federation on Deepening the Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era on the Occasion of the 75th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations, can be found on the website of the Chinese government: URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6951404.htm?dt_platform =douban_broadcast&dt_dapp=1 (Date of access: 17.05.2024).

[2] The Chinese government website published the "Joint Statement between the People's Republic of China and the Russian Federation on Further Deepening the Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era on the Occasion of the 80th Anniversary of the Victory of the Chinese People's War of Resistance Against Japanese Aggression, the Great Patriotic War of the Soviet Union, and the Founding of the United Nations," URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202505/content_7023051.htm (Date of access: 11.05.2025).

[3] Tianwan Units 1 and 2 began operation in 2007; Units 3 and 4 entered commercial operation in February and December 2018, respectively; and Units 5 and 6 entered commercial operation in 2021. Unit 7 completed its hot performance test on December 30, 2025, and was proceeding toward fuel loading, grid connection, and commercial operation in 2026. Construction of Unit 8 was also underway.

[4] The Xudabao project has involved several stages of Sino-Russian cooperation. The dome of Unit 4 was installed in June 2024, and key equipment, including the reactor pressure vessel and steam generator, was shipped from Russia in August 2024. The equipment was manufactured by Rosatom's Atomic Machine-Building Company. The total investment for Units 1 and 2 was reported at RMB 48 billion.

Financial cooperation could further support these efforts. As low-carbon development becomes increasingly important worldwide, companies are incorporating emissions reduction into their strategies, while many face difficulties meeting their targets and may seek to offset emissions through investments in external low-carbon projects. Russia's relatively high emissions intensity and substantial potential for emissions reductions could therefore create opportunities for green investment. At the same time, Western sanctions have constrained Russia's access to investment from traditional sources, which contributed to Russia's interest in attracting Chinese capital for green projects.

Russia's green finance market has also developed rapidly. In 2020, Vnesheconombank (VEB) issued Russia's first guidance on green finance, establishing a framework for green projects, loans, and bonds while drawing on China's experience in developing green-finance standards. Cooperation has since expanded into areas such as ESG bond assessment and certification, ESG ratings and disclosure, green infrastructure financing, and local-government green finance.

Agriculture provides another area in which the two countries' complementary strengths could support green cooperation. China has a diverse agricultural sector, while Russia's vast territory, fertile land, and abundant water resources provide favourable conditions for large-scale, mechanized farming. Bilateral agricultural cooperation can therefore leverage these comparative advantages. In recent years, the integration of environmental protection and agricultural technologies has further expanded the potential for cooperation (Zhang et al., 2025).

Demand for Russian agricultural products in China has also contributed to the growth of bilateral agricultural trade. Products such as soybeans, sunflower oil, flour, corn, and honey have gained popularity among Chinese consumers. At the same time, Chinese investment in agriculture has expanded in the Russian Far East, including such spheres as cultivation, processing, and trade. Institutional initiatives have also contributed to this development. For example, in 2020 Heihe established a Sino-Russian Green Agriculture Comprehensive Service Centre to support green agricultural producers and businesses in both countries.

Together, the above-described developments suggest that Sino-Russian green cooperation extends beyond energy to encompass industrial modernization, finance, and agriculture. The two countries' complementary resources, technologies, and investment needs could provide a basis for expanding cooperation across these sectors, although the scale and effectiveness of such cooperation will depend on technological, financial, and regulatory conditions.

Conclusion

This study applies the Driving Forces-Resistance framework to examine the development of China-Russia green cooperation. The findings indicate that bilateral cooperation is shaped by the interaction between four principal driving forces, namely strategic consensus, economic complementarity, global governance, and institutional development, and three major forms of resistance, namely structural, institutional, and technological and financial constraints. The development of cooperation therefore reflects a dynamic balance between factors that facilitate cooperation and those that constrain its depth and scope.

Based on an analysis of bilateral policy documents from 2006 to 2025, the WIPO Global Innovation Index 2025, and selected China-Russia green cooperation projects, four main conclusions can be drawn. First, structural constraints remain a major obstacle to deeper cooperation. Russia's continued dependence on fossil fuel revenues and its existing energy structure may limit the pace of its green transition and, consequently, the scope for cooperation in renewable energy and other emerging green industries. Second, institutional differences increase the costs of bilateral cooperation. Divergences between Russian GOST standards and Chinese and international standards, particularly in certification and technical requirements, create additional transaction costs and may hinder the implementation of green projects. Third, technological asymmetries constrain the potential for green innovation cooperation. The substantial difference between China and Russia in innovation capabilities, particularly in knowledge and technology outputs, suggests that differences in technology transfer and commercialization capacity remain an important constraint on deeper technological cooperation. Fourth, financing remains a significant constraint. Higher financing costs, limited diversity and scale of green financial products in Russia, and the effects of sanctions restrict access to capital for bilateral green projects. Although cooperation in areas such as ESG certification and green infrastructure financing has begun to develop, its scale remains limited.

In response to these constraints, this study proposes a phased set of policy measures based on the existing institutional foundation of China-Russia cooperation. In the short term, from 2026 to 2027, priority could be given to reducing institutional and financial barriers. The two countries could promote mutual recognition of green technology standards, initially focusing on areas such as wind power equipment and green agricultural products, with the aim of reducing redundant certification procedures. A China-Russia Green Cooperation Sub-Fund could also be explored to support small and medium-sized projects, particularly in green agriculture and distrib-

uted solar energy. Such a mechanism could help address financing constraints, although its implementation would need to take into account sanctions, settlement arrangements, and exchange rate risks.

In the medium term, from 2027 to 2028, greater attention could be given to improving project implementation and regional cooperation. A China-Russia Far East Green Projects Information Platform could facilitate project matching, information sharing, and investment coordination, while targeted incentives could support projects in areas such as biomass energy and cross-border ecological conservation. Building on existing regional cooperation mechanisms, such a platform could improve the efficiency of project development, although its effectiveness would depend on the availability of suitable projects and supportive local policies.

In the medium to long term, from 2028 to 2030, technological cooperation could become a greater priority. Joint green technology laboratories and shared intellectual property mechanisms could be developed in areas where bilateral cooperation already exists, including nuclear power operation and maintenance, smart agriculture, and carbon sink accounting. Although such initiatives face greater coordination requirements concerning research priorities, intellectual property rights, and cost-sharing, targeted demonstration projects could provide a feasible starting point and contribute to strengthening long-term technological cooperation.

Overall, these findings suggest that China-Russia green cooperation may benefit from a phased approach that prioritizes relatively feasible institutional and financial measures in the short term while gradually expanding toward infrastructure and technological cooperation. Such an approach could help reduce existing constraints while strengthening the driving forces underlying bilateral green cooperation.

References

Burnes, B. (2004). Kurt Lewin and the planned approach to change: A re-appraisal. *Journal of Management Studies, 41* (6), 977–1002. https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2004.00463.x

Chernousov, D. (2025). Tanzhonghe shijiao xia zhonge nengyuan maoyi jiyu yu lujing yanjiu [A Study on Opportunities and Pathways for China-Russia Energy Trade from a Carbon Neutrality Perspective]. *Shangzhan jingji [Trade Fair Economy],* (16), 93–96. https://doi.org/10.19995/j.cnki.CN10-1617/F7.2025.16.093 (In Chinese)

Chu, D. (2020). Lvse jingji: Eluosi de renzhi yu xingdong [The Green Economy: Russia's Understanding and Actions]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (2), 44–59+127–128. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=71647 (Date of access: 04.11.2016). (In Chinese)

Coghlan, D., & Brydon-Miller, M. (Eds.). (2014). *The SAGE Encyclopedia of Action Research.* https://doi.org/10.4135/9781446294406

Dai, L., Wang, J., & Yang, S. (2024). Eluosi ESG fazhan xianzhuang, tiaozhan yu qianjing zhanwang [The Current State, Challenges, and Outlook for ESG Development in Russia]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (5), 39–56+133. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=97074 (Date of access: 17. 03. 2026). (In Chinese)

Glazyrina, I., & Zabelina, I. (2016). The Silk Road Economic Belt and Green Growth in the East of Russia. *Journal of Resources and Ecology, 7* (5), 342–351. https://doi.org/10.5814/j.issn.1674-764x.2016.05.004

Guo, H., & Ma, Y. (2025). Bainian bianju xia de zhonge jingmao hezuo: xianzhuang, qushi yu zhanwang [China-Russia Economic and Trade Cooperation Amid a Century of Transformative Change: Current Status, Trends, and Outlook]. *Dongbeiya jingji yanjiu [Northeast Asia Economic Research],* (5), 30–45. https://doi.org/10.19643/j.cnki.naer.2025.05.003 (In Chinese)

Guo, X., & Cai, Z. (2022). Bainian bianju xia zhonge jingmao hezuo xinqushi [New Trends in China-Russia Economic and Trade Cooperation Amid a Century of Transformative Change]. *Eluosi xuekan [Academic Journal of Russian Studies],* (4), 67–88. https://s.libvpn.cass.cn/kcms2/article/abstract?v=pX0ZfcSLBkVTwF52TxAhMjLKEh3RMiCrezaxER-h7AnEb-zLIM6n8DcZOWGZ8NgcuOFPQIHnfN_Y2lE1mtk6OjP9lqjBSAcvZVkvEyPbeLcsJp_4OdNyCbaNUOFlvn5k9YTMFEFXsm8XbEkWFFD36kQCmX-dEKrAcZmR8iFvy9Q5Ahf0_VIKs9w==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (Date of access: 24.03.2026). (In Chinese)

Han, L. (2024). Shanghai hezuo zuzhi lvse hezuo: jinzhan,wenti ji lujing xuanze. [Green Cooperation within the Shanghai Cooperation Organization: Progress, Challenges, and Pathways Forward]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (6), 22–38+127. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=97460 (Date of access: 22.01.2026). (In Chinese)

Hou, Z., Xiong, Y., Luo, J., Fang, Y., Haris, M., Chen, Q., Zhang, X., & Wang, Y. (2023). International Experience of Carbon Neutrality and Prospects of Key Technologies: Lessons for China. *Petroleum Science, 20* (2), 893–909 https://doi.org/10.1016/j.petsci.2023.02.018

Jiang, R. (2012). Qihou zhengzhi de Eluosi yinsu-- Eluosi canyu guoji qihou hezuo de lichang, wenti yu qianjing [The Russian Factor in Climate Politics: Russia's Position, Problems and Prospects in Participating in International Climate Cooperation]. *Eluosi yanjiu [Russian Studies],* (4), 192–208. https://s.libvpn.cass.cn/kcms2/article/abstract?v=pX0ZfcSLBkUHur15_MQQK2g2OTa5S22MPi_AD4w6u0y-NJqWRtt0dShzqVB_MiGSGgJVwg9hlDaG06-asYFA7qT4QpoKqSgmV-sWrxZUuDWHF-C_-uM-_nRu9qltDzAYXMq6yI1FGM5pjb-HTZeq5MX0xULOaHwQ4Lp_WJ5WrpFF9aQWglwsNQ==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (Date of access: 21.04.2026). (In Chinese)

Korppoo, A. (2022). Russian Discourses on Benefits and Threats from International Climate Diplomacy. *Climatic Change, 170,* 25. https://doi.org/10.1007/s10584-021-03299-3

Lewin, K.(1947).Frontiersingroupdynamics. *HumanRelations, 1* (1),5–41.https://doi.org/10.1177/001872674700100103

Li, Y. (2024). Ewuchongtu shiyu xia Eluosi hedian fazhan jingyan ji qishi [Lessons and Insights from Russia's Nuclear Power Development in the Context of the Russia-Ukraine Conflict]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (5), 57–72+133–134. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=97075 (Date of access: 14.02.2026). (In Chinese)

Lu, T., & Song, X. (2022). "Shuangtan" beijing xia zhonge nengyuan hezuo lvse fazhan yanjiu [A Study on Green Development in China-Russia Energy Cooperation Against the Background of the "Dual Carbon" Goals]. *Guoji maoyi [Intertrade],* (5), 56–62. https://doi.org/10.14114/j.cnki.itrade.2022.05.009 (In Chinese)

Lu, J. (2021). Xinxingshi xia shenhua zhonge nengyuan hezuo sikao [Reflections on Deepening China-Russia Energy Cooperation in the New Context]. *Shijie shiyou gongye [World Petroleum Industry],* (6), 1–5. https://doi.org/10.20114/j.issn.1006-0030.2021.06.001 (In Chinese)

Shi, Y. (2016). *Eluosi: caiqu wuda cuoshi jiji yingdui quanqiu qihou bianhua [Russia: Taking Five Major Measures to Actively Address Global Climate Change].* http://news.cri.cn/20161114/83fe91e5-2ad9-63cc-a45b-ab1260a45750.html (Date of access: 14.02.2026). (In Chinese)

Batenin, V. M., Zaichenko, V. M., & Chernyavsky, A. A. (2023). Development of "Green" Energy in Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Energetika [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Power Engineering],* (4), 21–32. (In Russ.)

Wu, W., & Ge, X. (2024). Eluosi lvse jinrong fazhan ji zhonge lvse jinrong hezuo zhanwang [The Development of Green Finance in Russia and Prospects for Sino-Russian Cooperation in Green Finance]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (2), 32–48+129. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=90139 (Date of access: 15.04.2026). (In Chinese)

Xiao, H., & Ge, X. (2022). Eluosi xinnengyuan ji lvse jingji fazhan wenti [Issues in Russia's New Energy and Green Economy]. *Ouya jingji [Journal of Eurasian Economy],* (2), 72–87+126. https://oyjj-oys.ajcass.com/Magazine/Show?id=82544 (Date of access: 15.04.2026). (In Chinese)

Xi, Jinping. (2019). *Xi Jinping's Governance Efforts (Vol. 3).* Beijing: Foreign Languages Press, 668.

Xie, W., Bi, C., & Kuznetsova, N. P. (2025). Towards a Sustainable Future: The Emerging Role and Far-Reaching Impact of Green Finance Instruments in Russia-China Trade Relations. *Journal Volume & Issue, 29* (3), 194–206. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2025-29-3-194-206

Xu, B., & Zou, S. (2024). Wukelan weiji beijing xia de Eluosi qihou zhengce: zhili guannian, zhengce pianhao yu guoji hezuo [Russian Climate Policy Against the Backdrop of the Ukraine Crisis: Governance Concepts, Policy Preferences, and International Cooperation]. *Dongbeiya luntan [Northeast Asia Forum],* (5), 91–110+128. https://doi.org/10.13654/j.cnki.naf.2024.05.007 (In Chinese)

Xu, H., Huang, Y., & Yi, L. (2025). Zhongguo he Eluosi lvse jinrong fazhan ji hezuo pingxi [Analysis of Green Finance Development and Cooperation Between China and Russia]. *Guoji jingji hezuo [International Economic Cooperation],* (6), 76–86. https://doi.org/10.20090/J.cnki.gjjh.2025.6.7 (In Chinese)

Xu, H., & Yi, L. (2022). Zhongemei hezuo yu jingzheng: jiyu quanqiu qihou zhili, ditan lvse fazhan shijiao de fenxi [Cooperation and Competition Among China, Russia, and the United States: An Analysis from the Perspective of Global Climate Governance and Low-Carbon Green Development]. *Eluosi dongou zhongya yanju [Russian,East European and Central Asian Studies],* (3), 103–126+173. https://doi.org/10.20018/j.cnki.reecas.2022.03.006 (In Chinese)

Xu, X., Tian, G. & Tang, M. (2025). Zhong E liangguo senlin tanhui hezuo qianli ji lvse xiaoying yanjiu [Research on the Potential for Sino-Russian Forest Carbon Sink Cooperation and Its Green Effects]. *Shangye jingji, [Business & Economy],* (1), 80–83. https://doi.org/10.19905/j.cnki.syjj1982.2025.01.019 (In Chinese)

Zhang, C. & Qu, X. (2016). Zhongguo yu Eluosi de maoyi shengtai zuji yanjiu [A Study on the Trade Ecological Footprint of China and Russia]. *Nanjing shenji daxue xuebao [Journal of Nanjing Audit University],* (1), 3–10. https://s.libvpn.cass.cn/kcms2/article/abstract?v=pX0ZfcSLBkVaoKMBhCRAnfFet-LNuIPcIeHY-WpHysi6q-L512jkEiJXm0DNVWrKAzfqXTpQt-2fvAZdGjdO_zZwe1dwvXYA9CuLUoFGDBssjNffmP0GcsMmU7XoZaKBmQ9h5YWB-P9qszXt1YRkEk3EI_aDPu8qFXttdH-BxXqp4ZJhD0BhzP4w==&uniplatform=NZKPT&language=CHS&__proto__=https&__host__=kns.cnki.net (Date of access: 25.01.2026) (In Chinese)

Zhang, C., Tian, E. & Zou, Y. (2025). Zhonge nongye wenti yanjiu [A Study on Sino-Russian Agricultural Cooperation]. *Shangye jingji [Business & Economy],* (1), 76–79. https://doi.org/10.19905/j.cnki.syjj1982.2025.01.015 (In Chinese)

About the author

Xiaoqiong Guo — Dr. Sci. (Econ), Professor, University of Chinese Academy of Social Sciences; https://orcid.org/0009-0000-0179-4146 (11, Changyu Street, Fangshan District, Beijing, 102488, People's Republic of China; e-mail: guoxq@cass.org.cn).

Информация об авторе

Го Сяоцюн — Доктор экономических наук, профессор, Университет Китайской академии общественных наук; https://orcid.org/0009-0000-0179-4146 (Китайская народная республика, 102488, г. Пекин, район Фаншань, ул. Чанъюй, д. 11; e-mail: guoxq@cass.org.cn).

Использование средств ИИ

При подготовке статьи средства генеративного искусственного интеллекта применялись в двух случаях: для подбора источников и для перевода текстов с китайского языка на английский язык.

Use of AI tools declaration

In the course of manuscript development, AI tools were used in two cases: for selection of sources and for the translation of source texts from Chinese into English.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 09.02.2026.
Прошла рецензирование: 29.06.2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 11 Feb 2026.
Reviewed: 29 Jun 2026.
Accepted: 03 Jul 2026

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-12
UDC 330.341+331.101.6
JEL O33; J24

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Inna A. Kulkova [a], **Dehua Zhang** [b]

[a] Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

[b] Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

Impact of Digital Transformation and Green Innovation Investments on Corporate Labour Productivity in China: A Regional Heterogeneity Analysis[1]

Abstract. In the context of a labour shortage, increasing labour productivity becomes the main way to address the challenges facing companies. This article assesses the impact of digital transformation on labour productivity using the example of Chinese enterprises, with a focus on investments in green innovation and regional heterogeneity. Using a panel dataset of A-share listed firms from 2007 to 2023, we construct a firm-level Digital Transformation Index (DTI) based on textual analysis of annual reports, measuring the frequency of keywords related to digital technologies. Labour productivity is proxied by the natural logarithm of operating revenue per employee. Employing two-way fixed effects regressions with lagged explanatory variables to address endogeneity, we find that digital transformation enhances labour productivity. Mechanism tests reveal that green innovation investment, measured by the log-transformed number of granted green patents, partially mediates this relationship, consistent with the weak form of the Porter Hypothesis. Digital technologies facilitate cleaner production, improve resource efficiency, and enhance operational performance, thereby increasing output per employee. Heterogeneity analyses further indicate that these effects are stronger in non-high-tech industries, likely due to greater catch-up potential and larger marginal gains from digital adoption, as well as in eastern China, where superior digital infrastructure, deeper talent pools, and higher levels of marketization may facilitate the realization of digital benefits. By contrast, the effects are insignificant in high-tech sectors, potentially reflecting technological saturation and higher adjustment costs, and in central and western regions, where persistent digital divides may constrain the productivity-enhancing effects of digital technologies. These findings highlight the productivity-enhancing potential of digital transformation, particularly when integrated with green innovation, and underscore the importance of complementary regional conditions in their realizing and confirm such investments effectiveness in countries with developing economies.

Keywords: China's macro-regions, company' labour productivity, business digitalization, green innovation, mediation effect, Chinese listed companies, Porter hypothesis

For citation: Kulkova, I. A., & Zhang, D. (2026). Impact of Digital Transformation and Green Innovation Investments on Corporate Labour Productivity in China: A Regional Heterogeneity Analysis. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 639–647. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-12

[1] © Kulkova I. A., Zhang D. Text. 2026.

RESEARCH ARTICLE

И. А. Кулькова [а], *Д. Чжан* [б]

[а] Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

[б] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Региональная неоднородность влияния цифровой трансформации и инвестиций в зеленые инновации на производительность труда компаний в Китае

Аннотация. В условиях дефицита рабочей силы повышение производительности труда становится ключевым способом решения проблем, с которыми сталкиваются компании. На примере китайских предприятий в статье оценивается влияние цифровой трансформации на производительность труда, при этом делается акцент на инвестиции в зелёные инновации и региональные различия. На основе панельных данных компаний, торгующихся на рынке А-акций, за 2007–2023 гг. был построен индекс цифровой трансформации фирмы (Digital Transformation Index, DTI). Он основан на текстовом анализе годовых отчётов и отражает частоту упоминания ключевых слов, связанных с цифровыми технологиями. Производительность труда оценивается через натуральный логарифм операционной выручки в расчёте на одного сотрудника. С помощью регрессий с двусторонними фиксированными эффектами и лагированными объясняющими переменными, позволяющими учесть проблему эндогенности, показано, что цифровая трансформация повышает производительность труда. Анализ механизмов позволяет сделать вывод что инвестиции в зелёные инновации, измеряемые логарифмом числа выданных зелёных патентов, частично опосредуют эту связь, что согласуется со слабой формой гипотезы Портера. Цифровые технологии способствуют более чистому производству, повышают эффективность использования ресурсов и улучшают операционные показатели, тем самым увеличивая выпуск в расчёте на одного сотрудника. Анализ неоднородности показывает, что эти эффекты сильнее выражены в нетехнологичных отраслях, вероятно, благодаря более высокому потенциалу «догоняющего» развития и более значительным предельным выгодам от внедрения цифровых технологий. Эффекты также сильнее выражены в Восточном Китае, где развитая цифровая инфраструктура, значительный кадровый потенциал и развитая рыночная среда способствуют реализации выгод от цифровизации. Напротив, в высокотехнологичных секторах эффекты статистически незначимы, что может объясняться технологическим насыщением и более высокими издержками адаптации. Незначимы они и в центральных и западных регионах, где сохраняющийся цифровой разрыв ограничивает влияние цифровых технологий на производительность. Полученные результаты подчёркивают потенциал цифровой трансформации для роста производительности, особенно в сочетании с зелёными инновациями, указывают на важность взаимодополняющих региональных условий для его реализации и подтверждают эффективность подобных инвестиций в странах с развивающейся экономикой.

Ключевые слова: макрорегионы Китая, производительность труда в организации, цифровизация бизнеса, эффект медиации, китайские компании, котирующиеся на бирже, гипотеза Портера

Для цитирования: Кулькова, И. А., Чжан, Д. (2026). Региональная неоднородность влияния цифровой трансформации и инвестиций в «зеленые» инновации на производительность труда в организациях Китая. *Экономика региона, 22*(3), 639–647. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-12

Introduction

Digital transformation has become an important component of firm-level modernization and industrial upgrading. Digital technologies such as big data analytics, cloud computing, artificial intelligence, industrial internet platforms, and blockchain can reduce information frictions, improve production coordination, and support data-based decision-making. However, the productivity effects of digital transformation are not automatic. The literature on general-purpose technologies emphasizes that productivity gains usually depend on complementary investments in organizational capital, skills, management practices, and process redesign (Bresnahan et al., 2002; Bloom et al., 2012; Brynjolfsson et al., 2000).

For Chinese firms, this issue is especially relevant because enterprises operate under rising labour costs, demographic transition, environmental constraints, and substantial regional disparities. Labour productivity is a central indicator of firm efficiency because it reflects the amount of operating output generated per employee. At the same time, the uneven distribution of digital infrastructure, skilled labour, innovation services, and market institutions across Chinese regions may cause the same level of digital transformation to generate different productivity outcomes.

Existing studies have examined the relationship between digital transformation and firm performance, total factor productivity, innovation, and green transformation (Autor et al., 2003; Zhao et al., 2021; Hu et al., 2022; Wang et al., 2023; Lv et al., 2024). Text-based measures of digital transformation have become common in empirical research because annual reports provide compara-

ble firm-level information about digital strategy and technology adoption (Loughran & McDonald, 2016; Xiao et al., 2022; Yuan et al., 2021; Sun & Guo, 2022; Su et al., 2023). Nevertheless, two gaps remain. First, the mechanism through which digital transformation is linked to labour productivity requires further clarification, especially when green innovation is considered as an intermediate channel. Second, regional heterogeneity has not been sufficiently integrated into the theoretical explanation of digital productivity effects.

The purpose of this study is to examine whether and under what conditions digital transformation is associated with corporate labour productivity in Chinese listed companies. Unlike studies that treat digitalization as a universally productivity-enhancing factor, this paper emphasizes the conditional and regionally heterogeneous nature of digital productivity effects.

To achieve this purpose, the study addresses four research tasks. First, it evaluates the baseline association between firm-level digital transformation and labour productivity. Second, it examines whether green innovation acts as a mediating mechanism linking digital transformation to labour productivity. Third, it tests whether this relationship differs between high-tech and non-high-tech industries. Fourth, it investigates regional heterogeneity across eastern, central, and western China.

Based on the theoretical framework, four hypotheses are formulated.

H1: Digital transformation is positively associated with corporate labour productivity, but the magnitude of this relationship may be economically moderate.

H2: Green innovation partially mediates the relationship between digital transformation and corporate labour productivity.

H3: The association between digital transformation and labour productivity differs between high-tech and non-high-tech industries.

H4: The association between digital transformation and labour productivity varies across Chinese regions, being stronger in regions with more developed digital infrastructure and complementary resources.

The contribution of this paper is threefold. First, it provides firm-level evidence on the relationship between digital transformation and labour productivity in China. Second, it connects digital transformation with green innovation and the weak Porter Hypothesis. Third, it explains regional heterogeneity through the lens of location theory, complementary assets, and regional development conditions.

Theoretical Foundations and Analytical Framework

Digital transformation is not merely the adoption of isolated digital tools; it is a process through which firms reorganize production, management, information flows, and business processes by integrating digital technologies. From the perspective of transaction cost theory, digital technologies can reduce search, coordination, monitoring, and contracting costs by improving information transparency and the speed of communication. From the perspective of information asymmetry theory, data-based monitoring and real-time information systems can reduce the gap between management and production units, improving production planning and labour allocation.

The resource-based view and resource orchestration theory further suggest that digital technologies create value only when firms combine them with complementary resources. Digital infrastructure, skilled employees, organizational routines, managerial capabilities, and absorptive capacity are required to transform digital inputs into productivity outcomes (Cohen & Levinthal, 1990; Milgrom & Roberts, 1990; Bloom et al., 2012). This theoretical logic is consistent with the productivity J-curve argument, which states that the benefits of general-purpose technologies may appear gradually because firms must accumulate intangible complementary capital before measurable productivity gains emerge (Brynjolfsson et al., 2021).

Green innovation refers to technological and organizational innovations that reduce environmental damage, improve resource efficiency, and support sustainable production. From the perspective of sustainable development theory, firms are expected not only to improve economic performance but also to internalize environmental constraints into production and innovation decisions. Green innovation can affect labour productivity through cleaner processes, energy-saving technologies, waste reduction, and the reorganization of production routines.

The Porter Hypothesis provides an additional explanation for the productivity implications of green innovation. According to its weak form, environmental pressure and green-oriented innovation activities can stimulate technological upgrading, which may partly offset compliance costs and improve production efficiency (Porter & van der Linde, 1995; Ambec et al., 2013; Dechezleprêtre et al., 2017). In the context of digital transformation, digital technologies can facilitate green innovation by improving environmental monitoring, data-based energy management, and process optimization. Therefore, green innovation may serve as a mediating mechanism between digital transformation and labour productivity. Recent firm-level evidence on digital transformation and green innovation (Sun & Guo, 2022; Wang & Zhong, 2024) confirms the existence of a link between digitalization and investment in green innovation.

Regional heterogeneity can be interpreted through location theory and regional development theory. Firms do not transform digitally in an in-

stitutional and spatial vacuum. The productivity effect of digital transformation depends on complementary regional conditions, including digital infrastructure, skilled labour supply, marketization, industrial agglomeration, and access to innovation services. According to location theory, the spatial distribution of production and innovation activities is shaped by infrastructure, factor endowments, transaction costs, and agglomeration economies. Therefore, the same level of firm-level digital transformation may generate different productivity outcomes across regions.

Methodology and Data

This study uses an unbalanced panel of Chinese A-share listed companies from 2007 to 2023. Financial firms are excluded because their balance-sheet structures, regulatory environment, and labour productivity measurement differ from non-financial firms. ST and *ST firms are also excluded because their abnormal operating conditions may distort the empirical results. Observations with missing values in core variables are removed. To reduce the influence of outliers, continuous variables are winsorized at the 1st and 99th percentiles. The final sample contains 57,993 firm-year observations.

The dependent variable is corporate labour productivity (ln_LDSCL), measured as the natural logarithm of operating revenue per employee. This indicator captures the operating output generated by each employee and is widely used in firm-level productivity research when direct physical output is not comparable across industries.

$$\ln_LDSCL_it = \ln(\text{Operating revenue_it} / \text{Number of employees_it}) \quad (1)$$

The core explanatory variable is the Digital Transformation Index (DTI). Following the textual-analysis approach in accounting, finance, and Chinese digital transformation studies, the index is constructed by counting the frequency of keywords related to artificial intelligence, big data, cloud computing, blockchain, digital platforms, industrial internet, and other digital technologies in firms' annual reports, and then scaling this frequency by the total number of words in the report (Loughran & McDonald, 2016; Yuan et al., 2021).

$$DTI_it = \text{Digital keyword frequency_it} / \text{Total words in annual report_it} \quad (2)$$

The mechanism variable is green innovation (SQZL), measured by the number of granted green patents, including green invention patents and green utility model patents. Because patent counts are highly skewed, the variable is log-transformed after adding one. This measure is consistent with the literature using patent data to evaluate firm-level innovation output (Hall et al., 2005; Popp, 2002).

$$SQZL_it = \ln(1 + \text{Granted green patents_it}) \quad (3)$$

Control variables include leverage (Lev), cash flow, board size (Board), the proportion of independent directors (Independent), and ownership balance (Balance2). These controls capture financial risk, internal financing capacity, corporate governance structure, supervisory independence, and ownership checks and balances.

The empirical strategy includes five steps. First, descriptive statistics and Pearson correlations are reported. Second, baseline regressions are estimated. Third, lagged DTI specifications are used as robustness tests and as a partial response to reverse causality. Fourth, mediation models test whether green innovation is a channel between digital transformation and labour productivity. Fifth, subgroup regressions are used to examine industry and regional heterogeneity.

Model (4) estimates the unconditional association between digital transformation and labour productivity:

$$\ln_LDSCL_it = \alpha_0 + \alpha_1 \cdot DTI_it + \varepsilon_it \quad (4)$$

Model (5) adds firm-level control variables:

$$\ln_LDSCL_it = \beta_0 + \beta_1 \cdot DTI_it + \beta_2 \cdot Controls_it + \varepsilon_it \quad (5)$$

Model (6) is the preferred specification and includes firm and year fixed effects:

$$\ln_LDSCL_it = \gamma_0 + \gamma_1 \cdot DTI_it + \gamma_2 \cdot Controls_it + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_it \quad (6)$$

To partially address reverse causality and delayed effects, lagged specifications are estimated:

$$\ln_LDSCL_it = \delta_0 + \delta_1 \cdot DTI_i,t - k + \delta_2 \cdot Controls_it + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_it, k = 1,2 \quad (7)$$

The mediating role of green innovation is tested using the following equations:

$$SQZL_it = \theta_0 + \theta_1\ DTI_it + \theta_2\ Controls_it + + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_it \quad (8)$$

$$\ln_LDSCL_it = \rho_0 + \rho_1\ DTI_it + \rho_2\ SQZL_it + \rho_3\ Controls_it + + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_it \quad (9)$$

In these equations, i denotes firm and t denotes year. μ_i represents firm fixed effects, λ_t represents year fixed effects, and ε_it is the error term. Standard errors are clustered at the firm level to account for within-firm serial correlation and heteroskedasticity (Petersen, 2009; Wooldridge, 2010).

Empirical Results and Analysis

Table 1 reports descriptive statistics. The mean of ln_LDSCL is 13.823 with a standard deviation of 0.949, indicating meaningful variation in labour productivity across listed firms. The mean value of DTI is 0.009 and the maximum is 0.362, suggesting

that the overall degree of digital transformation remains uneven across firms. The control variables are within plausible ranges for non-financial listed companies after winsorization.

Correlation Analysis

Table 2 shows the Pearson correlation coefficients of the main variables. The correlation between DTI and ln_LDSCL is positive and statistically significant ($r = 0.013$, $p < 0.01$), but the magnitude is very small. Therefore, the correlation result should be interpreted only as preliminary evidence of a positive association, not as evidence of a strong economic effect. The correlations among control variables do not suggest severe multicollinearity.

Baseline Regression Analysis

Table 3 reports the baseline regression results. Model (1) estimates the unconditional relationship between DTI and labour productivity. Model (2) adds firm-level controls. Model (3) is the preferred specification with firm and year fixed effects. In Model (3), the coefficient of DTI is 0.818 and statistically significant at the 1 % level. These results suggest a positive association between digital transformation and labour productivity. However, given the small unconditional correlation reported in Table 2, the economic magnitude of this relationship should be interpreted cautiously.

Endogeneity and Robustness Tests: Lagged Effects

A potential concern is reverse causality: more productive firms may be more capable of investing in digital transformation. To partially address this issue, Table 4 uses one-period and two-period lagged DTI variables. This approach improves the temporal ordering of the analysis, although it cannot fully eliminate endogeneity.

The coefficients of DTI_L1 and DTI_L2 are 0.684 and 0.698, respectively, and both are significant at the 5 % level. This finding suggests that the positive association between digital transformation and labour productivity is not limited to the contemporaneous specification. Nevertheless, lagged regressions should be interpreted as supportive robustness evidence rather than definitive proof of causality.

Mechanism Test: The Mediating Role of Green Innovation

The proposed mechanism is that digital transformation may support green innovation by improving environmental monitoring, energy-management precision, and process optimization. Green innovation may then improve labour productivity through resource savings, cleaner production routines, and technological upgrading. This logic is consistent with the weak form of the Porter Hypothesis.

In Model (2), the coefficient of DTI in the green innovation equation is positive and significant, indicating that firms with higher digital transformation tend to report more green innovation outputs. In Model (3), SQZL is positively associated with labour productivity, while the coefficient of DTI declines slightly from 0.818 to 0.811 after SQZL is included. This pattern is consistent with partial mediation. However, the reduction in the DTI coefficient is small, which

Table 1

Descriptive Statistics of Main Variables

Variables	Mean	Standard deviation	Min	Max	p_1	p_{99}	Skew.	Kurt.
ln_LDSCL	13.823	.949	4.727	20.139	11.795	16.575	.594	5.238
DTI	.009	.019	0	.362	0	.096	6.423	61.783
Lev	.442	.337	.016	14.810	.072	.929	23.727	948.002
Cash flow	.021	.086	-.318	.339	-.160	.228	-.042	2.959
Board	2.266	.169	1.792	2.773	1.792	2.773	-.360	4.391
Independent	.364	.051	0	.800	.300	.545	1.540	7.334
Balance2	.534	.564	0	4.000	.022	2.459	1.596	6.047

Note: Continuous variables are winsorized at the 1st and 99th percentiles. Source: compiled by the authors.

Table 2

Pearson Correlation Matrix

	ln_LDSCL	DTI	Lev	Cash Flow	Board	Independent	Balance2
ln_LDSCL	1	–	–	–	–	–	–
DTI	0.013***	1	–	–	–	–	–
Lev	0.066***	–0.052***	1	–	–	–	–
Cash flow	–0.055***	0.018***	0.046***	1	–	–	–
Board	–0.001	–0.088***	0.075***	–.029***	1	–	–
Independent	0.016***	0.102***	0.020***	0.169***	–0.495***	1	–
Balance2	–0.063***	0.139***	0.031***	0.233***	–0.052***	0.097***	1

Note: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

Table 3

Baseline Regression: Digital Transformation and Labour Productivity

	(1)	(2)	(3)
	ln_LDSCL	ln_LDSCL	ln_LDSCL
DTI	0.648***	1.176***	0.818***
	(0.2112)	(0.2134)	(0.2623)
Lev	–	0.197***	0.00883
	–	(0.0117)	(0.0126)
Cash flow	–	–0.543***	0.575***
	–	(0.0477)	(0.0576)
Board	–	0.0304	–0.0121
	–	(0.0268)	(0.0341)
Independent	–	0.536***	–0.0581
	–	(0.0911)	(0.1084)
Balance2	–	–0.0999***	–0.000347
	–	(0.0072)	(0.0106)
_cons	13.82***	13.53***	13.85***
	(0.0044)	(0.0822)	(0.1042)
Firm FE	No	No	Yes
Year FE	No	No	Yes
N	57,993	57,993	57,978
F	9.426***	114.778***	17.923***
R2	0.0002	0.0117	0.7335

Note: Standard errors clustered at the firm level are reported in parentheses. * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

Table 4

Robustness Test Using Lagged Digital Transformation Indicators

	(1)	(2)	(3)
	Non-lag	Lag 1	Lag 2
DTI	0.818***	–	–
	(0.2623)	–	–
DTI_L1	–	0.684**	–
	–	(0.2841)	–
DTI_L2	–	–	0.698**
	–	–	(0.3075)
Lev	0.00883	–0.00500	–0.00482
	(0.0126)	(0.0240)	(0.0225)
Cash flow	0.575***	0.653***	0.632***
	(0.0576)	(0.0627)	(0.0671)
Board	–0.0121	–0.000479	–0.00329
	(0.0341)	(0.0387)	(0.0381)
Independent	–0.0581	–0.0137	0.00997
	(0.1084)	(0.1138)	(0.1148)
Balance2	–0.000347	–0.00256	0.00288
	(0.0106)	(0.0118)	(0.0120)
Constant	13.85***	13.84***	13.87***
	(0.1042)	(0.1151)	(0.1140)
Firm FE	Yes	Yes	Yes
Year FE	Yes	Yes	Yes
N	57,978	51,622	45,885
F	17.923***	19.042***	15.750***
R2	0.7335	0.7483	0.7581

Note: X(t-1) = DTI_L1, X(t-2) = DTI_L2, Y(t) = ln_LDSCL. Standard errors clustered at the firm level are reported in parentheses. * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

Table 5

Mediation Test: Green Innovation as a Mechanism

	(1)	(2)	(3)
	ln_LDSCL	SQZL	ln_LDSCL
SQZL	–	–	0.000300**
	–	–	(0.0001)
DTI	0.818***	23.22**	0.811***
	(0.2623)	(10.3934)	(0.2620)
Lev	0.00883	–1.071*	0.00916
	(0.0126)	(0.6190)	(0.0127)
Cash flow	0.575***	–4.880**	0.576***
	(0.0576)	(2.2646)	(0.0576)
Board	–0.0121	–3.876*	–0.0109
	(0.0341)	(2.3140)	(0.0342)
Independent	–0.0581	–15.65*	-0.0534
	(0.1084)	(8.1159)	(0.1084)
Balance2	–0.000347	0.341	–0.000449
	(0.0106)	(0.4025)	(0.0106)
_cons	13.85***	21.40***	13.84***
	(0.1042)	(7.2416)	(0.1042)
Firm FE	Yes	Yes	Yes
Year FE	Yes	Yes	Yes
N	57,978	57,978	57,978
F	17.923***	3.714***	16.235***
R2	0.7335	0.6043	0.7335

Note: Standard errors clustered at the firm level are reported in parentheses. * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

means that green innovation is a present but limited mechanism rather than the dominant channel.

Industry Heterogeneity Analysis

Industrial structure may condition the productivity implications of digital transformation. Based on the industrial classification standard of the China Securities Regulatory Commission, the sample is divided into high-tech and non-high-tech industries. Table 6 reports subgroup regressions.

The coefficient of DTI is statistically significant only in the non-high-tech subsample. This suggests that traditional and non-high-tech firms may obtain larger marginal benefits from basic digitalization because their initial levels of informatization and automation are lower. In contrast, high-tech firms may already operate closer to the technological frontier, so additional digital transformation may have weaker short-term productivity implications. Adjustment costs and the productivity J-curve may also weaken the immediate observable effect of digital upgrading in high-tech sectors.

Regional Heterogeneity Analysis

To examine whether regional conditions moderate the relationship between digital transformation and

Table 6

Regression Results by Industry Heterogeneity

	(1)	(2)
	High-tech industry	Non-high-tech industry
DTI	–0.172	7.613***
	(0.5352)	(1.6559)
Lev	–0.114	0.144
	(0.0914)	(0.1108)
Cash flow	0.781***	0.892***
	(0.0897)	(0.1184)
Board	0.0271	–0.00294
	(0.0697)	(0.1223)
Independent	0.197	-0.0875
	(0.1648)	(0.2889)
Balance2	0.0265	0.00358
	(0.0224)	(0.0388)
_cons	13.55***	13.81***
	(0.1956)	(0.3414)
Firm FE	Yes	Yes
Year FE	Yes	Yes
N	21,772	16,988
F	13.824***	12.731***
R2	0.7720	0.7520

Note: Standard errors clustered at the firm level are reported in parentheses. * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

Table 7

Regression Results by Region

	(1)	(2)	(3)
	East	West	Central
DTI	2.828***	0.587	2.605
	(0.7903)	(1.9595)	(1.9673)
Lev	0.189*	–0.0852	–0.445***
	(0.1062)	(0.1861)	(0.1213)
Cash flow	0.836***	0.804***	1.113***
	(0.0902)	(0.1580)	(0.1781)
Board	–0.0271	–0.0245	0.0873
	(0.0948)	(0.1475)	(0.1191)
Independent	–0.0635	0.0953	0.0713
	(0.2236)	(0.3868)	(0.2550)
Balance2	0.0222	0.0126	0.0578
	(0.0243)	(0.0617)	(0.0421)
_cons	13.80***	13.63***	13.82***
	(0.2706)	(0.4243)	(0.3112)
Firm FE	Yes	Yes	Yes
Year FE	Yes	Yes	Yes
N	26,432	6,638	7,647
F	16.214***	4.851***	10.482***
R2	0.7557	0.7290	0.7891

Note: Standard errors clustered at the firm level are reported in parentheses. * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$. Source: compiled by the authors.

labour productivity, the sample is divided into eastern, western, and central regions according to firms' registered locations. Table 7 reports the results.

The coefficient of DTI is positive and statistically significant only in the eastern region. In the central and western regions, the coefficients are positive but statistically insignificant. This pattern indicates that the productivity-related association of digital transformation depends on complementary regional conditions. Eastern China has relatively stronger digital infrastructure, deeper labour markets for digital talent, more developed business services, and higher marketization. These conditions may help firms convert digital inputs into measurable productivity improvements. In central and western regions, weaker digital ecosystems and limited complementary assets may reduce the conversion efficiency of digital transformation.

Discussion and Policy Recommendations

The findings should be interpreted in a cautious and conditional manner. The empirical results do not support the claim that digital transformation greatly or automatically improves labour productivity for all firms. Instead, they show a statistically significant but economically moderate association whose strength varies across industries and regions.

The results support the importance of complementary assets. Digital transformation requires skilled employees, management capabilities, process redesign, and organizational learning. Policies that subsidize digital equipment alone may be insufficient if firms lack complementary capabilities. Training programmes, digital management consulting, and support for organizational upgrading may be necessary to translate digital adoption into labour productivity gains.

The partial mediation results imply that green innovation can be one channel through which digital transformation is connected with productivity, but the mechanism is limited in magnitude. Policy instruments should therefore promote the integration of digital and green technologies, including digital energy management, environmental monitoring platforms, cleaner production systems, and green patent commercialization. However, these policies should avoid assuming that green innovation is the only or dominant productivity channel.

The regional results suggest that differentiated digital economy policies are required. In eastern China, the policy priority may be to deepen advanced digital applications and support higher-quality digital-green integration. In central and western regions, firm-level subsidies should be combined with regional investment in digital infrastructure, digital service markets, skilled labour attraction, and innovation ecosystems. Without these complementary conditions, digital transformation may remain symbolic and may not generate clear productivity outcomes.

The stronger association in non-high-tech industries suggests that traditional sectors may have larger catch-up potential. Targeted support for digital upgrading in manufacturing, logistics, and traditional services may generate meaningful productivity improvements, particularly where digital adoption starts from a low base.

Conclusions

This study examined the relationship between digital transformation, green innovation, and corporate labour productivity using panel data from Chinese A-share listed companies from 2007 to 2023. The analysis combined text-based measurement of digital transformation, fixed-effects panel regressions, lagged specifications, mediation tests, and heterogeneity analysis.

The study showed that digital transformation is positively associated with corporate labour productivity. The coefficient remains positive after adding firm and year fixed effects and in lagged specifications. However, the magnitude of the relationship should be interpreted cautiously. The results do not imply that digital transformation automatically or substantially improves labour productivity in all firms; rather, they indicate a statistically robust but economically moderate association.

It is important that green innovation plays a partial mediating role in the relationship between digital transformation and labour productivity. Digital transformation is associated with more green innovation outputs, and green innovation is positively related to labour productivity. Nevertheless, the mediation effect is limited in magnitude, suggesting that green innovation is one mechanism rather than the dominant channel.

A regional study found that the productivity-related association of digital transformation is heterogeneous across industries and regions. The association is more evident in non-high-tech industries and in eastern China, while it is statistically weaker in high-tech industries and in central and western regions. This finding suggests that digital transformation requires complementary conditions, including digital infrastructure, skilled labour, market competition, and regional innovation ecosystems.

This study has several limitations: the Digital Transformation Index is based on annual report text and may capture firms' disclosure intensity rather than actual digital investment; although fixed effects and lagged specifications are used, potential endogeneity cannot be fully eliminated; labour productivity is measured by operating revenue per employee, which may be affected by price changes and industry-specific revenue structures.

Future research may combine textual indicators with direct digital investment data, use stronger identification strategies such as instrumental variables or quasi-natural experiments, and further examine regional policy environments that condition the productivity effects of digital transformation.

References

Ambec, S., Cohen, M. A., Elgie, S., & Lanoie, P. (2013). The Porter Hypothesis at 20: Can Environmental Regulation Enhance Innovation and Competitiveness? *Review of Environmental Economics and Policy, 7*(1), 2–22. https://doi.org/10.1093/reep/res016

Autor, D. H., Levy, F., & Murnane, R. J. (2003). The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration. *The Quarterly Journal of Economics, 118*(4), 1279–1333. https://doi.org/10.1162/003355303322552801

Bloom, N., Garicano, L., Sadun, R., & Van Reenen, J. (2014). The Distinct Effects of Information Technology and Communication Technology on Firm Organization. *Management Science, 60*(12), 2859–2885. https://doi.org/10.1287/mnsc.2014.2013

Bloom, N., Sadun, R., & Van Reenen, J. (2012). Americans Do IT Better: US Multinationals and the Productivity Miracle. *American Economic Review, 102*(1), 167–201. https://doi.org/10.1257/aer.102.1.167

Bresnahan, T. F., Brynjolfsson, E., & Hitt, L. M. (2002). Information Technology, Workplace Organization, and the Demand for Skilled Labor: Firm-Level Evidence. *The Quarterly Journal of Economics, 117*(1), 339–376. https://doi.org/10.1162/003355302753399526

Brynjolfsson, E., & Hitt, L. M. (2000). Beyond Computation: Information Technology, Organizational Transformation and Business Performance. *Journal of Economic Perspectives, 14*(4), 23–48. https://doi.org/10.1257/jep.14.4.23

Brynjolfsson, E., Rock, D., & Syverson, C. (2021). The Productivity J-Curve: How Intangibles Complement General Purpose Technologies. *American Economic Journal: Macroeconomics, 13*(1), 333–372. https://doi.org/10.1257/mac.20180386

Cohen, W. M., & Levinthal, D. A. (1990). Absorptive Capacity: A New Perspective on Learning and Innovation. *Administrative Science Quarterly, 35*(1), 128–152. https://doi.org/10.2307/2393553

Dechezleprêtre, A., & Sato, M. (2017). The Impacts of Environmental Regulations on Competitiveness. *Review of Environmental Economics and Policy, 11*(2), 183–206. https://doi.org/10.1093/reep/rex013

Hall, B. H., Jaffe, A., & Trajtenberg, M. (2005). Market Value and Patent Citations. *RAND Journal of Economics, 36*(1), 16–38.

Hu, J., Jiang, W., & Zhong, T. (2022). Shuzi zhuanxing nengfou cujin qiye lvse chuangxin? [Can Digital Transformation Promote Corporate Green Innovation?]. *Zhongguo gongye jingji [China Industrial Economics],* (1), 136–154. https://doi.org/10.19581/j.cnki.ciejournal.2022.01.003 (In Chinese)

Loughran, T., & McDonald, B. (2016). Textual Analysis in Accounting and Finance: A Survey. *Journal of Accounting Research, 54* (4), 1187–1230. https://doi.org/10.1111/1475-679X.12123

Lu, K., Zhao, Y., Zhu, S., & Zhu, L. (2024). Enterprise Digital Transformation and Labor Structure Evolution: Evidence from China. *Chinese Management Studies, 19* (3), 702–733. https://doi.org/10.1108/CMS-09-2023-0485

Milgrom, P., & Roberts, J. (1990). The Economics of Modern Manufacturing: Technology, Strategy, and Organization. *American Economic Review, 80* (3), 511–528.

Petersen, M. A. (2009). Estimating Standard Errors in Finance Panel Data Sets: Comparing Approaches. *Review of Financial Studies, 22* (1), 435–480. https://doi.org/10.1093/rfs/hhn053

Popp, D. (2002). Induced Innovation and Energy Prices. *American Economic Review, 92* (1), 160–180. https://doi.org/10.1257/000282802760015658

Porter, M. E., & van der Linde, C. (1995). Toward a New Conception of the Environment-Competitiveness Relationship. *Journal of Economic Perspectives, 9* (4), 97–118. https://doi.org/10.1257/jep.9.4.97

Su, J., Wei, Y., Wang, S., & Liu, Q. (2023). The Impact of Digital Transformation on the Total Factor Productivity of Heavily Polluting Enterprises. *Scientific Reports, 13,* 6386. https://doi.org/10.1038/s41598-023-33553-w

Sun, S., & Guo, L. (2022). Digital Transformation, Green Innovation and the Solow Productivity Paradox. *PLOS ONE, 17* (7), e0270928. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0270928

Wang, H., Wu, L., Peng, G., & Du, H. (2023). Micro-Perspective of Listed Companies in China: Digital Development Promotes the Green Transformation of the Manufacturing Industry. *PLOS ONE, 18* (10), e0293474. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0293474

Wang, X., & Zhong, X. (2024). Digital transformation and green innovation: Firm-level evidence from China. *Frontiers in Environmental Science, 12,* 1389255. https://doi.org/10.3389/fenvs.2024.1389255

Wooldridge, J. M. (2010). *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data.* Cambridge: MIT Press, 1096.

Xiao, T., Sun, R., Yuan, C., & Sun, J. (2022). Corporate digital transformation, human capital restructuring and labor income share. *Management World, 38* (12), 220–237. https://doi.org/10.19744/j.cnki.11-1235/f.2022.0174

Yuan, C., Xiao, T., Geng, C., & Sheng, Y. (2021). Digital transformation and division of labor between enterprises: Vertical specialization or vertical integration. *China Industrial Economics,* (9), 137–155. https://doi.org/10.19581/j.cnki.ciejournal.2021.09.007

Zhao, C., Wang, W., & Li, X. (2021). How does digital transformation affect the total factor productivity of enterprises? *Finance & Trade Economics, 42* (7), 114–129. https://doi.org/10.19795/j.cnki.cn11-1166/f.20210705.001

About the authors

Inna A. Kulkova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leader Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57208554159; https://orcid.org/0000-0003-1975-0875 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Dehua Zhang — Postgraduate Student, Ural Federal University; https://orcid.org/0009-0001-9652-6191 (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: 522013709@qq.com).

Информация об авторах

Кулькова Инна Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57208554159; https://orcid.org/0000-0003-1975-0875 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Чжан Дэхуа — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; https://orcid.org/0009-0001-9652-6191 (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; 522013709@qq.com).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 30.01.2026. Received: 30 Jan 2026.
Прошла рецензирование: 08.05.2026. Reviewed: 08 May 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

RESEARCH ARTICLE
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-13
UDC 339.92
JEL G14, G18

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Ying Lin
Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

China–Russia IT Investment Cooperation and Information Security Governance: Current State and Future Prospects[1]

Abstract: China and Russia are among Eurasia's fastest-growing IT economies, with expanding investment cooperation in the digital economy, green development, and cloud computing. Russia's importance as a partner for China is on the rise, yet scholarly work on their joint efforts to build independent IT capacity and define information security rules remains scarce. This paper addresses this gap by examining the current state of China–Russia IT investment and exploring potential future areas for cooperation. The analysis relies on a tripartite methodological approach. Legally, the study scrutinises core national instruments as well as treaties and memorandums within the BRICS and Shanghai Cooperation Organization (SCO) frameworks, assessing how China and Russia aim to shape digital governance norms. Empirically, it draws on qualitative case studies of Sino-Russian technology and investment projects launched after 2022, particularly in AI and the digital economy, to uncover the domestic drivers and external pressures influencing bilateral collaboration. Quantitatively, the research analyses bilateral IT industrial statistics from official records and databases, using descriptive trend analysis to track developments in cooperation scale, trade structure, total investment, and cross-border capital flows. China and Russia have adopted distinct models of network and information governance and investment. While China blends a statute-based cyber-governance framework with market-led investment dynamics and a mature AI sector, Russia prioritises sovereignty and security. Both countries use multilateral platforms such as BRICS and the SCO to advance alternative governance norms. The findings offer insights relevant to bilateral policy coordination, investor risk assessment, and the strategic design of future cooperation.

Keywords: cybersecurity, information security, artificial intelligence, economic sanctions, investment mechanisms, multilateral cooperation

For citation: Lin, Y. (2026). China–Russia IT Investment Cooperation and Information Security Governance: Current State and Future Prospects. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 648–665. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-13

[1] © Lin Y. Text. 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

И. Линь

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Сотрудничество Китая и России в сфере ИТ-инвестиций и обеспечения информационной безопасности: текущее состояние и перспективы

Аннотация. Китай и Россия относятся к наиболее динамично развивающимся ИТ-экономикам в Евразии. Между двумя странами расширяется инвестиционное сотрудничество в сфере цифровой экономики, зелёного развития и облачных вычислений. При этом роль России как партнёра Китая последовательно возрастает. Вместе с тем в научной литературе по-прежнему недостаточно работ, посвящённых совместным усилиям государств по формированию собственного ИТ-потенциала и выработке правил обеспечения информационной безопасности. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел: в ней проведён анализ текущего состояния китайско-российского инвестиционного сотрудничества в ИТ-сфере, а также рассмотрены перспективные направления для дальнейшего взаимодействия. Методологическая база исследования состоит из трех компонентов. В правовом аспекте изучаются ключевые национальные нормативные акты, а также договоры и меморандумы в рамках БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Цель этого блока — оценить, как Китай и Россия формируют нормы цифрового управления и продвигают собственные подходы к регулированию цифровой среды. Эмпирическая часть исследования основана на качественных кейсах технологических и инвестиционных проектов, реализованных Китаем и Россией после 2022 г., в том числе в области ИИ и цифровой экономики. Анализ кейсов позволяет выявить внутренние стимулы и внешние факторы, определяющие динамику двустороннего сотрудничества. В количественном блоке используются статистические данные по ИТ-сектору из официальных источников и баз данных. С помощью описательного анализа трендов отслеживаются изменения в масштабах сотрудничества, структуре торговли, объёме инвестиций и трансграничных потоках капитала. Наблюдаются различия в подходах Китая и России к управлению информационной и сетевой средой, а также к инвестиционной политике. Китай сочетает нормативно-правовую основу киберуправления с рыночными механизмами привлечения инвестиций и развитым сектором искусственного интеллекта. Россия, в свою очередь, делает акцент на обеспечении цифрового суверенитета и безопасности. Обе страны задействуют многосторонние площадки, в частности БРИКС и ШОС, для продвижения альтернативных моделей регулирования цифровой сферы. Результаты исследования могут быть полезны при координации двусторонней политики, оценке инвестиционных рисков и разработке стратегий дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: кибербезопасность, информационная безопасность, искусственный интеллект, экономические санкции, инвестиционные механизмы, многосторонее сотрудничество

Для цитирования: Линь, И. (2026). Сотрудничество Китая и России в сфере ИТ-инвестиций и обеспечения информационной безопасности: текущее состояние и перспективы. *Экономика региона, 22*(3), 648–665. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-13

Introduction

In the current global landscape, the new technological revolution and the rise of Internet politics represent an irreversible trend that no country can afford to ignore. This process has given rise to a pronounced digital divide: it separates nations that actively embrace new technologies and keep pace with advancement from those that lack sufficient technological capacity and adhere to a closed-door approach. The result is a growing disparity manifested as a "digital divide" and a "knowledge gap". Consequently, it is essential for countries to seize the available opportunities and accelerate their catch-up efforts to capitalise on the development potential offered by the new technological revolution.

The Internet and high technologies exhibit a dual nature. On the individual level, they empower citizens: people can stay informed about current events, articulate their demands, and participate more actively in social processes. At the economic and social level, digital technologies foster cross-border cooperation and support systemic innovation by expanding access to knowledge and markets. On the other hand, the digital environment has become a breeding ground for information fraud and data leaks, posing a threat to the stability of the economic order. New Internet technologies have broadened information dissemination channels and transformed the mechanisms of economic and social operation. They have also enabled a wider range of actors to challenge state authority and potentially destabilise established systems. As a result, national security concerns now extend from the physical to the virtual realm, with network and information governance emerging as critical vulnerabilities. Thus, ensuring robust network security and accelerating information technology innovation have become pivotal factors in shaping the future global development trajectory.

China and Russia have adopted a state-led model of cyber governance, involving both enterprises

and individual stakeholders. Domestically, both nations have strengthened their legal frameworks for information security, enhanced monitoring mechanisms, addressed existing information vulnerabilities, and actively combated disinformation. At the international level, they have deepened bilateral cooperation in cyber and information security, including joint investment and development initiatives. Furthermore, they have articulated shared visions for information security within multilateral frameworks such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and BRICS, fostering enhanced collaboration among member states.

From a broader developmental perspective, the evolving international economic landscape reflects both convergence and diversity, while the resurgence of national power fundamentally signifies a renewed emphasis on localisation and autonomy. In the context of network and information security, this translates into a strong focus on the principles of "sovereignty in cyberspace" and the establishment of a "sovereign network".

This paper aims to examine the trajectory of China–Russia IT investment and to identify prospective areas for bilateral cooperation with a focus on overcoming technological barriers and establishing unified cross-border IT standards. Specifically, the study seeks to:

— assess how targeted IT investments and infrastructure development can help China and Russia overcome key technological barriers, leverage their comparative advantages, safeguard digital sovereignty, and reduce dependence on Western control over core equipment;

— analyse how the two countries can jointly establish unified cross-border IT standards within existing regional mechanisms, with particular attention to the potential of frameworks such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and BRICS.

The analysis employs a tripartite methodological approach. From a legal perspective, the study examines the core regulatory frameworks underpinning each country's digital governance strategy, as well as relevant treaties, memorandums, and agreements within multilateral formats such as BRICS and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). This enables an assessment of how both states seek to influence the formation of digital-governance norms. The empirical dimension is grounded in qualitative case studies of Sino-Russian technology and investment projects launched after 2022, particularly in the fields of artificial intelligence and the digital economy. These cases help reveal the domestic drivers and external pressures shaping bilateral collaboration. Finally, the quantitative component draws on bilateral IT industrial statistics from official records and authoritative databases. Descriptive trend analysis is applied to track changes in key indicators, including scale, trade structure, total investment, and cross-border capital flows, to map the evolving dynamics of the partnership.

Literature Review

The literature on China–Russia information security governance and investment cooperation remains relatively scarce; most existing studies focus on the ongoing development of information security in these two countries. The emergence of leading AI tools, such as DeepSeek, ChatGPT, and GigaChat, has, however, introduced new strategic and security dimensions to this landscape. As a result, scholarly attention is beginning to shift toward concrete policy and industrial responses.

One key area of focus is AI localization in Russia, including comparative assessments of its advantages and gaps relative to other countries. A distinct line of research uses statistical datasets to estimate the size of AI workforce, which is shaped by three core determinants: the public–private market ratio, the national economic employment structure, and the scale of the domestic information technology industry (Acemoglu & Restrepo, 2020;Wang & Tian, 2024). As an emerging industrial sector, Russia's AI industry is expected to experience continuous growth in its workforce, especially in high-level specialist talent. Such growth is seen as a key driver of sustainable industry development (Averyanov et al., 2023).

Looking ahead, scholars (Porfiryev et al., 2020; Buklemishev, 2022) envision a positive trajectory for Russia's socioeconomic development through 2035, expressing particular optimism regarding the country's AI and digital economy sectors. According to these forecasts, digital industries will restructure Russia's economic framework and provide substantial modernization impetus for the national economy (Porfiryev et al., 2020). A separate strand of research focuses on the deployment of AI in Russia's public sector, critically assessing the institutional arrangements and state administrative mechanisms that govern the country's AI ecosystem (Buklemishev, 2022).

A key question arises: is the expansion of artificial intelligence truly conducive to an equitable distribution of labour? In China, scholars argue that AI has transformed production models, enabling machines to handle a significant share of labour-intensive tasks (Wang & Tian, 2024). While this shift increases automation, it also risks marginalising the economic value of frontline workers. Rather than creating new jobs, AI often replaces human labour, which can lead to several adverse effects: reduced labour demand, a declining share of small enterprises in national income, a growing digital divide between countries, and, ultimately, lower overall productivity. This raises an important policy dilemma: how

can societies expand the economic pie and preserve the value of human labour while harnessing the benefits of information technology? Both China and Russia are tasked with strengthening their economies and maintaining a favourable investment environment. The need to reconcile rapid technological advancement with socioeconomic stability, while preserving human dignity in the face of continuous change, has become a focal point of current scholarly debate. Some researchers, drawing on China's experience, argue that open production capacity and open-source software are essential to a resilient science ecosystem (Syuye & Filimonenko, 2021). They emphasize the need to stimulate domestic demand and attract private investment from partner countries through cross-border cooperation.

In light of the foregoing, it is pertinent to examine the scholarly literature on Chinese investment in Russia. There can be identified two divergent perspectives regarding this matter. One school of thought advocates a cautious, wait-and-see approach to Russia's economic environment. Scholars in this camp argue that mounting geopolitical risks render the market too uncertain for enterprises, and they advise investment in Russia only after multi-faceted assessment (Liu & Pavlov, 2024). In contrast, a second group of researchers takes a more optimistic stance (Jiang & Belli, 2025). They highlight that the withdrawal of many Western firms from Russia has opened up market spaces that Chinese investors could fill. This positive outlook tends to prevail in much of the academic literature: scholars contend that, once risks and potential gains are carefully weighed, Russia remains an attractive destination for investment. Nonetheless, official data (see Xie, 2025) reveal a notable imbalance between trade and investment flows. While China is Russia's largest trade partner in terms of trade volume, it has not become Russia's top source of foreign direct investment (FDI). This indicates a substantial shortfall in the scale of Sino-Russian investment cooperation. These statistics collectively indicate a substantial shortfall in the scale of Sino-Russian investment cooperation. The sectors most appealing to Chinese enterprises in Russia are primarily agriculture, construction, and manufacturing. By contrast, Russian information technology industry remains in an early stage of development (Brizitskaya, 2023).

With regard to Sino-Russian collaboration in the sphere of AI, Russia faces severe barriers to accessing cutting-edge digital technologies from Europe and the United States. By contrast, China boasts a relatively integrated industrial chain covering digital industries, computing power, communication infrastructure, artificial intelligence and integrated circuits, positioning it as a stable and credible supplier of technologies for Russia. Furthermore, equal-footing cooperation between Russia and China is often framed as a strategic response to U.S. hegemony in information technology, enabling the two countries to advance a distinct Eurasian technological and governance framework.

Turning to concrete areas of potential collaboration, scholars have highlighted synergies between Russia's industrial restructuring goals and deeper integration of its information and cyber technologies with artificial intelligence. One prominent proposal focuses on developing intelligent multimodal transport systems, which are expected to enhance transport efficiency and reduce operational expenditures. Relatedly, there are suggestions to establish a unified national digital control hub for transportation, which could centralize monitoring and optimize logistics flows (Malygin et al., 2017).

From an international comparative perspective, Russia's approach to AI development diverges significantly from that of the EU (Kamolov et al., 2022). Against this backdrop, it has been argued that Russia should formulate a state-level AI development roadmap. Such a roadmap would allow the country to leverage its comparative resource endowments and to design well-structured development plans for its information technology industry.

However, Western scholars hold a skeptical posture. They argue that as two major neighboring powers, China and Russia cannot sustain peaceful coexistence, and that patterns of "warm politics but cold economy" often prevail [1]. Sino-Russian bilateral cooperation is structurally anchored in Russia's supply of raw materials and China's provision of technologies, an asymmetric interdependence that stirs Russia's strategic wariness. Another strand of argument holds that Russia would face a shortage of high-end telecommunications hardware without Chinese technological support amid sweeping Western sanctions (Hsiung, 2021). In practice, both of them have expanded collaborative channels for civilian tech goods. Huawei and other major Chinese companies have expanded business in Russia (Kashin, 2018). Technical workers from both countries carry out regular exchanges, in order to build 5G networks and matching supporting facilities [2].

Core Theoretical Perspectives

Before proceeding to the methodological section, it makes sense to outline the four theoretical

[1] Peterson Institute for International Economics. (2022, March 2). New Technology Restrictions Against Russia Could Also Target China. URL: https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/newtechnology-restrictions-against-russia-could-also-target (Date of access: 02.12.2025).

[2] NIKKEI Asia. (2021, October 20). China's 5G Base Installations Slow as U.S. Parts Dry Up. URL: https://asia.nikkei.com/Spotlight/5G-networks/China-s-5G-base-installations-slow-as-U.S.-parts-dry-up, (Date of access: 02.12.2025).

perspectives that this study draws on to analyse Sino-Russian cooperation in the IT sphere.

Liberalism highlights the linkage between development and security. Amid the ongoing technological revolution, IT is a priority investment area, and states align their strategies to reduce digital security risks (Khusnetdinova & Wang, 2026). Growth and safety are interdependent: stable security systems support technological progress and economic gains, while strong technological capacity underpins national security. Imbalances between development and protection risks widening the tech gap, intensifying competition, and increasing data vulnerability. For China and Russia, cooperation helps balance technical competitiveness with risk control and address weaknesses in tech investment.

Defensive realism explains how shared security threats drive cooperation. The theory holds that states prioritise national security and, when facing common threats, collaboration becomes a rational strategy (Mearsheimer, 2001). The US treats cyberspace and AI as pillars of its global influence and has imposed restrictive export controls that form a "tech iron curtain" against China and Russia. Joint technological development and shared digital resources are therefore a logical response to overcome these constraints.

Factor endowment theory (Ohlin, 1933) captures the complementary strengths of the two countries. China excels in human capital, capital availability, and mature digital infrastructure, while Russia holds advantages in defence industries, energy resources, and basic scientific research. Cross-border allocation of these factors enables both nations to offset their structural weaknesses and improve overall efficiency.

Global governance theory addresses the normative dimension of cooperation. The existing global governance architecture shows systemic imbalances (Bostrom, 2014). While Western powers promote a "rules-based order" that often reflects hegemonic interests, China and Russia advocate for a more inclusive system. They seek to reshape norms for cyberspace and AI and support alternative development models, such as open-source and decentralised AI approaches, to enhance accessibility and shared benefits.

Taken together, these theoretical approaches allow a more comprehensive view of Sino-Russian IT cooperation: they provide insights into the interplay of domestic incentives, strategic imperatives, resource complementarities, and broader normative struggles, offering a robust analytical lens to assess both current dynamics and future trajectories of the partnership.

Data and methods

This research employs three complementary methodological approaches to examine Sino-Russian IT cooperation, each designed to capture a distinct dimension of the partnership.

First, legal and document analysis. The study scrutinises core legal instruments, including China's Cybersecurity Law and Russia's Federal Communications Law, as well as multilateral treaties and cooperation memorandums within the BRICS and SCO frameworks. This legal-oriented analysis reveals how China and Russia seek to shape digital governance norms and expand their influence in rule-setting processes, highlighting the normative foundations of their collaboration.

Second, qualitative case research and area studies. Focusing on Sino-Russian technology and investment cooperation projects launched after 2022, the analysis covers key domains such as artificial intelligence, the digital economy, and quantum computing. By examining these cases in depth, the paper identifies the domestic drivers and external constraints that influence bilateral technology investment relations. This approach sheds light on the practical dynamics of cooperation and illustrates how strategic priorities translate into concrete projects.

Third, data analysis. Drawing on bilateral industrial statistics from the Sino-Russian information technology sectors, the research leverages data from official records and economic databases. The analysis tracks key indicators, including cooperation scale, trade structures, total investment volumes, and cross-border capital flow distribution, to map the evolving development trajectory of bilateral tech investment. In doing so, it identifies each country's competitive strengths and structural vulnerabilities. Rather than relying on complex econometric modelling, the study presents its findings through descriptive analysis and trend evaluation, ensuring clarity while maintaining empirical rigour.

Results and Discussion

Information Technology Development in China and Russia: Current Status and Core Challenges

Russia

Russia's communications and digital market still retain vast capacity for growth. First Deputy Chairman of Sberbank Alexander Vedyakhin estimated that the conservative valuation of Russia's AI market is between 5 to 7 billion US dollars[1]. Russia's software industry has also seen rapid expansion. When compared with 2023, its application software market reached 89 percent in 2025. For the first time, business software usage surpassed consumer software. Russia has invested over 650 billion rubles in its AI industry. Industry forecasts show that the market size will soon hit 1 trillion ru-

[1] Science and Technology Daily. (2025, September 25). E tuidong rengong zhineng lingyu duihua shendu hezuo [Russia Promotes Deep Cooperation with China in the Field of Artificial Intelligence]. URL: https://www.stdaily.com/web/gdxw/2025-09/25/content_406974.html. (Date of access: 02.05.2026). (In Chinese)

bles. Around 32 percent of Russian enterprises and government bodies now use AI tools. These figures prove that AI has become a key part of the economic system and still retained great potential for future growth. In terms of the workforce, official data indicate that 1.5 million full-time technology staff and 400 000 leading AI professionals are employed in cybersecurity, accounting for 2.4 percent of the domestic labour force.

However, this scale remains insufficient. On average, ICT professionals in Europe account for 3.9 percent of the total labour force. Finland leads the ranking with 7.8 percent. The UK, Norway, and Germany are quite close to Finland, with shares ranging from 4 to 5 percent. Overall, Russia's share of ICT personnel is slightly below the European average[1].

The level of the ICT industry is largely determined by top technicians and researchers, who are in high demand and extremely valuable. However, Russia faces a significant imbalance in its talent supply: on average, the country experiences an annual shortfall of approximately 250,000 senior ICT specialists and 220,000 mid-level technicians. The geographic distribution of the ICT sector in Russia is also uneven, with significant disparities across federal regions. Moscow alone accounts for 20 percent of the country's ICT workforce and functions as a highly concentrated technology hub. In contrast, the ICT industry is markedly underdeveloped in border regions and autonomous national oblasts. In summary, Russia's digital economy is constrained by two key challenges: a nationwide shortage of skilled ICT professionals and a geographically uneven distribution of the industry. This situation hinders the generation of broader economic spillover effects. [2]

Russia still has considerable room to strengthen its innovation capacity, as highlighted by the 2025 Global Innovation Index, which reveals notable gaps across several key dimensions. In the global innovation ranking, Russia holds the 28th position in human capital, the 46th in business development, and the 55th in creative output performance. The country demonstrates strong foundational capabilities in fundamental science, maintaining world-class research standards in mathematics, physics, chemistry, and materials science. It also excels in applied technical fields, with notable strengths in aerospace equipment, laser materials, bioengineering, and nuclear energy technology. Despite these solid scientific and technical foundations, Russia's overall innovation efficiency remains relatively low. In 2025, the country ranked 60th globally and 32nd among European nations. More specifically, it stood at 62nd in knowledge and technology outputs and 76th in market maturity, which indicates a considerable gap between its research potential and its capacity to translate that potential into market-ready innovations.[3] To narrow its IT development gaps, Russia needs to continuously increase investment in tech start-ups and long-term talent training.

Russia also faces practical cybersecurity risks amid its growing internet usage. According to the 2022–2023 Internet Report, Russia had more than 100 million internet users in the first quarter of 2023. This figure covered 83 percent of the country's total population. Around 98.3 million users go online every day, with an average daily online duration of nearly four hours.[4] The large digital population has turned frequent data leaks into a persistent cybersecurity risk. In 2023 alone, breaches exposed 250 million phone numbers and 130 million email addresses. Moreover, over 20 million scam calls target ordinary residents every day, inflicting substantial economic losses nationwide (Rodeheffer, 2024).

To counter Western sanctions and technological isolation, Russia has intensified its focus on achieving technological sovereignty. This policy not only aims to uphold the country's distinct worldview and civilizational identity but also to leverage its institutional and normative influence in shaping global digital governance standards (Khusnetdinova & Wang, 2026). In early 2024, the Russian federal government issued Decree No. 124, updating the national artificial intelligence strategy. The revised framework underscores that safeguarding technological sovereignty and ensuring necessary technological independence are fundamental principles, including in the development of large generative models. The strategy further notes

[1] Association of Computer and Information Technology Enterprises. (2020). IT-Kadry Dlya Tsifrovoi Ehkonomiki v Rossii. Otsenka Chislennosti IT-Spetsialistov v Rossii i Prognoz Potrebnosti v Nikh Do 2024 g. [IT Personnel for the Digital Economy in Russia: Estimation of the Number of IT Specialists in Russia and Forecast of Demand for Them Until 2024]. URL: https://www.apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf (Date of access: 20.12.2025). (In Russ.)

[2] Association of Computer and Information Technology Enterprises. (2020). IT-Kadry Dlya Tsifrovoi Ehkonomiki v Rossii. Otsenka Chislennosti IT-Spetsialistov v Rossii i Prognoz Potrebnosti v Nikh Do 2024 g. [IT Personnel for the Digital Economy in Russia: Estimation of the Number of IT Specialists in Russia and Forecast of Demand for Them Until 2024]. URL: https://www.apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf (Date of access: 20.12.2025). (In Russ.)

[3] World Intellectual Property Organization. (2025, September 16). Russian Federation Ranking in the Global Innovation Index 2025. URL: https://www.wipo.int/gii-ranking/en/russian-federation (Date of Access: 20.03.2026).

[4] Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. (2023). Internet v Rossii v 2022-2023 Godakh. Sostoyanie, Tendentsii i Perspektivy Razvitiya [Internet in Russia in 2022–2023: State, Trends and Development Prospects]. URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf (Date of access: 23.11.2025). (In Russ.)

that foreign AI platforms reflect value systems and ideological orientations that may not align with the societal values and worldview prevalent in Russia.[1]

Overall, structural weaknesses continue to constrain the development of Russia's IT sector, especially the development of its high-end hardware and AI industries. These challenges can be grouped into four core dimensions. First, Russia needs to enhance its competitiveness in semiconductor manufacturing. While the country is capable of producing lower-tier microchips, it lacks the capacity for the stable, large-scale production of advanced, high-end semiconductors.[2] Second, a shortage of top-tier research professionals reduces the efficiency of translating scientific breakthroughs into marketable products. A fully integrated industrial ecosystem is required — one that covers engineering development, mass production, and feedback loops from the market. Moreover, demand for talent in other digital fields continues to grow steadily. Third, Russia also needs to strengthen its capabilities in training large-scale big data models. The limited hardware infrastructure may slow down the iterative improvement and upgrading of technologies. Fourth, the participation of private capital is still sluggish, resulting in a weak motivation for spontaneous innovation in society as a whole. Low activity levels among private venture investors create financing constraints for domestic tech firms and cap their growth trajectories.

China

China is a major player in IT development, boasting strong capabilities in open-source data models and hosting numerous leading AI companies. According to data from the Chinese government, by the end of 2023, the country had nearly 1.7 million enterprises operating in information transmission, software, and information technology services, with a workforce exceeding 15 million. This represents growth rates of 85 percent and 51 percent, respectively, compared to the end of 2018. A breakdown of the statistics reveals the following: 278 000 internet and related service enterprises, employing 2.43 million people; 1.377 million software and information technology service firms, with a workforce of 11.07 million. In 2023, total business revenue in the information and communications sector rose by nearly 120 percent compared to 2018. IT professionals accounted for 4.45 percent of China's active working population. Of these, 90.4 percent worked for domestic enterprises, 5.7 percent for firms funded by Hong Kong, Macao, and Taiwan, and 3.9 percent for foreign-invested enterprises.[3] In aggregate, this workforce scale moderately exceeds the European average and is larger than that of Germany, France, Poland, and several other European states. However, gaps persist when compared to more advanced digital economies such as Finland and Norway. In particular, China's pool of high-end R&D specialists still lags behind that of the most developed nations.

According to the China Digital Economy Talent Development Report (2025), China requires approximately 65 million digital workers in total. Annual recruitment needs fall into two distinct tiers. Each year, the country needs around 4.4 million new senior interdisciplinary researchers and specialists. These professionals are critical for advancing cutting-edge fields such as artificial intelligence, chip design, basic algorithm research, and industrial software development. In addition, about 3.7 million ordinary technical workers are required annually to handle software programming, system operation and maintenance, and basic data processing. Current trends indicate a growing talent shortage. By 2027, the deficit for mid-level technical positions is projected to reach approximately 3.5 million, while the shortage of high-end research and development talent is expected to rise to 5 million.[4] Comparative data reveal that the shortage of high-end professionals is far more acute than that of ordinary and junior technical workers. China is currently facing numerous key technological bottlenecks, often referred to as core "stuck technologies." The pace of talent training and investment is unable to keep up with the rapid growth of the digital industry, resulting in a significant mismatch between the supply of technical talent and actual market demand.

Rising Security released the 2025 China Cybersecurity Report, which outlines worsening online risks for China. Cyber threats have become harder to detect, while malicious network attacks keep rising in number. In 2025, the company's monitoring system blocked nearly 50 million virus attacks and almost 200 million harmful web links. Both figures saw a clear year-on-year increase, showing a sustained deterioration of the domestic cybersecurity environment. Trojan viruses constitute the dominant threat

[1] Nezavisimaya Gazeta. (2024, June 25). Kak Obespechit' Tekhnologicheskii Suverenitet Rossii [How to Ensure the Technological Sovereignty of Russia]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2024-06-25/9_9035_russia.html (Date of access: 05.04.2026); Official Internet Resources of the President of Russia. (2024, November 7). Zasedanie Diskussionnogo Kluba «Valdai» [Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75521 (Date of access: 21. 03. 2026). (In Russ.)

[2] Cyberus. (2026). Kiberbezopasnost Rossii: Sila Tekhnologicheskogo Razvitiya [Cybersecurity of Russia: The Power of Technological Development], 7–40. URL: https://cyberus.com/research2026.pdf. https://cyberus.com/research2026.pdf (Date of access: 01.07.2026). (In Russ.)

[3] National Bureau of Statistics. (2024, December 26). Official Communique No. 4 of the Fifth National Economic Census — Basic Conditions of the Tertiary Industry (Part I). URL: https://www.stats.gov.cn/xxgk/sjfb/zxfb2020/202412/t20241226_1957894.html (Date of access: 05.04.2026).

[4] Chongqing China Human Resource Service Industry Development Research Institute. (2025). Annual Report on Development of China's Digital Economy Talents. China: Social Sciences Academic Press, 320.

category, accounting for nearly 75 percent of all detected malware. Such intrusions enable attackers to remotely compromise information systems, steal user private data and compromise data integrity.[1]

China is advancing its Smart Cities initiative, planning to deploy a range of information management systems, including "one-stop service" platforms and the "smart city brain". However, this expansion has deepened the interdependence between cyberspace and physical infrastructure, amplifying associated risks. Service disruptions and ransomware attacks are becoming increasingly common. China's current cyber information governance framework requires a transformative upgrade. Existing approaches remain largely reactive, relying on measures such as selective patch updates and post-incident remediation. These passive defence mechanisms are no longer adequate for the complex and rapidly evolving cyber threat landscape. To address this, it is essential to strengthen collaboration among all stakeholders and build a comprehensive, multi-layered cybersecurity defence architecture.[2]

Shifting focus to China's position in the international arena, the United States and its allies have pursued a "small yard, high fence" strategy to contain China's technological development. This approach has led to successive rounds of tech sanctions and blockades targeting key sectors such as semiconductors, artificial intelligence, quantum computing, and communications equipment, with the aim of imposing targeted technological restrictions on China.

Following several revisions to regulatory frameworks, including the Export Administration Regulations (EAR) and the CHIPS and Science Act, the U.S. government has broadened its control scope to include civilian technologies, seeking to limit China's access to critical technological products as much as possible. Since Donald Trump's second presidential inauguration, the U.S. has further expanded its export controls, introducing explicit criteria that cover project characteristics, output scale, industrial output value, export channels, and transportation carriers for all shipments bound for China. Japan has banned exports of communications equipment to China, while the Netherlands has restricted the export of new extreme ultraviolet (EUV) lithography machines. Additionally, the U.S. and the European Union have formed the CHIP 4 alliance and are coordinating technology restrictions through the Wassenaar Arrangement to create a cohesive technological blockade.[3] The U.S. has also intensified the use of secondary sanctions and frequently invoked extraterritorial jurisdiction and affiliated sanctions to maintain its technological dominance.[4]

Consequently, China faces growing pressure to pursue independent research and development. The country must cultivate self-reliant core technologies and accelerate the mass production of advanced chips and semiconductor manufacturing equipment. Doing so is critical to preventing stagnation in its AI industry due to shortages of essential hardware component.

Cybersecurity Governance and Strategic Investment in China and Russia

China and Russia are major powers pursuing innovation-driven economies and strengthening their respective information industries through bilateral investment cooperation. Given their long-term limited access to cutting-edge technologies from Europe and the U.S., building self-reliant IT R&D networks is a strategic necessity. The two countries' strengths are complementary: China leads in applied and civilian technologies, backed by a vast domestic market and ample labour resources, though its fundamental scientific research capacity needs strengthening. Russia, by contrast, retains strong capabilities in basic sciences and boasts a pool of high-calibre technical specialists, but struggles with low commercialisation rates of research outputs and a smaller domestic market. As former Chinese Premier Li Keqiang noted in 2014, combining China's industrial and market strengths with Russia's resource and scientific advantages can create synergistic effects and fuel innovation[5].

---

[1] Xinhua Net. (2026, February 6). Wang luo Anquan zhi neng hua, yin bi hua he quan ju hua xin te dian [Cybersecurity Presents New Characteristics of Intelligence, Concealment, and Globalization]. URL: https://www.news.cn/ (Date of access: 03.05.2026). (In Chinese)

[2] China Daily Han (2025, September 3). China and Russia Can Lead Way in AI: Leading Banker. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202509/03/WS68b7e0cea3108622abc9ea6d.html (Date of access: 25.03.2026).

[3] Sichuan Provincial Department of Commerce. (2025, December 1). Suoxin zhizhan: Meiguo duihua bandaoti lingyu chukouguanzhi shengji cuoshi jiexi [The Battle of Choking: Analysis of US Export Control Escalation Measures Against China in the Semiconductor Field]. URL: https://swt.sc.gov.cn/sccom/c25030606/2025/12/1/2dd0db5ec7594221b21ed84d1208dffb.shtml?f_link_type=f_linkinlinenote&flow_extra=eyJkb2NfaWQiOiJlZjYzYmYxMWY5OWZiNGJkLWJlMWFlZDA1N2FmNjRmYmYiLCJpbmxpbmVfZGlzcGxheV9wb3NpdGlvbiI6MCwiZG9jX3Bvc2l0aW9uIjowfQ%3D%3D (Date of access: 04.05.2026). (In Chinese)

[4] Bureau of Industry and Security, U.S. Department of Commerce. (2026, January 13). Joint Communique. URL: https://www.federalregister.gov/developers/documentation/api/v1 (Date of access: 04.05.2026). (In Chinese)

[5] Ministry of Foreign Affairs of China, Li Keqiang (2014, October 15), Yi chuangxin shixian gongtong fazhan baorong fazhan — zai Disanjie Mosike Guoji Chuangxin Fazhan Luntan shang de yanjiang [Achieving Common and Inclusive Development Through Innovation — Speech at the 3rd Moscow International Forum for Innovative Development], https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679110/1209_679120/201410/t20141015_9337077.shtml?f_link_type=f_linkinlinenote&flow_extra=eyJpbmxpbmVfZGlzcGxheV9wb3NpdGlvbiI6MCwiZG9jX3Bvc2l0aW9uIjowLCJkb2NfaWQiOiJiMDZmMDFhNjBiMTQwNjM1LTg4NzQxYzEwY2M0ZTVjYTAifQ%3D%3D (Date of access: 01.12.2025). (In Chinese)

Russia places high priority on scientific and technological cooperation with China. The updated Concept of Russia's International Scientific and Technological Cooperation highlights "science diplomacy" as a key pillar aimed at promoting state-level scientific dialogue and facilitating academic exchanges for joint research.

Article 21 of Russia's revised Strategy for Scientific and Technological Development explicitly calls for enhanced cooperation with friendly countries to adopt foreign technologies. It also sets out the goal of leveraging digital technologies, including intelligent manufacturing, industrial robots, high-performance computing, cloud computing, and machine learning, to scale up industrial production.

Cooperation between China and Russia can therefore be advanced across multiple fields. In the following sections, I will consider the most promising of them. Before proceeding, however, let us examine the definitions of information security in both countries and how they differ from more Westernized understandings.

Definitions of Information Security in China and Russia

China's definition of information security is explicitly stipulated in its Cybersecurity Law. It prescribes that competent authorities should adopt necessary measures to guard information infrastructure and computer networks against attacks, intrusions, disruptions and unauthorized access, so as to guarantee the integrity and authenticity of data.

Unlike China, Russia's statutes and official documents predominantly adopt the term «information security».[1] The Federal Communications Law mandates that state agencies should exercise supervisory authority over the information technology and communications sector[2]. Furthermore, Russia employs the concept «informational space» (informatsionnoe prostranstvo) as a substitute for the concept of «cyberspace» (Kukkola, 2020).

Against this backdrop, China and Russia adopt cyber information security governance models distinct from Western approaches. First, Western security frameworks focus mainly on protecting data and technical systems, generally without incorporating state-level regulation of online content. In contrast, China and Russia adopt a broader approach that encompasses both data protection and the mitigation of large-scale online narratives that could harm public order or national security. Second, both countries stress the sovereign dimension of informational space. China frames this concept as «cyber sovereignty», while Russia advances the notion of a «sovereign internet»[3]. They jointly oppose Western powers' intervention in other states' internal affairs under the pretext of online human rights[4]. Since 2014, Russia has conducted multiple national internet isolation drills to test its capacity to maintain domestic network interconnectivity in the event of disconnection from external global networks. [5]

Investment in Telecommunications Infrastructure and the Development of 5G Technology

Following the withdrawal of Western corporations from the Russian market, Chinese telecommunications firms have emerged as pivotal players in the construction of Russia's telecommunications infrastructure. Huawei has gradually outperformed Ericsson, Nokia and other Western rivals to claim an important share of Russia's telecom infrastructure market, while ZTE and other Chinese vendors have also secured partial market access. In 2021, Huawei partnered with Russia's mobile operator MTS to launch a commercial 5G network in Moscow. The trial network achieved a data transmission speed of 5.6 Gbps, setting Russia's national 5G speed record at that time[6]. Such in-depth bilateral cooperation has guaranteed the critical infrastructure underpinning Russia's digital economic growth.

In terms of technological R&D and industrial application, Huawei has established an R&D centre in Russia, which boasted a workforce of more than 2,000 employees by 2022, to fully align its techni-

[1] Security Council of the Russian Federation. (2016, December 5). Doktrina Informatsionnoi Bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Doctrine of Information Security of the Russian Federation]. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/ (Date of access: 02.12.2025). (In Russ.)

[2] Expert Analytics Center InfoWatch. (2024, February 17). Strategii Kiberbezopasnosti [Cybersecurity strategies]. URL: https://www.infowatch.ru/analytics (Date of access: 01.05.2026). (In Russ.)

[3] Kommersant. (2023, December 6). Dannye Vykhodyat na Natsionalnyi Uroven: V Rossii Gotovitsya Novyi Natsproekt Razvitiya Ekonomiki Na Baze Tekhnologii [Data Reaches the National Level: A New National Project for Economic Development Based on Technologies is Being Prepared in Russia]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6380045?query=кибербезопасности (Date of access: 02.12.2025). (In Russ.)

[4] NATO Strategic Communications Centre of Excellence. (2021, June 11). Russia's Strategy in Cyberspace. URL: https://stratcomcoe.org/publications/russias-strategy-in-cyberspace/210 (Date of access: 02.12.2025).

[5] Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. (2023, August 15). Proekt Strategii Razvitiya Otrasli Svyazi Rossiiskoi Federatsii Na Period Do 2035 Goda [Draft Strategy for the Development of the Communications Industry of the Russian Federation for the Period Up to 2035]. URL: https://digital.gov.ru/ru/documents/9120/ (Date of access: 03.05.2026). (In Russ.)

[6] Royal United Services Institute. (2024, March 1). Hi-tech, High Risk? Russo-Chinese Cooperation on Emerging Technologies. URL: https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/hi-tech-high-risk-russo-chinese-cooperation-emerging-technologies (Date of access: 12.01.2026)

cal output with Russia's local industrial demands[1]. Huawei also collaborated with Russian telecom operator Beeline to roll out dedicated 5G industrial zones. The two parties have deployed 5G technology on unmanned mining machinery and dump trucks to boost operational productivity. In the healthcare sector, Russia leverages 5G networks to link medical equipment for sophisticated remote surgical procedures, enabling real-time transmission of high-definition medical imaging. Such collaborative projects deliver mutual empowerment for both sides. Russia accelerates nationwide 5G rollout by absorbing Chinese technology, while Chinese enterprises expand diversified application scenarios via Russia's local R&D platforms and consolidate their global competitive edge in 5G technologies.

In addition, the China-Russia Joint Laboratory for Polar Technology and Equipment, established by Harbin Engineering University and Saint Petersburg State Marine Technical University, carries out polar research. It advances research on information and communication infrastructure adapted to extreme climatic conditions and thereby facilitates the construction of the China-Russia «Ice Silk Road». The Zhejiang Changxing Research Center, in partnership with Saint Petersburg Polytechnic University, conducts research on new battery materials, AI brain-controlled materials, structural design and related fields. The China-Russia Mathematics Centre, led by Peking University and Lomonosov Moscow State University, targets the cultivation of mathematical talents to consolidate the development of basic disciplines. The China-Russia Science and Technology Cooperation Alliance has built a project promotion platform covering comprehensive research areas including information analysis systems and high-performance material development.[2]

These cases demonstrate that China and Russia have conducted diversified, multi-tiered technological R&D cooperation across enterprises, universities and research institutions. Market-driven research by enterprises and technology commercialization by universities have become regular practice. Sberbank of Russia has signed cooperation agreements with the Shanghai AI Research Institute and Tsinghua University. Qingdao University of Science and Technology and the Skolkovo Institute have invested in building the International Joint Laboratory for Industrial Intelligence, which focuses on lightweight machine learning and input-based software design and aims to develop reliable industrial intelligence platforms and advance the transformation and upgrading of manufacturing industries. [3]

Investment and Cooperation in the Sphere of Artificial Intelligence

AI constitutes a focal point of China-Russia scientific and technological cooperation. The cooperation mechanism includes three main areas: business collaboration, academic research, and technological exploration[4].

At the corporate level, Chinese enterprises including Huawei, ZTE, Alibaba and Hikvision provide Russia with digital public security services and participate in the construction of smart cities. In addition, one Chinese firm invested 50 million US dollars to acquire the facial recognition technology rights of Russian start-up Vocord, deploying such technologies for monitoring scenarios in public spaces, transport hubs and other venues. Chinese software developer Vinci has partnered with Russian IT startup Jovi Technologies to co-develop AI products. In early 2025, riding on the global success of Chinese large model firms such as DeepSeek, Russia's Sberbank announced joint AI development projects with Chinese partners. The collaboration aims to expand AI applications in cloud computing and digital finance and fuel the growth of Russia's digital economy. [5]

Russia currently relies on a mixed supply of Western GPUs, Chinese semiconductors, and domestically produced Russian chips. However, domestic Russian chips lack the performance needed to support high-end computing workloads. Although

[1] University of Technology Sydney. (2022, November 3). China-Russia Cooperation in Advanced Technologies: The Future Global Balance of Power and the Limits of 'Unlimited' Partnership. URL: https://www.uts.edu.au/acri/research-and-opinion/reports/china-russia-cooperation-advanced-technologies-future-global-balance-power-and-limits-unlimited-partnership (Date of access: 12.12.2025).

[2] Russian Council on International Affairs. (2023, December 13). Sovremennye Formy i Mekhanizmy Vzaimodeistviya Rossii i Kitaya v Sfere Nauchno-Tekhnicheskogo Sotrudnichestva [Modern Forms and Mechanisms of Interaction Between Russia and China in the Field of Scientific and Technical Cooperation]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennye-formy-i-mekhanizmy-vzaimodeystviya-rossii-i-kitaya-v-sfere-nauchno-tekhnicheskogo-sotrud/ (Date of access: 24.12.2025). (In Russ.)

[3] Skolkovo Institute of Science and Technology. (2026, May 22). Skoltech i Tsindaooskii Universitet Nauki i Tekhnologii v Kitae Otkryli Mezhdunarodnuyu Laboratoriyu II Dlya Promyshlennosti [Skoltech and China's Qingdao University of Science and Technology Launch International Joint Laboratory on AI for Industry]. URL: https://www.skoltech.ru/news/skoltech-and-chinas-qingdao-university-science-and-technology-launch-international-joint-laboratory-ai-industry (Date of access: 26.05.2026). (In Russ.)

[4] Official Internet Resources of the President of Russia. (2022, February 4). Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development. URL: http://en.kremlin.ru/supplement/5770 (Date of access:12.11.2025).

[5] Reuters.com. (2025, February 6). Russia's Sberbank Plans Joint AI Research with China as DeepSeek Leaps Forward. URL: https://www.reuters.com/technology/artificial-intelligence/russias-sberbank-plans-joint-ai-research-with-china-deepseek-leaps-forward-2025-02-06/ (Date of access: 26.05.2026).

Sberbank holds a stake of over 40 percent in the electronics firm Element, the company's products are mainly used in defence and industrial applications, rather than in the high-speed chips required for big data processing. With chip supplies from NVIDIA and other Western vendors suspended, Sberbank will need to rely on large-scale imports of Chinese chips.

Sberbank has launched GigaChat Ultra — a large language model designed for sophisticated reasoning tasks. The bank plans to use Ascend 950 series chips to support the training and commercial deployment of complex models like GigaChat. Yet supply constraints remain a major hurdle: the annual production of these chips is projected to be below 800,000 units in 2026, with lead times potentially exceeding eight months. Moreover, domestic Chinese enterprises also have significant demand for the chip, so the extent of Huawei's potential supply to Russia remains uncertain.[1]

Russia's domestic Baikal processors suffer from performance and ecosystem limitations, restricting their use in advanced digital applications. China's Loong series processors could help bridge this gap and support Russia's efforts to substitute imported chips. China and Russia have reached agreements on equipment procurement and core technology licensing. Russian hardware company Norsi-Trans has adopted Loongson processors and launched its Norsi-Dragon series of terminal devices. These products are suitable for office use, energy industrial control, 3D graphic design, and other applications, and are now in small-scale commercial operation. Russia has also developed its own Irtysh series chips, primarily for mid-to-high-end uses such as financial data computing and industrial simulation. This collaboration marks a shift from simple product trade to technology transfer between the two countries. It could help address Russia's shortage of high-end computing chips and strengthen its semiconductor ecosystem. [2]

In terms of academic and research collaboration, Huawei has set up joint laboratories at several Russian research institutions, exploring modelling and algorithm-based approaches for computational photography and image enhancement. Meanwhile, Huawei has partnered with Kaspersky Laboratory to deliver anti-virus solutions for cloud computing services, and carried out technical coordination with Yandex to advance the development of HarmonyOS and Russia's domestic mobile operating system Aurora. Additionally, Huawei has invested in domestic networks built on self-developed computer processors in Russia. Prior to 2022, Huawei's cumulative R&D investment in Russia stood at approximately 1 billion US dollars. As Western sanctions intensified, Huawei shut down its telecom equipment sales division in Russia, yet retained its R&D hubs in Moscow, Saint Petersburg and other cities. Seizing the opportunities arising from market shifts, Huawei teamed up with Russian firm Yadro to recruit local technical specialists and expand the research team of Huawei Russia Research Institute. This partnership enables Huawei to scale up its R&D workforce while Russia retains its pool of skilled technical professionals. [3]

Most Western LLMs are trained mainly on English text corpora. This makes them less usable and less secure for non-English speakers. In comparison, Chinese AI models have clear practical advantages. They fit well with the actual operational needs of Russian industries. DeepSeek serves as a typical example. It runs stably in Russia without the need for VPN tools. The model can accurately identify Cyrillic characters and works independently of cross-border payment systems. Moreover, its open-source and free licensing terms make it a common tool for Russian researchers and workers, greatly speeding up its nationwide adoption. Several local Russian tech companies have begun embedding Chinese AI frameworks into their own systems. MTS AI upgraded its self-developed Cotype model by optimizing it with DeepSeek technology. In addition, Study AI integrated DeepSeek and Qwen3 into its free core functional modules, allowing all Russian users to access these AI services without restrictions. [4]

From an industrial complementarity perspective, Chinese LLMs do not compete against or replace Russia's AI solutions. Instead, the two countries form a reasonable and complementary industrial partnership with clear positioning differences. Russian homegrown models such as GigaChat and Yandex GPT have unique local advantages. They adapt well to Russia's cultural environment and store user data within the country. These models

[1] 3DNews. (2026, May 20). "Sber" Vstal v Ochered za Kitaiskimi Chipami Dlya «GigaChata» — Pered Nim ByteDance i Alibaba ["Sber" Stood in Line for Chinese Chips for «GigaChat» — ByteDance and Alibaba are ahead of it]. URL: https://3dnews.ru/1142070/sber-vstal-v-ochered-za-kitayskimi-chipami-dlya-gigachata-pered-nim-bytedance-i-alibaba (Date of access: 02.06.2026). (In Russ.)

[2] Kommersant. (2023, October 9). Vozvrashchenie Bludnogo Loongson: Kitaiskie Protsessory Ofitsialno Poyavyatsya v Rossiiskoi Tekhnike [The Return of the Prodigal Loongson: Chinese Processors will Officially Appear in Russian Equipment]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6265820 (Date of access: 02.04.2026). (In Russ.)

[3] Tom's Hardware. (2023, October 13). Huawei is Still Operating and Hiring in Russia. URL: https://www.tomshardware.com/news/huawei-still-operating-in-russia-hiring-skilled-individuals-report (Date of access: 13.12.2025).

[4] Sputnikglobe. (2026, May 19). China's New AI Model Highlights Unique Ecosystem Built on Tech Sharing to Tackle Global Challenges. URL: https://sputnikglobe.com/20260519/chinas-new-ai-model-highlights-unique-ecosystem-built-on-tech-sharing-to-tackle-global-challenges-1124149420.html (Date of access: 20.05.2026).

also work smoothly with local financial systems, making it difficult for foreign AI products to replace them. In contrast, Chinese models like DeepSeek and Qwen excel in open-source features. They support local server deployment and secondary model optimization, while run independently without Western hardware support. This cooperative pattern brings benefits to both sides. It helps Russia build independent domestic AI capabilities, and creates new overseas development opportunities for Chinese technology enterprises.

Joint Development in Quantum Technology and Quantum Communication

Quantum communication works differently from traditional communication methods. It relies on quantum mechanics principles to encrypt and transmit data. This technology offers top-level protection, effectively stopping data eavesdropping and information leakage. Even in interfered environments, quantum communication ensures the secure transmission of sensitive data. China has long advanced research in quantum communication technology. It launched the Micius quantum science satellite in 2016, carrying out ongoing quantum experiment projects. Russia has also stepped up its layout in this field. In July 2023, Russian President Putin stated that Russia would soon launch a national data economy project. This initiative covers the research and application of high-precision quantum sensors, intelligent robotics, and quantum communication core technologies[1].

Consequently, research teams from China and Russia are actively pursuing these advancements. In May 2025, utilizing keywords transmitted by the satellite, China and Russia successfully conducted quantum communication over a distance of nearly 3,900 kilometers between Moscow and Urumqi, securely transmitting two high-magnification images and several documents. This achievement demonstrates the successful establishment of a quantum communication channel between China and Russia. The collaboration scientists not only pave the way for more secure communication networks but also has the potential to reshape the global communications landscape. [2]In March 2025, China also successfully tested quantum communication transmission with South Africa, extending this technology to the Southern Hemisphere (Swayne, 2025). [3]

Sino-Russian Fund Investment in ICT

Supported by government policies and market dynamics, Chinese direct investment in Russia is growing steadily. As of 31 October 2025, there were 13,385 registered Chinese-invested enterprises in Russia — a doubling over the past five years and a 23 % increase compared to the end of 2024. In the first ten months of 2025 alone, 3,305 new enterprises were registered, which is seven times the number of German-invested companies registered in Russia in the same period. Last year, these enterprises generated over 3.3 trillion rubles in revenue, with the top 40 Chinese brands accounting for roughly 80 % of that total (General Chamber of Commerce of Russia in China, 2026).[4]

Three investment vehicles serve as flagship cooperative financing mechanisms: the Russia-China Investment Fund (RCIF), the Russian Direct Investment Fund (RDIF), and the China-Russia Regional Cooperation and Development Investment Fund. In the AI sector, RCIF's investments highlight the strategic importance of this field. Its first major investment supported Biren Technology, a Chinese chip developer specialising in GPUs designed for large language models and high-performance computing. The company aims to compete with leading tech firms such as NVIDIA. RCIF joined Biren Technology in its Series B funding round in March 2021. The strategic sensitivity of this investment became evident in October 2023, when the U.S. added Biren Technology to its Entity List, citing threats to U.S. investment security. The U.S. House of Representatives also launched investigations into American venture capital firms that participated in the funding round. RCIF's second landmark investment backed MiningLamp, which has received substantial support from the fund and secured nearly $1 billion in total venture capital funding.

Beyond the funds mentioned, the China-Russia RMB Investment Cooperation Fund focuses on capital injections into Eurasian high-tech enterprises. The table below highlights representative firms funded by Sino-Russian joint investment vehicles (based on 2024 data from PitchBook, CB Insights, and Crunchbase, plus one RDIF investment in 2026), illustrating the complementary dynamics of bilateral investment ties.

[1] Kommersant. (2023, December 6). Dannye Vykhodyat na Natsionalnyi Uroven: V Rossii Gotovitsya Novyi Natsproekt Razvitiya Ekonomiki na Baze Tekhnologii [Data Reaches the National Level: A New National Project for Economic Development Based on Technologies is Being Prepared in Russia]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6380045 (Date of access: 12.12.2025). (In Russ.)

[2] The Quantum Insider. (2025, May 9). China and Russia Test Quantum Communication Link. URL: https://thequantuminsider.com/2024/01/02/report-china-and-russia-test-quantum-communication-link/ (Date of access: 11.12.2025).

[3] The Quantum Insider. (2025, March 14). China Establishes Quantum-Secure Communication Links With South Africa. URL: https://thequantuminsider.com/2025/03/14/china-established-quantum-secure-communication-links-with-south-africa/ (Date of access: 13.11.2025).

[4] Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. (n.d.). Zhongguo qi ye zai eluosi fa zhan bao gao [Report on the Development of Chinese Enterprises in Russia]. https://www.iccaras.ru/ (Date of access: 11.02.2026). (In Chinese)

Table 1

RCIF/RDIF's investments in enterprises (2024, 2026)

Company	Description	Deal Details	Total Capital Raised to 2024
Biren Technology	Fabless semiconductor design company for intelligent chip, develops general-purpose graphics processing unit (GPGPU) chips and GPGPU-enabled intelligent computing solutions. Support extensive AI model training and inference applications across cloud-to-edge scenarios.	The company is aiming to raise about $245 million in its second big round of outside funding ('Series B')	$633M
Binnopharm Group	A leading biopharmaceutical firm and one of Russia's largest pharmaceutical manufacturers. It covers in-house R&D and production, with a portfolio of prescription and OTC medicines, supplied across Russia and Eurasian markets.	undisclosed	$96M+
DiDi Global	China's dominant mobility-technology platform and completed the acquisition of Uber's China. It provides diversified shared-mobility services for domestic users. It maintains investment in autonomous driving through its dedicated subsidiary, and pursues the large-scale commercial roll-out of robotaxi services.	The company is planning to raise $300 million in its second major funding round ('Series B').	$1.25B
Mininglamp Technology	A prominent enterprise big-data and AI software provider offering data-intensive analytical platforms for corporate and public-sector clients. It develops enterprise-grade data-intelligence solutions to support business decision making across various industries.	$200 million is the target for the company's 5th major funding round ('Series E')	$599.5M
FineEx	A Shanghai-based logistics-platform developer, providing nationwide warehouse-management and logistics systems for Chinese e-commerce and traditional retail enterprises. It targets business expansion into the Russian market.	The company is projected to raise around $71 million in its fourth major funding round ('Series D').	$170M+
OBL-Pharm	A generic drug manufacturer based in Russia. Its product portfolio includes hundreds of registered medicines serving domestic public procurement and retail pharmaceutical markets across Russia.	$6.3 million was paid for existing shares in a secondary transaction	Undisclosed
Paisentech	A China-Russia joint venture in science and technology innovation. It supports the development of Russia's intelligent manufacturing base, including localised R&D of software and hardware and full-chain operations and maintenance.	2.565 billion in June 2026	Undisclosed

Source: Collected by the author. The data are drawn from the Pitchbook, CB Insights, and Crunchbase databases. https://pitchbook.com/; https://www.cbinsights.com/; https://www.crunchbase.com/

Investment Mechanisms for Sino-Russian Cooperation in ICT

As outlined in prior sections, China and Russia have established a steady division of labour in tech development. Russia focuses on fundamental theories, basic algorithms, special-purpose chip design, and supplying critical raw materials, while China leads in developing advanced AI chips, building computing infrastructure, and commercialising research. These technical solutions are compatible with Russia's local data systems. Both governments have introduced supportive policies to encourage private investment in the IT sector, promote cross-border joint investment, and align technical standards, thus accelerating IT project delivery. Continuous market feedback enables research teams to refine and optimise their solutions, creating a five-step development loop: open financing and enterprise engagement, government policy guidance, follow-up investment, industrial implementation, and market-driven long-term upgrades. This mutually supportive industrial system enables both nations to address their respective technical gaps. It helps overcome reliance on external technologies and fosters a secure, self-reliant industrial ecosystem.

Multilateral Cooperation on Cyber and Information Security in Eurasia

As Eurasian regional integration moves forward, the internet economy has become a major growth engine for the whole continent. Cybersecurity, as a prerequisite for promoting the sustainable growth of the digital economy, becomes a key policy agenda. Nations on the Eurasian continent are at vastly different digital development levels, forming a unique geopolitical development pattern. The region is still troubled by many digital problems. These include uneven digital infrastructure, inconsistent cybersecurity defence capacities, and rampant cross-border cyber threats.

Western countries have erected a "technological iron curtain" that spans the globe. This undermines the principle of free market circulation, impeding open cooperation and technological advancement in the IT sector (Hsiung, C. W. 2021). Moreover, the

Fig. Flowchart of the Sino-Russian ICT Cooperation Pathway
Source: Drawn by the author.

West has pressured Eurasian countries to choose sides in great-power competition. Its policies of technological containment have deepened the fragmentation of the global market and significantly disrupted the economic development of emerging economies. As key Eurasian powers, China and Russia can leverage multilateral cooperation mechanisms and coordinate regional investment strategies to counter technological hegemony.

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) serves as the core multilateral platform for China and Russia to carry out cybersecurity governance and digital cooperation across Eurasia. In recent years, the organization has rolled out multiple cooperation frameworks and kept expanding its digital cooperation initiatives. The SCO Expert Group Meeting on International Information Security took place on November 15, 2023. Participants reviewed the implementation progress of the 2022–2023 information security cooperation plan. They also clarified key work priorities for the next stage of cooperation. In April 2025, the 20th Meeting of the Supreme Courts' Chairmen of SCO Member States was held. The participants advanced the regional development plan for digital governance and cybersecurity coordination, issuing clear commitments to strengthen practical collaboration in these areas. Delegates underscored the importance of integrating big data security into judicial governance. They also plan to expand investment channels for information security technology cooperation under the SCO framework. These initiatives will enhance and refine the core agenda for regional digital security cooperation within the organization.

The BRICS Cooperation Mechanism serves as a key multilateral platform for coordinating cross-border digital governance and cybersecurity efforts. Within this framework, China and Russia have strengthened cooperation mechanisms and implemented a range of joint projects.

In 2017, Russia proposed signing the BRICS Government Agreement on Information and Communication Security. Later that year, at the 9th BRICS Summit, the cybersecurity cooperation roadmap was reviewed and formally adopted. This document established standardised rules to guide member states' cybersecurity activities.

A turning point came in 2022, marking a deeper phase of BRICS digital security cooperation. In May, China hosted the BRICS ICT Meeting, where participants assessed prior achievements and identified key future cooperation priorities. In June, the 14th BRICS Leaders' Meeting adopted the BRICS Digital Economy Partnership Framework, further strengthening the bloc's cybersecurity governance structure. Through these efforts, the parties established regular consultation channels and committed to institutionalising cyber governance. Additionally, the Expert Group Meeting on International Cyberspace Security reconvened to review the implementation of the 2022–2023 Cooperation Program, thereby consolidating the tangible outcomes of multilateral collaboration.

The 2024 expansion and enhancement of the BRICS framework opened new opportunities for China and Russia's multilateral digital security engagement. Despite external challenges, BRICS underwent a significant enlargement, growing from five to ten member states. This expansion broadened the geographic scope and shared interests underpinning the bloc's digital cooperation agenda. During Russia's rotating BRICS presidency in 2024, the 16th BRICS Summit was held in Kazan. The resulting Kazan Declaration outlined comprehensive arrangements for joint work on ICT security. It calls for developing universally applicable and interoperable rules and standards for secure supply chains, stepping up efforts to combat ICT-related cybercrimes, and maintaining regular collaborative operations.

Beyond these intergovernmental platforms, Russia has led the development of a cross-border industrial cooperation network—the AI Alliance Network. By the end of 2025, it had secured full membership from nearly 30 institutions across more than 20 countries. The initiative has drawn participation from such nations as Azerbaijan, Serbia, Iran, Ethiopia, and Indonesia, as well as three Chinese tech enterprises. Together, these members have established a cross-border mechanism to coordinate joint research and practical applications.[1]

Prospects for China-Russia Investment Cooperation in ICT

First, China and Russia need robust top-level design and long-term strategic planning. Guided by high-level diplomacy, the two countries have launched large-scale joint projects and established frameworks for AI cooperation, while in-

[1] TASS. (2025, November). Assotsiatsii iz 11 Stran Prisoedinilis k Mezhdunarodnomu Alyansu v Sfere II [Associations from 11 Countries Joined the International Alliance in the Field of AI]. URL: https://tass.ru/ekonomika/25673139 (Date of access: 02.05.2026). (In Russ.)

creasing investment in information security technologies. These efforts help both nations secure a strong position in the next wave of AI development. Cross-border industrial coordination requires forward-looking strategies. Currently, bilateral investment is heavily focused on technical R&D, but systematic cooperation in security-related areas, including tech ethics and countering Western ideological influence — remains underdeveloped. Going forward, the two countries can strengthen high-level strategic coordination to share technologies and research outcomes, and launch organised joint research programmes to pool resources and achieve breakthroughs in core critical technologies.

Second, China and Russia should deepen collaborative IT investment to help the Global South enhance its information security capabilities. Digital connectivity, underpinned by communication infrastructure, holds significant development potential and is a key driver for digital economic partnerships. To this end, the two nations should make greater use of multilateral platforms where Global South countries form the majority. During Russia's 2024 BRICS presidency, China's 2025 SCO chairmanship, and China's 2026 APEC presidency, both sides should fully implement the BRICS Digital Economy Partnership Framework and advance the development of the World AI Cooperation Organization. By balancing information security risks with investment viability, they can expand free trade zones, promote local currency settlements, reduce the digital divide in the Global South, and help usher in a new era of digital industrial growth led by developing nations.

Third, China and Russia should strengthen joint cooperation on IT governance to ensure secure cross-border investment in the global digital space. The UN Working Group on Information Security operated under a 2021–2025 mandate, which concluded at the end of 2025. The two countries could propose updated normative frameworks to reinforce the UN's central role in global cyber governance. They should also support UN conventions targeting cybercrime and launch additional initiatives on AI governance and investment outreach through various international fora.

Fourth, China and Russia could further scale up joint investment in the BeiDou and GLONASS satellite navigation systems to counter the militarisation of outer space led by Western countries. Both nations are committed to preserving peace in space. In recent years, the United States has deepened partnerships with SpaceX's Starlink programme and increased support for technology-aligned hardline groups. It is using these assets for space-based intelligence gathering and surveillance, aiming to build an integrated defence architecture covering land, sea, cyberspace, and outer space. Against this backdrop, China and Russia should enhance the interoperability of BeiDou and GLONASS, integrate dynamic security monitoring capabilities, and improve the quality and reliability of the navigation services provided by both systems.

Fifth, China and Russia may jointly develop impartial, equitable, and rational certification mechanisms for cybersecurity technical standards. The global technology landscape is becoming increasingly fragmented, and competition over international technical rules is intensifying. Western powers are actively promoting their own standards in international bodies, including the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) and the G7, and are also seeking to shape global 6G technical specifications according to their own frameworks. In response, China and Russia can work together to establish balanced rules for emerging technologies and develop investment standards that protect the interests of the Global South.

Sixth, China and Russia should adhere to market-oriented principles to boost investment activity among private enterprises and small and medium-sized enterprises (SMEs). Converting technological breakthroughs into market-ready products is an effective way to turn technical progress into societal benefits and to create a sustainable mechanism linking research and commercialisation. Based on existing experience, the two countries can accelerate technology commercialisation through three key approaches. First, they can optimise the bilateral investment environment: imbalances in two-way investment and excessive government intervention may hinder deeper cooperation, so authorities could establish dedicated "green" investment channels to lower market access barriers for SMEs. Second, they can expand mutual market access and align technical standards, which would help prevent harmful internal competition. Through these measures, the two countries can improve the efficiency of technology investment funds, attract more private venture capital to the sector, and foster the growth of local IT-focused private enterprises.

Concluding Remarks

As a major player in AI innovation, China adopts an open and cooperative stance, supporting countries in the Global South in accessing and leveraging new technologies. Such support contributes to a more inclusive and sustainable AI ecosystem.

Russia is an important partner for China, with ongoing collaborative projects in areas such as green agriculture, the digital economy, and new materials. However, there remains significant potential for expanding this cooperation. In this context, it is essential to examine the implications of AI-driven collaboration between the two countries, assess the associated challenges, and identify promising new directions for joint development.

This paper pursues two interrelated analytical tracks. The first focuses on institutional development and talent cultivation: China and Russia can strengthen their respective regulatory frameworks, scale up data monitoring and governance systems, and invest in training highly skilled ICT professionals. Through targeted state policies and robust investment feasibility assessments, the two nations can also mobilise greater private capital for joint information technology initiatives.

The second track addresses coordinated efforts to enhance technological self-reliance. Bilateral cooperation in this area centres on three key priorities:

First, the joint development of communication infrastructure to ensure seamless data transmission and the stable circulation of domain name resources and data flows. The two countries have already established dedicated quantum communication links designed to counter external digital infiltration by third-party actors.

Second, collaborative research and development in chip and processor technologies to improve semiconductor security and expand the economic scale of their AI industries.

Third, mutual efforts to raise the overall level of technological sophistication and accelerate digital economic growth, with the overarching goal of safeguarding technological sovereignty and reducing dependence on external technological sources.

In response to extensive sanctions imposed by Western nations, entities such as Huawei and the China-Russia Investment Fund have launched numerous joint investment projects. Through sustained collaboration, China and Russia have built well-established institutional frameworks for bilateral investment and significantly improved the quality and effectiveness of their technological cooperation.

References

Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2020). Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy, 128,* 2188–2244. https://doi.org/10.1086/705716

Averyanov, A. O., Stepus, I. S. & Gurtov, V. A. (2023). Forecast of Staffing Needs for the Artificial Intelligence Sector in Russia. *Studies on Russian Economic Development, 34,* 86–95 https://doi.org/10.1134/S1075700723010021

Bartsch, B., & Wessling, C. (Eds.). (2026). *Fragmented Europe: Dealing with China as a Technology and Innovation Power (ETNC Report 2026).* China: European Think-tank Network on China. https://merics.org/sites/default/files/2026-06/MERICS%2BETNC_Report_2026_WEB.pdf (Date of access: 02.05.2026)

Bekkevold, J. I. (2020). Sino-Russian Relations in an Era of Sino-US Rivalry: From Partnership to Alliance? In R. S. Ross, Ø. Tunsjø, & D. Wang (Eds.), *US–China Foreign Relations: Power Transition and Its Implications for Europe and Asia* (pp. 145–161). London: Routledge.

Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies.* Oxford: Oxford University Press, 328.

Brizitskaya, A.V. (2023). The Investment Cooperation Between Russia and China: Problems and Directions of Development. *Rossiiskii Vneshneehkonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (1), 108–119. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-1-108-119 (In Russ.)

Buklemishev, O. V. (2022). Artificial Intelligence in the Public Sector. *Voprosy Ekonomiki [Voprosy Ekonomiki],* (6), 91–109. https://doi.org/ 10.32609/0042-8736-2022-6-91-109 (In Russ.)

Carlson, B. G. (2021). China-Russia Relations and Transatlantic Security. In B. G. Carlson, & O. Thränert (Eds.), *Strategic Trends 2021: Key Developments in Global Affairs* (pp. 11–36). Zürich: Center for Security Studies.

Filatov, M. (2025). Reproducing Power Through Infrastructure: The Development of Sino-Russian Financial Interdependence (2014–2024). *Cogent Social Sciences, 11* (1), 2–34. https://doi.org/10.1080/23311886.2025.2566307

Hsiung, C. W. (2021). China's Technology Cooperation with Russia: Geopolitics, Economics, and Regime Security. *The Chinese Journal of International Politics, 14* (3), 447–479. https://doi.org/10.1093/cjip/poab009

Jiang, M., & Belli, L. (Eds.). (2025). *Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance.* Cambridge: Cambridge University Press, 282.

Jüris, F. (2022). Sino-Russian Scientific Cooperation in the Arctic: From Deep Sea to Deep Space. In S. Kirchberger, S. Sinjen, & N. Wörmer (Eds.), *Russia-China Relations: Emerging Alliance or Eternal Rivals?* (pp. 185–202). Switzerland: Springer.

Kamolov, S. G., Lapshina, P. V., & Alexeev, D. B. (2022). The system of governance of scientific and technological development in the Russian Federation. *International Journal of Technology, 13* (7), 1438–1447. https://doi.org/10.14716/ijtech.v13i7.6201

Kamolov, S. G., Varos, A. A., Kriebitz, A., & Alashkevich, M. Y. (2022). Dominants of National Strategies for the Development of Artificial Intelligence in Russia, Germany, and the USA. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipal'nogo Upravleniya [Public Administration Issues],* (2), 85–105. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-85-105 (In Russ.)

Kashin, V. (2018). Russian Perspectives on the Third Offset Strategy and Its Implications for Russian-Chinese Defense Technological Cooperation. In T. M. Cheung & T. Mahnken (Eds.), *The Gathering Pacific Storm: Emerging US-China Strategic Competition in Defense Technological and Industrial Development* (pp. 211–238). Amherst, NY: Cambria Press.

Khusnetdinova, A., & Wang, P. (2026). One Game, Two Strategies: China and Russia's Divergent Approaches to Micro-Cyber Sovereignty. *Europe-Asia Studies,* 1–27. https://doi.org/10.1080/09668136.2026.2678270

Kolodii, R. (2026). Rogue Turned Woke? China–Russia Technology Allyship. *Journal of Global Security Studies, 11* (1). https://doi.org/10.1093/jogss/ogaf036

Krelina, M. (2023). The Prospect of Quantum Technologies in Space for Defense and Security. Space Policy, 65(3), https://doi.org/101563. 10.1016/j.spacepol.2023.101563

Kukkola, J. (2020). *Digital Soviet Union: The Russian National Segment of the Internet as a Closed National Network Shaped by Strategic Cultural Ideas* (Series 1: Research Publications No. 40) (Doctoral dissertation, National Defence University, Helsinki, Finland). https://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/177157/Kukkola_Digital%20Soviet%20Union_finalnet.pdf (Date of access: 02.05.2026)

Kumar, A., Awad, A. I., Sharma, G., Krishnamurthi, R., Jain, S., Srikanth, P., Sharma, K., Hedabou, M., & Sood, S. (2025). Artificial Intelligence and Blockchain for Quantum Satellites and UAV-Based Communications: A review. *Quantum Machine Intelligence, 7* (1), 45. https://doi.org/10.1007/s42484-025-00271-7

Lev, M. Yu., & Bolonina, S. E. (2026). Russian-Chinese Cooperation in the Field of Banking Security: Accessibility and Stability Indicators as Key Factors. *Ekonomicheskaya Bezopasnost' [Economic Security], 9* (3), 427–454. https://doi.org/10.18334/ecsec.9.3.124910) (In Russ.)

Liu, J., & Pavlov, D. V. (2024). Russia and China in the International Digital Domain. *Sotsial'no-Politicheskie Nauki [Sociopolitical Sciences], 14* (4), 138–144.

Lo, B. (2020). The Sino-Russian Partnership and Global Order. *China International Strategy Review, 2,* 306–324. https://doi.org/10.1007/s42533-020-00063-7

Malygin, I. G., Komashinsky, V. N., & Tsyganov, V. V. (2017). International Experience and Multimodal Intelligent Transportation System of Russia. In 2017 Tenth International Conference Management of Large-Scale System Development (MLSD) (pp. 1–3). New York: IEEE. https://doi.org/10.1109/MLSD.2017.8109658

Mearsheimer, J. J. (2001). *The Tragedy of Great Power Politics.* New York: W.W. Norton & Company, 555.

Ohlin, B. (1933). *Interregional And International Trade.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 617.

Owen, T. (2015). *Disruptive power: The Crisis of the State in the Digital Age.* Oxford: Oxford University Press, 264.

Porfiryev, B. N., Shirov, A. A., Uzyakov, M. N., Gusev, M. S., & Shokin, I. N. (2020). The Main Directions of Socio-Economic Development of Russia in 2020–2024 and for the Period up to 2035. *Studies on Russian Economic Development, 31,* 245–250. https://doi.org/10.1134/S1075700720030132

Remington, T. F., Jiwei, Q., & Avdasheva, S. B. (2024). Regulating Competition in the Digital Platform Economy: Russia and China Compared. *Problems of Post-Communism, 71* (1), 14–24. https://doi.org/10.1080/10758216.2022.2117199

Rheingold, H. (2002). *Smart Mobs: The Next Social Revolution.* Cambridge: Basic Books, 288.

Rodeheffer, L. (2024), Russian Network Investigation. *Eurasia Daily Monitor, 21* (172), 11.

Saalman, L., Su, F., & Saveleva Dovgal, L. (2022). *Cyber Posture Trends in China, Russia, the United States and the European Union.* Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 39. https://doi.org/10.55163/ELWL8053

Shashnov, S., & Kotsemir, M. (2018). Research Landscape of the BRICS Countries: Current Trends in Research Output, Thematic Structures of Publications, and the Relative Influence of Partners. *Scientometrics, 117,* 1120–1155. https://doi.org/10.1007/s11192-018-2883-7

Shuvalova, N. A. (2026). Development of International Technological Exchange Between Russia and China. In E. Popkova, & G. Abdurakhmanova (Eds.), *The Sustainable Development of the Entrepreneurial Economy in the Fifth Industrial Revolution* (pp. 135–148). Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.

Strelnikova, I. (2025). Sino-Russian Cooperation in Scientific and Technological Innovation in the Arctic: Fields, Achievements, Promising Areas and Prospects. *China Report, 61* (4), 552–579. https://doi.org/10.1177/00094455251366744

Syuye, I., & Filimonenko, I. V. (2021). Issledovanie vliyaniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta na rynok truda Kitaya [Study of the impact of artificial intelligence technologies on the Chinese labor market]. In *Industriya 5.0, tsifrovaya ekonomika i intellektual'nye ekosistemy (EKOPROM-2021)* (pp. 802–805). Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. https://doi.org/10.18720/IEP/2021.3/233 (In Russ.)

Triwahyuni, D. (2023). The role of NATO in Enhancing Ukraine's Cybersecurity During Times of Conflict. In *Proceedings of the 6th International Conference on Business, Economics, Social Sciences and Humanities* (pp. 776–778). https://proceedings.unikom.ac.id/index.php/icobest/article/view/447/441 (Date of access: 02.05.2026)

Wang, J., Tian, Z., & Sun, Y. (2024). Digital Economy, Employment Structure and Labor Share. *Sustainability, 16* (21), 9584. https://doi.org/10.3390/su16219584

Wright, N. (2018). *AI, China, Russia, and the Global Order: Technological, Political, Global, and Creative Perspectives.* Air University Press, 283.

Xie, H. (2025). Chinese Investments in the Russian Economy Under Sanctions. *Obshchestvo: Politika, Ehkonomika, Pravo [Society: Politics, Economics, Law],* (5), 147–161. https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.18 (In Russ.)

Информация об авторе

Линь Ин — Доктор юридических наук, доцент, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; https://orcid.org/0009-0008-3386-7141 (Китайская Народная Республика, 100007, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжанцзычжун, д. 3; e-mail: linying@cass.org.cn).

About the author

Ying Lin — Dr. Sci. (Law), Assistant Professor, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences; https://orcid.org/0009-0008-3386-7141 (3, Zhangzizhong Rd., Dongcheng District, Beijing, People's Republic of China; e-mail: linying@cass.org.cn)

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that she has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 11.03.2026. Received: 11 Mar 2026.
Прошла рецензирование: 27.06.2026. Reviewed: 27 Jun 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-14
УДК 339
JEL F21

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Ю. Г. Мыслякова [а], *А. В. Ратнер* [б], *А. Г. Тарасов* [в]
[а, б, в] Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Методический подход к выявлению исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества как региональных точек развития инвестиционного взаимодействия[1]

Аннотация. Активное внешнеэкономическое сотрудничество России и Китая стимулирует совместные научные исследования, формирующие перспективные направления инвестиционного взаимодействия. Цель исследования — выявить региональных экспортеров знания и определить исследовательские ниши российско-китайского научного сотрудничества, имеющие инвестиционный потенциал рыночной реализации. Методический подход состоит из последовательных шагов, в том числе включающих наукометрическую оценку интенсивности и влиятельности экспортируемого знания, а также его кластерную востребованность. Триада данных показателей позволяет типологизировать регионы по отражающему включенность субъектов РФ в российско-китайское научное сотрудничество критерию: научные лидеры российско-китайского взаимодействия, активные, пассивные и дискретные экспортеры. Апробация оценочного инструментария осуществлялась на периоде 2015–2025 гг. на примере 20 индустриально развитых регионов, а именно их административных центров. Полигон исследования составили статьи, опубликованные в журналах открытого и закрытого доступа, а также материалы международных конференций и главы монографий творческих российско-китайских коллективов, опубликованных и имеющих статус «в печати» в международной научной базе Scopus. Лидерами формирования исследовательских ниш оказались Челябинская, Свердловская, Ленинградская, Нижегородская области, Красноярский край и Республика Башкортостан — регионы, обладающие высоким инвестиционным потенциалом трансформации знания в отраслевые проекты российско-китайского сотрудничества. Дискретными экспортерами — регионами с низкой вовлеченностью в российско-китайское научно-исследовательское взаимодействие — оказались Мурманская, Вологодская, Калужская и Липецкая области, а также Чувашская Республика. В заключение выявлены тематические научные ниши регионального сотрудничества, которые служат детерминантами востребованных российско-китайских исследовательских проектов, что позволило наметить и систематизировать пути дальнейшего инвестиционного взаимодействия. Результаты могут быть полезны органам власти РФ при определении проектов, отраслей, регионов для поддержки знаниеемкого инвестиционного российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: российско-китайское научное сотрудничество, экспорт знаний, исследовательские ниши, инвестиционное взаимодействие, импортный спрос Китая, специализация российских регионов, регионально-отраслевые точки сотрудничества

Благодарность: *Статья подготовлена в рамках государственного задания (ГР № 124021500025-0) Министерства науки и высшего образования РФ для ФГБУН Института экономики УрО РАН на 2026 г.*

Для цитирования: Мыслякова, Ю. Г., Ратнер, А. В., Тарасов, А. Г. (2026). Методический подход к выявлению исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества как региональных точек развития инвестиционного взаимодействия. *Экономика региона, 22*(3), 666–680. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-14

[1] © Мыслякова Ю. Г., Ратнер А. В., Тарасов А. Г. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Yuliya G. Myslyakova [a)], *Artem V. Ratner* [b)], *Anatoly G. Tarasov* [c)]
[a, b, c)] Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

A Methodological Approach to Identifying Research Niches in Russian-Chinese Scientific Cooperation for Investment Development

Abstract. Active economic cooperation between Russia and China is fostering joint scientific research and creating new opportunities for investment cooperation. This study aims to identify regional knowledge exporters and research niches in Russian-Chinese scientific cooperation with potential for commercial and investment implementation. The methodological approach combines scientometric assessment of the volume and impact of exported knowledge with an analysis of its cluster relevance. Based on these three indicators, Russian regions are classified as scientific leaders, active, passive, or discrete exporters, reflecting their level of involvement in Russian-Chinese scientific cooperation. The approach was tested for 2015–2025 using 20 industrialized Russian regions and their administrative centres. The study draws on articles published in open- and closed-access journals, international conference proceedings, and monograph chapters by Russian-Chinese research teams indexed in Scopus, including "in press" publications. Chelyabinsk, Sverdlovsk, Leningrad, and Nizhny Novgorod oblasts, Krasnoyarsk Krai, and the Republic of Bashkortostan were found to be leaders in the formation of research niches, demonstrating high potential for transforming scientific knowledge into joint Russian-Chinese investment projects. Discrete exporters with limited involvement in Russian-Chinese research cooperation include Murmansk, Vologda, Kaluga, and Lipetsk oblasts and the Chuvash Republic. The study identifies thematic research niches that can serve as drivers of regional cooperation and provides a basis for developing and systematizing further investment opportunities. The findings may support Russian authorities in identifying projects, industries, and regions for knowledge-intensive investment cooperation with China.

Keywords: Russian-Chinese scientific cooperation, knowledge export, research niches, investment cooperation, China's import demand, regional specialization, regional-sectoral cooperation

Acknowledgments: *The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2026 (State Registration No. 124021500025-0).*

For citation: Myslyakova, Yu. G., Ratner, A. V., & Tarasov, A. G. (2026). A Methodological Approach to Identifying Research Niches in Russian-Chinese Scientific Cooperation for Investment Development. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 666–680. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-14

Введение

В условиях резкого ограничения Западом экономических отношений с Россией и ограничения США отношений с Китаем РФ и КНР формируют собственную ось развития региональных и национальных экономик. У России с Китаем развиваются торговля и научное сотрудничество, при этом актуальным остаётся укрепление взаимовыгодного знаниеемкого, производственно-технологического и инвестиционного взаимодействия. Так, в 2025 г. заключено обновлённое межправительственное Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, актуализирующее необходимость обоснования региональных и отраслевых точек инвестиционного взаимодействия России и Китая, которые благоприятны для обеих стран. Поэтому в качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что отраслевая структура валового импортного спроса Китая и экспортная специализация российских регионов, с одной стороны, и характеристика российско-китайского научного сотрудничества, представленная совместной публикационной активностью, — с другой, определяют потенциальные ниши перспективного инвестиционного взаимодействия.

Из литературы следует, что перспективные ниши инвестиционного взаимодействия стран можно выявить через анализ экономических потребностей и потенциала стран-партнёров: взаимодополняемости экономических потенциалов (Воронцова, 2023, с. 188), отраслевых (в том числе в торговле) предпочтений (Бредихин, Нейматова, 2025, с. 264–267), потребностей экономики-реципиента в технологиях (Афанасьев, Фадеев, 2025, с. 35) и в устойчивом развитии (Петров и др., 2022, с. 161), регуляторных норм для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) (Roeger & Welfens, 2022, p. 262; Бредихин, Нейматова, 2025, с. 269), ориентации стран-партнёров на внешнюю торговлю (Kaur et al., 2024, p. 452), возможностей торгового кредитования (Doan & Mai, 2025, p. 26), квалификации трудовых ресурсов (Park & Park, 2026, p. 19–20), межгосударственного согласования инвестиционных проектов (Ревенко, 2023, с. 40).

Вместе с тем, важнейшая детерминанта для российской экономики — технологическое развитие (Лаврикова и др., 2024, с. 6): ПИИ долж-

ны ему содействовать (Андреева и др., 2020, с. 614). И наоборот, инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) важны для международных цепочек создания стоимости (Jiang et al., 2026), и трансфер знаний — значимая составляющая данных цепочек (Rigo, 2021). Значительный потенциал для этого содержится в совместных научных разработках стран-партнёров. В условиях, когда международное научное сотрудничество стало широко распространено, оно наглядно выражено и доступно для анализа через совместные публикации, в том числе по параметрам их цитируемости (Schmoch & Schubert, 2008), отражающим «влияние» генерируемого знания (Moed, 2005). Отмечается, что при международном сотрудничестве цитируемость выше (Katz & Hicks, 1997; Van Raan, 1998), причём сотрудничество чаще наблюдается в случае сочетания теоретических и прикладных исследований (Wagner-Döebler, 2001), которые очень актуальны (Колончин, Коцюк, 2024). Однако эти параметры редко учитываются при оценке перспектив экономического взаимодействия стран.

В то же время, для реализации научных результатов важны экономические условия (Verastegui et al., 2025, pp. 4911–4912), и при научном сотрудничестве страны ориентируются на экономические характеристики партнёра (Ye et al., 2025, p. 5719). Россия и Китай совместно финансируют исследования из фондов (Сухоручкина, Сухоручкина, 2024, с. 35–36; Ульянова, 2024, с. 41), и актуально определить ниши, где их совместные исследования уже инвестиционно привлекательны (Баринова и др., 2024, с. 147; Гулемин, 2024, с. 54). Это служит посылом для постановки цели исследования — выявить региональных экспортеров знания и определить исследовательские ниши российско-китайского научного сотрудничества, имеющие инвестиционный потенциал рыночной реализации.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи.

1. Выявить регионально-отраслевые точки перспективного наращивания российско-китайского торгово-экономического обмена. Поскольку экономические потребности России общеизвестны: развитие технологий и обрабатывающего производства, импортозамещение, — то целесообразно иметь их в виду, а в статье остановиться на импортном спросе Китая, сопоставив его со специализацией российских регионов.

2. Определить и типологизировать региональных участников российско-китайского научного сотрудничества, способных формировать исследовательские ниши инвестиционного взаимодействия.

3. Обосновать исследовательские ниши российско-китайского научного сотрудничества с учетом включенности регионов и наметить пути развития инвестиционного взаимодействия с учетом потребностей российской экономики.

Полученные результаты могут быть использованы органами власти РФ при определении приоритетных отраслей, регионов, потенциальных проектов для производственного сотрудничества России и Китая в новых экономических реалиях.

Методы

В рамках предлагаемого методического подхода к выявлению исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества под инвестиционным взаимодействием понимается процесс, предшествующий непосредственно производственному: поиск инвестиций для осуществления НИОКР, проведение совместных НИОКР, разработка и внедрение новых технологий на основе совместных НИОКР, поиск площадок для их внедрения.

Международное научное сотрудничество здесь выступает важнейшей предпосылкой инвестиционного взаимодействия стран до момента налаживания производства и экспорта высокотехнологичной продукции. Его содержание представляется авторам как коллаборация между научными организациями разных стран по поиску и выявлению перспективных исследовательских ниш для дальнейшего инвестиционного взаимодействия. В рамках научного сотрудничества осуществляется экспорт знаний — их международный трансфер между научными организациями разных стран, что выражается в разработке совместных идей и публикации результатов исследований в международных изданиях.

Под регионально-отраслевыми точками сотрудничества понимается пересечение сильных сторон (т. е. экспортной специализации) российских индустриально развитых регионов с китайской потребностью в импорте.

Методический подход представляет собой три последовательных комплексных этапа (рис.).

На первом этапе определяются перспективные отрасли для организации и укрепления российско-китайского экономического обмена в период с 1995 по 2024 г. (взят длинный интервал, чтобы шире охватить период активного развития китайской экономики и определить устоявшийся тренд внешнеэкономического взаимодействия). Для этого необходимо:

— выявить товары, по которым у Китая велик как экспорт, так и импорт, и сопоставить этот экспорт и импорт, в том числе по динамике доли в мире (по данным Конференции ООН по торговле и развитию);

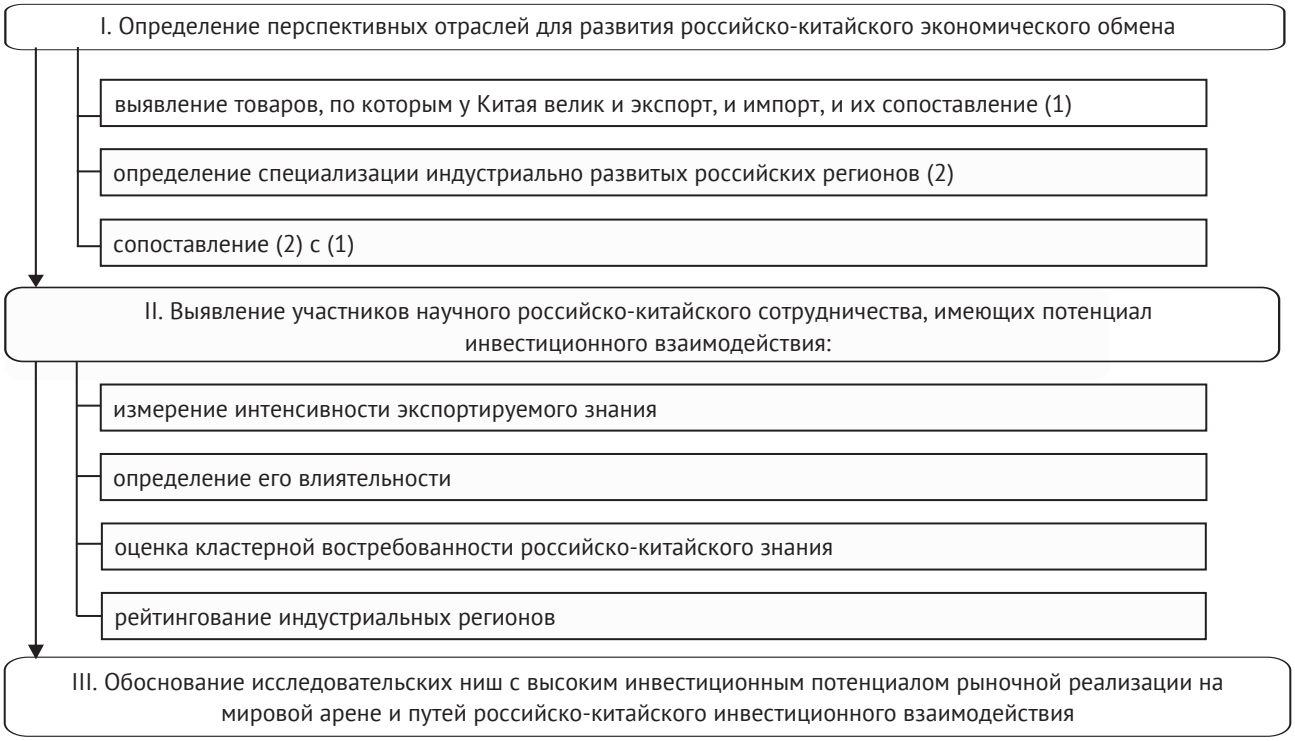

Рис. Методический подход к выявлению исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества как региональных точек развития инвестиционного взаимодействия (источник: составлено авторами)
Fig. Methodological Approach to Identifying Research Niches in Russian-Chinese Scientific Cooperation for Investment Development (source: developed by authors)

— рассчитать для индустриально развитых российских регионов доли различных обрабатывающих отраслей в валовой добавленной стоимости (ВДС) по данным Росстата и проранжировать их с целью выявления специализации;

— сопоставить российскую региональную специализацию с китайским импортным спросом и наметить контуры совместных проектов.

На втором этапе определяются участники научного российско-китайского сотрудничества, генерирующие и экспортирующие новое знание, востребованное двумя сторонами, и тем самым имеющие потенциал формирования исследовательских ниш научно-технологического развития национальных экономик в контексте инвестиционного взаимодействия.

Поскольку здесь идет речь в большей степени о предпосылках инвестиционного взаимодействия, а именно поиске и выборе исследовательских ниш для последующего внешнего и внутреннего финансирования, то в качестве основного инструментария используется наукометрический анализ международной публикационной активности индустриально развитых регионов (% обрабатывающих отраслей в ВРП (валовом региональном продукте) региона ⩾ 25 % за 2020–2024 гг.), а именно их административных центров. Индикаторами, отражающими потенциал российско-китайского взаимодействия создавать инвестиционно-привлекательные исследовательские ниши, являются показатели интенсивности и влиятельности экспортируемого знания, а также их кластерной востребованности, позволяющие выявить зарождающиеся исследовательские ниши и охарактеризовать индустриально развитые регионы по статусу «экспортер знания».

Так как активное региональное научно-публикационное взаимодействие с китайскими авторами фиксируется с 2015 г., то для анализа взят 10-летний период 2015–2025 гг., который для выявления динамики изменений разбит на два временных интервала (до- и постпандемийный периоды: 2015–2019 гг. и 2020–2025 гг., что позволяет учесть тенденции научного межстранового сотрудничества, в том числе во время мирового кризиса, вызванного COVID-2019). Полигон исследования составили статьи, опубликованные в журналах открытого и закрытого доступа, а также материалы международных конференций и главы монографий творческих российско-китайских коллективов, опубликованных и имеющих статус «в печати» в международной научной базе Scopus.

Основные методические шаги:

1. Измерение интенсивности экспортируемого знания, сгенерированного российско-китайскими авторскими коллективами (по общему числу совместных публикаций), выявление страновых направлений его экспортных потоков на основе числа совместных публикаций (на базе анализа соавторов других стран), а также оценка

включенности российских регионов в международное научное сотрудничество, одной из сторон которого выступает Китай, формула (1):

$$I_{region} = \frac{N_{region}^{Rus-Chn}}{N_{Russia}^{Rus-Chn}}, \quad (1)$$

где $N_{region}^{Rus-Chn}$ — количество российско-китайских публикаций (соавторство), в которых хотя бы один автор аффилирован с данным регионом России; $N_{Russia}^{Rus-Chn}$ — общее количество всех российско-китайских публикаций (по всей стране).

2. Определение влиятельности экспортного знания в региональном разрезе на основе компаративного анализа знания по двум 5-летним периодам показателя, отражающего среднюю цитируемость одной публикации в рамках всего исследовательского периода, формула (2):

$$C = \frac{1}{n}\sum_{i=1}^{n} c_i, \quad (2)$$

где n — общее количество публикаций региона, c_i — количество цитирований i-й публикации.

3. Оценка кластерной востребованности российско-китайского знания на основе индекса Хирша всех публикаций на всем исследовательском периоде, формула (3):

$$h = max\{i \in N \mid c_i \geq i\}, \quad (3)$$

где $c_1 \geq c_2 \geq \ldots \geq c_n$ — количество цитирований публикаций региона, упорядоченные по убыванию. При этом если публикаций меньше, чем i, то c_i считается равным 0.

4. Далее следует рейтингование индустриальных регионов по каждому анализируемому показателю; выделение групп по значениям, лежащим в одном оценочном диапазоне, а также интеграция полученных результатов, позволяющая типологизировать регионы по итоговому статусу «экспортер знания», отражающему включенность территории в процесс формирования российско-китайских исследовательских ниш, имеющих потенциал стать инвестиционно привлекательными для взаимодействующих сторон и других стран.

На третьем исследовательском этапе на основе обобщения и синтеза полученных оценочных результатов идентифицируются исследовательские ниши с высоким инвестиционным потенциалом рыночной активизации на мировой арене и обосновываются пути инвестиционного взаимодействия и привлечения капитала.

Результаты

Китай относится к ведущим мировым экспортёрам (столбец 3 табл. 1). Но интересно, что он не только вывозит в больших объёмах эти и другие товары, но и ввозит. Так, на КНР приходится 61,7 % мирового импорта медной руды и 28,6 % меди (при доле в мировом экспорте 6,8 %), 30,3 % синтетического каучука (в экспорте — 7,6 %), 20,8 % полимеров этилена (в экспорте — лишь 2,4 %), 5,7 % авиакосмического оборудования (в экспорте — 2,6 %) (столбцы 3 и 5 табл. 1). Из рассмотренных 30 товарных категорий и групп (табл. 1) по 15 позициям Китай занимает существенную долю (от 5 %) одновременно как в мировом экспорте, так и импорте (значения с «*» в столбце 5 табл. 1).

При этом с 1995 г. доля Китая в мировом импорте почти во всех случаях выросла, причём в ряде случаев — значительнее, чем в мировом экспорте: по продовольствию (в 4,7 раза, при росте в 1,5 раза в экспорте), рудам и металлам (10,8 против 2,9), в том числе по цветным металлам (6,7 против 5,0); по топливу (12,3 против 1,3), парфюмерии и косметике (87,9 против 7,0) (столбцы 6–7 табл. 1).

Анализируемая статистика учитывает суммарный импорт Китая из других стран мира, её можно интерпретировать как потребности КНР, и даже при отсутствии торгово-экономического сотрудничества по данному направлению конкретно с Россией, но учитывая ее сильные научно-исследовательские позиции, следует предположить интерес к научному сотрудничеству в выделяемых исследовательских нишах, обладающий при этом потенциалом инвестиционного взаимодействия, на стадии как НИОКР, так и будущего производства, в том числе для третьих стран.

При этом тот факт, что у Китая импорт сопровождает экспорт в одних и тех же отраслях, свидетельствует, что Китай осуществляет внутриотраслевой обмен, существуют отраслевые точки перспективного наращивания международного обмена.

Следовательно, в целом ряде отраслей (где у Китая значителен одновременно и экспорт, и импорт): агропромышленный комплекс, добыча полезных ископаемых, металлургия, химическая промышленность, электротехника, автомобилестроение, авиастроение, инструменты и приборы для медицинских целей и др., — а также в строительстве инфраструктуры для данных отраслей, Китай может быть заинтересован в наращивании торгово-экономического обмена со странами с потенциалом в соответствующих сферах. Такой потенциал, индустриальный опыт есть у России. В специализации её индустриально развитых регионов (в таблице 2 определены 20 регионов с долей обрабатывающих отраслей в ВРП 2020–2024 гг. ≥ 25 %) представлены все обозначенные выше отрасли. Так, доля в ВДС (рассчитана мультиплицированием доли отрасли в отгруженной продукции обрабатывающих производств с долей обрабатывающих производств в ВДС) данных регионов дости-

Таблица 1

Доля Китая в мировой международной торговле по основным товарным категориям (и выборочно — по группам и позициям)

Table 1

China's Share of Global Trade by Major Product Categories

Товары	Доля в экспорте, %		Доля в импорте, %		Рост доли, число раз	
	1995	2024	1995	2024	в экспорте	в импорте
1	2	3	4	5	6	7
Продовольствие	2,6	3,9	1,9	**9,1⁺**	1,49	4,67
Руды и металлы:	1,8	5,1	3,1	**33,5***	2,85	10,80
Медная руда и концентрат	0,1	0,0	4,4	**61,7**	0,00	13,94
Металлы						
Железо и сталь	3,3	16,7	4,0	6,4*	5,08	1,62
Цветные металлы	1,8	9,0	2,4	**15,9***	5,03	6,69
Медь	1,2	6,8	3,8	**28,6***	5,78	7,58
Никель	0,4	11,72	0,6	**11,74***	26,48	18,96
Алюминий	0,9	12,8	2,2	6,1*	13,52	2,71
Цинк	4,8	0,6	2,3	**8,6**	0,13	3,69
Олово	15,4	7,3	1,8	**10,7***	0,47	5,76
Топливо:	1,4	1,8	1,4	**16,6**	1,28	12,28
Уголь	7,4	1,7	0,3	**25,5**	0,24	91,79
Нефть и её продукты	1,1	1,9	1,5	**15,8**	1,79	10,30
Химическая продукция:	1,9	9,1	3,3	7,6*	4,82	2,28
Полимеры этилена	0,1	2,4	8,8	**20,8**	17,37	2,37
Синтетический каучук	0,6	7,6	4,4	**30,3***	11,70	6,87
Парфюмерия и косметика (без мыла)	0,7	5,01	0,1	**10,2***	7,00	87,86
Медицинская и фармацевтическая продукция	2,2	2,3	0,5	**4,4⁺**	1,08	8,13
Машины и транспортные средства:	1,6	20,5	2,7	9,6*	12,71	3,51
Электроника, не вкл. части и компоненты	3,6	36,8	0,8	7,1*	10,34	8,52
Части и и компоненты электрических и электронных изделий	1,8	22,2	3,0	18,3*	12,19	6,05
Энергогенерирующее оборудование	1,2	11,0	2,6	4,9⁺	9,10	1,87
Сельскохозяйственные машины (без тракторов) и части	0,3	12,9	1,1	1,2	44,89	1,07
Электрические машины	2,1	22,0	2,3	18,1*	10,71	7,97
Пассажирский моторный транспорт	0,0	9,4	0,4	3,9⁺	676,54	9,85
Ж.-д. транспорт/оборудование	0,9	11,6	2,5	2,3	12,80	0,91
Авиакосмическое оборудование	0,2	2,6	2,3	5,7⁺	12,89	2,47
Суда	2,3	29,8	5,8	0,8	12,85	0,13
Инструменты и приборы для медицинских и др. целей	0,9	9,3	0,8	5,6*	10,50	6,85

Примечание: заливка: 3-й и 5-й столбцы: светлая — при значениях от 5 %, средняя — от 10 %, тёмная — от 20 %; 7-й столбец: тёмная — когда по темпу роста доли импорт превысил экспорт, светлая — экспорт превысил импорт, но его доля выросла тоже значительно (более чем в 1,5 раза).

В 5-м столбце: «*» — случаи, где как в экспорте, так и в импорте 2024 г. — существенная доля (от 5 %); «⁺» — где в 2024 г. из остальных случаев значение различается не более чем в 2,5 раза; шрифтом выделены случаи, когда доля в импорте выше доли в экспорте.

Источник: рассчитано авторами по данным: UNCTADstat. (2025, 15 October). Merchandise: Trade Matrix — Annual. URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix (дата обращения: 27.01.2026).

гает у строительства 9,7 % (Ленинградская область), агропромышленного комплекса — 18,7 % (Красноярский край), производства химической продукции — 15,0 % (Новгородская область), металлов и изделий из них — 30,0 % (Вологодская область), добычи полезных ископаемых — 24,4 % (Красноярский край), у производства кокса, нефтепродуктов, резиновых и пластмассовых изделий — 10,5 % (Республика Башкортостан)[1]. В российской экономике осуществляется производство и других товаров, по которым у Китая значителен не только экспорт, но и импорт (табл. 1), к примеру, автотранспорта; медицин-

[1] Рассчитано авторами по: Регионы России. Росстат. (2024). Социально-экономические показатели Российской Федерации: Статистический сборник (Табл. 13.5). URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 28.01.2026).

ского оборудования; планируется развивать также производство самолётов. И в ряде отраслей, согласно публикациям на веб-сайтах органов власти и в СМИ, инвестиционное взаимодействие с Китаем имеет перспективы. Учитывая отраслевое разнообразие импортного спроса Китая и экспортной специализации российской экономики, можно сделать вывод о том, что любые потенциальные сферы российско-китайского инвестиционного взаимодействия соответствуют одновременно и импортному спросу Китая, и экспортной специализации российской экономики.

Таким образом, пересечение валового импортного интереса Китая и производственной специализации (т. е. сильных сторон) российских регионов показывает, что к отраслевым нишам возможной активизации российско-китайского торгово-экономического обмена (который может дорасти в том числе до инвестиционного, как показывают публикуемые данные) могут быть отнесены практически все отрасли, в которых Китай может быть заинтересован создавать совместные производства. Следовательно, решающим для выбора здесь должен являться интерес российской экономики. При этом для России актуально развитие технологий, т. е. отрасли целесообразно развивать в режиме новой наукоёмкой экономики.

Исследовательские ниши российско-китайского научного сотрудничества как исходное звено инвестиционного взаимодействия

Как отмечено ранее, инвестиционное взаимодействие России и Китая начинается с поиска и выбора исследовательских ниш, участники которых генерируют новое востребованное сторонами знание, что предопределило актуальность анализа их научного сотрудничества в форме совместных научных публикаций. Так, за 2020–2025 гг. общий объем результатов российско-китайских исследований с участием авторов, аффилированных с организациями из индустриально развитых регионов РФ, увеличился на 226 %: в 2015–2019 гг. представлено 11213 научных публикаций, индексированных в Scopus, а в 2020–2025 гг. — 25394 публикаций (1-й шаг исследования) (табл. 2).

С большим отрывом от прочих субъектов РФ лидируют по включенности в экспорт знания, сгенерированного совместно Россией и Китаем, Ленинградская (5,9 %), Свердловская (3,02 %), Челябинская (2,36 %) области, Красноярский край (2,11 %), Республика Башкортостан (1,98 %), при этом доля всех в совокупности индустриально развитых регионов в 2015–2019 гг. составляла лишь 22 %, а в 2020 — 2025 гг. она снизилась до 18 % на фоне существенного роста совместной публикационной активности (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг индустриально развитых регионов по включенности в экспорт знания, сгенерированного совместно Россией и Китаем

Table 2

Industrial Regions Ranked by Involvement in Russian-Chinese Knowledge Export

Рейтинг	Субъект + % обр. промышл. в ВРП	Export knowledge 2015–2019	Топ стран, участвующих в создании знания в рамках коллаборации Россия — Китай 2015–2019	Export knowledge 2020–2025	Топ стран, участвующих в создании знания в рамках коллаборации Россия — Китай 2020–2025	Включенность регионов в экспорт знаний в рамках сотрудничества Россия-Китай, %
1	Ленинградская область (29,4 %)	1281	США — 99 % Германия — 95 % Италия — 95 %	880	США — 96 % Германия — 93 % Великобритания — 93 %	5,90
2	Свердловская область (25,7 %)	324	США — 31 % Германия — 14 % Бразилия — 12 %	780	Индия — 17 % Германия — 11 % Саудовская Аравия — 13 %	3,02
3	Челябинская область (27,7 %)	86	США — 35 % Индия — 19 % Германия — 14 %	779	Саудовская Аравия — 16 % Индия — 14 % Иран — 14 %	2,36
4	Красноярский край (30,38 %)	220	Германия — 20 % США — 16 % Швеция — 13 %	552	Германия — 14 % США — 13 % Швеция — 11 %	2,11
5	Республика Башкортостан (29,1 %)	137	США — 24 % Великобритания — 20 % Австралия — 19 %	588	Германия — 14 % США — 13 % Франция — 11 %	1,98
6	Нижегородская область (26,2 %)	220	Германия — 66 % Великобритания — 62 % США — 60 %	329	США — 30 % Австралия — 29 % Германия — 28 %	1,50

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Рейтинг	Субъект + % обр. промышл. в ВРП	Export knowledge 2015–2019	Топ стран, участвующих в создании знания в рамках коллаборации Россия — Китай 2015–2019	Export knowledge 2020–2025	Топ стран, участвующих в создании знания в рамках коллаборации Россия — Китай 2020–2025	Включенность регионов в экспорт знаний в рамках сотрудничества Россия-Китай, %
7	Пермский край (27,9 %)	19	Германия — 32 % Бельгия — 26 % Великобритания — 21 %	172	Австралия — 8 % Иран — 6 % Индия — 4 %	0,52
8	Владимирская область (35,1 %)	43	Великобритания — 30 % США — 28 % Италия — 26 %	138	Великобритания — 15 % Германия — 12 % США — 12 %	0,49
9	Ярославская область (27,5 %)	17	Индия — 53 % Франция — 35 % Германия — 29 %	66	США — 67 % Бразилия — 29 % Мексика — 27 %	0,23
10	Омская область (25,2 %)	9	Италия — 44 % Бразилия — 33 % Испания — 33 %	73	США — 40 % Германия — 37 % Великобритания — 37 %	0,22
11	Рязанская область (25,3 %)	21	Португалия — 76 % Индия — 24 % Германия — 9 %	52	Португалия — 54 % Германия — 13 % Великобритания — 12 %	0,20
12	Новгородская область (37,4 %)	23	США — 61 % Украина — 13 % Беларусь — 9 %	45	США — 38 % Беларусь — 11 % Германия — 7 %	0,19
13	Архангельская область (25,2 %)	11	Великобритания — 55 % Австралия — 45 % Франция — 45 %	46	Италия — 37 % США — 37 % Франция — 33 %	0,16
14	Липецкая область (40,3 %)	5	Австралия - 20 %	28	Южная Корея - 21 % Австрия - 4 % Финляндия - 4 %	0,09
15	Тульская область (41,4 %)	5	Германия — 60 % Бразилия — 40 % Хорватия — 40 %	18	Индия — 33 % Австралия — 17 % Австрия — 17 %	0,06
16	Мурманская область (25,6 %)	6	Финляндия — 83 % Германия — 83 % Индия — 83 %	12	Бельгия — 33 % Германия — 33 % Великобритания — 33 %	0,05
17	Вологодская область (43,7 %)	8	Нет данных	7	Венгрия — 14 % Киргизия — 14 % Швеция — 14 %	0,04
18	Калужская область (39,1 %)	7	Япония - 71 % США - 71 % Австралия - 43 %	6	Великобритания — 33 % США — 33 % Вьетнам — 33 %	0,04
19	Кировская область (25,4 %)	4	Бельгия — 25 % Бразилия — 25 % Болгария — 25 %	7	США — 43 % Франция — 29 % Германия — 29 %	0,03
20	Чувашская Республика (26,4 %)	6	Австралия — 17 %	4	Аргентина — 25 % Австрия — 25 % Чили — 25 %	0,03

Источник: составлено авторами по данным: Scopus (Elsevier). URL: https://www.scopus.com (дата обращения: 15.01.2026). Доля обрабатывающей промышленности в ВРП рассчитана по: Регионы России. Росстат. (2024). Социально-экономические показатели Российской Федерации: Статистический сборник. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 28.01.2026).

Большинство анализируемых регионов усилили научную международную активность в рамках коллаборации «Россия-Китай». Лидеры с высокими стартовыми объемами экспорта знаний — Челябинская область (+805,8 %), Пермский край (+805,2 %), Республика Башкортостан (+329 %), Красноярский край (+151 %) и Свердловская область (+140 %). По интенсивности экспорта совместного знания только четыре региона показывают снижение: Вологодская (–12,5 %), Калужская (–14,3 %) и Ленинградская (–31,3 %) области и Чувашская Республика (–33,3 %) (табл. 2).

Стоит отметить, что новое знание создавалось не только в рамках взаимодействия России и Китая, но и с участием других сильных игроков инновационного развития, среди которых нельзя не отметить таких ведущих российских партнеров, как США, Германия, Великобритания, Италия и Франция. Это говорит о высоком уровне создаваемых совместно разработок идей и о включенности российского научного сообщества в глобальное исследовательское сотрудничество в целом. В 2015–2025 гг. состав стран — ведущих партнеров, участвующих в российско-китайских коллаборациях, у индустриально развитых регионов меняется (исключение — Красноярский край) (табл. 2).

По показателю средней цитируемости одной статьи, опубликованной и индексируемой в Scopus в 2020 г. (2-й методический шаг) (табл. 3), лидерами стали Омская, Кировская, Нижегородская и Ярославская области, однако у всех субъектов РФ отмечается снижение средней цитируемости за последние пять лет относительно 2015–2019 гг.

Обусловлено это разрывами в темпах роста публикуемых материалов и объемом цитирования. Такой дисбаланс свидетельствует о снижении научной влиятельности российско-китайского знания. В то же время, наиболее информативен показатель по всему интервалу.

Калужская, Чувашская и Вологодская области тут также оказались замыкающими, что позволяет предположить, что их специализация не связана с низко- или среднетехнологичными переделами, в которых НИОКР не играют доминирующей роли Также в целом наблюдается слабая отрицательная корреляция между средней цитируемостью экспортного знания и долей обрабатывающей промышленности ($r = -0{,}45$).

Рейтингование индустриально развитых регионов по индексу Хирша публикаций (3-й шаг оценки) (табл. 4) показало, что в 2015–2025 гг. регионы с наибольшими кластерами востребованности, интересными для международного научного сообщества, — Челябинская и Ленинградская области, Красноярский край, Свердловская и Нижегородская области, Республика Башкортостан. Они обладают промышленным и научным лидерством, которое сказывается на уровне инновационной активности субъектов хозяйствования, а сами регионы с учетом локализованных на их территориях производств представляют научно-производственные хабы. Замыкающими оказались Кировская, Вологодская и Калужская области, а также Чувашская Республика, положение которых обусловлено двумя предыдущими показателями.

Таблица 3

Рейтинг индустриально развитых регионов по влиятельности экспортируемого знания

Table 3

Industrial Regions Ranked by the Influence of Exported Knowledge

Рейтинг	Субъект РФ	Средняя цитируемость одной публикации 2015–2019 гг.	Средняя цитируемость одной публикации 2020–2025 гг.	Средняя цитируемость одной публикации 2015–2025 гг.
1	Омская область	394,56	44,01	219,29
2	Кировская область	418,25	9,29	213,77
3	Нижегородская область	326,08	68,04	197,06
4	Ярославская область	198,53	2,98	100,76
5	Тульская область	144,6	46,17	95,39
6	Пермский край	174,89	11,99	93,44
7	Республика Башкортостан	148,89	31,67	90,28
8	Рязанская область	146,43	6,00	76,22
9	Красноярский край	76,98	25,82	51,40
10	Мурманская область	59,17	37,08	48,13
11	Челябинская область	58,63	33,95	46,29
12	Ленинградская область	64,08	26,69	45,39
13	Архангельская область	43,64	17,89	30,77
14	Свердловская область	36,91	23,14	30,03
15	Владимирская область	38,07	10,64	24,36
16	Липецкая область	32,4	13,04	22,72
17	Новгородская область	11,96	10,91	11,44
18	Калужская область	10,43	8,67	9,55
19	Чувашская Республика	7,33	8,25	7,79
20	Вологодская область	5,38	7,43	6,41

Источник: составлено авторами по данным: Scopus (Elsevier). URL: https://www.scopus.com (дата обращения: 15.01.2026).

Таблица 4

Рейтинг индустриально развитых регионов по кластерной востребованности российско-китайского знания

Table 4

Industrial Regions Ranked by the Cluster Demand for Russian-Chinese Knowledge

Рейтинг	Субъект РФ	Индекс Хирша публикаций 2015–2019 гг.	Рейтинг	Субъект РФ	Индекс Хирша публикаций 2020–2025 гг.
1	Ленинградская область	129	1	Челябинская область	84
2	Нижегородская область	80	2	Ленинградская область	71
3	Красноярский край	72	3	Красноярский край	63
4	Свердловская область	54	4	Свердловская область	61
5	Республика Башкортостан	47	5	Нижегородская область	55
6	Челябинская область	28	6	Республика Башкортостан	51
7	Владимирская область	16	7	Пермский край	26
8	Новгородская область	11	8	Владимирская область	19
9	Ярославская область	10	9	Ярославская область	18
10	Пермский край	9	10	Омская область	18
11	Архангельская область	8	11	Архангельская область	12
12	Рязанская область	8	12	Новгородская область	11
13	Омская область	6	13	Рязанская область	11
14	Мурманская область	6	14	Липецкая область	9
15	Тульская область	5	15	Тульская область	7
16	Кировская область	4	16	Мурманская область	6
17	Чувашская Республика	4	17	Вологодская область	4
18	Вологодская область	4	18	Калужская область	4
19	Калужская область	3	19	Кировская область	3
20	Липецкая область	3	20	Чувашская Республика	3

Источник: составлено авторами по данным: Scopus (Elsevier). URL: https://www.scopus.com (дата обращения: 15.01.2026).

В рамках 4-го методического шага индустриально развитые регионы типологизированы по четырем критериям (табл. 5):

— научные лидеры российско-китайского взаимодействия — регионы, авторы которых генерируют знания мирового уровня и активно притягивают в коллаборации иностранных исследователей. Их идеи широко цитируются по всему миру, в целом у этих территорий — максимальные значения всех трех анализируемых показателей;

— активные экспортеры знания — регионы, авторы которых производят в рамках коллабораций «Россия — Китай», в том числе и с другими зарубежными исследователями, значимые экспортируемые знания, имеющие тематический интерес у мирового научного сообщества;

— пассивные экспортеры знания — регионы, авторы которых слабо представлены в МНБ Scopus, не являются доминирующими соавторами, ориентированы в большей степени на импорт знаний со стороны китайского научного сообщества, чем на экспорт в рамках научных коллабораций;

— дискретные экспортеры знаний — регионы, публикационная активность авторов которых ориентирована на случайную или неустоявшуюся генерацию и экспансию знания, созданного российско-китайскими творческими коллективами, или реализуется в изданиях с низкой международной видимостью (других международных научных базах, не в Scopus).

Полученная типологизация индустриально развитых регионов дополнительно позволяет оценить их включенность в научное сотрудничество с китайской стороной в целом. Наиболее сильными игроками оказались Челябинская, Свердловская, Ленинградская, Нижегородская области, Красноярский край и Республика Башкортостан. Данные регионы способны стать локомотивами коллабораций, создающими востребованное знание на мировой арене, т. е. пул этих регионов обладает высоким инвестиционным потенциалом трансформации знания в отраслевые проекты российско-китайского сотрудничества.

Результаты третьего этапа исследования, интегрирующего результаты предыдущих методических шагов, представлены в формате выводов и рекомендаций в заключительном разделе данной статьи.

Обсуждение и выводы

В качестве основных выводов, интегрирующих результаты двух методических этапов, можно отметить, что Китай — один из крупнейших экспортёров, но одновременно и импортёров в целом ряде отраслей, а следовательно, заинтересован в развитии международного внутриотраслевого обмена, который может перейти в форму инвестиционного сотрудничества по причине

Таблица 5

Типология индустриально развитых регионов по статусу экспортера знания

Table 5

Typology of Industrial Regions by Knowledge Exporter Status

Субъект РФ	Интенсивность потока экспортного знания	Влиятельность экспортного знания	Кластерная востребованность экспортного знания	Статус экспортера знания	Включенность региона в российско-китайское научное сотрудничество
Челябинская область	1	3	1	Научные лидеры российско-китайского взаимодействия	Высокая
Свердловская область	1	3	1		
Ленинградская область	1	3	1		
Красноярский край	1	3	1		
Республика Башкортостан	1	2	2		
Нижегородская область	2	1	2		
Пермский край	2	2	2	Активные экспортеры	Средняя
Ярославская область	3	1	3		
Омская область	3	1	3		
Рязанская область	3	2	3	Пассивные экспортеры	Низкая
Архангельская область	3	3	3		
Владимирская область	2	4	3		
Кировская область	4	1	4		
Тульская область	4	2	4		
Новгородская область	3	4	3		
Мурманская область	4	3	4	Дискретные экспортеры	Очень низкая
Вологодская область	4	4	4		
Калужская область	4	4	4		
Чувашская Республика	4	4	4		
Липецкая область	4	4	4		

Источник: составлено авторами на основе таблиц 2–4.

наличия ёмкого рынка и санкционных ограничений со стороны западных стран на торговлю с РФ. Индустриально развитые российские регионы характеризуются производственной специализацией (т. е. сильными сторонами) в отраслях, продукция которых востребована Китаем. В ряде из этих отраслей накоплен опыт торгово-экономического и научно-исследовательского сотрудничества. Эти соответствия образуют перспективные ниши приложения совместных инвестиций России и Китая, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Критерием, определяющим выбор приоритетных исследовательских ниш для инвестиционной поддержки и рыночной реализации, является двусторонний интерес рассматриваемых сверхдержав. Необходимо учитывать риски, связанные с тем, что экономика Китая крупнее. При взаимодействии для России необходимы гарантии, обеспечение доли в капитале за российскими инвесторами, особенно при использовании российских природных ресурсов, защита интеллектуальной собственности, локализация и размещение совместных производств на российской территории, учёт национальных приоритетов российской экономики при согласовании отраслей для производственно-инвестиционного сотрудничества.

В ходе выявления регионально-отраслевых точек российско-китайского научного сотрудничества в завершение предлагается сопоставить статусы региональных экспортеров знаний с нишами генерации научных знаний, которые при условии лидерских рейтинговых позиций регионов могут перерасти в инвестиционные российско-китайские проекты как наиболее существенные разработки, в которых заинтересовано не только российское, но и мировое научное сообщество. Данное сопоставление позволяет выделить профили индустриально развитых регионов, сформировавшиеся в рамках двусторонних коллабораций, и систематизировать научные макрониши для реализации международных проектов с учетом научных специализаций территорий, а также тематик журналов, индексированных в МНБ Scopus, в которых опубликованы результаты совместных исследований в исследовательский период:

— «Физика и химия материалов»: Свердловская, Челябинская области, Красноярский край, Новгородская область (изучение фундаментальных свойств);

— «Инженерное материаловедение»: Башкортостан, Владимирская, Липецкая области (изучение конструкционных свойств);

— «Фундаментальная физика»: Ленинградская, Нижегородская области (физика частиц, астрофизика);

— «Химия жидкости и механика»: Пермский край (механика, жидкости, изучение нефти);

— «Биомедицина»: Ярославская область (токсикология), Чувашия (ортопедия);

— «Экология Арктики»: Архангельская, Мурманская области (экосистемы, анализ биоразнообразия);

— «Узкая специализация в рамках естественных наук»: Тульская (микология), Рязанская (физика поверхности), Калужская (ядерная физика) области;

— «Математика и информатика»: Вологодская область[1].

Выявленные ниши не только доказывают гипотезу исследования, но и обусловливают усиление конкурирования региональных научно-исследовательских школ РФ на национальном и мировом уровне за инвестиционные потоки и активизацию, в том числе инновационного потенциала, с целью укрепления взаимовыгодного российско-китайского партнерства.

Синтез полученных результатов позволяет определить пути развития российско-китайского инвестиционного взаимодействия: продолжение существующих совместных научных исследований и инициирование новых, с совместным патентованием и внедрением результатов; включение Россией и Китаем результатов своих НИОКР во взаимные презентации своего кооперационного потенциала; приглашение в проекты сотрудничества российских и китайских научно-образовательных учреждений — их индустриальных партнёров; проработка федеральными органами власти целесообразности и возможности организации единого окна поддержки для российских научных школ в развитии сотрудничества с китайскими коллегами; для научно-технологических разработок, которые получили высокую научную оценку, но пока не востребованы в российской экономике: поиск возможностей производственной обкатки с привлечением китайских партнёров; содействие бизнес-коммуникации российских и китайских инновационных предприятий, которые могли бы скооперироваться; локализация совместного экспортоспособного производства России и Китая на их территориях или в странах Большой Евразии и Африки.

Таким образом, в результате проведенного исследования разработан методический подход к выявлению типов региональных экспортеров знания и исследовательских ниш российско-китайского научного сотрудничества, имеющих инвестиционный потенциал рыночной реализации. Научная новизна и значимость результатов исследования заключаются в расширении подхода к определению этапов инвестиционного взаимодействия между Россией и Китаем за счёт усиления фокуса на выявлении потенциальных исследовательских ниш, учитывающего научно-исследовательскую и отраслевую специализацию индустриально развитых российских регионов, их опыт международного научного сотрудничества и параметры экспорта знаний в Китай, а также импортный спрос Китая. Особенностью авторского методического подхода служит применение наукометрического инструментария, который ограниченно используется другими авторами при оценке потенциала инвестиционного взаимодействия. Данный методический элемент исследования позволил разработать типологию индустриальных регионов, отражающую их характеристику как экспортеров знаний и включенность в научное сотрудничество с Китаем, имеющее потенциал формировать перспективные исследовательские ниши. Выявленные тематические научные профили регионального сотрудничества служат потенциальными направлениями реализации российско-китайских инвестиционных проектов.

Дальнейшее авторское исследование будет направлено на расширение пула показателей, характеризующих научное российско-китайское сотрудничество, для более глубокого анализа формирующихся исследовательских ниш, а также точное выявление степени соответствия/несоответствия экспортируемого знания специализации индустриальных регионов, что позволит идентифицировать дополнительные региональные точки межстранового инвестиционного взаимодействия.

[1] Составлено авторами по данным: Scopus (Elsevier). URL: https://www.scopus.com (дата обращения: 15.01.2026).

Список источников

Андреева, Е. Л., Глухих, П. Л., Красных, С. С. (2020). Оценка влияния процессов цифровизации на развитие технологического экспорта регионов России. *Экономика региона, 16* (2), 612–624. https://doi.org/10.17059/2020-2-21

Афанасьев, С. Н., Фадеев, А. М. (2025). Российско-китайское технологическое партнерство в Арктике на примере проекта «Ямал СПГ». *Арктика и инновации, 3* (1), 33–41. https://doi.org/10.21443/3034-1434-2025-3-1-33-41

Баринова, В. А., Земцов, С. П., Леваков, П. А. (2024). Россия и Китай: мотивы, возможности и риски научно-технологического сближения. *Экономическая политика, 19* (3), 118–153. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-3-118-153

Бредихин, А. В., Нейматова, А. Я. (2025). Проблемы и перспективы российско-китайского экономического сотрудничества. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 30* (30), 260–275. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.98.60.017

Воронцова, Н. А. (2023). Сравнительный анализ фармацевтической промышленности России и Китая. Перспективы сотрудничества. *Российско-китайские исследования, 7* (2), 181–190. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(2).181-190

Гулемин, А. Н. (2024). Международное научно-техническое сотрудничество России в области информационных технологий. *Российское право: образование, практика, наука,* (5), 49–57. https://doi.org/10.34076/2410-2709-2024-143-5-49-57

Колончин, К. В., Коцюк, Д. В. (2024). О развитии российско-китайских научных исследований в области рыбного хозяйства в бассейне реки Амур. *Вопросы рыболовства, 25* (4), 107–112. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-4-107-112

Лаврикова, Ю. Г., Бодрунов, С. Д., Акбердина, В. В., Коровин, Г. Б. (2024). Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов. *Экономическое возрождение России,* (1(79)), 5–24. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24

Петров, А. В., Байнова, М. С., Жаркын, Ж. (2022). Особенности осуществления российских и китайских прямых инвестиций в Казахстан. *Пространственная экономика, 18* (1), 148–167. https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.148-167

Ревенко, Н. С. (2023). Российско-китайское инвестиционное сотрудничество: состояние и перспективы. *Российский внешнеэкономический вестник,* (6), 30–43. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-6-30-43

Сухоручкина, И. Н., Сухоручкина, А. А. (2024). Информационное обеспечение научно-технического сотрудничества Российской академии наук и Китайской академии наук в рамках БРИКС. *Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы,* (10), 31–41. https://doi.org/10.36535/0548-0019-2024-10-4

Ульянова, М. Ю. (2024). Механизмы научно-технического сотрудничества России и Китая в новую эпоху. *Проблемы Дальнего Востока,* (2), 34–47. https://doi.org/10.31857/S0131281224020039

Doan, N. T. & Mai, H. G. (2025). Trade credit and global value chains. *International Economics and Economic Policy, 22,* 27. https://doi.org/10.1007/s10368-025-00653-z

Jiang, M., Kim, E., & Liu, H. (2026). Global value chain participation: a sub-national analysis of regional backward and forward linkages in China, Japan, and South Korea. *International Economics and Economic Policy, 23,* 6. https://doi.org/10.1007/s10368-025-00700-9

Katz, J. S., & Hicks, D. (1997). How much is a collaboration worth? A calibrated bibliometric model. *Scientometrics, 40,* 541–554. https://doi.org/10.1007/BF02459299

Kaur, S., Kumar, P., & Ansari, M. A. (2024). An analysis of Indian FDI inflows through an augmented gravity model: exploring new insights. *International Economics and Economic Policy, 21,* 435–455. https://doi.org/10.1007/s10368-024-00594-z

Moed, H. F. (2005). *Citation analysis in research evaluation.* Dordrecht: Springer, 348. https://doi.org/10.1007/1-4020-3714-7

Park, S., & Park, I. (2026). Foreign direct investment restrictions in services and the comparative advantage of manufacturing. *Open Economies Review.* https://doi.org/10.1007/s11079-025-09849-x

Rigo, D. (2021). Global value chains and technology transfer: new evidence from developing countries. *Review of World Economics, 157,* 271–294. https://doi.org/10.1007/s10290-020-00398-8

Roeger, W. & Welfens, P. J. J. (2022). The macroeconomic effects of import tariffs in a model with multinational firms and foreign direct investment. *International Economics and Economic Policy, 19,* 245–266. https://doi.org/10.1007/s10368-022-00538-5

Schmoch, U., & Schubert, T. (2008). Are international co-publications an indicator for quality of scientific research? *Scientometrics, 74* (3), 361–377. https://doi.org/10.1007/s11192-007-1818-5

Van Raan, A. F. J. (1998). The influence of international collaboration on the impact of research results. *Scientometrics, 42* (3), 423–428. https://doi.org/10.1007/BF02458380

Verastegui, A., Gómez-Gutiérrez, O. A., Pérez-Huerta, L., Castaneda, R., & Fabiani, M. A. (2025). The economic basis of global cardiovascular research: Analysing the impact of research & development and health expenditure. *Scientometrics, 130* (9), 4899–4914. https://doi.org/10.1007/s11192-025-05423-x

Wagner-Döbler, R. (2001). Continuity and discontinuity of collaboration behavior since 1800 — from a bibliometric point of view. *Scientometrics, 52* (3), 503–517. http://dx.doi.org/10.1023/A:1014208219788

Ye, X., Liang, W., Yu, Z., Guan, H., & Liu, H. (2025). Evolutionary mechanisms of global AI collaborative innovation networks: evidence from patent data. *Scientometrics, 130* (10), 5695–5729. https://doi.org/10.1007/s11192-025-05433-9

References

Afanasev, S. N. & Fadeev, A. M. (2025). Sino-Russian Technological Partnership in the Arctic on the Example of Yamal LNG Project. *Arktika i Innovatsii [Arctic and Innovations], 3* (1), 33–41. https://doi.org/10.21443/3034-1434-2025-3-1-33-41 (In Russ.)

Andreeva, E. L., Glukhikh, P. L. & Krasnykh, S. S. (2020). Assessing the Impact of the Digitalization Processes on Technological Export of the Russian Regions. *Ekonomika Regiona [Economy of Region], 16* (2), 612–624. https://doi.org/10.17059/2020-2-21 (In Russ.)

Barinova, V. A., Levakov, P. A. & Zemtsov, S. P. (2024). Russia and China: Motives, Opportunities, and Risks of Technological Partnership. *Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy], 19* (3), 118–153. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2024-3-118-153 (In Russ.)

Bredikhin, A. V. & Neymatova, A. Ya. (2025). Problems and Prospects of Russian-Chinese Economic Cooperation. *Kitai v Mirovoi i Regional'noi Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 30* (30), 260–275. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.98.60.017 (In Russ.)

Doan, N. T. & Mai, H. G. (2025). Trade Credit and Global Value Chains. *International Economics and Economic Policy, 22,* 27. https://doi.org/10.1007/s10368-025-00653-z

Gulemin, A. N. (2024). International Scientific and Technical Cooperation of Russia in the Sphere of Information Technologies. *Rossiiskoe Pravo: Obrazovanie, Praktika, Nauka [Russian Law: Education, Practice, Researches],* (5), 49–57. https://doi.org/10.34076/2410-2709-2024-143-5-49-57 (In Russ.)

Jiang, M., Kim, E., & Liu, H. (2026). Global Value Chain Participation: A Sub-National Analysis of Regional Backward and Forward Linkages in China, Japan, and South Korea. *International Economics and Economic Policy, 23,* 6. https://doi.org/10.1007/s10368-025-00700-9

Katz, J. S., & Hicks, D. (1997). How Much is a Collaboration Worth? A Calibrated Bibliometric Model. *Scientometrics, 40,* 541–554. https://doi.org/10.1007/BF02459299

Kaur, S., Kumar, P., & Ansari, M. A. (2024). An Analysis of Indian FDI Inflows Through an Augmented Gravity Model: Exploring New Insights. *International Economics and Economic Policy, 21,* 435–455. https://doi.org/10.1007/s10368-024-00594-z

Kolonchin, K. V., & Kotsiuk, D. V. (2024). On the Development of Russian-Chinese Scientific Research in the Field of Fisheries in the Amur River Basin. *Voprosy Rybolovstva [Fisheries Issues], 25* (4), 107–112. https://doi.org/10.36038/0234-2774-2024-25-4-107-112 (In Russ.)

Lavrikova, Yu. G., Bodrunov, S. D., Akberdina, V. V., & Korovin, G. B. (2024). Digital Transformation of the Economy: Pecularities of Industrialized Regions. *Ekonomicheskoe Vozrozhdenie Rossii [Economic Revival of Russia],* (1(79)), 5–24. https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24 (In Russ.)

Moed, H. F. (2005). *Citation Analysis in Research Evaluation.* Dordrecht: Springer, 348. https://doi.org/10.1007/1-4020-3714-7

Park, S., & Park, I. (2026). Foreign Direct Investment Restrictions in Services and the Comparative Advantage of Manufacturing. *Open Economies Review.* https://doi.org/10.1007/s11079-025-09849-x

Petrov, A. V., Baynova, M. S., & Jiaerheng, J. (2022). Features of Russian and Chinese Direct Investments in Kazakhstan. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics], 18* (1), 148–167. https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.148-167 (In Russ.)

Revenko, N. S. (2023). Russia-China Investment Cooperation: Current State and Prospects. *Rossiiskii Vneshneekonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (6), 30–43. https://doi.org/10.24412/2072-8042-2023-6-30-43

Rigo, D. (2021). Global Value Chains and Technology Transfer: New Evidence from Developing Countries. *Review of World Economics, 157,* 271–294. https://doi.org/10.1007/s10290-020-00398-8

Roeger, W. & Welfens, P. J. J. (2022). The Macroeconomic Effects of Import Tariffs in a Model with Multinational Firms and Foreign Direct Investment. *International Economics and Economic Policy, 19,* 245–266. https://doi.org/10.1007/s10368-022-00538-5

Schmoch, U., & Schubert, T. (2008). Are International Co-Publications an Indicator for Quality of Scientific Research? *Scientometrics, 74* (3), 361–377. https://doi.org/10.1007/s11192-007-1818-5

Sukhoruchkina, I. N., & Sukhoruchkina, A. A. (2024). Information Support for Scientific and Technical Cooperation between the Russian Academy of Sciences and the China Academy of Sciences within BRICS. *Nauchno-Tekhnicheskaya Informatsiya. Seriya 1: Organizatsiya i Metodika Informatsionnoi Raboty [Scientific and Technical Information. Series 1: Organization and Technique of Information Work],* (10), 31–41. https://doi.org/10.36535/0548-0019-2024-10-4 (In Russ.)

Ulyanova, M. Yu. (2024). Mechanisms of Scientific and Technical Cooperation between Russia and China in the New Era. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs],* (2), 34–47. https://doi.org/10.31857/S0131281224020039. (In Russ.)

Van Raan, A. F. J. (1998). The Influence of International Collaboration on the Impact of Research Results. *Scientometrics, 42* (3), 423–428. https://doi.org/10.1007/BF02458380

Verastegui, A., Gómez-Gutiérrez, O. A., Pérez-Huerta, L., Castaneda, R., & Fabiani, M. A. (2025). The Economic Basis of Global Cardiovascular Research: Analysing the Impact of Research & Development and Health Expenditure. *Scientometrics, 130* (9), 4899–4914. https://doi.org/10.1007/s11192-025-05423-x

Vorontsova, N. A. (2023). Comparative Analysis of Pharmaceutical Industry of Russia and China. Prospects for Cooperation. *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya [Russian and Chinese Studies], 7* (2), 181–190. https://doi.org/10.17150/2587-7445.2023.7(2).181-190 (In Russ.)

Wagner-Döbler, R. (2001). Continuity and Discontinuity of Collaboration Behavior Since 1800 — From a Bibliometric Point of View. *Scientometrics, 52* (3), 503–517. http://dx.doi.org/10.1023/A:1014208219788

Ye, X., Liang, W., Yu, Z., Guan, H., & Liu, H. (2025). Evolutionary Mechanisms of Global AI Collaborative Innovation Networks: Evidence from Patent Data. *Scientometrics, 130* (10), 5695–5729. https://doi.org/10.1007/s11192-025-05433-9

Информация об авторах

Мыслякова Юлия Геннадьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57190430830; Researcher ID: B-6076-2018; https://orcid.org/0000-0001-7635-3601 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: mysliakova.ug@uiec.ru).

Ратнер Артем Витальевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 59113051000; https://orcid.org/0000-0001-7173-5328 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

Тарасов Анатолий Григорьевич — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, центр региональных компаративных исследований, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 57195681073; https://orcid.org/0000-0002-0768-5140 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: tarasov.ag@uiec.ru).

About the authors

Yuliya G. Myslyakova — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57190430830; Researcher ID: B-6076–2018; https://orcid. org/0000-0001-7635-3601 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: mysliakova.ug@uiec. ru).

Artem V. Ratner — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 59113051000; https://orcid.org/0000-0001-7173-5328 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ratner.av@uiec.ru).

Anatoly G. Tarasov — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research Associate, Centre for Regional Comparative Studies, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 57195681073; https://orcid.org/0000-0002-0768-5140 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: tarasov.ag@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 11.02.2026. Received: 11 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 06.04.2026. Reviewed: 06 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-15
УДК 339.9:338.45(510)
JEL F23, L62

OPEN ACCESS CC BY 4.0

А. В. Кузнецов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Российская Федерация

Укрепление позиций китайского автопрома в странах ЕАЭС: важны ли прямые инвестиции?[1]

Аннотация. Автомобилестроение давно играет важную роль в экономике, причем неоднократно существенно меняло характер своей интернационализации. Китай вырвался на первое место по производству, но еще не закрепил лидерство ни в экспорте автомашин, ни тем более в их заграничном выпуске. Уход с российского рынка в 2022–2023 гг. многих западных инвесторов создал дополнительные возможности для китайского автопрома. В тот же период КНР повсеместно открыто сменила характер зарубежной экспансии. В статье ставится цель показать на примере автопрома стран ЕАЭС, как фактически на постсоветском пространстве проявляется новая специфика китайских компаний, которые авторитетные исследователи иностранных инвестиций были склонны все-таки считать особой формой традиционных транснациональных (многонациональных) корпораций. Только КНР в силу своего политического устройства и в целом успешного на фоне опыта иных стран развития под социалистическими лозунгами государственного капитализма смогла подчинить задачи зарубежной экспансии бизнеса логике модернизации и ускорения развития национальной экономики. На основе ранее разработанной автором методики оценки мирохозяйственных связей на постсоветском пространстве показано, что Китай быстро использовал открывшееся для него в России в 2022 г. геополитическое окно возможностей, чтобы упрочить международные позиции своего легкового автомобилестроения. При этом лишь на втором плане в этой стратегии оказалось использование прямых инвестиций, традиционно воспринимаемых как «высшая форма» интернационализации фирмы. В статье это объясняется их инерционностью по сравнению с товарным экспортом, а также поддержкой на государственном уровне в КНР внешнеэкономической активности всех производителей автомашин, в том числе не готовых вкладывать капитал за границей. Рассмотренный процесс может стать первым ярким примером проявления особой природы интернационализации китайского бизнеса даже в сравнении с компаниями-инвесторами из стран Глобального Юга с сильной ролью государства в экономике.

Ключевые слова: китайские ТНК, автомобилестроение, зарубежная экспансия КНР, прямые иностранные инвестиции, ЕАЭС, российский рынок автомобилей

Для цитирования: Кузнецов, А. В. (2026). Укрепление позиций китайского автопрома в странах ЕАЭС: важны ли прямые инвестиции? *Экономика региона, 22*(3), 681–695. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-15

[1] © Кузнецов А. В. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Alexey V. Kuznetsov
Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russian Federation

Strenthening the Position of Chinese Automotive Industry in EAEU Countries: Are Direct Investments Important?

Abstract. The automotive industry has long played an important role in the economy, and has repeatedly significantly changed the nature of its internationalization. China has taken the first place in terms of production, but has not yet consolidated its leadership in the export of cars, much less in their production abroad. The withdrawal of many Western investors from the Russian market in 2022–2023 created additional opportunities for the Chinese automotive industry. During the same period, China openly changed the nature of its foreign expansion everywhere. The article examines the automotive industry in the EAEU countries to explore how the distinctive features of Chinese companies' internationalization are manifested in the post-Soviet space. The analysis contributes to the debate on whether Chinese firms should be viewed primarily as a specific form of traditional transnational (multinational) corporation or as a distinct model of internationalizing business shaped by China's institutional and political environment. The study argues that China's model of state capitalism has enabled the international expansion of Chinese companies to be closely linked to broader national economic modernization objectives. Drawing on a methodology previously developed by the author for analysing world economic relations in the post-Soviet space, the article examines the expansion of Chinese automotive companies in the EAEU, with particular attention to developments in Russia following 2022. Chinese automotive companies rapidly expanded their presence in the Russian market as the restructuring of international economic relations created new opportunities for foreign suppliers. At the same time, direct investment, which is traditionally regarded as one of the most advanced forms of internationalization, has played a relatively limited role in this expansion. Instead, market entry has relied primarily on exports and other forms of commercial cooperation, supported by state policies in China that facilitate the international activities of domestic automobile manufacturers, including firms that are not yet prepared to undertake substantial overseas investment. The findings suggest that this pattern may represent an important manifestation of the distinctive character of Chinese business internationalization. Compared with investment-led internationalization by firms from other emerging economies with a strong state role in the economy, the Chinese model appears to combine state support, for international activities and selective foreign investment in a particularly flexible manner. The automotive sector in the EAEU therefore provides an illustrative case for examining how this model operates under conditions of geopolitical and geoeconomic transformation.

Keywords: Chinese MNEs, automotive industry, Chinese expansion abroad, FDI, EAEU, Russian car market

For citation: Kuznetsov, A. V. (2026). Strenthening the Position of Chinese Automotive Industry in EAEU Countries: Are Direct Investments Important? *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 681–695. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-15

Введение

Автомобилестроение привлекает интерес исследователей мировой экономики уже на протяжении нескольких десятилетий, что вполне объяснимо. Во-первых, на эту комплексную отрасль приходится свыше 7 % мирового товарного экспорта[1] и 6 % глобальной добавленной стоимости в промышленности[2]. С учетом тесных межотраслевых связей производство легковых автомобилей, грузовиков и автобусов можно без преувеличения считать одной из ключевых отраслей мировой экономики.

Во-вторых, интернационализация автомобилестроения сопряжена с вложением существенных объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Так, за 2016–2025 гг. в среднем на автомобилестроение приходилось более 2 % ПИИ, связанных со слияниями и поглощениями, причем почти 6 % величины ПИИ в обрабатывающей промышленности. Роль отрасли при строительстве иностранными инвесторами новых заводов еще выше — 6 % ПИИ в проекты с нуля (или свыше 14 % таких ПИИ в обрабатывающей промышленности). Более того, по итогам 2025 г. автомобилестроение представляют три из 10 и шесть из 25 крупнейших нефинансовых ТНК мира (или, как теперь становится принято писать, многонациональных

[1] Расчет для 2025 г. по данным ITC Trade Map для группы 87 товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности, занимающей 4-е место среди всех групп на основе двузначных кодов. URL: https://www.trademap.org/en/goods/trade-indicators/exports/c/000/c/000/p/ALL/byProduct/2/direct/table (дата обращения: 05.06.2026).

[2] В 2024 г. Международное энергетическое агентство оценивало вклад производства автомобилей в 1 % мирового ВВП и 6 % глобальной добавленной стоимости в промышленности. URL: https://www.iea.org/reports/what-next-for-the-global-car-industry/the-global-car-industry-in-context (дата обращения: 05.06.2026). При учете выпуска всех комплектующих легковых и грузовых автомобилей, автобусов и других колесных транспортных средств, по некоторым оценкам, вклад автомобилестроения доходит до 3 % глобального ВВП, а у ряда стран-лидеров доля автопрома в ВВП составляет 5–10 %.

корпораций), ранжированных по величине зарубежных активов[1].

В-третьих, производство автомобилей, будучи довольно наукоемкой отраслью, где расходы на НИОКР к выручке в среднем у компаний превышают 4 % (Веревка, 2020, с. 178–179), динамично реагирует на ключевые нововведения, в частности цифровизацию, технологии энергосбережения, достижения материаловедения и др. (Пасько, 2019). В результате в автомобильной промышленности постоянно перестраиваются принципы работы, включая географию бизнеса. Так, в XXI в. произошла очередная смена страны-лидера — на фоне затяжного кризиса перепроизводства в автомобилестроении большинства развитых стран выросло значение автомобильных компаний стран Глобального Юга, а на первое место по объемам производства автомобилей вышел Китай (хотя по масштабам экспорта он все еще уступает Германии). При этом автомобилестроительные ТНК используют самые разные способы захвата зарубежных рынков — и экспорт через собственные сбытовые сети, и использование независимых торговых посредников, и различные формы переноса производства, включая организацию собственных дочерних структур, и развитие стратегических альянсов независимых мультибрендовых отраслевых гигантов (Пасько, 2014).

В-четвертых, будучи товаром массовым, к тому же обладающим элементами престижности в случае некоторых классов легковых автомашин, автомобили оказываются значимым объектом войн санкций, которые обострились в последнее время на фоне трансформации мироустройства. Кроме того, именно автомобилестроение даже в странах с большой приверженностью рыночной экономике нередко оказывалось объектом активной государственной политики (Батяева, Егоров, 2025).

В России с развитием автомобилестроения всегда связывали успехи индустриализации и модернизации, причем в большинстве случаев прогресс в отрасли осуществлялся не без иностранного участия. Его характер в разные периоды, особенно советской эпохи, был очень разным. Однако и в России после 1991 г. можно выделить, на наш взгляд, несколько совершенно разных периодов. Так, в XXI в. отечественные автомобили на рынке были существенно потеснены продукцией иностранных ТНК (подробнее см. (Баронина, 2016)). С началом специальной военной операции (СВО) на Украине по политическим мотивам западные ТНК свернули производство в России, открыв новую страницу истории автопрома в нашей стране с резко увеличившимся значением Китая, хотя первые китайские ТНК осуществили ПИИ в российский автопром еще в 2010-е гг.

Разумеется, в таких условиях есть немало авторов, выпустивших в последние годы статьи и даже монографии по теме интернационализации автомобилестроения, в том числе применительно к России и другим странам ЕАЭС. Особо отметим процитированных выше авторов двух профильных кандидатских диссертаций по мировой экономике последних 15 лет — А.В. Пасько и Ю.А. Баронину. Следует отметить и работу представляющих один из японских университетов С. Таджиева и П.-И. Донзе, которые дали характеристику развития автопрома в пяти постсоветских странах в 1991–2019 гг., то есть как раз вплоть до последних отраслевых шоков в связи с пандемией COVID-19 и началом СВО на Украине. В частности, ими показано, что третье по значению среди союзных республик автомобилестроение Белоруссии стагнировало, а Казахстану за 2003–2019 гг. не удалось создать с нуля полноценную конкурентоспособную отрасль (Tadjiev & Donze, 2021).

Появились уже и публикации о трансформации российского автомобилестроения в связи с политическими процессами, вызванными войной санкций России с Западом на фоне СВО на Украине (Курдин и др., 2024; Милякин и др., 2025; Минаков, 2026). Вышли в свет даже ряд статей о специфике китайских автомобильных компаний на российском рынке в современных геополитических условиях (Волгина, Луговская, 2024; Lugovskaya & Volgina, 2025) и китайском автопроме в Казахстане, правда, лишь с охватом горизонта 2022–2023 гг. (Tjia, 2026).

Вместе с тем, следует отметить несколько крупных исследовательских лакун даже в такой популярной теме, на заполнении которых мы и решили сосредоточиться в этой статье. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что при изучении автопрома крен делается в сторону производства легковых автомобилей, при том, что на российских рынках грузовиков и автобусов позиции китайских компаний явно слабее, т. е. ученые недоучитывают имеющиеся у китайских ТНК ограничения для наращивания внешнеэкономической активности. Кроме того, в большинстве исследований недооценивается географический фактор — как в части предпочтений китайскими автомобилестроителями конкретных российских регионов при осуществлении ПИИ, так и при анализе более сложных стратегий внешнеэкономической деятельности

[1] United Nations Conference on Trade and Development. (2026). World Investment Report 2026: Annex Tables 9, 15, 19. URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir26_tab09.xlsx; https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir26_tab15.xlsx; https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir26_tab19.xlsx (дата обращения: 07.07.2026).

китайского бизнеса, охватывающего весь интеграционный контур ЕАЭС, а не только Россию. Наконец, необходимо учитывать, что происходящая трансформация мироустройства по причине усиления политического влияния на внешнеэкономические связи оказывает воздействие и на характер стратегий интернационализации китайского бизнеса, причем эмпирический материал России позволяет уточнять специфику китайских ТНК, которая явно наблюдалась и до 2020-х гг.

Теоретическая основа исследования

К началу 2000-х гг. при изучении мировой экономики и международного бизнеса сложилась довольно стройная теоретическая рамка для анализа зарубежной экспансии бизнеса (см., например, (Ietto-Gillies, 2019)). В ее основе лежали работы Джона Даннинга и его британских и американских коллег, а для изучения специфики регионального распределения ПИИ можно было опираться на пласт концепций, связанных с описанием поэтапной интернационализации компаний (подробнее см. (Кузнецов, 2016)). Вместе с тем, подъем сначала южнокорейских и некоторых других азиатских, а затем российских ТНК поставил вопрос о необходимости не просто существенной корректировки имеющихся теоретических подходов, а разработки специального теоретического объяснения ТНК стран Глобального Юга. В частности, корректировки хорошо известной концепции пути инвестиционного развития национальных экономик, созданной в рамках парадигмы Дж. Даннинга, уже с трудом могли объяснить китайский случай (Narula & Dunning, 2010).

Мощное укрепление в 2010-е гг. китайского бизнеса за рубежом, причем далеко не всегда связанное с классическими формами осуществления ПИИ, делало данную задачу все более актуальной. Достаточно напомнить, что еще в конце 2010 г. накопленные ПИИ Китая за рубежом составляли 317 млрд долл. (менее 1,5 % глобального объема ПИИ), причем КНР уступала даже России с показателем 336 млрд долл. Зато к концу 2025 г. накопленные китайские ПИИ достигли 3,58 трлн долл. (7,8 % глобального объема ПИИ). Для сравнения: это почти в 14 раз больше нынешнего объема российских ПИИ, бум которых в первом десятилетии XXI в. крайне интересовал экспертов, изучавших международный бизнес. При этом наращивание китайских ПИИ в последние годы обеспечивается все больше за счет частных компаний, особенно действующих в высокотехнологичных секторах и автомобилестроении[1].

Такой вывод авторов ежегодного Доклада о мировых инвестициях ЮНКТАД может создать иллюзию сближения китайских ТНК с классическими по мере роста зрелости в стране процессов интернационализации бизнеса, как это уже происходило с Республикой Корея, Россией и другими «новичками» экспорта ПИИ. На фоне очень большого количества научных публикаций о феномене китайских ПИИ, на наш взгляд, следует выделить пионерную работу известного эксперта Питера Бакли с коллегами (Buckley et al., 2007), а также более позднюю статью видного специалиста Рави Рамамурти (Ramamurti & Hillemann, 2018), в которых очевидные отклонения в поведении китайских ТНК все-таки вписываются в контекст имеющихся теоретических представлений о зарубежной экспансии современного бизнеса. Так, Р. Рамамурти объяснение китайской специфики зарубежной бизнес-экспансии сводит к четырем причинам: уже упомянутые нами начальные стадии интернационализации бизнеса в КНР, изменившийся по сравнению с XX в. контекст глобализации (а с ним и формы ПИИ), наличие государственной поддержки (которая, однако, была и у ТНК других стран, но не в столь явной форме), а также преимущества догоняющего развития.

Вместе с тем, на наш взгляд, роль государства в современном Китае особенная. Разумеется, представленная самыми разными инструментами поддержка экспорта ПИИ, хотя и не такая распространенная, как стимулирование импорта ПИИ, существует давно во многих как развитых, так и развивающихся странах (Buckley et al., 2010; Gorynia et al., 2015). Можно вспомнить, что в ФРГ еще в 1960–1970-е гг. стремление наверстать отставание от Великобритании и Франции в области ПИИ, вызванное потерей Германией колоний после Первой мировой войны и конфискацией ПИИ по итогам Второй мировой войны (с запретом на зарубежную экспансию западногерманских ТНК до середины 1950-х гг.) было сопряжено с государственной поддержкой ПИИ отечественного бизнеса. Это действительно позволяло «перескакивать» через первые этапы интернационализации частным фирмам, особенно при их проникновении в страны Глобального Юга, но не ломало общей логики зарубежной экспансии. В Японии также и государственная поддержка, и способность частных фирм отказываться в чужеродной заграничной среде от взаимной конкуренции ради совместного снижения информационных барьеров стимулировали экспансию ПИИ в 1970–1980-е гг. Однако и это лишь искажало, но не меняло основные принципы «эффекта соседства» и «иерархически-волновой» диффузии ПИИ в пространстве. Наверное, Советский Союз мог бы продемонстрировать не-

[1] United Nations Conference on Trade and Development. (2026). World Investment Report 2026. International Investment in a Turbulent Era. Geneva: United Nations, 225.

стандартную модель экспорта капитала. Однако так называемые «красные ТНК» были немногочисленны, и СССР занимал по накопленным за рубежом ПИИ место в конце третьей десятки (Россия даже после санкционных потерь находится сейчас выше), так что бум российских ПИИ пришелся уже на вполне стандартные условия рыночной экономики 2000-х гг.

Напротив, как показывает исследование 331 статьи о стратегиях и операциях китайских ТНК за 2001–2022 гг., проведенное недавно международной командой, сохраняющееся институциональное своеобразие Китая, не дрейфующего к западным стандартам, ярко отражается на специфике экспансии китайских фирм (Tse et al., 2024). В итоге речь идет не об искажении государственным влиянием поведения отдельных китайских ТНК, а о подчиненности характера внешнеэкономической деятельности конкретных китайских ТНК, будь то подконтрольных государству или частных, более общим задачам развития китайской экономики. В отличие от стран Запада или даже стран Глобального Юга с сильным влиянием государства на экономику, в КНР речь идет о полномасштабной системе экономического регулирования, направление которого определяется в условиях политического господства Коммунистической партии Китая и декларируемого социалистического пути развития страны, где преобладают черты государственного капитализма[1]. Более того, КНР стремится с помощью нестандартных методов захватить лидерские позиции в мировой экономике, включая ее самые современные отрасли. Так, в 2023 г. руководитель страны Си Цзиньпин официально объявил о новой концепции «производительных сил нового качества», в которую органично были вписаны и известная инициатива «Один пояс — один путь», и стратегия «двойной циркуляции». Фактически КНР использует и иностранные ТНК на своей территории, и продвижение собственных компаний за рубежом для проведения радикальной модернизации национальной экономики и снижения ее зависимости от внешних игроков (Калашников, 2025).

Даже освоение китайцами ресурсов и захват рынков Центральной Азии и других соседних государств (по-видимому, и России) все большее количество экспертов увязывают именно с конкретными задачами регионального развития в самой КНР. На стратегическом уровне высшее политическое руководство КНР формулирует доктринальные основы, на политико-институциональном уровне эти установки переводятся в плоскость межгосударственных отношений, причем обычно китаецентричного формата, а на исполнительном уровне за непосредственную реализацию проектов отвечает «национальная команда» акторов, включая профильные госорганы, подконтрольные государству корпорации, выполняющие политические установки китайские банки и суверенные фонды. Указанная модель выходит за рамки простой формулы «политика ведет экономику» и функционирует как «мягкое проектное управление» (Сенюк и др., 2025). При этом иностранцы могут не замечать отдельные элементы действительно нестандартной китайской модели бизнес-экспансии, принимая их за более понятные зарубежным партнерам образцы.

Таким образом, изучая современную специфику выхода на внешние рынки китайского автопрома, надо исходить из того, что конкретные шаги отдельных ТНК, успехи конкретных подотраслей автомобилестроения, выбор производителями ставки на экспорт продукции или осуществление ПИИ в России или других странах ЕАЭС, региональные предпочтения китайских инвесторов внутри Российской Федерации могут быть подчинены более масштабным задачам развития китайской экономики. Иначе говоря, факты о конкретных китайских компаниях автомобилестроения надо не только и не столько сопоставлять с поведением конкурентов из других стран, но обязательно помещать в общекитайский контекст.

Методы исследования

Отмеченное нами проявление в 2020-е гг. шаткости теоретического фундамента для анализа экспансии китайских компаний за рубежом сочетается с ненадежностью статистики о мирохозяйственных связях, особенно китайских, причем на постсоветском пространстве. Это довольно типичная для многих задач по мировой экономике проблема, именно поэтому мы два года назад сформулировали важность так называемого гетеродоксального подхода, избегающего опоры на жесткие математические модели, но сохраняющего очень внимательную работу со статистикой. Фактически использование разнородной и часто ненадежной статистики вынуждает полагаться лишь на приближен-

[1] В Китае принято говорить о «социализме с китайской спецификой». За пределами Китая, по крайней мере в русскоязычном пространстве, эксперты склонны называть это «государственным капитализмом», причем японский исследователь М. Саката, чьи труды более двух десятилетий назад были переведены на русский язык в Санкт-Петербургском государственном университете, приписывал авторство этого термина В. И. Ленину, который применил его впервые к Советской России, подчеркивая временный режим перехода к полноценному социализму (Саката, 2003). В переведенной уже в 2020-е гг. работе американского профессора также утверждается о наличии государственного капитализма в современном Китае (Кэмпбелл, 2022), и таких примеров можно привести еще множество.

ные вычисления, а также выявление трендов, подтверждаемых при опоре даже на противоречащие друг другу источники информации (Кузнецов, 2024). Такой подход исходит из того, что проблемы со статистикой проистекают из-за намеренного сокрытия каких-то данных (например, из-за угрозы применения западных санкций) либо неспособности собрать нужные сведения со всех компаний, при том что первичная корпоративная статистика не фальсифицируется (а если и есть редкие намеренные искажения, то их профессионал может выявить, поскольку искажения имеют осознанные цели — например, завышение в отчетности стоимости зарубежного завода перед предполагаемой продажей).

Хотя мы делаем акцент на анализе ПИИ, следует исходить из того, что это один из многих видов внешнеэкономической деятельности, причем для китайских ТНК он может и не быть высшей стадией интернационализации бизнеса, как это обычно происходит у классических ТНК стран Запада. В этой связи надо начинать сбор информации с производственных показателей (которые публикуют как отдельные компании, так и отраслевые ассоциации, а также СМИ, использующие обрывочные сведения из разных, но часто весьма надежных источников), а также со статистики внешней торговли. В отсутствие в настоящее время надежной публичной национальной внешнеторговой статистики в России и Белоруссии, а также при больших сомнениях в отношении данных о постсоветском пространстве, обнародованных несколькими международными организациями, нами в качестве наиболее авторитетного источника рассматривается информация Международного торгового центра в Женеве (ITC Trade Map), полагающегося в случае нашей темы, скорее всего, на китайские первоисточники.

Оценка самих ПИИ осуществляется нами на основе разработанной несколько лет назад уникальной методики по оценке прямых инвестиций на пространстве Большой Евразии по заказу ЕАБР[1]. Не отвечая за корректность приводимых ЕАБР в более поздний период, в том числе в 2025 г., статистических данных[2], отметим, что до 2022 г. сведения о китайских проектах на постсоветском пространстве были нами с коллегами надежно верифицированы и доказуемо показывали существенно меньшие объемы китайских ПИИ, чем фиксировали, например, сами китайцы.

Результаты анализа ситуации в 2022–2025 гг.

Наше исследование позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, китайский автопром сначала захватил безоговорочное мировое лидерство по производству автомобилей, а уже потом начал существенно наращивать экспорт машин. Во-вторых, особенностью поведения китайских автомобилестроительных ТНК на рынках ЕАЭС является укрепление позиций без доминирования стратегии использования ПИИ. Дополнительная осторожность китайских инвесторов обусловлена угрозой вторичных санкций со стороны стран Запада за чрезмерную активность на российском рынке. В-третьих, государство в Китае имеет возможность содействовать выходу на рынки стран, где сложилась особенно благоприятная для китайского автопрома конъюнктурная ситуация, всех производителей, даже не готовых к полноценной глобальной экспансии. При этом для КНР продвижение национального бизнеса за границей в наибольшей мере, в сравнении с другими государствами, подчинено интересам развития внутренней экономики.

Движение Китая от статуса мирового лидера производства автомобилей к первому месту по их экспорту

Международная организация производителей автомобилей (OICA), не давая исчерпывающих сведений о производстве автомашин в Европе, наглядно показывает динамику по Китаю. Пандемия COVID-19 почти не затронула китайский автопром, за исключением выпуска автобусов (табл. 1). Стремительный рост выпуска легковых автомобилей в Китае начался в 2023 г., быстрый рост объемов производства наблюдался с 2022 г. в соседнем Казахстане, тогда как в России из-за войны санкций со странами Запада и ухода многих автомобильных ТНК, напротив, был зафиксирован спад производства в автомобилестроении, кроме выпуска автобусов. В этой связи примечательно, что еще на рубеже 2010–2020-х гг. подъем в автопроме конкурентоспособности Китая, причем медленный, специалисты связывали скорее с вытеснением иностранных партнеров на внутреннем рынке и успехом глобальной борьбы с западными ТНК лишь на новых сегментах, например, электромобилей, беспилотных систем управления автомашинами и т. д. (Teece, 2019). Не исключено, что успех в традиционных сегментах

[1] Кузнецов, А., Винокуров, Е. (Ред.), Малахов, А., Забоев, А. (2022). Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР — 2022. Москва: Евразийский банк развития, 46.

[2] С началом специальной военной операции на Украине ЕАБР сменил исследовательскую команду на иностранную, а фамилия автора на некоторых новых докладах оставлена руководителем проекта ЕАБР, чтобы, видимо, подчеркнуть преемственность использования методики, разработанной еще в ИМЭМО РАН и ИНИОН РАН (Винокуров, Е. (Ред.), Забоев, А., Кузнецов, А., Малахов, А., Омаров, А., Серик, Е. (2025). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Алматы: Евразийский банк развития, 46).

Таблица 1

Динамика производства автомобилей и автобусов в 2019–2025 гг. в ряде стран, тыс. шт.

Table 1

Dynamics of Automobile and Bus Production in 2019–2025 in Selected Countries, thousand units

Страна	Тип	Год						
		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Китай	Всего	25751	25225	26122	27021	30161	31282	34531
	Легковые	21390	19994	21445	23836	26124	27477	30270
	Тяжелые грузовики	2218	2976	2408	1249	1645	1656	2042
	Прочие грузовики	2002	2151	2174	1846	2298	2029	2092
	Автобусы	140,7	103,4	94,6	89,0	93,9	119,4	127,3
Россия	Всего	1720	1436	1567	609	730	979	854
	Легковые	1524	1261	1353	449	526	750	702
	Тяжелые грузовики	60	52	71	64	77	76	54
	Прочие грузовики	123	109	130	84	112	137	88
	Автобусы	13,9	13,5	14,0	12,0	14,4	15,9	9,8
Казахстан	Всего	49	75	92	113	147	145	171
	Легковые	44	65	81	103	134	134	159
	Все грузовики	4	8	11	8	10	8	9
	Автобусы	1,1	1,8	1,1	1,4	3,1	2,9	3,1
США	Всего	10893	8821	9157	10053	10639	10522	10244
	Легковые	2512	1924	1563	1704	1741	1425	1279
Япония	Всего	9685	8068	7837	7836	8999	8235	8410
	Легковые	8239	6960	6619	6566	7767	7139	7207
Индия	Всего	4524	3382	4399	5457	5852	6017	6491
	Легковые	3629	2837	3631	4439	4784	4991	5379
Германия	Всего	4947	3743	3309	3678	…	…	…
	Легковые	4664	3515	3096	3480	4109	4069	4149
Республика Корея	Всего	3951	3507	3462	3757	4244	4128	4102
	Легковые	3613	3212	3163	3438	3909	3849	3844

Источник: International Organization of Motor Vehicle Manufacturers. (n.d.). Production statistics. URL: https://oica.net/production-statistics/ (дата обращения: 05.06.2026). Сведения по Белоруссии после 2022 г. отсутствуют (до этого выпускалось 30–31 тыс. автомобилей, включая почти 9 тыс. тяжелых грузовиков), данные по Германии приведены без тяжелых грузовиков и автобусов, а по Индии — без сведений о нескольких заводах иностранных ТНК.

для Китая действительно был усилен как последствиями пандемии COVID-19, так и конъюнктурной ситуацией на рынках ЕАЭС вследствие начала СВО на Украине.

Второй мощный спад выпуска, накрывший российский автопром, случился уже в 2025 г., в том числе по причине общей экономической ситуации в стране. Конкурентное давление импортной продукции проявилось в меньшей степени, поскольку закупки в 2025 г., особенно грузовиков, также упали. Этот же 2025 г. был ознаменован для КНР новым массовым ростом выпуска, причем по всем позициям — от легковых автомобилей до тяжелых грузовиков и автобусов (за последние годы это случилось лишь однажды — в 2023 г.).

Динамика производства среди ключевых автомобилестроительных стран показывает более высокие показатели в развивающихся экономиках, где требуется удовлетворить растущий внутренний спрос. Например, темпы роста выпуска в индийском автомобилестроении в отдельные годы даже выше, чем в китайском. В этой связи следует отдельно рассмотреть, как изменялся экспорт из Китая по группе 87 товарной номенклатуры (табл. 2). После завершения пика пандемии COVID-19 Китай начал стремительно наращивать экспорт — к 2025 г. показатель удвоился всего за 4 года. При этом из 128 млрд долл. прироста по сравнению с 2021 г. на ЕАЭС пришлось лишь 19,2 млрд. Однако если сравнивать 2024 г. с 2021 г., то из общего прироста в 96 млрд долл. на ЕАЭС пришлось уже 29 млрд, т. е. 30 %, при том что в 2021 г. на эту интеграционную группировку приходилось менее 5 % китайского автомобилестроительного экспорта. С ЕАЭС в целом в 2021 г. были сопоставимы такие импортеры китайской автомобилестроительной продукции, как Мексика, Япония или Германия. Уже к 2024 г. отрыв ЕАЭС от них был огромный. В 2023–2024 гг. Россия была страной-лидером по экспорту китайской продукции товарной группы 87, обогнав даже США (при том, что в целом Россия не поднимается выше 7-го места среди рынков сбыта китайской продукции). Вместе с тем в 2025 г. экспорт Китая в Россию упал почти вдвое, тогда как в Казахстан, Киргизию и даже Армению устойчиво и существенно продолжал расти.

Таблица 2

Китайский экспорт товарной группы 87 (наземные транспортные средства, кроме железнодорожных и трамвайных, а также их части) в 2019–2025 гг., млн долл.

Table 2

Chinese Exports of Commodity Group 87 (Vehicles Other Than Railway or Tramway Rolling Stock, and Parts Thereof), 2019–2025, USD million

Страна-импортер	Год						
	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Все страны	74306	76224	120021	150235	192698	216061	248309
Рост к предыдущему году	–1 %	+2,6 %	+57,5 %	+25,1 %	+28,3 %	+12,1 %	+14,9 %
США	14311	14032	19120	19671	18291	20372	16742
Мексика	3956	3074	5097	7369	10164	12293	13909
Япония	4383	3929	5292	5348	6143	6476	6583
Германия	2771	3045	5285	5305	5649	6354	7272
Россия	2157	2123	4283	6296	22510	25487	13108
Казахстан	688	575	711	1161	2890	3539	4960
Кыргызстан	177	79	118	655	3156	3223	4233
Белоруссия	243	271	488	487	1733	2221	2180
Армения	11	15	31	56	61	196	278
ЕАЭС в целом	3276	3063	5631	8655	30350	34666	24759
Рост к предыдущему году в ЕЭАС	+30,1 %	–6,5 %	+83,8 %	+53,7 %	+250,7 %	+14,2 %	–28,6 %

Источник: International Trade Centre. (n.d.). List of Importing Markets for a Product Exported by China. URL: https://legacy.trademap.org/ (дата обращения: 05.06.2026).

Показательно, как менялся китайский экспорт автомобилестроительной продукции в страны ЕАЭС в более дробном разрезе, например, отдельно по легковым и грузовым автомобилям, а также в целом по деталям и узлам (табл. 3). Так, Россия оставалась лидером по закупкам готовых легковых автомобилей из Китая даже после спада показателя в 2025 г. (на 1-е место она вышла еще в 2023 г., ранее не всегда входя даже в топ-5), Кыргызстан поднялся на 9-е место, а Казахстан — на 11-е. В целом на ЕАЭС в 2024 г. приходилось 23,5 % экспорта из Китая по товарной группе 8703 (автомобили с числом мест до 10) против 7,7 % в 2021 г., однако в 2025 г. удельный вес интеграционной группировки сократился до 14,8 %.

Динамика российского импорта грузовиков из Китая также была примечательной. Если в 2021 г. Россия занимала 5-е место с долей 5,4 %, то уже в 2022 г. стала лидером, причем к 2023 г. удельный вес российского рынка для китайских экспортеров грузовиков вырос до 26,4 %. Однако в 2025 г. произошел спад — теперь Россия на 4-м месте с долей 5,3 %, т. е. даже ниже, чем до начала СВО на Украине (правда, часть грузовиков, возможно, поступает через другие страны ЕАЭС — таблица 3).

В то же время ни Россия, ни другие страны ЕАЭС существенно не выделялись все последние годы закупками китайских частей к автомобилям. Так, даже Россия занимала среди целевых стран-импортеров лишь 6–7-е места, что свидетельствует о предпочтении китайских производителей поставлять готовые автомобили, а не налаживать их выпуск в России, в том числе на предприятиях с китайскими ПИИ (ведь рост поставок отчасти связан и с техническим обслуживанием импортированных автомашин).

Причины осторожности китайских инвесторов в ЕАЭС

Необходимо признать, что война санкций России с Западом вызывает серьезные опасения потенциальных китайских инвесторов, которые опасаются вторичных санкций. Кроме того, и до начала СВО на Украине основной объем китайских ПИИ в России был связан с сырьевыми секторами, хотя были и исключения. ООО «Хавейл Мотор Мануфэкчуринг Рус» было зарегистрировано в Тульской области еще в 2014 г. Специализирующееся на выпуске кроссоверов и внедорожников подразделение одной из крупнейших китайских ТНК в автопроме Great Wall Motor было представлено своей продукцией в России с 2005 г., вело крупноузловую сборку на российских предприятиях с 2006 г., а с 2015 г. строило и в 2019 г. запустило собственный завод в Туле. Инвестиции тогда составили около 0,5 млрд долл., причем это был первый производственный проект с нуля у концерна Great Wall Motor за пределами КНР. Однако китайская ТНК сильно уступала германским, французским, южнокорейским и японским ТНК, также имевшим в тот период собственные автозаводы в России. Впоследствии были запущены дополнительные предприятия по производству узлов для автомобилей Haval с целью повышения уровня локализации производства в России на основе заключен-

Таблица 3

Китайский экспорт основных товарных групп автомобилестроения в страны ЕАЭС в 2021–2025 гг., млн долл.

Table 3

Chinese Exports of Major Automotive Commodity Groups to EAEU Countries, 2021–2025, USD million

Товарная группа	Страна-импортер	Год				
		2021	2022	2023	2024	2025
8703 — автомобили с числом место до 10	Россия	1518	1681	11658	15211	8463
	Кыргызстан	1	40	2179	2188	2981
	Казахстан	54	312	1580	1864	2860
	Белоруссия	299	331	1500	1875	1798
	Армения	>1	8	15	102	186
8708 — части автомобилей и тракторов	Россия	1423	1440	2050	2646	1950
	Кыргызстан	85	488	651	580	559
	Казахстан	269	338	365	521	640
	Белоруссия	132	121	120	149	148
	Армения	3	7	8	9	13
8704 — грузовики	Россия	355	1525	3071	2707	890
	Кыргызстан	12	19	57	89	187
	Казахстан	92	147	189	281	417
	Белоруссия	1	>1	10	23	30
	Армения	6	8	15	34	41

Источник: International Trade Centre. (n.d.). List of Importing Markets for a Product Exported by China. URL: https://legacy.trademap.org/ (дата обращения: 05.06.2026).

ного в 2020 г. специального инвестиционного контракта (СПИК) с Минпромторгом России. Это был первый китайский представитель автопрома, подписавший СПИК, в то время как все ведущие западные и восточноазиатские ТНК в России это сделали раньше, но ради налоговых льгот дочерняя структура Great Wall Motor обещала вложить 42,4 млрд р. в локализацию производства в России[1].

Китайские производители грузовиков, по-видимому, слишком осторожны в оценках своих перспектив на российском рынке. С одной стороны, они в последнее время занимают значимые позиции, хотя и уступая лидерство российским производителям грузовиков. Например, в сегменте легких коммерческих автомобилей (т. е. с полной массой до 3,5 т), где в 2025 г. продано 87,6 тыс. новых машин против 112 тыс. в 2024 г., по-прежнему доминирует отечественный бренд ГАЗ, за которым следуют Lada, УАЗ и Sollers. Однако замыкает пятерку китайский Foton с долей (по количеству единиц техники) в 2025 г. почти 2,5 %. В топ-10 входит также Dongfeng с удельным весом чуть больше 1 %, пропуская вперед даже такие марки, как германский Mercedes-Benz, японский Isuzu и южнокорейский Hyundai. В сегменте среднетоннажных грузовиков (по классификации Таможенного союза ЕАЭС, от 3,5 т до 12 т), которых в 2025 г. в России продано 12,3 тыс. штук против 22 тыс. в 2024 г., 2/3 пришлось на ГАЗ и КАМАЗ, однако дальше следовали китайские JAC, Donfeng и Foton (в сумме 21 %). Сегмент крупнотоннажных грузовиков в России в 2025 г. пережил самый существенный спад: с 102 тыс. в 2024 г. до 46,9 тыс. в 2025 г. Доля отечественного бренда КАМАЗ составила 30 %, однако далее следовали китайские Sitrak, Shachman и FAW. В топ-10 наряду с МАЗ и «Урал» входят также Howo, Sany, Dongfeng и JAC. В сумме на 7 китайских брендов в 2025 г. пришлось почти 48 % новых тяжелых грузовиков, проданных в России[2].

С другой стороны, китайские ПИИ не вложены в какой-либо полноценный завод по производству грузовиков в России, хотя такие предприятия в ряде стран Глобального Юга уже есть. Небольшие капиталовложения направлялись только в совместные сборочные заводы и сбытовую сеть, а после ухода в 2022 г. западных ТНК на их производственных площадках российскими компаниями начата сборка некоторых китайских грузовиков или моделей, являющихся их лицензионными модификациями. По-видимому, китайские ТНК останавливает сравнительно неудачный опыт первого вхождения на российский рынок (например, созданное еще в 2007 г. совместное сборочное предприятие в подмосковной Гжели через пару лет оказалось убы-

[1] Подробнее см., например: Ведомости. (2020, 25 сентября). Китайский Haval заключил СПИК о локализации производства в России. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/09/25/841260-kitaiskii-haval-zaklyuchil-spik-o-lokalizatsii-proizvodstva-v-rossii (дата обращения: 05.06.2026).

[2] Движок. (2026, 10 марта). Продажи грузовиков в России: итоги 2025 года и прогнозы на 2026-й. URL: https://dvizhok.su/komtrans/prodazhi-gruzovikov-v-rossii-itogi-2025-goda-i-prognozyi-na-2026-j (дата обращения: 05.06.2026).

точным) и довольно существенная конкуренция со стороны российских лидеров грузового автомобилестроения. Большую роль играет также негативная динамика на российском рынке в целом из-за вялой общеэкономической динамики в условиях ведения СВО на Украине и серьезной войны санкций с Западом. Однако надо признать, что скромные позиции китайских автомобилестроительных компаний в осуществлении ПИИ в России закономерным образом пока оставляют автопром за пределами глубокого анализа воздействия западных санкций на российско-китайские экономические связи (научные работы делают акцент на приоритетных сферах для ПИИ — например, (Umarov et al., 2024)).

Внутрикитайские причины специфики китайских ТНК

Если опираться на сделанные нами предположения о необходимости искать первопричины в логике развития самой китайской экономики, то для КНР сейчас важнее закрепиться на рынках легковых автомобилей, где они стали недосягаемым мировым лидером по производству, а не на рынках грузовиков. При этом захватить рынок России благодаря открывшемуся из-за политических событий окну возможностей проще с помощью самых простых способов внешнеэкономической активности, начиная с «серого» экспорта, косвенного экспорта через дилеров и дистрибьюторов или использования собственного сбытового филиала, требующего меньших ПИИ и сроков организации по сравнению с налаживанием в России полноценного производства. Более того, отсутствие большинства западных конкурентов позволяет китайским производителям зарабатывать на экспорте сверхприбыль, завышая цену на не слишком качественную продукцию[1].

Локализация сборки в странах ЕАЭС преимущественно без вложения значительных ПИИ происходит и у китайских производителей легковых автомобилей, причем от России не отличается и соседний Казахстан, который не испытывает санкционного давления Запада. Так, за 2022–2025 гг. в Астане построен на средства казахстанского бизнеса мультибрендовый завод полного цикла, который начал выпуск брендов нескольких ведущих китайских автомобилей. Двусмысленной может быть характеристика российского столичного завода «Москвич»: при наличии российского бренда по факту ведется крупноузловая сборка почти готовых легковых автомобилей, импортируемых из Китая. Однако партнерство с российским инвестором точно снижает риски. Например, провальным оказался сборочный китайский проект Xcite на площадке «Автозавод Санкт-Петербург» (до 2022 г. завод Nissan), который не проработал даже полутора лет, но усилиями в том числе российской стороны большинство произведенных фактических копий моделей Chery все-таки удалось на рынке сбыть. По-видимому, китайский автомобильный бизнес, осознавая свои слабые стороны, проявляет осторожность, захватывая постсоветские рынки без существенных капиталовложений. Кроме того, поддержка на государственном уровне в КНР внешнеэкономической деятельности всех производителей автомашин, в том числе не готовых вкладывать капитал за границей, привела почти к одномоментному появлению сразу десятков различных брендов в России. Многие только таким способом смогли заработать на открывшемся геополитическом окне возможностей, при том, что некоторые истории выхода на российский рынок оказались всё же провальными.

В итоге на рынке легковых автомобилей России, например, китайские бренды устойчиво занимают более половины. В 2025 г. продано 1,33 млн новых легковых автомобилей (против 1,57 млн в 2024 г.). Лидировал отечественный бренд Lada, хотя спад продаж для него оказался существенным (329,9 тыс. штук против 436,2 тыс. в 2024 г.). Далее следовали различные китайские бренды с очень разной динамикой — от небольшого спада у Haval (173,3 тыс. против 190,6 тыс.) до довольно глубокого спада у Chery (99,8 тыс. против 157,0 тыс.), Geely (94,0 тыс. против 149,1 тыс.) и Changan (66,2 тыс. против 106,1 тыс.).

Из новых брендов следует выделить Tenet (33,5 тыс. проданных автомобилей) — создан в 2025 г. китайской компанией Defetoo и российским холдингом «АГР» для производства на бывшей площадке Volkswagen в Калуге[2]. В 2026 г. эти же партнеры запустили на бывшем заводе General Motors в Шушарах выпуск машин под новым брендом Jeland[3]. Использование простаивающих мощностей облегчает продвижение на рынке китайских автомобилей, но слабо влияет на географию российского автопрома. Так,

[1] Мы не ставим здесь цель проводить техническое сопоставление различных автомобилей и уж тем более делать какие-либо выводы, которые могут использовать участники рынка — нами лишь отражается наиболее распространенное в России мнение, хорошо освещенное на страницах отраслевых журналов и в СМИ. В конце этого раздела приведены конкретные ссылки на социологические опросы.

[2] За рулем. (б. д.). На авторынке России — новые тренды: кто в лидерах? URL: https://www.zr.ru/content/articles/976986-smena-znaka/?ysclid=msno3l3sgg821711043 (дата обращения: 05.06.2026).

[3] Этот проект примечателен тем, что завод простаивал с 2015 г. — в 2021 г. площадку купила южнокорейская Hyundai, но из-за «войны санкций» ее проект также не был реализован после 2022 г.

в отличие от установления текущего контроля над более чем половиной российского рынка легковых автомобилей со стороны автопрома КНР, приход в 2000-е гг. западных ТНК, которые в итоге смогли сильно потеснить российских производителей, обеспечил создание несколько мощных новых автомобилестроительных кластеров (прежде всего в Калуге и Петербургской городской агломерации).

При этом подчеркнем, что лучшую динамику в 2025 г. на российском рынке легковых автомобилей в топ-10 показали Belgee (до 68,1 тыс. с 34,6 тыс.) — продукция совместного белорусско-китайского завода в Минской области (завод построен за 0,24 млрд долл. в 2012–2013 гг.), Solaris — созданная для обхода санкций модель южнокорейской компании Hyundai Motors (до 34,5 тыс. с 14,9 тыс.), а также Toyota (до 29,1 тыс. с 20,8 тыс.)[1].

В целом, на наш взгляд, такая политика китайского бизнеса несет в себе ощутимые риски. Хорошо известны нарекания российских потребителей к китайским автомашинам[2]. По данным ВЦИОМ, в начале 2024 г. по популярности автомобили китайских марок занимали лишь пятое место: японский автомобиль хотели бы приобрести 36 % россиян, российский — 33 %, немецкий — 32 %, южнокорейский — 22 %, а китайский — лишь 14 %. На основе полученных ответов можно выделить несколько ключевых преимуществ китайской продукции, причем лидирует доступность в широком смысле — в плане цены и присутствия на отечественном рынке, тогда как ключевые недостатки автомобилей китайских марок в представлении россиян — низкое качество (37 %), включая недолговечность, плохой металл, слабое лакокрасочное покрытие и др.[3] Однако при фактическом отсутствии выбора из-за войны санкций с Западом в лидеры вырывается именно продукция из КНР. Другой опрос, проведенный агентством «Автостат», подтверждает эти выводы: в середине 2024 г. 27,6 % опрошенных россиян не хотели покупать продукцию китайского автопрома ни при каких обстоятельствах, а почти столько же россиян рассказали, что буквально вынуждены покупать «китайцев» в отсутствие альтернатив[4].

Статистика 2025 г. показывает, что на фоне серьезного спада спроса положительную динамику демонстрируют не только ведущие для российского рынка южнокорейская и японская марки, но и вошедшие в топ-30 германские BMW, Mercedes-Benz и Volkswagen. Конечно, в сумме три немецких гиганта продали меньше 34 тыс. легковых автомобилей, что меньше индивидуальных показателей сразу пяти китайских компаний на российском рынке. Вместе с тем очевидно, что смягчение «санкционного» давления Запада на Россию может сильно ударить по китайскому бизнесу. Однако подчеркнем, что китайские производители легковых автомобилей используют конъюнктурное окно возможностей и уже сейчас на этом зарабатывают значительные средства. С учетом того, что экспансия любых отраслей в Китае, скорее всего, подчинена общей экономической стратегии развития всей страны, это может оказаться для КНР выгодным решением: полученные доходы будут впоследствии использованы в других макрорегионах мира, а возможно и для подъема новых перспективных отраслей китайской промышленности, что, разумеется, немыслимо для большинства классических автомобилестроительных ТНК, которые не связаны так тесно со своим государством.

Заключение

Говоря об исследовательских ограничениях в отношении полученных результатов, необходимо прежде всего отметить короткий временной период для анализа. Речь при этом идет не только о четырех годах острой фазы войны санкций России с коллективным Западом на фоне СВО на Украине, когда по политическим мотивам многие западные автомобильные ТНК быстро ушли из России, освободив «без боя» место китайским и другим конкурентам. В самой КНР в последнее время стала открыто реализовываться новая государственная политика в отношении внешнеэкономической деятельности китайского бизнеса, которая заставляет пересмотреть среди прочего взгляды на китайские ТНК лишь как на довольно своеобразный, но все-таки классический пример интернационализирующегося бизнеса. В этой связи сделанные нами выводы нередко носят предварительный характер: рассмотренный процесс может стать первым ярким примером проявления

[1] За рулем. (б. д.). На авторынке России — новые тренды: кто в лидерах? URL: https://www.zr.ru/content/articles/976986-smena-znaka/?ysclid=msno3l3sgg821711043 (дата обращения: 05.06.2026).

[2] Например: Ржавчина, глюки и поломки. Россияне массово жалуются на китайские авто. Что бесит их больше всего? Лента.ру. 25 марта 2025 г. URL: https://lenta.ru/articles/2025/03/25/auto/?ysclid=mtrtcy18tf846028548 (дата обращения: 05.06.2026); Проблемные места китайских автомобилей. Автомобильная социальная сеть. 1 марта 2024 г. URL: https://www.drive2.ru/o/b/669756239139325074/ (дата обращения: 05.06.2026).

[3] Китайский путь отечественного авторынка. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kitaiskii-put-otechestvennogo-avtorynka (дата обращения: 05.06.2026).

[4] Россияне рассказали, что не хотят покупать китайские авто, но им приходится. URL: https://auto.mail.ru/article/96833-rossiyane-rasskazali-chto-ne-hotyat-pokupat-kitajskie-avto-no-im-prihoditsya/?ysclid=mtrtxcwptq552428116 (дата обращения: 05.06.2026).

действительно особой природы интернационализации китайского бизнеса. Однако новые эмпирические данные во второй половине 2020-х гг. могут существенно уточнить складывающуюся картину.

Тем не менее, на основе нашего анализа становится очевидно, что рынок стран ЕАЭС используется китайскими производителями легковых автомобилей как плацдарм для зарубежной экспансии, призванный прежде всего преодолеть дисбаланс сравнительно недавнего выхода Китая на неоспоримо первое место в мире по выпуску автомашин (с долей в мире более 1/3), когда экспорт автомобилестроительной продукции у КНР оставался довольно скромный. Скорее всего «эффект соседства» и другие традиционные соображения отходят на второй план в условиях способности КНР быстро и гибко использовать открывшееся геополитическое окно возможностей на российском рынке. В частности, более осторожное поведение южнокорейских производителей в ходе войны санкций России с коллективным Западом могло вынудить Китай не стремиться к исходному закреплению на рынках близлежащих восточных российских регионов.

Ставка китайцами сделана лишь на продвижение своих легковых автомобилей, а ПИИ как более инерционный инструмент внешнеэкономической деятельности по сравнению с экспортом оказался на втором плане. Исходный выход китайцев с чрезмерным модельным рядом с последующей концентрацией на наиболее конкурентоспособных автомашинах также свидетельствует скорее о конъюнктурном решении на уровне всей отрасли (а возможно, всей КНР), нежели о совпадении мотивации у многочисленных китайских производителей автомобилей с самыми разными на данный момент возможностями освоения зарубежных рынков.

Список источников

Баронина, Ю. А. (2016). Иностранные инвестиции в российское автомобилестроение. *Мировая экономика и международные отношения, 60* (6), 61–69. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-61-69

Батяева, А. Е., Егоров, А. С. (2025). Трансформация автомобильной промышленности: кризис, смена лидеров и перспективы развития отрасли в России. *Экономика, предпринимательство и право, 15* (1), 377–396. https://doi.org/10.18334/epp.15.1.122354

Веревка, Т. В. (2020). Трансформация рынка автомобилестроения на основе цифровых инноваций. *Вопросы инновационной экономики, 10* (1), 173–188. https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100478

Волгина, Н. А., Луговская, Е. М. (2024). Китайские автомобильные компании на российском рынке: особенности проникновения и закрепления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика, 32* (2), 303–323. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-303-323

Калашников, Д. Б. (2025). Интернационализация экономики Китая: контуры нового ИКТ-индустриального центра мирового хозяйства. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 18* (3), 20–43. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.03.02

Кузнецов, А. В. (2024). Место исследований мировой экономики в гетеродоксальной аналитике евразийской интеграции. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 18* (3(49)), 15–25. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-15-25

Кузнецов, А. В. (2016). Особенности анализа географии зарубежных инвестиций транснациональных корпораций. *Балтийский регион, 8* (3), 30–44. https://doi.org/10/5922/2074-9848-2016-3-2

Курдин, А. А., Мелешкина, А. И., Федоров, С. И. (2024). Адаптация российской автомобильной отрасли к воздействию новых санкционных ограничений. Государственное управление. *Электронный вестник,* (106), 65–84. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-106-2024-65-84

Кэмпбелл, Э. (2022). НЭП, государственный капитализм, Ленин и Китай. *Альтернативы,* (2), 125–133. https://doi.org/10.5281/zenodo.6686958

Милякин, С. Р., Скубачевская, Н. Д., Мигаль, А. В. (2025). Рынок легковых автомобилей в России: история, текущее состояние и прогноз. *Проблемы прогнозирования,* (1), 137–150. https://doi.org/10.47711/0868-6351-208-137-150

Минаков, А. В. (2026). Оценка экспорта, импорта и производства легковых автомобилей в РФ. *Экономика и бизнес: теория и практика,* (2(132)), 159–166. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2026-2-159-166

Пасько, А. В. (2019). Мировое автомобилестроение в текущем ракурсе экономических отношений: проблемы адаптации. *Вестник Евразийской науки, 11* (4). URL: https://esj.today/PDF/13ECVN419.pdf (дата обращения: 05.06.2026).

Пасько, А. В. (2014). Особенности влияния глобализации на развитие мировой автомобильной промышленности. *Вестник университета,* (15), 59–62.

Саката, М. (2003). Государственный капитализм или авторитарный режим: к вопросу о сущности «социалистической рыночной экономики» в Китае. *Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 5,* (3), 77–86.

Сенюк, Н. Ю., Сабанцев, А. И., Козлова, Е. А. (2025). Стратегия Китая в Центральной Азии сквозь призму модели институционально управляемого соразвития. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 18* (4), 105–123. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.04.06

Buckley, P. J., Clegg, J. L., Cross, A. R., Liu, X., Voss, H., & Zheng, P. (2007). The determinants of Chinese outward foreign direct investment. *Journal of International Business Studies, 38* (4), 499–518. https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400277

Buckley, P. J., Clegg, J. L., Cross, A. R., & Voss, H. (2010). What can emerging markets learn from the outward direct investment policies of advanced countries? In K. P. Sauvant, G. McAllister, & W. A. Maschek (Eds.), *Foreign direct investments from emerging markets: The challenges ahead* (pp. 243–276). New York: Palgrave Macmillan.

Gorynia, M., Nowak, J., Trąpczyński, P., & Wolniak, R. (2015). Government support measures for outward FDI: An emerging economy's perspective. *Argumenta Oeconomica, 34* (1), 229–258.

Ietto-Gillies, G. (2019). *Transnational corporations and international production: Trends, theories and effects* (3rd ed.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 360.

Lugovskaya, E. M., & Volgina, N. A. (2025). Chinese automotive companies entering the Russian market. In S. M. Sultanova, N. U. Babakhanova, S. S. Shaumarov, & M. N. Masharipov (Eds.), *Sustainable development of transport: Economy, transformation, logistics and ESG agenda. Volume 1* (pp. 221–229). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-99028-1

Narula, R., & Dunning, J. H. (2010): Multinational enterprises, development and globalization: Some clarifications and a research agenda. *Oxford Development Studies, 38* (3), 263–287. http://dx.doi.org/10.1080/13600818.2010.505684

Ramamurti, R., & Hillemann, J. (2018). What is "Chinese" about Chinese multinationals? *Journal of International Business Studies, 49,* 34–48. https://doi.org/10.1057/s41267-017-0128-2

Tadjiev, S., & Donze, P.-Y. (2021). The development of the automotive industry in post-Soviet countries since 1991. *Eurasian Journal of Business and Management, 9* (2), 164–183. https://doi.org/10.15604/ejbm.2021.09.02.005

Teece, D. (2019). China and the reshaping of the auto industry: A dynamic capabilities perspective. *Management and Organization Review, 15* (1), 177–199. https://doi.org/ 10.1017/mor.2019.4

Tjia, L. Y. (2026). China's role in Kazakhstan's automotive sector: The complexity and complementarity of multi-vector state-to-state engagement and product diversification. *Competition & Change, 30* (1), 263–287. https://doi.org/10.1177/10245294251335097

Tse, C. H., Meyer, K. E., Pan, Y., & Chi, T. (2024). Evolution of MNE strategies amid China's changing institutions: A thematic review. *Journal of International Business Studies, 55,* 657–675. https://doi.org/10.1057/s41267-024-00715-5

Umarov, K., Mekhdiev, E., & Sokolova, E. (2024). The Russia-China economic partnership. *China and WTO Review, 10* (1), 116–126. https://doi.org/10.52152/cwr.2024.10.1.09

References

Baronina, Yu. A. (2016). Foreign Investment into Russian Automotive Industry. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 60* (6), 61–69. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-6-61-69 (In Russ.)

Batyaeva, A. E., & Egorov, A. S. (2025). Transformation of the Automotive Industry: Crisis, Leadership Change, and Prospects for Industry Development in Russia. *Ekonomika, Predprinimatel'Stvo i Pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 15* (1), 377–396 https://doi.org/10.18334/epp.15.1.122354 (In Russ.)

Buckley, P. J., Clegg, L. J., Cross, A. R., Liu, X., Voss, H., & Zheng, P. (2007). The determinants of Chinese outward foreign direct investment. *Journal of International Business Studies, 38* (4), 499–518. https://doi.org/10.1057/palgrave.jibs.8400277

Buckley, P. J., Clegg, J. L., Cross, A. R., & Voss, H. (2010). What Can Emerging Markets Learn from the Outward Direct Investment Policies of Advanced Countries? In K. P. Sauvant, G. McAllister, & W. A. Maschek (Eds.), *Foreign Direct Investments from Emerging Markets: The Challenges Ahead* (pp. 243–276). New York: Palgrave Macmillan.

Campbell, A. (2022). NEP, state capitalism, Lenin, and China. *Alternatives,* (2), 125–133. https://doi.org/10.5281/zenodo.6686958 (Transl. into Russ.)

Gorynia, M., Nowak, J., Trąpczyński, P., & Wolniak, R. (2015). Government Support Measures for Outward FDI: An Emerging Economy's Perspective. *Argumenta Oeconomica, 34* (1), 229–258.

Ietto-Gillies, G. (2019). *Transnational Corporations and International Production: Trends, Theories and Effects* (3rd ed.). Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, 360.

Kalashnikov, D. B. (2025). Internationalization of China's Economy: Outlines of a New ICT-industrial Core of the World System. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 18* (3), 20–43. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.03.02 (In Russ.)

Kurdin, A. A., Meleshkina, A. I., & Fedorov, S. I. (2024). Adaptation of Russian Automotive Industry to the Impact of New Sanctions. *Gosudarstvennoye Upravleniye. Elektronnyy Vestnik [Public Administration. E-journal],* (106), 65–84. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-106-2024-65-84 (In Russ.)

Kuznetsov, A. V. (2016). Framework for the Analysis of Geography of Transnational Corporations Investments Abroad. *Baltic Region, 8* (3), 22–32. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-3-2 (In Russ.)

Kuznetsov, A. V. (2024). The Place of World Economy Research in the Heterodox Analytics of Eurasian Integration. *Yevraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 18* (3(49)), 15–25. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2024-03-15-25 (In Russ.)

Lugovskaya, E. M., & Volgina, N. A. (2025). Chinese Automotive Companies Entering the Russian Market. In S. M. Sultanova, N. U. Babakhanova, S. S. Shaumarov, & M. N. Masharipov (Eds.), *Sustainable Development of Transport: Economy, Transformation, Logistics and ESG Agenda. Volume 1* (pp. 221–229). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-99028-1

Milyakin, S. R., Skubachevskaya, N. D., & Migal, A. V. (2025). The Passenger Car Market in Russia: History, Current Status and Forecast. *Studies on Russian Economic Development, 36* (1), 86–95. https://doi.org/10.1134/S1075700724700552 (In Russ.)

Minakov, A. V. (2026). Assessment of Export, Import and Production of Passenger Cars in the Russian Federation. *Ekonomika i Biznes: Teoriya i Praktika [Economy and Business: Theory and Practice],* (2(132)), 159–166. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2026-2-159-166 (In Russ.)

Narula, R., & Dunning, J. H. (2010): Multinational Enterprises, Development and Globalization: Some Clarifications and a Research Agenda. *Oxford Development Studies, 38* (3), 263–287. http://dx.doi.org/10.1080/13600818.2010.505684

Pasko, A. V. (2019). World Automotive Industry in the Current Foreshortening of the Economic Relations: Adaptation Problems. *Vestnik Yevraziyskoy Nauki [The Eurasian Scientific Journal], 11* (4). URL: https://esj.today/PDF/13ECVN419.pdf (Date of access: 15.07.2026). (In Russ.)

Pasko, A. V. (2014). Features of Influence of Globalization on Development of the World Automotive Industry. *Vestnik Universiteta [Vestnik Universiteta],* (15), 59–62. (In Russ.)

Sakata, M. (2003). State capitalism or authoritarian regime: on the nature of the "socialist market economy" in China. *Vestnik of Saint Petersburg University, Series 5,* (3), 77–86. (Transl. into Russ.)

Ramamurti, R., & Hillemann, J. (2018). What is "Chinese" About Chinese Multinationals? *Journal of International Business Studies, 49,* 34–48. https://doi.org/10.1057/s41267-017-0128-2

Seniuk, N. Yu., Sabantsev, A. I., & Kozlova, E. A. (2025). China's Strategy in Central Asia Through the Prism of the Institutionally Governed Co-development Model. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 18* (4), 105–123. https://doi.org/10.31249/kgt/2025.04.06 (In Russ.)

Tadjiev, S., & Donze, P.-Y. (2021). The Development of the Automotive Industry in Post-Soviet Countries Since 1991. *Eurasian Journal of Business and Management, 9* (2), 164–183. https://doi.org/10.15604/ejbm.2021.09.02.005

Teece, D. (2019). China and the Reshaping of the Auto Industry: A Dynamic Capabilities Perspective. *Management and Organization Review, 15* (1), 177–199. https://doi.org/ 10.1017/mor.2019.4

Tjia, L. Y. (2026). China's Role in Kazakhstan's Automotive Sector: The Complexity and Complementarity of Multi-Vector State-To-State Engagement and Product Diversification. *Competition & Change, 30* (1), 263–287. https://doi.org/10.1177/10245294251335097

Tse, C. H., Meyer, K. E., Pan, Y., & Chi, T. (2024). Evolution of MNE Strategies Amid China's Changing Institutions: A Thematic Review. *Journal of International Business Studies, 55,* 657–675. https://doi.org/10.1057/s41267-024-00715-5

Verevka, T. V. (2020). The Transformation of the Automotive Market Based on Digital Innovations. *Voprosy Innovatsionnoy Ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics], 10* (1), 173–188. https://doi.org/10.18334/vinec.10.1.100478 (In Russ.)

Volgina, N. A., & Lugovskaia, E. M. (2024). Chinese Automotive Companies in Russian Market: Penetration and Consolidation. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics], 32* (2), 303–323. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-303-323 (In Russ.)

Umarov, K., Mekhdiev, E., & Sokolova, E. (2024). The Russia-China Economic Partnership. *China and WTO Review, 10* (1), 116–126. https://doi.org/10.52152/cwr.2024.10.1.09

Информация об авторе

Кузнецов Алексей Владимирович — доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, и. о. директора и главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); Scopus Author ID: 56265920200; https://orcid.org/0000-0001-5172-9924 (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, 51/21; e-mail: kuznetsov@inion.ru).

About the author

Alexey V. Kuznetsov — Dr. Sci. (Econ.), Corresponding Member of RAS, Professor, Acting Director and Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN); Scopus Author ID: 56265920200; https://orcid.org/0000-0001-5172-9924 (51/21, Nakhimovsky Ave., Moscow, Russian Federation, 117418, e-mail: kuznetsov@inion.ru).

Использование средств ИИ

Автор заявляет о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The author declares that he has not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026.
Прошла рецензирование: 06.06.2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 15 Feb 2026.
Reviewed: 06 Jun 2026.
Accepted: 03 Jul 2026

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-16
УДК. 330.1
JEL F5

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Ц. Чжоу [а], *М. Б. Петров* [б]

[а] Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайского академии общественных наук, г. Пекин, Китай

[б] Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Методологические аспекты оценки эффективности российско-китайского энергетического сотрудничества[1]

Аннотация. Энергетическое сотрудничество России и КНР неизменно остается одной из важнейших стратегических сфер их внешнеэкономических отношений. Возрастают масштабы и новые возможности для более комплексных и эффективных форм такого сотрудничества. Их обоснование не может быть ограничено применением стандартных подходов имеющихся государственных и международных методик по оценке проектов. Задача статьи состоит в обогащении методологических и методических подходов к оценке крупных комплементарных проектов, лежащих в основе энергетического сотрудничества России и Китая в контексте необходимости обоснования приоритетности проектов и выбора их состава. Источники данных — официальные программно-стратегические документы России и КНР, материалы государственной и ведомственной статистики России и КНР, утвержденные государственные и международные методики по оценке проектов. Систематизация современной эволюции энергетического сотрудничества России и Китая позволила обосновать неизбежность перехода на проектно-комплементарный тип энергетического сотрудничества. Совместные проекты — это условие передачи из России в Китай растущих объемов топливно-энергетических ресурсов. Энергетическое (целевое) ядро проектов дополняется сопряженными с ним транспортно-логистическим и другими обеспечивающими проектами, создающими дополнительную ценность, в том числе и не связанную с экспортом энергоресурсов. Сопряженность комплементарных проектов рассматривается как условие и как результат наращивания энергетического потока между странами. Ввиду возрастания значимости межотраслевых и межпроектных связей, в том числе и как обеспечивающих энергетические потоки, расширяется система отсчета эффектов. Сами эффекты рассматриваются как многокритериальные. В качестве наиболее важного с точки зрения комплементарности предложен технико-технологический критерий. Полученные результаты могут быть полезны для научных и экспертных сообществ, органов управления, формирующих проектные инициативы, организаций, занятых схемным проектированием и предпроектными обоснованиями в России и КНР.

Ключевые слова: китайско-российское энергетическое сотрудничество, энергетические комплементарные проекты, полные затраты, прямые эффекты, косвенные эффекты, системы отсчета эффективности, дополняющие критерии

Благодарность: *Статья подготовлена в соответствии с утвержденным планом НИР Института экономики УрО РАН*

Для цитирования: Чжоу, Ц., Петров, М. Б. (2026). Методологические аспекты оценки эффективности российско-китайского энергетического сотрудничества. *Экономика региона, 22*(3), 696–711. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-16

[1] © Чжоу Ц., Петров М. Б. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Caiquan Zhou [a)], *Mikhail B. Petrov* [b)]

[a)] Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

[b)] Institute of Economics of the Ural Branch of RAS, Ekaterinburg, Russian Federation

Methodological Aspects of Assessing the Effectiveness of Russian–Chinese Energy Cooperation

Abstract. Energy cooperation between Russia and China consistently remains one of the most important strategic areas of their foreign economic relations. The scale and new opportunities for more comprehensive and effective forms of such cooperation are growing. To justify these projects, standard state and international project evaluation methodologies alone are not enough. This article aims to strengthen the methodological and procedural approaches used to evaluate the large complementary projects underpinning Russia-China energy cooperation, with particular attention to project priority setting and the composition of these project packages. The study draws on official program and strategy documents from Russia and China, state and departmental statistics from both countries, and approved state and international project evaluation methodologies. By systematizing how Russia-China energy cooperation has evolved in recent years, the article shows that a shift toward a project-complementary model of energy cooperation is inevitable. Joint projects are essential for the transfer of growing volumes of fuel and energy resources from Russia to China. The energy (target) core of the projects is supplemented by associated transport-logistics and other supporting projects that create additional value, including value unrelated to energy resource exports. Since cross-sector and cross-project links, including the ones that support energy flows themselves, are becoming increasingly significant, the framework for assessing effects must be correspondingly broadened. These effects should be assessed against multiple criteria, with the technical-technological criterion being the most important for evaluating complementarity. These findings could be of interest to researchers and experts, to government bodies developing project initiatives, and to organizations in Russia and China involved in project design and pre-feasibility studies.

Keywords: China-Russia energy cooperation, complementary energy projects, cost-benefit analysis, direct and indirect effects, efficiency reference frameworks, complementary criteria

Acknowledgements: *The article has been prepared in accordance with the approved research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.*

For citation: Zhou, C., & Petrov, M. P. (2026). Methodological Aspects of Assessing the Effectiveness of Russian–Chinese Energy Cooperation. (2026). *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 696–711. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-16

Введение

На фоне смены мирохозяйственных укладов, сложной геополитической обстановки и под влиянием долгосрочной тенденции к росту производства и потребления энергии как одного из базовых условий производственно-технологического и социально-экономического развития роль энергетического сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики возрастает и переходит на качественно новый уровень, являясь при этом одним из важнейших аспектов экономико-технологического взаимодействия двух стран. Проекты сотрудничества России и Китая в самых разных областях необходимо рассматривать как долгосрочные и взаимообусловленные, поскольку они опираются на прочное политическое взаимное доверие и строятся на взаимодополнении ресурсно-технологических, производственно-экономических и иных возможностей. Такие условия предполагают системность оценки крупных проектов, когда система эффектов и соответствующая ей эффективность далеко на тождественна непосредственной окупаемости, которая может противоречить стратегической направленности.

Цель данной статьи — представить системную концепцию расширения методологических подходов к оценке проектов в сфере энергетического сотрудничества, исходя из его приоритетов, анализа и систематизации распространенных в научно-экономическом дискурсе методов оценки, содержательного анализа эволюции энергетического сотрудничества и особенностей современного этапа его развития. Эта цель ставится с позиции сочетания национальных интересов двух стран, их стратегического единства и направленности на взаимное дополнение ресурсно-технологических возможностей и достижения обоюдного долгосрочного выигрыша в меняющихся условиях осуществления совместных проектов, обеспечивающих энергетическое сотрудничество.

Концепция исследования

Международное энергетическое сотрудничество представляет собой совокупность стратегий, политик и практик, осуществляемых двумя или более странами в энергетическом секторе. Оно включает в себя согласование и координацию на уровне правительств, органов отрасле-

вого и функционального управления, производственно-технологическое и экономическое взаимодействие организаций и субъектов хозяйствования, обслуживающих систем во взаимодействующих странах в процессе реализации совместных проектов различного типа и операционной деятельности.

Энергетика как важнейшая сфера, определяющая экономико-технологическое развитие, и ключевой инструмент построения внешнеэкономических стратегий, подвержена влиянию меняющегося геополитического ландшафта и эволюции содержания и форм сотрудничества. Основная и общая в данном контексте цель государств в энергетической сфере — достижение целевого для каждой из стран энергетического базиса функционирования и развития общества, обеспечение национальной энергетической безопасности, реализация сравнительных преимуществ, рост эффективности международного обмена товарами и услугами, ускорение процессов развития во взаимодействующих странах; обеспечение на этой основе своих национальных интересов, повышение эффективности национальных экономик и рост общественного благосостояния. При осуществлении международной деятельности в энергетической сфере возникает необходимость соблюдения всех ограничений и норм энерготехнологического, внешнеэкономического, международно-правового и экологического характера (Шао, Хань, 2025).

Перевод международного сотрудничества в какой-либо сфере в режим устойчивого роста и на качественно новый уровень достигается в первую очередь с помощью крупных совместных проектов. Их экономическая оценка не может ограничиваться только вопросами окупаемости. Эффективность таких проектов должна быть комплексной, многокритериальной, определяемой в нескольких системах отсчета затрат и результатов, а эффекты включать как прямые, так и косвенные, в данном случае — неэнергетические конечные результаты.

В настоящей статье показано, что масштабы, комплексность и технологический уровень крупнейших российско-китайских проектов в энергетической сфере выражают сущность той стадии эволюции сотрудничества, на которой они инициированы и осуществлены. Такие проекты включают в себя и создание промышленных объектов, и связи между ними, и взаимную торговлю в процессе реализации проекта, особенно в его эксплуатационной фазе. Масштабность и нарастание системной организации ведет к тому, что, независимо от регионов размещения ключевых объектов, крупные проекты имеют надрегиональное, межрегиональное, а в данном случае — и международное значение. Региональный аспект подобных проектов в том, что размещение их объектов в каком-либо регионе существенно укрепляет и экономику данного региона.

В целом проекты энергетической сферы несут в себе как ресурсный, так и технологический компонент. Поэтому генеральным критерием эффективности проектов расширения энергетического взаимодействия должно выступать наращение ресурсно-технологического потенциала как каждой из взаимодействующих стран, так и их совокупности. Совокупное приращение ресурсно-технологического потенциала превышает сумму таких приращений по взаимодействующим странам, поскольку содержит синергический, комплементарный эффект рационально и устойчиво построенной системы энергетического взаимодействия.

Такой концептуально-методологический подход позволяет сторонам при формировании конкретного проекта, выборе его состава и характеристик исходить из долгосрочного стратегического видения как национальных производственно-экономических систем в энергетической сфере, так и характера всего комплекса двусторонних отношений на фоне геостратегических, мирохозяйственных факторов.

Несмотря на то, что нашими странами пройден уже достаточно большой путь в энергетическом сотрудничестве, в настоящее время и в Китае, и в России сравнительно мало исследований, посвященных эволюционному анализу трансформации его приоритетов. Такие исследования необходимы для определения подходов и методов формирования при углублении сотрудничества новых проектных инициатив, их состава, обоснования, ранжирования по значимости и очередности, выбора варианта и схемы реализации. В научной литературе нарастает поток исследований и публикаций, связанных с эволюцией российско-китайского сотрудничества в основном в контексте переориентации внешнеэкономических связей на Восток. Такие исследования посвящены как российско-китайскому сотрудничеству в целом, так и энергетическому сотрудничеству в частности.

Известны работы и по стратегическим аспектам (Зайков и др., 2024), по крупнейшим совместным проектам (Азиева, 2023), по глобальному развороту на Восток (Бабаев, 2026), международному обмену конкретными энергоносителями (Денисенко, 2022; Доу и др., 2025), по комплексным проблемам сотрудничества (Лузянин, Семенова, 2016; Титаренко, 2018; Бабаев, Лузянин, 2025). Все они в той или иной мере восходят к богатым традициям системного подхода и планомерного управления круп-

номасштабным развитием (Шевелев, Клименко, 1996; Глазьев, 1990; Селиверстов, 2013).

Эти и другие научные источники послужили базой для выполнения представленного в данной статье концептуально-методического исследования. Источниками сбора данных для последующей систематизации в процессе эволюционного анализа стали государственные программно-стратегические документы, материалы официальной статистики двух стран, специализированные базы данных и информация интернет-сайтов. Большую роль в получении данных сыграли и специализированные сборники по отраслям ТЭК.

Эволюция и состояние сотрудничества России и Китая в энергетической сфере

Приоритеты сотрудничества историчны, причем наблюдается ускорение их формирования и воплощения в конкретных проектах. В этом отношении представляет исследовательский интерес периодизация формирования энергетического российско-китайского сотрудничества, обусловленная этапами социально-экономического развития двух стран и их экономического взаимодействия. В частности, содержательная периодизация основывается на уровне системности технологии и организации крупнейших проектов энергетического сотрудничества между Китаем и Россией, их статусе. Китайские исследователи Цуй Япин (Цуй, 2014), Хэ Сюйцзю (Хэ, 2019), Сунь Чжуанчжи (Сунь, Дин, 2025), Шао Хунчжу (Шао, Хань, 2025) с различных позиций провели периодизацию и качественную оценку этапов становления сотрудничества. В контексте задач нашего исследования целесообразна представленная ниже комплексная периодизация.

Первый этап (1991–1999 гг.) — начальный этап китайско-российского энергетического сотрудничества. Основной исходной формой энергетического сотрудничества между двумя странами к этому времени была торговля нефтью и углем, начавшаяся с середины 1980-х гг. Основным геополитическим контекстом первого этапа стало возникновение и доминирование однополярного геополитического ландшафта. Россия в этот период временно сошла с позиции мировой державы, Китай ускорил свою интеграцию в глобальную экономическую систему и в 1993 г. стал нетто-импортером нефти. Потребности Китая в энергии перешли в режим роста, а экспорт Россией углеводородов был на тот период основным источником ее доходов, но ориентирован главным образом на Запад. На этом этапе возникло первоначальное совпадение потребностей двух наших стран, предпосылка для последующей переориентации энергетического потока на Китай. К этому же периоду относится и начало сотрудничества в области атомной энергетики. В декабре 1992 г. китайское и российское правительства подписали соглашение о сотрудничестве в строительстве Датяньваньской атомной электростанции. В 1996 г. было подписано «Соглашение о совместном развитии сотрудничества в энергетическом секторе», где была определена перспектива будущих поставок газа в Китай из Восточной Сибири (Bolt & Cross, 2010). В этот период форма энергетического сотрудничества между двумя странами по-прежнему в основном сводилась к торговле нефтью и углем, а общий объем торговли был относительно невелик. В 2000 г. начались поставки нефти из России в Китай по железной дороге. В целом первый этап можно считать началом новой модели сотрудничества, объединяющей технологические возможности двух стран с движением капитала.

Второй этап (2000–2013 гг.) — период расширения прагматичного энергетического сотрудничества между Китаем и Россией. Этот этап характеризовался нарастающей двойственностью геополитической обстановки: усилением давления со стороны Запада и началом глобальной многополярности. Россия осуществила «ренационализацию» энергетики, начала подготовку новой стратегии «Взгляд на Восток». Глобальный финансовый кризис 2008 г. серьезно повлиял на европейский рынок, приведя к существенному смещению акцента российского энергетического экспорта на восток. Индустриализация Китая ускорялась, что вело к его растущей зависимости от импорта энергоносителей. Знаковым событием стратегического сближения двух стран стало сооружение первого нефтепровода, введенного в эксплуатацию в январе 2011 г. с годовой поставкой нефти до 15 млн т. Оно положило начало развитию российско-китайской трубопроводной инфраструктуры для транспортировки углеводородов.

Третий этап (2014–2022 гг.) — период стремительного развития энергетического сотрудничества в условиях стратегического сближения Китая и России. В основе геополитической обстановки в этот период лежало углубление многополярности и эскалация санкций США и ЕС против России. Инициатива Китая «Один пояс, один путь», выдвинутая в 2013 г., на тот момент стала центральным элементом видения энергетического сотрудничества, что соответствовало российской стратегии «Взгляд на Восток». Важнейшими вехами этого этапа является подписание в 2014 г. соглашения о Восточно-Китайском газопроводе и 30-летнего контракта поставок природного газа на сумму 400 млрд долл., что рассматривалось Россией как геостратегический шаг для противодействия западным санкциям, а Китаем — как расширение каналов

его энергоснабжения. В 2015 г. Китай и Россия подписали «Совместное заявление о сотрудничестве в согласовании Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути», включив энергетическое сотрудничество в рамки обеих инициатив.

В 2017 г. была введена в эксплуатацию первая производственная линия проекта «Ямал СПГ», в которой Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) владеет 20 %, а Фонд Шелкового пути — 9,9 %, ставшая образцом согласования инициативы «Один пояс, один путь» и интересов Евразийского экономического союза[1]. С вводом в 2018 г. второй нитки нефтепровода Дальний Восток России — Китай его общая пропускная способность удвоилась и достигла 30 млн т. В 2019 г. была введена в эксплуатацию первая очередь газопровода «Сила Сибири» (в китайской части называемого «Восточный маршрут»), годовая пропускная способность которого впоследствии достигнет 38 млрд куб. м, что позволило создать транснациональный энергетический коридор. По газопроводу в 2020 г. в Китай было поставлено 4,1 млрд куб. м газа, а в 2021 г. — 10,4 млрд кубометров (Li et al., 2023). В 2021 г. также был введен в эксплуатацию Амурский газоперерабатывающий завод. Этот проект не только способствует углублению развития российской газоперерабатывающей промышленности в направлении более сложных технологий переработки, но и создает экспортный канал для продажи переработанной газовой продукции на китайский рынок, придавая новый импульс трансформации китайско-российской энергетической торговли от ресурсоориентированной модели к модели, основанной на продуктах с высокой добавленной стоимостью.

Четвертый этап (с 2022 г. по настоящее время) — это зрелый и стабильный период наиболее полной переориентацией российских экспортных потоков на Восток, а в перспективе — и на Юг. Китай сталкивается со сложной международной обстановкой в сфере энергетической безопасности и остро нуждается в укреплении диверсифицированной и стабильной системы энергоснабжения. Китайско-российское энергетическое сотрудничество заняло центральное место в парировании геополитических рисков. В 2023 г. премьер-министр России М.В. Мишустин заявил, что «энергетическое сотрудничество с Китаем остается для России безусловным приоритетом»;[2] на V Китайско-Российском энергетическом бизнес-форуме Президент России В.В. Путин отметил, что всеобъемлющее стратегическое партнерство и координация между Китаем и Россией в новую эпоху достигли беспрецедентной высоты[3]. Ключевым событием этого этапа стало подписание в 2022 г. 25-летнего соглашения о купле-продаже газа на Дальнем Востоке с запланированными ежегодными поставками в объеме 10 млрд куб. м., начиная с 2027 г., что внесет вклад в независимость энергоэкспорта России от энергетической и политической конъюнктуры на Западе и укрепит энергетическую безопасность Китая[4]. В ходе саммита Шанхайской организации сотрудничества 2025 г. Китай и Россия подписали меморандум о взаимопонимании по газопроводу «Сила Сибири-2», предусматривающий ежегодную транспортировку 50 млрд куб. м газа через Монголию и создание многопутевого трансграничного энергетического коридора. Доля расчетов в национальных валютах в энергетической торговле превышает 95 %, эффективно компенсируя геополитическое давление западных финансовых санкций.

Ускорение развития энергетического сектора России и Китая означает углубление сотрудничества между нашими странами в этой сфере на качественно новой основе перехода к комплексным проектам, когда организуется взаимодействие не просто в строительстве трубопроводной инфраструктуры, но в расширении и разветвлении производственных цепочек как в нефтегазовой отрасли, так и в смежных энергетических, перерабатывающих и фондообразующих отраслях. Межотраслевое развитие, обмен капиталом и технологиями наиболее показательны на примере двух крупнейших в настоящее время инвестиционных российско-китайских проектов, осуществляемых в Ямало-Ненецком АО и направленных на крупнотоннажное производство сжиженного природного газа (СПГ). Это «Ямал СПГ» (2000 млрд р. прямых китайских инвестиций (ПИ), производительность 18,8 млн т СПГ

[1] Xinhua. (2017, 09 декабря). Zhong'e hezuo 'Yamaer xiangmu', shoutiao LNG shengchanxian zhengshi touchan [Официально введена в эксплуатацию первая производственная линия СПГ в рамках китайско-российского сотрудничества по проекту «Ямал»]. (кит.). URL: https: // www.xinhuanet. com/ world/2017-12/09/c_1122084376.htm. (дата обращения: 22.01.2026).

[2] РИА. (2023, 23 мая). Сотрудничество с Китаем в энергетике остается для России приоритетом. (кит.). URL: https://ria.ru/20230523/mishustin-1873533966.html (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Zhongguo nengyuan bao (2023, 30 октября) Zhong'e youqi hezuo zaijin yicheng [Китайско-российское нефтегазовое сотрудничество делает еще один шаг вперед]. (кит.). URL: https://paper.people.com.cn/zgnyb/html/2023-10/30/content_26025101.htm (дата обращения: 14.01.2026).

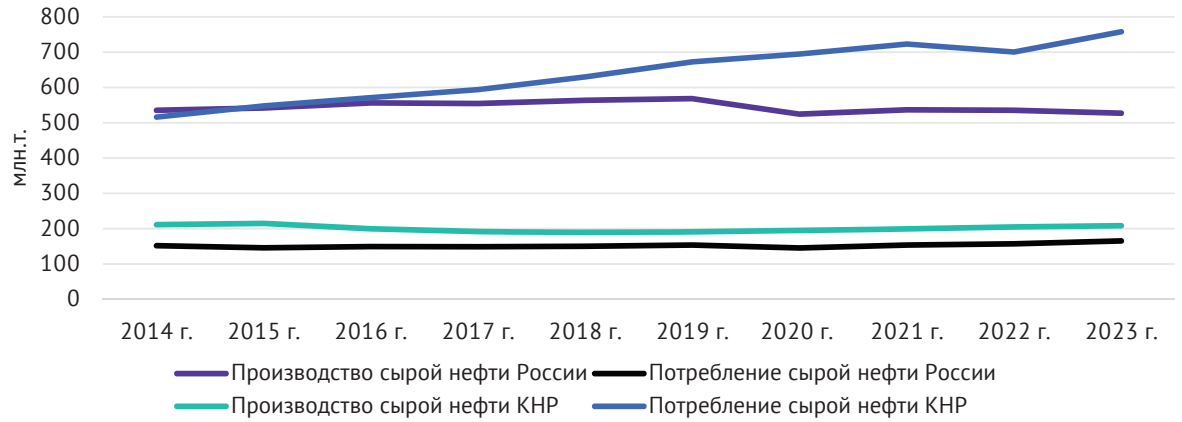
[4] E'qi gognsi yu zhongshiyou jiu yuandong tianranqi gouxiao hetong dacheng xieyi [«Газпром» и CNPC достигли соглашения о контракте на куплю-продажу газа на Дальнем Востоке]. (кит.). URL: https://sputniknews.cn/20220204/1038687535.html (дата обращения: 11.02.2026).

и 1,2 млн т газоконденсата в год) и «Арктика СПГ» (2500 млрд р. ПИ, проектная мощность 19,6 млн т СПГ и1,6 млн т стабильного газового конденсата в год).

На рисунке 1 представлена современная динамика соотношений производства и потребления нефти в двух наших странах.

Импорт нефти в Китае в 2025 г. составил 577,72 млн т, в том числе из России — 100,72 млн т. Согласно заключенному в начале 2022 г. договору между CNPC (Китайская национальная нефтегазовая корпорация) и российской «Роснефтью», Россия взяла на себя обязательство поставить в Китай 100 млн т сырой нефти в течение 10 лет через территорию Казахстана. Добыча нефти и газового конденсата в России в последние годы стабилизировалась в диапазоне 511–530 млн т в год. Снижение объемов по сравнению с рекордными показателями обусловлено добровольными обязательствами в рамках соглашения ОПЕК+ по ограничению экспорта для стабилизации мирового рынка. Не менее 270 млн т сырой нефти в год требуют производства по переработке нефти внутри страны. Существенное наращивание поставок нефти в Китай может быть обеспечено только путем реализации совместных проектов по развитию отрасли.

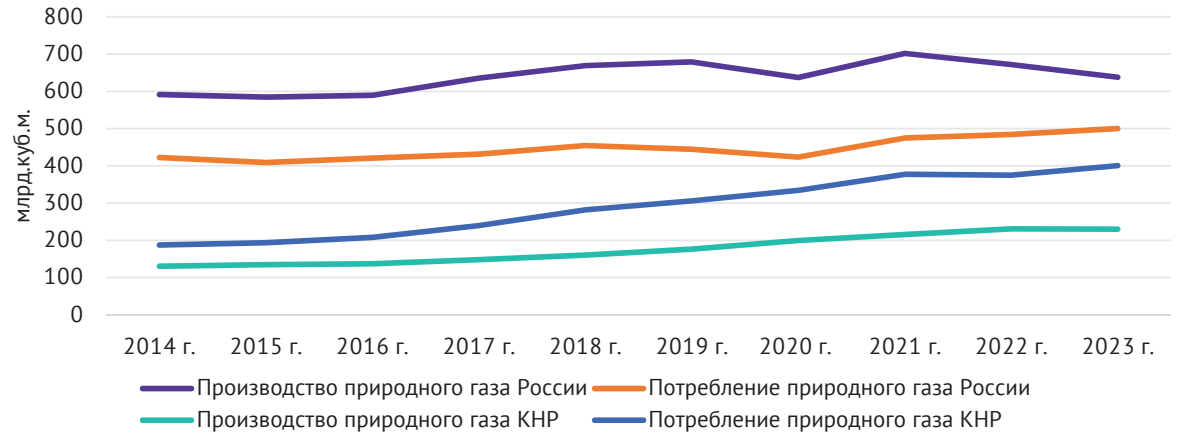
Соотношение добычи и потребления природного газа в России и Китае показано на рисунке 2. В 2024 г. транспортировка природного газа по трубопроводам из России в Китай достигла 31 млрд куб. м.

Примечание: данные за 2024–2025 гг. еще официально не опубликованы.

Рис. 1. Производство и потребление сырой нефти в Китае и России, 2014–2023 гг. (источник: Годовой отчет BP за 2023 год. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html; Национальные данные Национального статистического бюро КНР. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 11.04.2026))

Fig. 1. Crude oil production and consumption in China and Russia, 2014–2023 (source: BP Annual Report 2023. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html; National Data of the National Bureau of Statistics of China. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (accessed April 11, 2026))

Примечание: данные за 2024–2025 гг. еще официально не опубликованы.

Рис. 2: Производство и потребление природного газа в Китае и России, 2014–2023 гг. (источник: Годовой отчет BP за 2023 год. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html; Национальные данные Национального статистического бюро КНР. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 11.04.2026))

Fig.2. Natural gas production and consumption in China and Russia, 2014–2023 (source: BP Annual Report 2023. URL: https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics.html; National Data of the National Bureau of Statistics of China. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (accessed April 11, 2026))

За период с 2014 по 2023 г. по мере всестороннего и углубленного развития китайско-российского энергетического сотрудничества структура спроса и предложения на китайском рынке природного газа претерпела глубокие изменения, а балансовый дефицит по отношению к газу, добываемому в Китае, утроился и превысил в 2023 г. 150 млрд куб. м. В России потенциал наращивания добычи и экспорта природного газа стабилен. На 2023 г. для экспорта было доступно более 190 млрд куб. м. природного газа, что обеспечило Российской Федерации значительную позицию на мировом энергетическом рынке. На фоне эскалации санкций против России ускорилось смещение основных объемов экспорта на восток.

Ожидается, что объемы импорта останутся высокими в течение значительного периода времени, поскольку рост современной экономики основан на интенсивном применении энергоемких технологий. Долгосрочные планы Китая предусматривают рост потребности КНР в нефти и газе по крайней мере до 2040–2045 гг., в угле — до 2030–2035 гг. Согласно прогнозам китайской стороны, к 2030 г. экспорт нефти из России в Китай достигнет 171 млн т. Наиболее надежный источник энергоресурсов для КНР — Россия, которая видит в своем стратегическом партнере в том числе и устойчивый рынок сбыта энергоносителей. Их экспорт продолжает быть благоприятным для России при условии комплементарности с крупными инфраструктурными и технологическими проектами.

Современное китайско-российское сотрудничество в энергетической сфере опирается на крупные проекты практически во всех отраслях, составляющих топливно-энергетический комплекс (ТЭК), прежде всего, в нефтегазовой промышленности, атомной энергетике и электроэнергетике.

Объединяющим началом в процессах энергетического сотрудничества двух стран выступают проекты формирования элементов и их совокупностей в системе транспорта энергоносителей. Трансъевразийскую сеть транспортировки энергоносителей формируют сегодня такие проекты, как функционирующие российско-китайский нефтепровод и российско-китайский газопровод «Сила Сибири» — восточный маршрут, строящиеся или планируемые газопроводы «Дальний Восток» и «Сила Сибири-2». Знаковые проекты, такие как проект «Ямал СПГ» и проект «Арктик СПГ-2», обеспечивают эффективное дополнение ресурсно-технологических возможностей России капиталом и продукцией инвестиционного назначения КНР. В секторе атомной энергетики как зарождение, так и последующее развитие отрасли в КНР идет в форме совместных с Россией проектов — Тяньваньская и Сюйдабаоская атомные электростанции, реализующие на территории Китая полный проектно-эксплуатационный цикл, обеспечиваемый ГК «Росатом», первые китайские заводы по обогащению урана и подготовка строительства первого атомного реактора на быстрых нейтронах, оснащаются оборудованием и технологиями российского происхождения[1]. Эта комплексная работа ведется в рамках российско-китайской межгосударственной программы сотрудничества в области мирного атома[2].

В таблицу 1 сведены крупнейшие российско-китайские проекты в энергетической сфере на современном этапе. Кроме того, среди уже осуществленных инвестиционных проектов на территории России с участием китайской стороны в капитале 20–50 % выделим некоторые, также относящиеся к совместному освоению и транспортировке топливно-энергетических ресурсов (Атлас, 2021)[3]: ПАО Удмуртнефть (2006 г.), Красноярский завод синтетического каучука (2013 г.), угольное Зашуланское месторождение (2014 г.), Нефтехим-Сибур (2015–2016 гг.), Верхнечонскнефтегаз (2017 г.), Эльгинское месторождение коксующихся углей, угольный морской терминал для него на Охотском море и железнодорожная связь между ними (2020–2025 гг.).

Подходы к оценке эффективности российско-китайских совместных проектов в сфере энергетического сотрудничества

Эволюция, современное состояние и обоюдное видение перспектив энергетического сотрудничества указывают на усиление его проектного характера и невозможность требуемого наращивания энергетических потоков без участия обеих стран. Принципиальная особенность нашего сотрудничества и источник его устойчивости и эффективности — тесная сопряженность проектов в энергетической сфере с фундаментальными процессами развития в национальных хозяйствах и России, и Китая. Для того, чтобы Россия могла предоставлять Китаю требуемые ему растущие объемы энергии, а Китай мог рас-

[1] Росатом. (2026, 06 апреля). «Росатом» впервые поставил ядерное топливо для китайской АЭС «Сюйдапу». URL: https://rosatom.ru/mainpage/rosatom-vpervye-postavil-yadernoe-toplivo-dlya-kitayskoy-aes-syuydapu/ (дата обращения: 06.04.2026).

[2] Коммерсантъ. (2026, 20 мая). Путин: «Росатом» завершает строительство АЭС в Китае. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8673482 (дата обращения: 06.04.2026).

[3] Российско-Китайский энергетический бизнес-форум (2021). Атлас инвестиций российско-китайского энергетического сотрудничества. URL: https://rcebf.com/atlas/ru/general-information-china-russia (дата обращения: 01.06.2026).

Таблица 1

Крупнейшие российско-китайские проекты сотрудничества в энергетической сфере

Table 1

Major Russian–Chinese Energy Cooperation Projects

Области сотрудничества	Название проекта	Основная информация	Значение проекта
Трансграничный энергетический коридор[1]	Российско-китайский нефтепровод	Введен в эксплуатацию с 2011 г., второй трубопровод введен в эксплуатацию в 2018 г., годовая пропускная способность по транспортировке нефти составляет 30 млн т	Важнейший канал для импорта сырой нефти в Китай, обеспечивающий поставки сырья для нефтеперерабатывающих предприятий Северо-Восточного и Северного Китая
	Российско-китайский газопровод «Сила Сибири» — восточный маршрут	Сооружается с 2019 г., выход на полную мощность в 2025 г., годовая пропускная способность газопровода составляет 38 млрд куб. м	Обеспечивает стабильность поставок природного газа из России в Китай и способствует сдвигу в структуре первичных энергоносителей в Китае в направлении роста доли газа и газификации 130 млн домохозяйств
	Проект электропередачи 500 кВ постоянного тока[2]	Возможности экспорта в Китай российской электроэнергии	Первый российско-китайский трансграничный проект передачи постоянного тока, диверсифицирующий получение в Китае конечной энергии. Планируемый объем экспорта электроэнергии — 100 млрд. кВт·ч на 25 лет
	Российско-китайский газопровод с Дальнего Востока РФ (в стадии строительства)	Начало поставок газа в 2027 г. с годовой пропускной способностью 10 млрд кубометров	Улучшение газотранспортной системы и дополнительные возможности экспорта природного газа
Разработка и переработка нефти и газа	Проект «Ямал СПГ»	Проект комплексного промышленно-энергетического сотрудничества в сфере добычи, транспортировки и переработки нефти и газа с объемом производства свыше 100 млн т	В рамках инициативы «Один пояс, один путь» инициирован промышленный проект с масштабными китайскими инвестициями (30 %). Российско-китайский экспорт по Северному морскому пути
	Проект «Арктик СПГ-2»	Китаю принадлежит 20 % акций, общая мощность 19,8 млн т	Углубление сотрудничества по всей производственной цепочке. Китай поставляет основное оборудование
	Проект Амурского газоперерабатывающего завода	Один из крупнейших в мире заводов по производству полиэтилена и полипропилена. Производственная мощность комплекса составит 2,7 млн т готовой продукции в год	Совместное развитие высокотехнологичных отраслей промышленности. Проект, совместно разрабатываемый компаниями «Сибур» и «Синопек»[3]
Сотрудничество в области атомной энергетики	Тяньваньская атомная электростанция	Многоэтапный проект, совместно реализуемый Китаем и Россией, является крупнейшей в мире АЭС (проектная установленная мощность)	Создание в Китае атомной энергетики с полным строительно-эксплуатационным циклом Росатома. Сооружаются блоки № 7 и 8 на российских реакторахВВЭР-1200[4]
	Атомная электростанция Сюйдабао	Вторая атомная электростанция на северо-востоке Китая по модели сотрудничества АЭС Тяньвань	Переход к перманентному атомному сотрудничеству двух стран и важнейший объект в расширении неуглеродной энергетики. В стадии строительства энергоблоки № 3 и № 4

Источники: составлено авторами

[1] Renmin ribao. (2025, 12 мая). Zhong'e tuidong nengyuan gaozhiliang huli hezuo [Китай и Россия содействуют высококачественному взаимовыгодному энергетическому сотрудничеству]. (кит.). URL: https://paper.people.com.cn/zgnyb/pc/content/202505/12/content_30073601.html (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Renmin ribao. (2018, 23 апреля). Zhong'e dianli hezuo yi chengwei shijie nengyuan hulianhutong dianfan [Китайско-российское энергетическое сотрудничество стало образцом глобального энергетического соединения]. (кит.).URL: https://paper.people.com.cn/zgnyb/html/2018-04/23/content_1850382.htm. (дата обращения: 11.01.2026).

[3] AGCC, официальный сайт. URL: https://amur-gcc.ru/cn/ (дата обращения: 04.05.2026)/

[4] URL: www.tvel.ru (дата обращения: 04.05.2026)/

ширять свой экспорт на основе роста товарного производства, чтобы обе державы наиболее рациональным для них в современном мире образом строили свое всестороннее взаимодействие, им важно взаимодополнение результатов, ресурсов, возможностей, траекторий системного развития. Экономическая природа крупномасштабного энергетического сотрудничества в полной мере влечет за собой и как результат, и как необходимое условие комплементарность и расширение взаимного участия в осуществлении крупных проектов.

Таким образом, проекты, направленные на энергетическое сотрудничество России и Китая, по своим масштабам и мероприятиям не могут быть сведены к одному лишь результату в виде поставленной энергии. Это означает неадекватность ограничения оценок эффективности одними лишь показателями окупаемости. Необходимы многоаспектные и многокритериальные подходы. Проекты требуют оценки комплексного результата и их роли в обеспечении ценности сотрудничества.

В современном научном дискурсе нарастает стремление к расширению и многоплановости оценок значимых проектов. Существующие исследования сосредоточены на рамочных основах оценки, измерениях, методах и практических приложениях, они дают разнообразные результаты, но все еще недостаточно адаптируют подходы и методы к необходимому уровню системности и отраслевым особенностям.

Основная мировая тенденция в оценках эффективности сложных взаимосвязанных проектов — построение многомерных систем оценки. Так, в странах Европы и в США делают акцент на построении рамочных основ с точки зрения жизненного цикла; например, рамочная основа оценки SEIRI ОЭСР охватывает семь измерений и 58 показателей, в то время как ESFRI разработала систему оценки, содержащую 21 ключевой показатель эффективности, подчеркивая комплексное измерение технологических, экономических, социальных и кластерных выгод (OEDC, 2019)[1]. В качестве базовой методологии оценки проектов используется методология ОЭСР, основанная на анализе cash-flow (Беренс, Хавранек, 1995). В дополнение используются CBA-анализ (Boardman et al., 2018; Рахматуллина и др., 2022) и анализ «затраты — выпуск». Широко применяются индикативные методы рейтингования по показателям преимуществ проектных решений. Между тем, международные исследования сосредотачиваются главным образом на геоэкономике и устойчивом развитии, часто включая в оценки стратегическую ценность и издержки риска. В этих контекстах нередко подчеркивается влияние внешних факторов, таких как санкции (Шуай и др., 2018).

Применительно к энергетическим проектам китайские ученые используют модель DEA для расчета того, могут ли прямые иностранные инвестиции влиять на энергоэффективность Китая за счет распространения технологий. Предполагается, что такое влияние может способствовать повышению безопасности и стабильности цепей поставок энергии, создаваемых по программам развития (Ван и др., 2023). Вэй Имин оценил прогресс в области энергосбережения в различных регионах и ключевых областях Китая за период 14-й пятилетки, обобщил основные достижения и проанализировал перспективу энергосбережения в Китае на период 15-й пятилетки (Вэй, 2026). Ван Тин (2020) предложил оценивать комплексную целевую выгоду от инфраструктуры с учетом технологических, экономических, социальных и кластерных преимуществ (Ван, 2020; Го, 2025).

В России также растет число методических исследований эффективности крупных комплексных проектов, в которых предлагается учитывать расширенный круг аспектов и критериев эффективности, а также влияние таких проектов на региональную и национальную экономику. Ю. Рахматуллина и соавторы подход CBA распространяют на государственные проекты (Рахматуллина и др., 2022). В статье (Сериков, 2016) представлен подход и результат оценки общественной эффективности инфраструктурного проекта ТЭК с учетом межотраслевых взаимодействий и мультипликативных эффектов, в частности, автор показал возрастание спроса на продукцию трубного производства при росте инвестиций в нефтегазовые проекты. В других публикациях (Гулакова и др., 2017) предложен методический инструментарий для комплексной оценки влияния масштабного инфраструктурного проекта на развитие экономики региона и страны. Имеются публикации по отраслевой специфике привлекательности инвестиций в развитие электроэнергетики и определения срока их окупаемости (Ященко и др., 2022). В плане оценки проектов с позиции территорий рассматриваются многофакторные подходы при определении технической осуществимости и экономической целесообразности проектов (Смыслова, Трутенко, 2025). Правительством РФ

[1] OECD. (28 March 2019). Reference Framework for Assessing the Scientific and Socio-economic Impact of Research Infrastructures. URL: https://www.oecd.org/en/publications/reference-framework-for-assessing-the-scientific-and-socio-economic-impact-of-research-infrastructures_3ffee43b-en.html (дата обращения: 04.05.2026)

предложена методика оценки социально-экономических эффектов от проектов строительства[1].

Как уже отмечено, рассматриваемые нами проекты отличаются комплексностью и внешними эффектами, и именно это в первую очередь должны отражать методики оценки эффективности. Имеются отдельные исследования, ориентированные на это. В монографии (Крюков, Шмат, 2018) раскрыты барьеры и стимулы для смежных фондообразующих отраслей (тяжелого машиностроения), возникающие при реализации крупных инфраструктурных и транспортных проектов в ТЭК. Предлагаются схемы оценки, например, эффективности морской транспортировки сжиженного природного газа с учетом загрузки судостроительных верфей.

Инфраструктурные проекты в энергетике рассматриваются как драйверы экономического роста и межотраслевые мультипликаторы. Инфраструктурой для проектов межстранового энергетического сотрудничества выступает прежде всего транспортная система, в крупнейших стратегических элементах которой выделение нефтегазотранспортного звена относительно и условно. Наиболее яркий тому пример — Северный морской путь (СМП), грузопоток по которому в 2025 г. превышал 37 млн т, 86 % из которых приходится на углеводороды[2], доставляемые главным образом в КНР. Эффективность транспортировки СПГ, таким образом, будет неполной без учета синергии развития: наращивая энергетические потоки, страны обеспечивают логистику контейнерных и генеральных грузов скорого будущего, что создает отложенные экономические эффекты, непосредственно не связанные с движением топливно-энергетических ресурсов, но недостижимые без транспортно-логистической инфраструктуры, стимулируемой им (Петров и др., 2023б).

Особое место в исследованиях эффективности энергетических проектов занимают работы, более глубоко рассматривающие ценностные аспекты ТЭК (Крюков, Шмат, 2018; Гулакова и др., 2017), а также анализирующие проекты в пространственном и межотраслевом разрезах с использованием оптимизационной межотраслевой межрегиональной модели ОМММ (Гулакова и др., 2017). В связи с успешным созданием в КНР отрасли атомной энергетики на основе проектов полного цикла ГК «Росатом», большой интерес в контексте энергетического сотрудничества наших стран представляет эффективность этой новой для Китая отрасли (Шевелев, Клименко, 1996). Наиболее адекватными и продуктивными являются комплексные исследования эффективности, основанные на концепциях планомерного развития, реализуемые в первую очередь в современном Китае. Такие концептуальные подходы возвращаются и в российскую научно-экономическую реальность, в том числе применительно к планированию технологического прогресса ТЭК (Крюков, 2024), а также по китайским инфраструктурным проектам (Крюков, Шмат, 2018).

Исходя из особенностей российско-китайского энергетического сотрудничества, когда целевой продукт в виде определенных объемов передаваемой энергии или топлива обеспечивается комплексом проектных мероприятий, в первую очередь по разработке месторождений и переработке добываемого сырья, системам транспортировки, предлагается расширение методического аппарата оценки совместных проектов следующими положениями.

1. Системно-экономическая оценка эффективности российско-китайских энергетических проектов строится на определении расширенного интегрального экономического эффекта как превышения стоимостной оценки определяемого за расчетный период результата над комплексными затратами за этот период.

2. Определение интегральных результатов и затрат ведется в трех системах отсчета: две национальные экономики по отдельности (народно-хозяйственный эффект для Российской Федерации и народно-хозяйственный эффект для Китайской Народной Республики), третья система отсчета — международная на основе объединения в рассматриваемом проекте двух экономик.

3. Результаты и затраты крупных системообразующих проектов берутся не только непосредственно по энергетическому (целевому) их ядру, но в совокупности с сопряженными с ним транспортно-логистическим и другими обеспечивающими проектами, т. е. ценность проекта измеряется не ценой поставляемых длительный период энергоносителей, а является комплексной и ступенчатой. Ступенчатый рост ценности и затрат возникает ввиду ориентации на растущие объемы поставок и потребления энергии или топливно-энергетического ресурса. Для достижения этих объемов путем поэтапного перевода энергетического проекта на очередную ступень объема, возможную при условии созда-

[1] Методика оценки социально-экономических эффектов от проектов строительства (реконструкции) и эксплуатации объектов транспортной инфраструктуры, планируемых к реализации с привлечением средств федерального бюджета, а также с предоставлением государственных гарантий Российской Федерации и налоговых льгот: Постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 1512. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339334/ (дата обращения: 01.06.2026).

[2] TITAN. URL: https://titan-ship.ru/article (дата обращения: 11.04.2026).

ния и введения новых производственных мощностей, реализуются обеспечивающие проекты.

4. Для российской системы отсчета при оценке эффекта и эффективности проекта учитываются не только прямые затраты по добыче, подготовке, первичной обработке и транспортировке углеводородов и топлива на их основе, но и альтернативные издержки вывозимого из страны ресурса. Это, например, несозданная ценность сжигаемого и экспортируемого газа, который можно использовать в технологиях газохимии в производственных системах России, создающих конечный продукт большей ценности. Поскольку запасы велики, мировые цены достаточно высоки и такие альтернативы пока реально не конкурируют между собой, в близкой перспективе не возникает необходимости в расчете альтернативной ценности газового сырья. Для некоторых других межотраслевых проектных систем альтернативные издержки массового первичного ресурса могут быть значительно существеннее. Вместе с тем, в орбиту экономического эффекта российской стороны должны попадать косвенные неэнергетические результаты в виде оборудования для ТЭК, транспортной сети для транспортировки энергоносителей, проекты создания которых являются как необходимыми для достижения задаваемых объемов передаваемых ТЭР, так и комплементарными им.

5. Соответственно, китайской системой отсчета при оценке эффекта крупнейших проектов энергетического сотрудничества выступает народное хозяйство КНР. Здесь также важны комплементарные результаты. К ним можно отнести дополнительную энергию, пересчитанную через энергоемкость в приращение товарного, прежде всего экспортного продукта КНР, т. е. косвенный эффект от притока энергии или энергоносителя в страну, возникающий в сфере мирового лидирования Китая и невозможный без надежного дополнительного обеспечения ТЭР, которыми Китай не обладает. Как и для России, для Китая комплементарными являются проекты транспортной инфраструктуры, в частности, освоение грузооборота по Северному морскому пути. Так, проект «Арктический СПГ», транспортируемый по арктическому морскому маршруту, значительно сокращает расстояние его поставок в Китай и другие страны Востока. Участие же КНР в освоении СМП дает ему эффект в более скором и массовом продвижении своих товаров по каналам логистики России и всей Евразии.

6. В объединенной системе отсчета двух экономик, кроме отмеченных в пунктах 4 и 5 эффектов, важно формировать их синергию (Хакен, 1980; Моран, 1973). Экономическая природа синергии в данном случае в том, что крупная инфраструктура, необходимая для развертывания масштабного энергетического сотрудничества, откроет дополнительные возможности сотрудничества и обмена в других сферах, удешевляя, в частности, международную логистику для обеих стран, в том числе и в областях, не связанных с энергетикой. Логистика способствует расширению рынков сбыта, росту производства и, вследствие этого, снижению себестоимости (Лаврикова и др., 2024). Значение этого результата — в удешевлении продукта экспорта как в части производственных (за счет роста объема производства ввиду возможности удовлетворять более масштабные рынки сбыта), так и в части транспортно-логистических затрат с учетом возможности ускорения оборачиваемости торгового капитала.

Оценка эффективности обмена проектов энергетической инфраструктуры — это сложный комплексный процесс, требующий построения многомерной, многометодовой системы оценки, учитывающей экономические выгоды и долгосрочные последствия, стратегическую ценность, открывающиеся сопряженные возможности для общества, включая воздействие на качество жизни, природу, научно-технический и технологический прогресс, международные отношения и безопасность. Предложенные выше положения нацелены на расширенную экономическую оценку. Однако не всегда целесообразно ограничиваться экономической, пусть даже существенно расширенной оценкой при постановке, обосновании, выборе варианта и ранжирования проекта по времени осуществления. Системный подход к проблеме означает и необходимость многокритериального оценивания вследствие многоцелевого характера систем — объектов комплексных проектов.

Анализ документов, различных подходов и методов, практики их применения при оценках эффективности и комплексном обосновании проектов позволяет предложить дополнение экономических оценок проектов тремя важнейшими неэкономическими:

1. Пространственно-геостратегический критерий, состоящий в придании большей значимости влиянию проекта на развитие конкретных территориальных зон в наших странах. Оценка по этому критерию стремится учесть долгосрочную целевую стратегическую роль территории, характер социально-экономического и иного пространства, формируемого на базе территориальной зоны, на которой оказываются проектируемые объекты.

2. Технико-технологический критерий означает стремление к выбору такого проектного варианта, который бы приближал поток инвестиций к разработкам и применению новых технологических принципов и образцов техники,

делая некоторый вклад в еще не получающие достаточного ресурса научно-технические и научно-технологические направления, отвечающие запросам общества, государства, хозяйствующих субъектов.

3. Экологический критерий наиболее очевиден в качестве дополняющего и несложен в методическом отношении, поскольку уже практически всегда учитывается в проектах, выступая либо как нормативное ограничение, либо как экологические затраты. Тенденция этого процесса — существенно упрощающий процесс применения экологического критерия перевод затрат такого рода из категории неявных в категорию явных. Однако в случае крупных системных проектов могут возникать новые грани его смысла, когда в состав проектного комплекса в процессе энергетического сотрудничества двух держав закладываются решения по переработке топлива, использование которого в производстве относят обычно ко II–III технологическим укладам (уголь и нефть), на основе технологий нового поколения, например, внутрицикловая газификация угля, в корне меняющая представление об экологической нагрузке при его хозяйственном применении.

Преимущество имеет вариант проекта, более ценный при прочих равных по любому из этих критериев. Соотношение значимости критериев между собой выражается с помощью их экспертного ранжирования, в том числе в виде лингвистических переменных с последующим преобразованием в количественную форму, и, при необходимости, построения и анализа нечеткого множества многокритериальной оценки варианта проекта (Петров и др., 2023а).

Заключение

В предлагаемой статье обоснованы подходы и принципы системной оценки эффективности крупных проектов российско-китайского энергетического сотрудничества. Отмечена тенденция их эволюции в направлении комплексности и усиления потенциала воздействия на процессы экономико-технологического и пространственного развития в России и Китае. Обоснован принцип выбора системы отсчета результатов и затрат проектов, состава косвенных неэнергетических эффектов проектов, раскрыта сущность экономико-технологической комплементарности, необходимость оценки совокупного эффекта сопряженных проектов, предложен способ выявления синергии международных российско-китайских проектов. Уточнена и адаптирована к условиям российско-китайского энергетического сотрудничества структура и содержание многокритериальных оценок.

Отдельные авторские походы уже были успешно применены российской стороной. В энергетической сфере, в частности, это приоритизация вариантов решений в многокритериальной постановке в проектах по энергетическому обеспечению районов концентрации экономической деятельности в Арктике. В настоящей статье не ставилась задача представления альтернативных оценок конкретных проектных решений, поскольку они в силу своего объема и необходимости описания локальных условий и набора процедур требуют отдельной статьи и будут выполнены и представлены в будущих публикациях, где будут проиллюстрированы возможности сочетанного применения обоснованных здесь положений. В отношении российско-китайских проектов энергетического сотрудничества, например, предварительные оценки показывают приращение на 15–25 % эффективности создания в Дальневосточном регионе новых энергоугольных российских объектов за счет того, что в составе российско-китайских проектов, связанных с углем, создаются объекты инфраструктуры энергетического, ресурсного и индустриального назначения. Речь идет о подготовке ресурсной базы и ее транспортного обеспечения, которые необходимы также и для некоторых проектов внутрироссийского назначения, направленных на ускорение индустриального развития востока страны. Иерархия эффектов и принятие в качестве определяющего эффекта общеэкономического, народнохозяйственного позволяет наиболее полно отразить и ценность проекта, и связанные с ним комплексные издержки. Это дает основания к расширению пакета комплементарных проектов.

Расширение системной концепции оценки сотрудничества необходимо как на этапе выдвижения и обоснования проектных инициатив, так и для мониторинга достигнутого уровня, уточнения приоритетов в использовании ресурсов развития и комплекса предстоящих проектных решений.

Список источников

Азиева, Р. Х. (2023). Перспективы сотрудничества России и Китая в контексте развития топливно-энергетического комплекса. *Прогрессивная экономика,* (9), 49–67. https://doi.org/ 10.54861/27131211_2023_9_49

Бабаев, К. В. (2026). Азиатская стратегия России в современной геополитике и геоэкономике. *Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 18* (1), 62–80. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80

Бабаев, К. В., Лузянин, С. Г. (2024). *Поворот на Восток: восточноазиатский вектор России (2014–2024).* Москва: Российская Академия наук, 255.

Беренс, В., Хавранек, П. М. (1995). *Руководство по оценке эффективности инвестиций* (пер. с англ.). Москва: Инфра-М, 528.

Глазьев, С. Ю. (1990) *Экономическая теория технического развития.* Москва: Наука, 230.

Гулакова, О. И., Ершов, Ю. С., Ибрагимов, Н. М., Новикова, Т. С. (2017). Оценка общественной эффективности инфраструктурного проекта на примере нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий Океан»-2. *Регион: экономика и социология,* (2(94)), 126–151. https://doi.org/10.15372/REG20170206

Денисенко, В. А. (2022). Россия и Китай: взаимодействие в сфере электроэнергетики. *Известия Восточного института,* (1(53)). 132–143. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/132-143

Доу, Ю., Лавров, С. Н., Симонов, А. Г. (2025). Перспективы развития сотрудничества между Россией и Китаем в нефтяной сфере. *Экономические отношения, 15*(2), 375–396. https://doi.org/ 10.18334/eo.15.2.122962

Жизнин, С. З., Тимохов, В. М. (2018). Энергетическое сотрудничество России и Китая. *Финансовая экономика,* (4), 315–317.

Зайков, К. С., Спиридонов, А. А., Фадеев, А. М. (2024). Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд. *Артика и Север,* (54), 22–37. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22

Крюков, В. А. (2024). Поспеть за временем. *ЭКО,* (4(598)), 4–7. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-4-7

Крюков, В. А., Шмат, В. В. (2018). *Нефтегазовый сектор и экономика: проблемы координации и межотраслевых взаимодействий.* Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 44.

Лаврикова, Ю. Г., Петров, М. Б., Кожов, К. Б. (2024). Сухой порт Северного морского пути в концепции формирования Урало-Арктического сектора России. *Экономика региона, 20*(2), 574–590. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-15

Лузянин, С. Г., Семенова, Н. К. (2016). Россия — Китай — Центральная Азия: транспортные и энергетические интересы. *Обозреватель,* (2(313)), 56–66.

Моран, П. (1973). *Статистические процессы эволюционной теории* (В. И. Рублинецкий и Б. П. Харламов, пер.). Москва, Наука, 288.

Петров, М. Б., Кожов, К. Б., Мезенцев, П. Е. (2023а). Выбор приоритетных источников энергоснабжения Арктического побережья Европейской России. *Промышленная энергетика,* (4), 10–15. https://doi.org/10.34831/EP.2023.93.85.001

Петров, М. Б., Кожов, К. Б., Мезенцев, П. Е., Ивашкин, М. В. (2023б). Инструментарий выбора варианта энергообеспечения района порта Индига в условиях его мультимодальности и приоритетности. *Вестник Уральского государственного университета путей сообщения,* (1(57)), 42–51. https://doi.org/10.20291/2079-0392-2022-4-42-51

Рахматуллина, Ю. А., Юнусова, Р. Ф., Яруллин, Р. Р. (2022). Концепция затраты-выгоды в экономической оценке эффективности инвестиций в государственные проекты. *Дискуссия,* (4(113)), 42–50. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-3-112-58-50

Селиверстов, В. Е. (2013). *Региональное стратегическое планирование: от методологии к практике* (В. В. Кулешов, ред.). Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 435.

Сериков, П. Ю. (2016). Об оценке общественной эффективности инфраструктурных проектов в ТЭК с учётом межотраслевых взаимодействий и мультипликативных эффектов. *Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд,* (39–1), 116–122.

Смыслова, О. Ю., Трутенко, Е. В. (2025). Инфраструктурные проекты в России: сущность, классификация и факторы выбора локации для реализации крупных инициатив. *Экономика, предпринимательство и право, 15*(4), 2737–2754. https://doi.org/10.18334/epp.15.4.123143

Титаренко, М. Л. (2018). Энергетическое сотрудничество России и Китая и его влияние на решение проблем модернизации и безопасности России. В А. Е. Лукьянов (ред.), *Моя вторая родина — Китай* (с. 530–536). Москва: ИДВ РАН.

Хакен, Г. (1980). *Синергетика (пер.).* Москва: Мир, 408.

Четверик, Н. П., Чижов, С. В., Вязовиченко, О. В., Максименко, А. В., Постовалова, А. А., Сахарова, И. Д., Ханухов, Х. М. (2014). *Методические рекомендации по оценке эффективности инноваций на этапе проекта.* Москва: Национальное объединение проектировщиков, 53.

Шевелев, Я. В., Клименко, А. В. (1996). *Эффективная экономика ядерного топливно-энергетического комплекса.* Москва, РГГУ, 736.

Ященко, А. В., Казымов, И. М., Компанеец, Б. С. (2022). Оценка эффективности инвестиций в развитие электроэнергетики в условиях конъюнктуры оптового рынка электроэнергии и мощности. *Вестник Алтайской академии экономики и права,* (3–1), 147–154. https://doi.org/10.17513/vaael.2110

Boardman, A. E., Greenberg, D. H., Vining, A. R. и Weimer, D. L. (2018). *Cost-benefit analysis: Concepts and practice* (5th ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 604. https://doi.org/10.1017/9781108235594

Bolt, P. J., & Cross, S. N. (2010). The contemporary Sino-Russian strategic partnership: Challenges and opportunities for the twenty-first century. *Asian Security, 6*(3), 191–213. https://doi.org/10.1080/14799855.2010.507153

Li, X., Han, Y., & Tao, K. (2023). China-Russia Energy cooperation under the framework of the Belt and Road Initiative: Achievements, problems and countermeasures. *Humanities Magazine,* (4), 66–76.

王领，杨辰，陈芮娴 [Ван, Л., Ян, Ч., Чен, Ж.] (2023). 外商直接投资对我国全要素能源效率的影响研究 —“十四五”能源规划下的思考 [Исследование влияния ПИИ на совокупную факторную энергоэффективность нашей страны — размышления о 14-м пятилетнем энергетическом плане]. 对外经贸实务 *[Практика внешнеторгового и экономического сотрудничества]*, (1), 88–96.

王婷，陈凯华，卢涛，穆荣平 [Ван, Т., Чэнь, К., Лу, Т., Му, Р.] (2020). 重大科技基础设施综合效益评估体系构建研究—兼论在“天眼”评估中的应用 [Исследование построения комплексной системы оценки экономической эффективности для крупных научно-технических инфраструктурных проектов — о ее применении в оценке радиотелескопа «Тяньянь»]. 管理世界 *[Мир менеджмента]*, (06), 213–236. https://doi.org/10.19744/j.cnki.11-1235/f.2020.0096

魏一鸣，李慧，廖华 [Вэй, И., Ли, Х., Ляо, Х.] (2026). “十四五”我国节能提效成效研判与“十五五”展望 [Анализ эффективности энергосбережения и повышения энергоэффективности в нашей стране в период 14-й пятилетки и перспективы на период 15-й пятилетки]. 中国环境管理 *[Управление окружающей средой Китая]*, (1), 15–23. https://doi.org/10.16868/j.cnki.1674-6252.2026.01.015

郭明明 [Го, М.] (2025). 基础设施项目投资效益评估与风险管理策略 [Оценка инвестиционных выгод и стратегия управления рисками инфраструктурных проектов]. 大众标准化 *[Популярная стандартизация]*, (04), 91–93.

孙超，丁菀 [Сунь, Ч., Дин, В.] (2025). 中国能源合作的发展历程与影响因素分析 [Анализ процесса развития и факторов влияния китайско-российского энергетического сотрудничества]. 中国石油大学学报（社会科学版） *[Журнал Китайского университета нефти (издание по социальным наукам)]*, (05), 1–10. https://doi.org/10.13216/j.cnki.upcjess.2025.05.0001

何旭鸡 [Хэ, С.] (2019). 中俄能源合作的历史、现状及前景 [История, текущее положение и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества]. 齐齐哈尔大学学报（哲学社会科学版） *[Журнал Цицихарского университета (издание по философии и социальным наукам)]*, (11), 120–123.

崔雅. [Цуй, Я.] (2014). 中俄能源合作历程与发展方向 [История и направление развития китайско-российского энергетического сотрудничества]. 党政干部学刊 [Журнал партийных и правительственных кадров], (8), 49–52.

邵华，韩敏 [Шао, Х., Хань, М.] (2025). 中俄能源合作历程、特征与前景展望 [История, характеристики и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества]. 中国石油大学学报（社会科学版） *[Журнал Китайского университета нефти (издание по социальным наукам)]*, (03), 20–28. https://doi.org/10.13216/j.cnki.upcjess.2025.03.0003

帅斌，黄文成，吴贞瑶，李美霖，宗君振 [Шуай, Б., Хуан, В., У, Чж., Ли, М., Цзун, Цз.] (2018). 中日德铁路项目经济效益评估比较研究 [Сравнительное исследование оценки экономической эффективности железнодорожных проектов Китая, Японии и Германии]. 铁道运输与经济 *[Железнодорожный транспорт и экономика]*, (01), 1-7. https://doi.org/10.16668/j.cnki.issn.1003-1421.2018.01.01

References

Azieva, R. H. (2023). Prospects for Cooperation between Russia and China in the Context of the Development of the Fuel and Energy Complex. *Progressivnaya Ekonomika [Progressive Economics],* (9), 49–67. https://doi.org/10.54861/27131211_2023_9_49 (In Russ.)

Babaev, K. V. (2026). Russia's Asian Strategy in Contemporary Geopolitics and Geoeconomics. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye Otnosheniya i Mirovaya Politika [Lomonosov World Politics Journal], 18*(1), 62–80. https://doi.org/10.48015/2076-7404-2026-18-1-62-80 (In Russ.)

Babaev, K. V., & Luzyanin, S. G. (2024). Povorot na Vostok: Vostochnoaziatskii Vektor Rossii (2014–2024) [Pivot to the East: Russia's East Asian vector (2014–2024)]. Moscow: Russian Academy of Sciences, 255. (In Russ.)

Berens, V., & Khavranek, P. M. (1995). *Rukovodstvo po Otsenke Effektivnosti Investitsii [Manual for the Evaluation of Industrial Projects]* (New rev. and ed. ed.). Moscow: INFRA-M, 528. (In Russ.)

Bolt, P. J., & Cross, S. N. (2010). The Contemporary Sino-Russian Strategic Partnership: Challenges and Opportunities for the Twenty-First Century. *Asian Security, 6*(3), 191–213. https://doi.org/10.1080/14799855.2010.507153

Chetverik, N. P., Chizhov, S. V., Vyazovichenko, O. V., Maksimenko, A. V., Postovalova, A. A., Sakharova, I. D., & Khanukhov, Kh. M. (2014). *Metodicheskie Rekomendatsii po Otsenke Effektivnosti Innovatsii na Etape Proekta [Guidelines for Evaluating the Efficiency of Innovations at the Project Stage].* Moscow: National Alliance of Designers, 53. (In Russ.)

Cui, Y. (2014). Zhong'e nengyuan hezuo licheng yu fazhan fangxiang [History and Development Direction of China-Russia Energy Cooperation]. *Dangzheng Ganbu Xuekan [Journal of Party and Government Cadres],* (8), 49–52. (In Chinese)

Denisenko, V. A. (2022). Russia and China: Cooperation in the Electric Power Industry. *Izvestiya Vostochnogo Instituta [Oriental Institute Journal],* (1(53)). 132–143. https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/132-143 (In Russ.)

Dou, Yu., Lavrov, S. N., & Simonov, A. G. (2025). Prospects for the Development of Russian-Chinese Oil Cooperation. *Ekonomicheskiye Otnosheniya [Journal of International Economic Affairs], 15*(2), 375–396. https://doi.org/10.18334/eo.15.2.122962 (In Russ.)

Glazyev, S. Yu. (1990). *Ekonomicheskaya teoriya tehnicheskogo razvitiya [Economic theory of technical development].* Moscow: Nauka, 230. (In Russ.)

Gulakova, O. I., Ershov, Yu. S., Ibragimov, N. M., & Novikova, T. S. (2017). Estimation of the Public Efficiency of the Infrastructure Project on the Example of the Second Branch of the Eastern Siberia — Pacific Ocean Oil Pipeline. Region: *Ekonomika i Sotsiologiya [Region: Ekonomika i Sotsiologiya],* (2(94)), 126–151. https://doi.org/10.15372/REG20170206 (In Russ.)

Guo, M. (2025). Jichu sheshi xiangmu touzi xiaoyi pinggu yu fengxian guanli celve [Investment Benefit Evaluation and Risk Management Strategies for Infrastructure Projects]. *Dazhong biaozhunhua [Popular Standardization],* (04), 91–93. (In Chinese)

Haken, G. (1980). *Sinergetika [Synergetics] (Trans.).* Moscow: Mir, 408. (In Russ.)

He, X. (2019). Zhong'e nengyuan hezuo de lishi, xianzhuang ji qianjing [History, Current Situation and Prospects of China-Russia Energy Cooperation]. *Qiqiha'er daxue xuebao (Zhexue shehui kexue ban) [Journal of Qiqihar University (Philosophy and Social Sciences Edition)],* (11), 120–123. (In Chinese)

Kryukov, V. A. (2024). Keep Up with the Times. *EKO [ECO],* (4(598)), 4–7. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-4-7(In Russ.)

Kryukov, V. A., & Shmat, V. V. (2018). *Neftegazovyi Sektor i Ekonomika: Problemy Koordinatsii i Mezhotraslevykh Vzaimodeistvii [Oil and Gas Sector and Economy: Problems of Coordination and Intersectoral Interactions].* Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 44. (In Russ.)

Lavrikova, Yu. G., Petrov, M. B., & Kozhov, K. B. (2024). The Dry Port on the Northern Sea Route in the Formation of the Ural-Arctic Sector of Russia. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 20*(2), 574–590. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-15 (In Russ.)

Li, X., Han, Y., & Tao, K. (2023). China-Russia Energy Cooperation under the Framework of the Belt and Road Initiative: Achievements, Problems and Countermeasures. *Humanities Magazine,* (4), 66–76.

Luzyanin, S. G., Semenova, N. K. (2016). Russia — China — Central Asia: Transport and Energy Interests. *Obozrevatel' [Observer],* (2(313)), 56–66. (In Russ.)

Moran, P. (1973). *Statisticheskie Protsessy Evolyutsionnoi Teorii [The Statistical Processes of Evolutionary Theory] (Trans.).* Moscow: Nauka, 288. (In Russ.)

Petrov, M. B., Kozhov, K. B., & Mezentsev, P. E. (2023). Selection of Priority Energy Supply Sources for the Arctic Coast of European Russia. *Promyshlennaya Energetika [Industrial Power Engineering],* (4), 10–15. https://doi.org/10.34831/EP.2023.93.85.001. (In Russ.)

Petrov, M. B., Kozhov, K. B., Mezentsev, P. E., & Ivashkin, M. V. (2023). Tools for Choosing the Energy Supply Option for the Indiga Port Area in Terms of Its Multimodality and Priority. *Vestnik Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta Putey Soobshcheniya [Herald of the Ural State University of Railway Transport],* (1(57)), 42–51. https://doi.org/10.20291/2079-0392-2022-4-42-51 (In Russ.)

Rakhmatullina, Yu. A., Yunusova, R. F., & Yarullin, R. R. (2022). The Cost-Benefit Concept in the Economic Assessment of the Effectiveness of Investments in Public Projects. *Diskussiya [Discussion],* (4(113)), 42–50. https://doi.org/10.46320/2077-7639-2022-3-112-58-50 (In Russ.)

Seliverstov, V. E. (2013). *Regionalnoe Strategicheskoe Planirovanie: ot Metodologii k Praktike [Regional Strategic Planning: From Methodology to Practice]* (V. V. Kuleshov, Ed.). Novosibirsk: IEIE SB RAS, 435. (In Russ.)

Serikov, P. Yu. (2016). Assessment of Public Efficiency of Fuel and Energy Infrastructure Projects with Account of Interindustry Links and Multiplier Effects. *Sovremennye Tendentsii v Ekonomike i Upravlenii: Novyy Vzglyad [Modern Trends in Economics and Management: New Outlook],* (39–1), 116–122. (In Russ.)

Shao, H., & Han, M. (2025). Zhong'e nengyuan hezuo licheng, tezheng yu qianjing zhanwang [History, Characteristics and Prospects of China-Russia Energy Cooperation]. *Zhongguo shiyou daxue xuebao (Shehui kexue ban) [Journal of China University of Petroleum (Social Sciences Edition)],* 03, 20–28. (In Chinese)

Shevelev, Ya. V., & Klimenko, A. V. (1996). *Effektivnaya Ekonomika Yadernogo Toplivno-Energeticheskogo Kompleksa [Effective Economics of the Nuclear Fuel and Energy Complex].* Moscow: Russian State University for the Humanities, 736. (In Russ.)

Shuai, B., Huang, W., Wu, Z., Li, M., & Zong, J. (2018). Zhongride tielu xiangmu jingji xiaoyi pinggu bijiao yanjiu [Comparative Study on Economic Benefit Evaluation of China-Japan-Germany Railway Projects]. *Tiedao Yunshu yu Jingji [Railway Transport and Economy],* (01), 1–7. https://doi.org/10.16668/j.cnki.issn.1003-1421.2018.01.01 (In Chinese)

Smyslova, O. Yu., & Trutenko, E. V. (2025). Infrastructure Projects in Russia: Nature, Classification and Site Selection Factors for Major Initiatives. *Ekonomika, Predprinimatel'stvo i Pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 15*(4), 2737–2754. https://doi.org/10.18334/epp.15.4.123143 (In Russ.)

Sun, C., & Ding, W. (2025). Zhong-E nengyuan hezuo de fazhan licheng yu yingxiang yinsu fenxi [Analysis of the Development Process and Influencing Factors of China-Russia Energy Cooperation]. Zhongguo Shiyou Daxue Xuebao (Shehui Kexue Ban) *[Journal of China University of Petroleum (Social Sciences Edition)],* 05, 1–10. https://doi.org/10.13216/j.cnki.upcjess.2025.05.0001. (In Chinese)

Titarenko, M. L. (2018). Energeticheskoe Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya i Ego Vliyanie na Reshenie Problem Modernizatsii i Bezopasnosti Rossii [Energy Cooperation between Russia and China and its Impact on Solving the Problems of Modernization and Security of Russia]. In A. E. Lukyanov (Ed.), *Moya Vtoraya Rodina — Kitai [China is my Second Homeland]* (pp. 530–536). Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (In Russ.)

Wang, L., Yang, C., & Chen, R. (2023). FDI dui woguo quan yaosu nengyuan xiaolv de yingxiang yanjiu — "Shisiwu" nengyuan guihua xia de sikao [Research on the Impact of FDI on China's Total Factor Energy Efficiency: Reflections under the 14th Five-Year Energy Plan]. Duiwai jingmao shiwu [Practice in Foreign Economic Relations and Trade], (1), 88–96. (In Chinese)

Wang, T., Chen, K., Lu, T., & Mu, R. (2020). Zhongda keji jichu sheshi zonghe xiaoyi pinggu tixi goujian yanjiu—Jianlun zai FAST pinggu zhong de yingyong [Research on the Construction of a Comprehensive Benefit Evaluation System for Major Science and Technology Infrastructure: With Application to FAST Evaluation]. *Guanli shijie [Journal of Management World],* (06), 213–236. https://doi.org/10.19744/j.cnki.11-1235/f.2020.0096 (In Chinese)

Wei, Y., Li, H., & Liao, H. (2026). "Shisiwu" woguo jieneng tixiao chengxiao yanpan yu "Shiwuwu" zhanwang [Effectiveness Evaluation of China's Energy Conservation and Efficiency Improvement during the 14th Five-Year Plan and Outlook for the 15th Five-Year Plan]. *Zhongguo huanjing guanli [Chinese Journal of Environmental Management],* (1), 15–23. https://doi.org/10.16868/j.cnki.1674-6252.2026.01.015 (In Chinese)

Yashchenko, A. V., Kazymov, I. M., & Kompaneets, B. S. (2022). Evaluation of the Efficiency of Investments in the Development of the Power Industry in the Conditions of the Wholesale Market of Electricity and Capacity. *Vestnik Altayskoy Akademii Ekonomiki i Prava [Bulletin of Altai Academy of Economics and Law],* (3–1), 147–154. https://doi.org/10.17513/vaael.2110 (In Russ.)

Zaikov, K. S., Spiridonov, A. A., & Fadeev, A. M. (2024). Cooperation Between Russia and China in the Arctic Energy Sector: A Strategic Perspective. *Artika i Sever [Arctic and North],* (54), 22–37. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.22 (In Russ.)

Zhang, Sh. (2025). Current State and Prospects of Cooperation in the Energy Industry of China and Russia. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii [Intellect. Innovation. Investment],* (3), 75–85. https://doi.org/10.25198/2077-7175-2025-3-75

Zhiznin, S. Z., & Timokhov, V. M. (2018). Energy Cooperation Between Russia and China. *Finansovaya Ekonomika [The Financial Economy],* (4), 315–317. (In Russ.)

Информация об авторах

Чжоу Цайцюань — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; https://orcid.org/0000-0001-8723-4560 (Китайская Народная Республика, 10007, г. Пекин, пр-т Чжан Цзычжун, д. 3; e-mail: zhoucq@cass.org.cn).

Петров Михаил Борисович — доктор технических наук, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Центра развития и размещения производительных сил, Институт экономики УрО РАН; Scopus Author ID: 55970815800; https://orcid.org/0000-0002-3043-6302 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: petrov.mb@uiec.ru).

About the authors

Caiquan Zhou — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Fellow, Institute of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Chinese Academy of Social Sciences; https://orcid.org/0000-0001-8723-4560; (3, Zhang Zi Zhong Ave., Beijing, 10007, People's Republic of China, e-mail: zhoucq@cass.org.cn).

Mikhail B. Petrov — Dr. Sci. (Eng.), Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Centre for Development and Location of Productive Forces, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; Scopus Author ID: 55970815800; https://orcid.org/0000-0002-3043-6302 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: petrov.mb@uiec.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026. Received: 15 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 29.06.2026. Reviewed: 29 Jun 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-17
УДК 337.727.22
JEL: F21

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Е. А. Карагулян [а], *Ю. В. Соловьева* [б], *Д. А. Карх* [в]

[а] Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

[б] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Российская Федерация

[в] Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Критические вызовы и возможности для развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества (на примере химической отрасли)[1]

Аннотация. В условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию химическая промышленность становится критически важным сектором для обеспечения технологического суверенитета и национальной безопасности страны. Уход западных инвесторов и технологических партнеров вынуждает Россию переориентироваться на сотрудничество с Китаем. Однако привлечение китайских прямых иностранных инвестиций в химическую отрасль сопряжено не только с новыми возможностями, но и с серьезными рисками и противоречиями, требующими всестороннего изучения. Цель исследования — выявить критические вызовы, сдерживающие приток китайских инвестиций в российскую химическую промышленность, а также обосновать перспективные возможности для развития двустороннего инвестиционного сотрудничества. Методологическую базу работы составил комплексный подход, включающий системный и структурный анализ, статистическую обработку данных Центрального банка России, Росстата, Национального бюро статистики Китая, Евразийского банка развития и отраслевой аналитики за период 2014–2025 гг., а также анализ научной литературы. В ходе исследования выявлены структурные парадоксы, характеризующие российско-китайское инвестиционное сотрудничество: количественный рост отрасли сопровождается усилением качественной технологической зависимости от китайского оборудования; стратегическое партнерство сочетается с жесткой конкуренцией на глобальных рынках базовой нефтехимии; политика импортозамещения сталкивается с сохранением импортной зависимости по критическим компонентам. Систематизированы пять ключевых барьеров наращивания прямых иностранных инвестиций: санкционная изоляция России, зависимость от импортного оборудования, конкуренция с Китаем, высокая стоимость капитала и ограниченная диверсификация. Предложен комплекс мер по их преодолению, включающий диверсификацию международного партнерства, формирование технологического суверенитета по критическим позициям, введение антидемпинговых мер в рамках Евразийского экономического союза, субсидирование процентных ставок и налоговые льготы для высокомаржинальных производств. Результаты могут быть использованы при разработке государственной промышленной политики, формировании стратегий инвестиционного сотрудничества России и Китая, а также в деятельности институтов развития и химических компаний при планировании совместных проектов.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, российско-китайское инвестиционное сотрудничество, химическая промышленность, санкции, технологический суверенитет, импортозамещение, глобальные цепочки стоимости

Для цитирования: Карагулян, Е. А., Соловьева, Ю. В., Карх, Д. А. (2026). Критические вызовы и возможности для развития российско-китайского инвестиционного сотрудничества (на примере химической отрасли). *Экономика региона, 22*(3), 712–726. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-17

[1] © Карагулян Е. А., Соловьева Ю. В, Карх Д. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Egine A. Karagulyan [a], *Yuliana V. Solovyova* [b], *Dmitry A. Karkh* [c]

[a] Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

[b] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

[c] Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Frderation

Critical Challenges and Opportunities for the Development of Russian-Chinese Investment Cooperation (Case Study of the Chemical Industry)

Abstract. Under unprecedented sanctions pressure, Russia's chemical industry has become critical to the country's technological sovereignty and national security. The withdrawal of Western investors and technology partners has increased Russia's reliance on cooperation with China. However, Chinese investment creates both new opportunities and significant risks. This study identifies the main barriers to Chinese foreign direct investment (FDI) in Russia's chemical industry and examines opportunities for strengthening bilateral investment cooperation. The analysis combines systemic, structural, and statistical methods, using data from the Central Bank of Russia, Rosstat, China's National Bureau of Statistics, the Eurasian Development Bank, industry sources, and academic literature for 2014–2025. The study identifies three major structural paradoxes: investment growth is accompanied by greater technological dependence on Chinese equipment; strategic cooperation coexists with competition in global petrochemical markets; and import substitution remains constrained by dependence on critical imported components. Five key barriers to FDI are identified: sanctions-related isolation, dependence on imported equipment, competition with China, high capital costs, and limited diversification. To address these challenges, the study proposes diversifying international partnerships, strengthening technological capabilities in critical areas, introducing anti-dumping measures within the Eurasian Economic Union, subsidizing interest rates, and providing tax incentives for high-value-added production. The findings can support government industrial policy, Russia–China investment strategies, and joint project planning by development institutions and chemical companies.

Keywords: foreign direct investment, Russian-Chinese investment cooperation, chemical industry, sanctions, technological sovereignty, import substitution, global value chains

For citation: Karagulyan, E. A., Solovyova, Yu. V., & Karkh, D. A. (2026). Critical Challenges and Opportunities for the Development of Russian-Chinese Investment Cooperation (Case Study of the Chemical Industry). *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 712–726. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-17

Введение

Значение химической промышленности для развития страны сложно переоценить. Она занимает уникальное положение в структуре экономики, обладая колоссальным мультипликативным эффектом. Одно рабочее место в химической промышленности создает дополнительно пятнадцать мест в смежных отраслях, а каждый вложенный рубль дает отдачу в 4,2 р. в экономике в целом. Отрасль создает сырье и материалы для всех без исключения секторов экономики (Широкова, 2021). Без современной «химии» невозможно существование ни оборонного комплекса, ни фармацевтики, ни сельского хозяйства, ни цифровой экономики. Развитие химической промышленности является не просто вопросом диверсификации экономики России или импортозамещения, а фундаментальным условием для сохранения технологического суверенитета страны.

В условиях жесткого санкционного давления и снижения объемов экспорта нефти и газа значение химической промышленности растет. Она позволяет перерабатывать излишки нефтегазового сектора, частично компенсировав снижение валютной выручки страны. Кроме того, развитие химической промышленности — это возможность для России уйти от «ресурсного проклятия», создать новую модель функционирования экономики. Нефтехимия становится единственным источником роста для вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний, которые заинтересованы в привлечении в отрасль инвестиций.

Вместе с тем, химическая промышленность является одной из глобализированных отраслей мировой экономики. В отличие от добывающих секторов или сферы услуг, данный сектор требует трансграничного движения факторов производства: сырья, капиталов и технологий. Ни одна страна мира не обладает замкнутым циклом производства всей номенклатуры химической продукции, что в совокупности с высокой капиталоемкостью производства делает иностранные инвестиции структурно необходимым элементом развития отрасли.

В условиях роста глобальной нестабильности происходит и трансформация инвестиционного процесса, которая особенно сильно затронула Россию. Место России в мировых потоках прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за последние три года существенно изменилось. Россия превратилась из крупнейшего получателя ПИИ в страну с чистым оттоком и минимальным при-

током капитала. Санкционное давление привело к уходу западных компаний с российского рынка. В сложившихся условиях Россия вынуждена искать новых партнеров среди дружественных стран, в том числе стран Большой Евразии, для завершения ранее начатых проектов. Основным партнером России в области инвестиций становится Китай, для которого химическая промышленность является привлекательной в плане вложений. Однако, наряду с положительными эффектами привлечения китайских ПИИ в химическую промышленность России, возникают новые риски закрепления технологической зависимости и сырьевой модели экономики, требующие изучения.

Цель настоящей работы — выявить и систематизировать ключевые критические вызовы и перспективные возможности для углубления российско-китайского инвестиционного сотрудничества в химической отрасли в современных геополитических условиях.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: изучить динамику китайских ПИИ в химическую промышленность России; выявить тенденции развития инвестиционного сотрудничества стран в данной отрасли; систематизировать критические вызовы, сдерживающие реализацию совместных инвестиционных проектов в химической отрасли; обосновать перспективные формы ПИИ России и Китая в химической отрасли, позволяющие минимизировать существующие риски и реализовать имеющийся потенциал.

Исследовательский вопрос работы: каковы ключевые критические вызовы и возможности для углубления российско-китайского инвестиционного сотрудничества в химической отрасли на современном этапе? Какие формы инвестиционного взаимодействия позволяют минимизировать риски и реализовать имеющийся потенциал?

Объектом исследования выступает система инвестиционных отношений Китая и России в области химической промышленности. Предметом исследования являются критические вызовы и структурные противоречия, возникающие в процессе российско-китайского инвестиционного сотрудничества в химической промышленности в условиях геополитической фрагментации, санкционного давления и трансформации глобальных цепочек стоимости.

Гипотеза исследования: текущая модель инвестиционного сотрудничества в химической отрасли, обеспечивая краткосрочную стабильность и адаптацию к санкционному шоку, неизбежно формирует зависимость России от КНР, что приводит к снижению технологического суверенитета и замещению одной формы внешней зависимости другой.

Теоретическую базу исследования составили труды зарубежных и российских авторов, изучающих ПИИ как фактор экономического роста страны, отрасли. Научная новизна заключается в выявлении и теоретическом обосновании структурных парадоксов российско-китайского инвестиционного сотрудничества в химической промышленности, а также систематизации технологических, политических, логистических и финансовых барьеров расширения инвестиционного взаимодействия России и КНР.

Теоретическая база исследования

В последние годы внимание исследователей привлекает роль Китая в мировых инвестиционных потоках, особенности его взаимодействия с евразийскими партнерами, а также перспективы и последствия этой кооперации для третьих стран и глобальной экономики. Традиционные теории ПИИ, заложенные Дж. Даннингом (Dunning, 1988), Р. Верноном (Vernon, 1996), Р. Коузом (Coase, 1990), успешно объясняли логику размещения в условиях глобальной стабильности, однако их ограниченность проявилась в современных реалиях. В частности, классические модели не учитывают специфику санкционной экономики, где включение в глобальные цепочки стоимости возможно только через ограниченный круг дружественных стран.

Современные подходы, рассматривающие ПИИ как инструмент фрагментации производственных процессов и включения в глобальные цепочки стоимости (Okah Efogo et al., 2021; Шкваря, Федорченко, 2025) или как способ приобретения стратегических активов (Schneider & Wacker, 2022), смещают фокус на операционную эффективность и технологический трансфер. Тем не менее, в текущей геополитической ситуации эти механизмы работают асимметрично. В частности, исследования показывают, что китайские инвесторы проявляют сдержанность в передаче чувствительных технологий, отдавая приоритет торговым схемам и проектам с обеспеченной ресурсной базой. Исследования современных трендов движения капитала (Булатов, 2023; Еремкин, 2025; Потапов, 2021; Куликов, 2025) фиксируют сдвиг в сторону протекционизма, безопасности цепочек и адаптивности, но их макроэкономический подход оставляет без ответа вопрос о том, через какие институциональные механизмы эти тренды реализуются в конкретных отраслевых проектах.

По мнению ряда исследователей, ПИИ стабилизируют экономику партнеров (Ковалев, 2023; Меликсетян, Баранников, 2025; Слуцкий, 2025; Сунь, 2024), при этом важную роль играет привлечение знаний, специалистов, включение в международные производственные и логистические цепочки (Schneider & Wacker, 2022). Работы,

посвященные российско-китайскому инвестиционному сотрудничеству (Се, 2025; Куликов, 2025; Ма & Nezhnikova, 2025; Болаев, 2025; Li et al., 2023), а также анализу рисков технологической зависимости России (Kluge, 2024; Zhirikov, 2025; Filatov, 2025; Kaczmarski, 2026; Чжан, 2025), вносят вклад в понимание макроэкономических и геополитических аспектов взаимодействия. В частности, исследования, посвященные стабилизирующей роли ПИИ (Слуцкий, 2025; Сунь, 2024), не различают краткосрочные и долгосрочные эффекты, не учитывают риск консервации структурной уязвимости. Исследования (Kluge, 2024; Zhirikov, 2025) дают противоречивые оценки степени зависимости России от Китая, что требует изучения отраслевой специфики и количественных показателей зависимости.

Отдельного внимания заслуживают исследования, освещающие инвестиционное сотрудничество России и КНР в нефтегазовом секторе (Се, 2025; Му, 2025), в нефтехимической и газохимической промышленности (Ма & Nezhnikova, 2025; Цзинь, Чжао, 2025). Критический анализ показывает, что большинство из них носит ретроспективный характер и не предлагает действенных моделей интеграции финансово-расчетных инструментов в структуру двусторонних совместных предприятий. Кроме того, ни в одной из цитируемых работ не представлено количественной оценки технологического разрыва между российским и китайским оборудованием в химической промышленности. Таким образом, существующая теоретическая база не дает полного ответа на вопрос о том, как трансформировать текущую модель китайских ПИИ из краткосрочного ресурсного замещения в долгосрочную модель технологического соразвития. В литературе недостаточно проработан вопрос сочетания инструментов государственной поддержки, трансграничных расчетов и распределения рисков в условиях асимметричной технологической базы и санкционного давления. Настоящее исследование призвано восполнить эти пробелы.

Методы

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутой гипотезы в исследовании использован комплекс взаимодополняющих методов количественного и качественного анализа, реализованный в четыре последовательных этапа, каждый из которых включал специфические методы сбора и обработки информации.

На первом этапе были проведены сбор и обработка эмпирических данных о состоянии химической промышленности в России и за рубежом; об объемах и структуре прямых иностранных инвестиций в отрасль в России за период с 2014 по 2026 г. Выбор нижней границы исследования был обусловлен началом активной фазы геополитической напряженности и структурной перестройки инвестиционного сотрудничества России. Верхняя граница определена доступностью актуальной годовой статистики на момент подготовки статьи.

Источниками количественных данных выступили официальные данные Национального бюро статистики КНР (по накопленным и годовым потокам прямых иностранных инвестиций, объему подрядных работ); статистические сборники Центрального банка Российской Федерации (показатели оттока и притока капитала в страну); данные Росстата и Евразийского банка развития по инвестиционным проектам в химической отрасли; отраслевая аналитика Форума европейских химических компаний (Cefic) за 2024 г. (показатели продаж, добавленной стоимости, производительности труда, капитальных затрат и затрат на НИОКР по странам — лидерам отрасли). Для каждого показателя собрана дескриптивная статистика и проведен горизонтальный анализ, что позволило выявить не только абсолютные изменения, но и устойчивые тренды в развитии химической промышленности России и КНР. Для оценки технологического разрыва использован сравнительный анализ эффективности (расчет добавленной стоимости на тонну продукции и доли НИОКР в продажах), что позволило сопоставить позиции России, КНР, США и ЕС в глобальной цепочке стоимости химической продукции.

Второй этап основывался на контент-анализе научной литературы и нормативных документов. На первом шаге был сформирован массив из 118 источников (российские и зарубежные журнальные статьи, препринты, доклады международных организаций за период с 2014 по 2026 г.). Критерии отбора включали наличие эмпирических данных по российско-китайским инвестициям; фокус на химическую или смежные отрасли (нефте- или газохимия); релевантность тематике технологической зависимости и санкционных ограничений. Из дальнейшего анализа исключались работы, носящие сугубо макроэкономический характер без отраслевой специфики, а также публикации, дублирующие уже учтенные данные. Итоговый список литературы для углубленного изучения составил 37 публикаций, прямо соответствующих тематике исследования. На основе выделенных в литературе факторов риска и эмпирических наблюдений провели тематическое кодирование, сгруппировав все выявленные барьеры в три группы. Далее для каждой группы определены причинно-следственные связи и последствия для инвестиционной деятельности. Систематизация барьеров позволила выделить пять вызовов, ограничива-

ющих иностранные инвестиции в химическую промышленность России.

На третьем этапе, применив метод аналитического сопоставления, сравнивая динамику показателей (рост продаж, CAPEX, импортных поставок) с качественными изменениями (степень локализации, уровень контроля над технологиями), провели оценку текущей модели российско-китайского сотрудничества в химической отрасли и идентифицировали пять парадоксов развития, которые являются ключевыми для понимания долгосрочных рисков прямых иностранных инвестиций.

На четвертом этапе были сформулированы рекомендации по переходу от адаптивной модели к стратегическому планированию развития отрасли. Примененный комплекс методов позволил обеспечить воспроизводимость результатов и обосновать выводы о структурных парадоксах текущей модели инвестиционного взаимодействия.

Результаты

Мировая химическая промышленность остается в устойчивом состоянии, несмотря на сбои в цепочках поставок, инфляцию и колебания цен на сырье. Объем выпуска химической продукции в 2024 г. в мире составил порядка 6,2 трлн долл. при среднегодовом темпе роста в 2 %. В 2025 г. ожидалось, что объем рынка достигнет 6,5 трлн долл., т. е. возрастет на 4,8 %.

Ключевыми игроками на мировом рынке являются Китай, Япония, США, Германия, страны Персидского залива. В 2024 г. Китай стал безусловным лидером, контролируя почти половину глобального рынка, причем доля ЕС и США сократилась[1]. По итогам 2024 г. Китай обеспечил 56,5 % продаж мирового рынка специальных химикатов, а также 86 % прироста мирового химпроизводства. Объем продаж химической и фармацевтической промышленности КНР составил более 2,297 трлн евро. В 2024 г. в топ-50 крупнейших по выручке мировых производителей химической промышленности входят 11 китайских компаний. Но, несмотря на то, что Китай лидирует по всем абсолютным показателям (объемы продаж, добавленная стоимость, экспорт, капитальные затраты и НИОКР), производительность труда в отрасли остается одной из самых низких среди лидирующих в отрасли стран мира. Данный факт свидетельствует об экстенсивной модели развития отрасли.

В 2024 г. Российская Федерация занимала 9-е место в мире по объемам продаж. На долю России в 2024 г. приходилось около 1,8 % мирового производства нефтехимии, в 2025 г. — 2,5 %[2]. Химическая промышленность в 2024 г. обеспечивала 1,77 % ВВП РФ, что отражает ее незначительный вклад в созданный ВВП. В 2024–2025 гг. произошло относительное усиление отрасли, объем производства в 2024 г. вырос на 15,4 %, она стала одной из самых быстрорастущих в стране. В сравнении с последним десятилетием темп роста в химической промышленности остается одним из самых низких. Для российской химической промышленности характерны низкий уровень капитальных затрат и затрат на НИОКР (табл. 2). В 2024 г. российская химическая промышленность продемонстрировала высокий показатель добавленной стоимости на условную тонну произведенной продукции. Это можно объяснить структурой экспорта отрасли (удобрения, метанол, аммиак, продукты газохимии — это товары с высокой ценой за тонну, но низкой цепочкой передела), которая позволяет получать сырьевую ренту. Правительство РФ активно поддерживает химическую промышленность через реализацию национального проекта «Новые материалы и химия» (2025–2030 гг.) с бюджетом 2,4 трлн р. (из них 400 млрд р. — государственные средства, 2 трлн р. — частные). В 2024–2025 гг. отрасль лидирует по объемам получаемой от государства финансовой поддержки.

Несмотря на санкции и отсутствие иностранных инвестиций, химическая промышленность России в 2024–2025 гг. демонстрировала высокий уровень инвестиционной активности. Инвестиции в основные фонды в 2024 г. составили 1,6 трлн р., что почти в 2 раза выше уровня 2022 г. На август 2025 г. в химической промышленности России насчитывался 631 инвестиционный проект с объемом 11,2 трлн р., в реализации которых участвуют 203 крупные организации[3].

Среди основных вызовов развития химической промышленности России следует выделить высокую капиталоемкость производства и сложность привлечения инвестиций в сложившихся геополитических условиях. Отрасль требует огромных долгосрочных вложений в строительство новых и модернизацию существующих

[1] По данным Форума европейских крупных, средних и малых химических компаний (Cefic). URL: https://cefic.org/resources/data-files-xls-2024-cefic-facts-and-figures/ (дата обращения: 25.01.2026).

[2] РИА Новости. (2026, 22 января). Новак оценил долю России в мировом производстве нефтехимии. URL: https://ria.ru/20260122/neftekhimiya-2069602022.html (дата обращения: 25.01.2026).

[3] Инвестиционные проекты (цифровая платформа). (2026, 25 января). Химическая промышленность: объем инвестиций и аналитика. Химическая промышленность в России: инвестиции, проекты, холдинги. URL: https://investprojects.info/sectors/chemical-industry/investicii?ysclid=mlq68upu19511658976 (дата обращения: 25.01.2026).

Таблица 1

Показатели развития мирового рынка химической промышленности в 2024 г.

Table 1

Key Indicators of the Global Chemical Industry Market in 2024

Страна	Общий объем продаж, млн. евро	Продажи в натуральном выражении, млн евро/усл. т	Валовая добавленная стоимость, млн евро	Индекс производства (2021=100 %)	Общий объем экспорта, млн евро	Общий объем импорта, млн евро	Численность занятых, тыс. чел.	Производительность труда*	Капитальные затраты, млн евро	Затраты на НИОКР, млн евро
КНР	2297651	2251619	450416	127	210716	174395	6961	64,7	127397	17768
США	621543	461558	317915	103	148047	122771	546	582,3	24697	13053
Германия	204286	151565	48937	81	138322	101889	401	122	7454	4984
Япония	155526	150294	46515	88	61180	38722	272	171	5878	6762
Россия	70381	49145	25452	106	27004	21387	360	70,7	9450	129

Примечание: *Производительность труда рассчитана как отношение валовой добавленной стоимости к численности занятых (ВДС / занятые). Единица измерения: тыс. евро на одного занятого в год.

Источник: составлено на основе статистических данных Форума европейских крупных, средних и малых химических компаний (Cefic). URL: https://cefic.org/resources/data-files-xls-2024-cefic-facts-and-figures/ (дата обращения: 25.01.2026).

Таблица 2

Качество структуры продаж, эффективность инвестиций и уровень инновационности химической промышленности в 2024 г.

Table 2

Quality of the Sales Structure, Investment Efficiency, and Innovation Level of the Chemical Sector, 2024

Страна	Добавленная стоимость на тонну (евро/т)	Эффективность кап. затрат (млн евро продаж / 1 млн евро capex)	Доля НИОКР в продажах
КНР	200	18,04	0,77 %
США	689	25,16	2,10 %
Германия	323	27,40	2,44 %
Япония	310	26,46	4,35 %
Россия	518	7,45	0,18 %

Источник: составлено на основе статистических данных Форума европейских крупных, средних и малых химических компаний (Cefic). URL: https://cefic.org/resources/data-files-xls-2024-cefic-facts-and-figures/ (дата обращения: 25.01.2026).

мощностей (износ основных фондов в некоторых сегментах достиг 70 %, а стоимость проектов часто измеряется сотнями миллиардов рублей).

До 2022 г. отрасль достаточно успешно привлекала иностранные инвестиции. Ключевыми инвесторами в российскую химическую промышленность были европейские компании (BASF, Linde, Borealis, Solvay), которые осуществляли поставки оборудования и технологий при строительстве крупных комплексов, участвовали в совместных предприятиях. Американские компании Dow, ExxonMobil участвовали в ограниченном числе проектов, часто через партнерства. На рынке присутствовали также азиатские инвесторы, в частности китайские Sinopec, CNPC, японские Mitsui, Mitsubishi, которые осуществляли капиталовложения преимущественно в проекты газохимии и минеральных удобрений. Инвестиции в химическую промышленность России шли в формате вложения в строительство заводов, создание технологических альянсов и совместных предприятий с российскими компаниями («СИБУР», «Еврохим», «Акрон» и др.). В 2022 г. произошло резкое сокращение инвестиций из недружественных стран. Европейские и американские инвесторы либо приостановили проекты, либо вышли из них. Поставки технологий и оборудования из ЕС и США для химической промышленности России также были прекращены. Активы, принадлежащие иностранным компаниям, были переданы под временное управление, например, акции Linde — «ЗапСибНефтехиму». Часть масштабных инвестиционных проектов в отрасли оказалась под угрозой срыва, что побудило искать новых партнеров. Ключевыми партнерами России стали Китай, Индия, Турция, Саудовская Аравия и ОАЭ.

На рисунке 1 представлена динамика совместных прямых иностранных инвестиций КНР и России за 2016–2024 гг. Лидером по объемам вложений в отрасль является КНР, которая в последние 10 лет достаточно активно развивает сотрудничество. Данные Национального бюро статистических данных КНР указывают на то, что ПИИ КНР в Россию в 2016 г. составили 12,98 млрд долл. США, а в 2024 г. — 15,752 млрд

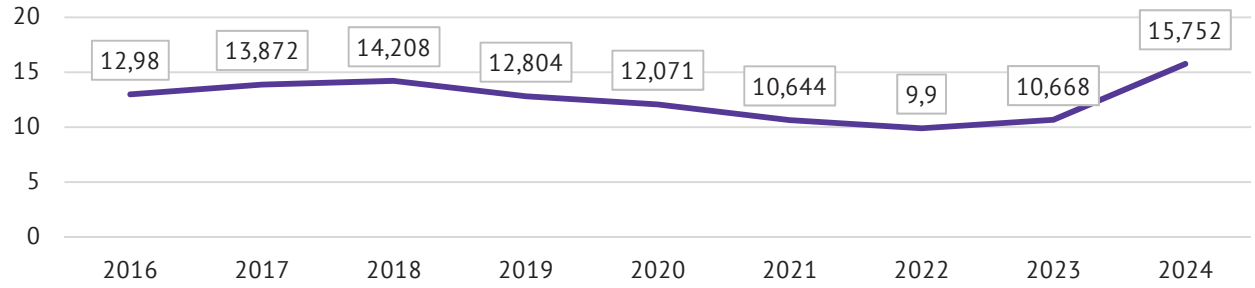

Рис. 1. Накопленный объем прямых инвестиций Китая в России, в млрд долл. США за 2016–2024 гг. (источник: составлено по официальным данным Национального бюро статистики КНР. URL: https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/yearData (дата обращения: 25.01.2026))

Fig. 1. Accumulated Volume of China's Direct Investments in Russia, in Billion USD for 2016–2024. (source: compiled based on official data from the National Bureau of Statistics of China (accessed 25.01.2026))

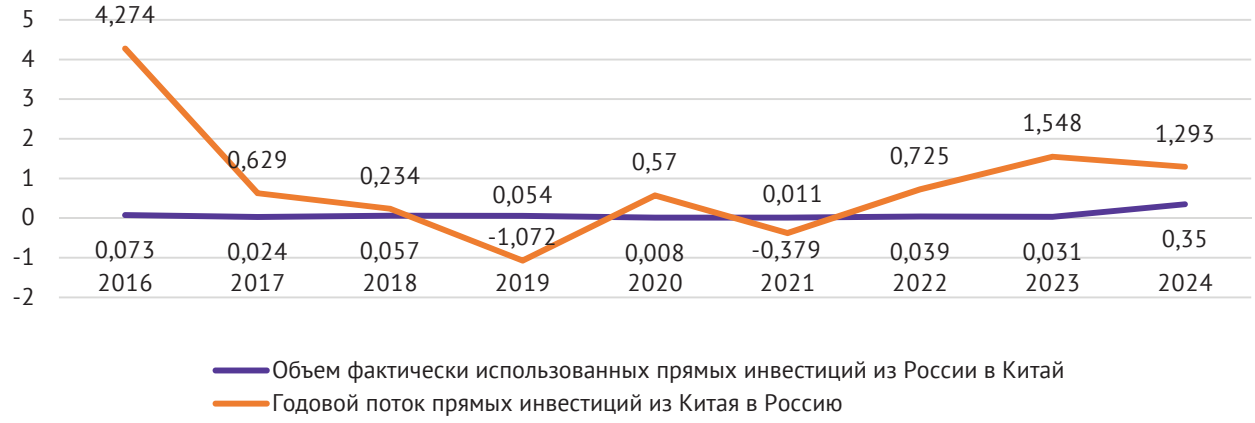

Рис. 2. Взаимные прямые инвестиции КНР и России в 2016–2024 гг. в млрд долл. США (источник: составлено по официальным данным Национального бюро статистики КНР. URL: https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/yearData (дата обращения: 25.01.2026))

Fig. 2. Mutual Direct Investments of China and Russia in 2016–2024, in Billion USD. (source: compiled based on official data from the National Bureau of Statistics of China (accessed 25.01.2026))

долл. США (прирост составил 2,772 млрд долл. США)[1].

На рисунке 2 представлена динамика взаимных прямых иностранных инвестиций стран.

Максимальный приток ПИИ из КНР в Россию наблюдался в 2016 г. — 4,2 млрд долл. США, в 2019 и 2021 гг. был значительный спад из-за пандемии COVID-19. В 2023–2024 гг. приток китайских ПИИ в Россию увеличился и составил 1,55 и 1,29 млрд долл. соответственно. Что касается российских инвестиций в Китай, то они остаются крайне незначительными (0,35 млрд долл. США в 2024 г.). Несмотря на декларируемое стратегическое партнерство, Россия не входит в число приоритетных направлений для инвестирования. По данным Национального бюро статистики КНР, ПИИ в России в 2024 г. составили 1,29 млрд долл. США, что несопоставимо с объемами китайских инвестиций в страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока или отдельные государства Центральной Европы. Для сравнения отметим, что в 2024 г. Китай инвестировал более 15 млрд долл. США в проекты в рамках инициативы «Пояс и путь» в страны АСЕАН, притом что совокупные накопленные инвестиции в России на 2024 г. составили 15,75 млрд долл. США.

Инвестиции КНР сосредоточены в сырьевом и промышленном секторах России. На сырьевой сектор приходится 50,5 % от общего объема ПИИ КНР, на обрабатывающую промышленность — 39 %[2,3]. По данным Минэкономразвития, Россия

[1] Национальное бюро статистики КНР. (б. д.). National data [Национальные данные]. https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/yearData (дата обращения 25.01.2026).

[2] Евразийский банк развития. (2025). Китай и Евразийский регион: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Алматы, 27. URL: https://eabr.org/upload/iblock/ca4/EDB_2025_MMI_China_Report_Rus.pdf (дата обращения: 25.01.2026).

[3] Ахунбаев, А., Адахаев, А., Чуев, С., Игнатов, С., Прозорова, М., Печенская-Полищук, М., Лукин, Е., Ползиков, Д. (2024). Нефтегазохимическая промышленность Евразии: перспективы углубления переработки. Доклады и рабочие документы 24/4. Алматы: Евразийский банк развития, 116. URL: https://makston-engineering.ru/f/106_neftehimicheskaya_promyshlennost_evrazii_perspektivy_uglubleniya_pererabotki_ebr-2024.pdf?ysclid=mryi20e185964858520 (дата обращения: 25.01.2026).

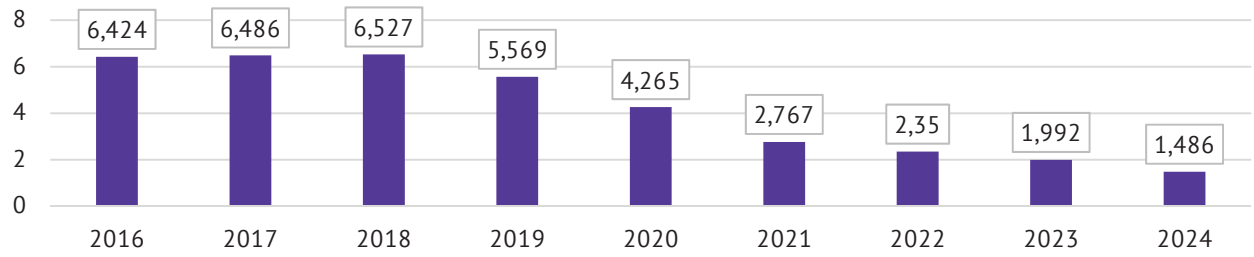

Рис. 3. Стоимость выполненных работ по подрядным проектам китайских компаний в России, в 10 000 долл. США (источник: составлено по официальным данным Национального бюро статистики КНР. URL: https://data.stats.gov.cn/dg/website/page.html#/pc/national/en/yearData (дата обращения: 25.01.2026))

Fig. 3. Value of Work Completed under Contract Projects by Chinese Companies in Russia, USD 10,000. (source: compiled based on official data from the National Bureau of Statistics of China (accessed 25.01.2026))

и КНР на 2026 г. реализуют порядка 86 значимых инвестиционных проектов в различных сферах, 16 из которых — в химической промышленности. Отрасль лидирует по абсолютным объемам полученных от КНР инвестиций (80892,38 млн р.).[1]

Китай также стал основным поставщиком оборудования для ряда незавершенных инвестиционных проектов в газо- и нефтехимии на Дальнем Востоке и в Поволжье. Крупнейшим инвестиционным проектом в обрабатывающей промышленности является проект по строительству Амурского газохимического комплекса с участием Sinopec. Китайская госкомпания приобрела долю 40 % в проекте и поэтапно финансирует вложения совместно с российскими компаниями и госинститутами.

Вместе с тем китайские компании проявляют осторожность в инвестициях, предпочитая торговые схемы (покупку сырья) вместо ПИИ в производство, требуют государственных гарантий для участия в проектах (например, СИБУР–Sinopec), избегая технологического трансфера в чувствительные сегменты. Официальная статистика КНР указывает на то, что стоимость выполненных работ по контрактам китайских компаний в России сократилась с 6,42 млрд долл. США в 2016 г. до 1,49 млрд долл. в 2024 г. (рис. 3). Это может свидетельствовать о завершении крупных инфраструктурных проектов в России, а также о переходе китайского бизнеса от подрядной модели к ПИИ в производство. Падение объема подрядных работ при росте ПИИ косвенно подтверждает нежелание китайских компаний передавать технологии.

Для Китая сотрудничество с Россией в нефтегазохимии выгодно и перспективно, т. к. позволяет закрепить долгосрочную ресурсную базу, создать масштабный рынок для собственной инжиниринговой и машиностроительной продукции, усилить контроль над цепочками создания стоимости в химической промышленности, добиться значимых геополитических целей.

Сжатие маржи из-за снижения спроса в строительстве, автомобильной промышленности и на потребительском рынке накладывает ограничения не только на реализацию российских проектов. Это общая тенденция отрасли, связанная с ключевыми рисками инвестирования в химическую промышленность. Инвестиционные решения в нефтехимии принимаются за 5–7 лет до запуска производства, что делает проекты высоко уязвимыми к колебаниям спроса и ценовой конъюнктуры. Геополитические факторы дополнительно снижают ожидаемую доходность, делая многие проекты экономически нежизнеспособными.

В России ситуация усугубляется ограниченным доступом к долгосрочному финансированию вследствие высокой стоимости заемного капитала. В результате даже при наличии необходимых технологий значительная часть проектов оказывается нерентабельной. Дополнительным барьером в совместных российско-китайских проектах становятся структурные сдвиги в трансграничных расчетах и асимметрия в распределении рисков. Еще одним фактором, сдерживающим инвестиции в Россию, является асимметрия в требованиях по страхованию политических, валютных и коммерческих рисков китайской стороной через государственные гарантии РФ или ЭКСАР. В отсутствие двустороннего механизма взаимного признания гарантий российская сторона вынуждена принимать непропорционально высокую гарантийную нагрузку, снижая привлекательность проектов для инвесторов. Практическая реализация совместных проектов требует адаптации финансовых инструментов к санкционным ограничениям. Базовой моделью становятся расчеты в юанях и рублях через СПФС/CIPS с использованием эскроу-счетов и двух валютных аккредитивов, фиксирующих курс валют на период строительства. Линия свопов ЦБ РФ

[1] Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. (2026). Протокол одиннадцатого заседания межправительственной российско-китайской комиссии в области инвестиционного сотрудничества. URL: https://mpk-cn.ru/dashboard (дата обращения: 25.01.2026).

и НБК обеспечивает ликвидность в национальных валютах, однако ее объем требует приоритизации проектов через уполномоченные органы. Для снижения гарантийной асимметрии оптимальной структурой привлечения капитала является создание специализированных проектных компаний (SPV) с ограниченным регрессом, где риски будут распределяться пропорционально долям участия, а их страхование обеспечивается пулом государственных гарантий (ВЭБ.РФ, ЭКСАР). Для технологической локализации целесообразно применять офсетные соглашения, при которых китайская сторона получает долгосрочный контракт в обмен на создание совместных предприятий, трансфер технологий и обучение персонала. Интеграция указанных механизмов обеспечивает переход от торговых схем к системному инвестиционному партнерству.

Дополнительным дестабилизирующим фактором является избыток производственных мощностей в Азии[1], в первую очередь в Китае[2]. По мнению европейских производителей, китайская химическая промышленность создает двойной вызов для глобального рынка. За 2020–2025 гг. КНР нарастила производство этилена более чем на 40 млн т, на его долю пришелся 81 % глобального прироста мощностей в 2024 г. Избыток мощностей только по базовым химикатам составил 18,7 млн т/год.

Избыточные мощности создают ценовое давление и способствуют усилению маржинального кризиса. В результате перепроизводства цены на базовые полимеры в Азии упали на 15–20 % в 2024 г. по сравнению с 2022 г. Европейские производители закрывают порядка 10–15 % мощностей из-за невозможности конкурировать с китайским импортом. В итоге китайские производители работают с отрицательной маржой в сегментах производства полиэтилена и полипропилена, субсидируя убытки за счет господдержки[3].

В отрасли нарастает технологическая конкуренция, в том числе со стороны КНР. В последние годы Китай активно осваивает высокотехнологичные сегменты в производстве химической продукции. Государственная программа «Сделано в Китае 2025» направляет более 300 млрд долл. на развитие химпрома с фокусом на импортозамещение высокотехнологичных продуктов. Для России это означает, что даже при успешном импортозамещении оборудования конкуренция с китайскими производителями базовых химикатов будет экономически невыгодной без протекционистских мер со стороны государства.

В химической промышленности России сохраняется критическая зависимость от импорта высокоточного специализированного оборудования, высокотехнологичных специальных химикатов, катализаторов и реагентов[4]. По оценкам экспертов, 87 % российских предприятий нуждаются в импортном оборудовании, компонентах и технологиях[5]. Химическая промышленность России остается технологически уязвимой: 27 % химических производств испытывают острую необходимость в импортозамещении.

Введенные Западом в 2022–2025 гг. санкции запрещают экспорт в Россию химического оборудования, катализаторов и реактивов, необходимых для отрасли. С 2022 г. Россия начала массовые закупки оборудования из Китая, Турции, Индии. Переход на аналоги из стран Азии, в большей степени из КНР, выявил слабые места в реализации подобной политики, которые можно объединить в три группы ограничений инвестиционного сотрудничества России и Китая в химической промышленности: технологические, политические и логистические.

Среди технологических ограничений следует отметить, что китайское оборудование уступает западному по показателям эффективности, надежности и экологичности. Оно не всегда соответствует требованиям для различных технологических процессов, у части китайского оборудования отсутствует сертификация по международным стандартам. Кроме того, в большинстве случаев потребители сталкиваются с невозможностью интеграции китайского оборудования с существующими западными системами без дорогостоящей модернизации всей технологии производства.

Что касается политических и торговых ограничений, то с июня 2024 г. Китай усилил экспортный контроль над оборудованием двойно-

[1] Europa-chemical.ru. (2024, 4 июня). Избыточные мощности и слабый спрос ведут к закрытию производств в Азии. Новости химической промышленности. URL: http://europa-chemical.ru/2024/06/04/izbytochnye-moshhnosti-i-slabyy-spros-ve/ (дата обращения: 25.01.2026).

[2] ICIS. (2026). The European Chemical Industry Navigating Overcapacity. URL: https://www.icis.com/explore/resources/european-chemical-industry-overcapacity (дата обращения: 25.01.2026).

[3] Atradius Collections. (2025, October 8). Global Overview. Lower Global Trade and Trade Policy Issues Additionally Exert Both Direct and Indirect Pressure on the Industry. URL: https://atradiuscollections.com/pl/knowledge-and-research/reports/industry-trends-chemicals-october-2025 (дата обращения: 25.01.2026).

[4] Деловой профиль. (2026, 13 января). Химическая отрасль России — 2025: трансформация, вызовы и стратегия роста. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/khimicheskaya-otrasl-rossii-2025-transformaciya-vyzovy-i-strategiya-rosta/ (дата обращения: 25.01.2026).

[5] Лола, И. С., Семина, В. В., Мануков, А. Б. (2023). Тенденции импортозамещения в промышленности в 2022–2023 гг. Москва: НИУ ВШЭ, 2023, 9. URL: https://www.hse.ru/data/2023/06/06/2020599676/Digital_industry_06_06_2023.pdf. (дата обращения: 25.01.2026).

Таблица 3

Критические вызовы для иностранных инвестиций в химическую промышленность РФ и меры по их преодолению

Table 3

Critical Challenges to Foreign Investment in Russia's Chemical Industry and Measures to Address Them

Вызов	Последствия для инвестиций	Меры по преодолению вызовов
Санкционная изоляция РФ	Сужение доступа к западным рынкам капитала и технологиям: – уход «якорных» западных инвесторов; – блокирование передачи критических технологий китайскими партнерами; – риск потери глобальной конкурентоспособности новых проектов	Диверсификация и реконфигурация международного партнерства, снижение риска технологической блокады, в том числе: – заключение межправительственного соглашения о взаимном признании гарантий (ЭКСАР-SINOSURE); – создание многосторонней расчетной платформы для инвестиционных сделок
Зависимость от импортного оборудования	Рост CAPEX и сроков реализации проектов: – вынужденный поиск альтернативных поставщиков приводит к удорожанию строительства; – риск остановки действующих производств из-за отсутствия критически важных компонентов	Формирование минимально необходимого технологического суверенитета по критически важным позициям за счет: – целевого субсидирования НИОКР по критическим позициям; – ускоренной сертификации отечественных аналогов; – формирования стратегических запасов критических компонентов (через ВЭБ.РФ)
Конкуренция с Китаем	Избыточные мощности КНР давят на рентабельность базовой нефтехимии в ЕАЭС	Закрепление в устойчивых рыночных нишах, где конкуренция идет не только ценой, а созданием защищенного внутреннего рынка ЕАЭС, в том числе: – введение антидемпинговых пошлин в рамках ЕАЭС на импорт базовых полимеров (15–20 %); – гармонизация технических регламентов ЕАЭС с приоритетом для продукции с высокой добавленной стоимостью; – квотирование госзакупок с требованием обязательной локализации на уровне не менее 40 %
Высокая стоимость капитала	Ставки по кредитам в РФ делают проекты нерентабельными даже при наличии технологий	Снижение финансовой нагрузки на инвестпроекты до уровня, обеспечивающего положительную NPV в средне- и долгосрочной перспективе, в том числе: – субсидирование процентных ставок для проектов с локализацией более 60 %; – выпуск отраслевых облигаций (ВЭБ.РФ) с поручительством государства
Ограниченная диверсификация	Инвестиции концентрируются в крупнотоннажной химии; слабое развитие высокотехнологичной химии	Создание устойчивых «точек роста» в высокомаржинальных сегментах, изменение структуры отрасли в сторону увеличения доли продукции с высокой добавленной стоимостью. Предоставление налоговых льгот для новых производств в высокомаржинальных сегментах

Источник: составлено авторами на основе анализа.

го назначения, что коснулось и экспорта в РФ[1]. С ноября 2024 г. введен расширенный список товаров, требующих специальных лицензий на экспорт, в том числе оборудования, химии, компонентов[2]. С июля 2025 г. Китай ужесточил экспорт технологических решений для химпрома и цветной металлургии. Эти меры привели к сокращению поставок и создали риски для непрерывности российского производства.

Кроме того, с июля 2024 г. некоторые китайские поставщики стали требовать 100%-ной предоплаты и вывоза товара через третьи страны за свой счет[3], что в итоге привело к удорожанию доставки продукции на 25–40 %. Сохраняются также проблемы с расчетами из-за давления США на китайские банки. Эти изменения подтверждают необходимость скорейшего импортозамещения в отрасли. Однако быстрое импортозамещение невозможно из-за:

— острой нехватки инженеров, химиков-технологов, способных проектировать новые процессы и установки;

— зависимости от импорта компонентов и материалов для импортозамещения;

— длительного срока разработки и валидации собственного оборудования. Например, разработка катализаторов занимает 5–7 лет и требует миллиардных капиталовложений. Бизнес

[1] Novelco. (2024, 20 августа). Стало известно о новом ужесточении Китая в торговле с Россией. URL: https://novelco.ru/press-tsentr/stalo-izvestno-o-novom-uzhestochenii-kitaya-v-torgovle-s-rossiey/ (дата обращения: 25.01.2026).

[2] Альта-Софт. (2024, 29 ноября). Китай снова усложнил продажу в Россию техники и химии. URL: https://www.alta.ru/external_news/115090/ (дата обращения: 25.01.2026).

[3] Novelco. (2024, 20 августа). Стало известно о новом ужесточении Китая в торговле с Россией. URL: https://novelco.ru/press-tsentr/stalo-izvestno-o-novom-uzhestochenii-kitaya-v-torgovle-s-rossiey/ (дата обращения: 25.01.2026).

не всегда может столько ждать появления отечественных продуктов и вынужден продолжать покупать импортные;

— риска снижения конкурентоспособности, отечественные аналоги часто уступают по себестоимости или техническим характеристикам, что подрывает экспортный потенциал готовой химической продукции;

— фрагментарности, проявляющейся в успехах в импортозамещении по отдельным точечным направлениям.

Систематизация выделенных барьеров позволяет выделить пять ключевых вызовов, сдерживающих приток китайских ПИИ в химическую промышленность России: санкционная изоляция РФ, зависимость от импортного оборудования, конкуренция с Китаем, высокая стоимость капитала и ограниченная диверсификация. Для каждого из них в таблице 3 представлены последствия для инвестиционной деятельности и комплекс мер по преодолению.

Таким образом, предложенные в таблице меры направлены на преодоление системных причин отставания химической промышленности России и предполагают изменение принципов управления отраслью — переход от реагирования к стратегическому планированию. Новая система предполагает построение гибкой сети партнерств, отказ от субсидирования затрат в пользу стимулирования конкретных технологических результатов. Реализация подобного подхода позволит снизить уязвимость химической промышленности России, повысит конкурентоспособность и технологичность национальной экономики.

Обсуждение и выводы

Инвестиционный ландшафт российской химической промышленности после 2022 г. определяется комплексом взаимосвязанных и взаимоусиливающих барьеров. Санкции изолировали отрасль от западных технологий и финансирования, структурно изменив логику ее развития. Российский химпром оказался привязан к азиатским, прежде всего к китайским партнерам. Китай стал крупнейшим инвестором в российскую химическую промышленность и основным поставщиком оборудования и технологий.

Россия представляет большой интерес для Китая прежде всего как поставщик сырья, в том числе для собственной химической промышленности. Доступ к дешевым российским ресурсам позволяет КНР сохранить конкурентные позиции на мировом рынке химической промышленности. Для России инвестиции КНР в химическую промышленность — это способ поддержания непрерывности российского химического производства, а также завершения проектов, приостановленных после ухода западных инвесторов. Вместе с тем в отрасли складывается парадоксальная ситуация, характеризующаяся возникновением одновременных, но взаимоисключающих трендов, противоречий.

1. Парадокс количественного роста отрасли при качественной уязвимости. Это проявляется, с одной стороны, в росте объемов производства и экспорта базовых товаров, повышении внутренней инвестиционной активности в химической промышленности, а с другой — в росте зависимости от поставок китайского оборудования. Несмотря на декларируемое стратегическое партнерство с Россией, китайские компании демонстрируют готовность ограничивать экспорт под политическим давлением Запада. Таким образом, количественный рост создает опасную зависимость отрасли.

2. Парадокс стратегического партнерства и жесткой конкуренции. Несмотря на совместные проекты в химической промышленности, Китай является главным конкурентом России на глобальном рынке базовой нефтехимии. Россия вынуждена полагаться на партнера, который системно подрывает экономическую целесообразность развития ее собственной отрасли.

3. Парадокс импортозамещения и импортной зависимости заключается в том, что санкции активизировали процессы импортозамещения в России, но на практике для этого требуются импортные компоненты, сырье. Для создания собственных высокотехнологичных решений в некоторых направлениях необходимо 5–7 лет, в течение которых отрасль сохраняет импортную зависимость.

4. Парадокс инвестиционного интереса и инвестиционных барьеров, проявляется, с одной стороны, в заинтересованности КНР в российских ресурсах и рынках сбыта, а с другой — в крайней осторожности китайских инвесторов. Они избегают передачи передовых технологий, предпочитают торговые схемы прямым инвестициям. Внутренние барьеры делают проекты экономически нежизнеспособными, не позволяя стратегической заинтересованности партнеров трансформироваться в масштабные инвестиции.

5. Парадокс «поворота на Восток». Углубление связей с Китаем рассматривается как путь повышения экономического суверенитета России. Несмотря на усиление связей, отношения между Россией и Китаем носят прагматичный и ограниченный характер. В текущем формате сотрудничество может привести к тому, что Россия станет периферийным сырьевым придатком уже азиатских, а не западных цепочек создания стоимости.

Выявленные парадоксы подтверждают ограниченность классических теорий ПИИ (Dunning, 1988; Vernon, 1996; Coase, 1990) в условиях санкционной экономики, при которой традиционные мотивы выхода на рынок трансформируются

в асимметричную технологическую зависимость. Традиционные модели ПИИ также предполагают перелив технологий в результате сотрудничества стран, однако в условиях санкционного давления возникают асимметричные отношения, сдерживающие трансфер технологий. В таких условиях инвестор стремится максимизировать контроль над цепочкой создания стоимости и минимизировать риск появления новых конкурентов (Filatov, 2025; Seo, 2025). Это подтверждает тезис о том, что в современных условиях ПИИ выступают не только драйвером модернизации, но и инструментом закрепления технологической иерархии.

Полученные результаты согласуются с логикой асимметричного включения в глобальные цепочки стоимости (Okah Efogo et al., 2021). При этом количественный рост экономики сопровождается потерей контроля в высокотехнологичных секторах. В условиях санкционного давления Россия рискует оказаться в уязвимом положении, при котором партнер — КНР — максимизирует ренту, ограничивая трансфер критических технологий (Kaczmarski, 2026). Российско-китайское инвестиционное сотрудничество на современном этапе носит прагматичный и ограниченный характер (Kluge, 2024; Seo, 2025; Kaczmarski, 2026; Zhirikov, 2025), что подтверждает тезис о стабилизирующей роли ПИИ в краткосрочном периоде (Слуцкий, 2025; Сунь, 2024), но выявляет долгосрочный риск их структурной уязвимости, что не учитывается в указанных работах.

В условиях ограниченной мобильности капитала и технологической асимметрии рыночные механизмы не обеспечивают переход в высокомаржинальные сегменты (Schneider & Wacker, 2022), что требует перехода от рыночной модели саморегулирования к модели стратегического вмешательства, в которой протекционизм и целевое субсидирование выступают инструментами коррекции системных провалов в условиях геополитического давления (Kluge, 2024).

Подводя итог, следует отметить, что российская химическая промышленность адаптировалась к шоку 2022 г., однако адаптация носит симптоматический, но не структурный характер и не решает проблемы, стоящие перед отраслью: технологическое отставание, сырьевая ориентация экономики. Краткосрочная стабильность покупается ценой долгосрочных стратегических рисков и угрозы навсегда остаться в низкомаржинальном звене глобальной химической индустрии. Преодоление вызовов требует от России не только диверсификации международных партнерств, но и комплексной государственной политики, направленной на ускоренную технологическую локализацию, «умный протекционизм» и создание стимулов для инвестиций в высокотехнологичные сегменты химической промышленности.

Содержательно государственная политика предполагает реализацию четырех взаимосвязанных мер. Во-первых, ускоренная технологическая локализация должна уйти от точечных замен к системному развитию критических компетенций. С учетом острой нехватки инженерно-технологических кадров и длительного цикла НИОКР целесообразно внедрить механизм государственно-частных консорциумов, финансируемых на принципах «технологических вызовов». При таких принципах выплаты привязываются к достижению реальных результатов в разработке ключевых химических продуктов и систем управления. Также необходимо формирование стратегических запасов критических компонентов для обеспечения бесперебойной работы действующих производств на переходный период.

Во-вторых, концепция «умного протекционизма» должна сочетать защиту внутреннего рынка от азиатского демпинга с жесткими требованиями по локализации и технологической эффективности производства. Это подразумевает гармонизацию технических регламентов, введение антидемпинговых мер в отношении базовых полимеров и установление квот на госзакупки с обязательным использованием отечественных решений в высокотехнологичных сегментах. Необходимо сохранять открытость для совместных НИОКР с дружественными странами.

В-третьих, создание стимулов для инвестиций в высокомаржинальные сегменты требует решения ключевой проблемы — высокой стоимости капитала. Механизм целевого субсидирования процентных ставок, выпуска отраслевых облигаций и участия институтов развития в долевом финансировании позволяет снизить финансовую нагрузку до уровня, обеспечивающего положительный NPV проектов. Также необходимо развивать отраслевые венчурные фонды и технопарки на площадках ОЭЗ и ТОР, предоставляя инвесторам налоговые льготы и преференции, привязанные к объему внедренных инноваций, а не к капитальным затратам.

В-четвертых, диверсификация международных партнерств может быть достигнута за счет развития альтернативных расчетно-платежных систем, привлечения капитала стран Большой Евразии и создания многосторонних инвестиционных платформ, снижающих риски концентрации на одном партнере. Реализация предложенных мер обеспечит переход отрасли от модели симптоматической адаптации к санкционному шоку к долгосрочному стратегическому планированию, повышению технологического суверенитета страны и увеличению доли продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре ВВП и экспорта Российской Федерации.

Список источников

Болаев, А. В. (2025). К вопросу о привлечении китайских прямых иностранных инвестиций в Россию в условиях снижения роли потоков прямых иностранных инвестиций в развитии мировой экономики. *Фундаментальные исследования,* (5), 8–14. https://doi.org/10.17513/fr.43826

Булатов, А. С. (2023). Новые тренды движения капитала в мире и России. *Вопросы экономики,* (9), 65–83. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-65-83

Еремкин, В. А. (2025). Детерминанты притока иностранных инвестиций и институциональные ограничения инвестиционной политики России. *Российский внешнеэкономический вестник,* (9), 85–107. https://doi.org/10.64545/2072-8042-2025-9-85-107

Ковалев, В. С. (2023). ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 17* (3(45)), 15–24. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24

Куликов, К. М. (2025) Особенности китайских прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию в 2020–2024 гг. *Проблемы Дальнего Востока,* (5), 63–75. https://doi.org/10.31857/S0131281225050046

Меликсетян, Г. Г., Баранников А. Л. (2025). Сравнительный анализ инвестиционной политики России и стран с опытом санкционного давления. *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление,* (1(52)), 69–76. https://doi.org/10.21777/2587-554X-2025-1-69-76

Му, И. (2025). Инвестиционное сотрудничество России и Китая в энергетическом секторе на современном этапе. *Горизонты экономики,* (6(93)), 304–311.

Потапов, М. А. (2021). Китай на мировых рынках капитала. *Мировая экономика и международные отношения, 65* (8), 81–89. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89

Се, Х. (2025). Китайские инвестиции в российскую экономику в условиях санкций. *Общество: политика, экономика, право,* (5(142)), 147–161. https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.18

Слуцкий, Л. Э. (2025). *Россия и евразийская интеграция в многополярном мире.* Москва: Издательство Московского университета, 294.

Сунь, Л. (2024). Эволюция развития международного промышленного сотрудничества между РФ и КНР. *Экономические науки,* (234), 571–576. https://doi.org/10.14451/1.234.571

Цзинь, Б., Чжао, Я. (2025). Китайские инвестиции в российский газовый сектор: стратегические приоритеты и экономические выгоды. *Актуальные вопросы современной экономики,* (6), 286–290. https://doi.org/10.34755/IROK.2025.96.37.008

Чжан, М. (2025). Влияние восприятия геополитических рисков на механизм принятия инвестиционных решений китайскими предприятиями в России. *Архонт,* (13(64)), 204–207.

Широкова, Е. Ю. (2021). Химическая промышленность как драйвер роста экономики страны и региона. *Проблемы развития территории, 25* (2), 59–72. https://doi.org/10.15838/ptd.2021.2.112.4

Шкваря, Л. В., Федорченко, А. В. (2025). Китай и Саудовская Аравия: торгово-экономическое сотрудничество и перспективные направления взаимодействия. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность,* (4), 114–125. https://doi.org/10.31696/S086919080032600-7

Coase, R. H. (1990). *The firm, the market, and the law (Reprint ed.).* Chicago: University of Chicago Press, 226.

Dunning, J. H. (1988). *Explaining international production.* London: Unwin Hyman, 378.

Filatov, M. (2025). Reproducing power through infrastructure: The development of Sino-Russian financial interdependence (2014–2024). *Cogent Social Sciences, 11* (1). https://doi.org/10.1080/23311886.2025.2566307

Kaczmarski, M. (2026). China-Russia partnership: An axis of revisionism? *Asia and the Pacific Policy Studies, 13* (1), e70066. https://doi.org/10.1002/app5.70066

Kluge, J. (2024). *Russia-China economic relations: Moscow's road to economic dependence. SWP Research Paper* (No. 6/2024). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. https://doi.org/10.18449/2024RP06

Li, J., Pylaeva, I. S., & Podshivalova, M. V. (2023). Sino-Russian cooperation in science and technology: A benefit or a harm? *Journal of New Economy, 24* (3), 22–45. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-3-2

Ma, X., & Nezhnikova, E. V. (2025). Investigation into investment risks and mitigation strategies for Chinese energy companies in Belt and road countries: A case study of Russia. *RUDN Journal of Economics, 33* (2), 227–242. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242

Okah Efogo, F., Wonyra, K. O., & Osabuohien, E. (2022). Foreign direct investment and participation of developing countries in global value chains: Lessons from the last decade. *International Review of Applied Economics, 36* (2), 264–284. https://doi.org/10.1080/02692171.2021.1962255

Schneider, S. T., & Wacker, K. M. (2022). Explaining the global landscape of foreign direct investment: Knowledge capital, gravity, and the role of culture and institutions. *The World Economy, 45* (10), 3080–3108. https://doi.org/10.1111/twec.13267

Seo, H. (2025). Competition in the disguise of partnership: Structural analysis on China-Russia relations. *Journal of Asia-Pacific Studies, 32* (3), 71–118. https://doi.org/10.18107/japs.2025.32.3.003

Vernon, R. (1996). International investment and international trade in the product cycle. *Quarterly Journal of Economics, 80* (2), 190–207.

Zhirikov, V. (2025). Analysis of the sectoral structure of foreign direct investment between the Russian Federation and the People's Republic of China (2014–2024). *BRICS Journal of Economics, 6* (3), 31–45. https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598

References

Bolaev, A. V. (2025). On the Question of Attracting of Chinese Foreign Direct Investments into Russia in the Conditions of the Decreasing Role of Foreign Direct Investment Flows in the Development of the Global Economy. *Fundamental'nye Issledovaniya [Fundamental Research],* (5), 8–14. https://doi.org/10.17513/fr.43826 (In Russ.)

Bulatov, A. S. (2023). New Trends in Capital Flows in the World and Russia. *Voprosy Ekonomiki [Voprosy Ekonomiki],* (9), 65–83. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-65-83 (In Russ.)

Coase, R. H. (1990). *The Firm, the Market, and the Law (Reprint ed.).* Chicago: University of Chicago Press, 226.

Dunning, J. H. (1988). *Explaining International Production.* London: Unwin Hyman, 378.

Eremkin, V. A. (2025). Determinants of FDI Inflows and Institutional Constraints of Russia's Investment Policy. *Rossiiskii Vneshneehkonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (9), 85–107. https://doi.org/10.64545/2072-8042-2025-9-85-107 (In Russ.)

Filatov, M. (2025). Reproducing Power Through Infrastructure: The Development of Sino-Russian Financial Interdependence (2014–2024). *Cogent Social Sciences, 11* (1). https://doi.org/10.1080/23311886.2025.2566307

Jin, B., & Zhao, Ya. (2025). Chinese Investments in Russia's Gas Sector: Strategic Priorities and Economic Benefits. *Aktual'nye Voprosy Sovremennoi Ekonomiki [Actual Issues of the Modern Economy],* (6), 286–290. https://doi.org/10.34755/IROK.2025.96.37.008 (In Russ.)

Kaczmarski, M. (2026). China-Russia Partnership: An Axis of Revisionism? *Asia and the Pacific Policy Studies, 13* (1), e70066. https://doi.org/10.1002/app5.70066

Kluge, J. (2024). *Russia-China economic relations: Moscow's Road to Economic Dependence.* SWP Research Paper (No. 6/2024). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik. https://doi.org/10.18449/2024RP06

Kovalev, V. S. (2023). EAEU and China: Partnership in the Self-Sufficiency Interests. *Evraziiskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 17* (3(45)), 15–24. https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24 (In Russ.)

Kulikov, K. M. (2025). Peculiarities of Chinese Foreign Direct Investments (FDI) in Russia During 2020–2024. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies],* (5), 63–75. https://doi.org/10.31857/S0131281225050046 (In Russ.)

Li, J., Pylaeva, I. S., & Podshivalova, M. V. (2023). Sino-Russian Cooperation in Science and Technology: A Benefit or a Harm? *Journal of New Economy, 24* (3), 22–45. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2023-24-3-2

Ma, X., & Nezhnikova, E. V. (2025). Investigation into Investment Risks and Mitigation Strategies for Chinese Energy Companies in Belt and Road Countries: A Case Study of Russia. *RUDN Journal of Economics, 33* (2), 227–242. https://doi.org/10.22363/2313-2329-2025-33-2-227-242

Meliksetyan, G. G., & Barannikov, A. L. (2025). A Comparative Analysis of Investment Policy of Russia and Countries with Experience of Sanctions Pressure. *Vestnik Moskovskogo Universiteta im. S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i Upravlenie [Economics and Management],* (1(52)), 69–76. https://doi.org/10.21777/2587-554X-2025-1-69-76 (In Russ.)

Mu, I. (2025). Investment Cooperation Between Russia and China in the Energy Sector at the Present Stage. *Gorizonty Ekonomiki [Horizons of Economics],* (6(93)), 304–311. (In Russ.)

Okah Efogo, F., Wonyra, K. O., & Osabuohien, E. (2022). Foreign Direct Investment and Participation of Developing Countries in Global Value Chains: Lessons from the Last Decade. *International Review of Applied Economics, 36* (2), 264–284. https://doi.org/10.1080/02692171.2021.1962255

Potapov, M. A. (2021). China in Global Capital Markets. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya [World Economy and International Relations], 65* (8), 81–89. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-81-89 (In Russ.)

Schneider, S. T., & Wacker, K. M. (2022). Explaining the Global Landscape of Foreign Direct Investment: Knowledge Capital, Gravity, and the Role of Culture and Institutions. *The World Economy, 45* (10), 3080–3108. https://doi.org/10.1111/twec.13267

Seo, H. (2025). Competition in the Disguise of Partnership: Structural Analysis on China-Russia Relations. *Journal of Asia-Pacific Studies, 32* (3), 71–118. https://doi.org/10.18107/japs.2025.32.3.003

Shirokova, E. Yu. (2021). Chemical Industry as an Economic Growth Driver of the Country and the Region. *Problemy Razvitiya Territorii [Problems of Territory's Development], 25* (2), 59–72. https://doi.org/10.15838/ptd.2021.2.112.4 (In Russ.)

Shkvarya, L. V., & Fedorchenko, A. V. (2025). China and Saudi Arabia: Trade and Economic Cooperation and Promising Areas of Cooperation. *Vostok. Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost' [Oriens],* (4), 114–125. https://doi.org/10.31696/S086919080032600-7 (In Russ.)

Slutsky, L. E. (2025). *Rossiya i Evraziyskaya Integratsiya v Mnogopolyarnom Mire [Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World].* Moscow: Moscow University Press, 294. (In Russ.)

Sun, L. (2024) Evolution of International Industrial Development Cooperation Between Russia and China. *Ekonomicheskie Nauki [Economic Sciences],* (234), 571–576. https://doi.org/10.14451/1.234.571 (In Russ.)

Vernon, R. (1996). International Investment and International Trade in the Product Cycle. *Quarterly Journal of Economics, 80* (2), 190–207.

Xie, H. (2025). Chinese Investments in Russia under Anti-Russian Sanctions. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo [Society: Politics, Economics, Law],* (5(142)), 147–161. https://doi.org/10.24158/pep.2025.5.18 (In Russ.)

Zhang, M. (2025). The Impact of the Perception of Geopolitical Risks on the Mechanism of Investment Decision-Making by Chinese Enterprises in Russia. *Arkhont [Arkhont],* (13(64)), 204–207. (In Russ.)

Zhirikov, V. (2025). Analysis of the Sectoral Structure of Foreign Direct Investment between the Russian Federation and the People's Republic of China (2014–2024). *BRICS Journal of Economics, 6*(3), 31–45. https://doi.org/10.3897/brics-econ.6.e145598

Информация об авторах

Карагулян Егине Араратовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Тюменский государственный университет; Scopus Author ID: 57226722304; https://orcid.org/0000-0001-6418-5786 (Российская Федерация, 625001, г. Тюмень, ул. Ленина, д. 16; e-mail: e.a.karagulyan@utmn.ru).

Соловьева Юлиана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Scopus Author ID: 57196487430; https://orcid.org/0000-0002-1437-0008 (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; e-mail: solovyeva-yuv@rudn.ru).

Карх Дмитрий Андреевич — доктор экономических наук, профессор, проректор по учебно-методической работе и качеству образования, Уральский государственный экономический университет; Scopus Author ID: 56736997900; https://orcid.org/0000-0003-2140-7638 (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: dkarh@usue.ru).

About the authors

Egine A. Karagulyan — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economics and Finance, Tyumen State University; Scopus Author ID: 57226722304; https://orcid.org/0000-0001-6418-5786 (16, Lenina St., Tyumen, 625001, Russian Federation; e-mail: e.a.karagulyan@utmn.ru).

Yuliana V. Solovyova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Enterprise Economics and Entrepreneurship, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; Scopus Author ID: 57196487430; https://orcid.org/0000-0002-1437-0008 (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: solovyeva-yuv@rudn.ru).

Dmitry A. Karkh — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Vice-Rector for Academic and Methodological Work and Education Quality, Ural State University of Economics; Scopus Author ID: 56736997900; https://orcid.org/0000-0003-2140-7638 (62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: dkarh@usue.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

All authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

All authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 04.02.2026. Received: 02 Feb 2026.
Прошла рецензирование: 06.04.2026. Reviewed: 06 Apr 2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026. Accepted: 03 Jul 2026.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-18
УДК 656.61:338.43(470+571); 656.615.3:338.2(470)
JEL R42, F15

OPEN ACCESS CC BY 4.0

Е. Ю. Ганьшина [a], *Ю. А. Крупнов* [б]
[a, б] Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация

Формирование опорного транспортного каркаса России как основы развития российско-китайской кооперации в рамках Полярного шелкового пути[1]

Аннотация. В условиях трансформации мировой логистики, санкционного давления и переориентации внешнеэкономических связей России на Восток исследуется транспортно-логистическое взаимодействие России и Китая в Арктике в контексте сопряжения Северного морского пути и Полярного шелкового пути. Цель статьи — разработать концепцию матричного транспортно-логистического каркаса, объединяющего морские, сухопутные и речные маршруты. В отличие от линейных транспортных коридоров и обычных мультимодальных сетей, предлагаемая модель рассматривает СМП как широтную опорную ось, связанную с меридиональными железнодорожными и внутренними водными направлениями. Научная новизна заключается в обосновании матричной опорной сети, обеспечивающей перераспределение грузопотоков и расширение доступа внутренних территорий России к мировому океану. Методологическую основу составляют сравнительный индексный анализ с применением метода EDAS, системный анализ и концептуальное моделирование. Эмпирическая база включает поквартальные данные UNCTADstat за 2006–2024 гг. по индексам LSCI и PLSCI, показателям контейнерооборота, судостроения, флота под национальным флагом и численности сертифицированных моряков, а также научные публикации 2008–2025 гг., аналитические отчеты и стратегические документы России и Китая. Установлено, что Китай занимает первое место среди стран БРИКС по показателям морского и портового потенциала, тогда как Россия — четвертое. Асимметрия проявляется в контейнерообороте (246,6 млн TEU против 4,8 млн TEU), портовой связанности (1126 и 159 соответственно) и концентрации логистических мощностей. В то же время за период 2006–2024 гг. совокупный PLSCI российских портов вырос примерно на 61 %. Показано, что модель «Китай — Транссиб — арктические порты — СМП — Китай» может снизить порожний пробег контейнеров, повысить устойчивость грузопотоков и диверсифицировать экспортно-импортные маршруты между Россией и Китаем. Ключевыми условиями масштабирования модели выступают синхронизация навигационных режимов, развитие портовой и железнодорожной инфраструктуры, расширение контейнерной грузовой базы и институциональная координация.

Ключевые слова: Северный морской путь, Полярный шелковый путь, транспортно-логистический каркас, опорная транспортная сеть, широтные и меридиональные маршруты, транспортная связанность, Арктика, российско-китайское сотрудничество

Для цитирования: Ганьшина, Е. Ю., Крупнов, Ю. А. (2026). Формирование опорного транспортного каркаса России как основы развития российско-китайской кооперации в рамках Полярного шелкового пути. *Экономика региона, 22*(3), 727–738. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-18

[1] Ганьшина Е. Ю., Крупнов Ю. А. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

Elena Yu. Ganshina [a], *Yuri A. Krupnov* [b]

[a, b] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Establishing the Core Transport Network in Russia as a Foundation for Advancing Russia–China Cooperation along the Polar Silk Road

Abstract. Global logistics is being reshaped by sanctions pressure and Russia's growing economic reorientation toward the East. Against this backdrop, this study examines Russia–China transport and logistics cooperation in the Arctic, focusing on how the Northern Sea Route can be linked to the Polar Silk Road. The article develops a matrix transport and logistics framework that integrates maritime, land, and inland waterway routes. Unlike linear transport corridors or conventional multimodal networks, this model treats the Northern Sea Route as a latitudinal backbone axis, connected to meridional railway and inland waterway routes. The study's novelty lies in substantiating this matrix-based backbone network, which enables cargo flows to be redistributed and gives Russia's inland regions better access to the global ocean. Methodologically, the study combines comparative index analysis (using the EDAS method), systemic analysis, and conceptual modelling. The empirical base includes quarterly UNCTADstat data for 2006–2024 on the LSCI and PLSCI indices, container throughput, shipbuilding, nationally flagged fleets, and certified seafarers. It also draws on academic publications from 2008–2025, analytical reports, and strategic documents from Russia and China. The findings show a marked asymmetry between the two countries: China ranks first among BRICS countries in maritime and port potential, while Russia ranks fourth. This gap shows up clearly in container throughput (246.6 million TEU for China versus 4.8 million TEU for Russia) and port connectivity (1,126 versus 159). Even so, Russia's aggregate port PLSCI grew by roughly 61 % over 2006–2024. The study demonstrates that a "China — Trans-Siberian Railway — Arctic ports — Northern Sea Route — China" model could reduce empty container repositioning, strengthen the resilience of cargo flows, and diversify trade routes between the two countries. Scaling this model, however, will require synchronizing navigation regimes, developing port and rail infrastructure, expanding the container cargo base, and improving institutional coordination.

Keywords: Northern Sea Route, Polar Silk Road, transport and logistics framework, backbone transport network, latitudinal and meridional routes, transport connectivity, Arctic, Russia-China cooperation

For citation: Ganshina, E. Yu., & Krupnov, Yu. A. (2026). Establishing the Core Transport Network in Russia as a Foundation for Advancing Russia–China Cooperation along the Polar Silk Road. *Ekonomika regiona / Economy of regions, 22*(3), 727–738. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-18

Введение

Северный морской путь (СМП) в XXI в. рассматривается как перспективный стратегический транспортный коридор, способный изменить торговые связи между Евразией и Азиатско-Тихоокеанским регионом. В 2018 г. Китай включил арктические маршруты в инициативу «Один пояс, один путь» в формате Полярного шелкового пути (Havnes, 2020). Считается, что использование СМП позволит сократить протяженность путей в Европу примерно на 7000 км, транзитное время — на 30–40 % и расходы на топливо — до 20 % по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал[1]. Для России сотрудничество с Китаем в сфере развития и эксплуатации СМП в условиях санкций и переориентации торговли на Восток становится инструментом диверсификации маршрутов и выхода на азиатские рынки (Сюй, Чжао, 2025). Одновременно сохраняются геополитические риски в районе Берингова пролива — единственного выхода СМП в Тихий океан (Berkman et al., 2016), которые компенсируются совместными усилиями России и Китая в области обеспечения безопасности и защиты судоходства, включая совместные учения[2] и мониторинг судоходства (Liu & Solski, 2022; Li et al., 2025).

Исторически СМП был внутренней арктической коммуникацией России, однако климатические и геоэкономические изменения придали ему глобальное значение. Прогнозы указывают, что к середине XXI в. сокращение ледового покрова приведет к перераспределению части торговых потоков между Азией и Европой в пользу СМП и снижению нагрузки на Суэцкий канал (Zeng et al., 2020). Доля контейнерных перевозок по СМП пока невелика (0,4 млн т[3] из совокупного

[1] WITA (The International Trade Association). (2025, October 19). The Polar Silk Road That Could Sideline the West — Reducing Shipping Time by 40 % and Fuel Costs by Over 20 %. Washington International Trade Association. URL: https://www.wita.org/atp-research/the-polar-silk-road/ (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Edstrøm, A., Hauksdóttir, G. R. T., & Lackenbauer, P. W. (2025, June 23). Cutting Through Narratives on Chinese Arctic Investments. Belfer Center for Science and International Affairs. URL: https://www.belfercenter.org/research-analysis/china-arctic-investments (дата обращения: 22.01.2026).

[3] Xinhua. (2025, October 15). Northern Sea Route Expected to See 20 Percent Cargo Volume Growth in 2025. Xinhua News. URL: https://english.news.cn/20251015/a04d0ac33e704e27ac40a1f3d966c319/c.html (дата обращения: 22.01.2026).

объема в 30 млн т[1]). Вместе с тем, без наращивания контейнерных перевозок не может быть обеспечено достижение целевых показателей грузооборота в 100 млн т к 2030 г.[2] и грузооборота между Китаем и Россией в 20 млн т. Рост перевозки контейнеров и генеральных грузов позволит СМП из локального маршрута превращаться в звено глобальной логистики.

Китайская арктическая стратегия была зафиксирована в Белой книге по Арктике (2018 г.), где развитие арктических морских путей обозначено как элемент инициативы «Один пояс, один путь». Теоретической основой служит концепция евразийской континентальной интеграции, согласно которой инфраструктурная связанность усиливает экономическое и политическое сотрудничество (Vinokurov, 2014; Bezrukov, 2019). Для Китая СМП одновременно выполняет экономическую (маршрут Шанхай — Гамбург через Арктику короче на 40 %)[3] и стратегическую функцию — снижает зависимость от узких мест Малаккского пролива, Персидского залива и Суэцкого канала (Schøyen & Bråthen, 2011; Joseph et al., 2021). Полярный шелковый путь, таким образом, не конкурирует, а дополняет традиционные направления, создавая резервные пути для мировой торговли. Современная китайская академическая дискуссия рассматривает арктическое судоходство не только как альтернативу Суэцкому каналу, но и как элемент более широкой системы конкурирующих и взаимодополняющих маршрутов между Арктикой, южными морскими путями и железнодорожными коридорами Китай — Европа (Zeng et al., 2020; Liu et al., 2024). В работах последних лет особое внимание уделяется экономико-экологической реализуемости контейнерных перевозок по СМП, влиянию ледовой обстановки и устойчивости мультимодальных транспортных решений в условиях климатических и инфраструктурных ограничений (Liu et al., 2024; Zhao et al., 2024).

Интерес Китая подкрепляется его инвестиционным и технологическим потенциалом: пилотные рейсы государственной судоходной компании KHP China Ocean Shipping Company (COSCO) в 2021 г. обеспечили экономию около 6900 тонн топлива на сумму более 9 млн долл.[4] Несмотря на сезонность навигации, Россия и Китай ориентируются на переход к круглогодичному судоходству с ледокольной проводкой (Melia et al., 2016; Aksenov et al., 2017; Zhang et al., 2023). Подписание 14 октября 2025 г. соглашения о совместном развитии СМП институционализировало «северный каркас» Полярного шелкового пути и закрепило СМП как альтернативу уязвимым маршрутам Индийского океана и Ближнего Востока (Zeng et al., 2020; Joseph et al., 2021; Zhao, 2024).

В условиях трансформации глобальной логистики и санкционного давления актуализируется задача формирования устойчивых и диверсифицированных транспортных связей России с внешними рынками, прежде всего в направлении АТР. Объектом исследования выступает система транспортно-логистического взаимодействия России и Китая в Арктике, предметом — механизмы формирования опорной транспортной сети в рамках сопряжения СМП и Полярного шелкового пути. Исследовательский вопрос заключается в том, каким образом конфигурация транспортного каркаса на основе сочетания широтных и меридианных коридоров может обеспечить устойчивость и эффективность грузоперевозок в условиях пространственной и институциональной неоднородности. Цель исследования — разработка концепции матричного транспортно-логистического каркаса, обеспечивающего интеграцию сухопутных и морских направлений. Для ее достижения решаются задачи анализа геоэкономических интересов сторон, оценки транспортно-логистического потенциала и разработки модели организации грузопотоков. Научная новизна заключается в обосновании опорной (матричной) сети, в которой пересечение широтной оси СМП с меридиональными направлениями, включая речные системы, формирует единую систему встречных грузопотоков и обеспечивает расширение доступа внутренних территорий к Мировому океану.

Методология и методы

Исследование базируется на количественном и качественном анализе международных статистических данных. Для оценки транспортно-логистического потенциала России и Китая использованы индексы ЮНКТАД: Liner Shipping Connectivity Index (LSCI) и Port Liner Shipping Connectivity Index (PLSCI). Данные получены

[1] Российская газета. (2026, 19 января). В 2025 году по Северному морскому пути перевезли свыше 37 миллионов тонн грузов: как меняется маршрут. URL: https://rg.ru/2026/01/19/led-tronulsia.html (дата обращения: 30.04.2026).

[2] Правительство Российской Федерации. (2021). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» (ред. от 06.11.2024). URL: http://docs.cntd.ru/document/727294161 (дата обращения: 22.01.2026).

[3] Ambrus Béla's Geopolitical Outlooks. (2025, October 19). The Polar Silk Road That Could Sideline the West. URL: https://ambrusbela.substack.com/p/the-polar-silk-road-that-could-sideline (дата обращения: 22.01.2026).

[4] WITA (The International Trade Association). (2025, October 19). The Polar Silk Road That Could Sideline the West — Reducing shipping time by 40 % and fuel costs by over 20 %. Washington International Trade Association. URL: https://www.wita.org/atp-research/the-polar-silk-road/ (дата обращения: 15.01.2026).

из базы UNCTADstat поквартально за 2006–2024 гг. Индексы отражают степень интеграции стран и портов в глобальные сети линейного судоходства (число сервисов и операторов, вместимость флота, наличие прямых линий). В работе сопоставляются уровни и динамика LSCI и PLSCI России и Китая, а также их позиции относительно других стран БРИКС. Дополнительно учитывались показатели контейнерооборота (TEU), однако индексы связанности выбраны как наиболее сопоставимый интегральный индикатор конкурентоспособности портовой инфраструктуры.

Методология исследования включает три ключевых подхода.

1. Сравнительный индексный анализ на основе метода EDAS (Evaluation Based on Distance from Average Solution). Проведено сопоставление LSCI и PLSCI России и Китая за 2006–2024 гг. Результаты показывают рост связанности российских портов, однако по абсолютным значениям Россия существенно уступает Китаю. Крупнейшие китайские порты (Шанхай, Нинбо) демонстрируют значения PLSCI порядка 2000 и выше, тогда как ни один российский порт не приближается к этим уровням; аналогичная асимметрия подтверждается показателями контейнерооборота.

2. Экспертно-аналитический анализ. Проанализированы научные публикации, аналитические отчеты и стратегические документы России[1] и Китая, включая Морскую доктрину РФ[2] и концепцию Полярного шелкового пути. Рассмотрены кейсы реализованных и нереализованных проектов («Ямал СПГ», Севсиб, Белкомур), что позволило выявить институциональные и финансовые ограничения развития СМП.

3. Концептуальное моделирование. Обобщена концепция мультимодального меридионального логистического каркаса «Китай — Транссиб — арктические порты — СМП — Китай».

Результаты

Сравнительный анализ транспортной связанности портов подтверждает ярко выраженную асимметрию между Китаем и Россией в уровне интеграции в глобальную морскую логистику (табл. 1).

По состоянию на 2024 г. Китай занимает первое место в мире по значению индекса линейной связанности морского судоходства (LSCI) — около 160 пунктов (база 2006 г. = 100), тогда как Россия находится во второй десятке стран с показателями порядка 50–60 пунктов. Это отражает принципиально различный уровень интеграции портовых систем: китайские порты являются ключевыми узлами глобальной морской логистики, в то время как российские в основном выполняют региональные функции и ограниченно включены в международные контейнерные цепочки.

Несоответствие уровней развития особенно наглядно на уровне индекса связанности портов (PLSCI). Крупнейший в мире контейнерный порт Шанхай имеет значение PLSCI свыше 2250 пунктов, порт Нинбо — около 1940 пунктов, что свидетельствует о высокой плотности океанских линий и частоте судозаходов. Для сравнения, крупнейшие российские порты Санкт-Петербург и Восточный уступают ведущим китайским портам на порядок. В совокупности портовая система России демонстрирует относительно низкие показатели международной линейной связанности среди стран G20. Это во многом связано с преобладанием фидерных перевозок, ориентированных на внутренние грузопотоки, что не исключает, а, напротив, предполагает потенциал для развития прямых магистральных морских сервисов и усиления интеграции в глобальные контейнерные потоки.

Это согласуется с устойчивой положительной динамикой развития матричного транспортно-логистического каркаса, формируемого за счет сопряжения широтных и меридианных коридоров. В 2006–2024 гг. совокупный показатель PLSCI российских портов вырос примерно на 61 %. Наиболее заметный рост пришелся на период после 2014–2015 гг. и связан с разворотом внешнеэкономических связей в восточном направлении и развитием Северного морского пути. Дополнительным фактором стала модернизация портовой инфраструктуры, включая ввод в эксплуатацию арктического порта Сабетта и рост контейнерооборота портов Дальнего Востока (Владивосток, Восточный) за счет переориентации грузов на АТР. В целом анализ PLSCI подтверждает целесообразность углубления интеграции России в глобальные морские сети через стратегическое партнерство с Китаем как ключевым логистическим актором.

Критическим элементом остается сопряжение СМП с сухопутной инфраструктурой. Отказ России от проекта Северо-Сибирской магистрали в 2025 г. из-за высокой стоимости (около 50 трлн р.) значительно снизил перспективы интеграции СМП с железнодорожной сетью Китая. Альтернативные проекты, включая Белкомур и развитие арктических портов Баренцева

[1] Правительство Российской Федерации. (2021, 27 ноября). Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (Распоряжение № 3363-р). URL: http://government.ru/docs/43948/ (дата обращения: 24.04.2026).

[2] Официальный интернет-портал правовой информации. (2022, 31 июля). Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации (Указ № 512). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207310001 (дата обращения: 24.04.2026).

Таблица 1

Роль России и Китая в формировании морского логистического потенциала стран БРИКС: сводная таблица исходных, нормализованных и агрегированных показателей

Table 1

The Role of Russia and China in Shaping the Maritime Logistics Potential of BRICS Countries: Summary Table of Initial, Normalized, and Aggregated Indicators

Страна	Доля судов под флагом, %	Контейнерный грузооборот портов, TEU	Судо-строение, GT	Индекс связанности портов	Сертифицированные моряки, чел.	SP_i	SN_i	AS_i (итог)	Ранг
Китай	5,48	246622680,00	26389617,20	1125,99	134294	5,4275	0,0000	1,0000	1
Индонезия	1,04	12422545,00	65905,80	216,85	143702	0,3284	0,3450	0,3542	2
Индия	0,54	18272042,60	38 912,20	298,21	113474	0,2094	0,3472	0,3421	3
Россия	0,74	4758066,20	181298,40	158,51	198123	0,4618	0,4544	0,3107	4
Бразилия	0,52	10940399,00	31471,60	129,03	26631	0,0000	0,6123	0,1876	5
ОАЭ	0,09	19140200,00	4232,00	285,32	7987	0,0205	0,6251	0,1829	6
Саудовская Аравия	0,30	9451045,00	0,00	238,46	6456	0,0000	0,6602	0,1632	7
Египет	0,06	7332233,40	2007,80	225,87	7021	0,0000	0,7391	0,1229	8
Иран	0,34	0,00	13459,00	58,40	17654	0,0000	0,8136	0,0849	9
ЮАР	0,02	4393129,60	280,00	110,70	3030	0,0000	0,8706	0,0558	10

Примечание: SP_i — суммарное положительное отклонение *i*-й альтернативы от среднего решения; SN_i — суммарное отрицательное отклонение; AS_i — интегральная оценка (оценочный показатель) альтернативы, рассчитываемая на основе нормированных значений отклонений.

Источник: составлено авторами на основе данных UNCTADstat: Value of Vessels by Ownership, Port Liner Shipping Connectivity Index (PLSCI), Seafarers, Shipbuilding. United Nations Conference on Trade and Development. URL: https://unctadstat.unctad.org (дата обращения: 28.01.2026).

моря, остаются потенциальными, но пока не реализованы[1].

В этих условиях возрастает значение развития мультимодальных схем «железная дорога — река», особенно в бассейнах Оби — Иртыша, Енисея, Лены и частично Амура. Наиболее развитым направлением является Обь–Иртышский бассейн, где Омск рассматривается как перспективный речной хаб для консолидации и распределения грузов. В ядро речного каркаса первого приоритета предлагается включить Омск, Приобье, Салехард — Лабытнанги, Красноярск, Лесосибирск, Усть-Кут (Осетрово), Якутск–Нижний Бестях и Дудинку. Эти узлы формируют три функциональных пояса: южные консолидационные входы с железнодорожной поддержкой (Омск, Красноярск, Осетрово), средние узлы сбора и распределения (Приобье, Лесосибирск, Якутск — Нижний Бестях), а также северные выходы к Арктике и Севморпути (Салехард — Лабытнанги по Обской губе и Дудинка по Енисею). В период 2026–2030 гг. развитие речных хабов и мультимодальных связок, включая потенциальные направления Китай — Казахстан — Иртыш — СМП, позволит расширить использование внутренних водных путей в транспортно-логистической системе и частично компенсировать ограничения сухопутной инфраструктуры, обеспечивая дополнительную устойчивость всей системы. Вместе с тем практическое использование внутренних водных путей ограничивается коротким навигационным периодом, сезонными колебаниями глубин, недостаточной пропускной способностью северных речных портов и ограниченной готовностью инфраструктуры к регулярной контейнерной обработке. Поэтому включение речного транспорта в матричный каркас возможно прежде всего как сезонного и компенсирующего звена при условии модернизации портовых мощностей, развития контейнерных терминалов и устойчивой стыковки речных хабов с железнодорожной инфраструктурой.

С практической точки зрения российско-китайское сотрудничество в Арктике соответствует модели взаимодополняемости. Россия обладает уникальными арктическими активами: крупнейшим ледокольным флотом (45 ледоколов, включая 8 атомных), опытом навигации во льдах и нормативной базой СМП (администрация СМП, требования к судам, услуги лоцманов и пр.). Китай, в свою очередь, является мировым лидером в судостроении и контейнерной логистике. Китайские верфи (Jiangnan, DSIC и др.) активно развивают компетенции в строительстве ледокольных судов[2].

Традиционно СМП ориентирован на сырьевые грузы: доля углеводородов превышает 80 %.

[1] Правительство Российской Федерации. (2008). Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ № 877-р, 17 июня 2008 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92060/ (дата обращения: 22.01.2026).

[2] Aker Arctic. (2019). Xue Long 2 — Polar scientific icebreaker. Retrieved January 22, 2026. URL: https://akerarctic.fi/reference/xue-long-2/

Однако зависимость от сырья ограничивает устойчивость маршрута. Контейнеризация могла бы выступать ключевым механизмом включения СМП в глобальные цепочки транспортировки товаров с высокой добавленной стоимостью (Boile et al., 2008). В 2022–2025 гг. торгово-транспортные связи России и Китая характеризуются выраженным контейнерным дисбалансом: импорт контейнеров из КНР значительно превышает экспорт в обратном направлении. В 2023 г. разрыв достиг почти 1 млн TEU, а в России скопилось до 150 тыс. пустых китайских контейнеров[1]. Это приводит к росту ставок на импортном направлении и удешевлению обратного фрахта (Комарова, Савинов, 2021; Неустроева, 2025). По данным отраслевых обзоров, осенью 2024 г. китайские операторы повышали тарифы на отправку контейнеров в Россию (надбавки до $400 за контейнер), прогнозируя рост ставок на 10 %[2]. Кроме того, возникает необходимость массового возврата порожних контейнеров.

Проблема возврата пустых контейнеров подробно изучена в логистике и транспортной экономике (Chupin et al., 2024; Cocuzza et al., 2025) и обусловлена географической и структурной асимметрией мировой торговли, при которой импортное плечо перегружено, экспортное недозагружено (Мартынова, 2023; Miler et al., 2023; Liu et al., 2024; Yu et al., 2024). Решение заключается в формировании замкнутых мультимодальных схем (Castrellon et al., 2023). В контексте СМП это меридианный маршрут Китай — Транссиб — арктические порты — СМП — Китай, позволяющий сократить порожний пробег, учитывать сезонность и интегрировать китайские сухие порты с российской железнодорожной, внутренней водной и арктической инфраструктурой (Wang & Chen, 2025). В перспективе такая модель способна обеспечить СМП устойчивым контейнерным грузопотоком и включить его в глобальную логистику.

Таким образом, формируется конфигурация матричного транспортно-логистического каркаса грузовых перевозок, обеспечивающего интеграцию сухопутных и морских коридоров России и Китая на основе сопряжения широтных и меридианных направлений (рис. 1). В отличие от международного транспортного коридора, который обычно описывает преимущественно линейное направление движения грузов, матричный транспортно-логистический каркас в данном исследовании понимается как система взаимосвязанных широтных и меридианных осей, узлов перевалки и перераспределения потоков, где СМП выступает не самостоятельным маршрутом, а северной опорной осью сети. От мультимодальной логистической сети данная концепция отличается акцентом не только на сочетании видов транспорта, но и на пространственной конфигурации каркаса, обеспечивающей формирование встречных грузопотоков, включение внутренних территорий и компенсацию сезонных и инфраструктурных ограничений Арктики.

Для аналитической наглядности сеть целесообразно разделить на три функционально взаимосвязанных звена: южное (китайско-российское сухопутное), центральное (внутриконтинентальное российское) и северное (арктико-морское) (табл. 2).

Южное звено логистической сети опирается на действующие железнодорожные маршруты, связывающие внутренние регионы Китая с Россией. Отправными пунктами являются сухие порты China Railway Express (Шицзячжуан, Чэнду, Чунцин, Сиань), откуда контейнерные грузы следуют по Транссибу через погранпереходы Забайкальск — Маньчжурия, Гродеково–Суйфэньхэ, Махалино — Хуньчунь, а также через Казахстан (Достык). В перспективе возможен выход через Алтай при реализации линии Таштагол — Урумчи. Потоки формируются преимущественно за счет экспорта Китая и транзита из стран ЮВА, консолидируемого в китайских логистических центрах.

Центральное звено выполняет функцию перераспределительного хаба, аккумулируя грузы для арктического направления. Наиболее перспективными зонами размещения являются Урал и Западная Сибирь (Екатеринбург, Тюмень). Связь с Арктикой обеспечивается через Северный широтный ход (выход на Сабетту), железнодорожные подходы к порту Индига и ветку Надым — Сабетта, формируя меридиональную логистическую ось.

Северное звено включает перевалку контейнеров в арктических портах и их морскую отправку по Северному морскому пути в Восточную Азию. Перевозки возможны как в круглогодичном режиме специализированными ледокольными контейнеровозами, так и сезонно судами классов Arc4–Arc7. Портами назначения выступают логистические центры Китая, прежде всего Далянь, а при экономической целесообразности — Шанхай и Нинбо.

Обсуждение

Предложенная матричная модель коррелирует с глобальными тенденциями развития

[1] Logistics Update Africa. (2023, September 29). 150,000 Containers Stuck in Russia: Container xChange. URL: https://www.logupdateafrica.com/shipping/150000-containers-stuck-in-russia-container-xchange-1349920 (дата обращения: 22.01.2026).

[2] Atlas Network. (2024). Russia Drowning in Chinese Containers, but Rates May Grow by 10 Per Cent. URL: https://atlas-network.com/russia-drowning-in-chinese-containers-but-rates-may-grow-by-10-per-cent/ (дата обращения: 22.01.2026).

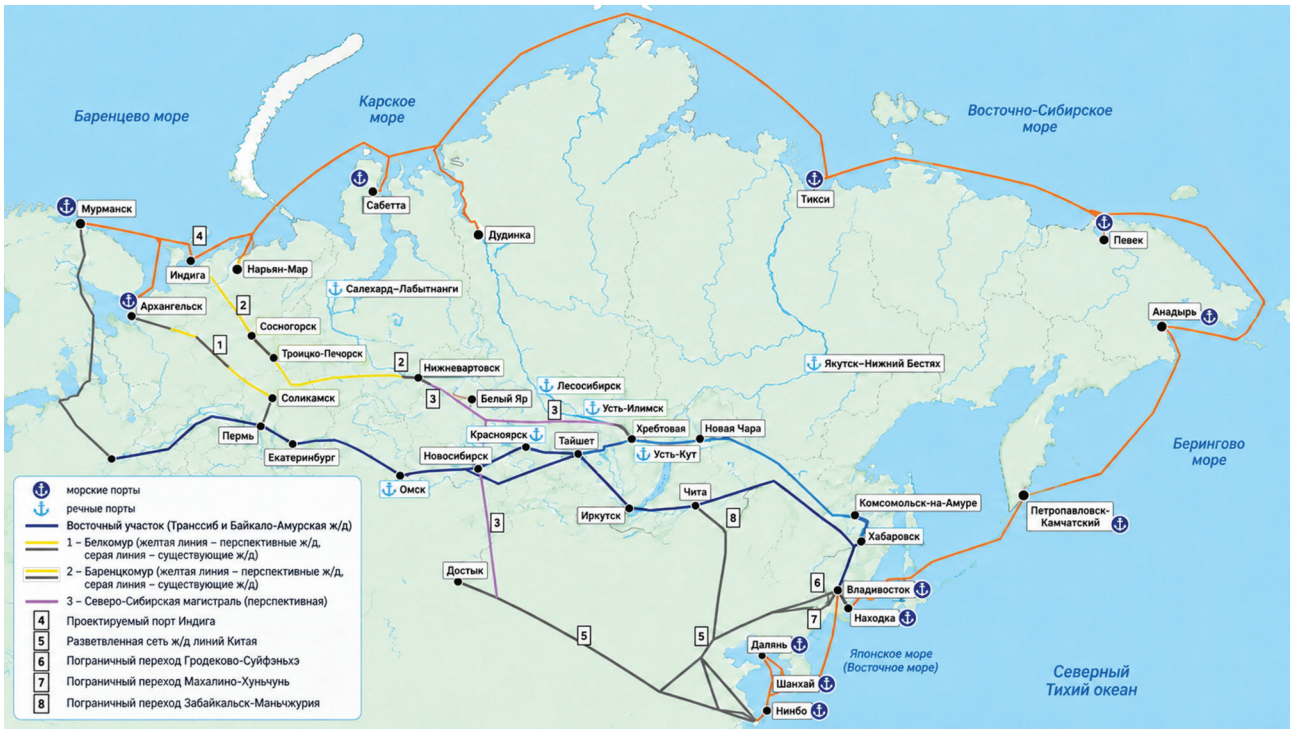

Рис. 1. Схема мультимодальной меридианной сети (источник: составлено авторами)
Fig. 1. Diagram of the Multimodal Meridian Network (source: compiled by the authors)

Таблица 2

Функциональные звенья мультимодальной меридианной сети

Table 2

Functional Components of the Multimodal Meridional Network

Звено	Пространственная зона	Основные виды транспорта	Ключевые узлы и направления	Характер грузопотоков
Южное	Внутренние районы Китая — Россия	Железнодорожный	Шицзячжуан, Чэнду, Чунцин, Сиань — Транссиб (Наушки, Забайкальск) / через Казахстан (Достык)	Экспорт КНР; транзит ЮВА
Центральное	Центральная, Западно-Сибирская Россия	Железнодорожный, речной, автомобильный	Екатеринбург, Тюмень; Обь-Иртышский бассейн; Северный широтный ход	Консолидация и перераспределение
Северное	Арктические порты — Восточная Азия	Морской (СМП)	Сабетта, Мурманск, Индига — Далянь, Циндао, Шанхай, Нинбо	Экспорт РФ и Евразии; транзит ЕС — Азия

Источник: составлено авторами

мультимодальных транспортных систем и сетевых логистических решений, применяемых в крупнейших мировых коридорах (например, в азиатско-европейских цепочках поставок). Однако, в отличие от традиционных линейных маршрутов, она учитывает специфику Арктики и проблему асимметрии грузопотоков, предлагая механизм ее компенсации через встречные потоки. Матричный транспортно-логистический каркас соотносится с подходами к усилению связанности экономического пространства, однако сама по себе связанность не гарантирует экономической эффективности без устойчивой грузовой базы, институциональной согласованности и сбалансированной тарифной среды (Крюков, Коломак, 2021; Данилова и др., 2022). Ключевым ограничением является допущение о синхронном развитии широтных и меридианных направлений. В арктических условиях транспортная система определяется сезонностью, природно-климатическими ограничениями и высокой капиталоемкостью инфраструктуры, что приводит к рискам недозагрузки отдельных элементов каркаса (Агарков, Иванова, 2024). Дополнительно сохраняется неопределенность формирования устойчивых грузопотоков и центров экономической активности, от которых зависит фактическая эффективность транспортных осей (Филимонова и др., 2023).

Ресурсная специализация Арктики и экологические ограничения сужают вариативность логистических решений (Цзиэр, Боярко, 2025), а выбор маршрутов определяется не только расстоянием, но и совокупными издержками, устойчивостью и экологическими рисками

(Potravny et al., 2022). При этом сохраняется конкуренция с альтернативными маршрутами, прежде всего южными морскими и сухопутными коридорами, обладающими более стабильными условиями эксплуатации.

В результате предложенный подход уязвим с точки зрения сезонности, инфраструктурных разрывов, институциональных факторов и нестабильности грузовой базы, что требует дополнительной проработки механизмов синхронизации развития каркаса и обеспечения его практической реализуемости.

Выводы

В условиях санкционного давления для России критически важным становится не только повышение конкурентоспособности экспортной продукции, но и формирование устойчивых, диверсифицированных каналов ее вывода на внешние рынки. В этой логике развитие транспортной системы Арктики следует рассматривать через призму формирования опорной (каркасной) сети, в которой ключевую роль играет меридионально организованная система грузовых перевозок, интегрированная в связку Северного морского пути и Полярного шелкового пути.

Важным элементом такого каркаса выступает развитая речная сеть, способная расширить пространственный охват каркаса, выступая естественными меридиональными коридорами и предоставляя дополнительный доступ внутренних регионов к акватории Северного Ледовитого океана и далее к мировому океану. Однако необходимо учитывать ограниченные возможности речных магистралей из-за климатических условий.

Наряду с полученными аналитическими результатами, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд практико-управленческих выводов, относящихся к развитию транспортной связанности, укреплению грузовой базы и преодолению инфраструктурных ограничений.

Развитие СМП требует масштабных инвестиций — до 1,5 трлн р. к 2030 г. (оценка Росатома). Помимо бюджетных средств, предполагается рост роли частного и иностранного капитала: Китай и ОАЭ выражают готовность инвестировать в инфраструктуру, включая арктические контейнерные линии (совместные проекты Росатома, DP World и китайских операторов)[1]. Крупные игроки (COSCO, China Merchants, DP World) готовы участвовать при условии льготного ледокольного сопровождения.

Из полученных результатов следует, что реализация матричной модели требует благоприятной регуляторной среды как неотъемлемого условия реализации матричной модели перевозок и эффективного функционирования СМП. В частности, требуется внедрение комплекса мер, направленных на снижение административных и транзакционных барьеров: установление преференциальных тарифов для участников перевозок, упрощение таможенных процедур на основе принципа «единого окна», а также развитие механизмов Арктической особой экономической зоны. Существенное значение имеет и согласованное международное продвижение СМП как конкурентоспособного транспортного коридора на глобальном уровне. Реализация указанных мер возможна только при системной координации на межгосударственном уровне, прежде всего между правительствами и государственными корпорациями России и Китая, что обеспечивает институциональную устойчивость, инвестиционную привлекательность и интеграцию СМП в мировую транспортно-логистическую систему.

Развитие Северного морского пути в рамках транспортной интеграции России и Китая требует стратегической координации. Различия в ресурсной и технологической базе формируют основу комплементарного сотрудничества: Россия обладает арктическими компетенциями и контролем над маршрутом, Китай — развитой судостроительной и логистической инфраструктурой. Совместно стороны способны превратить СМП в устойчивую альтернативу традиционным морским путям. Для этого необходимы инвестиции в морские и речные порты, железнодорожные связи, арктический флот и нормативную базу. Ключевым условием реализации проектов остается совпадение долгосрочных экономических интересов, усиленное включением СМП в инициативу «Пояс и путь» и развитием контейнерной логистики.

[1] News.ru. (2025, 11 декабря). Иностранные инвесторы хотят вложиться в развитие Севморпути. URL: https://news.ru/economics/inostrannye-investory-hotyat-vlozhitsya-v-razvitie-sevmorputi (дата обращения: 22.01.2026).

Список источников

Агарков, С. А., Иванова, М. В. (2024). Пространственные аспекты устойчивого освоения арктических топливно-энергетических ресурсов в условиях нового мирового порядка: глобальные вызовы и решения. *Арктика и Север,* (56), 5–31. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.5

Данилова, И. В., Савельева, И. П., Резепин, А. В. (2022). Влияние межтерриториальной связанности на развитие экономического пространства регионов. *Экономика региона, 18* (1), 31–48. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-3

Кашка, М. М., Ирлица, Л. А., Ефанская, Е. А., Матвиишина, К. А., Головинский, С. А. (2021). Роль атомного ледокольного флота в достижении национальной задачи по увеличению объема грузопотока в акватории Северного морского пути. *Арктика: экология и экономика, 11* (1), 101–110. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-101-110

Комарова, Е. Д., Савинов, Ю. А. (2021). Проблемы контейнерных перевозок внешнеторговых грузов Китая. *Российский внешнеэкономический вестник,* (11), 124–132. http://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-11-124-132

Крюков, В. А., Коломак, Е. А. (2021). Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению. Научные труды Вольного экономического общества России, (1), 92–114. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114

Мартынова, Е. (2023). Международные транспортные коридоры как фактор формирования Большого Евразийского партнерства. *Россия и новые государства Евразии,* (3(60)), 68–77. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77

Неустроева, А. Р. (2025). Проблемы и перспективы развития контейнерных перевозок между Россией и Китаем. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 30* (30), 370–382. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.73.99.024

Сюй, П., Чжао, Х. (2025). Геоэкономические приоритеты и новые акценты партнерства России и Китая в меняющемся мировом порядке. *Экономика региона, 21* (3), 599–609. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2

Филимонова, И. В., Иванова, М. В., Кузнецова, Е. А., Козьменко, А. С. (2023). Оценка эффективности организации новых центров экономического роста в Арктике. *Арктика и Север,* (50), 66–88. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.66

Цзиэр, Ч., Боярко, Г. Ю. (2025). Проблемы и перспективы освоения ниобий-редкоземельного месторождения Томтор в Арктической зоне России: эколого-экономические аспекты. *Арктика: экология и экономика, 15* (2(58)), 226–237. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2025-2-226-237

Abdella, M., Hendricks, C., & Hua, X. (2025). *Routing-method effects on distance, time, fuel, and emissions in Europe–Asia trade: A comparison of the Suez, Cape, and Northern Sea Route corridors* (arXiv:2512.01076). arXiv. https://arxiv.org/abs/2512.01076 (дата обращения: 22.01.2026).

Aksenov, Y., Popova, E. E., Yool, A., & Nurser, A. J. G. (2017). On the future navigability of Arctic sea routes: High-resolution projections of the Arctic Ocean and sea ice. *Marine Policy, 75,* 300–317. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.12.027

Berkman, P. A., Vylegzhanin, A. N., & Young, O. R. (2016). Governing the Bering Strait Region: Current status, emerging issues and future options. *Ocean Development & International Law, 47* (2), 186–217. https://doi.org/10.1080/00908320.2016.1159091

Bezrukov, L. (2019). Eurasian continental integration: Prerequisites and difficulties. *Central Asian Cooperation Review, 20* (4), 7–18. https://doi.org/ 0.37178/ca-c.20.4.01

Boile, M., Theofanis, S., & Mittal, N. (2008). Empty marine container logistics: Facts, issues and management strategies. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review, 44* (2), 193–219. https://doi.org/10.1016/j.tre.2006.12.003

Castrellon, J. P., Sanchez-Diaz, I., Roso, V., Altuntas-Vural, C., Rogerson, S., & Santén, V. (2023). Assessing the eco-efficiency benefits of empty container repositioning strategies via dry ports. *Transportation Research Part D: Transport and Environment, 119,* 103778. https://doi.org/10.1016/j.trd.2023.103778

Cocuzza, E., Ignaccolo, M., Marinacci, C., Ricci, S., Twrdy, E., & Zanne, M. (2025). Sustainable strategies for ports and maritime logistics: A methodological approach to green transition. *Sustainability, 17* (13), 5739. https://doi.org/10.3390/su17135739

Cullinane, K., & Khanna, M. (2000). Economies of scale in large containerships: optimal size and geographical implications. *Journal of Transport Geography, 8* (3), 181–195. https://doi.org/10.1016/S0966-6923(00)00010-7

Chupin, A., Morkovkin, D., Bolsunovskaya, M., Boyko, A., & Leksashov, A. (2024). Techno-economic sustainability potential of large-scale systems: Forecasting intermodal freight transportation volumes. *Sustainability, 16* (3), 1265. https://doi.org/10.3390/su16031265

Havnes, H. (2020). The Polar Silk Road and China's role in Arctic governance. *Journal of Infrastructure, Policy and Development, 4* (1). https://doi.org/10.24294/jipd.v4i1.1166

Joseph, L., Giles, T., Nishatabbas, R., & Smith, T. (2021). A techno-economic environmental cost model for Arctic shipping. *Transportation Research Part A: Policy and Practice, 151,* 28–51. https://doi.org/10.1016/j.tra.2021.06.022

Li, W., Gao, F., & Guo, P. (2025). China–Russia cooperation in Arctic governance and sustainable development: A conference report from the 13th China–Russia Arctic Workshop. *Marine Policy, 175,* 106649. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2025.106649

Liu, C., Fan, H., Zhang, X., Fan, H., & Miao, H. (2024). Impact of the Primorsky International Transport Corridor on the hinterland competition between ports in Northeast China and Russian Far East. *Research in Transportation Business & Management, 52,* 101084. https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2023.101084

Liu, N., & Solski, J. J. (2022). The Polar Silk Road and the future governance of the Northern Sea Route. *Leiden Journal of International Law, 35*(4), 1–14. https://doi.org/10.1017/S0922156522000516

Melia, N., Haines, K., & Hawkins, E. (2016). Sea ice decline and 21st century trans-Arctic shipping routes. *Geophysical Research Letters, 43*(18), 9720–9728. https://doi.org/10.1002/2016GL069315

Miler, R. K., Wach-Kloskowska, M., & Akoel, A. (2023). Determinants of further development and management of modern global maritime containerization (Redefinition after Covid-19 and war in Ukraine). *The Business and Management Review, 14*(1), 29–40. https://doi.org/10.24052/BMR/V14NU01/ART-04

Potravny, I., Novoselov, A., Novoselova, I., Chávez Ferreyra, K. Y., & Gassiy, V. (2022). Route selection for Minerals' transportation to ensure sustainability of the Arctic. *Sustainability, 14*(23), 16039. https://doi.org/10.3390/su142316039

Schøyen, H., & Bråthen, S. (2011). The Northern Sea Route versus the Suez Canal: cases from bulk shipping. *Journal of Transport Geography, 19*(4), 977–983. https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2011.03.003

Stopford, M. (2009). *Maritime economics (3rd ed.).* London: Routledge, 840. https://doi.org/10.4324/9780203891742

Vinokurov, E. (2014). Emerging Eurasian continental integration: Trade, investment, and infrastructure. *Global Journal of Emerging Market Economies, 6*(1), 69–93. https://doi.org/10.1177/0974910113511194

Wang, G., & Chen, M. (2025). Performance evaluation and strategic analysis of logistics development for China Railway Express: A spatial connectivity perspective. *Systems, 13*(3), 166. https://doi.org/10.3390/systems13030166

Yu, Q., Xiao, Y., Wang, G., & Cui, D. (2024). Sustainable development of the China Railway Express under the Belt and Road Initiative: Focusing on infrastructure reliability and trade facilitation. *Sustainability, 16*(18), 8167. https://doi.org/10.3390/su16188167

Zeng, Q., Lu, T., Lin, K.-C., Yuen, K. F., & Li, K. X. (2020). The competitiveness of Arctic shipping over Suez Canal and China–Europe railway. *Transport Policy, 86,* 34–43. https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2019.11.005

Zhang, Y., Sun, X., Zha, Y., Wang, K., & Chen, C. (2023). Changing Arctic Northern Sea Route and Transpolar Sea Route: A prediction of route changes and navigation potential before Mid-21st Century. *Journal of Marine Science and Engineering, 11*(12), 2340. https://doi.org/10.3390/jmse11122340

Zhao, Y., Liu, S., Zhou, J., & Ma, Y. (2024). Economic and environmental feasibility of the Northern Sea Route for container service: impact by ice-besetting events. *Maritime Policy & Management, 51*(1), 50–73. https://doi.org/10.1080/03088839.2022.2084789

References

Abdella, M., Hendricks, C., & Hua, X. (2025). *Routing-Method Effects on Distance, Time, Fuel, and Emissions in Europe–Asia Trade: A Comparison of the Suez, Cape, and Northern Sea Route Corridors* (arXiv:2512.01076). arXiv. https://arxiv.org/abs/2512.01076 (Date of access: 22.01.2026).

Agarkov, S. A., & Ivanova, M. V. (2024). Spatial Aspects of Sustainable Development of Arctic Fuel-Energy Resources in the New World Order: Global Challenges and Solutions. *Arktika i Sever [Arctic and North],* (56), 5–31. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.5 (In Russ.)

Aksenov, Y., Popova, E. E., Yool, A., & Nurser, A. J. G. (2017). On the Future Navigability of Arctic Sea Routes: High-Resolution Projections of the Arctic Ocean and Sea Ice. *Marine Policy, 75,* 300–317. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.12.027

Berkman, P. A., Vylegzhanin, A. N., & Young, O. R. (2016). Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options. *Ocean Development & International Law, 47*(2), 186–217. https://doi.org/10.1080/00908320.2016.1159091

Bezrukov, L. (2019). Eurasian Continental Integration: Prerequisites and Difficulties. *Central Asian Cooperation Review, 20*(4), 7–18. https://doi.org/ 0.37178/ca-c.20.4.01

Boile, M., Theofanis, S., & Mittal, N. (2008). Empty Marine Container Logistics: Facts, Issues and Management Strategies. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review, 44*(2), 193–219. https://doi.org/10.1016/j.tre.2006.12.003

Castrellon, J. P., Sanchez-Diaz, I., Roso, V., Altuntas-Vural, C., Rogerson, S., & Santén, V. (2023). Assessing the Eco-Efficiency Benefits of Empty Container Repositioning Strategies via Dry Ports. *Transportation Research Part D: Transport and Environment, 119,* 103778. https://doi.org/10.1016/j.trd.2023.103778

Cocuzza, E., Ignaccolo, M., Marinacci, C., Ricci, S., Twrdy, E., & Zanne, M. (2025). Sustainable Strategies for Ports and Maritime Logistics: A Methodological Approach to Green Transition. *Sustainability, 17*(13), 5739. https://doi.org/10.3390/su17135739

Cullinane, K., & Khanna, M. (2000). Economies of Scale in Large Containerships: Optimal Size and Geographical Implications. *Journal of Transport Geography, 8*(3), 181–195. https://doi.org/10.1016/S0966-6923(00)00010-7

Chupin, A., Morkovkin, D., Bolsunovskaya, M., Boyko, A., & Leksashov, A. (2024). Techno-Economic Sustainability Potential of Large-Scale Systems: Forecasting Intermodal Freight Transportation Volumes. *Sustainability, 16*(3), 1265. https://doi.org/10.3390/su16031265

Danilova, I. V., Savelyeva, I. P., & Rezepin, A. V. (2022). Impact of Inter-Territorial Cohesion on the Development of Regional Economic Spaces. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 18*(1), 31–48. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-3 (In Russ.)

Filimonova, I. V., Ivanova, M. V., Kuznetsova, E. A., & Koz'menko, A. S. (2023). Assessment of Effectiveness of New Economic Growth Centers in the Arctic. *Arktika i Sever [Arctic and North],* (50), 66–88. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.66 (In Russ.)

Havnes, H. (2020). The Polar Silk Road and China's Role in Arctic Governance. *Journal of Infrastructure, Policy and Development, 4* (1). https://doi.org/10.24294/jipd.v4i1.1166

Jier, Zh., & Boyarko, G. Yu. (2025). Development Problems and Prospects of the Tomtor Niobium-Rare Earth Deposit in the Arctic Zone of Russia: Ecological and Economic Aspects. *Arktika: Ekologiya i Ekonomika [Arctic Ecology and Economy], 15* (2(58)), 226–237. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2025-2-226-237 (In Russ.)

Joseph, L., Giles, T., Nishatabbas, R., & Smith, T. (2021). A Techno-Economic Environmental Cost Model for Arctic Shipping. *Transportation Research Part A: Policy and Practice, 151,* 28–51. https://doi.org/10.1016/j.tra.2021.06.022

Kashka, M. M., Irlitsa, L. A., Efanskaya, E. A., Matviishina, K. A., & Golovinskiy, S. A. (2021). The Role of the Nuclear Icebreaker Fleet in Achieving the Russian Nation's Objective of Increasing the Volume of Cargo Flow in the Waters of the Northern Sea Route. *Arktika: Ekologiya i Ekonomika [Arctic Ecology and Economy], 11* (1), 101–110. https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-101-110 (In Russ.)

Komarova, E. D., & Savinov, Yu. A. (2021). Container Transport Problems in China's Foreign Trade. *Rossiiskii Vneshchneekonomicheskii Vestnik [Russian Foreign Economic Journal],* (11), 124–132. http://doi.org/10.24412/2072-8042-2021-11-124-132 (In Russ.)

Kryukov, V. A., & Kolomak, E. A. (2021). Spatial Development of Russia: Main Problems and Approaches to the Solution. *Nauchnye Trudy Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva Rossii [VEO of Russia],* (1), 92–114. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114 (In Russ.)

Li, W., Gao, F., & Guo, P. (2025). China–Russia Cooperation in Arctic Governance and Sustainable Development: A Conference Report from the 13th China–Russia Arctic Workshop. *Marine Policy, 175,* 106649. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2025.106649

Liu, C., Fan, H., Zhang, X., Fan, H., & Miao, H. (2024). Impact of the Primorsky International Transport Corridor on the Hinterland Competition Between Ports in Northeast China and Russian Far East. *Research in Transportation Business & Management, 52,* 101084. https://doi.org/10.1016/j.rtbm.2023.101084

Liu, N., & Solski, J. J. (2022). The Polar Silk Road and the Future Governance of the Northern Sea Route. *Leiden Journal of International Law, 35* (4), 1–14. https://doi.org/10.1017/S0922156522000516

Martynova, E. (2023). International Transport Corridors as a Factor in Forming the Greater Eurasian Partnership. *Rossiya i Novye Gosudarstva Evrazii [Russia and New States of Eurasia],* (3(60)), 68–77. https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-68-77 (In Russ.)

Melia, N., Haines, K., & Hawkins, E. (2016). Sea ice decline and 21st century trans-Arctic shipping routes. *Geophysical Research Letters, 43* (18), 9720–9728. https://doi.org/10.1002/2016GL069315

Miler, R. K., Wach-Kloskowska, M., & Akoel, A. (2023). Determinants of Further Development and Management of Modern Global Maritime Containerization (Redefinition after Covid-19 and War in Ukraine). *The Business and Management Review, 14* (1), 29–40. https://doi.org/10.24052/BMR/V14NU01/ART-04

Neustroeva, A. R. (2025). Problems and Prospects for the Development of Container Transportation Between Russia and China. *Kitai v Mirovoi i Regional'noi Politike. Istoriya i Sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 30* (30), 370–382. https://doi.org/10.48647/ICCA.2025.73.99.024 (In Russ.)

Potravny, I., Novoselov, A., Novoselova, I., Chávez Ferreyra, K. Y., & Gassiy, V. (2022). Route Selection for Minerals' Transportation to Ensure Sustainability of the Arctic. *Sustainability, 14* (23), 16039. https://doi.org/10.3390/su142316039

Schøyen, H., & Bråthen, S. (2011). The Northern Sea Route Versus the Suez Canal: Cases from Bulk Shipping. *Journal of Transport Geography, 19* (4), 977–983. https://doi.org/10.1016/j.jtrangeo.2011.03.003

Stopford, M. (2009). *Maritime Economics (3rd ed.).* London: Routledge, 840. https://doi.org/10.4324/9780203891742

Vinokurov, E. (2014). Emerging Eurasian Continental Integration: Trade, Investment, and Infrastructure. *Global Journal of Emerging Market Economies, 6* (1), 69–93. https://doi.org/10.1177/0974910113511194

Wang, G., & Chen, M. (2025). Performance Evaluation and Strategic Analysis of Logistics Development for China Railway Express: A Spatial Connectivity Perspective. *Systems, 13* (3), 166. https://doi.org/10.3390/systems13030166

Xu, P., & Zhao, H. (2025). Geo-Economic Priorities and New Emphasis in the Partnership Between China and Russia in Changing World Order. *Ekonomika Regiona [Economy of Regions], 21* (3), 599–609. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-2

Yu, Q., Xiao, Y., Wang, G., & Cui, D. (2024). Sustainable Development of the China Railway Express under the Belt and Road Initiative: Focusing on Infrastructure Reliability and Trade Facilitation. *Sustainability, 16* (18), 8167. https://doi.org/10.3390/su16188167

Zeng, Q., Lu, T., Lin, K.-C., Yuen, K. F., & Li, K. X. (2020). The Competitiveness of Arctic Shipping over Suez Canal and China–Europe Railway. *Transport Policy, 86,* 34–43. https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2019.11.005

Zhang, Y., Sun, X., Zha, Y., Wang, K., & Chen, C. (2023). Changing Arctic Northern Sea Route and Transpolar Sea Route: A Prediction of Route Changes and Navigation Potential Before Mid-21st Century. *Journal of Marine Science and Engineering, 11* (12), 2340. https://doi.org/10.3390/jmse11122340

Zhao, Y., Liu, S., Zhou, J., & Ma, Y. (2024). Economic and Environmental Feasibility of the Northern Sea Route for Container Service: Impact by Ice-Besetting Events. *Maritime Policy & Management, 51* (1), 50–73. https://doi.org/10.1080/03088839.2022.2084789

Информация об авторах

Ганьшина Елена Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры общего и проектного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; https://orcid.org/0000-0002-0162-6545 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; e-mail: eyganshina@fa.ru).

Крупнов Юрий Александрович — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры общего и проектного менеджмента, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; https://orcid.org/0000-0002-9524-3747 (Российская Федерация, 125167, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49/2; e-mail: yakrupnov@fa.ru).

About the authors

Elena Yu. Ganshina — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of General and Project Management, Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0002-0162-6545 (49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: eyganshina@fa.ru).

Yuri A. Krupnov — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of General and Project Management, Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0002-9524-3747 (49/2, Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russian Federation; e-mail: yakrupnov@fa.ru).

Использование средств ИИ

Авторы заявляют о том, что при написании этой статьи не применялись средства генеративного искусственного интеллекта.

Use of AI tools declaration

The authors declare that they have not used Artificial Intelligence (AI) tools for the creation of this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 28.01.2026.
Прошла рецензирование: 06.04.2026.
Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 28 Jan 2026.
Reviewed: 06 Apr 2026.
Accepted: 03 Jul 2026.